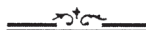

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

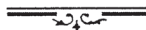
ДОСТОЕВСКИЙ

—

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

22

НЕСТОР-ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
Д70

Очередной 22-й сборник периодического научного издания «Достоевский. Материалы и исследования» охватывает широкий круг вопросов, связанных с историей создания произведений писателя в контексте русской и мировой литературы и философии: о влиянии на творчество Достоевского произведений русских и иностранных авторов (И. И. Евлампиев, Н. В. Цветкова, А. В. Тоичкина, Т. Б. Трофимова-Шифф, А. В. Отливанчик, С. С. Бытко, И. Зохран), о восприятии произведений писателя Н. Уэстом (И. В. Львова), о прототипах персонажей Достоевского (В. А. Викторovich, Т. Н. Никитин). В томе содержатся новые трактовки «Поэмы о Великом инквизиторе» (Р. Джулиани) и «Речи о Пушкине» (Н. Ф. Буданова), сведения биографического характера (О. Л. Фетисенко, Н. Н. Богданов, О. А. Максимов). Исследованию стенограмм жены писателя А. Г. Достоевской посвящены работы И. С. Андриановой и И. А. Кравчука. Рассмотрению проблем создания цифрового архива писателя посвящена статья И. В. Кошкинко. Текстологический раздел сборника содержит работы С. В. Березкиной, К. А. Баршта, В. И. Симанкова, В. М. Димитриева. В разделе «Публикации» содержатся письма Я. Л. Бабушкина и О. И. Ильинской к Г. М. Фридлиндеру, уточненный текст письма П. А. Карпина к Достоевскому от 5 сентября 1844 г. и новые сведения об истории создания «Хроники рода Достоевского» Н. В. Волоцкого.

Ссылки на произведения и письма Достоевского даются в тексте по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990 (арабскими цифрами указываются номер тома и страницы).

Ответственные редакторы: *К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова*

Редколлегия: В. Е. Багно, В. Д. Рак, К. А. Баршт,
Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович

Рецензенты: С. Н. Гуськов, В. А. Котельников

Серия основана в 1974 г.

ISBN 978-5-4469-1628-3

© Российская академия наук и издательство «Нестор-История», серия «Достоевский. Материалы и исследования» (разработка, оформление), 1974 (год основания), 2019

СТАТЬИ

И. И. ЕВЛАМПИЕВ*

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И МИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО¹

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, мистическая философия, совершенство человека, бессмертие, иные миры.

В статье подробно анализируются идеи В. Ф. Одоевского, оказавшие существенное влияние на философское мировоззрение Ф. М. Достоевского: идея взаимосвязи человека со всем бесконечным миром и мистического влияния на мир, мысль о приоритете интуиции над разумом в познании, представление о постепенном раскрытии в человеке божественного совершенства и божественного могущества. Особенно подчеркивается совпадение представлений о бессмертии в воззрениях Одоевского и Достоевского: смерть — это не абсолютное прекращение земного существования, а переход в иной мир, подобный земному, где человеку предстоит продолжить свою борьбу за совершенство.

Факт тесного дружеского общения В. Ф. Одоевского и Ф. М. Достоевского хорошо известен и отражен в воспоминаниях множества людей, знавших обоих писателей. Не вызывает сомнений и большой интерес Достоевского к творчеству Одоевского. В связи с этим выглядит достаточно странным, что проблема влияния «русского Фауста», как называли Одоевского, на Достоевского очень слабо разработана в современной литературе, причем существующие исследования посвящены исключительно анализу параллелей между конкретными произведениями писателей и не затрагивают проблему общности философских идей². Оче-

---

* Игорь Иванович Евлампиев, д-р филос. наук, проф. Института философии СПбГУ — yevlampiev@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18–011–90003 «Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. Достоевского и в русской и европейской философии и литературе XIX — начала XX века».

² См.: *Назирова Р. Г.* Владимир Одоевский и Достоевский // Русская литература. 1974. № 3. С. 203–206; *Итокава К.* Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: Обзор истории сравнительного исследования их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творческой связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания». Гумма, 1987 (библиография: С. 41–46); *Фридендер Г. М.* О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы

видно, что Достоевский, постоянно стремившийся к насыщению своих художественных произведений философскими смыслами, не мог не заинтересоваться целостным и оригинальным мировоззрением своего старшего современника. Учитывая, что сходство некоторых философских размышлений Одоевского и Достоевского буквально бросается в глаза³, представляется насущно необходимым детальное рассмотрение именно идейного взаимодействия между двумя писателями.

Одоевского традиционно рассматривают как представителя русского романтизма, однако его творчество существенно выделяется на фоне общего романтического движения, как русского, так и европейского. В Россию романтизм пришел первоначально как чисто художественный стиль, философские идеи, связанные с ним, получили распространение в основном в той форме, которую им придали немецкие философы начала XIX в. — И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель и др. Но в творчестве Одоевского на первый план выходят именно философские новации романтизма, органично соединившиеся с идеями немецкой философии той эпохи (прежде всего Шеллинга).

Самая яркая тенденция философии Одоевского — протест против чрезмерного рационализма, который был свойственен просветительской идеологии и научному сознанию конца XVIII — начала XIX в. При всем его интересе к науке и при положительном отношении к техническому прогрессу он полагает, что разум — это только второстепенная способность нашего сознания, а самой главной способностью является интуиция, для обозначения которой Одоевский использует термин «инстинктуальная сила». Интуиция — это непосредственное проникновение в сущность явлений; будучи главной формой отношения нашего сознания к реальности, интуиция должна руководить разумом. Ее наиболее непосредственное выражение, по Одоевскому, дает искусство, «поэзия», в широком смысле этого термина. Но самое важное применение интуиция имеет в философии; если она в этой сфере придет в гармонию с разумом, то породит *окончательную* философию, которая даст полное и глубокое проникновение сознания в сущность мира, человека и Бога. «Все умозрительные системы суть произведения инстинктуальной силы, или самопобуждения, все эмпирические — разума. Совершеннейшая система (о чем недавно догадались) должна быть соединением того и другого; такая система есть высшая философия и вместе высшая поэзия; она в настоящую эпоху еще недостижима; но мы имеем

и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 7–26; Турьян М. А. Русский «фантастический реализм». СПб., 2013. С. 5–18, 124–133, 231–243; Гонсалес А. А. «Живой мертвец» и «Двойник», еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2016. Вып. 4. С. 170–183.

³ Впервые это заметил В. В. Розанов, однако в качестве примера он использовал только рассуждения о смысле карточной игры и о спиритизме из «Дневника писателя» Достоевского (см.: *Розанов В. В.* Чаадаев и кн. Одоевский // Чаадаев: Pro et contra. СПб., 1998. С. 363–364).

в ней нужду — и оттого поэзия так успокаивает дух наш, оттого поэзия, как говорят, миротворительница; она есть предвестник того состояния человечества, когда все недоразумения и споры прекратятся и человечество перестанет *достигать* и начнет пользоваться достигнутым»⁴.

Как видно из этого высказывания, даже в соединении интуиции и разума интуиция должна играть ведущую роль, поэтому высшая и окончательная форма философии должна быть высшей поэзией. Здесь напрашивается очевидное сопоставление с определением философии в одном из писем молодого Достоевского: «...поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след<овательно>, исполняет назначение философии. След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» (28₁, 54).

На основании сформулированного тезиса Одоевский признает традиционную философию, излагаемую в научных трактатах, только подготовительной ступенью к высшей философии, которая должна быть выражена в художественных текстах, должна иметь форму *философской прозы*. Именно в этом можно видеть характерное отличие творчества Одоевского от творчества как русских, так и немецких романтиков, для которых художественные задачи всегда занимали главное место, отодвигая философские идеи на второй план. Итогом попытки Одоевского создать особую форму художественной философии стал его роман «Русские ночи» (1844); именно в качестве создателя этого произведения Одоевский вошел в историю русской культуры первой половины XIX в. и повлиял на всех русских писателей своей эпохи. Достоевский, который разделял убеждения Одоевского по поводу необходимости создания новой и окончательной формы философии, стал продолжателем этой традиции.

Человек является для Одоевского центральным элементом мироздания, но он же является таинственным существом, несущим в себе непостижимое, загадочное содержание. Именно поэтому рациональное познание не может проникнуть в сущность человека, человек постигает себя только через процесс непосредственного явления в мире своей сущности. Самопостижение через практическое действие в мире, через непрерывные усилия саморазвития, становления себя неким сверхчеловеческим, божественным существом — вот единственный правильный путь для каждого из нас: «...каждый человек должен образовать свою науку из существа своего индивидуального духа. Следовательно, изучение не должно состоять в логическом построении тех или других знаний (это роскошь, пособие для памяти — не более, если еще пособие); оно должно состоять в постоянном *интегрировании* духа, в возвышении его, — другими словами, в увеличении его самобытной

---

⁴ *Одоевский В. Ф.* Психологические заметки // *Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 279.

деятельности»⁵. Можно предположить, что именно эту модель постижения «тайны» собственной личности через раскрытие себя в деятельности, в непосредственной жизни имеет в виду Достоевский в известном выражении: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28, 63).

Но если личность есть центр бытия, и любое знание должно исходить из личности, то человеческая личность должна быть понята в неразрывной взаимосвязи с окружающим миром, со всей бесконечной вселенной. Наше тело занимает во вселенной незначительное место, но дух человека связывает его со всем существующим. Знание, происходящее из такой универсальной духовной связи человека с миром, может быть только интуитивным и «практическим». Чистая теория здесь не достигнет цели, *человек постигает свое единство с миром непосредственно в своем действии на мир, в актах подчинения его своей воле.*

Эта мысль является самой важной и оригинальной в творчестве Одоевского; он был уверен, что человек обладает могуществом, которое полностью подобно могуществу Бога, но это могущество потенциально, человек только постепенно раскрывает его в истории, предсказать и рационально описать этот процесс невозможно. Тем не менее реальность этой цели может быть достаточно надежно доказана на основании того, что указанное состояние могущества человека уже имело место в далеком прошлом и сведения о нем сохранились в различных преданиях, мифах и легендах. Одоевский дает оригинальную интерпретацию мифов, он видит в их основе не чистую выдумку, а фантастическое по форме, но правдивое по содержанию отражение древнейшего периода человеческой истории, в котором человек был всемогущим существом, подобным Богу: «Сохранились предания: когда человек был в самом деле царем природы; когда каждая тварь слушалась его голоса, потому что он умел назвать ее; когда все силы природы, как покорные рабы, пресмыкались у ног человека; неужели в самом деле человечество совратилось с истинного пути своего и быстро, своевольно стремиться к своей гибели?»⁶ В другом суждении на эту же тему Одоевский еще более отчетливо говорит о первоначальной божественной сущности человека: «Уже давно истребилось мнение, что иносказания были выдумкой стихотворцев <...>. Что всего яснее видим мы в сих иносказаниях? Божество, снисходящее в человека, человека, возвышенного до степени божества, — словом, необычайную, непонятную нам силу человека. Здесь титаны, воюющие с небом; здесь Сатурн, отец богов, царствующий на земле; Прометей, похищающий божественный огонь; каким образом могли бы войти в голову человека все эти иносказания

---

⁵ Одоевский В. Ф. Русские ночи // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 189.

⁶ Там же. С. 52.

о подобной силе человека, если бы действительные предания не скрывались под ними?»⁷

Человечество каким-то образом «пало» и утратило свое божественное могущество, деградировало к нынешнему состоянию и даже забыло о своих скрытых возможностях. И одной из главных причин нашего радикального несовершенства является утрата значения интуиции, нежелание научного разума признать ее значение и даже главенство над ним: «...ныне сии две силы, хотя существуют вместе, но так разделены, что для разума инстинкт есть бред, для инстинкта разум есть нечто вещественное, грубое, земное»⁸.

Только отдельные личности оказываются способными подняться до утраченной высоты саморазвития и напоминают всем о необходимости вновь встать на путь совершенства. Встав на этот путь, человек в ходе истории снова должен превратиться в сверхчеловека, а человечество — в сверхчеловечество, обладающее полным божественным всемогуществом. Хотя рационально описать этот грядущий процесс невозможно, Одоевский дает его наглядный художественный образ в маленьком рассказе «Два дня из жизни земного шара». Рассказ состоит из двух частей: первая относится к недалекому будущему, а вторая — к будущему легендарному, отделенному от современности на несколько тысяч лет. В обеих частях изображена ситуация, когда Земле грозит уничтожение. В первой части люди узнают, что в Землю должна врезаться огромная комета, и всем очевидно, что у человечества нет шансов выжить. В центре повествования находится старик, который в отличие от остальных людей сохраняет удивительное спокойствие; на упреки своего сына, что он потерял зрение и слух, раз не понимает, что происходит, он возражает: «Напротив, не только сохранил то и другое, но еще сверх того нечто такое, чего нет у вас: спокойствие духа и силу рассудка; будь спокоен, говорю тебе, — комета явилась неожиданно и пропадет так же — и гибель Земли совсем не так близка, как ты думаешь; Земля еще не достигла своей возмужалости, внутреннее чувство меня в том уверяет...»⁹ Вскоре становится ясно, что комета пролетела мимо, и Земля не погибнет. Автор явно намекает на то, что в отличие от всех обычных людей этот старик обладает более глубоким знанием реальности и более глубоким отношением к ней. Может быть, он своим мистическим зрением увидел, что комета на деле не столкнется с Землей, а может быть, даже сам с помощью каких-то неведомых сил повлиял на нее и отвел от Земли.

Первая часть рассказа показывает, что в современном человечестве только очень малое количество людей сумело раскрыть в себе

---

⁷ Одоевский В. Ф. Психологические заметки. С. 273.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ Одоевский В. Ф. Два дня из жизни земного шара // Московский вестник. 1828. Ч. IX. № 14. С. 126.

потенциальные сверхчеловеческие возможности, и только они обладают мистической властью над реальностью. Но Одоевский верит, что в далекой перспективе исторического развития все станут такими, как старик из первой части рассказа, и человечество примет форму земного Бога. Эта перспектива описана во второй части. Здесь ситуация для Земли оказывается еще более трагичной: ее орбита становится все ближе к Солнцу, и она вскоре упадет на Солнце. Но в отличие от ситуации, изображенной в первой части, люди на Земле с нетерпением ждут момента «соединения» с Солнцем: «Настал общий пир земного шара; нет буйной радости на сем пиру; не слышно громких восклицаний! Давно уже живое веселье претворилось для них в тихое наслаждение, в жизнь обыкновенную; уже давно они переступили через препоны, не допускающие человека быть человеком; уже исчезла память о тех временах, когда грубое вещество посмеивалось усилиям духа, когда нужда уступила необходимости: времена несовершенства и предрассудков давно уже прошли вместе с болезнями человеческими, земля была обиталищем одних царей всемогущих, никто не удивлялся прекрасному пиру природы; все ждали его, ибо давно уже предчувствие оно в виде престелного призрака являлось воображению избранных. Никто не спрашивал о том друг друга; торжественная дума сияла на всех лицах, и каждый понимал это безмолвное красноречие. Тихо Земля близилась к Солнцу, и непалящий жар, подобный огню вдохновения, по ней распространялся. Еще мгновение — и небесное сделалось земным, земное небесным. Солнце стало Землею и Земля Солнцем...»¹⁰ Кажется, человечество само сводит Землю с орбиты, чтобы, соединившись с Солнцем, перейти на какой-то новый уровень существования, особенности которого мы не в состоянии понять из нашего нынешнего несовершенного состояния.

Изображенная здесь фантастическая и мистическая перспектива требует веков и тысячелетий исторического развития, если же говорить о настоящем, то главным для Одоевского является критика ложной современной цивилизации, которая построена на принципах, препятствующих даже относительному духовному развитию людей, принуждающих их оставаться в полуживотном состоянии. Об этом повествует рассказ «Бригадир», который стал идейным центром «Русских ночей». Рассказчик оказывается на похоронах вполне благополучного чиновника, дослужившегося до статского советника; неким фантастическим образом он проникает в мысли, которые посещают покойника в момент расставания с жизнью, и оказывается, что в последний момент он осознает бессмысленность своей жизни, растроченной на мелкие цели, осознает, что не понял главной и единственной цели человеческого существования — стремления к духовному совершенству и возвышению над собственной материальной ограниченностью. Вот как рассказчик передает последние мысли покойного бригадира: «...страшная судорога

---

¹⁰ *Одоевский В. Ф.* Два дня из жизни земного шара. С. 127–128.

потрясла мои нервы, и как завеса упала с глаз моих. Все, что тревожит душу человека, одаренного сильною деятельностью: ненасытная жажда познаний, стремление действовать, потрясать сердца силою слова, оставить по себе резкую бразду в умах человеческих, — в возвышенном чувстве, как в жарких объятиях, обхватить и природу, и человека, — все это запылало в голове моей; предо мною раскрылась бездна любви и человеческого самосвѣдения. Страдания целой жизни гения, неутолимые никаким наслаждением, врезались в мое сердце — и все это в ту минуту, когда был конец моей деятельности. Я метался, рвался, произносил отрывистые слова, которыми в один миг хотел высказать себе то, на что недостаточно человеческой жизни; родные воображали, что я в беспамятельстве. О, каким языком выразить мои страдания! Я начал *думать*! Думать — страшное слово после шестидесятилетней бессмысленной жизни! Я понял *любовь*! любовь — страшное слово после шестидесятилетней бесчувственной жизни!

И вся жизнь моя предстала мне во всей отвратительной наготе своей!»¹¹

Отметим, что в этом рассказе, как и во многих других произведениях Одоевского, выступает оригинальное понимание смерти: смерть предстает не столь радикальным событием, как нам кажется, она не прерывает в абсолютном смысле жизнь, а скорее переводит личность в иной круг бытия, где открываются совершенно новые перспективы понимания себя и мира. Об этом элементе представлений Одоевского, вероятно, очень существенно повлиявшем на Достоевского, мы скажем ниже.

В рассказе «Бригадир» Одоевский представляет человека *низшего* типа, который не сумел раскрыть своих потенций и, несмотря на то что достиг благополучия и высокого социального статуса в своей внешней жизни, по сути, вел жизнь, мало отличающуюся от жизни животных. Гораздо интереснее и важнее для Одоевского люди *высшего* типа, которые в максимально возможной степени сумели раскрыть свою духовную сущность. В «Русских ночах» в таком качестве предстают великие музыканты — Бах и Бетховен; их жизнь трагична из-за того, что окружающие совершенно не понимают высоты их духовных устремлений. В этом случае показан, так сказать, *реалистический* аспект человеческого совершенства. Совсем иной, *мистический* аспект изображен в повести «Косморама». Здесь главному герою помог раскрыть его сверхъестественные способности прибор, загадочным образом появившийся в его доме. Глядя в этот прибор, он видит себя самого и всех других людей в ином, высшем мире, где они обладают гораздо более обширным знанием и большей проницательностью (в частности знанием о будущем), а также гораздо бóльшим влиянием на мир. Один из героев повести говорит о трагической раздвоенности своей сущности, своей

---

¹¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. С. 75.

неспособности в земном мире стать столь же глубоким и пронизательным, как в высшем мире: «...у вас должен казаться сумасшедшим тот, кто в вашем мире говорит языком нашего. Как я странен, как я жалок в этом образе! и мне нет сил научить, вразумить себя, — так грубы мои чувства, спеленан мой ум, в слухе звездные звуки — я не слышу себя, я не вижу себя! Какое терзанье! и еще кто знает, может быть, в другом, в высшем мире я кажусь еще более странным и жалким. Горе! горе!»¹² Герой намекает, что, возможно, и высший мир, в котором он осознает себя с помощью прибора, названного Косморамой, не является последним, что есть еще более высокий мир, с позиции которого его земное воплощение выглядит еще более «жалким».

Раскрыв с помощью Косморамы свои скрытые способности, герой видит то, что недоступно взгляду других людей — видит, что мир наполнен огромным количеством разных духовных существ, которые влияют на людей и влекут их к добру или злу. Он оказывается способным видеть прошлое и будущее, заглядывать за грань смерти и представить формы жизни, которые люди обретут после смерти. Но главное, он получает способность постоянного влияния на все происходящее в мире. И это становится для него мучительным испытанием, поскольку он оказывается вершителем судеб других людей, а очень часто и их «палачом», ведущим их к гибели. «Я понял, — пишет герой, — как важна каждая мысль, каждое слово человека, как далеко простирается их влияние, какая тяжкая ответственность ложится за них на душу и какое зло для всего человечества может возникнуть из сердца одного человека, раскрывшего себя влиянию существ нечистых и враждебных... Я понял, что “человек есть мир” — не пустая игра слов, выдуманная для забавы...»¹³ В повести Одоевского герой становится высшей личностью, что оборачивается для него трагедией. Обладая пронизательным зрением и пониманием мира, он больше всех страдает от его несовершенств, а его огромное влияние на мир пропадает впустую, не достигает цели, поскольку не встречает ответного действия от людей, не знающих подлинного богатства реальности.

Представление о бесконечной духовной сущности человека, которую каждый из нас должен в максимальной степени попытаться раскрыть в своей жизни и которую только по прошествии многих веков истории человечество научится раскрывать с достаточной полнотой, безусловно является очень важным для Достоевского. Несмотря на то что оно входит в общий круг идей, выработанных романтизмом, в творчестве Достоевского оно имеет ту же характерную форму, что и в мировоззрении Одоевского. Главные герои ранних повестей Достоевского вполне отвечают стереотипу романтических героев, которые вступают

---

¹² *Одоевский В. Ф. Косморамы // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М., 2006. С. 221.*

¹³ Там же. С. 237.

в борьбу с миром и обстоятельствами, защищая свою свободу и предполагая в себе непонятную и ничем не объяснимую возможность подчинять мир своим желаниям. Особенно наглядно это выступает в повести «Хозяйка». Старик Мурин здесь предстает как человек, способный мистически влиять на людей и обстоятельства в своих интересах. Главный герой повести Василий Ордынов вступает в странные отношения соперничества с Муриным, но при этом он приобщается к необычным способностям своего соперника, пытается в самом себе найти те же способности мистического влияния на окружающих. Вася Шумков из повести «Слабое сердце» изображен горбатым, «убогим» по своим физическим возможностям, но важнейшей темой повести, без которой невозможно понять всю ее идейную конструкцию, является укорененное в душе героя желание сделать счастливым весь мир, так подействовать на мир, чтобы он стал радикально лучше, чем сейчас.

Наиболее глубоко эта тема разрабатывается в «Записках из подполья» и в «Игроке»¹⁴. «Подпольный» человек главным качеством своей натуры называет нежелание подчиняться законам природы и незыблемым положениям разума, подобным истине $2 \times 2 = 4$. Если признать, что в анализе «подпольного» сознания Достоевский выражает некоторые универсальные особенности человеческого сознания как такового, то эти рассуждения «подпольного» героя означают, что к самой сути человека относится противостояние миру, «несогласие» с его господством над нами и стремление навязать ему свою волю. Впрочем, в самой повести нет оснований для предположения, что это стремление нашего сознания хотя бы в какой-то степени может быть реализовано, что мы действительно можем выйти из-под власти законов природы и фундаментальных принципов мирового разума и сами «диктовать» законы природе.

Но в следующем произведении, в романе «Игрок», Достоевский показывает героя, который оказывается близким к указанной цели, который на одно мгновение становится «сверхчеловеком», господствующим над обстоятельствами. Герой романа Алексей выигрывает на рулетке огромную сумму денег (200 тысяч франков) и тем самым одним махом разрешает все сложные хитросплетения судеб героев романа, его выигрыш становится конкретным выражением возможности решительно изменить собственную жизнь и жизнь окружающих людей, причем с помощью действий, выходящих за пределы рационально объяснимого.

Много раз указывалось на то, что в романе явно просматриваются параллели с историей Германна из повести Пушкина «Пиковая дама». Однако здесь есть не менее очевидные параллели с рассказом Одоевского «Мартингал (записки гробовщика)», который был опубликован в 1846 г. в «Петербургском сборнике» вместе с «Бедными людьми» Достоевского

---

¹⁴ Подробнее см.: *Евлатиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб., 2012. С. 215–312.

(в нем в свою очередь есть прямые отсылки к повести Пушкина: в сцене игры появляются семерка, тройка и дама). Герой рассказа Одоевского, 19-летний юноша, проигрывает 200 тысяч (сумма точно совпадает с выигрышем Алексея в «Игроке») и, поскольку не в состоянии отдать долг, думает о самоубийстве; в последний момент он вспоминает о своем дяде, некогда известном игроке, давно оставившем игру. Свою просьбу о помощи герой подкрепляет напоминанием об отце, некогда выручившем дядю из беды. Соглашаясь помочь племяннику, дядя в случае неудачи ставит условием совместное самоубийство. Исход оказывается благополучным: он выигрывает и спасает и себя и племянника от смерти. В рассказе есть характерное объяснение страсти к игре, оно явно «рифмуется» с описанием тех чувств, которые испытывает Алексей в «Игроке» после своего выигрыша: «Помню, как однажды на сторублевую ассигнацию я взял десять тысяч — в две минуты, не более — вот это куш, — индо пот пробил, а на душе-то, на душе — женский поцелуй ничто! — И ведь не деньги главное, — а вот то, что сердце щиплет — и рассказать нельзя...»¹⁵ В рассказе, точно так же, как в романе Достоевского, важную роль играет любовная тема. Герой сразу после своего проигрыша получает записку от своей возлюбленной, графини, с предложением любовного свидания. Но очень характерно, как он говорит об этом событии: «Если бы вы знали, чья рука это писала! Вот уж три месяца добивался я этой записки, — мучился, страдал... а все-таки — хоть сейчас, если бы можно, поставил на карту...»¹⁶ Любовь и страсть к игре здесь сталкиваются с гораздо большей прямолинейностью, чем в повести Пушкина и в романе Достоевского.

Несмотря на все сказанное выше, нужно признать, что даже в ранних произведениях Достоевского мистические возможности человека влиять на мир показаны только намек, едва заметно, а в поздних мы вообще не видим явных примеров такого влияния. Казалось бы, это заставляет усомниться в существенном значении этой идеи для мировоззрения писателя. Однако отсутствие такого рода примеров вполне объяснимо: это связано с тем, что Достоевский хорошо понимал сложность человека и соответственно осознавал невозможность быстро и просто реализовать все таящиеся в нем силы. Современный человек очень далек от того идеала сверхчеловеческого могущества, который рисует в своих фантастических произведениях Одоевский. В литературе реалистического типа примеры явного мистического воздействия не могут быть оправданными с художественной точки зрения. Тем не менее идея о существовании людей, способных каким-то мистическим способом влиять на мир, присутствует и в позднем творчестве Достоевского, более того, она является одной из главных в философских размышлениях писателя.

---

¹⁵ Одоевский В. Ф. Мартингал // Одоевский В. Ф. Соч. Т. 2. С. 337.

¹⁶ Там же.

В рукописном наброске 1864 г., написанном на смерть жены Марии Дмитриевны, Достоевский говорит о том, что история идет к некому финалу, в котором человек и человечество предстанут в совершенно ином виде, чем сейчас. Называя это неведомое состояние «рай Христов», Достоевский подчеркивает, что человек достигнет в нем предельного раскрытия своих возможностей, и это будет означать конец прежнего развития и начало какого-то нового периода существования человека, точнее, начало существования того нового, сверхчеловеческого существа, которое возникнет на месте человека: «Но если это цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, — стало быть, не надо будет жить) — то, следственно, человек, достигая, окончивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное.

Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, то есть если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем» (20, 172–173).

Хотя здесь Достоевский говорит о том, что после конца нынешней истории начнется «будущая, райская жизнь», понятно, что имеется в виду вовсе не то представление, которое называется «раем» и «будущей жизнью» в церковном, догматическом учении. Церковный рай является вполне определенным и не может вызывать тех вопросов, которые задает далее Достоевский. Если он предполагает, что «рай» может иметь место на какой-то «планете» (пусть даже этот термин здесь понимается метафорически) или в некотором «центре», то совершенно очевидно, что здесь имеется в виду тот же земной мир, в котором протекает наша нынешняя несовершенная жизнь. Таким образом, преобразование несовершенной жизни к «раю Христову» нужно представлять близко к тому, как Одоевский изображает финал человеческой истории в рассказе «Два дня из жизни земного шара»: это радикальная трансформация земного бытия человечества, осуществляемая самим человечеством и приводящая к новому его состоянию в том же земном мире.

Весьма характерно, что Бога в этом контексте Достоевский понимает как «всеобщий синтез»; чуть ниже в том же рукописном наброске это определение повторяется и уточняется: «Натура Бога прямо противоположна натуре человека. Человек по великому результату науки, идет от многообразия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. А натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии, в Анализе» (20, 174). Бог оказывается не трансцендентным личным существом, как в церковном учении,

а синтезом, *всеединством* бытия; Бог — это окончательное, преобразованное состояние самого земного мира, достигаемое в процессе развития человечества и его все более полного влияния на мир. Еще несколькими строками ниже Достоевский говорит о том, каково главное качество человека в окончательном, преобразованном состоянии мира: «Это слитие полного я, то есть знания и синтеза *со всем*» (20, 174). Если в начале этого рукописного текста «рай Христов» определялся как слияние всех людей друг с другом, растворение личности в других личностях, то теперь Достоевский идет еще дальше и утверждает «слитие» личности «со всем», т. е. со всем бытием, со всем миром. Здесь еще больше сходства с представлением Одоевского о превращении человечества в «сверхчеловечество» и о его окончательном господстве над преобразованным миром.

Достоевский признает перспективу окончательной трансформации человечества и всего земного мира к состоянию «рая Христова» и «всеобщего синтеза» очень далекой, а может быть, и вообще недостижимой, выступающей только в качестве идеала для исторического развития человечества. Как и Одоевский, он считает, что гораздо важнее обращать внимание людей на необходимость духовного саморазвития в своей собственной жизни, на раскрытие в собственной ограниченной личности способностей к радикальному воздействию на окружающее бытия. Эта тема занимает очень существенное место в «Дневнике писателя». В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. в маленьком наброске со странным названием «Золотой век в кармане» Достоевский выстраивает систему рассуждений, заставляющую вспомнить «Бригадира» Одоевского, — он говорит о бесконечных возможностях, заложенных в людях, но не реализованных ими. Имея в виду участников светского бала, каждый из которых похож на героя рассказа «Бригадир», Достоевский восклицает про себя: «Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямодушия, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого сообщительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас всё это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая из вас умнее Вольтера, чувствительнее Руссо, несравненно обольстительнее Алкивиада, Дон-Жуана, Лукреций, Джульет и Беатричей! Вы не верите, что вы так прекрасны? А я объявляю вам честным словом, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, если б и всех-то их сложить вместе, не найдется ничего столь прелестного, как сейчас, сию минуту, могло бы найтись между вами, в этой же бальной зале. Да что Шекспир! тут явилось бы такое, что и не снилось нашим мудрецам. Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны! Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта

мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятною. И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках?» (22, 12–13). Интересно, что Достоевский говорит главным образом о нравственных качествах, заключенных в людях, но в конце словно проговаривается и упоминает некую «мощь», силу непосредственного влияния на других, которая глубоко спрятана в каждом.

В конце «Дневника писателя» за тот же год Достоевский поднимает тему «лучших людей», без которых не может жить, по его убеждению, ни одно общество (23, 153–156). Но что это за люди и как ими становятся? Сложность этого процесса показана в рассказе «Приговор», герой которого решительно противопоставляет себя людям, которые не задумываются о смысле жизни и поэтому живут как животные: «Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей» (23, 146–147). Хотя он сам не удовлетворяется такой жизнью, он не находит пути к высшей жизни, к высшей осмысленности своего существования и поэтому кончает с собой.

В одном из следующих выпусков «Дневника писателя», в авторском комментарии к рассказу, Достоевский присоединяется к мнению своего героя и еще более резко делит людей на тех, кто живут «как животные», и тех, кто являются «высшими типами», по-настоящему раскрывшими в себе человеческую сущность. «Для него (героя рассказа. — *И. Е.*) становится ясно как солнце, что согласиться жить могут лишь те из людей, которые похожи на низших животных и ближе подходят под их тип по малому развитию своего сознания и по силе развития чисто плотских потребностей. Они соглашаются жить именно как животные, то есть чтобы “есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей”. О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его. Между тем высшие типы ведь царят на земле и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей. Что такое высшее слово и высшая мысль? Это слово, эту мысль (без которых не может жить человечество) весьма часто производят в первый раз люди бедные, незаметные, не имеющие никакого значения и даже весьма часто гонимые, умирающие в гонении и в неизвестности. Но мысль, но произнесенное ими слово не умирают и никогда не исчезают бесследно, никогда не могут исчезнуть, лишь бы только раз были произнесены, — и это даже поразительно в человечестве. В следующем же поколении или через два-три десятка лет мысль гения уже охватывает всё и всех, увлекает всё и всех, — и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество,

а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей» (24, 47).

Высказанная здесь мысль является одной из важнейших в философском мировоззрении Достоевского, хотя на первый взгляд она вступает в противоречие с главной идеей самого известного романа писателя — «Преступления и наказания». Согласно общепринятой точке зрения, в романе дано капитальное опровержение представления о том, что историческое развитие определяют отдельные высшие личности. Однако при более внимательном отношении к той логике, которую Достоевский выстраивает в романе, и особенно при учете приведенного высказывания из «Дневника писателя» можно сделать совсем другой вывод: в романе опровергается *общепринятое представление* о высших личностях, согласно которому такие личности оказывают свое воздействие на историю с помощью денег, меча или материального могущества. Писатель безусловно убежден, что «высшие типы царят на земле», т. е. определяют ход истории, но их влияние на людей и мир носит совсем иной характер, чем влияние так понятых великих деятелей, подобных Наполеону¹⁷.

Достоевский утверждает, что настоящие высшие личности влияют на мир с помощью «мысли» и «слова», и это кажется не очень понятным. Однако здесь уместно вспомнить некоторые важные утверждения Одоевского, которые помогают прояснить, что имеет в виду Достоевский. Еще раз процитируем приведенные выше слова героя повести «Косморама»: «Я понял, как важна каждая мысль, каждое слово человека, как далеко простирается их влияние...» Близкое утверждение содержится в эпиграфе к рассказу «Живой мертвец», придуманном самим Одоевским: «Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначимым поступком, с каждым движением души человека»¹⁸. Неразвитый человек, живущий «как животное», не осознает влияния своих мыслей и слов и не стремится к тому, чтобы это влияние было направленным и благотворным, но «высшие типы» тем и отличаются, что они способны сделать свое влияние на мир и людей вполне определенным и достаточно «мощным», чтобы оно было способно решительным образом направлять движение истории. Высказывания Одоевского дают исчерпывающий комментарий к высказыванию Достоевского.

---

¹⁷ См.: *Евлатицев И. И.* Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание» // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos.* 2017. № 16. С. 82–92.

¹⁸ *Одоевский В. Ф.* Живой мертвец // *Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. С. 276.

В наиболее сложной, синтетичной форме влияние идей Одоевского проступает в рассказе «Сон смешного человека». Сам сюжет этого произведения и подзаголовок «фантастический рассказ» намекает на фантастические произведения Одоевского. Прообраз рассказа Достоевского содержится в рассказе Одоевского «Сильфида», где мистическое существо, имеющее женский облик, переносит героя в иной мир, причем изображено это, как и в рассказе Достоевского, в виде космического путешествия; само это существо по имени Сильфида так описывает различие земного мира и того высшего мира, в который они перенеслись: «Я твоя — вот все, что я знаю; тебе я принадлежу и никому другому... но зачем ты здесь? как здесь душно и холодно! У нас веет солнце, звучат цветы, благоухают звуки... за мной... за мной!.. а еще далеко, далеко до нашего мира... но я не оставлю тебя! <...> Смотри — там в безбрежной пучине носится ваша пылинка: там проклятия человека, там рыдания матери, там говор житейской нужды, там насмешка злых, там страдания поэта — здесь все сливается в сладостную гармонию, здесь ваша пылинка не страждущий мир, но стройное орудие, которого гармонические звуки тихо колеблют волны эфира.

Простись с поэтическим *земным* миром! И у вас есть поэзия на земле! оборванный венец вашего блаженства! Бедные люди! странные люди! в вашей смрадной пучине вы нашли, что даже страдание есть счастье! Вы страданию даете поэтический отблеск! Вы гордитесь вашим страданием; вы хотите, чтоб жители другого мира завидовали вашей жизни! В нашем мире нет страдания: оно удел лишь несовершенного мира, — создание существа несовершенного! — Вольно человеку преклоняться пред ним, вольно ему отбросить его, как истлевшую одежду па плечах путника, завидевшего родину»¹⁹.

Интересно, что здесь присутствует важный мотив будущего рассказа Достоевского — странное желание людей земного мира испытывать страдания и получать от них наслаждение. В рассказе Одоевского это качество признается негативным следствием несовершенства земного мира, Достоевский же находит в нем определенное преимущество земных несовершенных людей над совершенными и выстраивает на этой основе сложное, диалектическое представление о человеке.

Изображение в главной части рассказа «Сон смешного человека» идеального общества, состоящего из таких же людей, как люди земного общества, является демонстрацией идеи о раскрытии в человеке высших способностей, которые могут сделать его бытие и его отношения с другими и с миром радикально иными, чем в нынешнем несовершенном состоянии. В жизни людей этого общества главную роль играет не разум, а интуиция, которая обеспечивает «слияние» людей друг с другом и с природой. Последнее означает, что для людей потеряла значение традиционная наука как форма познания природы, и теперь

---

¹⁹ *Одоевский В. Ф. Сильфида // Одоевский В. Ф. Соч. Т. 2. С. 120–122.*

они непосредственно, как бы «изнутри» постигают природные явления, имеют с ними живое общение. Герой рассказа так передает особенности отношения людей совершенного общества к природе: «...знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но я не мог понять их знания. Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их же любовью. Они указывали мне на звезды и говорили о них со мною о чем-то, чего я не мог понять, но я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем» (25, 113).

Но не только изображение грядущего идеального общества имеет очевидные параллели в творчестве Одоевского, странный поворот сюжета рассказа, когда герой «развращает» людей этого общества и оно стремительно приходит в несовершенное состояние, также можно объяснить на основании некоторых идей, присутствующих в творчестве Одоевского. Вспомним повесть «Косморاما»; после того, как герой обрел способность видеть в мире больше, чем видят обычные люди, он узнал, что в мире присутствует огромное число духовных существ, причем не только добрых, но и злых, дьявольских по своей сути. Поскольку человек является центром мироздания, то все эти существа взаимодействуют с человеком и должны подчиняться ему. Но это подчинение станет по-настоящему полным только тогда, когда сам человек станет совершенным, раскроет все свои внутренние духовные силы. Пока он не достиг этого окончательного совершенства, он подвержен влиянию этих духовных существ, они могут склонять его либо к добру, либо ко злу. Особенно наглядно возможность превращения человека в законченного злодея под действием этих невидимых существ показана в истории графа, мужа Элизы, возлюбленной главного героя повести. Герой обладает мистическим зрением, поэтому он видит прошлое и восстанавливает всю историю превращения графа в законченного злодея: «Я видел графа Б*** в различных возрастах его жизни... я видел, как над изголовьем его матери, в минуту его рождения, вились безобразные чудовища и с дикою радостью встречали новорожденного. Вот его воспитание: гнусное чудовище между ним и его наставником — одному нашептывает, другому толкует мысли себялюбия, безверия, жестокосердия, гордости; вот появление в свет молодого человека: то же гнусное чудовище руководит его поступками, внушает ему тонкую сметливость, осторожность, коварство, наверное устраивает для него успехи; граф в обществе женщин: необоримая сила влечет

их к нему, он ласкает одну за другою и смеется вместе с своим чудовищем; вот он за карточным столом: чудовище подбирает масти, шепчет ему на ухо, какую ставить карту; он обыгрывает, разоряет друга, отца семейства, — и богатство упрочивает его успехи в свете; вот он на пединке: чудовище нашептывает ему на ухо все софизмы дуэлей, крепит его сердце, поднимает его руку, он стреляет — кровь противника брызнула на него и запятнала вечными каплями; чудовище скрывает след его преступления»²⁰.

Нужно отметить одну очень важную черту мировоззрения Одоевского: в его религиозно-философском мировоззрении *отсутствует Бог*, высшее духовное начало, которому были бы подчинены все низшие духовные силы и существа. В этом смысле именно человек для Одоевского является подлинно главным персонажем мировой трагедии, только усилиями человека мир может идти к совершенству и достичь окончательного благого состояния. Но поскольку в этот процесс вмешивается огромное число отрицательных духовных существ, а сам человек не всегда последователен в своем стремлении к совершенству и к выявлению в себе могущественных сил, помогающих ему становиться земным Богом, то указанный космический процесс не является запрограммированным, предопределенным в сторону благого результата. В любой момент отрицательные силы бытия могут «совратить» человека с его правильного пути и направить на зло и разрушение. Именно поэтому большинство фантастических рассказов Одоевского имеет пессимистический конец; они говорят не столько о прекрасном финале человеческого развития, сколько о бесконечной сложности движения по пути к этому финалу. Пожалуй, только рассказ «Два дня из жизни земного шара» и незаконченная повесть «4338-й год» прямо повествуют о возможности достигнуть состояния совершенства, впрочем и здесь оно не абсолютно, а относительно.

В рассказе Достоевского совершенство изображено яркими красками, однако оно также не является абсолютным, это вовсе не христианский рай, который, будучи созданным всемогущим Богом, не может быть полностью разрушен силами людей. Тот факт, что общество, изображенное в «Сне смешного человека», не является абсолютно совершенным, явно следует из того, что люди этого общества болеют и умирают, как мы; кроме того они знают, что у них есть еще перспектива дальнейшего, будущего совершенствования, соединения с «Целым вселенной»: «У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью, но не торопясь,

---

²⁰ Одоевский В. Ф. Косморама. С. 235–236.

не страдая по нем, а как бы уже имея его в предчувствиях сердца своего, о которых они сообщали друг другу» (25, 114).

Отметим, что «Целое вселенной», которое упомянуто в этом тексте, очень похоже на «всеобщий синтез», который в более раннем рукописном наброске был определением сущности Бога; видимо, и здесь «Целое вселенной» — это Бог Достоевского, недаром этот термин возникает в предложении, которое начинается утверждением, что у людей совершенного общества «не было храмов», т. е. они окончательно преодолели устаревшие формы веры, требующие поклонения антропоморфному Богу.

Вероятно, ошибкой совершенных людей из рассказа Достоевского является чрезмерная успокоенность и уверенность в том, что достигнутое ими совершенство уже не может быть утрачено, на это намекает последняя фраза процитированного текста. Это и приводит к катастрофе: перестав активно бороться за упрочение и расширение своего совершенства, перестав сопротивляться темным силам в себе, люди позволили этим темным силам восторжествовать и уничтожить все достигнутое в истории.

Особую важную общую тему составляет понимание смерти и бессмертия в творчестве Одоевского и Достоевского. Как было сказано выше, одной из самых ярких особенностей мировоззрения Одоевского является его представление об относительности смерти; в его философии смерть — условная граница между разными формами существования человека, которая не только не препятствует общению между живыми и умершими (в том случае если человек развил в себе высшие способности), но и оказывается «обратимой». Последнюю, совершенно фантастическую, возможность Одоевский изображает в повести «Косморама», где умершего графа буквально «выталкивают» обратно из смерти в жизнь злые духи, сопровождающие его. В несколько комичном варианте та же идея выражена в истории архитектора Пиранези из рассказа, входящего в «Русские ночи»: ему не позволяют умереть, точно так же «выталкивают» обратно в жизнь из смерти, его собственные архитектурные проекты, превратившиеся в духовные существа и требующие от своего создателя воплощения в материи.

В мировоззрении Достоевского мы находим очень близкие представления о смерти; совпадение гротескно-ироничного образа «бытия в смерти», представленного «Живым мертвецом» Одоевского и «Бобком» Достоевского, уже отмечалось в исследовательской литературе. В гораздо более серьезном виде эти идеи угадываются и в «Сне смешного человека». Здесь подчеркивается неразрывная связь земного мира и мира посмертного, герой рассказа, говоря о том, что люди совершенного общества не воспринимали смерть так трагично, как мы, добавляет: «Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертью» (25, 114).

Что же за бытие ждет человека после смерти? Поскольку Одоевский представляет реальность как совокупность самых разных миров, из которых наш является самым несовершенным, то после смерти, видимо, человек попадает в один из этих более высоких миров. Признать их полностью совершенными мы, конечно, не можем, поскольку в эти миры в равной степени попадают и злодеи, подобные графу из повести Косморама. Тем не менее какое-то относительное совершенство после смерти возможно, хотя в целом перспектива посмертного существования бесконечна и поэтому не поддается рациональному пониманию и предсказанию. Об этом говорит Софья в «Космораме»: «Ничего, <...> на земле все недолго, и горе, и радость; умрем, другое будет...»²¹ Но самое важное суждение на этот счет мы находим в «Психологических заметках»: «Человек когда-то потерял весьма блистательную одежду; он должен возратить ее; может, для сего он переходит несколько степеней жизни; может быть, чего не достиг он в одной степени, то должен отыскивать в другой до тех пор, пока не дойдет до прежнего совершенства; тех метаморфоз, которые мы называем жизнью, может быть бесчисленное множество; это мгновения одной общей жизни — мгновения более долгие или более краткие, смотря по той степени совершенства, до которой достиг он; так что, может быть, если человек усвоил себе такие-то познания, развил в себе такие-то чувства, то он должен умереть, ибо истощил уже здешнюю жизнь в той сфере, которая ему предназначена»²².

В этом достаточно лаконичном рассуждении выражена важнейшая концепция философии Одоевского. Он утверждает, что человек обладал когда-то в истории божественным совершенством и должен вернуть его; но земная жизнь коротка, отведенного в ней времени человеку слишком мало для достижения даже небольшой степени совершенства. Однако краткость земной жизни искупается тем, что она — только маленькая часть бесконечного потока жизни; ее конец — это начало новой формы жизни, в которой личность сможет продолжить свое совершенствование, отправляясь от того, что было достигнуто в пройденной земной жизни.

Вероятно, это представление Одоевского повлияло на самое сложное и загадочное слагаемое религиозно-философских воззрений Достоевского — на его представление о бесконечном многообразии миров, из которых складывается реальность. Некоторые миры могут быть более совершенными, чем земной мир, но некоторые могут быть и менее совершенными. Это представление возникает в размышлениях самых разных персонажей Достоевского — Свидригайлова, Ипполита Терентьева, Кириллова, старца Зосимы. Смерть и есть переход из земного мира в один из этих миров, причем только те из людей, кто достиг

---

²¹ Одоевский В. Ф. Косморама. С. 240.

²² Одоевский В. Ф. Психологические заметки. С. 289–290.

относительного совершенства в земном мире, попадают в более совершенный мир и имеют возможность дальнейшего духовного саморазвития по пути к окончательному совершенству. Те же, кто не смог существенно подняться над уровнем «животной» жизни, обретут после смерти еще более несовершенное бытие (например, свидригайловскую «баню с пауками») и будут еще больше деградировать по отношению к своей предельной человеческой (т. е. божественной) сущности²³.

Связь такого представления о бессмертии с мыслью о бесконечном совершенствовании человека впервые в новоевропейской философии обозначил И. Кант в «Критике практического разума», затем его развивал в своем позднем религиозно-философском учении Фихте²⁴. Однако Одоевский сформулировал эту концепцию бессмертия вполне самостоятельно, без прямых отсылок к своим немецким предшественникам. Оригинальной чертой его версии концепции бессмертия является представление о том, что есть люди, которые на определенной стадии своей жизни *должны* умереть, поскольку достигли такой степени духовного совершенства, что их телесная земная природа не способна «вместить» дальнейшего развития. Именно этот смысл имеют последние слова в процитированном выше фрагменте: «...он должен умереть, ибо истощил уже здешнюю жизнь в той сфере, которая ему предназначена». Может показаться, что эти слова слишком туманны для того, чтобы дать столь определенную интерпретацию, но в качестве подтверждения можно привести фрагмент из незаконченной повести «4338-й год», где имеется в виду та же самая мысль. В отдельном наброске, имеющем указание «через 2000 лет» сказано: «Человечество достигает того сознания, что природный организм человека не способен к тем отправлениям, которых требует умственное развитие; что, словом, оказывается несостоятельность орудий человека в сравнении с тою целию, мысль о которой выработалась умственною деятельностью. Этою невозможностью достижения умственной цели, этою несоразмерностью человеческих средств с целию наводится на все человечество безнадежное уныние — человечество в своем общем составе занемогает предсмертною болезнию»²⁵.

Но на самом деле человечество не должно пребывать в унынии от осознания радикального несовершенства своего телесного «орудия»; согласно представлениям Одоевского, люди не должны бояться смерти, нужно смотреть на нее как на путь в новое бытие, где духовное начало личности получит более совершенное телесное «орудие» и сможет продолжить самосовершенствование.

---

²³ Подробнее см.: *Евлампиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). С. 435–489.

²⁴ См.: *Евлампиев И. И.* Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание». С. 87–89.

²⁵ *Одоевский В. Ф.* 4338-й год // *Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. С. 328.

Этот ход мысли кажется совершенно оригинальным; и тем более показательно, что один из важнейших героев-идеологов Достоевского буквально повторяет мысль Одоевского, причем именно в связи с требованием не бояться смерти. Вспомним известное рассуждение Кириллова по поводу переживаемых им пяти секунд абсолютной гармонии: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что *человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть*. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: “Да, это правда, это хорошо”. Это... это не умиление, а только так, радость. <...> Если более пяти секунд — то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. *Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически*. Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута?» (10, 450; курсив мой. — И. Е.).

Эти слова вызывают самые разные комментарии и до сих пор остаются загадочными, непонятными. Самое распространенное, но совершенно неконструктивное объяснение сводит все к «сумасшествию» героя. Эти слова становятся предельно ясными, если признать, что Кириллов действительно достиг, хотя бы всего на «пять секунд», состояния высшего духовного совершенства, возможного в земной жизни. Ведь он пребывает в состоянии *абсолютной гармонии* и испытывает то *чувство радости*, которое испытывал Бог при творении мира. Это и означает, что для него «цель достигнута», т. е. он достиг высшей точки развития человека на земле. Но, достигнув высшего совершенства, допустимого законами нашего мира, он должен двигаться дальше, и это возможно либо через изменение физической природы человека, что кажется затруднительным в силу косности материи, либо через переход в иной мир, где он получит более совершенную телесную организацию, допускающую дальнейшее совершенствование. Это и выражает его фраза о необходимости умереть. В результате «метафизическое самоубийство», к которому готовится Кириллов, приобретает еще одно, косвенное обоснование, помимо того прямого обоснования, которое он дает в романе.

Исследователи до сих пор спорят, насколько хорошо Достоевский знал труды Канта и Фихте, однако приведенные примеры показывают, что свою оригинальную концепцию бессмертия, резко расходящуюся с традиционной церковной идеей вечного существования личности в Царствии Небесном, писатель мог заимствовать из более близкого и доступного источника — из философского мировоззрения Владимира Одоевского. Это показывает, насколько принципиальным и глубоким было влияние Одоевского на Достоевского, и делает насущным и важным исследование всех аспектов этого влияния.

Библиографический список

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Гонсалес А. А.* «Живой мертвец» и «Двойник», еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2016. Вып. 4.
- Евlampиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб., 2012.
- Евlampиев И. И.* Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание» // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2017. № 16.
- Итокава К.* Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: Обзор истории сравнительного исследования их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творческой связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания». Гумма, 1987.
- Назиров Р. Г.* Владимир Одоевский и Достоевский // Русская литература. 1974. № 3.
- Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1981.
- Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. М., 2006.
- Розанов В. В.* Чаадаев и кн. Одоевский // Чаадаев: Pro et contra. СПб., 1998.
- Турьян М. А.* Русский «фантастический реализм». СПб., 2013.
- Фрилендер Г. М.* О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4.

Evlampiev I. I.

F. M. DOSTOEVSKY AND THE MYSTICAL PHILOSOPHY OF V. F. ODOEVSKY

Key words: F. M. Dostoevsky, V. F. Odoevsky, mystical philosophy, human perfection, immortality, other worlds.

The article analyzes in detail the ideas of V. F. Odoevsky which had a significant impact on Dostoevsky's philosophical outlook: the idea of the relationship of a man with the entire infinite world and the mystical influence on the world, the idea of the priority of intuition over reason in cognition, the idea of the gradual unfolding of divine perfection and divine power in man. The coincidence of ideas about immortality in the views of Odoevsky and Dostoevsky is especially emphasized: death is not an absolute cessation of earthly existence, but a transition to another world, similar to the earth, where a person must continue his struggle for perfection.

References

- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.
- Gonsales A. A. “Zhivoj mertvec” i “Dvojnik”, eshhe raz o fantastike Dostoevskogo (iz nabljudenij perevodchika). *Problemy istoricheskoy pojetiki.* Petrozavodsk, 2016. Iss. 4.

- Evlampiev I. I. *Filosofija cheloveka v tvorčestve F. Dostojevskogo (ot rannih proizvedenij k "Brat'jam Karamazovym")*. St. Petersburg, 2012.
- Evlampiev I. I. Ideja bessmertija v romane "Prestuplenie i nakazanie". *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2017. N 16.
- Itokava K. *Vladimir Fedorovich Odoevskij i Fedor Mihajlovich Dostojevskij: Obzor istorii sravnitel'nogo issledovanija ih tvorčestva i nekotorye soobrazhenija po povodu eshhe odnoj tvorčeskoj svjazi "Russkih nočej" i "Prestuplenija i nakazanja"*. Gumma, 1987.
- Nazirov R. G. Vladimir Odoevskij i Dostojevskij. *Russkaja literatura*. 1974. N 3.
- Odoevskij V. F. *Sočinenija: In 2 vols*. Moscow, 1981.
- Odoevskij V. F. *Zapiski dlja moego prapravnuka*. Moscow, 2006.
- Rozanov V. V. Chaadaev i kn. Odoevskij. *Chaadaev: Pro et contra*. St. Petersburg, 1998.
- Tur'jan M. A. *Russkij "fantastičeskij realizm"*. St. Petersburg, 2013.
- Fridlender G. M. O nekotoryh očerodnyh zadachah i problemah izučenija Dostojevskogo. *Dostojevskij. Materialy i issledovanija*. Leningrad, 1980. Vol. 4.

Н. Ф. БУДАНОВА*

ОПРАВДАНИЕ РУДИНА: У ИСТОКОВ ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

Ключевые слова: Пушкинская речь и роман «Подросток» Ф. М. Достоевского, роман И. С. Тургенева «Рудин», западники и славянофилы, «лишние люди», «русский скиталец», «русская идея».

Цель настоящей статьи — выяснить значение романа Тургенева «Рудин» и его главного героя в формировании образа «русского скитальца», а также в эволюции отношения Достоевского в преддверии Пушкинской речи к идейному наследию «поколения 40-х годов», передовой дворянской интеллигенции западной ориентации.

И в наше время, к сожалению, еще бытует доставшаяся нам по наследству живучая и односторонняя формула «история вражды», якобы определяющая не только личные (весьма непростые), но и творческие отношения Достоевского и Тургенева. В центре внимания ученых чаще всего оказываются: неприятие Достоевским романа «Дым», эпизод баденской ссоры писателей 1867 г. и пародия на Тургенева в «Бесах»¹.

В своей книге, посвященной сравнительному изучению мировоззрения и творчества Достоевского и Тургенева², я заменила эту формулу емким и весьма актуальным в настоящее время понятием «диалог» и попыталась показать, что творческий диалог был для обоих писателей весьма плодотворным. Достаточно напомнить: у истоков «подпольного человека» и «русского скитальца» стояли «лишние люди» Тургенева; проблема нигилизма, образ глубокого, мыслящего нигилиста, равно как его сниженных двойников — «нигилятины», в великих романах Достоевского начиная с «Преступления и наказания», возникли не без творческого осмысления писателем художественных открытий Тургенева в этой области; к этому же роману Тургенева восходит и проблема

---

* Нина Федотовна Буданова, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, член редакционной коллегии Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 35 т. — trofkat@yandex.ru.

¹ См. содержательные работы на эту тему: *Никольский Ю. Н.* Тургенев и Достоевский (История одной вражды). София, 1921; *Долинин А. С.* Тургенев в «Бесах» // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1929. С. 163–184.

² *Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987.

поколений, «отцов и детей», получившая новую художественную разработку в романах Достоевского послекаторжного периода.

Что же касается полемики Достоевского с автором «Дыма» и «Нови» в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг., то она также была весьма плодотворна, поскольку способствовала окончательному формированию их мировоззренческих и общественно-политических позиций.

В статье предпринята попытка определить значение романа Тургенева «Рудин» и его главного героя в формировании образа «русского скитальца» в Пушкинской речи, а также — шире — в эволюции отношения Достоевского в середине 1870-х гг. и в преддверии Пушкинской речи к идейному наследию так называемого «поколения сороковых годов», передовой дворянской интеллигенции западнической ориентации. Отношение это из резко критического в 1860-е гг. (см. публицистику писателя этого периода) становится сочувственным, что было во многом продиктовано идеологической установкой «Речи» — идеей примирения славянофилов и западников и национального единения во имя служения России «на родной ниве».

Предположение о Рудине как об основном литературном прообразе «русского скитальца» было высказано мною в упоминавшейся выше книге «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог». В настоящее время это предположение получило дальнейшее развитие и подкрепилось дополнительной аргументацией.

Честь первооткрывателя типа «русского скитальца» (равно как и типа «лишнего человека») Достоевский приписывает Пушкину, создателю образов Алеко и Онегина. По определению писателя, это «отрицательный тип наш, человека беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего и искренне страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе» (26, 129–130). В их числе Достоевский упоминает Печорина, Рудина, Бельтова и некоторых других персонажей русской литературы. Нетрудно заметить, что речь здесь идет о типе «лишнего человека», негативная оценка которого была характерна и для публицистики Достоевского начала 1860-х гг. (ср. «Ряд статей о русской литературе» 1861 г., где наряду с Рудиным упоминается также «Гамлет Щигровского уезда» Тургенева).

Крайними полюсами типа для Достоевского являются «подполье» и «скитальчество». Напомним, что в первой половине 1860-х гг. такие отрицательные черты «лишних людей», как эгоцентризм, индивидуализм, безверие (при мучительной жажде веры и идеала), бездействие и др., Достоевский связал с социально-психологическим понятием «подполье»³.

---

³ См.: Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог (глава «У истоков “подполья”»).

В Пушкинской речи Достоевский назвал лучших представителей типа «русскими скитальцами», признав, что их мучительное скитальчество по родной земле и в Европе в поисках высшего идеала было исторически закономерно как определенный, хотя и трагически безуспешный (вследствие отрыва от народа) этап в поступательном движении человечества к его конечной цели — всемирному братству и «мировой гармонии».

Характерно, что писатель относит к «скитальцам» не только «лишних людей», но также революционеров-народников и социалистов, воздав должное нравственному максимализму этих «фантастических мечтателей», их стремлению к всемирному братству и согласию. Одновременно он отмечает слабые, отрицательные черты типа, и прежде всего пренебрежение к народной религиозно-нравственной правде, неспособность к общепольному делу, гордость. Эти черты «скитальца» Достоевский полемически преувеличил в полемике с публицистом А. Д. Градовским.

Таким образом, отношение Достоевского к «скитальцу» двойственное. Для него это все-таки «отрицательный тип», которому он противопоставляет редко еще встречающийся в современной ему жизни и русской литературе «тип положительной красоты» (к последнему писатель относит, в частности, Лизу Калитину и Лаврецкого).

Понятия «скиталец» и его производные, наполненные в Пушкинской речи большим смысловым содержанием, нередко встречаются в русской и европейской литературах. Внимание исследователей привлекал вопрос о возможных литературных источниках этого символа у Достоевского. Однако предпочтение в данном случае следует отдать русским источникам, так как в осмыслении Достоевского скитальчество — это прежде всего русское национальное явление, подтверждением чему служат перечисленные в его речи «скитальцы» — персонажи произведений русской литературы XIX в.⁴

И здесь в первую очередь следует вспомнить о тургеневском Рудине. Не исключено, что и самый термин «скиталец» в значительной мере навеян образом Рудина, потому что именно «бесприютный скиталец» Рудин наиболее соответствует той интерпретации «скитальца» и «скитальчества», которая дана в Пушкинской речи. Любопытно, что Достоевский, характеризуя «русского скитальца», употребляет эпитет «бездомный» — синоним тургеневскому «бесприютный».

---

⁴ Достоевский, отметив русский национальный тип «скитальца» Онегина, пишет, что Пушкин нашел этот тип «не у Байрона только» (26, 137); следовательно, и у Байрона. Очевидно, имеется в виду прежде всего «Паломничество Чайльд Гарольда». Среди других героев западной литературы назовем в первую очередь Дон Кихота, чье практически бесплодное «скитальчество» символизирует бескомпромиссное служение истине, высокому гуманистическому идеалу, непримиримость ко злу и т. д. Тургеневская интерпретация Дон Кихота в его статье «Гамлет и Дон-Кихот» была близка Достоевскому и, возможно, также сыграла определенную роль в формировании его концепции «скитальчества».

Мотив «бесприютного скитальчества» «в родной земле», обусловленного максимализмом Рудина, его бескомпромиссной преданностью высоким идеалам и полной неспособностью практически претворить их в жизнь в результате отрыва героя от родной почвы, отчетливо звучит в романе. Рудин — «чужой в доме», «вечный жид», «перекасти поле», «бесприютный скиталец». Ему словно самой судьбой предопределено мыкаться по свету, так и не обретя достаточного применения своим незаурядным дарованиям. Этот мотив приобретает поистине символическое звучание в эпилоге романа, когда Рудин уходит из губернской гостиницы в непроглядную ночь.

Причины неудач всех практических начинаний Рудина Лежнев объясняет не только определенными чертами характера Рудина, но и объективными историческими условиями. «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно несчастье. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись <...> вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет...», — говорит Лежнев и многозначительно добавляет: «Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то уж винить его не станем. Нас бы очень далеко повело, если бы мы хотели разобраться, отчего у нас являются Рудины»⁵.

Прогрессивное общественное значение Рудиных Лежнев видит в их просветительской деятельности, в пропаганде лучших, передовых идей своего времени, неустанной вере в добро, истину, справедливость. «Он не сделает сам ничего, — характеризует Лежнев Рудина, — но кто в праве сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? Что его слова не заронили много новых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?» (Т., 6, 348).

Наиболее красноречивое оправдание Рудиных дано в эпилоге романа. «Бесприютное скитальчество» Рудина трагически завершается героической, но практически бесполезной, «донкихотской» смертью на парижской баррикаде, когда участники восстания уже покинули ее⁶.

Скитальчество Рудина не только получает историческое объяснение и оправдание, но и признается необходимым условием общественного прогресса и как бы становится символом неустанного

---

⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1964. Т. 6. С. 349. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с обозначением буквы Т. и указанием номера тома и страницы.

⁶ Концовка эпилога романа, изображающая смерть Рудина на баррикаде в период поражения июньской революции 1848 г., была добавлена Тургеневым в Собрании сочинений, изданном Н. А. Основским в 1860 г. (Т. IV). Как справедливо отмечают исследователи, эта концовка явилась итогом споров конца 1850-х — начала 1860-х гг. об общественно-историческом значении дворянских интеллигентов, так называемых «лишних людей», и ответом Тургенева на отрицательную оценку Рудина и Рудиных Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским.

духовного горения и бескомпромиссного служения высокой идее, истине, добру. Гамлет-Рудин сближается со Странствующим рыцарем Дон Кихотом, тоже бедняком и «бесприютным скитальцем», бескорыстным защитником всех обиженных и притесненных. «А все-таки без этих смешных Дон Кихотов, без этих чудаков изобретателей не подвигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам», — писал Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (Т., 8, 189).

Подводя итоги своей неудавшейся жизни, Рудин рассказывает Лежневу: «Маялся я много, скитался не одним телом — душою скитался <...> Где не бывал я, по каким дорогам не ходил!..» (Т., 6, 356). «...Но доброе слово — тоже дело», — возражает Лежнев. «Ты назвал себя Вечным Жидом... — продолжает Лежнев. — А почему ты знаешь, *может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение: народная мудрость гласит недаром, что все мы под Богом ходим!*» (Т., 6, 367; курсив мой. — Н. Б.).

Из перечисленных в Пушкинской речи литературных героев — «русских скитальцев», начиная с Онегина, тургеневский Рудин наиболее ярко воплощает идею «всемирного боления за всех», к нему более других приложима характеристика «всечеловек». «Бесприютный скиталец» Рудин, казалось бы, ни к чему не способный, кроме странствий, предстает в художественном сознании Достоевского как носитель великой идеи всечеловеческого единения и братства, за которую он и отдает свою жизнь.

2

Важным этапом на пути формирования концепции «русского скитальчества» в Пушкинской речи являлся роман «Подросток».

Версиров (в черновых материалах к «Подростку») как бы подхватывает и развивает суждения Лежнева о скитальчестве: «Как это так случилось, — говорит он Аркадию, — что у нас образовался такой любопытный тип всемирно болящего человека, из дворянства Петра Великого? И зачем говорить, что *он ни к чему не способен, кроме странствий? Да разве всемирное-то боление не великое дело?*» (16, 417; курсив мой. — Н. Б.).

Скитальчество (без практического дела) осмысливается Версировым как служение великой идее, а потому приравнивается к полезной деятельности. Носителем «высшей идеи», представляющей собой «всесоединение идей и разрешение европейских противоречий», «русский скиталец» является потому, что в силу исторических преобразований Петра Великого он обрел в Европе вторую родину, которая ему почти так же дорога, как Россия (этот комплекс идей

получает нравственно-философское обоснование в «Дневнике писателя» за 1876–1877 гг., Пушкинской речи и «Братьях Карамазовых»).

Русский человек, говорит Версиров, наиболее русский «именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». «Тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России, ибо выставляю ее главную мысль. Я — пионер этой мысли. Я тогда эмигрировал, но разве я покинул Россию? Нет, я продолжал ей служить. Пусть бы я и ничего не сделал в Европе, пусть я ехал только скитаться (да я и знал, что еду только скитаться), но довольно и того, что ехал с моею мыслью и с моим сознанием. Я повез туда мою русскую тоску» (13, 377).

«Русская высшая мысль», апологетом которой выступает Версиров от имени представителей русского «культурного слоя», бессознательно живет в многомиллионном русском народе: «Знают о ней (идее всеобщего единения. — *Н. Б.*) в России мы, тысяча человек сознательно, — говорит Версиров, — очень многие пока лишь страстной и сильной грезой, даже инстинктом. Даже в черном народе, в Макаре это можно легко приметить, есть какой-то иск, какая-то греза об общечеловеческом примирении. Знали — и пока лучшего, высшего ничего никто не представил. У нас на этот счет как нигде, — замечь, например, национальную особенность нашу» (17, 149).

Версиров, лишенный внутренней цельности и нравственного «благообразия», присущих народному страннику Макару Ивановичу, тем не менее способен, подобно Рудину, заронить доброе семя в молодую душу. Идеи «всеобщего единения», «мировой гармонии», «всемирного бolenия за всех» при всей их отвлеченности, возможно, сыграют свою роль в окончательном формировании Подростка. Не случайно эти идеи, духовно связующие старое и молодое поколение (а их неосознанно разделяет и народ в лице Макара Ивановича), произвели сильное впечатление на Аркадия, который «европейскую тоску» Версирова ставит «несравненно выше какой-нибудь современной практической деятельности»: «Любовь его к человечеству я признаю за самое искреннее и глубокое чувство без всяких фокусов...» (13, 380).

В февральских черновых материалах к «Подростку» есть запись: «Узнать о Рудине» (17, 290). Вопрос о Рудине как возможном литературном прообразе Версирова лишь затронут Г. Я. Галаган в комментарии к роману. Однако вопрос этот требует специальной разработки, так как, на наш взгляд, существует несомненная связь между новой интерпретацией Достоевским нигилизма («истинного») и «скитальчества» в «Подростке» и Пушкинской речи.

О первом романе Тургенева и, возможно, желании перечитать его Достоевскому могла напомнить статья молодого талантливого критика народнического направления Н. К. Михайловского «Литературные заметки» в «Отечественных записках» 1874 г. (№ 3)⁷ с сочувственной

---

⁷ Этот факт отмечен в упомянутом выше комментарии Г. Я. Галаган.

оценкой Рудина и поколения «отцов», «людей сороковых годов». Статья эта появилась в печати во время работы Достоевского над романом «Подросток» и писатель не мог не заметить ее, так как проявлял интерес к публицистике Михайловского, вступившего с Достоевским в полемику по поводу романа «Бесы» и трактовки «citoyen'ов» и «citoyen'ства» в «Дневнике писателя» 1873 г. (главы «Старые люди» и «Влас»)⁸. Определение «gentilhomme russe et citoyen du monde» («русский дворянин и гражданин мира» — *фр.*) Достоевский прилагает к Герцену. По существу, это синоним «общечеловека», т. е. русского дворянина, либерального западника, утратившего вследствие увлечения европеизмом кровные связи с родной почвой. В интерпретации Михайловского «gentilhomme» с его встревоженной совестью и жертвенной любовью к народу предстает как характерный национальный тип, родственник некрасовскому правдоискателю Власу.

Уже в период работы над «Подростком» определение «gentilhomme russe» наполняется позитивным содержанием. В понимании «скитальца» Версилова и в интерпретации Аркадия «gentilhomme», т. е. русский дворянин, это «тип, отдающий все и становящийся провозвестником всемирного гражданства и главной русской мысли “всесоединения идей”» (13, 388). Определение «общечеловек» в Пушкинской речи вообще исчезает.

Вернемся к упомянутой статье Михайловского «Литературные заметки» и попытке молодого критика «реабилитировать» Рудина, а вместе с ним и поколение «отцов», реальных «лишних людей», вокруг которых в течение почти двух десятилетий не прекращались споры: «У нас привыкли третировать Рудина свысока, он для нас фразер, болтун, тряпка, сплетник, неисправимый плательщик долгов <...> Однако изо всех обвинений, которыми осыпан Рудин, важно, собственно говоря, только одно:

Что в разговорах он время проводит.

Но разве рудинские разговоры, зажигающие сердца и будящие мысль, не дело? Я больше спрошу: много ли найдется больших, выдающихся русских людей, которым, выпало на долю что-нибудь, кроме разговоров? Русский человек, вообще говоря, в среднем выводе, гораздо шире европейца. Не приспособившись окончательно к той или иной колее, он способен к очень широкому размаху. Но зато и требования он ставит своим лучшим людям безумно широкие. Что делал всю жизнь какой-нибудь Прудон? — “Разговаривал”, бил набат, будил

---

⁸ См.: Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1873. № 1–2. Достоевский откликнулся на статью критика в «Двух заметках редактора». По определению писателя, это «один из самых искренних публицистов, какие только в Петербурге могут быть» (21, 156).

совесть, будил мысль — больше ничего <...> Но Европа его все-таки никогда не забудет. А мы оплевали своего Рудина за то, что он непрактичен и только разговаривает <...> Что Рудин был не безумный фразер, этого и доказывать нечего, это доказала его смерть. Несмотря на несколько эпилогов, которыми г-н Тургенев окончил “Рудина”, конца этой повести все-таки нет. Г-н Некрасов, по крайней мере, своими словами доказал этот конец в виде утверждения: “сеет он все-таки доброе семя, а остальное все сделает время”⁹. Это-то “остальное” и составляет всю суть, которую г-н Тургенев мог бы проследить и в жизни Натальи, и в жизни других людей, в разное время разбуженных Рудиным. Тогда было бы совершенно ясно, что слово этого человека, слабого, но искреннего, грешного, но способного вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других, — было весьма осязательным делом <...> Рудин есть первый общественный деятель между героями литературы»¹⁰.

Таким образом, Михайловский признал общественно полезной просветительскую деятельность Рудиных, ибо «слово есть тоже дело».

Споры вокруг значения Рудиных Михайловский справедливо связал с проблемой поколений, получившей особую актуальность в 1860-е гг. «Дети», т. е. «шестидесятники», осудили «отцов» — «лишних людей» за их пристрастие к слову и неспособность к конкретной деятельности, а Рудины (Рудин в представлении Михайловского «типичнейшая из фигур сороковых годов») «более или менее жестоко третируют людей шестидесятых годов, идущих ведь отчасти по их стопам, по крайней мере, в генеалогическом смысле, людей, может быть, даже именно ими, Рудиными, вдохновленных»¹¹. Михайловский, признавший идейную преемственность между поколениями сороковых и шестидесятых годов, сближается в оценке Рудина с Тургеневым и Герценом.

Не исключено, что сочувственная оценка деятельности Рудиных Михайловским, принятая во внимание Достоевским в «Подростке», оказала также определенное воздействие на формирование концепции «скитальчества» в «Пушкинской речи».

Что же касается Достоевского, то эволюцию его изменившегося отношения к образу «лишнего человека» в русской литературе можно выразить формулой: от «общечеловека» (западник-космополит, утративший национальное лицо) к «русскому скитальцу» и «всечеловеку», наделенному характерной национальной чертой «всемирной отзывчивости» и тоской по «мировой гармонии». Крайние точки этого ряда: «подпольный человек» и «всечеловек». Можно высказать

---

⁹ Речь идет о поэме Некрасова «Саша». Ср. слова Агарина:

А остальное все сделает время.

Сеет он все-таки доброе семя!

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1982. Т. 4. С. 26).

¹⁰ Отечественные записки. 1874. № 3. С. 205–206.

¹¹ Там же. С. 207.

предположение, что открывают и закрывают этот литературный ряд «лишние люди» Тургенева — Гамлет Щигровского уезда, Чулкатурин («Дневник лишнего человека») и Дмитрий Рудин¹².

3

Основным реальным прототипом Версилова явился, как убедительно показал А. С. Долинин, А. И. Герцен¹³. В интерпретации взглядов Герцена Достоевский периода работы над «Подростком» был близок Н. Н. Страхову, автору литературно-критических статей о Герцене, первоначально публиковавшихся в «Заре» 1870 г., а затем вошедших в его книгу «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882). В характеристике Страхова Герцен предстает как глубокий пессимист и скорбный созерцатель заката старого европейского мира, наделенный, если употребить выражения Достоевского, «всемирной отзывчивостью» и способностью «общечеловеческого боления», переживший свое разочарование в Европе как личную драму. Страхов неоднократно подчеркивает то чувство сердечной боли, которое испытывал Герцен при виде крушения старого мира. Сердце Герцена было поражено смертельной скорбью, потому что «мир болен». «По собственной боли Герцен имел немалое право судить о состоянии Запада»¹⁴.

Статьи Страхова о Герцене во многом обусловили новую по сравнению с «Бесами» интерпретацию в «Подростке» нигилизма «отцов», поколения передовой либерально-демократической дворянской интеллигенции 1840-х гг., к которому идейно близок Версиров, что в свою очередь определило иную трактовку проблемы поколений в этом романе. Сохраняя определенные отрицательные черты, нигилизм «отцов» наполняется теперь также позитивным содержанием.

«Воззрения Герцена, — пишет Страхов, — можно назвать *нигилизмом*; но <...> это не была одна из тех многочисленных форм нигилизма, которые стали ходячими и в которых воплотилась всяческая форма глупости. Это был нигилизм в самом чистом своем виде, в наилучшей и наиболее благороднейшей своей форме. Это было вольнодумство до того

---

¹² См. также: Буданова Н. Ф. 1) Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987; 2) «И свет во тьме светит...». К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012. С. 263–278; Кийко Е. И. Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке» (К материалам черного автографа) // Русская литература. 1975. № 1. С. 155–161.

¹³ См.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963. С. 104–112.

¹⁴ Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. Т. 1. С. 89. В предисловии к книге «С того берега» Герцен писал, что он остается в Европе «страдать вдвойне, страдать от своего горя и от его (старого европейского мира. — Н. Б.) горя, погибнуть может быть при разгроме и разрушении, к которому он несется на всех парах» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 13).

страшное, резкое, сознательное, последовательное, что оно <...> перешло в воззрения прямо противоположные, почти равнялось отречению от всякого вольнодумства»¹⁵.

Чистоту и бескомпромиссную последовательность нигилизма Герцена Страхов усматривает прежде всего в том, что он, бывший отрицателем у себя на родине, перенес это отрицание и на буржуазную Европу¹⁶.

Сперва — «в силу естественного идеализма» — «отречение от своего, русского», потом «такое же отречение от чужого в силу тех же напряженных идеалов, в силу их последовательного приложения» — такова была, по Страхову, идейная эволюция Герцена, закончившаяся его духовным возвращением на родину. «Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно русским человеком» — таковы, по мнению Страхова, итоги этой эволюции. В Герцене, по словам Страхова, отразилась «чрезвычайная высота народных идеалов, которая проникает собою нашу историю <...> нигилизм Герцена есть одно из проявлений напряженной идеальности русского ума и сердца»¹⁷.

В черновых подготовительных материалах к «Подростку» нередки суждения о нигилизме и нигилистах. Версилов, отнесший себя к числу «старых людей» (в «Дневнике писателя» за 1873 г. так названы виднейшие представители «поколения 40-х годов» Белинский и Герцен — см.: 21, 8–12), в беседе с Аркадием характеризует старшее и молодое поколение: «Нигилисты — это в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи. Теперь же пошли или равнодушные тупицы, или монахи. Первые — это “деловые”, которые очень, впрочем, нередко застреливаются, несмотря на всю свою деловитость. А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия, эти никогда не застреливаются» <...> Нигилизм без социализма — есть только отвратительная нигилитина, а вовсе не нигилизм. Так и называй: “нигилятина”. Тут или глупость, или мошенничество, или радость праву на бесчестье, но вовсе не нигилизм. Всего же чаще радость праву на бесчестье. Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме. Тут все — монахи. Чистый монастырь, вера беспредельная, сумасшедшая. Потому-то и отрицается все, что противно социализму, что веруют. Все,

---

¹⁵ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1. С. 113.

¹⁶ В «Письмах из Франции и Италии» Герцен писал: «...русский — посторонний, но именно потому, что вместе и свой». «Русский <...> страстный зритель. Он оскорблен в своей любви, уповании: он чувствует, что обманулся, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые, от избытка любви и доверия» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 220).

¹⁷ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1. С. 137, 122. Статьями, составившими «С того берега», вспоминал Герцен в «Былом и думах», «я в себе преследовал <...> последние идолы, я иронией мстил им за боль и обман. <...> утратив веру в слова и знамена, в канонизированное человечество и единую спасающую церковь западной цивилизации, я верил в несколько человек, верил в себя» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 10. С. 233).

что не по вере их, то и отрицается. <...> Настоящий нигилист не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться. На сделки он не смеет идти ни под каким видом. Да и знает, что никакая сделка решительно невозможна» (16, 76–77; ср.: 16, 53, 80, 285).

Итак, принадлежность к «истинному», «чистокровному» нигилизму определяется последовательным отрицанием существующей действительности во имя «высшей», «великой» идеи (или неустанных поисков ее). Таким образом, «отцы», представители передовой дворянской интеллигенции 1830–1840-х гг., «вечные искатели высшей идеи», являются «истинными» нигилистами.

4

В «Дневнике писателя за 1877 год» Достоевский во многом предвосхищает ту интерпретацию «скитальчества», которая дана в Пушкинской речи. Для Достоевского «скитальчество» с его центральной идеей «общечеловеческого единения» — характерное проявление русского национального самосознания, исторически обусловленное и закономерное. По мысли писателя, западники, как и славянофилы, верят в «общечеловечность», т. е. в братское единение народов, однако пути к достижению «всемирного общечеловеческого единения» у них различны (январский выпуск «Дневника писателя за 1877 год», глава «Примирительная мечта вне науки» — 25, 19–20).

В главе «Мы в Европе лишь стрючки» Достоевский, характеризуя эволюцию русского «скитальчества» со времени Петровских преобразований, выделяет несколько этапов. Первоначальный этап этой эволюции — усвоение русской интеллигенцией внешнего, поверхностного европеизма. Для торжества «общечеловечности» западники начали с «бесцельного скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только» (25, 20–21). Последующие звенья в умственном развитии русских «скитальцев» — увлечение европейской цивилизацией, идеями французских просветителей, революцией 1789 г., утопическим социализмом. Последний был принят «за конечное разрешение всечеловеческого единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей». «Наши помещики, — пишет Достоевский, — продавали своих крепостных крестьян и ехали в Париж издавать социальные журналы, а наши Рудины умирали на баррикадах» (25, 22). В данном случае, существенны: намек на Герцена, упоминание в его ряду Рудина и употребление Достоевским нарицательной формы «наши Рудины», выражающей типичность тургеневского образа «скитальца»¹⁸.

---

¹⁸ Фраза «а наши Рудины умирали на баррикадах» свидетельствует, что Достоевский читал роман Тургенева уже с этой концовкой, появившейся в изданных Н. Основским

Основное значение своей Пушкинской речи Достоевский усмотрел в том, что в ней был сделан окончательный шаг к примирению славянофилов и западников. Достоевский и славянофилы признали «всю законность стремления западников в Европу, всю законность даже самых крайних увлечений и выводов их и объяснили эту законность чисто русским народным стремлением нашим, совпадаемым с самим духом народным. Увлечения же оправдали — исторической необходимостью, историческим фатумом» (26, 133). Под «самыми крайними увлечениями и выводами» Достоевский подразумевал революционные и социалистические идеи. Тем самым — и это знаменательно для автора «Бесов» — революционеры-народники были также признаны им носителями национальной идеи всечеловеческого единения и стремления к «мировой гармонии».

Однако полное примирение и единение западников и славянофилов, возникшее под влиянием вдохновенной Речи Достоевского, оказалось недолгим. Об этом свидетельствует, в частности, полемика Достоевского с публицистом А. Д. Градовским, опубликованная писателем в специальном выпуске «Дневника писателя» 1880 г.

Достоевский, в пылу полемики лишивший «скитальцев» — «лишних людей» почти всех приписанных им в своей речи достоинств, исключение, однако, сделал для Рудина.

«Да ведь именно потому-то он (Рудин. — *Н. Б.*) русский, — полемизирует Достоевский с Градовским, — что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было оно англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, всечеловеческое — давно уже не постороннее русскому человеку. Ведь это отличительная черта Рудина. Трагедия Рудина была, собственно, в том, что он на своей ниве работы не нашел и умер на другой ниве, но вовсе не столь чуждой ему, как вы утверждаете» (26, 155).

Автор «Рудина», казалось бы, также имел основание быть причисленным к «скитальцам», мечтающим об общечеловеческом единении и братстве. Однако Достоевский не отнес Тургенева (в отличие от Герцена) к «русским скитальцам».

За полное разочарование в западной буржуазной цивилизации и «духовное возвращение на родину» Достоевский простил Герцену и бывшее увлечение Западом, и жесткую критику России, и даже революционную пропаганду (последнюю, кстати, Тургенев никогда не приветствовал), но не простил автору «Дыма» «заклятого западника» Потугина, который нередко упоминается автором «Дневника писателя» и становится в качестве обобщенного, собирательного образа космополита-западника, оппонентом Достоевского в его спорах об исторических судьбах России и Запада.

«Сочинениях» писателя в четырех томах (М., 1860–1861). Скорее всего, это издание было в личной библиотеке Достоевского. См.: Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 280.

«Скитальчество» Тургенева по Европе было тоже обусловлено «высшей идеей» — ненавистью к крепостному праву в России и всем его проявлениям. В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев объясняет причины своего отъезда за границу, в результате которых он стал западником: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаясь рядом с тем, что я возненавидел <...> Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда¹⁹. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить» (Т., 14, 9–10).

Об общественно-политической позиции Тургенева периода Пушкинских торжеств 1880 г. и об отношении к нему русской либерально-демократической и радикальной интеллигенции наглядное представление дают речи писателя, связанные с его чествованиями в России в феврале–марте 1879 г.

Бурные овации, которыми был встречен приехавший на родину Тургенев, не были подготовлены заранее и явились неожиданными как для самого писателя, так и для чествовавшей его русской общественности. Они получили широкий отклик в печати. Авторы статей и корреспонденций о чествованиях стремились подчеркнуть большое общественно-литературное значение оказанного Тургеневу приема и его творчества.

Мотивы «примерения» молодого поколения со старшим, признания «детьми» исторических заслуг своих «отцов», «поколения сороковых годов», и продолжения начатого ими дела служения общественному прогрессу России и русскому народу явственно звучат в речах и выступлениях Тургенева 1879 г.

В речи на обеде в «Эрмитаже» 6/18 марта 1879 г. Тургенев характеризует свои взгляды как либеральные и разъясняет, что он понимает под словами «либерал». «Теперь <...> это слово является чем-то неопределенным и шатким, кто им, подумаешь, не прикрывается! Но в мое молодое время, когда еще помину не было о политической жизни, слово “либерал” означало протест против всего темного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и художеству и наконец — пуще всего — означало любовь к народу, который, находясь еще под гнетом крепостного бесправия, нуждался в деятельной помощи своих счастливых сынов. Мне сдается,

---

¹⁹ Тургенев имеет в виду западника Герцена, во многом близкого ему по взглядам. В «Былом и думах» Герцен вспоминает, как он и Огарев в конце 1820-х гг. дали клятву на Воробьевых горах в Москве «пожертвовать жизнью на избранную борьбу» с крепостничеством (*Герцен А. И. Собр. соч. Т. 8. С. 81*).

что нынешнее поколение поступает согласно с высказанным мною воззрением: оно поняло, в чем тут вопрос, протянуло руку старым либералам и старым художникам в моем лице, оно связует нить преданий, оно продолжает начатое дело» (Т., 15, 58–59).

Совершенно очевидно, что либерализм здесь синоним демократизма и просветительства.

Разумеется, Достоевский прекрасно осознавал масштаб художественного дарования Тургенева и его национальный характер. Не получившая в Пушкинской речи прямого авторского выражения высокая оценка творчества Тургенева как целого проявляется в попытке Достоевского определить национальное и историческое значение наследия великого русского поэта. Достаточно напомнить, что Достоевский относит Тургенева к «плеяде» Пушкина, ученикам и последователям поэта, в новых исторических условиях творчески разрабатывающих темы, идеи, образы, сюжеты, мотивы своего гениального учителя, впервые осуществившего «сознательный поворот к народу» русской литературы. Добавим: сопоставление с Пушкиным — чрезвычайно высокая творческая планка в понимании Достоевского и Тургенева.

В заключение хочется напомнить проникновенные строки Герцена о западниках и славянофилах в «Былом и думах» (повторены в некрологе Константину Аксакову в «Колоколе»): «Да, мы были противниками их, но очень странными: у нас была одна любовь, но не *одинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»²⁰.

Думаю, что это глубокое суждение в полной мере можно отнести в Достоевскому и Тургеневу, у которых также «сердце билось одно»: это любовь к России, мечты о ее величии, благополучии, славе, стремление по мере сил лично содействовать этому.

Библиографический список

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1960–1968.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.

Михайловский Н. К. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1896–1986.

Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987.

Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...» К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012.

---

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 15. С. 9–10.

- Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963.
- Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989.
- Кийко Е. И. Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке» (По материалам черного автографа) // Русская литература. 1975. № 1.
- Никольский Ю. Н. Тургенев и Достоевский: История одной вражды. София, 1921.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: В 3 кн. СПб., 1882. Кн. 1.

Budanova N. F.

APOLOGY OF RUDIN: AT THE ORIGINS OF THE F. M. DOSTOEVSKY'S PUSHKIN SPEECH

Key words: Pushkin speech and *The Teenager* by F.M. Dostoevsky, I. S. Turgenev's novel *Rudin*, Westerners and Slavophiles, "extra people", "Russian idea".

The article deals with the question to what extent the novel by Turgenev *Rudin* and the image of the protagonist play the role in the shaping the image of a "Russian wanderer" and in the evolution of Dostoevsky's attitude to the ideological legacy of the "men of the forties", i.e. the progressive noble western oriented intelligentsia. The article draws attention to the role of the Pushkin Speech in the evolution.

References

- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: In 28 vols.* Sochinenia: In 15 vols. Moscow; Leningrad, 1960–1968.
- Herzen A. I. *Sobranie sochinenij: In 30 vols.* Moscow, 1954–1966. Vols. 5, 6, 8, 10.
- Michailovskij N. K. *Sobranie sochinenij: In 30 vols.* St. Petersburg, 1896. Vols. 1–2.
- Budanova N. F. *Dostoevskij i Turgenev: Tvorcheskij dialog.* Leningrad, 1987.
- Budanova N. F. "I svet vo t'me svetit...": *K charakteristike mirovozzrenija i tvorcestva pozdnego Dostoevskogo.* St. Petersburg, 2012.
- Dolinin A. S. Turgenev v "Besach". Dolinin A. S. *Dostoevskij i drugie.* Leningrad, 1989.
- Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoeskogo.* Moscow, 1963.
- Kijko E. I. Russkij tip "vsemirnogo bolenija sa vsech" v "Podrostke". *Russkaya literatura.* 1975. N 1.
- Nikolskij Yu. N. *Turgenev and Dostoevskij: Istorija odnoi vrazdi.* Sofia, 1921.
- Strachov N. N. *Borba s Zapadom v nashey literature.* St. Petersburg, 1882. Vol. 1.

В. А. ВИКТОРОВИЧ *

«БЫЛИ БЫ БРАТЬЯ...»:

М. М. ДОСТОЕВСКИЙ КАК ПРОТОТИП РАЗУМИХИНА

Ключевые слова: Ф. М. и М. М. Достоевские, роман «Преступление и наказание», прототип Разумихина, типы деловитости.

Впервые (если не считать малообоснованное предположение М. С. Альтмана об И. Умнове) ставится вопрос о прототипе Разумихина в романе «Преступление и наказание». Целый ряд выявленных параллелей позволяет с уверенностью утверждать, что в формировании характера и жизненной философии данного героя «участвовал» старший брат писателя М. М. Достоевский. «Одаренный жизненностью» — так характеризовал его Ф. М. Достоевский. Важная для новой России тема деловитости получила художественное решение в этом образе.

В июле 1840 г. курсант Инженерного училища Ф. М. Достоевский, будучи в разлуке и в «расстройстве в нашей неразрывной дружбе» (28₁, 74) со старшим братом Михаилом, пишет ему: «... ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнью» (28₁, 76). Редко кому Достоевский говорил такие слова.

Михаил Михайлович Достоевский был на год старше Федора, родился в 1820 г. и рано умер — в 1864. Известный журналист, вместе с братом издавал журнал «Время», а после запрещения «Времени» до своей смерти — «Эпоху». Прозаик, критик, переводчик, его переводы до сих пор входят в антологии: «Дон Карлос» и «Разбойники» Шиллера, «Рейнеке-Лис» Гете, «Последний день приговоренного к смерти» Гюго...

Интересны взаимоотношения братьев¹. Скажем, Толстой очень любил своего брата, тяжело переживал его смерть, что отразилось в «Анне

Владимир Александрович Викторovich, д-р филол. наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета — VA_Viktorovich@mail.ru.

¹ Из новейших работ на эту тему см.: Дудкин В. В. Михаил и Федор Достоевские: феномен братства // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2010. № 27. С. 9–20; Фокин П. Е. «Брата моего я любил бесконечно...» // Неизвестный Достоевский. 2014. № 1/2. С. 12–27.

Карениной» в линии братьев Левиных. Были и литературно одаренные кровники: Аксаковы, Киреевские, Майковы, Чеховы, Соловьевы, Бунины... Братья Достоевские — особенная статья: не только любящие братья, но и соратники-единомышленники наподобие Константина и Ивана Аксаковых. Их переписка в 1840-е гг. — пожалуй, единственный такого рода документ, который дает представление о духовных истоках великого писателя. В.Л. Комарович в свое время предлагал отдельно издать переписку братьев Достоевских², этот проект отчасти реализовал К.А. Баршт в составе издания «Бедных людей» в «Литературных памятниках», где в качестве дополнения даны письма писателя к брату. Переписка братьев Достоевских — своеобразный роман в письмах. В этой переписке во многих отношениях выковывался литературный дар Достоевского³.

Братское участие многие годы поддерживало Ф.М. Достоевского. Оно приобрело для него некий экзистенциальный смысл. Так, он пишет брату, что человеку «необходима дружба», чтобы не «пасть духом» (28, 75). Они и были — сообщающимися сосудами жизненной, духовной энергии.

При всей близости брата были очень разными людьми. Третий брат, Андрей Михайлович, вспоминал: «Оба старшие брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Дружба эта сохранилась и впоследствии, до конца жизни старшего брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Старший брат Михаил был и в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федор, который был во всех проявлениях своих настоящий огонь, как выражались наши родители»⁴. А вот суждение дочери Михаила Михайловича, Екатерины Михайловны Достоевской: «В противоположность своему брату Федору, [отец] очень ровен и сдержан в обращении с людьми — никогда не выходил из себя»⁵. В связи с этими последними словами вспоминается суждение Ф.М. Достоевского о том, чего иногда стоила старшему брату его сдержанность. Достоевский написал о нем две статьи — первую сразу после его смерти, а в 1876 г. в «Дневнике писателя» вернулся к теме и написал вторую. Даже этот факт говорит о том, насколько значимой для него всегда была их связь. Он говорит в первой статье «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»: «К несчастью, характер

---

² Комарович В.Л. Литературное наследие Достоевского за годы революции // Литературное наследство. 1934. Т. 15. С. 274.

³ О значении переписки братьев Достоевских в генезисе «Бедных людей» см.: Баршт К.А. Литературный дебют Ф.М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф.М. Бедные люди / Изд. подг. К.А. Баршт. М., 2015. С. 393–399 и др. (сер. «Литературные памятники»).

⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступит. ст. А.А. Достоевского. Л., 1930. С. 43.

⁵ Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933. С. 94.

покойного был в высшей степени восприимчивый и впечатлительный. При этой восприимчивости впечатлений он мало доверял их другим, хранил их в глубине себя...» (20, 124). Добавим: в отличие от взрывного и открытого характера младшего брата.

Дополнительные краски находим в воспоминаниях А. Е. Ризенкампа: «Он (Ф. М. Достоевский. — В. В.) был далеко живее, подвижнее, горячее степенного своего брата, который при совместном жительстве нередко его удерживал от неосторожных поступков, слов и вредных знакомств <...>. Михаила Михайловича я никогда не видел сердитым; в минуту неудовольствия он разве пустит, бывало, какую-нибудь тонкую, нередко едкую насмешку; это был человек общества, <...> вследствие природной доброты всегда склонный к оптимизму; Федор Михайлович <...> часто смотрел на все сквозь черные очки...»⁶

Ключ к особенностям характера Михаила мы находим в письме Федора начала 1847 г.: «Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером. В тебе есть еще крепкий здравый смысл и блестящие бриллиантового юмора и веселости. Все это еще спасает тебя» (28₁, 138). Обратим внимание на это свойство, к которому мы еще вернемся: спасительность юмора и веселости. Далее Достоевский рассуждает о собственной проблеме. Он говорит о том, что *внешние* интересы должны уравнивать *внутренние*, иначе «внутреннее возьмет слишком опасный верх. <...> Начинаешь бояться жизни» (28₁, 138). Страх жизни, который знавали оба, уравнивался природным жизнелюбием старшего брата. По предположению В. С. Нечаевой, «контрастные образы двух друзей Шумкова и Нефедевича в “Слабом сердце” отразили характерные черты Михаила и Федора Достоевских»⁷.

Интересен один эпизод из ранних лет, рисующий характеры братьев. В начале 1840-х гг. Ф. М. Достоевский решает стать профессиональным литератором. Это было очень рискованное решение. Надо было расплатиться с кредиторами. И он просит свою часть наследства у опекуна. Опекун, Петр Карепин, муж сестры Веры, был недалеким и занудным резонером. Некоторые биографы предполагают, что Карепин послужил прототипом Лужина в «Преступлении и наказании»⁸. Сравним письма к нему Федора и Михаила. Федор сразу же попадает в конфликтную ситуацию, а вот Михаил ведет себя иначе. Поначалу он выставляет высокие мотивы: Федору следует помочь, потому что его решение, как он пишет, есть великое самопожертвование своему

---

⁶ Ризенкамп А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 177.

⁷ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861–1863. М., 1972. С. 18.

⁸ См.: Комарович В. Л. Литературное наследие Достоевского за годы революции. С. 273, 281; Долинин А. С. [Комментарии] // Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 448.

призванию. Но, учитывая характер Карепина, он не забывает вставить: «Выгоднее этого для нас ничего не может быть. <...> Вы ведь и без того ему в год перешлете почти столько же»⁹. Очевидно, не первое соображение, а именно второе оказалось самым убедительным аргументом для прижимистого опекуна, и Михаилу удалось реализовать этот замысел, который позволил брату начать литературную деятельность. Михаил сыграл здесь, возможно, решающую роль благодаря своим способностям применяться к обстоятельствам.

Пора, наконец, сказать, что отношения между братьями Достоевскими сильно напоминают нам отношения Разумихина и Раскольникова в «Преступлении и наказании»¹⁰. И дело не только в ранних планах совместной переводческой деятельности Михаила и Федора, в романе представленной несколько пародийно (вольные, мягко выражаясь, переводы с немецкого Разумихина якобы «улучшают» тексты подлинников, а выход Раскольникова из сего доходного предприятия вызван его умопомрачительной «идеей»)¹¹. Параллели обнаруживаются не только на фабульном уровне, сколько на уровне характерологии. Вот, например, такая ситуация: Раскольников задолжал квартирной хозяйке. Он раздражен, озлоблен, ладить с кредиторами не умеет, и в результате вексель взыскан к платежу. Ему грозит долговая яма, и только хлопотун Разумихин умело улаживает дело. Практичность Разумихина естественным образом преодолевает те препятствия, которые Раскольникову казались непреодолимыми и ожесточили его. Самохарактеристику Михаила в письме к брату мог бы вполне повторить и Разумихин: «...я человек решительный и в трудные минуты не задумаюсь»¹².

Соотношение Разумихина и Раскольникова в «Преступлении и наказании» — важная антиномия романа. Раскольников однажды говорит Соне, что он решил на преступление отчасти и по бедности, но этот аргумент он сразу же отменяет: «Работает же Разумихин!» (6, 320). То

---

⁹ Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 368.

¹⁰ Вопрос о возможном прототипе Разумихина всерьез не ставился. М. С. Альтман предположительно называет «сверстника братьев Достоевских Ивана Умнова», но за отсутствием точных о нем сведений аргументом может быть лишь созвучие фамилий (см.: *Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 191). Л. П. Гроссман указывал на автобиографичность издательских планов Разумихина (см.: *Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1935. С. 18).

¹¹ «Позднейшее отношение Достоевского к переводческой деятельности отразилось в “Преступлении и наказании”» (*Барут К. А.* Примечания // Достоевский Ф. М. Бедные люди. С. 707). Об автобиографических аллюзиях в судьбе Раскольникова см.: *Барут К. А.* Литературный дебют Ф. М. Достоевского // Там же. С. 439, 451.

¹² Письма М. М. Достоевского / Ред., вступит. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 544.

есть Разумихин в схожей ситуации находит какие-то способы выживания, он как-то умеет приспособиться к жизненным обстоятельствам, не теряя лица.

В черновых записях к роману Достоевский намечал следующую программу этого характера: «Капитальное. NB: Разумихина выстав-лять постоянно хлопотуном» (7, 187), «Разумихин хлопотун, но он добр» (7, 78). Очень важно это последнее уточнение, потому что в ро-мане вполне развернулся еще один хлопотун, преуспевающий Лужин, принцип которого — возлюби прежде всех одного себя. Разумихин же хлопочет о Миколке, пытаясь спасти несчастного маляра (по это-му поводу Зосимов и вспоминает слово «хлопотун» — 6, 105), хлопочет о своем друге Раскольникове и его семействе от начала и до кон-ца романа. Практическая сметка Разумихина позволяет ему успешно устраивать и собственные дела, и дела тех людей, о которых он забо-тится. В этом смысле показательна сцена, когда Разумихин отчитывается Раскольникову о покупке одежды для своего друга (6, 101–102). Как здесь не вспомнить трогательную заботу М. М. Достоевского, который, по свидетельству А. Е. Ризенкампа, «снабдил брата полным ремонтом белья и платья, столь дешевого в Ревеле»¹³.

Кстати говоря, вся сцена отчета Разумихина по ремонту платья для друга — одна из самых «улыбчивых» в романе. Разумихин несет те са-мые блестящие веселости, которые ценил автор в брате Михаиле. Он, ка-жется, единственный в романе герой, который скрашивает мрачную картину жизни мягким незлобивым юмором (куда как ядовитее Сви-дригайлов и Порфирий Петрович).

Простодушное, «школьническое», по выражению Раскольнико-ва, остроумие Разумихина в указанной сцене диссонирует с душев-ным настроем главного героя. Разумихин одолевает его своими ка-ламбурами: «...мы будем его руководить, то есть попросту его руку водить, он и подпишет», «...искал я этот Харламов дом, — а ведь вышло потом, что он вовсе и не Харламов дом, а Буха, — как иногда в звуках-то обманываешься!», «...тут, брат, у нас такая эмблема за-вязалась, что твоя алгебра!» (6, 94, 96, 97). Подобного рода шуточ-ки отпускал Михаил в письмах ссыльному брату, стараясь развеять мрачные мысли: «Это очень плохо (что нет денег. — В. В.). Но вот что хорошо. Сестра Саша думала, думала что тебе подарить и наконец надумалась: шубу. Вследствие этого просит меня взять деньги 100 р. с собой в Тверь и купить ее в Москве, т. е. шубу, а не Тверь. Она, т. е. сестра, а не Тверь, теперь выровнялась и стала славною девочкой, и потому от нее можно принять шубу»¹⁴. Характер «юмористически настроенного наблюдателя», соответствующий «уравновешенному

---

¹³ <Воспоминания о Ф. М. Достоевском в записях и пересказе О. Ф. Миллера> // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 188.

¹⁴ Письма М. М. Достоевского. С. 512.

и спокойному темпераменту» М. М. Достоевского В. С. Нечаева находит и в его прозе¹⁵.

Наконец, важнейшая параллель. О Разумихине в романе сказано: «Все любили его». А вот Достоевский пишет брату: «Помню твой уживчивый характер, который все любили». Почему все любили, почему Разумихину это удастся, а Раскольникову нет? А также, скажем, не удастся и Федору Достоевскому. Разумихин (как и Михаил Достоевский) *уживчив*, он естественная часть жизненного процесса, в котором Раскольников ощущает себя инородным телом. В отличие от своего высокомерного друга, он, не гнушаясь, сходится с его квартирной хозяйкой, с «греющим руки» Заметовым, не пренебрегает и знакомством с содержательницей борделя Лавизой Ивановной. «Брюзгливое» недоумение Зосимова по поводу беспринципности дружбы с Заметовым Разумихин резонно парирует: «Тем, что оттолкнешь человека — не исправишь <...>. Эх вы, тупицы прогрессивные, ничего-то не понимаете! Человека не уважаете, себя обижаете...» (6, 104). За этими словами — свои «принципы», отвергающие «тупую» бескомпромиссность ради более широкой и гибкой житейской, практической философии. Разумихин выражает ее в виде полушутливого, полусерьезного совета Раскольникову: «...если в январе спаржи не потребуешь, то несколько целковых в кошельке сохранишь» (6, 101). То есть не надо требовать от жизни больше, чем она может дать — вот, собственно, секрет его уживчивости. Разумихинский рассудительный оптимизм проглядывает в назидательности старшего Достоевского по отношению к младшему: «А главное, голубчик, не спеши. Жизни еще много впереди и Бог даст, мы еще насладимся ею...»; «Мало ли неприятностей в жизни. Надо сносить их хладнокровнее»¹⁶.

Примирающая способность Разумихина проявилась и в его отношении к своим «прогрессивным» оппонентам (также выражая специфическую позицию журналистов братьев Достоевских): «Да и пусть врут: зато потом врать не будут...» (6, 148).

Важная для Достоевского тема истинной деловитости и высокого практицизма входит в роман именно с Разумихиным. Его-то автор делает носителем выстраданной братьями Достоевскими идеи (контр-идеи по отношению к Раскольникову): «Деловитость приобретается трудно, а с неба даром не слетает. А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены...» (6, 115), «...на даровщинку, поскорей, без труда! На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеваное есть» (6, 118). Замечательно, что Разумихин («Вразумихин», как он себя однажды не без юмора аттестует — 6, 93) произносит сильные эти слова в ответ на программный тезис дельца Лужина о прогрессирующей ныне

¹⁵ Нечаева В. С. Ранний Достоевский: 1821–1849. М., 1979. С. 251. См. также: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». С. 20.

¹⁶ Письма М. М. Достоевского. С. 515, 521.

«деловитости». Тот и получает реплику не в бровь, а в глаз: «... тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет!» (6, 115).

Разумихин не стал, да, верно, и не станет «промышленником» Лужиным или поминаемым им же Чебаровым¹⁷, но такая опасность для него существует, и сам он признается Зосимову о «втягивающем» его «перинном начале» (6, 160–161), предвещающем мечту черта из «Братьев Карамазовых» «воплотиться в душу семипудовой купчихи» (15, 77). Уживчивость имеет свои границы, за которыми начинается обывательское прилаживание к обстоятельствам, абсолютизация комфорта. Такая возможность не исключалась и для М. М. Достоевского, о чем говорит следующий эпизод из переписки братьев.

Сомнение вкралось в душу ссыльного Ф. М. Достоевского, когда письма брата стали приходиться все реже, иногда через семь-восемь месяцев, да и те не удовлетворяли своим суховатым тоном. Обратившись к А. Е. Врангелю, Достоевский умоляет его по приезде в Петербург разузнать о брате: «Не охладел ли он ко мне! Не изменил ли он характера! Как грустно было мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл всё старое?» (28, 216). В конечном счете все объяснилось осторожностью в характере Михаила Михайловича, быть может, его чрезмерной «осмотрительностью», отмечаемой мемуаристами¹⁸, и очевидной в его письмах к брату. Дружба братьев Достоевских в конечном счете только укрепилась в этих испытаниях и уберегла обоих от рисков, ожидавших каждого в силу тех или других природных потенций. «Сложному» Федору так нужен был уравновешенный, «простой» Михаил (в письме от 2/14 сентября 1863 г. он недоумевает по поводу отношений с Аполлинарией Сусловой: «Не понимаю как можно играть, путешествуя с женщиной, которую любишь»)¹⁹. Так многосложный Раскольников в романе уравновешивался простодушным Разумихиным.

Что же касается Разумихина, то в литературе о Достоевском ему не очень-то повезло²⁰. Задал направление И. Ф. Анненский в «Книгах отражений». Он писал, что будущее предприимчивого героя — «книжный склад»: «И кулачище же он стал, Дмитрий-то Прокофьич!»²¹ Недалеко от такого прочтения ушли позднейшие авторы. Так, один из них

---

¹⁷ О реальном прототипе — дельце Бочарове см.: *Викторович В. А.* Как стать литературным героем // Литературная учеба. 1985. № 2.

¹⁸ *Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 264, 269.

¹⁹ Письма М. М. Достоевского. С. 542.

²⁰ Немного места отведено ему в новейшем и наиболее полномесном комментарии к роману: *Тихомиров Б.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2016. С. 130–131.

²¹ *Анненский И.* Книги отражений / Изд. подг. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. С. 185. (Сер. «Литературные памятники»).

«критицизму» Раскольникова противопоставляет «полное примирение с действительностью» Разумихина, а «избираемый им жизненный путь (издание книг и торговля ими) есть по существу приспособление к существующему укладу жизни — та самая “честная чичиковщина”...»²² Другой известный исследователь пишет: «Великая история о наполеоновской мечте <...> не могла завершиться счастливой судьбой торговца книгами»²³.

Судя по всему, Достоевский не знал такого высокомерного отношения к практическому делу книгоиздания и книготорговли, неизбежно связанных между собой. В романе Разумихин любовно говорит о них: «А уж насчет собственно хлопот по делам, типографий, бумаги, продажи, это вы мне поручите! Все закоулки знаю! Помаленьку начнем, до большого дойдем, по крайней мере прокормиться чем будет, и уж по всяком случае свое вернем» (6, 238). Разумихин выполнил свое обещание, встал на ноги, как сообщается в эпилоге. И что очень важно, он помогает осужденному каторжнику Раскольникову, а это, в общем-то, тоже параллель к отношениям братьев, потому что без материальной помощи Михаила, который посылал каторжному брату деньги, тому вряд ли удалось бы выжить.

Во второй статье о брате, которая называлась «За умершего» (1876), Достоевский говорит, что брат был действительно деловым человеком, но его «деловитость» не есть нечто предосудительное и несогласное с понятием о высокой нравственности: «Брат мой был человек высоко порядочного тона, вел и держал себя как джентльмен, которым и был на самом деле» (22, 134). Деловитость и порядочность могут и не противоречить друг другу. Эта мысль Достоевского ведет нас еще к одному любопытному его замечанию. Еще в 1861 г., при жизни брата, в одной из своих статей Ф. М. Достоевский рассматривал ситуацию, когда «друг человечества и *вправду* был спекулятор». Как соединяются — человечность и умение заработать? «В этом, — пишет Достоевский, — по-нашему, и дурного-то не очень много. Трудящийся достоин платы; это давно сказано. Представим себе человека благодетельного, сгорающего желанием добра, но бедного. Ведь надобно же и ему жить и кормиться от труда своего» (19, 51). Сказано как будто о брате и о себе. Такого рода диалектика (в духе пушкинского «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать») далеко не всегда улавливалась современниками,

---

²² *Евнин Ф. И.* Роман «Преступление и наказание» // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959. С. 160. Прозвучало затем уточнение в том смысле, что Разумихин лишь к концу романа «превращается в трудолюбивого Чичикова» и потому в финале для автора «он перестал быть положительным человеком» (*Гасиева В. З.* Взгляд Ф. М. Достоевского на нигилизм в романе «Преступление и наказание» и в советском литературоведении // Вопросы истории и политэкономии. Орджоникидзе, 1974. С. 214–215).

²³ *Кирпотин В. Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М., 1970. С. 280. По мнению исследователя, Разумихин — «полуславянофил», который постепенно превращается «в капиталиста, <...> в добродетельного Лужина» (Там же).

в особенности при столкновении частных интересов. Этими причинами, очевидно, вызваны были суждения о М. М. Достоевском-издателе «недооцененных» им авторов: он, мол, «просто кулак»²⁴ или даже «мошенник и барышник»²⁵. Защитой покойного брата от подобных инсинуаций (сопровождаявших едва ли не каждого успешного издателя в России) и была вызвана указанная статья Ф. М. Достоевского «За умершего» в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1876 г.

Раскольников в конце романа поручает судьбу и сестры, и матери именно Разумихину, не только из-за его «чистого сердца», но еще и потому, что он «дело смыслит» (6, 239). Если вернуться к отношениям братьев Достоевских в организации издательского дела, именно Михаил взял на себя всю коммерческую, деловую часть и действительно сделал журнал «Время» доходным предприятием²⁶. О Разумихине в эпилоге романа сказано: «Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения, да и не могла не верить: в этом человеке виднелась железная воля» (6, 414). А вот как писал Достоевский о брате за каких-нибудь полтора года до создания образа Разумихина: «Михаил Михайлович был человек настоящий и энергический. Он принадлежал к разряду людей деловых, разряду весьма между нами немногочисленному, к разряду людей, не только умеющих замыслить и начать дело, но и умеющих довести его до конца, несмотря на препятствия» (20, 124).

Портрет Михаила Достоевского явственно проступает в образе Разумихина: в его горячей готовности к доброму делу, в его предприимчивости, в его упорстве, методичности, в его житейской сметливости. (Мих Мих — любовно звали его в семействе, Разумихин — фамилия как будто откликается на это прозвище). Нельзя пройти мимо еще одного обстоятельства. Семейные предания сохранили свидетельства о привязанности М. М. Достоевского к алкоголю. Его племянница Л. Ф. Достоевская пишет безапелляционно: «алкоголизм», «припадки запоя»²⁷.

---

²⁴ Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 396 (письмо Н. Н. Страхова брату 25 июля 1864 г.).

²⁵ Письма М. Ф. Де-Пуле А. С. Суворину 18 февраля и 11 марта 1863 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3514.

²⁶ Этот неоспоримый факт опровергает инсинуации Н. Н. Страхова в адрес М. М. Достоевского как «неделового» и «непрактичного» издателя (см.: *Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 263–264, 268–269), правда, с оговоркой: «Михайла Михайловича нельзя было считать человеком вполне непрактичным» (Там же. С. 269). Суждения эти несут в себе немалую долю лукавства: мемуарист «непрактичностью» издателя «Времени» объясняет падение журнала, в то время как главной причиной катастрофы был он сам, его журналистская бестактность. Как и 20 лет назад, Страхов вновь, по словам Ф. М. Достоевского, «говорил обиняком» (например: «... он оказался вдруг и без денег <...> деньги четырех тысяч подписчиков не могли же все уйти на первые четыре книжки журнала» (Там же. С. 264)), подмешав еще собственную «обидчивость и взыскательность» (24, 240).

²⁷ *Достоевская Л. Ф.* Мой отец Федор Достоевский. М., 2017. С. 58, 114.

Дочь Екатерина Михайловна «категорически отвергает алкоголизм своего отца, хотя она вместе с тем нисколько не скрывает того, что он далеко не чуждался спиртных напитков»²⁸. Так или иначе, но можно предположить, что этот мотив также нашел свое место в изображении Разумихина, когда он в третий раз появляется в романе — «горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный» (6, 157). Автор замечает при этом, что «Разумихин почти никогда не мог допиться допьяна» (6, 148). В данном же конкретном случае сказала национальная слабость к дружеской пирушке: «...хоть они у меня там все пьяные, но зато все честные» (6, 156). Не та же ли ситуация в письме Михаила к Федору 27 января 1864 г.: «Вчера собралось у меня несколько приятелей: нужно было sprysнуть новый журнал, и мы подпили. Нынче, вследствие непривычки или простуды, у меня смертельно голова болит и маленькая дрожь»²⁹. Ср. в романе: Разумихин был «совершенно бодр и почти свеж, несмотря на ужасное количество выпитого в этот вечер вина» (6, 153). Литературный герой, как видим, несколько улучшенная проекция.

Алкоголь также оказывается для ранимого человека (вспомним, что говорил писатель о «впечатлительности» старшего брата) способом спрятаться от жизненных коллизий. Безнадёжно, как ему кажется, влюбленный в Дуню Разумихин весь на ладони перед знающим его Раскольниковым:

« — Смотри, ты запьешь! <...>

— Это так: я запью!» (6, 339).

Есть что-то общее в этой слабости у Разумихина с Мармеладовым (и тоже отчасти национальное). Так что первоначальный замысел под названием «Пьяненькие» (7, 5) мог иметь отношение и к нему.

От запоя Разумихина спасает Раскольников, возбудив у него надежду на ответное чувство Дуни, что и придает тому силы преодолеть известную слабость: «Пить не буду. Теперь не надо... врешь!» (6, 340). Здесь в качестве параллели можно еще раз вспомнить слова Ф. М. Достоевского, обращенные к брату: «Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером».

Но, разумеется, главный сближающий момент — это те идеи, которые выражает в романе Разумихин. Это прежде всего идея сочувствия живому процессу жизни. Можно сравнить то, что говорит в романе Разумихин, с тем, что высказывал М. М. Достоевский в письмах и в статьях, формируя программу «почвы». 9 ноября 1859 г. Михаил написал брату, что жизнь «между нами, впрочем, славная вещь и стоит труда, чтоб ею хорошенько заняться»³⁰. Через несколько месяцев в статье для журнала «Светоч» (1860, № 3) он понятием «жизнь» предложит

²⁸ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. С. 95.

²⁹ Письма М. М. Достоевского. С. 546.

³⁰ Там же. С. 530.

измерять ценность произведений искусства: «Мало ли какая высокая мораль истекает из создания художника, мало ли какие мысли навеют на читателя или на зрителя его подробности. Чем жизненнее это создание, тем обильнее оно и этими идеями и этой моралью, потому что родник их есть всё же вечно сущая жизнь. Изображая просто жизнь, или даже малейшую частицу, одну капельку из этого беспредельного моря, искусство изображает и идеи, присущие этой частице, этой капле»³¹. Пафос критика-публициста здесь направлен против насильственной идеологизации, несовместимой с законами «просто жизни», что так свойственно было «новым людям», получившим имя нигилистов.

А вот как Разумихин полемизирует с теми же новаторами: «У них не человечество, развившись историческим, *живым* путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! <...> Оттого так и не любят *живого* процесса жизни: не надо *живой души*! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!» (6, 197).

В некрологе Достоевский подчеркивал, что брат относился к «людям, действительно одаренным жизненностью» (20, 121). Видимо, вот это начало *жизненности* прежде всего и определяло ценность его характера, особо значимую для его гениального брата, и было перенесено в образ Разумихина в романе «Преступление и наказание».

Писатель настойчиво возвращается к теме братства, вплоть до последнего романа «Братья Карамазовы». Братство — ключевое слово Достоевского. Его греет «светлая надежда, что хоть когда-нибудь в нашем страдающем мире осуществится братство» (26, 171). В отношениях братьев Достоевских этот идеал полнокровно реализовался в жизни и питал творчество. «Были бы братья, будет и братство» (14, 286), — так старец Зосима в «Братьях Карамазовых» выражает сокровенную мысль автора. Сравним с тем, что писал Достоевский еще раньше, в совместном с Михаилом журнале: «...что же делать социалисту, если в западном человеке нет братского начала <...>. Социалист, видя, что нет братства, начинает уговаривать на братство. За неимением братства он хочет сделать, составить братство. Чтоб сделать рагу из зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имеется, то есть не имеется природы, способной к братству, природы, верующей в братство, которую само собою тянет на братство» (5, 80–81).

Братство Федора и Михаила, их совместная издательская деятельность и борьба с житейскими невзгодами — пример той деловитости,

---

³¹ Достоевский М. М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л., 1990. С. 149.

о которой немало было сказано великим писателем. Эпоха шестидесятых годов была встречена им как время пробуждения нации от долгой спячки и перехода к активной деятельности. У Достоевского был свой угол зрения, который можно назвать этическим по преимуществу. Перед Россией в целом и перед каждым из ее граждан, полагал он, простираются разнородные поприща: дело, основанное исключительно на эгоистическом интересе, и дело, в котором участник находит высшее удовлетворение в самоотдаче на пользу общую. По первому пути уже двинулся Запад, поставив идеалом «начало единичное, личное, <...> требующее с мечом в руке своих прав» (5, 80–81), а за ним зашепила и Россия, где явилась армия «промышленников», «ходоков», «золотоискателей». Принцип «возлюби», заявляет Лужин, один из этой армии, упраздняется как «мечтательный и романический» (6, 115–116). Тип дельца выведен в романе не только в колоритной фигуре Лужина, за ним выстраиваются в стройные ряды промышленники Чебаров и Кох, скупщик краденого Душкин, книгоиздатель Херувимов. Все они имеют своих прототипов, в частности, последний сильно смахивает на А. А. Краевского, который, по словам Достоевского, «на свое литературное дело смотрел не как на дело, а как на *дела*» (20, 138–139).

К слову сказать, и М. М. Достоевский в своих произведениях, прозаических и драматических, склонен был отделять «деловитость» от «делачества»³².

Понятие *дела*, которое «очищает разум, формирует человека» (20, 180), становится ключевым в прозе и публицистике Достоевского, вплоть до призыва в Пушкинской речи: «...прежде всего потрудись на родной ниве», чтобы потом «в конце концов <...> стать братом всех людей» (26, 139, 147). Ввиду этой исторической перспективы и вставала волновавшая его проблема: «Всякая вновь появившаяся в обществе деятельность достигает наконец идеала в своих деятелях» (19, 52). Образ Разумихина приближает к решению этой проблемы.

В черновиках Достоевский предполагал значительно расширить сюжетное поле героя: он должен был встать на сторону Сони, защищая ее от оскорблений Дуни Раскольниковой, и тем самым принести в жертву свою любовь. Этот поворот, очевидно, нарушавший центростремительную стройность сюжета, остался неразработанным, но следы его обнаруживаются в следующем романе в отношении Мышкина с Аглаей и Настасьей Филипповной. Кое-какие черты Разумихина черновых вариантов — «благороднейшего и великодушного, но грубого буяна, много грязного видевшего бамбошера» (7, 155–156) — ведут к Дмитрию Карамазову. И в Мышкине, и в Дмитрие, столь несходных меж собой, есть что-то от разумихинского простодушия, соединенного с энтузиастичностью, но эти герои Достоевского — личности куда более

---

³² См.: Писцова А. З. Неизвестная комедия М. М. Достоевского «Мачеха» // Русская литература. 1973. № 4. С. 135–137.

сложные. Несмотря на известное пристрастие писателя к варьированию характеров, тип мудрого простака Разумихина в том именно виде, как он сложился в «Преступлении и наказании», в общем, не имел продолжения, оставшись своеобразным памятником М. М. Достоевскому.

Библиографический список

- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975.
- Анненский И.* Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979 (сер. «Литературные памятники»).
- Баршт К. А.* Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / Изд. подгот. К. А. Баршт. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).
- Викторович В. А.* Как стать литературным героем // Литературная учеба. 1985. № 2.
- Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933.
- Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л., 1930.
- <Воспоминания о Ф. М. Достоевском в записях и пересказе О. Ф. Миллера> // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Гассиева В. З.* Взгляд Ф. М. Достоевского на нигилизм в романе «Преступление и наказание» и в советском литературоведении // Вопросы истории и политэкономии. Орджоникидзе, 1974.
- Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1935.
- Долинин А. С.* [Комментарии] // Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4.
- Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования.
- Достоевский М. М.* «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л., 1990.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дудкин В. В.* Михаил и Федор Достоевские: феномен братства // Достоевский и мировая культура. Альманах. СПб., 2010. № 27.
- Евнин Ф. И.* Роман «Преступление и наказание» // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959.
- Кирпотин В. Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольников. М., 1970.
- Комарович В. Л.* Литературное наследие Достоевского за годы революции // Литературное наследство. 1934. Т. 15.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861–1863. М., 1972.
- Нечаева В. С.* Ранний Достоевский: 1821–1849. М., 1979.
- Письма М. М. Достоевского / Ред., вступ. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935.
- Писцова А. З.* Неизвестная комедия М. М. Достоевского «Мачеха» // Русская литература. 1973. № 4.

- Ризенкамф А.Е.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.
- Тихомиров Б.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2016.
- Фокин П.Е.* «Брата моего я любил бесконечно...» // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. 2014. № 1/2.

V. A. Viktorovich

“WOULD THE BROTHERS...”

(M. M. DOSTOEVSKY AS A PROTOTYPE OF RAZUMIHIN)

Key words: F. M. and M. M. Dostoevsky, novel *Crime and punishment*, Razumihin's prototype, types of efficiency.

For the first time (except for the ill-founded assumption of M. S. Altman about I. Umnov) the question of Razumihin's prototype in the novel *Crime and punishment* is raised. A number of identified parallels allows us to assert with confidence that the elder brother of the writer M. M. Dostoevsky “participated” in the formation of the character and life philosophy of this hero. “Gifted by life” — so Dostoevsky characterized him. Also important for the new Russia theme of efficiency received an artistic solution in this image.

References

- Altman M. S. *Dostoevskij po vekham imen*. Saratov, 1975.
- Annenskij I. *Knigi otrazhenij*. Moscow, 1979. (Ser. Literaturnye pamyatniki).
- Barsht K. A. Literaturnyj debyut F. M. Dostoevskogo: tvorcheskaya istoriya romana “Bednye lyudi”. *Dostoevskij F. M. Bednye lyudi*. Moscow, 2015. (Ser. Literaturnye pamyatniki).
- Viktorovich V. A. Kak stat' literaturnym geroem. *Literaturnaya ucheba*. 1985. N 2.
- Volockoj M. V. *Hronika roda Dostoevskogo: 1506–1933*. Moscow, 1933.
- Vospominaniya Andreyja Mihajlovicha Dostoevskogo. Leningrad, 1930.
- <Vospominaniya o F. M. Dostoevskom v zapisyah i pereskaze O. F. Millera>. *F. M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov*. Moscow, 1990. Vol. 1.
- Gassieva V. Z. Vzgljad F. M. Dostoevskogo na nigilizm v romane “Prestuplenie i nakazanie” i v sovetskom literaturovedenii. *Voprosy istorii i politekonomii*. Ordzhonikidze, 1974.
- Grossman L. P. Gorod i lyudi “Prestupleniya i nakazaniya”. *Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie*. Moscow, 1935.
- Dolinin A. S. [Kommentarii]. *Dostoevskij F. M. Pis'ma*. Vol. 4. Moscow; Leningrad, 1959.
- Dostoevskij v neizdannoj perepiske sovremennikov (1837–1881). *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 86: *F. M. Dostoevskij. Novye materialy i issledovaniya*. Moscow, 1973.

- Dostoevskij M. M. "Groza". Drama v pyati dejstviyah A. N. Ostrovskogo, *Drama A. N. Ostrovskogo "Groza" v russkoj kritike*. Leningrad, 1990.
- Dudkin V. V. Mihail i Fedor Dostoevskie: fenomen bratstva. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah*. N 27. St. Petersburg, 2010.
- Evnin F. I. Roman "Prestuplenie i nakazanie". *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo*. Moscow, 1959.
- Kirpotin V. *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova*. Moscow, 1970.
- Komarovich V. L. Literaturnoe nasledie Dostoevskogo za gody revolyucii. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 15. Moscow, 1934.
- Nechaeva V. S. *ZHurnal M. M. i F. M. Dostoevskih "Vremya": 1861–1863*. Moscow, 1972.
- Nechaeva V. S. *Rannij Dostoevskij: 1821–1849*. Moscow, 1979.
- Pis'ma M. M. Dostoevskogo / Red. A. S. Dolinin. *F. M. Dostoevskij. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1935.
- Piscova A. Z. Neizvestnaya komediya M. M. Dostoevskogo "Machekha". *Russkaya literatura*. 1973. N 4.
- Rizenkampf A. E. Vospominaniya o Fedore Mihajloviche Dostoevskom. *F. M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov*. Vol. 1. Moscow, 1990.
- Strahov N. Vospominaniya o Fedore Mihajloviche Dostoevskom. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoj knizhki F. M. Dostoevskogo*. St. Petersburg, 1883.
- Tihomirov B. "Lazar'! Gryadi von": Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: *Kniga-komentarij*. St. Petersburg, 2016.
- Fokin P. E. "Brata moego ya lyubil beskonechno...". *Neizvestnyj Dostoevskij: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2014. N 1/2.

ИРИНА ЗОХРАБ*

**РОМАН ТОМАСА ХЬЮЗА
«ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ТОМА БРАУНА»
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1870-х гг.**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Гражданин», «Школьные годы Тома Брауна», Т. Хьюз, претекст, Т. Арнольд, наставник-учитель, «Подросток», «Сон смешного человека», «Братья Карамазовы», «поэтическая правда», сон, заходящее солнце, Ветхий и Новый завет.

Первый перевод на русский английского романа «Школьная жизнь Тома Брауна» Т. Хьюза был подготовлен к печати в качестве приложения к «Гражданину» во время редакторства Ф. М. Достоевского. В статье рассмотрена история публикации романа на историко-литературном фоне и исследованы его интертекстуальные связи (в качестве претекста) к последующим произведениям Достоевского: «Подросток», «Сон смешного человека» и «Братья Карамазовы». Обнаруживается близость двух писателей в строительстве сюжета и в изображении процесса самосовершенствования личности, расширяя художественные возможности жанра экзистенциального романа воспитания и преодоления «трагичности бытия человека Нового времени».

1 октября 1873 г. на первой странице газеты «Гражданин» появилось уведомление, что редакция «вышлет всем подписчикам 1873 года не позже мая месяца 1874 года роман, перевод с английского: “Тома Брауна школьные дни”, в двух частях, безвозмездно. Роман этот также безвозмездно получают и все новые на 1874 год годовые подписчики “Гражданина”»¹. Книга эта вышла отдельным изданием в 1874 г. в виде приложения к журналу². Решение об этой акции было, вероятно,

---

* Ирина (Айрини/Ирен) Зохраб (Зограб), бывший профессор русского языка и литературы в университете им. Виктории в Веллингтоне, Новая Зеландия — irene.zohrab@vuw.ac.nz.

¹ От редакции. Подписка на 1874 г. // Гражданин. 1873. № 40. 1 октября. С. 1059–1060. Редакционное уведомление было повторено в следующих номерах журнала: № 42. С. 1111–1112; № 46. С. 1215–1216; № 52. С. 1387–1388; а также в первом номере следующего года (1874. № 1. С. 1–2). В каждом случае содержалось обещание выслать книгу безвозмездно и «не позже мая месяца 1874 года».

² Школьная жизнь Тома Брауна. Рассказ бывшего ученика: В 2 ч. / Пер. с англ. С прил.: 1. Усть-Вара: Рассказ Н. Б-ва. 2. Один из наших старых знакомых: Очерк К. С. Б.

принято до того, как Достоевский стал официальным редактором «Гражданина»: официальное ходатайство в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему исполнять функции ответственного редактора состоялось 15 декабря 1872 г., уведомление о назначении его редактором журнала было направлено в Санкт-Петербургский цензурный комитет 18 декабря 1872 г. (29¹, 375–376, 642)³.

Первое редакционное извещение об издании романа Т. Хьюза под заглавием «Тома Брауна школьные дни» было опубликовано тремя неделями ранее — 27 ноября⁴. В последующих публикациях романа заглавие произведения приводилось в версии: «Школьная жизнь Тома Брауна: Рассказ бывшего ученика». Нет никаких сомнений, что Достоевский как ответственный редактор издания был в курсе этого проекта: согласно цензурным правилам, ответственность за содержание публикаций ложилась на редактора издания⁵.

В Англии роман Хьюза был впервые опубликован в 1857 г. за подписью «Бывший ученик». В течение семи месяцев вышло пять изданий произведения, они были быстро распроданы; к 1890 г. было выпущено около 50 изданий романа, а также его продолжение, «Том Браун в Оксфорде» (1861). Имя автора — Томас Хьюз — появилось на титульном листе книги во втором издании. В романе «Школьная жизнь...» повествуется о приключениях школьника в закрытой школе (public school) «Регби» для мальчиков в возрасте 11–18 лет. Время действия произведения — вторая половина 1830-х гг. Прототипом директора школы «Доктора Арнольда» послужил Томас Арнольд (1795–1842), пользовавшийся репутацией величайшего педагога Англии⁶. Роман имеет автобиографический характер, в юности сам Хьюз был учеником школы «Регби» в графстве Уорикшир, где происходит действие произведения.

В редакционном объявлении «Гражданина» о публикации «Школьной жизни...» содержалась также информация об издании еще двух романов: «Один из наших Бисмарков» В. П. Мещерского и «Забывтый вопрос» Б. М. Маркевича. Второй из них ранее публиковался в катковском «Русском вестнике» (1872) и, возможно, поэтому не был издан в качестве приложения к «Гражданину». Вероятно, подготавливая

СПб.: Тип. и лит. А. Траншеля, 1874. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с указанием номера страницы.

³ Оксман Ю. Г. Ф. М. Достоевский в редакции «Гражданина» (По неизданным материалам) // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: Сб. статей и материалов / Под ред. Л. П. Гроссмана. 1921. С. 66–68; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: В 3 т. СПб., 1994. Т. 2: 1865–1874. С. 324–325.

⁴ От редакции // Гражданин. 1872. № 30. 27 ноября. С. 398.

⁵ Патрушева Н. Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб., 2011. С. 369.

⁶ Mack E. C., Armytage W. H. G. Thomas Hughes: the Life of the Author of *Tom Brown's Schooldays*. London: Benn, 1952.

редакционное объявление от 27 ноября 1872 г., Мещерский обсуждал с М. Н. Катковым план такого рода, потому что текст заканчивается загадочной фразой: «На обмен изданий с редакциями предложившими и имеющими предложить таковой редакция — согласна»⁷. Эта фраза может свидетельствовать о его договоренности с Катковым о публикации «Школьной жизни...» в «Гражданине».

Следует помнить, что Катков, пользовавшийся репутацией англомана и помещавший переводы едва ли не в каждом номере «Русского вестника», был хорошо знаком с современной английской литературой. Не исключено также, что по какой-то причине он вынужден был отказаться от публикации романа «Школьная жизнь...» и передал его Мещерскому. Обладая немалым ресурсом влияния на властные структуры России, Катков способствовал продвижению английских образовательных стандартов в России, в частности основал Лицей цесаревича Николая Александровича⁸, который был создан по образу и подобию английских “public schools”. В календаре Лицея на 1873 год содержится длинный очерк о Томасе Арнольде, директоре школы «Регби»⁹.

Роман Т. Хьюза «Школьная жизнь...» следует рассматривать в роли претекста ряда произведений Достоевского второй половины 1870-х гг., в частности, романов «Подросток» и «Братья Карамазовы», а также рассказа «Сон смешного человека». Связь между этими произведениями обнаруживается на уровне темы и сюжета: некоторые эпизоды поздних романов Достоевского, на наш взгляд, содержат аллюзии на роман Хьюза. Ни один роман Достоевского, как известно, не обходился без влияния на него каких-либо произведений мировой литературы, так, разумеется, было и с «Подростком» и с «Братьями Карамазовыми»; вероятно, в число произведений, которые оказали на них сюжетно-событийное влияние, можно добавить и роман Хьюза.

«Школьная жизнь...» поднимает вопросы воспитания и образования подрастающего поколения, которые живо интересовали Достоевского в 1870-е гг., что подтверждается значительным количеством материалов педагогического характера в «Гражданине», издаваемом под его редакцией¹⁰. Достоевский придавал большое значение нравственной

⁷ См. выше: От редакции // Гражданин. 1872. № 30. 27 ноября. С. 398 (см. то же: <http://philolog.petrus.ru/fmdost/dostkrit/1872/gr/gr72-30.html>; дата обращения: 31.07.2019).

⁸ Частное учебное заведение «Московский лицей Цесаревича Николая» был задуман как образцовая средняя школа, основан на личные средства публициста М. Н. Каткова и профессора П. М. Леонтьева (1868); с 1872 г. превращен в государственное образовательное учреждение.

⁹ Московские ведомости. 1873. № 17. С. 4.

¹⁰ *Зозраб И.* Освещение общественного воспитания в Англии на страницах Гражданина 1873–1874 гг. во время редакторства Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 90–102; [Викторович В. А.] «Потрясение или просвещение»: статьи из «Гражданина» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2011. С. 5–17.

мотивации педагогов, писал о потребности в учителе, преданном своему делу, намеревался написать рассказ на эту тему для журнала «Гражданин» (21, 91–96). В указанном выше редакционном уведомлении было обещано, что в течение 1873 г., редакция надеется в журнале «Гражданин» поместить новое произведение Достоевского; то же объявление было затем размещено в других газетах¹¹. Этот план не осуществился, однако в тот же период Достоевским был начат роман «Подорожник».

Перевод «Школьной жизни...» был выполнен, вероятно, с шестого издания 1869 г., опубликованного с обширным предисловием автора и 57 иллюстрациями; издание было посвящено вдове бывшего директора школы «Регби» г-же Арнольд. Корректурa и верстка русского перевода «Школьной жизни...», вероятно, проводилась тем же метранпажем М. А. Александровым, который верстал журнал «Гражданин» в типографии А. Траншеля. Объем текста — 256 страниц; приложенные к нему два коротких произведения не были связаны с романом: это рассказы «Усть Вара», подписанный инициалами «Н. Б-в» (с. 258–286), и «Один из наших старых знакомых», подписанный инициалами «К. С. Б.» (с. 288–319), размер книги превысил 20 печатных листов. Это было сделано, вероятно, умышленно, потому что, согласно цензурному постановлению от 6 апреля 1865 г., переводы с иностранных языков объемом не менее 20 печатных листов освобождались от предварительной цензуры¹².

Ожидалось, что это издание поддержит базовые идеологические принципы редакционной политики «Гражданина». В этом произведении ставится вопрос о ценности образования, основанного на религиозном воспитании и изучении классических языков и литературы, что вполне соответствовало тенденциям Министерства народного просвещения России в области педагогики, в частности классической модели обучения в средней школе, разработанной в начале 1870-х гг. Д. А. Толстым¹³. Тема классического образования и религиозного воспитания занимала важное место в публикациях «Гражданина»¹⁴, и издание романа Хьюза вполне укладывалось в русло редакционной политики.

---

¹¹ От редакции // *Гражданин*. 1872. № 30. 27 ноября. С. 398. См.: *Викторович В. А.* Повесть Ф. М. Достоевского об учителе: реконструкция замысла // *«Педагогия» Ф. М. Достоевского*. Коломна, 2003. С. 119–149.

¹² *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской Империи в 1865–1905 гг. С. 359–371, 358–359.

¹³ Устав 1871 г., утвердивший классицизм, просуществовал с незначительными изменениями до 1901 г.

¹⁴ Это доказывается росписью содержания «Гражданина» в период редактирования Достоевского. См.: *Zohrab I.* The Contents of The Citizen during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the "flux of life" with a Self-fashioned Utopia. Part I // *The Dostoevsky Journal*. 2004. N 5. P. 47–87; Appendix I. P. 88–215; [*Викторович В. А.*] Потрясение или просвещение. С. 5–17.

По всей видимости, Достоевского могла заинтересовать тема наставничества, воспитательная деятельность Т. Арнольда и пути его влияния на школьников. Уже в задуманных ранних записях к «Житию великого грешника» писатель рассматривает сходную тематику, упоминая духовного пастыря Тихона Задонского, который появляется в главе «Бесов» «У Тихона», окончательно отвергнутой Катковым в начале ноября 1872 г.¹⁵ Школьный роман мог послужить Достоевскому стимулом переключиться на более живительную тему взросления и перевоспитания детей и подростков под опекой идеального наставника. В первоначальных заметках к «Подростку» от февраля 1874 г. Достоевский намечает тему: «РОМАН О ДЕТЯХ, ЕДИНСТВЕННО О ДЕТЯХ, И О ГЕРОЕ РЕБЕНКЕ» (16, 5). По всей вероятности, творческий процесс Достоевского соответствовал совету, который он дал русским художникам в «Дневнике писателя» от 26 марта 1873 г.: «...надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального <...> Идеал ведь тоже действительность» (21, 75)¹⁶.

Отождествляя себя с сочинителем «*Sacer vates*» — поэтом, бардом и провидцем — Хьюз создает образ юноши, народного героя из той самой Долины Белой Лошади, где саксонский король Альфред остановил нашествие язычников и обратил Англию в христианство (с. 7). Его герою Тому суждено было под руководством идеального наставника преодолеть моральные и физические испытания, достигнув высокого уровня социальной ответственности и новых побед, что обещано в эпиграфе к роману: «Я певец долины Белой Лошади, Свободномыслящий человек» (с. 1)¹⁷.

Такое понимание процесса творчества и роли сочинителя согласуется также с более ранними утверждениями Достоевского, что образы Пимена в «Борисе Годунове» Пушкина, и Ахиллеса, главного героя гомеровской «Илиады», народны и правдивы, хотя никогда не существовали: «...неужели пушкинский летописец, хоть бы и выдуманный, — перестает быть верным древнерусским лицом? Неужели Ахиллес не действительно греческий тип, потому что он как лицо, может быть, никогда и не существовал?» (19, 9). Для Достоевского, как и для Хьюза, было важно создать «поэтическую правду» и «не бояться идеального».

Очевидно, Достоевский продолжает заниматься поисками идеального поэтического образа наставника-учителя, созданного на основании идей, почерпнутых из мировой литературы, в сочетании

---

¹⁵ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881. Т. 2. 1865–1874. С. 322. О значении образа Тихона см.: 9, 499–524; а также: Достоевский. Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / Науч. ред. Г. К. Щенников и Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 291–298.

¹⁶ По поводу выставки. Дневник писателя. IX // Гражданин. 1873. № 13. С. 423–426.

¹⁷ См.: Sanders A. "Introduction" in Thomas Hughes, *Tom Brown's Schooldays*. Oxford, 1987. P. XXIV, 2.

с народными источниками¹⁸. Ключевой задачей для Достоевского (как и для Хьюза), было вывести наставника по призванию, который активно участвует в улучшении духовной жизни современной молодежи. Но Хьюз опирается на реального прототипа своего героя, Томаса Арнольда, назначенного директором школы «Регби» в 1828 г., который принял сан священнослужителя (капеллана) в октябре 1831 г. Заслуги Арнольда были широко известны в Европе и в России; журнал «Гражданин» свидетельствовал: «...у Арнольда (не по петербургскому примеру!) живые истинно-демократические убеждения кровно единились с глубокою религиозностью и с приверженностью к классицизму»¹⁹. Популярность педагога была настолько велика, что, когда в начале 1874 г. декан Вестминстерского аббатства доктор Артур П. Стэнли (1815–1881) посетил Россию, чтобы совершить англиканский брачный обряд сына королевы Виктории принца Альфреда и великой княжны Марии, дочери Александра II, тот был упомянут в «Гражданине» как «воспитанник знаменитого Арнольда». Декан Стэнли присутствовал (31 января) в заседании С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения. Там его приветствовал член государственного совета К. П. Победоносцев. В 1873–1874 гг. обществом также обсуждался вопрос о единоверии и «сношениях с англичанами»²⁰. Есть основания предполагать, что Достоевский, ставший членом Общества в 1872 г., присутствовал на этом заседании²¹. Стэнли опубликовал двухтомную биографию доктора Арнольда, которая получила известность и способствовала продвижению английской формы образования в России²². В течение 1873 г. в газете «Московские ведомости» М. Н. Каткова была опубликована серия статей об Арнольде, основанных на данных, приведенных в публикации Стэнли, о чем также упоминалось в «Гражданине»²³.

¹⁸ См., например: *Достоевский Ф. М.* Ряд статей о русской литературе. III. Книжность и грамотность (19, 9).

¹⁹ Московские заметки // *Гражданин*. 1873. № 8. 19 февраля. С. 223.

²⁰ См.: Сборник протоколов Общества любителей духовного просвещения. С.-Петербургский отдел 1874–1875. СПб.: В Синодальной типографии, 1875. С. 242–250, 447–452.

²¹ Сочинения о восточной церкви // *Гражданин*. 1874. № 5. 4 февраля. С. 138–141. См.: *Зограф И.* Об одном интертексте в «Братьях Карамазовых» // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков*. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 424–441.

²² [*Stanley A. P.*] *Life and Correspondence of Thomas Arnold, D.D. Late Head-master of Rugby School, and Regius Professor of Modern History in the University of Oxford*, by Arthur Penrhyn Stanley, M.A., Fellow and Tutor of University College. In 2 vols. Oxford; London: B. Fellowes, Ludgate Street, 1844. Vol. 2. P. 392, 432.

²³ Московские заметки // *Гражданин*. 1873. № 8. 19 февраля. С. 223; Московские ведомости. 1873. № 17. С. 4; № 19. С. 4; № 20. С. 4–5; № 23. С. 3; № 27. С. 4; № 28. С. 4; и др. Серия статей была извлечена из «Календаря Лица Цесаревича Николая на текущий год» (1873), а его составители, в свою очередь, пользовались книгой А. Стэнли. В первой статье указано: «Ниже следующее изложение составленного преимущественно по этой последней книге, причем составители пользовались ее шестым изданием, вышедшем

Публикацию «Гражданином» «Школьной жизни...» можно считать кульминацией продвижения английской темы в 1873 г. до объявления 23 июля / 5 августа помолвки великой княжны Марии Александровны с британским принцем Альфредом²⁴ и продолжавшегося в последующие месяцы ожидания приезда иностранных гостей в Россию, а также во время их присутствия на свадебных торжествах в двух столицах. Бракосочетание по обрядам русской православной и англиканской церкви состоялось в Санкт-Петербурге 11/23 января 1874 г. В апреле того же года Александр II посетил Англию, чтобы увидеться с дочерью, и остановился в Виндзорском замке на неделю в качестве гостя королевы Виктории. Таким образом, означенный период был самым подходящим временем для публикации перевода популярного британского романа.

Нравственные идеалы, которые проповедует «Школьная жизнь...» Хьюза — любовь к Родине, стремление к социальной гармонии, трудолюбие и уважение к практической деятельности, а также простой и искренний подход к религиозным ценностям христианства, так называемой «широкой Церкви»²⁵, были аналогичны нравственным ценностям, которые поддерживались на страницах «Гражданина». Хьюз воссоздает образ доктора Арнольда, живописует характеры школьников в «Регби», описывает этапы их развития, превращающие вчерашних подростков во взрослых молодых людей. Как и в первом английском издании, в переводе «Гражданина» отсутствовало указание на имя автора в титуле книги²⁶. Одной из причин этого могло быть нежелание издателей

в Лондоне в 1846 г. (она включает в себе 725 страниц мелкой печати и украшена портретом Арнольда)» (Московские ведомости. 1873. № 17. С. 4).

²⁴ По поводу помолвки Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Александровны с Его Королевским Высочеством Принцем Альфредом Великобританским // Гражданин. 1873. № 30. 23 июля. С. 819–821. В газете *Times* о предстоящей помолвке говорилось уже 14 (22) мая 1873 г., а официальное извещение появилось в субботу, 30 июня (12 июля) 1873 г.: His Royal Highness The Duke of Edinburgh // *The Times*. 1873. Saturday, July 12, N27740. P. 5.

²⁵ Представление о «широкой Церкви» предполагает наличие высокого уровня терпимости со стороны верующего, фиксирует отказ от формализма по отношению к церковной догматике, следование не букве, но духу христианских принципов. Англиканская церковь поддерживала такой «широкий» подход к христианской вере, основанный на неразделении «высокой» (католической) церкви с ее развитой системой обрядов и протестантской «низкой», сосредоточенной на исполнении евангельских принципов в бытовой жизни (*Cornish F. W. The English Church in the Nineteenth Century. In 2 vols. London, 1910. Vol. 1. P. 186–196, 299–316; Vol. 2. P. 201–244; The Oxford Dictionary of the Christian Church. London, 1957. P. 199*).

²⁶ Это было возможно благодаря следующему положению: «При представлении рукописи или книги в цензуру, не требуется от представляющего никаких прошений или записок. Имя сочинителя, переводчика или издателя может быть и не объявлено на книге, по его произволению, но издающий оную должен быть известен типографщику, коему поручено ее печатание» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 328). Следует учесть, что подготовка

провоцировать цензоров на запрет издания, ведь Хьюз имел славу либерала и социалиста, а в самой Англии ассоциировался с его героем Томом Брауном.

Хьюз проходил обучение в школе «Регби» с 1834 по 1842 г., затем поступил в Оксфордский университет, где, как считается, отличился больше в спорте, чем в юриспруденции. К концу 1840-х он стал адептом христианского социалистического движения, поддерживал чартизм и популяризировал соответствующую программу социальной реформы. В 1847 г. он женился на Ф. Форд и стал отцом девяти детей. Будучи либеральным членом парламента, он представлял интересы рабочих и стал одним из основателей трудового колледжа, которым руководил с 1872 по 1883 г. На протяжении всей своей жизни Хьюз исповедовал демократические принципы, формулируя свое политическое кредо как «величайшее добро для наибольшего числа людей»²⁷. Его произведения о Томе Брауне отражают суть его педагогических и социальных убеждений, одно из которых — утверждение важности физической культуры и ценности командных игр для укрепления навыков общения в русле демократических принципов. Не случайно в романе Хьюза дети изображены играющими в крикет или в регби, соревнующимися в игре «зайцы и гончие», других видах физических упражнений; кстати, некоторые из них, такие как кулачные бои, охота на птиц и конские скачки, были запрещены. Можно сказать, что поглощенный миром спорта Том Браун олицетворяет собой доктрину Хьюза о «мускулистом христианстве», которое «придерживается старой рыцарской и христианской веры в то, что человеку дано мужское тело для воспитания его и приведения в подчинение, дабы затем использовать для защиты слабых, достижения праведности и освоения земли, которую Господь дал детям своим»²⁸. Рыцарские понятия о чести, воплощенные в действующих лицах, трактуются как новое «возрождение различных рыцарских или псевдо-рыцарских ценностей <...> с целью сделать викторианского джентльмена современным рыцарем»²⁹. Это вполне согласуется с представлениями, встречавшимися в романтической литературе, которая отражает коренные идеалы эпохи с ее «постоянной ностальгией, ее поисками какого-то воображаемого Золотого века во времени

нового цензурного устава, начатая в 1857 г., растянулась на восемь лет и завершилась принятием 6 апреля 1865 г. «Временных правил о печати», которые долгое время выполняли роль цензурного устава; к прежним положениям устава были добавлены новые положения).

²⁷ *Hughes Th.* The Old Church. What shall we do with it? London: Macmillan, 1978. P. 45. Здесь и далее перевод мой. — *И. З.* См. также: *Norman E. R.* The Victorian Christian Socialists. Cambridge: CUP, 1987. P. 87.

²⁸ *Hughes Th.* The Manliness of Christ. London: Macmillan, 1879. P. 25; *Norman E. R.* The Victorian Christian Socialists. P. 89.

²⁹ *Ferrall Ch., Jackson A.* Juvenile Literature and British Society, 1850–1950. New York; London: Routledge, 2010. P. 4–5.

и пространстве»³⁰. Эти устремления, возможно, вызвали интерес Достоевского: в течение всего периода творчества он пытался найти способ изображения «положительно прекрасного» человека, несущего в себе рыцарский идеал чести. Таковы, например, «Маленький герой», князь Мышкин в «Идиоте», Аркадий в «Подростке» и Алеша в «Братьях Карамазовых»; в равной степени его интересовала и тема Золотого века человечества³¹. Достоевский, христианство которого не раз называли «розовым», мог бы сочувствовать некоторым социалистическим убеждениям Хьюза, которые формировались под влиянием ранних английских социалистов-утопистов, к примеру, Р. Оуэна (1771–1858), с идеями которого, равно как и с движением чартизма, Достоевский был хорошо знаком³². О выступлениях фурьеристов, их попытках организовать «фаланстеры» Достоевский знал, как известно, по материалам библиотеки Петрашевского и частично по журналу *Revue des deux Mondes* который он читал на протяжении всей своей жизни³³. Христианские социалисты исходили из того, что Священное Писание содержит ответы на все социальные и этические вопросы, указывая на необходимость братства всех людей в противовес доктринам индивидуализма. Ключевые положения Нового Завета лежат в основе идеологии христианского социализма. Стоит также обратить внимание, что защита Хьюзом интересов рабочих имеет некоторое сходство с защитой Достоевским крестьянства в рамках развиваемой им идеологии «почвенничества». Стремление Хьюза к укреплению производственных кооперативов, где, в отличие от капиталистического предприятия, трудящиеся обретают форму труда в сотрудничестве и братстве, совпадает с интересом Достоевского к артельному товариществу и крестьянской общине.

Ввиду того, что «школьный роман» стал очень популярен в Великобритании, интерес Достоевского к нему, вероятно, был связан не только с идеологией Хьюза и темой произведения, но и с умением автора расположить к себе читателя, удерживая внимание к произведению на протяжении всего повествования. Некоторые черты сходства можно обнаружить и между сюжетно-композиционным построением «Школьной жизни...» и методами, используемыми Достоевским в своих поздних произведениях. Первое знакомство Достоевского с романом Хьюза, вероятно, состоялось в 1858 г., когда в «Библиотеке для чтения»

---

³⁰ Northrop F. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton UP, 1971. P. 186.

³¹ См.: Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...»: К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012. С. 9–50.

³² Миллюков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 179–200. С. 185. Достоевский, по всей очевидности, сочувствовал чартизму, публикуя романы Ел. Гаскелл в девяти номерах журнала «Время» (1861. № 4–9; 1863. № 4).

³³ Содержание журнала показывает, что в нем печаталась масса статей о фурьеристах в 1840-х гг., например: *Saisset É. Du Passé et de l'avenir du socialisme // Revue des deux Mondes*. 1849. Т. 1. P. 337–368.

появилось несколько выпусков по образованию и воспитанию в Англии доктора Л. А. Визе (1806–1900)³⁴. Отрывок из русского перевода романа был опубликован без подписи под заглавием «Доктор Т. Арнольд (Прибавление к письмам д. Визе)»³⁵.

Имя переводчика «Школьной жизни...» для издания «Гражданина» не было названо. Наши разыскания также не увенчались успехом. Можно только сказать, что этот перевод существенно отличается от перевода Ф. Резенера, выполненного с немецкого текста и опубликованного 1875 г.³⁶ В последней публикации «Школьной жизни...» (пер. Ю. Глек, 2006) перевод 1873–1874 гг. не упомянут.

Жанр «Школьной жизни...» — роман-воспитание, главная сюжетная линия которого состоит в описании жизни в школе «Регби», каждодневному опыту его ученика Тома, поступившего туда в одиннадцатилетнем возрасте и проучившегося 8 лет под руководством доктора Арнольда, а позже, уже будучи студентом, вернувшегося проститься с своим любимым учителем.

Роман написан от первого лица ученика. В первых трех главах в идилическом ключе воспроизводятся детские годы главного героя Тома Брауна, его жизни в Долине Белой Лошади, где находится знаменитый «Звучащий камень». Повествователь сожалеет, что подвиги семейства Браун с незапамятных времен «редко воспевались поэтами, или заносились в летопись учеными. У них не было своих вдохновленных певцов» (с. 2) и он берет на себя роль святого барда-пророка (Sacer vates) отмечая, что Брауны живут в местности, изобилующей следами «прошедших времен» (с. 4, 7), наполненной преданиями и старинными историями (с. 5), «священной для англичан» (с. 7). Читатель знакомится с героем Томом, еще малышом, ведущим упорную «войну за независимость» со своей нянькой. Холмистые окрестности деревни Браунов сопоставляются с «раем» (garden of the Lord) и местом, «куда Валаак привел Валаама чтобы предсказать наказание народу, жившему внизу в долине. Но он не мог этого сделать и вы не сможете, потому что люди эти — народ пребывающего там Господа» (с. 7; ср.: Числ. 22: 41). Том растет «в тени холмов» (с. 11; ср.: Быт. 49: 26), как «избранный» Иосиф в Ветхом Завете. Помимо погруженной в заботы матери и других членов его семьи, Тома окружают старые слуги: 70-летний Бенъямин

---

³⁴ Письма о воспитании в Англии (Доктора Визе) // Библиотека для чтения. 1858. Т. 148. Отд. III–IV. С. 121–155; Письма о воспитании в Англии (Доктора Визе) // Библиотека для чтения. 1858. Т. 149. № 5. Отд. II. С. 116–206; *Визе Л. А.* Письма о воспитании в Англии. СПб., 1858. Визе также перевел и адаптировал роман Хьюза на немецкий язык.

³⁵ [Дружинин А. В.] Доктор Т. Арнольд (Прибавление к письмам д. Визе) // Библиотека для чтения. 1858. Т. 149. № 5. Отд. II. С. 206–217.

³⁶ Школьные годы Тома Брауна, описанные престарелым питомцем Регби. Повесть, изображающая нынешнее воспитание высших сословий Англии. Сочинение Т. Гюкса. С Вагнеровой немецкой обработки. Переведено Ф. Резенером. Изд. книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа. СПб.; М., 1875 (2-е изд. — 1899).

(Бенжи), 90-летний Ной, а также местные жители, сельские мальчишки, старый фермер-ветеринар Айвис. Том растет в тесной связи с землей и общиной, где празднуется традиционный «Вечный» праздник — годовщина освящения местной церкви, своего рода карнавал, являющийся «днем всеобщего примирения» (с. 18). Повествователь использует мотивы памяти и вечности в описании жизненного пути персонажа, конструируя особую структуру хронотопа времени и пространства в нарративной ткани романа. Сознание возможности вечной жизни, неустрашимости прошлого и его влияние на будущее придает описанию жизни Тома ощущение жизни вне времени, преодоления смерти. Это впечатление создается частично посредством множественных аллюзий к различным словесным и устным произведениям, к Священному Писанию, летописям, историческим, классическим и фольклорным источникам; похожий метод повествования используется Достоевским в романе «Братья Карамазовы», в «Подростке» категория памяти также играет ведущую роль. Это создает в «Школьной жизни...» контекстную основу для возвышения значимости традиционных культурных и социальных ценностей, таких как вера и патриотизм; одновременно с этим в действии содержатся многочисленные ссылки на реалии современной действительности — обозначения точек актуального времени в сочетании с пространственными передвижениями героя. Нарративная структура романа многообразна: и прямые обращения к читателю, и диалоги между действующими лицами, и покаянные речи.

Как и герой романа «Подросток», повествователь «Школьной жизни...» пишет свои записки в течение года на основе воспоминаний, объясняя читателю, что, начав свою рукопись в прошлом году, он и представить не мог, «как живо многие из давно прошедших событий, годами лежавших под спудом в каком-нибудь заброшенном уголке моей памяти, восстанут снова и оживут <...> так ясно и отчетливо, как будто случились лишь только вчера» (с. 230).

Подобно повествователю «Подростка», протагонист временами выступает с критическими репликами в адрес собственного повествования³⁷. Например, советует читателю «пропустить эту главу не читая ее, потому что она придется <...> совсем не по вкусу» (с. 188).

В 4-й главе отец подвозит Тома к маршруту дилижанса Талли — Го, проходящему мимо школы «Регби», куда Том добирается на следующий день «в двенадцать часов без десяти минут». Это позволяет ему участвовать в матче регби; в последнюю решающую минуту игры Том бросается на мяч лицом вниз — «Старая кровь всех Браунов взыгралась в нем» (с. 77) — и оказывается в самом низу большой кучи-малы из игроков, оказываясь едва ли не задавленным ими: его «маленькое тело выглядит

---

³⁷ См.: «Высказав противоречие себе в первой же главе, <...> я пока заключаю этим и обдумую мой дальнейший рассказ, решившись поднести вам целиком все, что мне придет в голову, и тогда наверно вы услышите от меня всю правду» (с. 13).

почти бездыханным» (с. 58). В книге изображены самые различные невзгоды и испытания, которые ему пришлось пережить, включая телесные наказания со стороны педагогов и издевательства со стороны старшекласников. Как учащийся младшего класса Том имеет статус «фага» и должен прислуживать старшим ученикам, в связи с этим Том переносит моральные трудности. Однако к концу второй части романа, с помощью ряда близких друзей и сделав волевое усилие, он решает все проблемы и успешно продолжает свой путь к зрелости. Итак, пройдя процесс «становления», по Бахтину³⁸, главный герой романа обретает понимание чести и ответственности, о чем повествователь говорит с юмором, рассчитанным на симпатию со стороны читателя. Это напоминает замечание Достоевского, зафиксированное в подготовительных материалах к «Подростку», — о необходимости «заставить читателя полюбить Подростка» (16, 86); подобного рода запись есть и в «Братьях Карамазовых» (14, 5, 17–19).

Том пытается сформулировать свои жизненные цели, помимо совершенствования навыка игры в крикет и регби: «...приучить руки <...> служить мне защитой против всякого, будь то джентльмен или не джентльмен. Я хочу перейти в шестой класс, прежде чем выйду, и желаю чтоб доктор был доволен мною; потом хочется мне вынести отсюда латыни и греческого языка на столько, чтоб прилично окончить курс в Оксфорде. Ну вот птенец, я прежде об этом никогда не думал, но в этом приблизительно заключается перечень всех моих притязаний» (с. 210).

Отец Тома, эсквайр Браун, имеет весьма сходные жизненные принципы: «Если сжато передать рассуждения Сквайра, получится нечто вроде следующего: “Я не скажу ему, чтобы он читал Св. Писание, любил Бога и молился Ему; потому что если он не будет этого делать для своей матери вследствие ее наставлений, то конечно не сделает и для меня. Не описать ли ему все соблазны, которые предстоят ему в жизни? Нет, я не могу этого сделать. Старому человеку не годится говорить об этом с мальчиком. Он не поймет меня, и я готов держать пари, 10 против 1-го, что это принесет ему более вреда, нежели пользы. <...> Все что я хочу, это чтобы из него вышел честный, добрый, деятельный, правдивый англичанин, джентльмен, и христианин”, подумал сквайр; имея это в виду он и составил свое последнее наставление Тому, которое отлично выразило его намерение”» (с. 48).

В первой части романа содержится эпизод, в котором школьники слушают проповедь доктора, взявшего на себя обязанности школьного учителя Закона Божьего. Возможно, аллюзия к этому эпизоду содержится в речи Алеши у «Ильющечкиного камня» в «Братьях Карамазовых» (15, 195–197). С этим эпизодом романа Хьюза Достоевский мог познакомиться еще в 1858 г., прочитав фрагмент этого произведения

---

³⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1970. С. 201.

в переводе Дружинина³⁹. Алеша Карамазов, на которого его духовный наставник старец Зосима возложил ответственность пребывать в миру, старается объединить мальчиков в нечто подобное староверческой религиозной общине; равным образом доктор в своей речи внушает детям братское ощущение бытия, требуя единства между ними. В обоих романах мотив памяти детства, прощения обещает детям путь к спасению. В их будущей взрослой жизни проповеди доктора воскреснут в памяти «живо, ярко и ясно» и станут защитой.

Повествователь «Школьной жизни...» вспоминает «длинные ряды молодых лиц», начиная «с мальчика, только что расставшегося с матерью, и оканчивая молодым человеком в полном развитии сил», слушающих проповедь Доктора. Повествователь удивляется чувству, которое «овладевало этими тремя сотнями» детей, «удерживало их, заставляя быть внимательными волею или неволею, в продолжении двадцати минут по воскресным вечерам»: «Мы слушали, как и все мальчики будут слушать, в хорошие минуты, человека, который, мы это чувствовали, борется всеми силами души и сердца с тем, что низко, недостойно, неправедно, в нашем маленьком обществе. <...> Его (доктора. — *И. З.*) непоколебимость и неумолимая бодрость духа, вернее всего прочего, пролагали ему путь к сердцам большинства из тех, которым он дал желаемое направление, заставил их сначала уверовать в себя, а после и в Творца своего» (с. 95–96).

Незабываемое впечатление о проповедях доктора Арнольда и влияние, которое он оказал на своих воспитанников, оживает в памяти Тома спустя несколько лет после окончания школы, когда он уже учился в Оксфорде и узнал о кончине Доктора. Тома пронизывает сознание, что посредством поучений Доктора «впервые озарил его луч познания небесного происхождения души» (с. 254). Его пронзает мысль о том, «какое звено связывает братскими узами весь род человеческий». Том осознает, что его именно наставник «привел его к этому познанию и смягчил душу к восприятию этих уз» связующих весь род человеческий (с. 254). Переживания Томом утраты старшего друга, воспоминания о нем весьма близки переживаниям Алеши Карамазова, скорбящего по старцу Зосиме у открытого гроба старца в главе «Кана Галилейская».

Реальность ощущения Томом «таинственных земных связей» (с. 254) подобна мыслям Алеши, который также испытывает таинственное чувство всеобщей связи всех явлений мироздания: «Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”» (14, 328). Алеша бросается на землю, «плача, рыдая и обливая своими слезами», целуя землю; Том опускается на колени и «слезы градом» текут «по щекам его» (с. 254). Оба юноши испытывают нечто вроде мистического

---

³⁹ См.: [Дружинин А. В.] Доктор Т. Арнольд (Прибавление к письмам д. Визе) // Библиотека для чтения. 1858. Т. 149. № 5. Отд. II. С. 206–217.

осознания связи их жизни со всей вселенной, или «нитей», по Достоевскому, соединяющих, согласно мысли героя романа Хьюза, братскими узами весь род человеческий. Такого рода эпизоды указывают на ряд черт в рассматриваемых произведениях, показывающих сходство между морально-психологическим колоритом в отношениях Тома и Доктора, Алеши Карамазова и старца Зосимы. Оба наставника пытаются внушить своему ученику веру в Бога, убедить в нравственном идеале Христа, научить ответственности за жизнь ближнего, быть честным к себе и другим, в мелочах и в больших задачах. Хьюз показывает, что христианское учение Доктора приносит свои плоды, его ученики покидают школу мужественными христианами, наделенными нравственной совестью, чувством чести и верой в себя. А также несут в своей душе детские дружеские отношения, которые собираются хранить всю жизнь. В финале романа Алеша покидает монастырь, чтобы «пребывать в миру»: «Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом» (14, 328), как будто поддерживая мысль Доктора из романа Хьюза, который учил своих воспитанников, что жизнь есть «поле битвы, зрителей в коей нет», и призывал их к тому, чтобы уметь «вести битву» рядовым солдатом «или предводителем войска» (с. 96). Глубокое уважение, которое испытывает Алеша к старцу Зосиме, заставляет его записывать слова старца и оставаться его преданным учеником; подобного рода отношения мы видим и между Томом и Доктором, которому Том «пребудет верен как закатившемуся солнцу» (с. 252).

Такую же роль, аналогичную сформированной в сюжете романа «Школьная жизнь...», играет в «Подростке» отношение между Аркадием и странником Макаром Ивановичем. Этот персонаж появляется в черновиках романа не сразу, но только после того, как Достоевский останавливается на форме написания романа от первого лица, девятнадцатилетнего подростка Аркадия⁴⁰. Благоприятное влияние Макара на духовное состояние Аркадия направляет его к идее «перевоспитать самого себя» (16, 447, 452). Писателю было важно не только воплотить характер идеального наставника, который смог бы оказать действительное влияние на своего воспитанника, но и показать его в качестве позитивной альтернативы Версилу, «русскому жентильному», теряющему веру в Бога. Странствование Макара Ивановича реализовано как обращение к раскольничьему народному христианству, в которое горячо верил Достоевский, обозначив его как «учение беспоповцев» (16, 137). Своего рода «странничество» встречается и на страницах «Школьной жизни...»: «Впрочем я не стану осмеивать бродяжничество моих земляков. Мы стали теперь бродячим народом, худо ли, хорошо ли, а это так. Я и сам бродяга, я отлучался из дома не менее пяти раз в прошлом году» (с. 13). Возможно, что Достоевский припомнил здесь описания

---

⁴⁰ Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 136.

вольных странствующих проповедников Англии, о которых писал К. П. Победоносцев в серии статей «Гражданина» «Русские листки из-за границы»; автор лично наблюдал предмет своего описания во время его пребывания в Англии в 1873 г.: «Нельзя не подивиться необычайной деятельности, которую проявляют английские диссентеры некоторых толков <...>. Англия наполнена вольными странствующими проповедниками, которые, переходя из места в место, открывают свою проповедь где-нибудь на площади, на рынке, на большой дороге: иной раз вовсе нет слушателей, а иногда собирается толпа и проповедь оставляет впечатление. <...> Он (проповедник. — *И. З.*) говорил о грехе, о покаянии, об аде, и не без таланта. <...> Эту среду (Лондон. — *И. З.*) избирают нередко для своей деятельности проповедники разных сект и частные лица, одушевленные горячим желанием внести свет в темную среду отверженных. Не мало примеров такой деятельности»⁴¹.

Макар Иванович в романе Достоевского густо уснащает свою речь живым простонародным слогом по образцу «Сказаний о странствии и путешествиях по России, Молдавии, Турции и Святой земли пострижника Святой горы Афонской инока Парфения»⁴² и народной старославянской лексикой. Аналогично этому «веселый, добродушный» старик Бенжи в «Школьной жизни...», «настоящая нянька» Тома, рассказывает «своему питомцу о деяниях его умерших предков», вместе с «мудрецом» Айвис, использует просторечия и народные словечки.

В черновиках к своему роману Достоевский упоминает имена нескольких древнерусских подвижников⁴³, создавая собственный образ наставника Макара в «Подростке». В своем письме к Н. А. Любимову от 11 июня 1879 г. Достоевский разъясняет смысл характера Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «Если удастся, то сделаю дело хорошее: *заставлю сознаться*, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее» (30₁, 68). Позже, в письме от 7 (19) августа 1879 г. Достоевский подтверждал, что он создал образ старца Зосимы, воплощая моральный идеал «русского инока» (30₁, 102). Достоевский считал, «что против действительности не погрешил» и пояснял: «...не только как идеал справедливо, но и как действительность справедливо» (30₁, 102). Эти слова созвучны с его описанием Пушкинского летописца Пимена и Гомеровского Ахиллеса (см. рассуждения о том, что Ахиллес «действительно

---

⁴¹ [Победоносцев К. П.] Русские листки из-за границы // Гражданин. 1873. № 36. С. 921–923. «К протестантизму Победоносцев даже испытывал определенную симпатию. Ему импонировали многие черты данного вероучения» (Полунов А. Ю. Протестантизм и католичество в оценках «Русского Тюрквмады»: К вопросу о религиозных воззрениях К. П. Победоносцева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 5 (17). С. 21).

⁴² Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке». С. 137.

⁴³ Там же. См. также: Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...»: К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. С. 71–104.

греческий тип», хотя «он как лицо, может быть, никогда не существовал» (19, 9)). В своих творческих поисках Достоевский вдохновлялся идеями, воплощенными в произведениях европейской литературы, выявлял им параллели в русской действительности и создавал свои произведения, имеющие и национальное, и мировое значение.

Описание смерти Марка Ивановича в романе «Подросток» и старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» содержит черты, которые мы можем обнаружить в описании смерти Доктора в романе Хьюза. Влияние наставников на воспитанников не ослабевает после их смерти, распространяясь на процесс взросления их учеников, Аркадия и Алеша. В более ранних планах Достоевского представить воздействие наставничества или «института “старчества”» в подготовительных материалах к «Житию великого грешника» и в неопубликованной главе «Бесов», окончание жизненного пути старца не предусмотрено. Однако во второй половине 1870-х гг., после своего знакомства с романом Хьюза этот сюжетный ход начинает играть значительную роль: «Возникновение такого типа культурного механизма, обеспечивающего идеальный переход от “детства” к “моральной зрелости”, решающего проблему трагичности бытия человека Нового времени, Достоевский, в конце концов, связал с институтом “старчества”. Старец (“странник”) — существо особого рода, одной из главных культурных задач которого становится этическое отцовство по отношению ко всем “детям” (независимо от их биологического возраста), которых ждет трагическое испытание “подростковостью”»⁴⁴.

В романе «Подросток» представлены разнообразные виды воспитательной деятельности, включая и «пансионичко Тушара» (13, 268), устроенного подобно частной школе, в которой произошел неприятный эпизод, описанный в «Школьной жизни...».

От духовного наставничества Макара Ивановича и московского воспитателя Аркадия Ивана Семеновича («Подросток») резко отличается псевдонаставничество Версилова и Ламберта, которые отрицательно влияют на Аркадия; подобным образом в романе «Школьная жизнь...» жестокость и издевательства со стороны препостера наносят тяжелый моральный вред Тому. Иван Семенович выступает в романе в функции резонера, анализирующего точку зрения автора, в финале романа с его помощью проясняются авторские намерения. Аналогичным образом в финале «Школьной жизни...» также появляется резонер-учитель, разъясняющий Тому и читателю основные принципы педагогики Доктора. Стратегическая цель Достоевского и Хьюза — показать процесс формирования личности подростка. Обе художественно-педагогические системы совпадают в том, что в центре внимания оказывается процесс самопознания молодого человека, ищущего себя, что органически

---

⁴⁴ Барит К. А. Герой Ф. М. Достоевского как Подросток // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003. С. 20.

связано с выявлением ценности наставничества как социально-моральной категории.

На процесс воспитания Тома в «Школьной жизни...» значительное влияние оказывает его окружение — школьные товарищи, отношения с которыми весьма напоминают те, которые существовали между Аркадием в «Подростке» и Алешей в «Братьях Карамазовых» и окружавшими их «русскими мальчиками». Задушевные философские беседы между Томом и Гарри Иастом, между Томом и Артуром отчасти напоминают диалоги между Алешей, Дмитрием и Иваном в «Братьях Карамазовых». Некоторые черты характеров школьников в романе Хьюза можно обнаружить в героях Достоевского: Иван Карамазов имеет сходство с Мартином по прозвищу «Сумасшедший» из «Школьной жизни...». Из этого человека, считает повествователь, подходящее обучение «создало бы <...> физика, и вообще естествоиспытателя. Он страстно любил птиц, животных, насекомых <...> был он тоже экспериментальным химиком, устроил себе электрическую машину» (с. 168). Но не только открытия в естественных науках, но и этические мотивы лежали с оснований стремления многих викторианцев пересмотреть некоторые аспекты традиционного христианства. Друг Тома, Гарри Иаст, является одним из примеров такого рода сомнений, также напоминая Ивана Карамазова, который отказывается от высшей гармонии за счет страданий других людей по моральным соображениям. Иаст признается Тому: «Я не желаю нисколько попасть в число тех, которых вы считаете святыми, избранными <...> я сочувствую большинству, тем несчастным, которые толкаются по улицам и не ходят в церковь». Из-за неразрешимости моральных противоречий на душе у него «происходит страшная путаница», и он опровергает доктрину, согласно которой «большая часть рода человеческого будет стоять вне законного помилования, и тому подобное, что по-английски просто значит: пойдет в ад, а небольшая частичка его с торжеством будет смотреть на это» (с. 228). Подобные ему викторианцы, которые считали доктрины, стоящие «вне законного помилования», не оправданными ни с моральной, ни с канонической точки зрения (например, так называемое «младенческое проклятие»⁴⁵, суть которого состоит в том, что младенцы, умирающие до крещения, попадают в ад, так как наследуют первородный грех), существовали в действительности. Что касается крещения и спасения, то в Священном Писании говорится, что только через исповедание Иисуса Христа как Господа и Его искупительную работу на кресте можно спастись (Иоанн 14: 6; Римлянам 10: 9–10). Заметим, что, так же как и текст Достоевского, текст Хьюза пострадал от церковной цензуры: фрагмент откровенных бесед Иаста и Тома был вычеркнут при переводе.

---

⁴⁵ См.: Landow G.P. Broad Church or Liberal Christianity in *Tom Brown's Schooldays*. <http://www.victorianweb.org/authors/hughes/religion3.html> (дата обращения: 31.07.2019).

Примечательно, что Подросток должен был интересоваться философией, как это видно из вариантов черновых автографов (17, 78), в которых он упоминает Лейбница (автора «Теодицеи» [1710]), но этого не было использовано в опубликованной версии.

Особый слой рассматриваемых текстов составляет тема изобретательности как национальной черты того или иного народа. Предприимчивость школьников в романе Хьюза сравнивается с изобретательностью «русских инженеров в Севастополе», у которых «на всякое движение противника находился ответ» (с. 169)⁴⁶. В свою очередь, в «Подростке» изобретательность русских мужиков превосходит изобретение англичан и О. Монферрана, строителя Исаакиевского собора (23, 165–167). Старшеклассники в школе «Регби», преуспевающие в спорте, считаются героями, составляя предмет восхищения мальчиков младшего возраста; нечто похожее мы наблюдаем в описании превосходства Коли Красоткина над Илюшей и другими мальчиками в «Братьях Карамазовых». Но поклонение героям по Карлейлю⁴⁷ подкрепляет намерение Хьюза изобразить преданность Тома героической личности Доктора как одну из версий «поклонения к Тому, Кто создал их, Владыке и Господу нашему» (с. 254). Такого рода вера в духовный авторитет наставника свойственна и Алеше Карамазову.

Личностная зрелость приходит к Тому, когда он по поручению Доктора начинает заботиться о младшем школьнике Джордже Артуре, набожном и физически слабом мечтателе, отец которого, священник и чартист, умер во время исполнения пасторских обязанностей. Том защищает Артура от издевательств со стороны одноклассников, и одновременно, как бы бросая им вызов, сам начинает читать Библию и молиться. Тем самым он преодолевает смущение, которое ранее мешало ему молиться по утрам, стоя на коленях, перед другими мальчиками в спальном помещении школы. Он заставляет себя опуститься на колени, и переживает момент религиозного озарения: «Наконец, как бы из глубины души его вырвался тихий, едва слышный голос и произнес слова мытаря: “Боже, милостив буди мне грешному”». Он повторил их много раз, ухватившись за них как будто от них зависела его жизнь, и встал подкрепленный и покорный, готовый сразиться с целым светом... И он отправился в классы с зарождающимся в душе светом новой, дотоле ему не ведомой истины, что тот, кто покорил робость своего собственного духа, покорил себе и весь внешний мир, и другой еще, усвоенной ветхозаветным пророком в пещере

---

⁴⁶ Военный инженер Э. И. Тотлебен (1818–1884) обессмертил свое имя участием в обороне Севастополя. Достоевский встречался с ним в 1840-х гг. и в 1856 г. обратился к нему с просьбой о ходатайстве по поводу производства в офицерский чин и о разрешении печататься. Тотлебен принял живое участие в его судьбе: «Всю жизнь буду помнить о благородном поступке его со мною» (28, 214–215, 225, 240–241, 342–343, 371–372).

⁴⁷ *Carlyle Th. On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History*. London, 1841.

горы Хорив, в то время как он скрывался в ней, и тихий, едва внятный голос вопрошал его: “Что делаешь ты здесь, Илья?”. — Той именно, что хотя мы и можем воображать себя единственными сторонниками добра, но у Царя и Владыки Вселенной в исповедниках никогда недостатка не бывает, потому что во всяком обществе, как бы испорчено и безбожно ни казалось оно, найдутся люди, Ваалу не поклоняющиеся» (с. 154). Подобного рода шаг к своей духовной зрелости делает Аркадий в «Подростке», после того как берет на себя ответственность за жизнь подкинутого младенца (13, 80). Далее, несмотря на первоначальное намерение скопить денег и стать Ротшильдом, он собирается выделять на содержание ребенка 8 рублей в месяц, объясняя это так: «...никакая “идея” не в силах увлечь (по крайней мере, меня) до того, чтоб я не остановился вдруг перед каким-нибудь подавляющим фактом и не пожертвовал ему разом всем тем, что уже годами труда сделал для “идеи”» (13, 81).

Оба автора активно используют мотив сна персонажа в качестве обозначения сильнейшего эмоционального напряжения или болезненного состояния, придавая ему символическое значение и формируя ряд изменений в дальнейшем действии. Духовное созревание Тома ускоряется, когда его маленький друг Артур оказывается близок к смерти из-за лихорадки. Однако он выздоравливает и рассказывает Тому о видении, которое, по его мнению, заставило его остаться живым⁴⁸. Нравственное прозрение Аркадия в «Подростке» также начинается на четвертый день после болезни, когда он лежит в постели и видит, что косою луч солнца ударяет прямо в угол его стены и далее слышит голос Макара Ивановича (13, 283–284). В «Братьях Карамазовых» сны Алеши, Дмитрия и Ивана производят ряд изменений в сюжете романа, а болезнь и смерть Ильюшечки становится фактором, оказавшим влияние на рост духовного самосознания входящих в жизнь «русских мальчиков». Подобно снам-видениям в «Подростке», сон-озарение Артура играет в «Школьной жизни...» ключевую роль. Он говорит Тому: «Умирать, не успев испытать борьбы, не потрудившись, никому не пожертвовав своею жизнью было для меня тяжким бременем. Терпение изменило мне, я роптал на Господа за несправедливость <...> сердцем моим овладевал тяжелый, оцепеняющий трепет, говоря: ты мертв, мертв, мертв. И я воскликнул: “живые, живые восхвалят Тебя, Господи; мертвые не могут восхвалять Тебя. В могиле нет работы, никто не может работать во тьме. Но я могу трудиться. Я могу совершить многое. Зачем хочешь Ты умертвить меня?” Таким образом я боролся и погружался все глубже и глубже, и, наконец спустился наживо

---

⁴⁸ Сон Артура строится на основе Ветхого и Нового Завета (Иез. 1: 24, 5: 28; Ис. 38: 18–19; Откр. 9: 4; Иов 13: 15; Пс. 115: 17 и др.); сон изображает спуск Артура в духовную тьму, сродни пути Христа, спустившемуся в Ад до Воскресения, а также картину, представляющую жителей Неба на реке (вероятно, Иордан) (с. 213–215).

в темную могилу. Там я лежал один, не имея силы ни действовать, ни мыслить; глаз на глаз с самим собою; вне всякого сообщества человеческого, вне помощи Христовой, как думал я, в моем тяжелом сне» (с. 213). Далее Артур просит Тома молить Господа, чтобы он никогда не испытал такого состояния: «...когда я, казалось, лежал в этой могиле, думая что осужден на вечное одиночество, черная, глухая стена рассеялась надвое, и я был поднят и вынесен в свет какой-то великой силой, каким-то живым могучим духом. Том, помнишь ты видение колес и животных в Иезекииле? Вот с чем можно это сравнить. “И я слышал шум крыльев их, когда оне летели, как шум обильных вод, как глас Всемогущего Бога, и когда оне шли, то звук речей их был как шум полчищ, и когда оне останавливались, то крылья их опускались и каждое из них шло прямо вперед. И куда шел дух, туда шли и оне, и идя не оборачивались”». И мы неслись по светлому воздушному пространству, в котором кишела тьма живых существ и остановились на берегу большой реки. И сила поставила меня там, и я догадался что река могила и что тут обитает смерть; но не та смерть, которую видел я в темном склепе, — эта, я чувствовал, покинула меня навсегда. На другом берегу большой реки я увидел мужчин, женщин и детей, выходящих очищенными и просветленными; глаза их осушались от слез, и они восставали в славе и силе, болезни и печали не касались их более. Еще подалее была тьма людей, которой не перечесть человеку, и все они были заняты каким-то великим делом; те же, которые выходили из реки, присоединялись к ним. Все они работали, всякий своим отдельным образом, но дело было у всех одно. Я там видел отца и многих из обывателей из нашего старого города... и все имели одну печать на лбу» (с. 213–214). Артур увидел, что все они трудятся, заняты одним и тем же делом, и захотел узнать суть их труда, присоединиться к этим людям на другом берегу реки, но не смог этого исполнить (с. 214). Вглядевшись пристальнее, он увидел там свою матушку, сестер, Доктора, Тома и сотни других знакомых ему лиц, и наконец увидел и самого себя: «...и я трудился и исполнял незначительную частичку великого дела» (с. 214).

Сон Артура в метафорической форме изображает загробную жизнь или жизнь в ином измерении по сравнению с Землей, где множество людей трудятся, «всякий своим отдельным образом, но дело было у всех одно» (Там же). Видение Артура основано на текстах Священного Писания, и некоторыми чертами напоминает откровения героя «Сна смешного человека» (25, 104–119). Смешному человеку также снится, что он лежит в холодной могиле, совершенно один, но неожиданно могила разверзается, он взят каким-то неизвестным существом, которое уносит его далеко от земли в пределы «темных и неведомых пространств» (25, 109–110). Образ разверзающейся могилы, вероятно, восходит к Евангелию от Матфея (27, 51–53). Подобно Артуру, Смешной человек переносится в своем видении в иную реальность, видит

и узнает людей «счастливой земли этой», понимает, что это «земля, не оскверненная грехопадением» (25, 112). Подобным образом в «Подростке», в сне Версилова о Золотом веке, повторяются мотивы земного рая человечества: «О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные» (13, 375). Версиров как атеист и «гнусный петербуржец» (25, 113) трансформирует видение в картину, в которой исчезла бы «великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее» (13, 379). Моделируя гуманистическую идею о безрелигиозной нравственности, Версиров утверждает, что, потеряв идею бессмертия, люди «работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем всё свое и тем одним был бы счастлив» (13, 379). Мотив совместной работы на общее благо в сновидениях героев «Школьной жизни...» и «Подростка» аллюзивно связывает сон Версилова со сном Артура. В первой версии сна о Золотом веке в неопубликованной главе романа «Бесы» «У Тихона» этот мотив отсутствует.

Помимо возвышенного религиозного откровения, во сне Артура содержится апофеоз идеи трудовой этики, личной ответственности человека перед обществом, на которой основывалась идеология викторианской культуры. Выводы, которые делает герой из этой сцены, похожи на заключительный эпизод сюжета «Подростка», когда обсуждается дальнейшая жизнь главного героя. Татьяна Павловна в роли его искреннего друга надеется, что он поступит в университет, предлагая финансовую помощь. Аркадий возражает ей, что не имеет теперь права так тратить время, так как должен трудиться (13, 451). Эта мысль противоречит словам Версилова в первой части романа, где он декларирует, что наслаждения труда «выдумали праздные люди, разумеется из добродетельных. Это одна из “женевских идей” конца прошлого столетия» (13, 87). Финал «Подростка» подтверждает, что описанный в романе процесс духовного роста героя в форме написания дневника-хроники приводит его к идее сакрального смысла трудовой этики.

Как известно, сон Версилова аллюзивно связан с картиной Клода Лоррена «Асис и Галатей» (Дрезденская галерея); образ Золотого века появляется в 7-й главе третьей части «Подростка» (13, 373–380). Мистическое видение Артура в «Школьной жизни...» также сочетается в памяти Тома с картиной и с тихо догорающими лучами заходящего солнца. Мотив идиллического золотистого цвета повторяется в освещении светлых волос Артура и сравнения его облика с изображением ангела. Эта сцена происходит после того, как Артур рассказал о своем сне Тому, и лежит на диване «у открытого окна, в котором тихо догорали лучи заходящего солнца, освещая его бледное лицо и золотистые волосы. Тому пришло на память изображение ангела, кисти какого-то немецкого художника, которое он видал. <...> потом он опять стал смотреть в окно, как бы не желая ни на минуту оторваться от солнца, ложившегося за вершины огромных развесистых вязов, над которыми, крича, кружились грачи, стаями возвращаясь с вечерних поисков

за кормом» (с. 206). Повествователь «Школьной жизни...» тоже упоминает Дрезденскую галерею, когда упрекает своих английских читателей за то, что они бесконечно путешествуют по Европе и знакомы с различными художественными школами и галереями Дрездена и Лувра, но не знают своих собственных проселков, лесов, родных полевых цветов, кукушкиных слезок и т. д. (с. 4). После рассказа о сне появляется мать Артура, в которую Том словно бы влюбляется с первого взгляда, что напоминает противоречивые чувства Аркадия по отношению к Ахмаковой, женщине старше его (13, 202–203). Взгляд Тома снова встречается «с тем глубоким приветливым взглядом» матери Артура, «который приковывал его как волшебством» (с. 216). Глава заканчивается замечанием повествователя: «Предоставляю вам догадаться как он спал в эту ночь и что видел во сне» (с. 216). Но в романе Достоевского воспроизводятся «бред и бесчисленные сны» Аркадия, когда ему снится Ахмакова (см.: 13, 305–306).

В обоих романах используется ряд похожих сюжетных линий, например, секретный документ, зашитый в кармане Аркадия, воспроизводит линию секретных документов во владении Тома, которые позволяют ему обманывать при подготовке школьных заданий. Несостоятельность намерений обоих героев показана авторами.

О лучах заходящего солнца, излюбленном образе Достоевского, существует множество работ⁴⁹. Он появляется в неопубликованной главе «У Тихона», повторяется во сне Версилова в «Подростке», где обретает еще более сложный символический смысл. Существует вероятность, что это произошло не без влияния «Школьной жизни...», публикация которой готовилась скорее всего с участием Достоевского в предшествующих месяцах 1873–1874 гг. Изображение солнца в романе Хьюза возникает в разных аспектах и смысловых коннотациях. В первой части романа яркое и сияющее солнце связано у него со значением полноты жизни, но во второй части заходящее солнце связано со смертью, а также бессмертием и вечностью. Воспоминание Тома о картине какого-то немецкого художника в сочетании с заходящим солнцем и лихорадкой не только создает настроение, но и становится сюжетным событием. Эти же приемы мы встречаем в поздних романах Достоевского. В «Школьной жизни...», помимо процитированной выше сцены, целый ряд эпизодов связан с мотивом заходящего солнца.

Этот мотив возникает в момент переживания Тома, узнавшего о смерти Доктора, когда он перебирает в памяти свои воспоминания

---

⁴⁹ Дурьлин С. Н. Об одном символе у Достоевского // Достоевский: Сб. статей. М., 1928. С. 163–199 (Труды Государственной академии художественных наук. Литературная секция. Вып. 3); Walsh H. The Permutations of a Complex Metaphor: Dostoevskij's Sunsets // Slavic and East European Journal. 1983. Vol 27, N 3 (Fall). P. 293–301; Касаткина Т. А. Два образа солнца в романе «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. Коломна, 2003. С. 53–63; Тарасова Н. А. Образ заходящего солнца в романе «Подросток»: Достоевский и Диккенс // Русская литература. 2012. № 1. С. 124–132.

последних восьми лет жизни: «Лучи заходящего солнца тихо прокрадывались сквозь расписные окна над его головой» (с. 253). Описание сцены ухода Тома из школы также связано с этим мотивом: «Длинный ряд школьных зданий задумчиво взирал на них с высоты своего величия; все окна его были залиты светом догорающих лучей заходящего солнца...» (с. 233).

В «Подростке» Достоевский меняет семантику этого мотива в зависимости от психологического состояния персонажа: вначале восприятие солнца Аркадием имеет главным образом негативные коннотации (13, 291), в процессе духовного роста, когда на него начинают оказывать благотворное влияние беседы Макара Ивановича, его отношение к солнцу становится все более позитивным. Такого же рода трансформации претерпевает этот знак и в восприятии Версилова: во сне он видит картину первого дня Золотого века в лучах заходящего солнца (13, 375), после пробуждения он видит заходящее солнце последнего дня европейской цивилизации: «Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола» (13, 375). Вполне вероятно здесь присутствует аллюзия на секулярно-апокалиптическое произведение Жана-Баптиста Франсуа Ксавье Кюзена де Гранвиля (Jean-Baptiste Francois Xavier Cousin de Grainville, 1746–1805) «Последний человек» (“Le dernier homme”, 1805)⁵⁰, переведенного на английский язык в 1811 г. и вышедшего с предисловием Шарля Нодье⁵¹. Это фантастическое произведение заложило основы большой темы, которой посвящены многие произведения европейской литературы, такие как «История неба» К. Фламариона, которая находилась в библиотеке Достоевского⁵².

Подобного рода знак заходящего солнца, связанный с мыслью о «мирах иных», встречается в романе «Братья Карамазовы». Такова сцена прогулки Илюшечки и его отца к одиноко лежащему большому камню: «Ветерок тогда начался, солнце затмилось, осенью повеяло, да и смеркалось уж <...>. Дошли мы, вот как теперь, до этого самого камня, сел я на камень этот, а на небесах всё змеи запущены, гудят и трещат, змеев тридцать видно. <...> А тут ветер вдруг загудел, понесло песком... <...> Никто нас тогда не видел-с, Бог один видел, авось мне в формуляр занесет-с» (14, 189–190). Возможно, что мотив «Илюшечкиного камня» в «Братьях Карамазовых» был вдохновлен описанием в «Школьной жизни...» Хьюза обладающего волшебной силой «звучащего» камня, который находится в Долине Белой Лошади (с. 9).

---

⁵⁰ [Grainville J.-B. F.X.C. de.] Le Dernier Homme. Ouvrage posthume: Par M. de Grainville, Homme de Lettres. Paris: Chez Deterville, Libraire. 1805. T. I.

⁵¹ The Last Man or Omegarus and Syderia, A Romance in Future. In 2 vols. London: Printed for R. Dutton, 1806.

⁵² В библиотеке Достоевского находилось одно из двух изданий: История неба. К. Фламарион / Пер. М. Лобач-Жученко. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875 (2-е изд.: СПб.: Тип. В. Веллинга, 1879) (Библиотека Ф.М. Достоевского: опыт реконструкции. СПб., 2005. С. 196).

«Илюшечкин камень» обретает свое значение в связи с темой актуализации нравственных ценностей, христианским духом в воспитании подрастающего поколения и идеей духовного наставничества, совпадая тем самым с основными темами книги Т. Хьюза «Школьная жизнь...».

Как известно, Достоевский не всегда обнажал претексты своих произведений, довольно часто маскируя или скрывая заимствования, в то же время или расширяя тему чужого текста или формируя ее парафраз в сниженном, иногда даже бурлескном виде⁵³. Возможно, это касается и «Школьной жизни...». Убрав символику сна из «Исповеди Ставрогина» и связав этот мотив с идеологией Версилова в «Подростке», Достоевский провел черту, разделяющую две редакции романа «Бесы», вероятно, не без влияния событийной канвы и особенностей идеологии романа Хьюза.

В некоторых случаях Достоевский выводит претекст на поверхность, особенно если он легко узнаваем, как, например, в эпизоде «Подростка», где Тришатов вспоминает об образе заходящего солнца в романе Ч. Диккенса «Лавка древностей», где «прелестная тринадцатилетняя девочка, <...> вся облитая последними лучами, стоит и смотрит на закат с тихим задумчивым созерцанием в детской душе, удивленной душе, как будто перед какой-то загадкой, потому что и то, и другое, ведь как загадка — солнце, как мысль Божия, а собор, как мысль человеческая...» (13, 353). Здесь видно намерение писателя обнажить переживания своего персонажа, вспоминающего известное произведение Диккенса; однако через несколько страниц Версиров пародийно ассоциирует этот образ с гибелью европейской цивилизации. Стоит обратить особое внимание на характер Тришатова, цитирующего Диккенса. В «Подростке» он описан как генеральский сын, «хорошенький» мальчик, которого стыдится семейство; будучи втянут в скверную историю, от судебного преследования он был спасен Ламбертом (13, 348). В финале Тришатов предотвращает трагедию, когда предупреждает Аркадия об интригах Ламберта (13, 441–442). Подобного типа персонаж есть и в «Школьной жизни...», хотя в отличие от Тришатова без функции спасающего *deus ex machina*. Повествователь намекает на то, что некоторые отношения между старшими и младшими воспитанниками не являются образцом нравственности: «Он был из числа тех плохеньких, красивеньких мальчиков с белыми ручками и вьющимися волосками, избалованных и изнеженных некоторыми из воспитанников старшего класса, писавших за них стихи, научивших их пьянствовать и употреблять неприличные выражения в разговоре и делавших все, что только можно, чтобы сгубить их в настоящей и будущей жизни» (с. 157). В примечании рассказчик добавляет: хотя и «существовало немало честных, дружественных связей между старшими и младшими

---

⁵³ См., например: Барин К. А. О сосуде с елеем Исайи Отшельника и непреднамеренном бурлеске капитана Лебядкина // Вопросы литературы. 2013. № 2. С. 439–463.

воспитанниками, но я вычеркнуть параграфа не могу, многие воспитанники догадаются, почему я его оставляю» (с. 157).

В произведениях Томаса Хьюза и Достоевского встречается большое количество цитат из Священного Писания⁵⁴ и аллюзий на произведения мировой литературы, что объединяет дискурсивные практики писателей и заслуживает отдельного изучения. У Хьюза чаще встречаются ссылки на Ветхий Завет, чем на Евангелие, в то время как в произведениях Достоевского, написанных до «Подростка» и «Братьев Карамазовых», можно чаще увидеть ссылки на Новый Завет, в особенности — Апокалипсис. Аллюзии Хьюза на Ветхий Завет включают главным образом книгу Бытия, Числа, Третью и Четвертую книги Царств, Иова, пророков Екклесиаста, Исаии, Иезекииля, Даниила, а также на Псалмы. Аллюзии на Новый Завет включают Евангелие от Матфея, Луки, Иоанна, послание к Римлянам и Откровения Иоанна Богослова. Писатель обращается также к произведениям британского культурного анклава, создавая пестрый дискурсивный «пэчворк».

Напротив, решительно разъединяет двух писателей подход к изображению внутреннего мира протагонистов. Достоевский нередко отображает психологические состояния своих персонажей — молодых людей, их отцов, представителей «случайного семейства». В противоположность этому Хьюз воспеваает психически здоровую молодежь, стабильную общественную среду, где дети растут в атмосфере любви и заботы, получая уроки от родного очага и культурных корней. Герои Хьюза — это воспитанные в духе долга перед родной страной юные подданные Британской империи. Подобно тому, как это происходило с самим Достоевским в юности, в большинстве случаев именно в семьях они получали начала религиозного воспитания (ср.: «через любовь, преданность и чистоту матерей, сестер, жен, через твердость крепость духа и мудрость отцов, братьев и наставников <...> прийти к познанию Того» (с. 253–254)). Как Достоевский открыто заявил в «Дневнике писателя» за 1876 г., в «Подростке» он представил потомство «случайного семейства», которое, по его мнению, возникло в «беспорядке» и нравственном хаосе современной жизни в России — явление, игнорируемое другими писателями, такими как Л. Н. Толстой или И. А. Гончаров. «Подросток» — своего рода «Отцы и дети» в интерпретации Достоевского: «Всё это выкидыши общества, “случайные” члены “случайных” семей» (22, 8). Это относится к персонажам не только «Подростка», но и «Братьев Карамазовых».

Почему Достоевский сосредоточился на теме «случайных семейств» и социальном «беспорядке»? Возможно, потому что с начала

---

⁵⁴ См.: *Захаров В. Н.* Достоевский и Евангелие // *Евангелие Достоевского*: В 2 т. М., 2010. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. С. 5–35; *Тихомиров Б. Н.* Отражение Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Там же. С. 63–469; *Якубович И. Д.* Поэтика ветхозаветной цитаты и иллюзии у Достоевского: бытование и контекст // *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 2005. Т. 17. С. 42–60.

1870-х гг., в русском обществе возникли слухи о безнравственном поведении некоторых членов царской семьи, включая великих князей, братьев и племянников царя⁵⁵. Стало известно, что некоторые из них завели себе любовниц, внебрачных детей, эти неофициальные вторые семьи в отдельных случаях оказались замешаны в общественных скандалах. Слухи касались в том числе и Александра II. Возможно, Достоевский пошел на риск, решив включить эту тему в свое повествование, ведь в обществе, в котором он вращался, познакомившись с Мещерским, знали о запретном предмете, о связи между императором и Е. М. Долгоруковой (Долгорукой) (1847–1922). Их отношения начались в 1866 г. после трагической смерти старшего сына и наследника Александра II, вел. кн. Николая Александровича (1843–1865). Екатерина Долгорукова была на тридцать лет моложе Александра II, ко времени, когда Достоевский сделал первые подготовительные записки к роману «Подросток», у них родилось двое детей⁵⁶. Поэтому нельзя исключить предположение, что фамилия героя «Подростка» Аркадия («Долгорукий») возникла не случайно⁵⁷.

О второй семье государя знали не только в России. Королева Виктория не желала союза дочери Александра II великой княжны Марии и принца Альфреда именно потому, что считала Романовых беспринципными⁵⁸. На эту связь Александра II, очевидно, косвенно намекал и декан Вестминстерского аббатства, Артур Стэнли в своей проповеди, «Христианское поручительство», произнесенной в собственной часовне Виндзорского замка 8 марта 1874 г., в первое воскресенье после прибытия их королевских высочеств герцога и герцогини Эдинбургских в Англию; этот текст был опубликован в русском переводе в «Гражданине» 25 марта 1874 г. В частности, он писал: «Наши примеры, худые

⁵⁵ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005. С. 155–156, 267–269.

⁵⁶ Сафронова Ю., Юрьевская Е. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 71.

⁵⁷ Существует предположение, что фамилия Аркадия в «Подростке», возможно, намекает на фамилию П. В. Долгорукова (1816–1868), эмигранта и деятеля Вольной русской печати, с прозвищем “Dolgoruky le Banca” (см.: Пустыгина Н. Г. О фамилии Долгоруков в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1985. Вып. 645. С. 37–53.

⁵⁸ Несмотря на то что ее собственный старший сын, принц Уэльский, имел плохую репутацию, о которой она в основном не подозревала. «Принципы в России очень слабы; сыновья Императора, сестры и братья не являются исключением из этого правила» — писала она своему секретарю лорду Гренвилу 10 февраля 1873 г. Но и Александр II тоже не говорил ничего благоприятного о королеве Виктории. Во время своего визита в апреле 1874 г. в Виндзорский замок он сообщал Екатерине Долгоруковой, что королева Виктория «еще больший урод, чем на своих портретах», а также что он видел ее фаворита, «знаменитого Брауна» (см.: Сафронова Ю., Юрьевская Е. Роман в письмах. С. 203). Но фаворит королевы Виктории как будто ничего общего не имел с Браунами в романе Хьюза. Первый раз она упоминает Брауна в своем журнале 11 сентября 1849 г. (см.: Longford E. Victoria R. I., Weidenfeld and Nicolson. London, 1964. P. 215).

или хорошие, приводятся <...> как оправдание порока или поощрение к добродетели. Смерд или благоухание нашего духа или заражают или очищают, как часто видно, весь нижний ток народной жизни. Ошибки и падения, которые относительно можно бы извинить темному простолыдину, тем более вредны, чем выше мы поднимаемся по общественной лестнице. С другой стороны, добрые дела, которые из самого скромного уголка далеко бросают лучи своего маленького светильника “в этот мир порока”, еще далее изливают свет свой, и потому еще более достойны усилий, когда свет этот исходит от высокого светильника, не могущего укрыться и освещающего разнообразные обитатели и даже широкий горизонт целой нации»⁵⁹.

Рассказ Стэнли о ветхозаветной истории Иосифа и его братьев, отраженной в Книге Бытия (43: 9), объединяет ее с историей Тома, родившегося, как и избранный Иосиф, среди вечных холмов (Быт. 49: 26), что не исключает возможность его существования в роли аллюзивного плана романа «Братья Карамазовы». Сходство между некоторыми эпизодами «Школьной жизни...» Т. Хьюза и поздними произведениями Достоевского вряд ли можно объяснить только совпадениями. Данная статья только приоткрывает возможность увидеть преемственность между шедеврами Достоевского и выдающимся творением английской литературы. Нет никаких сомнений, что в будущем эта тема привлечет к себе больше внимания, обещая новые открытия в творческих взаимосвязях между двумя великими европейскими писателями.

Библиографический список

- Барит К. А.* Герой Ф.М. Достоевского как Подросток // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003.
- Барит К. А.* О сосуде с елеем Исаяи Отшельника и непреднамеренном бурлеске капитана Лебяжкова // Вопросы литературы. 2013. № 2.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1970.
- Библиотека для чтения. 1858. Т. 148.
- Библиотека Ф. М. Достоевский: опыт реконструкции. Научное описание / Под ред. Н. Ф. Будановой. СПб., 2005.
- Буданова Н. Ф.* «И свет во тьме светит...»: К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012.
- Визе Л. А.* Письма о воспитании в Англии. СПб., 1858.
- Викторович В. А.* Повесть Ф. М. Достоевского об учителе: реконструкция замысла // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003.

---

⁵⁹ Христианское поручительство. Проповедь, произнесенная в собственной часовне Виндзорского замка 8-го марта 1874 г. в первое воскресенье после прибытия Их Королевских Высочеств Герцога и Герцогини Эдинбургских, Артуром Стенлеем, деканом Вестминстерского аббатства // Гражданин. 1874. № 12. 25 марта. С. 348–350.

- [*Викторович В. А.*] «Потрясение или просвещение»: статьи из «Гражданина» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2011.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 1.
- Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь справочник / Науч. ред. Г. К. Щенников и Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дурьлин С. Н.* Об одном символе у Достоевского // Достоевский: Сб. статей. М., 1928 (Труды Государственной академии художественных наук. Литературная секция. Вып. 3).
- Захаров В. Н.* Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: В 2 т. М., 2010. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию.
- Зограб И.* Освещение общественного воспитания в Англии на страницах «Гражданина» 1873–1874 во время редакторства Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года / Ред. В. В. Дудкин. Великий Новгород, 2005.
- Зограб И.* Об одном интертексте в «Братьях Карамазовых» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. Вып. 2.
- Касаткина Т. А.* Два образа солнца в романе «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. Коломна, 2003.
- Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: В 3 т. СПб., 1994. Т. 2: 1865–1874.
- Оксман Ю. Г.* Ф. М. Достоевский в редакции «Гражданина» (По неизданным материалам) // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Сборник статей и материалов / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921.
- Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб., 2011.
- Полунов А. Ю.* Протестантизм и католичество в оценках «Русского Торквемады»: К вопросу о религиозных воззрениях К. П. Победоносцева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 5 (17).
- Пустьгина Н. Г.* О фамилии Долгоруков в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1985. Вып. 645.
- Сафронова Ю.* Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017.
- Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.
- Сборник протоколов Общества духовнаго просвещения. С.-Петербургский отдел. 1873–1874. СПб., 1874.
- Тарасова Н. А.* Образ заходящего солнца в романе «Подросток»: Достоевский и Диккенс // Русская литература. 2012. № 1.
- Тихомиров Б. Н.* Отражение Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского. Исследования. Материалы к комментарию. М., 2010.

- Христианское поручительство. Проповедь, произнесенная в собственной часовне Виндзорского замка 8-го марта 1874 г. в первое воскресенье после прибытия Их Королевских Высочеств Герцога и Герцогини Эдинбургских, Артуром Стенлеем, деканом Вестминстерского аббатства // Гражданин. 1874. № 12. 25 марта.
- Хьюз Т.* Школьные годы Тома Брауна / Пер. Ю. Глек. [Электронный ресурс]. URL: <http://tombrown.parod.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
- Школьная жизнь Тома Брауна: Рассказ бывшего ученика: В 2 ч. / Пер. с англ. С прил.: 1. Усть-Вара: Рассказ Н. Б-ва. 2. Один из наших старых знакомых: Очерк К. С. Б. СПб.: Тип. и лит. А. Траншеля, 1874.
- Школьные годы Тома Брауна, описанные престарелым питомцем Ругби. Повесть изображающая нынешнее воспитание высших сословий Англии. Соч. Т. Гюкса. С Вагнеровой немецкой обработки. Пер. Ф. Резонером. СПб.; М.: Изд. книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа, 1875 (2-е изд. — 1899).
- Якубович И. Д.* К характеристике стилизации в «Подростке» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3.
- Якубович И. Д.* Поэтика ветхозаветной цитаты и иллюзии у Достоевского: бытование и контекст // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17.
- Armystage W.H.G., Mack E.C.* Thomas Hughes: the Life of the Author of Tom Brown's Schooldays. London, 1952.
- Carlyle Th.* On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History. London, 1841.
- Cornish F.W.* The English Church in the Nineteenth Century: In 2 vols. London, 1910. Vol. 1.
- Ferrall Ch., Jackson A.* Juvenile Literature and British Society, 1850–1950. New York; London, 2010.
- Frye N.* Anatomy of Criticism. Princeton, 1971.
- Grainville J.-B. F. X. C. de.* Le Dernier Homme. Paris, 1805. Т. 1.
- His Royal Highness The Duke of Edinburgh // The Times. 1873. Saturday, July 12, № 27740.
- Hughes T.* The Old Church. What Shall We Do with It? London, 1978.
- Hughes T.* The Manliness of Christ. London, 1879.
- Hughes T.* Tom Brown's Schooldays. By An Old Boy. London, 1869 (reprinted — Oxford: Oxford World's Classics, 1989).
- Landow G.P.* Broad Church or Liberal Christianity in Tom Brown's Schooldays. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/hughes/religion3.html> (дата обращения: 31.07.2019).
- The Last Man or Omegar and Syderia, A Romance in Future: In 2 vols. London, 1806.
- Longford E.* Victoria R. I., Weidenfeld and Nicolson. London, 1964.
- Norman E. R.* The Victorian Christian Socialists. Cambridge, 1987.
- The Oxford Dictionary of the Christian Church. London, 1957.
- Sanders A.* "Introduction" in Thomas Hughes' Tom Brown's Schooldays. Oxford, 1987.
- Stanley A.P.* Life and Correspondence of Thomas Arnold, D.D. Late Head-master of Rugby School, and Regius Professor of Modern History in the University of Oxford. London, 1844.

- Walsh H. The Permutations of a Complex Metaphor: Dostoevskij's Sunsets // Slavic and East European Journal. 1983. Vol. 27, N3 (Fall).
- Zohrab I. The contents of *The Citizen* during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the authorship of unsigned contributions. Dostoevsky's quest to reconcile the "flux of life" with a self-fashioned Utopia. Part I // The Dostoevsky Journal. 2004. N 5. P. 47–87; Appendix 1.

Zohrab Irene

TOM BROWN'S *SCHOOLDAYS* BY THOMAS HUGHES IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY IN THE 1870s

Key words: F.M. Dostoevsky, *The Citizen (Grazhdanin)*, *Tom Brown's Schooldays*, Thomas Hughes, pretext, Thomas Arnold, *Podrostok (The Adolescent)*, *The Dream of a Ridiculous Man (Son smeshnogo cheloveka)*, *Brothers Karamazov (Brat'ja Karamazovy)*, Thomas Arnold, mentor-teacher, "poetic truth", dream, setting sun, Old and New Testament

The first Russian translation of the English novel "Tom Brown's Schooldays" by T. Hughes was prepared for publication as a Supplement to "The Citizen" during the editorship of F.M. Dostoevsky. The article examines the publication of the novel against the literary-historical background and explores its intertextual connections (as a pre-text) to Dostoevsky's subsequent works: "The Adolescent", "Dream of a Ridiculous Man" and "Brothers Karamazov". The affinity between the two writers is revealed in the construction of plot and the representation of the process of self-actualisation (personal growth) of the individual, expanding the artistic possibilities of the genre of an existential novel of upbringing, and the overcoming of the "tragedy of existence of the New Age individual".

References

- Armstrong W.H. G., Mack E.C. *Thomas Hughes: the Life of the Author of Tom Brown's Schooldays*. London, 1952.
- Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, 1970.
- Barsht K. A. O sosude s eleem Isaji Otshel'nika i neprednamerennom burleske kapitana Lebjadkina. *Voprosy literatury*. 2013. N 2.
- Biblioteka F.M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie*. Red. N.F. Budanova. St. Petersburg, 2005.
- Budanova N. F. "I svet vo t'me svetit...": *K karakteristike mirovozzrenija i tvorchestva pozdnego Dostoevskogo*. St. Petersburg, 2012.
- Carlyle Th. *On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History*. London, 1841.
- Cornish F. W. *The English Church in the Nineteenth Century*: In 2 vols. Vol. 1. London, 1910.
- Dostoevskij. Sochinenija, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik*. Nauch. red. G. K. Shhennikov i B. N. Tihomirov. St. Petersburg, 2008.

- Dostoevskij v vospominanjah sovremennikov*. In 2 vols. Leningrad; Moscow, 1964.
- Durylin S. N. *Ob odnom simvole u Dostoevskogo, Dostoevskij: Sbornik statej*. Moscow, 1928.
- Ferrall Ch., Jackson A. *Juvenile Literature and British Society, 1850–1950*. New York; London, 2010.
- Frye N. *Anatomy of Criticism*. Princeton, 1971.
- Grainville J.-B. F. X. C. de. *Le Dernier Homme, Ouvrage posthume: Par M. de Grainville, Homme de Lettres*. T. I. Paris, 1805.
- Grainville J.-B. F. X. C. de. *The Last Man*. Middletown, CT, 2002.
- His Royal Highness The Duke of Edinburgh. *The Times*. 1873. Saturday, July 12. N 27740.
- Hughes T. *The Old Church. What shall we do with it?* London, 1978.
- Hughes T. *The Manliness of Christ*. London, 1879.
- Hughes T. *Tom Brown's Schooldays. By An Old Boy*. London, 1869 (Reprinted: Oxford World's Classics. Oxford, 1989).
- Jakubovich I. D. K. karakteristike stilizatsii v "Podrostke". *Dostoevskij. Materialy i issledovanija*. T. 3. Leningrad, 1978.
- Jakubovich I. D. Pojetika vethozavetnoj citaty i illjuzii u Dostoevskogo: bytovanie i kontekst. *Dostoevskij. Materialy i issledovanija*. T. 17. St. Petersburg, 2005.
- Kasatkina T. A. Dva obraza solnca v romane "Podrostok". *Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok": vozmozhnosti prochtenija*. Kolomna, 2003.
- Kuz'min Ju. A. *Rossijskaja imperatorskaja familija 1797–1917. Biobibliograficheskiy spravocnik*. St. Petersburg, 2005.
- Landow G. P. *Broad Church or Liberal Christianity in Tom Brown's Schooldays* (URL: <http://www.victorianweb.org/authors/hughes/religion3.html>).
- The Last Man or Omegarus and Syderia, A Romance in Future: In 2 vols*. London, 1806.
- Letopis' zhizni i tvorcestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881: In 3 vols*. St. Petersburg, 1993–1995. T. 2. 1865–1874.
- Longford E. *Victoria R. I., Weidenfeld and Nicolson*. London, 1964.
- Norman E. R. *The Victorian Christian Socialists*. Cambridge, 1987.
- Oksman Ju. G. F. M. Dostoevskij v redaktsii "Grazhdanina" (Po neizdannym materialam). *Tvorcestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921. Sbornik statej i materialov*. Pod red. L. P. Grossmana. Odessa, 1921.
- The Oxford Dictionary of the Christian Church*. London, 1957.
- Patrusheva N. G. *Periodicheskaja pečat' i cenzura Rossijskoj Imperii v 1865–1905 gg. Sistema administrativnyh vzyaskanij. Spravochnoe izdanie*. St. Petersburg, 2011.
- Polunov A. Ju. Protestantizm i katolichestvo v ocherkah "Russkogo Torkvemady": K voprosu o religioznyh vozzrenijah K. P. Pobedonostseva. *Vestnik PSTGU. Serija i Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*. 2016. Vyp. 5 (17).
- Pustygina N. G. O familii Dolgorukov v romane F. M. Dostoevskogo "Podrostok". *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. univ*. 1985. Vyp. 645.
- Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs*, Paris.
- Safronova Ju., Jur'evskaja E. *Roman v pis'mah*. St. Petersburg, 2017.
- Sanders A. Introduction. *Thomas Hughes, Tom Brown's Schooldays*. Oxford, 1987.

- Sbornik postanovlenij i rasporyzhenij po tsenzure s 1720 po 1862 god.* St. Petersburg, 1862.
- Sbornik protokolov Obshhestva duhovnago prosveshhenija.* St. Petersburgskij otdel. 1873–1874. St. Petersburg, 1874.
- Shkol'nye gody Toma Brauna, opisannye prestarelym pitomcem Rugbi. Povest' izobrazhajushhaja nyneshnoe vospitanie vysshij soslavov Anglii.* Sochinenie T. Gjuksa. S Vagnerovoj nemeckoj obrabotki. Perevedeno F. Rezonerom. St. Petersburg; Moscow, 1875 (2-e izd. 1899).
- Shkol'naja zhizn' Toma Brauna: Rasskaz byvshego uchenika:* V 2 ch. Per. s angl.: S pril.: 1. Ust'-Vara: Rasskaz N. B-va. 2. Odin iz nashih staryh znakomyh: Ocherk K.S.B. St. Petersburg: tip. i lit. A. Transhelja, 1874.
- Stanley A. P. *Life and Correspondence of Thomas Arnold, D. D. Late Head-master of Rugby School, and Regius Professor of Modern History in the University of Oxford.* London, 1844.
- Tarasova N.A. Obraz zahodjashhego solnca v romane "Podrostok": Dostoevskij i Dikens. *Russkaja literatura.* 2012. N 1. S.124–132
- Tihomirov B. N. Otrazhenie Evangel'skogo Slova v tekstah Dostoevskogo. Materialy k kommentariju. *Evangelie Dostoevskogo. Issledovanija. Materialy k kommentariju.* Moscow, 2010.
- [Viktorovich V.A.] "Potrjasenie ili prosveshhenie": stat'i iz "Grazhdanina" F.M. Dostoevskogo. Kolomna, 2011.
- Viktorovich V.A. Povest' F.M. Dostoevskogo ob uchitele: rekonstrukcija zamysla. *Pedagogija F.M. Dostoevskogo.* Kolomna, 2003. P. 19–49.
- Vize L.A. *Pis'ma o vospitanii v Anglii.* St. Petersburg, 1858.
- Walsh H. The Permutations of a Complex Metaphor: Dostoevskij's Sunsets. *Slavic and East European Journal.* 1983. Vol. 27, N 3 (Fall).
- Zaharov V.N. Dostoevskij i Evangelie. *Evangelie Dostoevskogo. Issledovanija. Materialy k kommentariju.* Moscow, 2010.
- Zograb I. Ob odnom intertekste v "Brat'ah Karamazovyh". *Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vekov.* Vyp. 2. Ed. V.N. Zaharov. Petrozavodsk, 1998.
- Zograb I. The contents of *The Citizen* during Dostoevsky's editorship: Uncovering the authorship of unsigned contributions. Dostoevsky's quest to reconcile the "flux of life" with a self-fashioned Utopia. Part I. *The Dostoevsky Journal.* 2004. N 5.
- Zograb I. Osveshhenie obshhestvennogo vospitanija v Anglii na stranicah "Grazhdanina" 1873–1874 vo vremja redaktorstva Dostoevskogo. *Dostoevskij i sovremennost'.* Materialy XIX Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 2004 goda. Ed. V. V. Dudkin. Velikij Novgorod, 2005.

О. Л. ФЕТИСЕНКО *

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ САЛОМОН (1853–1908) — ВОЗМОЖНЫЙ СОБЕСЕДНИК Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Ключевые слова: Достоевский, А. П. Саломон, Вл. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, литературная критика, публицистика, биография писателя.

Статья служит своего рода дополнением к «Летописи жизни и творчества Достоевского» и в то же время имеет и другую цель — привлечь внимание к личности несправедливо забытого публициста, переводчика, поэта и государственного деятеля, духовного сына Оптинских старцев Макария и Амвросия, приятеля Вл. Соловьева, собеседника К. Н. Леонтьева и Н. Н. Страхова. Его творчество еще не становилось предметом исследования, а биографические данные в большинстве справочных изданий подавались с ошибками и лакунами.

26 ноября 1878 г. Владимир Соловьев, приглашая Достоевского посетить вместе с ним (впервые) графиню С. А. Толстую, просил разрешения на еще одно «покушение» на свободное время писателя: «С Вашего позволения, имею на Вас два покушения, которые, чтоб облегчить Вас, могу совокупить воедино.

А именно: 1) один молодой человек и весьма достойный офицер алчет и жаждет познакомиться с Вами. 2) В таком же положении находится одна пожилая и во всех отношениях приятная дама.

Фамилия офицера — Саломон, дама же есть графиня Толстая. Так, если Вы позволите, завтра в *воскресенье* вечером я приеду к Вам с Саломоном и, побеседовав малое время, отпустим его с миром и затем поедем к Толстой, которая живет недалеко от Вас»¹.

При первой публикации этого письма упоминание об «офицере» осталось не поясненным («неустановленное лицо») ². Та же безымянность сохранилась и в «Летописи жизни и творчества Достоевского» ³.

---

* Ольга Леонидовна Фетисенко, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — betsy98@mail.ru.

¹ Эпистолярные материалы // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 10. С. 218–219. Письма Вл. С. Соловьева в этом разделе подготовлены И. Д. Якубович.

² Там же. С. 219.

³ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881. С. 295.

Б. Н. Тихомиров в своей книге «Достоевский на Кузнечном» совершенно правильно указал, о ком идет речь⁴, но, поскольку не существует никаких документальных подтверждений того, состоялась ли встреча, уделять внимание А. П. Саломону не стал, сообщив лишь, что он был участником русско-турецкой войны⁵.

Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», обращаясь к той же цитате из письма Соловьева, осторожно высказывает соображение, что встреча «по всей вероятности» состоялась, и сообщает уже чуть более подробные сведения о приятеле Соловьева⁶ с упоминанием (однако без хронологических привязок) двух основных позднейших мест его службы и с неверной датой рождения (1855 вместо 1853), почерпнутой, вероятнее всего, из «Википедии». Использовать подобные источники нужно с большой опаской: указанный ресурс без всяких оснований утверждает в статье о Саломоне, что переводы его «неизвестны» (и это при том, что перевод дантова «Чистилища» был высоко оценен И. Ф. Анненским⁷), а из трудов Саломона не указывает ничего, кроме его классических трудов о сахалинской ссылке.

Вернемся к дате рождения Саломона и попытаемся понять, откуда взялся 1855 г. Коллективный «вики-автор» тиражирует сомнения кн. Э. Э. Ухтомского в том, что Саломон — одногодок Вл. Соловьева. Между тем точная дата легко устанавливается по формулярному списку отца интересующего нас «весьма достойного офицера» — 21 ноября 1853 г.⁸; ссылка на этот источник (правда, по другому поводу) впервые была дана мною уже 15 лет назад — в комментариях к одному из выпускаемых Пушкинским Домом академических собраний сочинений⁹.

---

⁴ Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб., 2012. С. 131.

⁵ Отметим, однако, что указание исследователя на то, что А. П. Саломон был «другом детства» Вл. Соловьева ошибочно. Они росли в разных городах, в совершенно разной среде и едва ли до 1870-х гг. имели возможность познакомиться. Кн. Э. Э. Ухтомский полагал, что знакомство состоялось на лекциях Соловьева о «Богочеловечестве», т. е. не ранее 29 января 1878 г. (см.: Материалы к биографии Вл. Соловьева (Из архива С. М. Лукьянова) // Российский Архив: История Отечества в документах XVIII–XX вв. Альманах. М., 1992. <Кн. > II–III. С. 400). Ухтомский вспоминал также, что «А. П. Саломон горячо упрекал Соловьева за речь о смертной казни после события 1-го марта 1881 г., но при этом благодарил его «за мужественное слово». «Относился А. П. Саломон к Соловьеву вообще с большим уважением» (Там же).

⁶ См.: URL: https://www.fedordostoevsky.ru/around/Salomon_A_P/ (дата обращения: 31.07.2019).

⁷ Перевод понравился ему «точностью и изяществом тона, правда, несколько мягкого для Данте, и простотой языка» (Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии 1907–1909 годов / Сост., подгот. текста, предисл., примеч. А. И. Червякова. Иваново, 2002. С. 149).

⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 28. Отд. 1. Стол 1. Разр. 3–26. Д. 59. Л. 10.

⁹ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2004. Т. 6. Кн. 2. С. 413.

В период работы над томом мемуарных сочинений К. Н. Леонтьева, когда нужно было найти для комментария сведения о семье Саломонов, удалось обнаружить лишь немногие материалы в РГИА и московских архивах. Но в настоящее время положение изменилось в связи с появлением статьи П. А. Головнина «Дворянский род Саломон в истории России»¹⁰, несколько причудливо-нестройной в своей композиции, но чрезвычайно ценной по обилию представленных в ней архивных материалов, в частности формулярных списков многих представителей этого рода. Эта статья доступна и в Интернете, так что, если сетевые издания, посвященные Достоевскому, имеют намерения время от времени обновляться, возможно, и труд П. А. Головнина, и наша работа послужат их улучшению.

Однако фигура А. П. Саломона и сама по себе интересна, и так несправедливо до сих пор обделена вниманием, что пробелы в знаниях о «достойном офицере» нужно было бы восполнить *даже если встреча в ноябре 1878 г. и не состоялась*. Помимо того, что это, как мы уже знаем, если не друг, то один из близких приятелей Вл. Соловьева (что немаловажно и для контекста последних лет жизни Достоевского), Саломон — еще и собеседник (личный и эпистолярный) К. Н. Леонтьева, оценившего ум, образование и вкус молодого петербуржца¹¹,

---

¹⁰ Головнин П. А. Дворянский род Саломон в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX века. СПб., 2012. Вып. 7. С. 199–253. Здесь (с. 239–241) приведен и формулярный список А. П. Саломона. Литературная деятельность его в этой статье не затрагивается. Краткие сведения о Саломоне имеются и в «Лицейской энциклопедии» (Т. 2: Императорский Александровский Лицей (1844–1917). СПб., 2013. С. 580–581; автор словарной статьи — С. В. Павлова). В этой, в целом добротной, небольшой статье литературная деятельность Саломона также обойдена вниманием: о переводах лишь упомянуто без какой-либо конкретизации («переводил Данте»), в кратчайшей пристающей библиографии указано издание «Из лицейских стихотворений» (1898), о публицистике не сказано вовсе, зато в недопустимой для энциклопедии манере говорится о том, что Саломон «одно время» (?) редактировал «Санкт-Петербургские ведомости».

¹¹ Вот как характеризовал его Леонтьев в письме к А. А. Александрову от 31 октября 1891 г.: «...один из самых умных и тонко-образованных русских людей, каких только я знал; — человек увлекающийся и сложный (в одно и то же время приверженец От<ца> Амвросия и горячий почитатель Соловьева)...» (Александров А. А. I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 128; уточнено по автографу). Леонтьев сначала, еще в 1874 г. — в первый же приезд в Оптину, познакомился с П. И. Саломоном, а с его сыном начнет общаться только летом 1888 г.; позднее будет и обмен письмами, и ожидание приездов А. П. Саломона в Оптину, чтобы услышать его суждение знатока и ценителя о новых работах Леонтьева (см., например, письмо к Т. И. Филиппову от 26 июня 1890 г.; Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 595–596). После смерти Леонтьева А. П. Саломон и его жена поддерживали отношения с М. В. Леонтьевой и с его учениками А. А. Александровым (сохранились письма к нему) и о. И. Фуделем. Из знаменитых старших современников Саломон общался также с Н. Н. Страховым (Леонтьев в письме к Страхову из Оптиной от 22 июля 1888 г. сообщает, что передал Саломону от него привет; РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 3 об.).

и многолетний духовный сын преп. Авросия Оптинского (а в детстве — преп. Макария Оптинского). Самостоятельный интерес представляют его переводы и статьи¹², появившиеся, впрочем, уже после кончины Достоевского.

Происхождение дворянской семьи Саломон типично для XVIII в., благоволившего талантливому служилым людям: дед Александра Петровича, «из немецких переселенцев», начал службу подканцеляристом, а в следующем столетии Саломоны владели именьями в разных губерниях, породнились с Сабуровыми, Головинными и другими именитыми русскими семействами. Отец Александра Петровича Петр Иванович Саломон (1819–1905), в 1839 г. кончил курс в Царскосельском лицее и в январе 1840 г. был определен на службу в Министерство юстиции, получив чин титулярного советника, служил в 5-м Департаменте Сената и одновременно (в 1842–1848 гг.) — в Канцелярии Совета Воспитательного общества благородных девиц¹³, с 1850 г. был помощником секретаря Государственного совета и управляющим письмоводством Опекунского совета. К 1851 г. — статский советник, в 1855 г. становится директором канцелярии Государственного контроля и именно с этой должности, уже в высоком чине действительного статского советника, переходит в 1858 г. на службу в Св. Синод к гр. А. П. Толстому, старшим чиновником «за обер-прокурорским столом». Этот переход был связан с глубокой религиозностью Петра Ивановича и всей его семьи. Толстой искал единомышленников и принял тогда на службу еще двух близких себе по духу людей — Т. И. Филиппова и К. К. Зедегольма, будущего иеромонаха Оптиной пустыни Климента. Оба они были выпускниками историко-филологического факультета Московского университета. О Петре Ивановиче К. Н. Леонтьев позднее напишет одному из своих учеников: «...человек серьезный, набожный, надежный»¹⁴. Из годов службы Саломона-старшего в Синоде нужно отметить два крупных события — командировку на Восток в апреле–октябре 1860 г. вместе с Зедегольмом¹⁵ и в Воронежскую епархию на открытие мощей св. Тихона Задонского (1861) — напомним, кстати, так любимого Достоевским.

---

¹² Две из них впервые атрибутированы нами. См.: *Фетисенко О. Л.* 1) Окрест Оптиной (Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Доротея душеполезные поучения...») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 147–148; 2) «Как быть с Соловьевым?»: «L'idée russe» Вл. Соловьева в отзывах современников (по неопубликованным архивным материалам) // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 409–412; *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. Кн. 2. С. 403–404. Обратим внимание читателей на интересные письма Саломона к Леонтьеву, содержащие характеристики экклезиологических воззрений Соловьева.

¹³ А. П. Саломон позднее тоже будет трудиться в благотворительных учреждениях.

¹⁴ Письма К. Н. Леонтьева к Н. А. Уманову (1888–1889) / Подг. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Самопознание. 2015. № 3. С. 41 (письмо от 22 сентября 1889 г.).

¹⁵ Об этом см. в книге Леонтьева о Зедегольме («Отец Климент Зедегольм, иеромонах Оптиной пустыни»).

Женат П.И. Саломон был на Поликсене Васильевне Головниной (1824–1909), дочери вице-адмирала Василия Михайловича Головнина и сестре министра народного просвещения Александра Головнина, с которым вместе учился в Лицее¹⁶. После первенца Александра у Поликсены Саломон родилось еще четверо детей — Евдокия (1855 — не ранее 1925), Надежда (1856), Сергей (1857) и Варвара (1861). Евдокия в июне 1917 г. станет монахиней Шамординского монастыря, основанного преп. Амвросием¹⁷. Надежда Петровна к моменту смерти отца уже вдова, ее мужем был некий доктор Богоявленский; Варвара Петровна в 1905 г., как и старшая сестра, была не замужем¹⁸.

Александр Саломон уже в детские годы был хорошо известен К. К. Зедергольму, будущему о. Клименту. Отзыв о нем встречается, например, в письме Зедергольма к его московскому другу поэту-сатирику Б.Н. Алмазову: «Семейство их знаю хорошо, и для Кости <сын Алмазова. — О. Ф.> очень желал бы, чтоб он познакомился с Сашей Саломоном»¹⁹. В письме о. Климента к гр. А.П. Толстому от 14 мая 1865 г. говорится о том, с какой осторожностью мать привезла Сашу, выздоравливающего от кори, в Оптину: «...довезла как сырое яичко. Теперь он здесь продолжает свой карантин, и прочие дети все лежат в кори»²⁰. Это была уже не первая поездка, и вся жизнь «Саши Саломона» прошла около Оптиной, каждое лето он проводил много времени там, сначала с родителями, затем с женой и детьми.

О набожной семье «православных немцев» ходили почти легенды. Один из рассказов племянница К. Леонтьева М.В. Леонтьева сообщала ему со слов своей тетки Ю.Н. Шрёдер: «...тетя Julie рассказала мне подробно об одном здешнем семействе сенатора Саломона, очень набожном, которое каждое лето ездит в Оптину пустынь. Семейство это

---

¹⁶ См.: Александр Васильевич Головнин: К очерку его жизни в «Русск<ой> Стар<ине>», изд. 1887, март / Сообщ. П. Саломон // Русская старина. 1888. Т. LVIII, июнь. С. 709.

¹⁷ См. об этом: *Амвросия (Оберучева), мон.* История одной старушки. М., 2005. С. 253–254. Е.П. Саломон была келейницей гр. М.Н. Толстой, сестры Л.Н. Толстого. Монахиня Амвросия (Оберучева) упоминает в своих мемуарах о том, что Евдокия Саломон передала ей после закрытия обители свою главную реликвию — икону св. Тихона Задонского, написанную на доске его гроба (Там же. С. 253). Некоторые сведения о Е.П. Саломон, сообщаемые автором этих замечательных воспоминаний, неточны. Так, Амвросия смешала детали биографий ее брата и отца, а сам род Саломон принимала за итальянский.

¹⁸ *Головнин П.А.* Дворянский род Саломон в истории России. С. 212. Однако в таблице на с. 232 названо имя ее мужа — Владимир Иванович.

¹⁹ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 525; цит. по: *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. Т. 6. Кн. 2. С. 413.

²⁰ Из переписки отца Климента Зедергольма / Публ. В.М. Боковой // Российский Архив. Новая серия. М., 2005. Вып. XIV. С. 255. Это единственное упоминание об Александре Саломоне в письмах Зедергольма к гр. А.П. Толстому, но сама семья Саломон упоминается почти в каждом из них. См. также: Переписка Константина Зедергольма со старцем Макарием Оптинским (1857–1859) / Сост. Г.В. Безанидзе. М., 2013.

состоит из мужа, жены, уже взрослых двух дочерей и сына мальчика очень болезненного, которого в Петербурге очень много лечили и не могли вылечить. Сам сенатор считает тот день исключенным из его жизни, который он не начал обедней, ранней, конечно, так как во время поздней он должен быть уж в Сенате. И мать, и дочери такие же набожные. Как-то им несколько лет назад посоветовали повезти больного мальчика в Оптину пустынь, где есть целебный колодец. Они поехали, наняли там дом, целое лето прожили, мальчик стал поправляться, и теперь они каждое лето туда ездят. Очень хвалят строгость монахов и духовника»²¹.

Александр Саломон в 1874 г. кончил курс в Александровском лицее с золотой медалью и поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Гренадерский полк. В 1875 г. он уже прапорщик и батальонный адъютант. В 1876 г. Саломон взял отпуск из полка, чтобы отправиться добровольцем на сербо-турецкую войну, вернулся в декабре, после заключенного перемирия, и был зачислен в тот же полк. Затем участвовал в русско-турецкой войне, получил ранение в сражении под Горным Дубняком²². В 1879 г. поручик Саломон (чин этот у него с 1877 г.) поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. С 1881 г. находился на гражданской службе в Министерстве внутренних дел и затем в Министерстве юстиции²³. Он служил в Главном тюремном управлении, которое и возглавил в 1896 г. Появление книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» побудило правительство заняться вопросом о положении ссыльных. В 1898 г. Саломон был командирован в Сибирь и на Сахалин, после чего появились его доклады на Высочайшее имя, лекции (одна из них — «Тюремное дело в России») (СПб., 1898)) и книга «Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения» (СПб., 1900; переиздана в 2012 г.)²⁴.

В 1900 г. «река времен» для Саломона еще раз резко сменила русло. Он был назначен директором родного для него Александровского лицея, где пытался бороться со сложившимися там со временем «извращенными традициями»²⁵, вошел и в Ученый комитет Министерства

---

²¹ Отдел рукописных фондов Гос. литературного музея. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 4 об. — 5 об.; цит. по: *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. Т. 6. Кн. 2. С. 413.

²² См.: Памятник Восточной войны 1877–1878 гг. СПб., 1878. С. 381.

²³ О дальнейшей его службе см. формулярный список: *Головнин П. А.* Дворянский род Саломон в истории России. С. 239–241.

²⁴ Первое издание см.: URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003694158#?page=114> (дата обращения: 31.07.2019). Саломон доказывал бесполезность и даже опасность для государства использовать пожизненную ссылку как меру наказания. Было бы любопытно проследить, не сказались ли на формировании такого убеждения раздумья о судьбе Достоевского. А сам выбор места службы мог быть связан с желанием облегчить участь заключенных и ссыльных.

²⁵ См. воспоминания одного из лицейстов той эпохи: *Татищев А. А.* Записки об Императорском Александровском лицее / Публ. В. В. Берсенева // Российский Архив. М., 1999. [Т.] IX. С. 419–429.

народного просвещения. Можно, впрочем, заметить, что парадоксальным образом «сюжет» воспитания и перевоспитания связал оба важнейших периода его служебной деятельности.

Примерно в 1884 г. Саломон женился на дочери одного из своих лицейских педагогов, Евгении Владимировне Никольской (1850–е–1916), сестре юриста и поэта Б. В. Никольского²⁶. Их дети: Владимир (1885–1918; служил по Министерству юстиции), Маргарита (1886–1944; искусствовед, переводчик, педагог²⁷), Петр (1889–1941)²⁸.

Круг внеслужебных интересов А. П. Саломона очерчен в рассказе кн. Э. Э. Ухтомского, записанном С. М. Лукьяновым: «По-видимому, под влиянием княгини Е. Г. Волконской он несколько склонялся к унитарству. <...> Интересовался спиритизмом, оккультизмом, но не серьезно. Было два серьезных интереса: Данте и арабский язык. А. П. Саломон знал итальянский язык и хорошо переводил <...>. Арабский язык изучал под руководством Шмидта, который теперь в Ташкенте, в университете²⁹. Занимался арабским языком и в Каире, где лечился. Вообще, это был человек разносторонний, очень начитанный, способный к длительным ночным беседам»³⁰.

Филокатолицизм Саломона, вероятно, сложился не под влиянием кн. Волконской, а скорее в общении с Вл. Соловьевым. Именно в этом смысле Леонтьев в одном из писем к Т. И. Филиппову назвал своего молодого приятеля «учеником Соловьева»³¹. Леонтьев же рассказывал, как Саломон на Великом входе на литургии «прежде всех» (т. е. прежде Синода и Царского дома) поминает «*про себя*» папу Льва XIII³². Возможно, эта любовь к Католической церкви была той же природы, что и у самого Леонтьева: восхищение централизованным вселенским церковным устройством, многообразием форм церковной жизни по сравнению с более бедно выраженным «восточным» укладом (к примеру, обилие в Западной церкви самых разнообразных монашеских орденов), пышным цветением искусств и т. п. Если предположить, что эти симпатии начали проявляться у Саломона еще в бытность его офицером, только что вернувшимся с войны, и что встреча с Достоевским состоялась (или по крайней мере Соловьев позднее рассказывал автору «Братьев Карамазовых» о своем друге), Александр Петрович может показаться одним из прототипов Ивана Карамазова. Может быть, даже

²⁶ В дневнике последнего часто можно встретить упоминания о шурине.

²⁷ Маргарита от отца унаследовала любовь к Италии и итальянскому языку — писала, в частности, о Микеланджело. См.: *Головнин П. А.* Дворянский род Саломон в истории России. С. 246–247.

²⁸ В указанной статье сведений о роде его деятельности не имеется.

²⁹ Речь идет об арабисте Александре Эдуардовиче Шмидте (1871–1939).

³⁰ Российский Архив. [Кн.] II–III. С. 400.

³¹ См.: Пророки Византизма. С. 515, 516.

³² Там же. С. 516. По свидетельству Леонтьева, старец Амвросий лишь мягко пожурил духовного сына: «берегитесь, чтобы не погрешить!» (Там же).

в большей степени, чем сам Соловьев. В пользу этого говорит хотя бы его юридическое образование — как у Ивана.

Одно из самых ранних опубликованных сочинений Саломона — рецензия на второе отдельное издание книги Леонтьева «Отец Климент Зедергольм»³³. В ней не обойден вниманием Достоевский как автор «Братьев Карамазовых», только перепутано имя старца (вместо Зосимы назван «отец Пимен»); эта аберрация могла быть вызвана двумя ассоциативными связями: выступления Достоевского на публике с чтением монолога пушкинского Пимена и воспоминание о реальном лице — оптинском иеромонахе Пимене, который тоже почитался в обители как старец³⁴).

Следующая статья 1880-х гг., которую нам удалось выявить в периодике, тоже связана с церковной темой. Это рецензия на полемическую по отношению к Соловьеву статью иеромонаха (будущего митрополита) Антония (Храповицкого) «Вселенская церковь и русский патриотизм» (1888). Ответ Саломона помещен в «Гражданине» под теми же инициалами «А. С.», что и упомянутая выше рецензия на книгу Леонтьева³⁵.

Франкоязычную брошюру Соловьева «L'idée russe» («Русская идея») Саломон считал «слабейшим из произведений» своего друга. А лучшими — «Критику отвлеченных начал» «Чтения о Богочеловечестве», «Религиозные основы жизни», «Национальный вопрос в России». (Первые две из них были знакомы и Достоевскому.)

Саломону принадлежит один из лучших некрологов Леонтьеву, помещенный в газете «Кавказ», редактировавшейся тогда Ю. Н. Милутиным³⁶. Несмотря на ограниченный объем обычного газетного «подвала», автору удалось и сообщить все необходимые подробности биографии Леонтьева, и указать его важнейшие сочинения, но главное: выйти за рамки жанра и сжато и выразительно, опираясь в том числе и на собственные свежие воспоминания, охарактеризовать основы философско-эстетических воззрений «портретируемого».

В 1890-х гг. Саломону довелось сотрудничать в журналах полярно-противоположных направлений — в консервативном «Русском обозрении» и либеральном «Вестнике Европы». Сотрудничество в первом из них началось еще при кн. Д. Н. Цертелеве (еще одном приятеле

---

³³ А. С. <Саломон А. П.> Что такое старчество? (По поводу книги К. Леонтьева: Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни) // Церковный вестник. 1883. № 1. 1 янв. С. 4–5.

³⁴ Это тот самый о. Пимен, у которого Л. Н. Толстой мечтал «научиться <...> любви и спокойствию» (Переписка Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова (1870–1896): В 2 т. СПб., 2018. Т. 1. С. 525; письмо к Страхову от 11 августа 1877 г.).

³⁵ А. С. <Саломон А. П.> Вселенская Церковь и русский патриотизм. Новые возражения на брошюру «L'idée Russe» Вл. С. Соловьева // Гражданин. 1889. 23 янв. № 23. С. 3–4.

³⁶ С–н Ал. <Саломон А. П.> К. Н. Леонтьев // Кавказ. 1892. 8 февр. № 36. С. 2. Рукопись сохранилась у прот. И. И. Фуделя и сейчас находится в фонде Леонтьева в РГАЛИ.

Соловьева)³⁷, остался он с журналом и в первое время редакторства А. А. Александрова (тот стал редактором с № 7 за 1892 г., который вышел с опозданием на несколько месяцев). Именно здесь был напечатан его перевод «Чистилища»³⁸. В десятой книжке «Русского обозрения» за 1892 г. помещена остроумная рецензия Саломона на только что изданный в Лондоне «Катехизис христианского пантеизма» — образчик «того, как сочиняются религии»³⁹.

В пору сотрудничества с «Русским обозрением» Саломон принял участие в полемике, вызванной статьей «раскаившегося нигилиста» Льва Тихомирова «Духовенство и общество в современном религиозном движении», напечатанной в этом журнале⁴⁰. Л. А. Тихомиров критически взглянул на «религиозное пробуждение» русского образованного общества. Новообращенные, замечал он, сразу же начинают учить Церковь, предлагают, как ее реформировать, между тем сами они едва ли что знают о Церкви, поскольку живут своими «светскими» интересами и учатся у «своих» (Тихомиров перечисляет этих учителей и среди них, разумеется, одним из первых называет Достоевского)⁴¹. В одной из глав статьи как пример «духовного разложения» приводится идея «русского «всечеловечества»», т. е. основная идея Пушкинской речи, которая здесь не названа, но легко угадывается. «Эта злуполучная идея, приглашающая Россию *пережить* все духовные болезни прочих народов, “перестрадать” их заблуждения, и потом всё и всех привести ко Христу, очень ярко показывает смесь распущенности и гордости, наполняющих наши якобы “религиозные” стремления. *Просто* позаботиться о своем спасении — кажется слишком сухо, не интересно. Нужно сначала по уши забраться во всякую грязь, какая только где-нибудь на свете найдется, заразиться всеми грехами, и потом уж из самой глубины падения вознестись в святость, да еще поднять с собою весь мир — вот что “эффектно”, затрогивает нервы нашего больного интеллигента!»⁴²

---

³⁷ См., например, его короткую рецензию на сборник графа П. Д. Бутурлина «Десять сонетов» (Киев, 1891): Русское обозрение. 1892. № 2. С. 959–960. Возможно, именно ее подразумевал автор в письме к А. А. Александрову, говоря о ней как о написанной «по указанию Вл<адимира> Серг<еевича> Соловьева» (РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 728. Л. 2).

³⁸ Божественная комедия Данте Алигьери. Чистилище. Перев. с итал. Александра Саломона (Посвящается И. Е. Гудлету) // Русское обозрение. 1892. № 7. С. 5–19; № 8. С. 632–645; № 9. С. 264–278. Адресат посвящения — Джон (Иван Егорович) Гудлет (1830-е — не позднее 1897), старший воспитатель Санкт-Петербургского коммерческого училища, чиновник Министерства финансов, памяти которого Вл. Соловьев посвятил свою книгу «Духовные основы жизни».

³⁹ Саломон Ал. Широкоцерковник. Катехизис христианского пантеизма. The Broad Churchman. Catechism of Christian pantheism. Rev. G. E. Comerford Casey. M. A. Omon. Swen Sonnenschein etc. CO. London. 1891 // Русское обозрение. 1892. № 10. С. 993–996.

⁴⁰ Русское обозрение. 1892. № 9. С. 224–240.

⁴¹ Там же. С. 225.

⁴² Там же. С. 238.

Ответная реплика Саломона предназначалась тоже для «Русского обозрения». 27 октября 1892 г. он писал редактору журнала: «Моя статья против клерикализма Тихомирова готова»⁴³. Но если статья о последней книге Э. Ренана, подготовленная приблизительно тогда же (номера, напомним, выходили с задержкой), была помещена сразу⁴⁴, то статью на русскую тему (первый вариант ее заглавия: «Мнения г. Тихомирова о г. Соловьеве») встретили какие-то внутриредакционные препятствия (Тихомиров был одним из ведущих сотрудников в журнале Александра) и напечатать ее удалось в другом издании и под другим названием⁴⁵.

Как видно уже из первоначального названия, Саломон хотел опровергнуть, собственно, не всю концепцию Тихомирова (как человеку, живущему с детства в послушании оптинским старцам, многое в статье «клерикала» Тихомирова могло быть ему близко), но те ее положения, которые лили воду на мельницу критиков его друга Соловьева, вновь напоминая о его «папизме». (Тихомиров, впрочем, в данном случае обращался к книге Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» лишь чтобы показать, что *даже* этот критик Русской церкви не может не признать «мудрости и истины православия», раз именно воспитанную православием страну хочет отдать на службу Папе⁴⁶.)

Итоговый вариант статьи Саломона оказался шире, чем только опровержение «мнений о Соловьеве». В ней Тихомиров предстает ревностным не по разуму «прозелитом», не ведающим «царского пути» и не имеющим представления об истории религиозного возрождения в России, начавшегося, по мнению Саломона, в 1870-х гг., т.е. тогда, когда нынешний обличитель «вольных пророков»⁴⁷ просто не мог заметить

⁴³ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 728. Л. 9.

⁴⁴ Философские взгляды Эрнеста Ренана // Русское обозрение. 1892. №9. С. 302–316; №10. С. 751–773; подп.: А. С-н. Разбирая итоговую статью Ренана «Examen de conscience philosophique» (1889), Саломон блестяще выявил «непримиримые противоречия» «философского баланса» Ренана, его непоследовательность и «самообман» (неверие в Бога и бессмертие души сочетались у Ренана с предложением относиться к христианским догматам *как будто бы* они были истинны), на случай, если за пределами «нашей вселенной» все же может обнаружиться «что-то», подтверждающее их истинность), а также показал проявившееся в конце жизни писателя основное его душевное свойство — самодовольство и «безрелигиозный оптимизм». Статья заканчивается признанием философии Ренана «пустощетом». «Прискорбно только, — заключает Саломон, — что ранее чем станет очевидно для всех ее несостоятельность, она во многих может вселить то легкомысленное отношение к вопросам знания и жизни, которое неизмеримо вреднее всякого, самого крайнего и непримиримого, отрицания» (№10. С. 773). На книгу Ренана «Feuilles détachées» (1892), в которую вошла разобранный Саломоном статья, журнал «Русское обозрение» откликнулся также отдельной рецензией, написанной П. В. Безобразовым (1892. №7. С. 397–406).

⁴⁵ Саломон А. В Каноссу! // Гражданин. 1892. 1 дек. №332. С. 1–2; 2 дек. №333. С. 1–2; 4 дек. №335. С. 2; 7 дек. №338. С. 2. 8 дек. №339. С. 1–2.

⁴⁶ Русское обозрение. 1892. №9. С. 233.

⁴⁷ Термин Тихомирова.

этого возрождения, поскольку был занят другим (в первой главе вообще не один раз автор намекает на недавнее революционное прошлое публициста). Саломон выделяет три «фазы» религиозного движения в русском обществе, связывая первую (наивную и ложную по духу) с приездом лорда-проповедника (Редстока), вторую с чтениями Соловьева о философии религии, а третью — с последним периодом жизни Достоевского. Характеристика этого периода в статье менее подробна, чем первых двух, однако она важна в общей концепции для опровержения тезиса Тихомирова о глубокой розни общества и духовенства: «Ранее чем обнаружилось отрицательное отношение духовенства к новому направлению г. Соловьева, наше общество пережило третью фазу религиозного движения, главным моментом коей была публицистическая и отчасти, *sit venia verbo*⁴⁸, духовническая деятельность Достоевского. Достоевский проповедовал ненавистную г. Тихомирову идею “русского всечеловека”. Если не ошибаемся, им же изобретено и самое слово. Из двух признаков, входящих в это понятие, Достоевский упирал более на “всечеловека”, но его суждение о русском народе, как о носителе православия — единую истинной религии, даже как о “народе богоносце”, было таково, что центр тяжести незаметно перемещался с термина “всечеловек” на термин “русский”. Без всяких натяжек можно сказать, что Достоевский был проповедником религии как *русской национальной идеи*.

И к этой проповеди светского “вольного пророка”, по терминологии г. Тихомирова, духовенство не отнеслось безучастно; можно сказать даже, что в лице некоторых и к тому же выдающихся своих представителей оно подпало под ее влияние»⁴⁹.

Саломон удивляется слепому поклонению Тихомирова духовенству как единственному носителю истины («духовенство духовенству рознь»⁵⁰, говорит он), обнаруживает туманность его представлений о ряде явлений церковной жизни (в частности о старчестве) и о самой Церкви, понятие о которой при сконцентрированности человека только на «личном спасении» размывается. Рассмотрев все положения статьи «Духовенство и общество...», Саломон приходит к выводу, что ее автор зовет «не в Церковь, а... в Каноссу»⁵¹.

В том же 1892 г., видимо, через посредничество Вл. Соловьева, Саломон сблизился с редакцией «Вестника Европы». Журнал

---

⁴⁸ С позволения сказать (*лат.*).

⁴⁹ Гражданин. 1892. 2 дек. № 333. С. 2. В качестве примера Саломон приводит высказывания о Достоевском епископа Антония (Вадковского) (напомним: именно он в недалеком будущем благословит проведение Религиозно-философских собраний в надежде на сближение «духовенства и общества»).

⁵⁰ Там же. 8 дек. № 339. С. 1. Ср.: «Тот самый г. Тихомиров, который утверждает, что папизм погубил все народы Западной Европы, он самый проповедует такое отношение между обществом и духовенством, перед которым бледнеет папистический идеал Жозефа де-Местра» (Там же. С. 2).

⁵¹ Там же. С. 2.

охотно помещал его рецензии, монографический труд о Марке ибн-аль-Канбаре⁵² (плод его увлечения арабистикой) и стихотворения, в том числе и переводные⁵³. Первое опубликованное в издании М. М. Стасюлевича произведение Саломона было полемическим, — вновь, как и в 1889 г., он вступал в спор с о. Антонием (Храповицким), — и касалось того же круга проблем (Церковь и мир, Церковь и государство, «личное» спасение и общественное служение), что и статья «В Каноссу!»⁵⁴.

Статью «Личное совершенство и гражданская жизнь» нужно рассматривать не только как отклик на статью архимандрита Антония «Как соотносится служение общественному благу со спасением души»⁵⁵, но также как одну из реплик в большом полилоге, начавшемся еще осенью 1891 г. опять-таки не без повода, данного Соловьевым — в его известном реферате «Об упадке средневекового мирозерцания». При этом, хотя имя Достоевского не звучит в статье, поднятые в ней вопросы заставляют вспомнить и его идею «русского инока», и возражения Леонтьева на Пушкинскую речь, и весь встающий за этим контекст, таким образом значительно более широкий, чем собственно «соловьевско-антониевский».

Думается, что даже столь поверхностно-беглый обзор дает основания сетовать, что все эти тексты оставались столько лет в забвении, а их автор если и был известен кому-то *по имени*, а не только как безымянный «достойный офицер», то лишь как не слишком интересный персонаж из окружения Соловьева, не более того. Надгробие Саломона с надписью от педагогов Лицея и теперь можно увидеть на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Жизнь и труды его, несомненно, будут по разным поводам вспоминаться, и уже не нужно будет восстанавливать его облик по разрозненным фрагментам, как это пришлось сделать нам в этой статье. Достоевистам, если встреча в доме на Кузнечном все же состоялась (это неизбежное «если!»), нужно иметь представление о том богатстве личности Александра Саломона, которое в 1878 г. еще не развернулось, но уже находилось *im Werden* и могло быть «считано» Достоевским. В заключение хотелось бы упомянуть еще об одной детали, важной для сборника, выходящего в *Пушкинском Доме*. Само это название (вместо Дом Пушкина) было предложено именно Саломоном⁵⁶.

---

⁵² Саломон Ал. Коптский реформатор XII-го века // Вестник Европы. 1895. № 12. С. 470–500; отд. отт.: СПб., 1895. В этой работе обратим внимание на типично «соловьевскую» мысль о национальном «староверии», враждебном вселенскому началу (с. 475).

⁵³ См., например: Саломон Ал. I. На могилах калифов; II. С арабского // Там же. № 4. С. 654–656.

⁵⁴ Саломон А. Личное совершенство и гражданская жизнь // Вестник Европы. 1892. № 6. С. 571–586.

⁵⁵ Вопросы философии и психологии. 1892. № 12, март. С. 64–90. Об обстоятельствах, вызвавших появление этой статьи, см.: Антоний (Храповицкий), архиеп. Искренняя душа // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Лит. сб. СПб., 1911. С. 311–312.

⁵⁶ См. об этом: Лицейская энциклопедия. Т. 2. С. 580.

Библиографический список

- Александров А. А.* I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915.
- Амвросия (Оберучева), мон.* История одной старушки. М., 2005.
- Анненский И. Ф.* Учено-комитетские рецензии 1907–1909 годов / Сост., подгот. текста, предисл., примеч. А. И. Червякова. Иваново, 2002.
- Антоний <(Храповицкий)>, архиеп.* Искренняя душа // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Лит. сб. СПб., 1911.
- Антоний <(Храповицкий)>, архим.* Как соотносится служение общественному благу со спасением души // Вопросы философии и психологии. 1892. № 12, март.
- Головнин П. А.* Дворянский род Саломон в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биогр. аспект. XVIII–XX века. СПб., 2012. Вып. 7.
- <Данте Алигьери>.* Божественная комедия Данте Алигьери. Чистилище / Пер. с итал. А. Саломона // Русское обозрение. 1892. № 7. С. 5–19. № 8. С. 632–645. № 9.
- Из переписки отца Климента Зедеггольма / Публ. В. М. Боковой // Российский Архив. Новая серия. М., 2005. Вып. XIV.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881. Материалы к биографии Вл. Соловьева (Из архива С. М. Лукьянова) // Российский Архив: История Отечества в документах XVIII–XX вв. Альманах. М., 1992. <Кн.> II–III.
- Павлова С. В.* Саломон Александр Петрович // Лицейская энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С. М. Некрасова и др. СПб., 2013. Т. 2: Императорский Александровский Лицей (1844–1917).
- Переписка Константина Зедеггольма со старцем Макарием Оптинским (1857–1859) / Сост. Г. В. Бежанидзе. М., 2013.
- Переписка Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова (1870–1896): В 2 кн. СПб., 2018. Кн. 1. Письма К. Н. Леонтьева к Н. А. Уманову (1888–1889) / Подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Самопознание. 2015. № 3. С. 35–41.
- Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.
- Саломон Александр Петрович <Биограф. справка>. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedordostoevsky.ru/around/Salomon_A_P/.
- Саломон А.* В Каноссу! // Гражданин. 1892. 1 дек. № 332; 2 дек. № 333; 4 дек. № 335; 7 дек. № 338; 8 дек. № 339.
- А. С. <Саломон А. П.>* Вселенская Церковь и русский патриотизм. Новые возражения на брошюру “L’idee Russe” Вл. С. Соловьева // Гражданин. 1889. 23 янв. № 23.
- Ал. С–н. <Саломон А. П.>* К. Н. Леонтьев // Кавказ. 1892. 8 февр. № 36.
- Саломон Ал.* Коптский реформатор XII-го века // Вестник Европы. 1895. № 12.
- Саломон А.* Личное совершенство и гражданская жизнь // Вестник Европы. 1892. № 6.
- Саломон А.* <Рец. на сб. «Десять сонетов» гр. П. Бутурлина> // Русское обозрение. 1892. № 2.

- А. С–н. <Саломон А. П.> Философские взгляды Эрнеста Ренана // Русское обозрение. 1892. № 9, 10.
- А. С. <Саломон А. П.> Что такое старчество? (По поводу книги К. Леонтьева: Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни) // Церковный вестник. 1883. № 1 (1 янв.).
- Саломон Ал. Широкоцерковник. Катехизис христианского пантеизма. The Broad Churchman. Catechism of Christian pantheism. Rev. G. E. Comerford Casey. M. A. Omon. Swen Sonnenschein etc. CO. London. 1891 // Русское обозрение. 1892. № 10.
- Соловьев Вл. С. <Письмо к Ф. М. Достоевскому, 26 нояб. 1878 г.> // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 10.
- Татищев А. А. Записки об Императорском Александровском лицее / Публ. В. В. Берсенева // Российский архив. М., 1999. [Т.] IX.
- Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб., 2012.
- Тихомиров Л. А. Духовенство и общество в современном религиозном движении // Русское обозрение. 1892. № 9.
- Фетисенко О. Л. «Как быть с Соловьевым?»: “L’idée russe” Вл. Соловьева в отзывах современников (по неопубликованным архивным материалам) // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4.
- Фетисенко О. Л. Окрест Оптиной (Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17.
- <Фетисенко О. Л. Прембулы, коммент.> // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 2004. Т. 6. Кн. 2.

Fetisenko O. L.

ALEKSANDR PETROVITCH SALOMON (1853–1908) — A POSSIBLE F. M. DOSTOEVSKY’S INTERLOCUTOR

Key words: F. M. Dostoevsky, A. Salomon, Vl. Soloviev, K. Leontiev, Russian literature, philosophy, journalism, biography.

The article serves as a supplement to the *Chronicle of Dostoevsky’s life and work*, and at the same time has another goal: to draw attention to the personality of an unjustly forgotten publicist, translator, poet and statesman, friend of Vl. Solovyov, interlocutor of K. Leontiev and N. Strakhov. His work has not yet become the subject of research, and biographical data in most reference publications were submitted with errors and gaps.

References

- Aleksandrov A. A. I. *Pamyati K. N. Leontieva. II. Pis'ma K. N. Leontieva k Anatoliyu Aleksandrovu*. Sergiev Posad, 1915.
- Amvrosiya (Oberucheva), mon. *Istoriya odnoj starushki*. Moscow, 2005.

Annenskij I. F. *Ucheno-komitetskie retsenzii 1907–1909 godov*. Ivanovo, 2002.

Antonij (Khrapovitskij). *Iskrennyaya dusha. Pamyati Konstantina Nikolaevitcha Leontieva*. St. Petersburg, 1911.

Antonij (Khrapovitskij). Kak sootnositsya sluzhenie obshchestvennomu blagu so spaseniem dushi. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1892. N 12.

Fetisenko O. L. <Comments>. Leont'ev K. N. *Polnoje sobranie sochinenij i pisem*. Saint Petersburg 2003. Vol. 6 (2).

Fetisenko O. L. "Kak byt' s Solovievym?". *Khristianstvo i russkaya literatura*. St. Petersburg, 2002. Vol. 4.

Fetisenko O. L. Okrest Optinoj (Dostoevsky i spor o "sentimentalnom khristianstve"...). *Dostoevsky: Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2005. Vol. 17.

Golovnin P. A. Dvoryanskij rod Salomon v istorii Rossii. *Nemtsy v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, 2012. Vol. 7.

<Leontiev K. N.> *Pis'ma k N. A. Umanovu. Samopoznanie*. 2015. N 3.
Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. St. Petersburg, 1999. Vol. 3.

Materialy k biografii Vl. Solovieva. Rossijskij Arkhiv. Moscow, 1992. Vol. II–III.

Pavlova S. V. Salomon Aleksandr Petrovich. *Litseyskaya entsiklopediya*. St. Petersburg, 2013. Vol 2.

Proroki Vizantizma: Peregiska K. N. Leontieva i T. I. Filippova. St. Petersburg, 2012.

<Salomon A. P.> Chto takoe starchestvo? *Tserkovnyj vestnik*. 1883. N 1.

<Salomon A. P.> Filosofskie vzglyady Ernesta Renana. *Russkoe obozrenie*. 1892. N 9, N 10.

<Salomon A. P.> *K. N. Leontiev. Kavkaz*. 1892. N 36. P. 2.

Salomon A. Koptskij reformator XII-go veka. *Vestnik Evropy*. 1895. N 12.

Salomon A. Lichnoe sovershenstvo i grazhdanskaya zhizn'. *Vestnik Evropy*. 1892. N 6. P. 571–586.

Salomon A. Shirokotserkovnik. *Russkoe obozrenie*. 1892. N 10.

Salomon A. V Kanossu! *Grazhdanin*. 1892. N 332, 333, 335, 338, 339.

<Salomon A. P.> Vselenskaya Tserkov' i russkij patriotism. *Grazhdanin*. 1889. N 23. P. 3–4.

Salomon Aleksandr Petrovich (https://www.fedordostoevsky.ru/around/Salomon_A_P/).

Soloviev VI. <Letter to Dostoevsky, 26.11.1878>. *Dostoevsky: Materialy i issledovaniya*. Leninrad, 1991. Vol. 10.

Tatishchev A. A. Zapiski ob Imperatorskom Aleksandrovskom Litsee. *Rossijskij Arkhiv*. Moscow, 1999. Vol. IX.

Tikomirov B. N. *Dostoevsky na Kuznechnom*. St. Petersburg, 2012.

Tikomirov L. A. Dukhovenstvo i obshchestvo v sovremennom religioznom dvizhenii. *Russkoe obozrenie*. 1892. N 9.

РИТА ДЖУЛИАНИ*

«ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Ключевые слова: «Великий инквизитор», проблемы интерпретации, нарративная структура, «роман в романе».

В статье рассмотрена история интерпретаций «поэмы» Ивана Карамзова о «Великом инквизиторе». В основе исследования лежит мысль, что это «роман в романе» — открытый текст, имеющий многочисленные каналы коммуникации и точки пересечения с основным повествованием, определяющий нарративную структуру всего произведения в целом. Выдвигается предположение, что «Поэма» Ивана Карамзова обретает свой полный смысл только в контексте романа и в составе его основного сюжета.

В предлагаемой статье речь пойдет об традиции, начало которой положил Василий Розанов, назвавший «Легендой о Великом Инквизиторе» вставной эпизод романа «Братья Карамазовы» и рассматривавший его вне контекста всего романа¹. Подобные операции периодически происходят и в Италии², но такой подход представляется неверным и уводящим от его истинного значения.

---

* Рита Джулиани, д-р филол. наук, профессор ун-та «Ла Сапьенца», Рим — giulianir@tiscali.it.

¹ Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. СПб., 1894.

² В Италии драматургические обработки и отдельные издания этого фрагмента «Братьев Карамазовых» весьма многочисленны, из самых недавних см.: *Dostoevskij F. M.* 1) *La leggenda del Grande Inquisitore* / Introd. di J. Imbach. Padova, 1982; 2) *Il dialogo dell'Inquisitore*. Firenze, 1992; 3) *Il grande inquisitore* / Introd. di P. Tufari. Roma, 1995; 4) *Il grande inquisitore*. Vicenza, 1995; 5) *Beniamino Placido presenta Il grande inquisitore di Dostoevskij*. Roma, 1995; 6) *Il grande inquisitore: da i «Fratelli Karamazov», capitolo V*. Città di Castello, 2006; 7) *Il grande inquisitore / Con «Il peso della libertà»* di G. Colombo. Milano, 2010; 8) *Il perimetro della felicità. Il Grande inquisitore / Con un saggio di L. Pareyson*. Milano, 2013. В Италии поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор» продолжает быть невероятно популярной, оставаясь в центре внимания ученых-литературоведов, философов, теологов, юристов, режиссеров и актеров. Из числа многочисленных работ, посвященных этой теме, можно назвать сборники и монографические исследования: *Zagrebel'sky G.* 1) *La leggenda del grande inquisitore / A cura di G. Caramore*. Brescia, 2003; 2) *Liberi servi. Il Grande Inquisitore e l'enigma del potere*. Torino, 2015; *Il grande inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / A cura di R. Badii e E. Fabbri*. Milano; Udine, 2013 (здесь напечатан также перевод «Великого инквизитора», с. 25–44); *Il Grande Inquisitore*.

Изоляция эпизода от контекста романа — это действие, которое искажает его смыслы и функции, поскольку завершенность сюжета «Великого инквизитора» является лучшим доказательством того, что Достоевский не рассматривал «поэму» Ивана как отдельное произведение: в противном случае он придал бы ей форму рассказа — чего он, однако, не сделал. «Великий инквизитор» представлен читателю в рекурсивной технике *mise en abyme*, «романа в романе», что с точки зрения формы свидетельствует о центральной позиции этого фрагмента в нарративной структуре романа. Любой «роман в романе» тесно и непреложно связан с основным повествованием, в которое он помещен³. В данном случае «роман в романе» может показаться своего рода замкнутой в себе «монадой», изолированной от основного сюжета, но на самом деле «поэма» Ивана — это открытый текст, имеющий многочисленные каналы коммуникации и точки пересечения с основным повествованием. А. Жид утверждал, что ничто не может «осветить» произведение искусства и с максимальной точностью обозначить структуру целого лучше, чем внедренная в него *mise en abyme*, и что зеркальное повествование вставного текста имеет тот же сюжет, что и основной текст⁴. Текст «Великого инквизитора» подтверждает интуитивное прозрение А. Жида. Сам Достоевский засвидетельствовал, что это — «кульминационная глава» V книги романа «Братья Карамазовы» (30₁, 63), которая, в свою очередь, идеологически венчает весь роман; в письме к Н. А. Любимову от 10 мая 1879 г. писатель утверждал: «Эта 5-я книга, в моем воззрении, есть кульминационная точка романа, и она должна быть закончена с особенною тщательностью» (30₁, 63). Соответственно, и вставной эпизод — на уровне нарративной структуры — может обрести свой полный смысл только в контексте романа и на фоне его основного сюжета.

Эпизод вставлен в многослойную раму, которая маскирует отдельные голоса и точки видения, не исключая авторский, что затрудняет их идентификацию. Местом действия в главе является трактир, в котором разговор Алеши и Ивана происходит за ухой, чаем и вишневым вареньем, обреченными простынуть и не быть ни съеденными, ни оплаченными, — таков утонченный синтез высокого и низкого, истинно шекспировский по своей природе. Напоследок Ивану ничего другого не остается, как преуменьшить ценность собственной «поэмы», существующей только в его воображении и памяти, но не в рукописи, и принизить ее значение как до, так и после своего рассказа, посмеявшись над ним и определив его как чистую фантазию. По его словам, это «вещь нелепая» (14, 224), «фантазия» (14, 237), «вздор, <...> бестолковая поэма бестолкового студента, который никогда двух стихов

Interpretazioni nel pensiero russo / A cura di D. Steila. Torino, 2015; *Bori P. C. La tragedia del potere: Dostoevskij e il Grande Inquisitore*. Bologna, 2015.

³ Dällenbach L. Il racconto speculare. Saggio sulla *mise en abyme*. Parma, 1994. P. 12.

⁴ Из дневника А. Жида; цит. по: Dällenbach L. Il racconto speculare. С. 11.

не написал. К чему ты в такой серьез берешь?» (14, 239). Кроме того, в самом повествовании остается открытым вопрос, действительно ли имело место в «поэме» Ивана свидание безымянного Его и Великого инквизитора, или его не было? «Я не совсем понимаю, Иван, что это такое? — улыбнулся все время молча слушавший Алеша, — прямо ли *безбрежная фантазия* или какая-нибудь *ошибка старика*, какое-нибудь невозможное *qui pro quo*?

— Прими хоть последнее, — рассмеялся Иван, — если уж тебя так разбаловал современный реализм и ты не можешь вынести ничего фантастического — хочешь *qui pro quo*, то пусть так и будет.

— Оно правда, — рассмеялся он опять, — старику девяносто лет, и он давно мог *сойти с ума* на своей идее. Пленник же мог поразить его своею наружностью. Это мог быть, наконец, *просто бред, видение девяностолетнего старика* пред смертью, да еще разгоряченного вчерашним автодафе во сто сожженных еретиков. Но не все ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что *безбрежная фантазия*?» (14, 228; курсив мой. — Р. Дж.).

Инквизитор также не знает, кто его узник (варианты номинации: «узник», «пленник»): «Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его...» (14, 228). Следовательно, задача Алеши и читателя — выбрать один из предложенных Иваном и Инквизитором вариантов: является ли собеседник Инквизитора порождением впавшего в безумие сознания («он давно мог сойти с ума на своей идее»), просто ли это бред, «видение девяностолетнего старика пред смертью» (14, 228). Это своего рода набор китайских шкатулок, следовательно, и определенность указания самого Достоевского здесь намеренно заглушена до предела. Эта двусмысленность — непрменная дань, которую даже такой идеологизированный писатель, как Достоевский, должен был заплатить искусству⁵. 15 июня 1880 г. он писал Ю. Ф. Абазе: «...ведь фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал “Пиковую даму” — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. (NB Спиритизм и учение его.) Вот это искусство!» (30₁, 192).

С точки зрения основного сюжета, действие «поэмы» Ивана абсолютно точно соотносится с его бунтарством: в предшествующей главе

---

⁵ Об амбивалентности и двусмысленности этого эпизода см.: Salmon L. Il significato del “nome non-detto” del “Prigioniero” nella narrazione del *Grande Inquisitore* dostoevskiano // Il Nome nel testo. 2015. N 17. P. 369–386.

«Бунт» он опровергал не столько существование Бога, сколько основания заповеданных моральных принципов.

Не забудем, что мы находимся в V книге романа, симптоматично озаглавленной «Pro et contra»: аргументы за и против. IV и V главы романа — «Бунт» и «Великий инквизитор» — представляют картину мятежа и *crescendo* бунта, распространяющегося как зараза: на первом уровне это человек, Иван, восстающий против Бога, на втором — все люди, постоянно именуемые Инквизитором «бунтовщиками», все они — маленькие Иваны, слабые, но воинствующие подобно ему, на третьем — это восстание Великого инквизитора против Него, не названного по имени. Кульминация идеи бунта воплощена в самом Великом инквизиторе. Это бунт в своем крайнем изводе — бунт экзистенциальный, усугубленный дьявольской гордыней старого прелата.

В этой главе изживает себя многовековая, тысячелетняя оппозиция рассудка и веры. В интриге романа эта оппозиция развернута не в своей логической последовательности, требуемой диалектическим принципом аргументации — тезис — антитезис — синтез, но в последовательности несколько модифицированной: тезис — глава «Бунт», синтез — глава «Великий инквизитор», причем под синтезом здесь надо понимать соположение тезиса и антитезиса в их чистом виде, с той только разницей, что тезис пространно развернут в обширном монологе Инквизитора, тогда как антитезис только намечен поцелуями Пленника и Алеши. Развитие антитезиса происходит в следующей книге («Русский инок»), посвященной жизни и духовному пути Зосимы, с параллельным описанием жизненного пути Алеши и Мити, предпринятого после смерти отца. Эта сдвинутая логика триады тезис — антитезис — синтез оказывается сродни декларации человека из подполья: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещь» (5, 119): она демонстрирует с неопровержимой наглядностью, что аргументы Достоевского не укладываются в парадигму диалектического метода, в отличие от аргументов рационалиста Ивана, которого именно его «эвклидовский ум» в финале и приводит к безумию. Синтез, предлагаемый Достоевским читателю — это диффузия тезиса и антитезиса, которая не сковывает читателя идеей абсолютной, последней, «эвклидовой» истины — в этом Достоевский вот уж никак не гегельянец⁶.

Если IV глава посвящена теме зла в мире, то в V главе Достоевский концептуально смещает центр тяжести на проблему свободы по отношению к злу и истине. Здесь происходит некий сдвиг, соскальзывание с идеи житейской правды (зло в конкретной реальности) к онтологической идее зла (зло как трансцендентное начало)⁷.

⁶ Об отношении Достоевского к Гегелю см.: *Бачинин В. А.* Достоевский и Гегель (к проблеме «разорванного сознания») // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 13–20.

⁷ *Аскольдов С.* Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф. М. Достоевский. 1881–1900–1981. Лондон, 1981. С. 48–53. Исследователь различает четыре основных

Заметим, что нападки на римский католицизм, содержащиеся в произведении Ивана Карамазова, Достоевский сделал в трудный и унижительный для института папства период — после провозглашения Рима столицей молодого итальянского государства (1870). С исторической точки зрения, начиная с XVI в., к которому приурочено действие «поэмы», и до эпохи создания романа, план, приписываемый Великим инквизитором римской католической церкви, был несостоятельным: фактически светская власть папы уже превратилась в призрак, неспособный преодолеть пределы роскошных ватиканских дворцов. Следовательно, монолог Великого инквизитора не должен бы рассматривать Римскую церковь как историко-политическое явление — это подчеркивается многими — но Достоевский считал, что «римская идея» мирового господства, унаследованная католицизмом от Римской империи, в эти самые годы вновь обретала былую мощь⁸. Критические стрелы Достоевского целят в детище западного рационализма латино-германского толка, в памятную ему самому доктрину, сулящую социальную эвдемонию: социализм, общество без Бога. В мае–июне 1877 г. Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «Папа выйдет ко всем нищим пеш и бос и скажет, что все, чему они учат и чего хотят, давно уже есть в Евангелии, что до сих пор лишь время не наступало им про это узнать, а теперь наступило, и что он, папа, отдает им Христа и верит в муравейник. Римскому католицизму (слишком уж ясно это) нужен не Христос, а всемирное владычество...» (25, 160).

Достоевский видел зародыш социализма в католицизме и в частности в одном из его экстремальных вариантов, в иезуитстве⁹. Писатель отчетливо видел ту железную логику, с которой социализм идеологически вытекает из католицизма. Следовательно, его полемические выпады нацелены в двойную мишень: с одной стороны, социализм, с другой — римский католицизм, который он считал отцом социализма и возвел в его в «поэме» Ивана до качественного уровня «маски социализма».

Давняя и упорная полемика Достоевского с Чернышевским и его утопией «хрустальных дворцов», на которую Достоевский напал уже в «Записках из подполья» (1864), была актуальна для писателя на протяжении как минимум 15 лет. Где живет Великий инквизитор? Можно ответить: в «хрустальном дворце». А где живут бунтовщики против его власти? В «муравейнике»; и это после того, как Достоевский утверждал

разновидности зла; четвертая — «зло сверхличное и трансцендентное», т. е., то самое, о котором идет речь в «поэме» Ивана.

⁸ См. «Дневник писателя» за май–июнь 1877 г. (главка «III. И сердиты и сильны»; 25, 157–161).

⁹ См. «Дневник писателя» за май–июнь 1877 г. (главка «IV. Черное войско. Мнение легионов как новый элемент цивилизации»; 25, 161–164). См.: *Bettio P. Gesù il Vivente. Appunti sul Cristo di Dostoevskij // I volti moderni di Gesù. Arte. Filosofia. Storia / A cura di I. Adinolfi e G. Goisis. Macerata, 2013. С. 209–212.*

в 1873 г., говоря о Белинском: «...одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную “гармонию”, в которой бы можно было ужитья человеку» (21, 10). Не отягощенный христианским служением истине союз разума, науки и идеологического «реализма» порождает «муравейник».

В наше время утопия «Великого инквизитора» несостоятельна лишь в том случае, если она относится к Римской католической церкви, но если отнести ее к идеологии социализма, она является пророческой. Возможно, Достоевский сделал акцент на образе Рима потому, что проект, атрибутированный им римской католической церкви — идея всемирной монархии — вполне пригоден был для того, чтобы стать «универсальной метафорой»¹⁰ судьбы всех утопических проектов. Таким образом писатель подчеркнул иллюзорность подобного рода утопий.

Именно с «универсальной метафоричностью» произведения Ивана Карамазова связаны все попытки изъять этот эпизод из текста романа Достоевского, этим же объясняется и экстраординарная популярность этого текста в XX в., видевшем вознесения и падения множества «великих инквизиторов»¹¹. В свое время С. Л. Франк заметил: «Содержащаяся в “Легенде” критика направлена вообще против целей той утопии, которая неоднократно формулировалась в истории человечества (от Платона до Ренана) против намерения передать ответственность за судьбы общества в руки избранного мудрого слоя и достигнуть счастья человечества посредством деспотической власти над безответственной, воспитанной в рабском повиновении массой»¹². Это утверждение Франка можно подкрепить и таким наблюдением: и в «поэме», и в романе Достоевского в его основном сюжете очевидно прямое противопоставление утопии и эсхатологии, утопической мечты социальной эвдемонии (мечты о «хлебе насущном», дающем человечеству счастье) и последней судьбы человека, могущего обрести это счастье и жизнь вечную только во Христе.

В монологе Инквизитора повествование отдано лицу, стоящему на стороне дьявола, — и, следовательно, трактующего Священное Писание с сатанинских позиций. Различие между буквой Писания и толкованием, которое дает ей инквизитор, по видимости незначительно, но оно очень существенно и имеет принципиальное значение, а деформация образа Христа в его теологии чрезвычайно поучительна.

Великий инквизитор отрицает авторитет и святость Писания (он ни разу не употребляет слов «Евангелие», «Библия», «Священное Писание»), он пятикратно произносит только слово «книги») и евангельских

---

¹⁰ *Badii R., Fabbri E.* Una metafora assoluta per la tarda modernità: la Leggenda del Grande Inquisitore // Il grande inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta. P. 11–24.

¹¹ О судьбе «Великого инквизитора» в русской литературе см.: *Сухих О. С.* «Великие инквизиторы» в русской литературе XX века. Нижний Новгород, 2012.

¹² *Франк С. Л.* Легенда о Великом Инквизиторе // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. Леонтьев, Соловьев, Розанов, Булгаков, Франк. М., 1991. С. 244.

заповедей, извращая их своим «научным» истолкованием при помощи чуть заметных семантических сдвигов, которые в теологическом смысле являются чистой ересью. Напротив, о дьяволе он отзывается с некоторым даже почтением, используя красноречивые и весьма апологетические эпитеты: «страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия» (14, 229), «великий дух» (14, 229), «страшный дух» (14, 238), «могучий и умный дух» (14, 230), «умный дух» (14, 231), «могучий дух» (14, 234), «великий и страшный дух» (14, 238), «страшный и премудрый дух» (14, 232). Особенно выразителен эпитет «премудрый», традиционно и исключительно атрибутивный только святым и священнослужителям. В синоптических Евангелиях, в эпизоде искушения в пустыне, дьявол именуется предельно скупой и без эпитетов: у Матфея «дьявол», «искуситель», «сатана» (Мф 4: 1–11), у Луки «дьявол» и «сатана» (Лк 4: 1–13), у Марка только «сатана» (Мк 1: 12–13).

Воскрешая в памяти эпизод искушения Христа в пустыне, Великий инквизитор прямо не говорит об искушении, он использует это слово только в кавычках: он говорит о «вопросах», «предложениях» и «советах», которые дух зла сделал Пленнику и которые он, к несчастью, отверг — три «силы», на которых держится власть: чудо, тайну и могущество. Но несмотря на утверждения Инквизитора, хотя Пленник и отверг три искушения, он совсем не лишился сил, о которых вспоминает кардинал, и при своем кратком возвращении на землю обнаруживает всю полноту обладания ими. Он обладает харизмой чуда (которое совершает, воскресив девицу), тайны (Он это или не Он? поскольку его присутствие на земле мимолетно и не является обетованным эсхатологическим вторым пришествием) и могущества (поскольку он признан народом и самим Великим инквизитором, не осмеливающимся задержать его и освобождающим Пленника).

Стоя на стороне дьявола, Инквизитор исповедует ложь; первые слова дьявола, искушающего Христа в Евангелиях от Матфея и Луки — «если Ты Сын Божий...» (Лк 4: 3; Мф 4: 3) и повторенные в Евангелии от Матфея при начале второго искушения («[дьявол] и говорит Ему: *если Ты Сын Божий*, бросься вниз; ибо написано: Ангелам Своим...»; Мф 4: 6; курсив мой. — Р. Дж.) извращены в речи Великого инквизитора в его обращении к Пленнику: «*Если хочешь узнать, сын ли ты божий*, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и не расшибется, и *узнаешь тогда, сын ли ты божий...*» (14, 232–233; курсив мой. — Р. Дж.). Таким образом, Великий инквизитор пытается превратить Пленника в хрупкое земное существо, совершенно не уверенное в своей собственной идентичности — это прямо противоположно самосознающему Богочеловеку христианства. Безмянный герой поэмы Ивана не похож на образ, созданный И. И. Крамским в картине «Христос в пустыне» (1872), где изображен, в соответствии с господствовавшим с эти годы канон «исторической школы», обычный молодой человек в момент тяжелого

испытания. «Он» Достоевского скорее предвещает образ хрупкого Христа, вросшего в стену на картине Н. Н. Ге «Что есть истина?» (1890).

Инквизитор — это сверхчеловек, который обвиняет Его в желании быть сверхчеловеком для немногих избранных сверхчеловеков. Он не помнит слов Христа, обращенных к немощным, недужным и младенцам: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф 11: 28), «не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк 2: 17). В монологе старого кардинала продолжается, таким образом, смысловое искажение сакрального текста и его сути.

Другое важное искажение, которому инквизитор подвергает Евангелие, касается понятия «свобода». Противопоставляя понятия «свобода» и «счастье», старый кардинал обращается к своему безмолвному оппоненту со следующей инвективой: «Не ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас *свободными*”» (14, 229; курсив мой. — Р. Дж.). В этом случае он искажает как букву, так и дух Евангелия, ибо на самом деле особый акцент на идее свободы ставится не в евангелиях, а в посланиях апостола Павла¹³. Напротив, ни в одном из стихов синоптических евангелий мы не найдем слов, приписываемых инквизитором Пленнику: только в Евангелии от Иоанна можно найти пророчество свободы: «...если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8: 31–32); но эта свобода — плод и следствие познания истины, а не прагматически трактованной достоверности. Конечно, в христианской доктрине Иисус затем и пришел, чтобы дать свободу человеку, которая, однако, уже дана ему его осознанной волей, но эта свобода неотделима от предшествующего ей познания истины. Свобода, обетованная человеку Христом — это не социальные свободы и даже не свобода совести и сознания, но нечто более возвышенное: это свобода «сынов Божиих» — от греха, от смерти, от законов материальной жизни. Отсюда следует, что в лоне христианства отсутствие истины влечет за собой и отсутствие свободы, понимаемой в высшем смысле, внутренней свободы: поскольку творящий зло, даже если он мнит себя свободным, является рабом своих страстей. В Евангелии от Иоанна понятие «истина» занимает значительное место: в теологии Иоанна Христос, проповедующий истину и свидетельствующий о ней, сам есть Истина¹⁴ (ср.: 15, 249) и неотъемлемое условие свободы человека: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3: 17).

В сознании Достоевского свобода была высшей ценностью, в то время как социализм представлял для нее роковую опасность. Тот факт,

¹³ См.: 1 Кор 8: 9; 10: 29; Рим 6: 20; 8: 21; Гал 2: 4; 5: 1, 13.

¹⁴ Об отождествлении Христа и Истины у Достоевского ср.: Буданова Н. Ф. «Чтобы не умирала великая мысль» («Сон смешного человека») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 88–89.

что защита свободы от лжи церкви — имеются в виду не только римско-католическая церковь, но все существующие конфессии, не исключая и новейшую религию социализма — доверена безмолвному Пленнику и Ивану, сочинителю, бунтарю, находящемуся в полубредовом состоянии, делает еще более сложным, если вообще возможным, идентификацию авторского голоса в этом эпизоде романа.

Инквизитор подвергает Пленника тому, что можно было бы назвать «четвертым искушением»: он вынуждает его возражать противнику. В евангельских повествованиях Христос, как правило, отвечает своим оппонентам цитатами из Священного Писания; цитаты из Библии приводятся корректно. Иначе встреча Христа с дьяволом выглядит в описании Инквизитора. Евангельский Иисус не всегда мягок и кроток; он — рабби, он законоучитель, он бывает категоричен, временами даже вспыльчив, как в эпизоде изгнания торгующих из храма. Хотя он в основном молчалив, во время судилища он возражает Пилату, священникам Синедриона, одному из воинов во время Крестного хода (Ин 18: 23). Почему же молчит Пленник в «поэме» Ивана? Почему он не отвечает на обвинения Инквизитора? Сто сорок лет мы спрашиваем себя об этом, но ответ может быть только гипотетическим¹⁵. Пожалуй, Он действительно ничего не может сказать по целому ряду соображений другого порядка. Прежде всего потому, что с теологической точки зрения все свершилось и завершилось после смерти, воскресения и вознесения Христа. С точки зрения логики повествования — вкладывать в уста Христа ответные реплики — это более чем рискованный шаг: такой нарративный ход удался М. А. Булгакову в романе «Мастер и Маргарита», но удался только потому, что евангельский образ Христа у него опосредован радикальным отчуждением. В любом случае, верующий человек, каким, несомненно, был Достоевский, никогда не позволил бы себе погрузить образ Христа в быт и тем самым его унижить. Вероятно, даже с аукториальной точки зрения, даже с позиции нарратора, Пленник не мог бы ответить. Ауктор — бунтарь Иван — настолько далек от духа христианства, что вообще не может предположить, какие слова возможно вложить в уста своего персонажа. Для него, Ивана, Евангелие — закрытая книга. Христос молчит еще и потому, что Иван не в состоянии дать ответы на им же поставленные жестокие вопросы и возразить на собственные разительные аргументы: своему «contra» он не способен противопоставить «pro».

Прежде всего, Он молчит потому, что его ответ невербален: это поцелуй, которым Он отвечает Великому инквизитору. Поцелуй — это единственно возможный ответ, соответствующий евангельской

---

¹⁵ Среди самых недавних исследований, посвященных молчанию Пленника, см.: *Weinstein M. Le silence de Jésus dans «Le Grand Inquisiteur» de Dostoevskij // Modernités Russes. Num. spécial: Mélanges offerts à Jean-Claude Lanne. Paroles Étranges. Lyon, 2017. P. 284–304.*

заповеди любви к врагу и прощения. Это благой ответ благого Бога, прощающего своего врага. В Его поцелуе воплощаются библейские стихи «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стриженным его безгласен...» (Ис 53: 7) и «любите врагов ваших» (Мф 5: 44; Лк 6: 27). В своем ответе Христос Достоевского, следовательно, соответствует евангельскому образу Иисуса. В связи с этим трудно согласиться с утверждением Вяч. Иванова: «Поцелуй Христа есть непростительная вещь в художественном смысле. Он никогда не целует. Его целуют»¹⁶. В безмолвии Пленника реализована еще одна евангельская заповедь: быть кратким в словах («Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого», Мф 5: 37). По контрасту с молчанием Пленника еще более очевидно извергающееся словесным потоком красноречие Ивана в главе «Бунт», многословие черта, инкубом явившегося Ивану в финале романа, и неостановимое словоизвержение Великого инквизитора.

Кто же такой на самом деле Великий инквизитор? Некоторые исследователи видят в нем alter ego Ивана¹⁷. Кажется, однако, что ненависть к Христу, которая Ивану в действительности не свойственна, существенным образом различает этих двух персонажей. Может быть, Великий инквизитор — это alter ego дьявола?¹⁸ Однако подобная интерпретация не учитывает характерных особенностей характера Инквизитора, ряда черт, позаимствованных из Откровения Иоанна Богослова. В действительности, как это периодически упоминается в ряде исследований, образ старого кардинала несет на себе печать характерных черт Антихриста, в частности тех, которые делают его противоположностью Христа: как «князь мира сего» он действует под знаком лжи, совращения человечества с целью подчинить себе людей и стать объектом поклонения. Так же как образ Пленника сопоставим с христианским образом Иисуса, образ Великого инквизитора соотносим с образом Антихриста в Апокалипсисе.

Он выступает в качестве действующего в мире Антихриста своей эпохи и своего поколения, воплощением «тайны беззакония» (2 Фес 2: 7). И, кроме того, он становится своего рода дьявольским евангелистом, автором своеобразного евангелия от Антихриста — евангелия, которое принадлежит двум авторам — ему и Ивану, причем

---

¹⁶ Цит. по: Шишкин А. «Легенда о Великом инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию В.Е. Багно. СПб., 2011. С. 539.

¹⁷ Ср., например: «Не ищите исторической верности в речах инквизитора. Вы скоро убеждаетесь, что в фантастическом образе средневекового инквизитора вы узнаете скорбную и мятущуюся душу Ивана» (Булгаков С. Н. Иван Карамазов в романе «Братья Карамазовы» как философский тип [1901] // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. С. 207).

¹⁸ Capaldo M. In che lingua tace Gesù di fronte al Grande Inquisitore? // Uomini, opere e idee tra Occidente europeo e mondo slavo. Scritti offerti a Maria Luisa. Trento, 2011. P. 78.

Иван, даже и в ономастическом смысле, предстает кем-то вроде четвертого евангелиста, приспособляющего свое евангелие к трем синоптическим в повествовании об искушении в пустыне. Это вершина полисемантики образов Достоевского, делающей тщетными поиски идентичности этого персонажа.

Используя «высокий стиль»¹⁹, в который вошли архаические словосочетания и особенности словоупотребления в Библии и в литургических текстах (синтаксические инверсии, архаизмы типа «ибо», «град», «стогны» и т. п.) и цитируя на свой лад стихи Священного Писания²⁰, Инквизитор доказывает свои тезисы с высоким риторическим мастерством и в высшей степени эффективной логической диалектикой. «А ты не думал, что я логик тоже?»²¹ — говорит дьявол в «Божественной комедии» Данте («Ад», XXVII); у Достоевского дьявол и антихрист также «логики». Аргументы Великого инквизитора в его монологе непроверяемы и обильны, как полноводная река, речь инкуба-черта так же обрушивается на Ивана, подобно снежной лавине. У Достоевского чудовищ рождает не сон разума, а сам разум. Иван, человек «эвклидова чуда ума», доведен своей логикой до безумия: этот едва заметно обозначенный в «поэме» мотив является основным генератором действия в описании диалога Ивана с чертом. Двусмысленность и амбивалентность эпизода размывают и без того непрочные границы между здравым рассудком и галлюцинацией, горячечным бредом безумца. Первый бред Ивана-сочинителя еще может быть признан бредом его героя, Великого инквизитора, второй, в котором Ивану вопреки всей очевидности является черт — уже его собственный.

По поводу автора «поэмы» нелишне вспомнить, что только в финале романа, в XI книге, в начале указанной выше главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» выяснится, что у Ивана изначально есть признаки нервной болезни, в чем он и признается доктору, сообщая, что у него бывают галлюцинации: «Доктор, выслушав и осмотрев его, заключил, что у него вроде даже как бы расстройство в мозгу <...> Галлюцинации в вашем состоянии очень возможны <...> вообще же необходимо начать лечение серьезно, не теряя ни минуты, не то будет плохо». Но Иван Федорович, выйдя от него, благоразумного совета не исполнил и «лечь лечиться пренебрег» (15, 70).

Таким образом, рассуждения Ивана, его «contra» суть плод не только его острого и логичного ума, но порождение психически нездоровой заблудшей души. Образ Ивана, вероятно, воплощает еще одну евангельскую истину: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет,

---

¹⁹ См.: Алоэ С. Иванов Черт, Великий Инквизитор и «Агасвер» Кюхельбекера: Об одном вероятном источнике «Братьев Карамазовых» // Достоевский: философское мышление, взгляд писателя / Ред. С. Алоэ. СПб., 2012. С. 191–220.

²⁰ *Salvestroni S. La leggenda del Grande Inquisitore e il suo autore Ivan Karamazov // Ricerche Slavistiche. 2014. N 12 (58). С. 343–351.*

²¹ Перевод М. Л. Лозинского.

и дом, *разделившийся* сам в себе, падет» (Лк 11: 17). Еще до финала первое поражение Ивана и его «эвклидовского ума» происходит вскоре после разговора с Алешей в двух главах, следующих за его «поэмой» («Пока еще очень неясная» и «С умным человеком и поговорить любопытно»), при встрече со Смердяковым, во время которой умник и логик Иван не в состоянии ни понять, ни интуитивно почувствовать, что его сводный брат лелеет отцеубийственный замысел.

Ключ к разгадке, как кажется, предложен автором в самом заглавии V книги, в которой она изложена: “Pro et contra”, в виде доказательств на очной ставке между действующими лицами. “Pro”: поцелуи Пленника и Алеши и их значение в свете самого смысла Евангелия; “contra”: риторика Ивана и Великого инквизитора. Не только в тексте «поэмы» Ивана, но и во всем целом своего романа Достоевский задает себе, персонажам и читателям вечные вопросы, ответов на которые нет в этой главе, но которые отсылают к последующему действию, предваренному VI книгой романа. Ответ Достоевского, или по меньшей мере возможность ответа, которой писатель отвел самое значительное место и которая наиболее соответствует замыслу всего произведения, находится здесь. Однако это становится понятно только в том случае, если рассматривать нарратив второго уровня в контексте всего романа; в противном случае редуцируется и искажается его глубинный смысл. Ответ, предваренный уже поцелуями Пленника и Алеши, раскрывается в последующем действии и повествовании. Поборник законности Иван настаивает на необходимости земной справедливости; от него ускользает глубокий смысл христианства, который был, есть и будет Благой Вестью о прощении грешников. Иван и его Инквизитор не постигают сути христианства; Митя и Алеша находят свои ответы, Иван же — нет.

Не могут найти адекватного ответа и те интерпретаторы «поэмы», которые вырывают ее из текста романа, как бы хирургическим ножом отрезая от единого целого романа Достоевского. В письме к Любимову от 11 июня 1879 г. Достоевский писал: «Если удастся, то сделаю дело хорошее: *заставлю сознаться*, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее и что христианство есть единственное убежище Русской Земли ото всех ее зол. Молю бога, чтоб удалось, вещь будет патетическая, только бы достало вдохновения. А главное — тема такая, которая никому из теперешних писателей и поэтов и в голову не приходит, стало быть, совершенно *оригинальная*. Для нее пишется и весь роман, но только чтоб удалось, вот, что теперь тревожит меня!» (30₁, 68).

По мнению Достоевского, мысль романа выражает вполне не одна отдельно взятая глава, пусть даже центральная, даже вызывающая восхищение и могущая иметь полноценное текстовое существование и вне контекста романа, но «весь роман», роман во всей полноте его текста. Вне сомнений, что смыслом литературного текста является лишь то, что увидел в тексте его читатель, и что будучи опубликованным, текст

начинает обретать смыслы, могущие быть совершенно отличными от тех, которые видел в нем его автор. Однако, поскольку в эпизоде, повествующем о Великом инквизиторе, больше всего завораживают его актуальные на протяжении всего романного действия идеологические и онтологические оппозиции: свобода — рабство, добро — зло, вера — разум, истина — ложь, извлекать V главу из пятой книги романа и интерпретировать ее отдельно от остального текста значит низводить эти тугие проблемные узлы текста на низшие смысловые уровни.

В романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгаков продемонстрировал глубокое проникновение в суть метода Достоевского, верное усвоение нарративных структур «поэмы» Ивана Карамазова, что обеспечило преемственность его произведения в отношении развертывания повествования об общечеловеческих «вековечных вопросах». Многие особенности аксиологии, композиционной и нарративной структуры булгаковского романа уходят корнями в рассматриваемый фрагмент «Братьев Карамазовых»; я ограничусь здесь только перечислением, поскольку эта тема заслуживает отдельного разговора²². Чисто «достоевским» приемом является «роман в романе», новозаветный сюжет суда Пилата над Иисусом, присутствие Иисуса и дьявола среди персонажей романа, их эмблематическое главенство в той системе ценностей, которая утверждается в романе, возведение образа Иисуса в абсолют, атрибуция его истории, смысла универсальной метафоры взаимоотношений между человеком и властью, прощение греха Пилата, двойное авторство повествования в евангельских эпизодах (излагаемых и Воландом, и Мастером), полемический диалог романа и «романа в романе» в отношении к современному социуму, находящемуся в вассальной зависимости от материалистической идеологии. Все это делает роман Мастера своего рода *pendant* XX в. к «Великому инквизитору», копией ее композиционных стратегий. И так же как и «поэма» Ивана Карамазова, «роман в романе» Булгакова выносит ответы на поставленные в нем тревожные вопросы за скобки своего текста — в основной смысл всего произведения в целом.

Перевод с итальянского О. Б. Лебедевой

Библиографический список

Алоэ С. Иванов Черт, Великий Инквизитор и «Агасвер» Кюхельбекера. Об одном вероятном источнике «Братьев Карамазовых» // Достоевский: философское мышление, взгляд писателя / Ред. С. Алоэ. СПб., 2012.

---

²² О влиянии Достоевского на роман «Мастер и Маргарита» см.: *Lowе D. Bulgakov and Dostoevsky: A Tale of Two Ivans* // *Russian Literature Triquarterly*. 1978. № 15. С. 253–262; *Йованович М.* «Братья Карамазовы» как литературный источник «Мастера и Маргариты» // *Зборник Матице Српске за Славистику*. Вып. 23. Нови Сад, 1982. С. 33–51.

- Аскольдов С.* Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф.М. Достоевский. 1881–1900–1981. Лондон, 1981.
- Бачинин В. А.* Достоевский и Гегель (К проблеме «разорванного сознания») // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3.
- Буданова Н. Ф.* «Чтобы не умирала великая мысль» («Сон смешного человека») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21.
- Булгаков С. Н.* Иван Карамазов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип [1901] // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. Леонтьев, Соловьев, Розанов, Булгаков, Франк. М., 1991.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Йованович М.* «Братья Карамазовы» как литературный источник «Мастера и Маргариты» // Сборник Матице Српске за Славистику. Нови Сад, 1982. Вып. 23.
- О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. Леонтьев, Соловьев, Розанов, Булгаков, Франк. М., 1991.
- Розанов В. В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. СПб., 1894.
- Сухих О. С.* «Великие инквизиторы» в русской литературе XX века. Нижний Новгород, 2012.
- Шишкин А.* «Легенда о Великом инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб., 2011.
- Франк С. Л.* Легенда о Великом Инквизиторе // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. Леонтьев, Соловьев, Розанов, Булгаков, Франк. М., 1991.
- Badii R., Fabbri E.* Una metafora assoluta per la tarda modernità. La Leggenda del Grande Inquisitore // Il grande inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta. / A cura di R. Badii, E. Fabbri. Milan; Udine, 2013.
- Bettiolo P.* Gesù il Vivente. Appunti sul Cristo di Dostoevskij // I volti moderni di Gesù. Arte Filosofia Storia / A cura di I. Adinolfi e G. Goisis. Macerata, 2013.
- Bori P. C.* La tragedia del potere: Dostoevskij e il Grande Inquisitore. Bologna, 2015.
- Capaldo M.* In che lingua tace Gesù di fronte al Grande Inquisitore? // Uomini, opere e idee tra Occidente europeo e mondo slavo. Scritti offerti a M. L. Ferrazzi-Trento, 2011.
- Dällenbach L.* Il racconto speculare. Saggio sulla mise en abyme. Parma, 1994.
- Dostoevskij F. M.* Beniamino Placido presenta Il grande inquisitore di Dostoevskij. Roma, 1995.
- Dostoevskij F. M.* La leggenda del Grande Inquisitore / Introd. di J. Imbach. Padova, 1982.
- Dostoevskij F. M.* Il dialogo dell'Inquisitore. Firenze, 1992.
- Dostoevskij F. M.* Il grande inquisitore / Introd. di P. Tufari. Roma, 1995.
- Dostoevskij F. M.* Il grande inquisitore. Vicenza, 1995.
- Dostoevskij F. M.* Il grande inquisitore: da i «Fratelli Karamazov», capitolo V. Città di Castello, 2006.
- Dostoevskij F. M.* Il grande inquisitore / Con «Il peso della libertà» di G. Colombo. Milano, 2010.
- Dostoevskij F. M.* Il perimetro della felicità. Il Grande inquisitore / Con un saggio di L. Pareyson. Milano, 2013.

- Il grande inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / A cura di R. Badii e E. Fabbri. Milano; Udine, 2013.
- Il Grande Inquisitore. Interpretazioni nel pensiero russo / A cura di D. Steila. Torino, 2015.
- Lowe D. Bulgakov and Dostoevsky. A Tale of Two Ivans // *Russian Literature Triquarterly*. 1978. N 15.
- Salmon L. Il significato del “nome non-detto” del “Prigioniero” nella narrazione del *Grande Inquisitore* dostoevskiano // *Il Nome nel testo*. 2015. N 17.
- Salvestroni S. La leggenda del Grande Inquisitore e il suo autore Ivan Karamazov // *Ricerche Slavistiche*. 2014. N 12 (58).
- Weinstein M. Le silence de *Jésus* dans «Le Grand Inquisiteur» de Dostoevskij // *Modernités Russes*. Num. spécial: Mélanges offerts à Jean-Claude Lanne. *Paroles Étrangères*. Lyon, 2017.
- Zagrebel'sky G. La leggenda del grande inquisitore / A cura di G. Caramore. Brescia, 2003.
- Zagrebel'sky G. Liberi servi. Il Grande Inquisitore e l'enigma del potere. Torino, 2015.

Giuliani Rita

“THE GRAND INQUISITOR”: THE TEXT AND THE CONTEXT

Key words: “The Grand Inquisitor”, interpretation issues, narrative structure, “novel in a novel”.

The article aims to demonstrate how inadequate is to interpret the episode of the Grand Inquisitor outside the context of *The Brothers Karamazov*. The Legend is structured as a “novel in a novel”, as an open text with multiple communication channels and points of intersection with the main narrative. The very presence of the literary framework of “novel in a novel” confirms the centrality of the episode in the narrative structure of the text. Like any “novel in a novel”, the episode finds its full meaning only in the context of the novel and its main plot.

References

- Aloe S. Ivanov Chert, Velikiy Inkvizitor i “Agasfer” Kyukhel’bekera. Ob odnom veroyatnom istochnike “Brat’ev Karamazovykh”. *Dostoevskiy: filosofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya*. S. Aloe, ed. St. Petersburg, 2012.
- Askol’dov S. Religiozno-eticheskoe soznanie Dostoevskogo. *F.M. Dostoevskiy. 1881–1900–1981*. London, 1981.
- Bachinin V. A. Dostoevskiy i Gegel’ (K probleme “razorvannogo soznaniya”). *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. Vol. 3. G.M. Fridlender, ed. Leningrad, 1978.

- Badii R., Fabbri E. Una metafora assoluta per la tarda modernità. La Leggenda del Grande Inquisitore. *Il grande inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. R. Badii, E. Fabbri, eds. Milano–Udine, 2013.
- Bettio P. Gesù il Vivente. Appunti sul Cristo di Dostoevskij. *I volti moderni di Gesù. Arte Filosofia Storia*. I. Adinolfi, G. Goisis, eds. Macerata, 2013.
- Bori P. C. *La tragedia del potere: Dostoevskij e il Grande Inquisitore*. Bologna, 2015.
- Budanova N. F. “Chtoby ne umirala velikaya mysl” (“Son smeshnogo cheloveka”). *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. Vol. 21. K.A. Barsht, N.F. Budanova, eds. St. Petersburg, 2016.
- Bulgakov S. N. Ivan Karamazov v romane Dostoevskogo “Brat’ya Karamazovy” kak filosofskiy tip [1901]. *O Velikom inkvizitore. Dostoevskiy i posleduyushchie. Leon’ev, Solov’ev, Rozanov, Bulgakov, Frank*. Moscow, 1991.
- Capaldo M. In che lingua tace Gesù di fronte al Grande Inquisitore? *Uomini, opere e idee tra Occidente europeo e mondo slavo. Scritti offerti a M. L. Ferrazzi*. Trento, 2011.
- Dällenbach L. *Il racconto speculare. Saggio sulla mise en abyme*. Parma, 1994.
- Dostoevskij F. M. *Beniamino Placido presenta Il grande inquisitore di Dostoevskij*. Roma, 1995.
- Dostoevskij F. M. *Il dialogo dell’Inquisitore*. Firenze, 1992.
- Dostoevskij F. M. *Il grande inquisitore*. Introd. by P. Tufari. Roma, 1995.
- Dostoevskij F. M. *Il grande inquisitore*, con *Il peso della libertà* by G. Colombo. Milano, 2010.
- Dostoevskij F. M. *Il grande inquisitore*. Vicenza, 1995.
- Dostoevskij F. M. *Il grande inquisitore: da i “Fratelli Karamazov”, capitolo V*. Città di Castello, 2006.
- Dostoevskij F. M. *Il perimetro della felicità. Il Grande inquisitore*. With an essay by L. Pareyson. Milano, 2013.
- Dostoevskij F. M. *La leggenda del Grande Inquisitore*. Introd. by J. Imbach. Padova, 1982.
- Frank S. L. Legenda o Velikom Inkvizitore. *O Velikom inkvizitore. Dostoevskiy i posleduyushchie. Leon’ev, Solov’ev, Rozanov, Bulgakov, Frank*. Moscow, 1991.
- Il grande inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. R. Badii, E. Fabbri, eds. Milano–Udine, 2013.
- Il Grande Inquisitore. Interpretazioni nel pensiero russo*. D. Steila, ed. Torino, 2015.
- Lowe D. Bulgakov and Dostoevsky. A Tale of Two Ivans. *Russian Literature Triquarterly*. 1978. N 15.
- O Velikom inkvizitore. Dostoevskiy i posleduyushchie. Leon’ev, Solov’ev, Rozanov, Bulgakov, Frank*. Moscow, 1991.
- Rozanov V. V. *Legenda o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoevskogo*. St. Petersburg, 1894.
- Salmon L. Il significato del “nome non-detto” del “Prigioniero” nella narrazione del *Grande Inquisitore* dostoevskiano. *Il Nome nel testo*. 2015. N XVII.
- Salvestroni S. La leggenda del Grande Inquisitore e il suo autore Ivan Karamazov. *Ricerche Slavistiche*. 2014. N 12 (58). P. 341–355.
- Shishkin A. “Legenda o Velikom inkvizitore” v istolkovanii Vyach. Ivanova (1938). *Kul’turnyy palimpsest. Sbornik statey k 60-letiyu V.E. Bagno*. St. Petersburg, 2011.
- Sukhikh O. S. “Velikie inkvizitory” v russkoy literature XX veka. Nizhniy Novgorod, 2012.

- Weinstein M. Le silence de Jésus dans “Le Grand Inquisiteur” de Dostoievskij. *Modernités Russes*. Num. spécial. Mélanges offerts à Jean-Claude Lanne. Paroles Étrangères. Lyon, 2017.
- Yovanovich M. “Brat’ya Karamazovy” kak literaturnyy istochnik “Mastera i Margarity”. *Zbornik Matitse Srpske za Slavistiku*. Vyp. 23. Novi Sad, 1982.
- Zagrebelsky G. *La leggenda del grande inquisitore*. G. Caramore, ed. Brescia, 2003.
- Zagrebelsky G. *Liberi servi. Il Grande Inquisitore e l’enigma del potere*. Torino, 2015.

А. В. ОТЛИВАНЧИК*

**ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО В ВОСПРИЯТИИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ¹**

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, «Россия и Европа», Я. Коллар, историософская модель, рецепция, эпистолярные источники, мемуары.

Исследуется рецепция Ф. М. Достоевским цивилизационной теории, изложенной в историософском трактате Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Материалом исследования служат «Дневник писателя», художественная проза Достоевского 1870-х гг., его переписка, деловая и частная корреспонденция сотрудников журнала «Гражданин», их воспоминания о Достоевском.

Сильное впечатление, произведенное на Достоевского фундаментальной историософской работой Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), нашло отражение в целом ряде документальных источников (переписка Достоевского, мемуарные очерки о нем и др.). Отзвуки идей Данилевского ощутимы в романе «Бесы», в многочисленных статьях «Дневника писателя» (1876, 1877, 1880). В плане оценочных характеристик и признаний показателен следующий эмоциональный отклик Достоевского на публикацию начальных глав «России и Европы» в журнале «Заря» (письмо к Н. Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г.): «Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго <...> Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно-давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью <...> Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, – уже осуществленным — стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда» (29₁, 30).

---

* Александр Владимирович Отливанчик, специалист Web-лаборатории Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) — AlexOt@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (Отделение гуманитарных и общественных наук), проект «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)», №17–04–00619.

Восторженные оценки сочинению Данилевского выставлены здесь, безусловно, авансом: Достоевский прочел покамест четыре (из семнадцати) опубликованные к тому моменту «Зарей» главы «России и Европы». Неясность дальнейшего хода рассуждений Данилевского — теоретика, социального философа — вносит в цитированный отзыв Достоевского характерную нотку тревоги: «...сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я всё еще не уверен, что Данилевский укажет в *полной силе* окончательную сущность русского призвания». Она — в раскрытии «перед миром русского Христа <...> По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы» (29₁, 30).

Уже в ближайшем номере «Зари» (1869. № 3) будут опубликованы главы «России и Европы», составляющие сердцевину учения Данилевского о *культурно-исторических типах*, т. е. локальных, «автономных» цивилизациях в составе цивилизации общечеловеческой. Несовместимость общей историософской модели Данилевского с национально-религиозным мессианизмом Достоевского тем самым с очевидностью обнаружится. Поэтому позднейшие по времени отзывы романиста о работе «Россия и Европа» уже не лишены критических выпадов. Впрочем, критика Достоевским труда Данилевского довольно своеобразна. Писатель упрекает ученого в неверии во всемирную миссию России, но как будто не вполне сознает *закономерность* такого неверия для Данилевского-мыслителя, творца философско-исторической доктрины. Ф. М. Достоевский — А. Н. Майкову, 9 (21) октября 1870 г.: «Ну, представьте же Вы себе теперь, <...> что даже в таких высоких русских людях, как, например, автор “России и Европы”, — я не встретил <...> мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении ее для человечества» (29₁, 147). «Дневник писателя», 1877 г., ноябрь, гл. III: «С Востока <...> пронесется новое слово миру <...> которое, может, вновь спасет европейское человечество. <...> это великое христианское дело, эта новая деятельность христианства и православия уже начались, <...> а Н. Я. Данилевский всё еще не верит тому» (26, 85–86).

Процитированный выпуск «Дневника писателя», отметим, представляет собой *единственный* случай *печатной* полемики Достоевского с Данилевским. Причем, полемически затрагивая «Россию и Европу», Достоевский и в этот раз оставляет вне критики общую теоретическую конструкцию Данилевского: объектом полемики служит лишь второстепенная, лишенная философского подтекста главка XIV «России и Европы» («Царьград»).

Показательно и другое: разногласия — притом по столь значимому и чувствительному для Достоевского вопросу — отнюдь не перечеркивают в его мнении значение труда Данилевского. В письмах из-за границы А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову (период — с апреля 1869 по март 1870 г. — время, когда Достоевский уже прочел ключевую в смысле его расхождений с автором главу V труда Данилевского) романист называет

«Россию и Европу» произведением «важным в последней степени», предсказывает работе «колоссальную будущность» (29₁, 36, 46); Достоевский тревожится о том, «неужели книга Данилевского “Европа и Россия” не появится отдельно?» (письмо Н. Н. Страхову, 24 марта (5 апреля) 1870 г.), за фразой следуют восклицания: «Да как же это можно? Ради Бога, не забудьте об этом уведомить» (29₁, 115).

Высокие оценки труда Данилевского звучат из уст писателя и позднее, в 1870-е гг. Приведем лишь два важных, но малоизвестных документальных свидетельства. В. Ф. Пуцыкович (секретарь редакции «Гражданина» в период редакторства Достоевского) в мемуарном очерке 1906 г. вспоминает о разговоре между Достоевским и начинающим литератором Вас. И. Немировичем-Данченко (событие не датировано, но по описываемым обстоятельствам относится к 1874 г.²). В разговоре Достоевский дает собеседнику «наставления насчет того, как сделаться хорошим русским человеком и писателем», и в числе прочего советует «хорошо прочитать сочинение» Данилевского “Россия и Европа”, каковой труд “заменял бы ему целый русский университет”³.

Другой факт известен из письма С. Е. Лурье к Достоевскому от 3 сентября 1877 г. В 1876 г. Достоевский давал для прочтения экземпляр «России и Европы» из собственной библиотеки. Писатель, как видно из письма Лурье, был огорчен тем, что книга оказалась непонятой юной читательницей, а историческая концепция Данилевского — несовместимой с ее «западническими» убеждениями (С. Е. Лурье — Ф. М. Достоевскому: «...я в первый раз в жизни слышала и читала что-нибудь подобное. <...> я не могла сразу поверить ему (Н. Я. Данилевскому. — А. О.) и вдруг переменить весь свой образ мыслей» (29₂, 319))⁴.

Почему же в понятии Достоевского «Россия и Европа» — «настоящая книга всех русских», чтение которой могло бы «заменить целый русский университет»?

---

² По свидетельству мемуариста, разговор состоялся у него на квартире, где с конца августа 1873 г. располагалась редакция «Гражданина» (первоначальный адрес редакции и квартиры В. Ф. Пуцыковича: Санкт-Петербург, ул. Малая Итальянская, д. 21, кв. 6 — см.: Гражданин. 1873. № 35. С. 939; в дальнейшем Пуцыкович неоднократно менял местожительство в Петербурге). Вас. И. Немирович-Данченко вернулся в Петербург из северной ссылки в начале 1874 г.; после мая 1874 г. он в «Гражданине» не печатался и не поддерживал отношений с редакцией.

³ Пуцыкович В. Предсказания Ф. М. Достоевского о конституции и революции в России (Из моих воспоминаний) // Берлинский листок. 1906. № 2. С. 6.

⁴ В плане отношений Достоевского и Данилевского в 1870-е гг. показательным и чувственным восприятием самим автором «России и Европы» публицистической и редакторской деятельности Достоевского. 14 января 1873 г. — вскоре после принятия Достоевским должности редактора «Гражданина» — Н. Н. Страхов сообщает в письме А. Н. Майкову: «Данилевский в настоящую минуту уехал по службе, <...> узнав о редакторстве Федора Михайловича, он сказал: “Теперь я охотно бы напечатал в «Гражданине», если бы что-нибудь написал»» (Литературное наследство. 1973. Т. 86. С. 421).

Вопрос об отношении Достоевского к научной концепции Данилевского и о влиянии этой концепции на философско-исторические воззрения писателя редко попадал в поле зрения исследователей творчества Достоевского и никогда не рассматривался подробно и комплексно. Впервые этот вопрос был затронут Д. В. Гришиным, изучавшим «идейный генезис» «Дневника писателя» и проследившим (в монографиях «“Дневник писателя” Ф. М. Достоевского» и «Достоевский — человек, писатель и мифы») преломление в публицистическом замысле Достоевского идей Н. В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»), Ф. И. Тютчева, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, ряда мыслителей-петрашевцев (А. П. Баласогло, Д. Д. Ахшарумова, М. В. Петрашевского; в этом контексте фигурирует и имя Н. Я. Данилевского, к 1860-м гг. давно порвавшего со своим «петрашевским» прошлым⁵). Работе «Россия и Европа» и личности ее автора уделено внимание в комментариях к Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского: указан ряд эпистолярных источников по теме (см.: 18, 352–353; 26, 401); отмечено влияние некоторых идей, а также элементов терминологического аппарата «России и Европы» на «Дневник писателя» (см.: 23, 364, 377; 29₁, 403) и «Бесов» (см.: 12, 234); дан комментарий к полемике Достоевского с Данилевским по вопросу о будущем международно-правовом статусе Константинополя (см.: 23, 377; 26, 401–402). Позже влияние концепции Данилевского на философскую антропологию Достоевского отмечалось В. Н. Захаровым⁶. Работа польского политолога А. де Лазари «В кругу Федора Достоевского. Почвенничество» (Лодзь, 2000; рус. пер. — М., 2004) содержит раздел «Федор Достоевский и панславизм Николая Данилевского». Автору книги свойственно негативистское восприятие как феномена русского почвенничества, так и теории Данилевского. Содержание исследования «Россия и Европа» трактуется поверхностно и в памфлетных тонах («В работе Данилевского поражает полное отсутствие политической морали»; в ней «русский великодержавный шовинизм XIX в. проявился в наиболее грубой форме»; «Работа Николая Данилевского “Россия и Европа” <...> предоставляла теоретическую базу шовинистам всех мастей» и т. п.⁷); фактическая

⁵ «Нашел отражение в “Дневнике писателя” взгляд Данилевского на историю Европы, как на непрерывную борьбу, окончившуюся “анархией религиозной, т. е. протестантизмом, анархией философской, т. е. всеотрицающим материализмом, который начинает принимать характер веры и понемногу занимает в умах место религиозного убеждения, и анархией политико-социальной, т. е. противоречиями между третьим сословием и пролетариатом”», — отмечает Д. В. Гришин (*Гришин Д. В. Достоевский — человек, писатель и мифы. Достоевский и его “Дневник писателя”. Мельбурн, 1971. С. 55; автор цитирует (неточно) гл. XVII «России и Европы» — ср.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 478*).

⁶ См.: *Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2013. Вып. 11. С. 152–153.*

⁷ *Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Пер. с польск. М., 2004. С. 95–96, 103.*

сторона вопроса искажена⁸. В целом книга А. де Лазари носит скорее полемический, чем научный характер.

«Россия и Европа» трактуется исследователями русской общественной мысли XIX в. как своеобразный «манифест» неославянофильства⁹ — идейного течения, к которому обычно причисляют и почвенников. Н. Н. Страхов в письме к Достоевскому от 24–25 ноября 1868 г. называет теорию Данилевского «славянофильством в более определенных и ясных чертах»¹⁰. Сам Данилевский опирается в своем труде на теоретические наработки русских славянофилов, а также мыслителей-панславистов из славянского зарубежья (Я. Коллар, В. Ганка, Л. Штур и др.). Феномен славянофильства (либо панславизма) как идейно-мировоззренческого течения объективно являлся «продуктом» национально-культурного возрождения, переживаемого с начала XIX в. русским и другими славянскими народами; этот феномен выразил стремление наиболее сознательных представителей тогдашнего славянского мира заявить о славянстве как об особой — *самодостаточной и самобытной* — цивилизации.

Осознание своей цивилизационной самобытности значило для представителей славянских народов прежде всего уяснение типовых различий между собственной и германо-романской «локальными культурами». Живший еще в XVII в. предшественник панславистского движения хорватский мыслитель Ю. Крижанич уже рассматривал «славянорусский Восток и инороднический Запад» как «два особые мира, два резко различных культурных типа»¹¹. В историософской модели А. С. Хомякова противопоставление миров «классической» Европы и славянства «вписано» в реализуемую во всеобщей истории антитезу культурно-нравственных начал кушитства и иранства. Такое «размежевание» славян с миром Запада подрывало претензии последнего *воплотять в себе «общечеловеческую цивилизацию»* (ср. у Н. Н. Страхова:

---

⁸ Например: «...Страхов (подобно, впрочем, Достоевскому), отстаивая точку зрения Данилевского, оправдывал “справедливые” войны. Применительно к российской действительности это было оправдание во имя национально-государственного единства великодержавности и шовинизма, <...> и еврейских погромов» (Там же. С. 106); в политических прогнозах Данилевского «не нашлось места для независимого польского государства»; «...позицию Данилевского, для которого не существует, например, свободы Польши» (Там же. С. 96, 105; ср.: «...эта счастливая судьба может открыться для Польши и поляков не иначе как при посредстве всеславянской федерации. <...> будучи самостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией или даже без оного, она была бы свободна только во благо, а не во вред общеславянскому делу» (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 395)).

⁹ См., например: *Милоков П.* Славянофильство // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 59. С. 313.

¹⁰ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 260.

¹¹ *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 238–239.

цивилизация Запада «одну себя считает за цивилизацию»¹²) или, как минимум, быть ее постоянным центром. Именно понятие о европейской цивилизации как *цивилизации единственной* обуславливало до начала XX в. европоцентристский монизм западноевропейских социально-философских школ и учений, будь то философия духа Г.-В.-Ф. Гегеля или философия свободы Дж.-С. Милля, расово-антропологическая школа Ж.-А. де Гобино или классовая теория К. Маркса. *Теорию культурно-исторических типов* Данилевского можно назвать наиболее развернутым и подробным выражением «славянского взгляда» на всемирную историю – взгляда, тяготевшего (особенно в начальный период) к дуалистическим и плюралистическим моделям.

Напомним важнейшие положения теоретической конструкции Данилевского. Термином «культурно-исторические типы» ученый обозначил (как уже упоминалось) ряд «самобытных цивилизаций» в составе общечеловеческой или же, более конкретно, «самостоятельные <...> планы религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного <...> развития» этносов и этнических групп¹³. Данилевский указывал на арабский, еврейский, индийский, китайский типы цивилизации, явственно отличные от «западного» типа, а также на самобытный характер цивилизаций древности: Египта, ассирийско-вавилонского мира, античной Греции и т.д. Различия в цивилизациях выводились Данилевским из этнопсихологических, нравственно-религиозных и внешних (наложенных «условиями исторического воспитания») «различий в характере народов»¹⁴. Любой культурно-исторический тип есть «самобытный организм (имеющий свое самостоятельное назначение, находящий в себе самом достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям)»¹⁵, имеющий, наконец, свой внутренний жизненный цикл. Такая цивилизация-«организм» может «входить» в тело другого подобного «организма» не иначе как разрушая или калеча его. Положительный эффект дает только опосредованное, не прямое воздействие одного культурно-исторического типа на другой. Существуют и этносы, неспособные создавать культурно-исторические типы, — эти народы играют в истории служебную роль, составляя так называемый *этнографический материал*. «Всечеловеческое начало» проявляется «разноместно и разновременно» — оно не осуществимо вполне ни в одной локальной цивилизации. Относительная ценностная эквивалентность культурно-исторических типов (по Данилевскому, никакая цивилизация не способна достичь «высшей точки развития <...> во всех сторонах развития») дает человечеству «одно из необходимейших условий успеха

¹² *Страхов Н.* Нечто о характере нашего времени (Несколько слов по поводу одной журнальной статьи) // *Гражданин*. 1873. № 36. С. 980.

¹³ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 85.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 44.

и совершенствования — элемент разнообразия»¹⁶. С этих позиций Данилевский как философ истории отвергал принцип *линейного историзма*, основанный на кажущемся тождестве «судеб всего человечества» «судьбам Европы, или германо-романского племени»¹⁷. Нелинейный ход всемирной истории обусловлен асинхронностью и разнонаправленностью развития местных цивилизаций. «Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях»¹⁸.

Мир славянства предстает в данном учении «зародышем новой жизни, нового типа развития, <...> еще одной чертой разнообразия в общей жизни человечества»¹⁹. Как этническая основа нарождающейся особой цивилизации славянство рядоположно и *потенциально равнозначимо* германо-романской общности народов. Трактовка Данилевским феномена славянства, собственно, находится в русле панславистских концепций XIX в. Так, Я. Коллар (представитель чешского возрождения начала XIX в.) задолго до Данилевского уже ставил вопрос о *всемирно-исторической* будущности славянства: «Co my v knize lidstva býti máme» («Чем мы станем в книге человечества» — чеш.), и даже предсказывал славянам, хотя и в достаточно отдаленной перспективе, торжество над Западной Европой²⁰. Достоевский полагал, что с освобождением славян от политической власти и *духовной опеки* иноплеменников «вдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая <...> не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно» (25, 9).

Предъявив права на «самостоятельность и саморазвитие» в «неблагоприятное» время («Запад <...> находится в апогее своего цивилизационного величия»), культурно-исторический тип славян, разумеется, рискует не выдержать конкуренции с сильным западным соседом. Германская цивилизация, давно политически подчинившая ряд славянских народов, способна вытравить или непоправимо деформировать «скромные задатки новой культуры» славян²¹. В этом случае цивилизация славян «распустится в этнографический материал», «растворится в европействе и только утучнит собою его почву»²². Из этого следует необходимость борьбы славянства (при вооруженной поддержке со стороны России) за политическую независимость от Турции и Австро-Венгрии; не в меньшей степени необходима

---

¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 109, 426.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 87.

¹⁹ Там же. С. 317.

²⁰ Kollár J. Slávy dcera. Vídeň, 1852. Pag. I. S. [143, 152, 203].

²¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 164.

²² Там же. С. 402.

самозащита славян от западного культурно-цивилизационного воздействия.

Влияние историсофской концепции Данилевского (точнее, ее элементов) на общественные идеи «позднего» Достоевского довольно многогранно. Оно проникает и в художественное творчество писателя: так, в романе «Бесы» наиболее близкий автору герой Шатов в разговоре со Ставрогиным (ч. II, гл. I) по сути воспроизводит рассуждения Данилевского о вкладе в мировую цивилизацию древнегреческого, древнеримского и еврейского народов (соответствие отмечено Н. Ф. Будановой (см.: 12, 234)); этот же персонаж оперирует термином Данилевского «этнографический материал» (10, 199, 200). Сам Достоевский заимствует у Данилевского и активно использует в «Дневнике писателя» метафорическое уподобление локальной цивилизации *организму*. «Дневник писателя» 1880 г., август: «Неужели <...> не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой <...>? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А еще толкуют о естественных науках!»; «...обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского» (26, 132–133, 168). Встречаем в статьях Достоевского и восходящее к «России и Европе» представление о фазах жизненного цикла «организма» локальной культуры: «Ускорять <...> искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно. Мы видели пример на себе <...> еще два века тому назад хотели поспешить и всё подогнать²³, а вместо того и застряли» (21, 93). Используемые в «Дневнике писателя» термины *Всеславянство* и *всеславянский* (см.: 23, 49, 103; 25, 20, 40, 66 и др.) также восходят к понятийному аппарату сочинения Данилевского²⁴, а через его посредство – к концептам Я. Коллара *Všeslavia* и *všeslavost*²⁵. Наконец, воинственные («милитаристские») настроения, столь неожиданно для многих заявляемые «великим писателем-гуманистом» (именно такая репутация издавна создана Достоевскому), например в письме А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. («...нам нечего бояться даже <...> европейской войны за славян» (29, 146)) и затем многократно воспроизводимые им в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг., также возникают у романиста не без сильного влияния «России и Европы» (во всяком случае, в 1870 г., на момент цитированного письма Майкову, еще не было объективного *информационного*

²³ Речь о Петровских реформах.

²⁴ См., например: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 69, 326, 357–358, 362–364, 384–388.

²⁵ *Kollár J. Slávy dcera.* Pag. I.S. [142]. Понятия *всеславянство* и *всеславянский* в 1870-х гг. были восприняты, кроме Ф. М. Достоевского, публицистами славянофильских изданий («Заря», «Беседа»); иногда эти термины использовались и оппонентами славянофилов (см.: *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 282, 285, 304).

повода говорить о будущей «европейской войне за славян»). Еще один пример воздействия на Достоевского-мыслителя цивилизационной концепции Данилевского приводит (по-видимому, сама о том не подозревая) корректор журнала «Гражданин» В. В. Тимофеева в мемуарном очерке «Год работы с знаменитым писателем». Согласно мемуаристке, критикуя однажды в разговоре с ней стремление западников «искусственно пересаживать к нам Европу», Достоевский употребляет такой характерный аргумент: «И Рим погиб оттого, что начал пересаживать к себе Грецию»²⁶. Аргумент, как удалось нам установить, заимствован писателем из «России и Европы», где был употреблен Данилевским в главе V: «...принятие чуждых греческих элементов или отравило, или <...> поразило бесплодием все те области жизни, в которые они проникли» (нравы, философия, пластические искусства, драма, эпос римлян), «и только в том, в чем римляне остались римлянами, произвели они нечто великое»²⁷. Это соответствие не было отмечено ни самой В. В. Тимофеевой (которая, вполне возможно, не читала «Россию и Европу»), ни комментаторами при переиздании ее очерка.

Вместе с тем о последовательном принятии Достоевским (как русским мессианистом и, следовательно, сторонником монистической модели мировой истории) теории культурно-исторических типов говорить, конечно, не приходится. Основная ценность учения Данилевского о «замкнутых цивилизациях» могла состоять для Достоевского-полемиста в возможности с позиций этого учения мысленно резко отграничивать славянскую и православную Россию от германороманского Запада Европы, воспитанного в католической духовной традиции. Элементы цивилизационной теории Данилевского использовались Достоевским-публицистом всегда выборочно и инструментально, лишь постольку, поскольку могли являться вескими аргументами в полемике с европоцентристами-«западниками».

Библиографический список

- Гришин Д. В. Достоевский — человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн, 1971.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2013. Вып. 11.
- Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3.
- Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Пер. с польск. М., 2004.

²⁶ Тимофеева В. В. Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 180.

²⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 95–96.

- Ланский Л. Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Лит. наследство. 1973. Т. 86.
- Милуков П. Славянофильство // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 59.
- Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940.

Otlivanchik A. V.

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL DOCTRINE
OF N. YA. DANILEVSKY IN THE PERCEPTION
OF F. M. DOSTOEVSKY: ON DOCUMENTARY SOURCES

Key words: N. Ya. Danilevsky, “Russia and Europe”, J. Kollar, historiographical model, reception, epistolary sources, memoirs.

The article examines reception of F. M. Dostoevsky of the civilizational theory outlined in the historiographical treatise of N. Ya. Danilevsky “Russia and Europe”. The material of the study are “Writer’s journal”, Dostoevsky’s artistic prose of the 1870s, his correspondence, business and private correspondence of the employees of the magazine “Grazhdanin”, their memories of Dostoevsky.

References

- Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa*. Moscow, 1991.
- Grishin D. V. *Dostoevskiy — chelovek, pisatel’ i mify. Dostoevskiy i ego “Dnevnik pisatelja”*. Melbourne, 1971.
- Kljuchevskiy V. O. *Sochineniya*: V 9 t. T. 3. Moscow, 1988.
- Lanskiy L. R. *Dostoevskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1837–1881). Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 86. Moscow, 1973.
- Lazari A. de. *V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo*. Moscow, 2004.
- Miljukov P. Slavjanofil’stvo. *Enciklopedicheskiy slovar’*: v 82 t. Ed.: F. A. Brockhaus, I. A. Efron. Vol. 59. St. Petersburg, 1900.
- Nikitin S. A. *Oчерки по istorii yuzhnyh slavyan i rusko-balkanskih svyazey v 50–70-e gody XIX v.* Moscow, 1970.
- Pis’ma N. N. Strahova F. M. Dostoevskomu. Publication of A. S. Dolinin. *Shestidesyatyie gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu*. Moscow; Leningrad, 1940.
- Zaharov V. N. *Hudozhestvennaya antropologiya Dostoevskogo. Problemy istoricheskoy poetiki*. Issue 11. Petrozavodsk, 2013.

Т. Н. НИКИТИН*

О ПРОТОТИПАХ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА «БЕСЫ»

Ключевые слова: прототип, нигилизм, нечаевцы, губернаторская власть, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин.

В статье рассматриваются возможные прототипы двух героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы». В первой части предоставляются новые сведения о реальном прототипе девицы Виргинской — А. Д. Дементьевой; анализируются возможные источники осведомленности Достоевского о нечаевском процессе. Во второй части статьи обосновывается предположение, что тверской губернатор П. Т. Баранов (находился на этом посту на рубеже 1850–1860-х гг.) — историческая фигура, которая может претендовать на роль прототипа «старого» губернатора в «Бесах».

I

В комментариях к «Бесам» в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского, к сожалению, почти ничего не говорится о студентке-нигилистке («девице Виргинской»), которая играет довольно активную роль на первом собрании «у наших». Сообщается лишь, что ее реальным прототипом послужила «девятнадцатилетняя А. Дементьева-Ткачева, на средства которой нечаевцами была устроена подпольная типография. В этой типографии, по версии подсудимой, она напечатала сочиненную ею прокламацию “К обществу” с целью вызвать сочувствие к бедственному положению студентов» (12, 304–305).

Как известно, А. Д. Дементьева была в числе подсудимых на нечаевском процессе, который открылся в Петербургской судебной палате 1 июля 1871 г. В начале июля этого года Достоевский с семьей прибыл из-за границы в Петербург; он напряженно работает над очередными главами второй части «Бесов».

В этой части романа появляются сразу несколько новых персонажей, прототипами которых послужили нечаевцы: «знарок народа» Толкаченко (прототип И. Г. Прыжов); «молодой артиллерист» Эркель

---

* Тимур Николаевич Никитин, канд. ист. наук — nikitin_tn@mail.ru.

(прототип Н. Н. Николаев); девица Виргинская (прототип А. Д. Дементьева). Последняя описана Достоевским так: «...тоже недурная собой, студентка и нигилистка, сытенькая и плотненькая, как шарик, с очень красными щеками и низенького роста, поместилась подле Арины Прохоровны, еще почти в дорожном своем костюме, с каким-то свертком бумаг в руке, и разглядывала гостей нетерпеливыми прыгающими глазами» (10, 302).

Напомним, что на первом собрании «у наших» Ставрогин остроумно высмеял бойкую студентку-нигилистку. Вот как вела себя Дементьева в зале суда в первый день процесса (донесение агента III Отделения): «Председатель, обращаясь к подсудимым, предложил им объявить суду их имена, отчества и фамилии, звание, лета, занятия и место жительства.

На эти вопросы подсудимая Дементьева отвечала смеясь: “Александра Дмитриевна Ткачева... Ах, что я! Дементьева!”

Председатель: “Потрудитесь воздержаться, подсудимая Дементьева, от такого неприличного поведения. Вы призваны сюда для того, чтобы участь ваша была решена. Конечно, ваша участь может быть решена в смысле благоприятном для вас, но тем не менее вы должны воздержаться от неприличий, от неуместных улыбок и т. п.”».

И далее полицейский агент делает такой вывод: «Известно, что Дементьева жила с Ткачевым в качестве бессрочной невесты или так называемым “гражданским браком”. Какою наглостью должна обладать эта еще столь молодая девушка, чтобы под видом обмолвки объявить перед судом и даже хватать своею связью с Ткачевым, чтобы тем публично поставить принцип гражданского брака»¹.

Безусловно, эпизод в зале суда с участием Дементьевой не мог пройти мимо внимания Достоевского, внимательно следившего за ходом процесса над нечаевцами². На собрании «у наших» студентка-нигилистка «вдруг» спрашивает Ставрогина: «Но откуда произошел предрассудок о семействе? Откуда могло взяться само семейство? <...>

— Я полагаю, что ответ на такой вопрос нескромен, — отвечал Ставрогин.

— Как так? — дернулась вперед студентка.

Но в учительской группе послышалось хихиканье...» (10, 306).

Нигилистка в ярости после ироничного замечания Ставрогина: «Слишком не к чести вашей относитя, не знаю, как вас зовут». Но Ставрогина поддержал майор (родственник студентки): «А ты не выскакивай! — брякнул майор, — ты барышня, тебе должно скромно

---

¹ Нечаев и нечаевцы: Сб. материалов / Подгот. к печати Б. П. Кузьмин. М.; Л., 1931. С. 160.

² Суд над участниками «Народной расправы» В. С. Нечаева проходил с 1 июля по 11 сентября 1871 г., стенографический отчет о процессе был опубликован в «Правительственном вестнике» 12 января 1873 г. (№ 10). См.: *Лурье Ф. М.* Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001. С. 197.

держат себя...» (10, 306). Ср. замечание председателя суда: «Потрудитесь воздержаться, подсудимая Дементьева, от такого неприличного поведения».

Девушка Виргинская на собрании «у наших» дважды, как попугай, повторяет слова о том, что она хотела бы заявить о страданиях «несчастливых студентов»: «Я хотела заявить собранию о страданиях и о протесте студентов...»; «Я приехала заявить о страданиях несчастных студентов и о возбуждении их повсеместно к протесту» (10, 308, 310).

В третий раз она попыталась рассказать «о протесте студентов», «вскочив» на эстраду на празднике «в пользу гувернанток»: «Господа, я приехала, чтоб заявить о страданиях несчастных студентов и возбудить их повсеместно к протесту» (10, 375). Самозванная горе-защитница студентов выглядит очень комично.

Работая над образом студентки-нигилистки, Достоевский, на наш взгляд, использовал катковскую статью <Процесс нечаевцев>, опубликованную в «Московских ведомостях» в конце июля 1871 г., обратив особое внимание, как мы полагаем, на следующие положения: «Что такое студенты и какие могут быть у них права? Они принадлежат ко гражданскому обществу и пользуются всеми его правами <...>. Затем они подчиняются порядку, установленному в месте их учения. Вот и все. Никаких других прав студенты не имеют и иметь не могут. <...> Итак, если студенты вообще не поручали никому отстаивать свои права, то, стало быть, никто и не имеет права говорить от лица студентов и приписывать им какие-либо требования». Далее Катков упомянул имена П. Н. Ткачева и А. Д. Дементьевой и подчеркнул, что в программе «партии», к которой они принадлежат, права студентов значатся «вместе с фиктивными браками, женскими правами и многим другим»³.

Примечательно, что на собрании «у наших» девушка Виргинская, прежде чем говорить от лица всех студентов, «разбранилась с дядей за убеждения по женскому вопросу» (10, 304).

Нужно сказать вот еще о чем. Не исключено, что Достоевский, работая над изображением в «Бесах» «кадрилы литературы», вспомнил письмо, полученное от своего друга А. Н. Майкова в конце апреля — начале мая 1869 г. Вот что сообщал Майков об аресте будущих участников нечаевского процесса Ткачева и Дементьевой: «Появилась прокламация. Писал ее сотрудник “Дела” Ткачев. Печатала стриженная девушка Дементьева. Ясно уж из этого, что почин и корень не между студентами, а в той же среде, откуда вышли все <1 нрзб.> истории 62-х и 63-х годов; хотя эта среда, как мы знаем, первым врагом себе считает не правительство, а русскую так называемую партию, а друзьями — угнетенных поляков, восставших за свободу, за общее дело против деспотизма»⁴.

³ Катков М. Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2011. Т. 3. С. 321–322.

⁴ Цит. по: Ашимбаева Н. Т. Достоевский: Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 141–142.

Итак, Майков называет Ткачева автором революционной «прокламации», а Достоевский решил изобразить в литературной кадрили «честную русскую мысль» («под мышкой этой мысли был портфель с каким-то “делом”») в *кандалах*, возможно, намекая как раз на Ткачева, являвшегося видным сотрудником журнала «Дело» и при этом не вылезавшего из тюрьмы.

По мнению Майкова, нигилисты (считавшие своими друзьями «угнетенных поляков») противостоят «русской партии». Ср. в «Бесах»: рядом с «честной русской мыслью» танцуют «стриженные нигилистки» (вспомним «стриженую Дементьеву» из письма Майкова); из кармана этой «мысли» выглядывает письмо «из-за границы», а напротив танцует «маска», изображающая Каткова, являвшегося одним из вождей «русской партии».

Особо отметим, что Достоевский, работая над образом девицы Виргинской, решил использовать и сведения о «студентских мятежах», полученные от Майкова весной 1869 г. В своем письме Федору Михайловичу Майков сообщил, что следователи «добрались <...> до 9 или 12 человек (не помню), которые еще в октябре *разъезжали* в Харьков, в Киев и пр. университеты, с подговором, чтобы одновременно произвести беспорядки»⁵. Ср. студентка-нигилистка в «Бесах» готовится посетить «*университетские города*»: «...она намеревалась прогостить всего только день или два, а затем отправиться дальше и дальше, по всем университетским городам, чтобы “принять участие в страданиях бедных студентов и возбудить их к протесту”» (10, 304).

И еще. В 1869 г. была предпринята попытка воспользоваться *легальной* типографией для печатания революционных прокламаций. Дементьева купила типографию у С. И. Серебренникова и оформила все права на нее. При обыске в ее квартире нашли свидетельство на содержание типографии от 14 февраля 1869 г. В марте того же года в этой типографии (как установила полиция в результате исследования шрифтов) *тайно* было отпечатано воззвание Ткачева «К обществу».

II

Среди ученых долгое время господствовала точка зрения, согласно которой прототипом губернатора фон Лембке в «Бесах» явился тверской губернатор Павел Трофимович Баранов, находившийся на этом посту на рубеже 1850-х — 1860-х гг.⁶ Мы же в ряде своих работ высказали мнение, что реальным прототипом Лембке послужил М. Е. Салтыков-Щедрин, который в период написания романа «Бесы» являлся

⁵ Цит. по: Там же. С. 141.

⁶ См., например: *Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 77–80.*

идейным оппонентом Достоевского. Нам удалось привести достаточно убедительные аргументы в пользу этой гипотезы⁷.

И все-таки знакомство Достоевского в 1859 г. с тверским губернатором Барановым нашло свое отражение в «Бесах»: П. Т. Баранов, на наш взгляд, послужил реальным прототипом для «старого» губернатора Ивана Осиповича, которого так характеризует Хроникер: «незабвенный и мягкий Иван Осипович» (10, 26). Догадка о том, что Баранов — историческая фигура, которая может претендовать на роль прототипа «старого» губернатора в «Бесах», у нас появилась десять лет назад⁸. В данной статье мы приводим некоторые новые аргументы для обоснования этой гипотезы.

Прежде всего отметим, что Достоевский постоянно подчеркивает «мягкость» «старого» губернатора: «милый, мягкий наш Иван Осипович, бывший наш губернатор» (10, 37); «милый, мягкий наш Иван Осипович только что воротился» (10, 42); «наш мягкий начальник» (10, 43); «окончилось <...> губернаторствование нашего доброго, мягкого Ивана Осиповича» (10, 47); «прежний мягкий губернатор наш» (10, 267). Федор Михайлович, очевидно, знал, что в Твери у П. Т. Баранова было прозвище «Вежливый Нос». Один из современников свидетельствовал: «...Баранов, человек не особенно выдающегося ума, но очень мягкий и благожелательный»⁹.

Павел Трофимович родился в семье директора Коммерческого банка, действительного статского советника и камергера Трофима (Иоанна) Осиповича Баранова (Барангофа). Весьма вероятно, Достоевский знал, как звали отца тверского губернатора. Полагаем, что «старого» губернатора в «Бесах» совсем не случайно зовут «*Иван Осипович*».

Хроникер называет Ивана Осиповича «гостеприимный наш старичок» (10, 42), подчеркивает его «хлебосольство» (10, 38). Достоевский на себе ощутил гостеприимство Баранова, который, используя свои связи при императорском дворе, помог Федору Михайловичу получить разрешение на проживание в Петербурге. Писатель сообщает своему брату 1 октября 1859 г.: «Я очень хорошо познакомился с Барановым и с графиней» (28₁, 341). Позднее Достоевский пишет одному из своих знакомых: «Граф Баранов принял меня прекрасно...» (28₁, 343).

В «Бесах» подчеркивается также «чувствительность» «старого» губернатора: «Иван Осипович, человек деликатный и чувствительный, очень сконфузился...» (10, 43). Ср. письмо Салтыкова-Щедрина

---

⁷ См.: *Никитин Т. Н.* 1) К вопросу о возможном прототипе губернатора фон Лембке в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2009. № 26. С. 186–193; 2) К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. С. 169–181.

⁸ См.: *Никитин Т. Н.* К вопросу о возможном прототипе губернатора фон Лембке в романе «Бесы». С. 192–193.

⁹ *Белоголовый Н. А.* Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 275.

Е. И. Якушкину от 7 июня 1861 г.: Баранов, «несмотря на свою стыдливость, посылает команды (речь идет о воинских командах. — Т. Н.). Я пытался усовещевать его, подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий <...>. С тех пор Баранов встречается со мною и краснеет; краснеет и посылает команды»¹⁰.

Салтыков-Щедрин стал тверским вице-губернатором весной 1860 г. В Твери у него было прозвище «Зубовный Скрежет». Итак, в начале 1860-х гг. Тверской губернией управлял Баранов («Вежливый Нос»), которому помогал Салтыков-Щедрин («Зубовный Скрежет»).

Если в «Бесах» Иван Осипович — «наш мягкий начальник», то фон Лембке — это угрюмый, ворчливый губернатор. Укажем на чрезвычайную раздражительность Лембке; в разговоре с помощником Блюмом (часть II, гл. 5) его психологическое состояние автор характеризует следующим образом: «начал он тревожною скороговоркой»; «вскричал вдруг фон Лембке»; «проскрежетал Андрей Антонович».

В «Бесах» также читаем: «...Иван Осипович, бывший наш губернатор, был несколько похож на бабу, но хорошей фамилии и со связями, — чем и объясняется то, что он просидел у нас столько лет, постоянно отмахиваясь руками от всякого дела» (10, 37–38). Вспомним, что тверской губернатор Баранов принадлежал к могущественному роду Барановых-Адлербергов, приближенному к императорскому двору. По словам современника, в Тверской губернии «на каждом шагу делаются гадости, а “вежливый нос” смотрит на все с телячьим взглядом»¹¹. Другой современник утверждал: «...губернатор Баранов, будучи человеком нерешительным, очень боялся подпасть ответственности за какие-нибудь упущения и неправильные толкования крестьянской реформы, а потому старался разделить эту ответственность с Салтыковым, взвалив на его плечи часть организационной работы в губернии»¹².

В словах писателя о «незабвенном и мягком» Иване Осиповиче отчетливо звучат нотки грусти. Достоевский, несомненно, знал, что в 1864 г. П. Т. Баранов скоропостижно скончался. В 1859 г. в одном из своих писем Федор Михайлович так охарактеризовал тверского губернатора: «Баранов оказался непревосходнейшим человеком, редким из редких» (28, 363).

Достоевский в «Бесах» говорит о слабости губернаторской власти в России: оба губернатора не справляются со своими обязанностями. Когда главой был Иван Осипович, то «в городе постоянно говорили, что управляет губернией не он, а Варвара Петровна» (10, 38). Когда же его сменил фон Лембке, то он «большую часть совершенно повиновался» Юлии Михайловне (10, 267).

¹⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. 18. Кн. 1. С. 245.

¹¹ Цит. по: Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972. С. 297.

¹² Белоголовый Н. А. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове. С. 276.

Библиографический список

- Альтман М. С. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975.
- Ашимбаева Н. Т. Достоевский: контекст творчества и времени. СПб., 2005.
- Белоголовый Н. А. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975. Т. 2.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Катков М. Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2011. Т. 3.
- Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972.
- Нечаев и нечаевцы: Сб. материалов / Подгот. к печати Б. П. Кузьмин. М.; Л., 1931.
- Никитин Т. Н. К вопросу о возможном прототипе губернатора фон Лембке в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2009. № 26.
- Никитин Т. Н. К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. 18. Кн. 1.

Nikitin T. N.

ON THE PROTOTYPES OF SOME OF THE CHARACTERS IN THE NOVEL *DEMONS*

Key words: prototype, nihilism, nechayevtsi, governor's power, Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin.

The first part of the publication analyzes possible sources of Dostoevsky's awareness of the Nechayev process. The article provides new information about the real prototype of the maiden Virginskaya in the novel *Demons*. In the second part of the article the author substantiates the hypothesis that the Tver Governor, P. T. Baranov (who was holding this position at the turn of 1850–1860s), is a historical figure who can claim to be the prototype of the previous governor in *Demons*.

References

- Al'tman M. S. *Dostoyevskij. Po vekham imen*. Saratov, 1975.
- Ashimbaeva N. T. *Dostoyevskij: kontekst tvorchestva i vremeni*. St. Petersburg, 2005.
- Belogolovyy N. A. Iz vospominaniy o M. E. Saltykove. *M. E. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols*. Moscow, 1975.
- Dostoyevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols*. Leningrad, 1972–1990.
- Katkov M. N. *Polnoe sobranie sochinenij: In 6 vols*. St. Petersburg, 2010–2012.

Nikitin T. N. K voprosu o vozmozhnom prototipe gubernatora fon Lembke v romane “Besy”. *Dostoyevskij i mirovaja kul'tura*. St. Petersburg, 2009. N 26.

Nikitin T. N. K voprosu o real'nykh prototipakh nekotorykh geroyev romanov “Prestupleniye i nakazaniye” i “Besy”. *Dostoyevskij. Materialy i issledovaniya*. Vol. 19. St. Petersburg, 2010.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenij: In 20 vols.* Moscow, 1965–1977.

И. В. ЛЬВОВА *

**НАТАНИЭЛ УЭСТ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ «ХРИСТА ДОСТОЕВСКОГО»
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.**

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, американская литература, рецензия, влияние, тема Христа у Достоевского, Н. Уэст, К. Маккаллерс, Дж. Сэлинджер, Дж. Керуак, Дж. Холмс.

В статье исследуются особенности интерпретации темы «Христа Достоевского» в творчестве американских писателей XX в.: Н. Уэста, К. Маккаллерс, Дж. Сэлинджера, Дж. Керуака, Дж. Холмса. Доказывается, что одна из центральных проблем творчества американских писателей — проблема возможности осуществления христианского идеала в современном мире — рассматривается ими под воздействием представлений о Христе Достоевского как Христе «страдания и любви». Традиция такого прочтения Достоевского в американской литературе была заложена уже в 1940-е гг., в том числе и в творчестве Н. Уэста. В статье рассматриваются особенности интерпретации «христианства Достоевского» американским писателем и их отражение в романе «Подруга скорбящих». Показывается, что эта интерпретация оказалась актуальной в американской литературе 1950–1960-х гг., способствуя более глубокому пониманию творчества Достоевского. Приводятся примеры влияния Достоевского на создание образов героев-«спасителей», а также на особенности использования христианских мотивов в творчестве американских писателей.

Влияние творчества Достоевского на американскую литературу в XX в. было значительным и разнообразным, его рецепция формировалась в большой степени под воздействием европейской традиции: Достоевский был прочитан как философ, новатор художественной формы, исследователь человеческой психики, «апостол, сумасшедший, утешитель страждущих или возмутитель спокойствия»¹. Наиболее «неусвояемым» для европейцев и американцев было православие Достоевского, которое, по словам влиятельного американского

---

* Ирина Вильевна Львова, д-р филол. наук, профессор кафедры германской филологии Петрозаводского государственного университета — ilvovaster@gmail.com.

¹ *Vogue E.-M. de. The Russian Novel. New York, 1916. P. 262.* Здесь и далее перевод мой. — *И.Л.*

литературоведа и критика Р. Блэкмура, представлялось «примитивным христианством»².

В западном сознании Достоевский оставался выразителем «русской души», которую связывали с «религией страдания»: эти представления М. Вогюэ были повторены А. Жидом: «Достоевский достиг популярности во Франции благодаря прекрасной идее Вогюэ применить к учению, которое представлено в “Преступлении и Наказании”, клише — “религия страдания”»³ — и восприняты американцами как свидетельство странности и чуждости мира русского писателя.

Тем не менее христианская мысль Достоевского была услышана американскими писателями, и они откликнулись на нее, используя его темы, мотивы и образы в своих произведениях. Под его влиянием в американской литературе появляются образы героев-«спасителей», наделенные хриstopодобными чертами и рефлексиирующие над проблемами веры, греха, страдания, любви. Создается традиция интерпретации некоторых тем Достоевского, среди которых важной была и тема Христа.

Среди таких писателей первым следует назвать Натаниэла Уэста (1903–1940), выдающегося писателя-сатирика, чье творчество относят к американской литературе «черного юмора». В пятидесятые годы, когда начинает расти интерес к его наследию, появляются компаративистские работы о влиянии Достоевского на Уэста. В них отмечалось сходство в приемах изображения героев, утверждалось, что «дуалистические характеры Уэста» имеют своими предшественниками одержимых героев Достоевского, прежде всего Раскольников⁴.

В это же время выходит и статья Д. Лайта «Жестокость, мечты и Достоевский», примечательная тем, что в ней приводятся неопубликованные высказывания Уэста о Достоевском. В частности, Лайт цитирует слова Уэста: «Если нам суждено выжить, следующее столетие должно принадлежать христианству Достоевского (Dostoevsky's Christianity)»⁵.

Что понимал Уэст под «христианством Достоевского»? Прямых комментариев писателя, объяснивших бы его точку зрения, нет, однако в самом известном произведении Уэста «Подруга скорбящих» («Miss

---

² Blackmur R. *Eleven Essays in the European Novel*. New York, 1964. P. 122. Блэкмур пишет: «Его взгляд был взглядом примитивного христианина, и это так сильно было в нем, что сделало слепым к чему-либо другому. Для него край пропасти греха был горизонтом спасения верою, а страдание было условием видения и понимания. Грех был преступлением, а страдание, созданное верою, было наказанием».

³ Gide A. *Dostoevsky*. London; Toronto, 1925. P. 40.

⁴ Reid R. *The Fiction of Nathanael West: No Redeemer, No Promised Land*. Chicago, 1967. P. 306.

⁵ Light J. *Violence, Dreams and Dostoevsky: the Art of Nathaniel West* // *College English*. 1958. Vol. 19, N 5. P. 213. Лайт приводит замечание друга детства Уэста Джона Сэнфорда о том, что «тот хвастался, что мог бы переписать Достоевского с помощью ножиц», а также воспоминание Дж. Хербст о частых разговорах о Достоевском и признании Уэста о сильнейшем впечатлении от «Бесов» (см.: *Ibid.* P. 213–214).

Lonelyhearts», 1933) он обращается к темам Достоевского — страдания, Христа и христианской любви. Представление Уэста о «христианстве Достоевского» нашло отражение в его интерпретации этих ключевых тем.

В своем произведении Уэст создал портрет современного христианского проповедника, журналиста, ведущего в газете колонку, в которой дает утешительные советы читателям, ищущим у него защиты и облегчения страданий. Письма читателей создают образ мира жестокости и насилия. Лишив своего героя имени — в романе он выступает под женским псевдонимом «Мисс Одинокое Сердце» (в переводе В. Гольшева «Подруга скорбящих») — Уэст подчеркивает абсурдность ситуации, в которой находится герой. Достоевский в произведении упомянут дважды. Первый раз в главе «Подруга скорбящих и ягненок», в которой дается описание комнаты героя. Рядом с распятием лежит том «Братьев Карамазовых» с закладкой «на главе о старце Зосиме»: «...любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью». Придя домой, герой сразу же открывает книгу на отмеченной странице и комментирует прочитанное следующим образом: «Прекрасный совет. Если бы он последовал ему, то преуспел бы в жизни. Его колонку распространили бы агентства печати, и мир научился бы любить. Наступило бы Царствие Небесное. Он сел бы одесную Агнца»⁶. Этот иронический комментарий о невозможности воплощения христианского идеала в современном мире определяет основную тему произведения. Его дополняет описание распятия Христа, который «висел спокойно и декоративно». Декоративность, внешнее следование догме при отсутствии веры — причина страданий героя, которую он осознает: «Если бы он верил в Христа, тогда прелюбодеяние было бы грехом, все стало бы просто, а ответить на письма — легче легкого»⁷. Неверие разрушает его самого и увеличивает насилие в мире (сцена избития старика, сон об убийстве ягненка и т. д.).

В произведении Уэста последовательно проводится антитеза «бизнес от Христа» (Christ business) и «мечта о Христе» (Christ dream), именно эти два полюса определяют внутренний конфликт героя, занимающегося «христианским бизнесом», но тоскующего по истинной

---

⁶ Уэст Н. Подруга скорбящих / Пер. В. Гольшева // Уэст Н. День саранчи. СПб., 2011. С. 68.

⁷ Там же. С. 86.

любви и вере. «Христианство Достоевского» есть именно выражение «мечты о Христе» главного героя.

Двойственность героя, который, как и подпольный человек Достоевского, тоскует по идеалу, но сознает свою неспособность следовать ему, определяет его поступки. «У меня комплекс Христа, — говорит он невесте Бетти — я возлюбил человечество. Каждого сломленного кретина»⁸. Его размышления о невозможности любви к ближнему перекликаются с подобными рассуждениями героев Достоевского. Версиков говорит: «Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и “любовь к человечеству” надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей...» и предлагает Аркадию компромисс: «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно... делай им добро, скрепя свои чувства» (13, 174).

Двойственность протагониста выявляет и образ Шрайка, холодно-интеллектуала, циника, сочиняющего пародийные молитвы Христу. Он глумится над «мечтой о Христе» главного героя, показывая невозможность ее в обществе, где доминирует насилие, а человек обречен на страдания. Шрайк в произведении — двойник и антипод героя, разрушающий его веру и надежду, но его способность искушать возможна потому, что главный герой и сам утратил веру, признавая, что «Христос — это тщета» (*vanity*).

Отражает ли пародийный пласт в произведении, в котором осмеивается сама мысль о возможности христианской любви, авторскую точку зрения? Ряд исследователей полагает, что в «Подруге скорбящих» Уэст изображает мир примитивной сексуальности, потому что вера в Христа никогда не была для Уэста ответом, ибо для него Христос никогда не существовал⁹. Однако представляется, что мысль Уэста была сложнее: он не отказывается от идеала христианской любви, ибо альтернатива ему — мир Шрайка. «Христианство Достоевского» в произведении оказывается единственной возможностью возвращения к «живой жизни», от которой «даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей “живой жизни” какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда напоминают про нее» (5, 178).

Второе упоминание имени Достоевского — в главе «Подруга скорбящих собирает материал на местах», где протагониста называет Достоевским его коллега Голдсмит: «Ты что это, Достоевский? — сказал он. — Так не годится. Не русского корчить надо, рекомендующего самоубийство...»¹⁰ Это замечание отражает сложившиеся представления о Достоевском как феномене чуждого мира; интересно также, что «русский», и «Достоевский» в данном контексте являются синонимами.

---

⁸ Там же. С. 72.

⁹ *Andreach J. R. Nathanael West's Miss Lonelyhearts: Between the Dead Pan and the Unborn Christ // Modern Fiction Studies. 1966. 12. N2. P. 255.*

¹⁰ *Уэст Н. Подруга скорбящих. С. 85.*

Героя иронически называют «Достоевским», потому что тот слишком уж уязвлен страданиями людей и проповедует «христианство Достоевского». Вероятно, в этой ремарке отразились представления о русском писателе как выразителе «религии страдания». Как известно, Достоевский видел в страдании залог подлинности бытия, он не мог представить полноту счастья без страдания: «Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдание проходит, как золото через огонь. Царство небесное усилием достигается» (29, 137–138). Тема страдания занимает важное место и в произведении Уэста. Постепенно герой приходит к пониманию, что мечта о Христе разрушена по его вине: в нем нет любви и смирения, а смирение обретается страданием.

В последней главе рассказывается о том, как герою наконец открылась духовная истина: в болезненном лихорадочном состоянии тот обращается к Богу со словами, что принял этот мир, что смирение вернуло ему целостность, излечило его духовно. Но именно в момент нравственного перерождения, когда он исполнен настоящей любви и сострадания, герой нелепо погибает от руки человека, которого хочет спасти. Таким образом, выбранный путь самоотречения приводит протагониста к смерти. Умереть для других, отринуть свое *я* — это и есть то, что Голдсмит называет самоубийством. Является ли такой финал ироническим откликом Уэста на знаменитые слова Достоевского о том, что «высочайшее употребление, которое может человек сделать из своей личности, из полноты развития своего *я*, — <...> отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. <...> Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма...» (20, 172)? Представляется, что ирония выявляет не наивность или иллюзорность идеалов Достоевского, а трагическую их несовместимость с условиями и принципами современного общества.

Герой Уэста имеет много общих черт с подпольными героями Достоевского: он двойственен, склонен к буффонаде, так же болезненно одержим идеей, существует на грани нервного срыва. Его отношения с невестой Бетти, которую он мучает, оттого что не может любить, похожи на отношения подпольного с Лизой, а сама Бетти представляет собой тот тип героинь Достоевского, которые пытаются спасти героя от самого себя, подобно Лизе, понимающей, что на самом деле подпольный человек глубоко несчастен, или Соне, которая на признании Раскольникова отвечает: «Что вы, что вы над собой сделали! <...> Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!» (6, 216). Как пишет подпольный герой, Лиза «вполне поняла, что я человек мерзкий и, главное, не в состоянии любить ее» (5, 176).

Тем не менее, герой Уэста — это гротескный персонаж, действующий в гротескной ситуации. Функция гротеска в повести — сатирически заострить нравственные и социальные проблемы, но гротеск Уэста также выявляет трагическое мироощущение самого писателя, размышляющего о возможности воплощения христианского идеала любви.

В произведении он не полемизирует с Достоевским, а развивает мысль писателя о том, что любовь Христа спасительна для человека. В Евангелии от Иоанна Достоевский выделил в качестве его основной мысли: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. Как я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (Ин 13: 34). «Христианство Достоевского» — в основе которого заповедь любви, видится Уэсту ответом на нравственные искания человека.

Размышления о значении христианской проповеди Достоевского находят отражение и в литературе 1940–1950-х гг. В 1940 г. выходит знаменитый роман К. Маккаллера «Сердце — одинокий охотник» («The Heart is a Lonely Hunter», 1940), сразу же принесший молодой писательнице национальное признание, в нем она создает образ христоподобного героя Джона Сингера. По форме произведение Маккаллера — роман-притча, но описываемая ситуация сходна с той, что рассматривается в сатирическом романе Уэста. Джон Сингер в глазах жителей маленького южного городка похож на Христа, он несет утешение и любовь людям. Ему они поверяют свои сомнения, рассказывают о несчастьях. Одна из главных героинь романа, Мик Келли, обращается к нему со словами молитвы: «Прости меня, боже, ибо не ведаю, что творю». Почему ей пришли в голову эти слова? Кто же теперь не знает, что никакого бога на самом деле нет? Когда она думала о том, как раньше представляла себе бога, перед ее глазами почему-то сразу возникал мистер Сингер, обернутый в длинную белую простыню. Бог молчит — может, потому он ей таким представлялся? Она снова повторила, будто обращая слова к мистеру Сингеру: «Прости меня, боже, ибо не ведаю, что творю»¹¹.

Ирония ситуации в том, что Джон Сингер — глухонемой и не способен понять людей, обращающихся к нему со своими бедами. В отличие от героя Уэста, который чувствовал свое призвание в том, чтобы утешать страждущих, для Джона Сингера необходимость выслушивать людей обременительна. Подобно герою Уэста, он тоже жертва — непонимания и одиночества, и тоже ищет любви и утешения у своего друга, глухонемого идиота Антонаполуса.

Как и в романе Уэста, герои Маккаллера страдают от классового, расового, социального, гендерного неравенства. И, чтобы примириться с несправедливостью и избежать одиночества, создают фигуру «спасителя», все понимающего и сочувствующего. Вера в него придает их жизни смысл: «Итак, слухи о немом шли густо и самые разноречивые. Евреи говорили, что он еврей. Лавочники на Главной улице утверждали, будто он получил большое наследство и теперь очень богат. В одном запуганном властями профсоюзном комитете текстильщиков шепотом передавали, что немой — организатор из КПП (конгресс производственных профсоюзов. — *И. Л.*). Одинокий турок, который забрел

---

¹¹ Маккаллерс К. Сердце — одинокий охотник. М., 1969. С. 100.

много лет назад в этот город и с тех пор изнывал здесь, торгуя в лавчонке полотном и холстиной, страстно убеждал жену, что немой — турок. Он доказывал, что, когда он заговорил с ним на своем родном языке, тот его понял. И, говоря об этом, он словно оттаивал, забывал переругиваться с детьми и был полон сил и энергии, планов на будущее. Какой-то деревенский старик утверждал, будто немой — из одного с ним округа и отец немого собирал лучший урожай табака во всей округе. Вот какие пересуды шли вокруг Сингера»¹².

Создавая образ Сингера, Маккаллерс, безусловно ориентировалась на христоподобных героев Достоевского. Внутренняя переключка с Достоевским прослеживается всякий раз, когда в романе затрагивается тема Христа. Так, еще одним спасителем в произведении является Джейк Блаунт, когда-то мечтавший быть проповедником, евангелистом, а теперь пропагандирующий социалистические идеи. Слова Джейка о том, как церковь извратила идеал Христа — аллюзия к «Легенде о Великом инквизиторе»: «Возьмите хотя бы Христа. Он был один из нас. Он прозрел. Когда он сказал, что труднее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное, он-то уж знал, что говорит! А вы посмотрите, что с Христом сотворила церковь за последние две тысячи лет. Что она из него сделала! Как она извратила каждое его слово в угоду своим низким целям! Если бы Христос жил сегодня, его подвели бы под монастырь и упрятали за решетку. Ведь он был бы одним из тех, кто прозрел»¹³.

В эссе «Цветущая мечта. Заметки о писательстве»¹⁴ Маккаллерс высказывает мысль, близкую Достоевскому, об идеальности Христа, явившего пример любви к ближнему, и замечает, что земная любовь не может быть для человека спасением, что истинная любовь исходит от Христа.

Читая Достоевского, Маккаллерс размышляла о том, может ли вера героев в Христа стать спасением для них. В статье «Русские реалисты и литература Юга» (“The Russian Realists and Southern Literature”) Маккаллерс предполагает, что Христос нужен был Достоевскому, чтобы как-то обойти неразрешимые противоречия бытия. Достоевский берет ответственность за разрешение загадок жизни, но чтобы решить их, он должен был бы стать Мессией. Ответ на вопрос, который дается в «Преступлениях и наказаниях» — это частное решение, в то время как поставленные писателем вопросы являются метафизическими и универсальными¹⁵. По словам биографа Маккаллерс В. Карр, писательнице была чужда вера в возможность спасения, смерть была для нее

¹² Маккаллерс К. Сердце — одинокий охотник. М., 1969. С. 170–171.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ McCullers C. The Flowering Dream: Notes of Writing // McCullers C. The Mortgaged Heart. Boston, 1971. P. 281.

¹⁵ McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature // McCullers C. The Mortgaged Heart. P. 256.

абсолютом, «миллионem нолей, добавленным к пустоте»¹⁶. Но диалог с Достоевским оказался важен для Маккаллера при раскрытии главных тем творчества: одиночества, отчуждения, духовной изоляции.

1950-е гг. — новый период в осмыслении «христианства Достоевского», большое место эта тема занимает в литературе поколения Бит, особенно в творчестве Дж. Керуака, который интерпретирует образ Христа у Достоевского в духе новой жизненной философии поколения Бит как Христа «страстей и радостей» (of lusts and glees)¹⁷.

Литература Бит использует форму *roman a clef*, что объясняет, в частности, отсутствие образов «спасителей» в произведениях и самой ситуации «спасения» страдающих. Но темы страдания, христианской любви, прочитанные у Достоевского, присутствуют в романах и Керуака, и Дж. Холмса и вводятся они с помощью ссылок и аллюзий на произведения русского писателя. Как и в произведении Уэста, «Христос Достоевского» у писателей Бит — проповедник любви и смирения, которое обретается страданием.

Образ современного мира как ада, где человек утратил веру и способность любить, представленный в романе Уэста, актуализируется и в прозе Бит. В романе Холмса «Иди» («Go», 1952) эта тема вводится эпиграфом из «Братьев Карамазовых»: «Отцы и учителя, мыслю: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”» (14, 292). Эти же слова перефразирует Керуак в письме Холмсу 1958 г.: «Ад — это неспособность любить Бога. Неспособность любить Бога — это просто утрата знания о его вечном сострадании»¹⁸.

Одна из центральных проблем в рефлексии писателей Бит — возможность христианской любви в современном мире — интерпретируется ими в контексте творчества Достоевского. Как и Подруга скорбящих, герои Холмса пытаются следовать христианской заповеди любви, но, и их «закон личности связывает». Об этом размышляет один из героев, Стофски: «...это все-таки не любовь. Все последние недели он старался, откладывая деньги для Анке, чтобы тот смог уехать из города, унижался перед равнодушным Литл Роком, но так и не смог полюбить их»¹⁹.

Другая мысль, связанная с «христианством Достоевского», — о страдании как приближении к христианскому идеалу, также становится темой романа поколения Бит. В романе Керуака «Ангелы одиночества» («Desolation Angels», 1965) главный герой Джек Дулуоз видит мир как юдоль страданий: «И передо мной встает видение изможденных ужасных мертвенных лиц, проходящих одно за другим в бар этого мира, но Бог ты мой, все они стоят в очереди, в бесконечной очереди,

¹⁶ Carr V. *The Lonely Hunter. A Biography of Carson McCullers*. New York, 1975. P. 165.

¹⁷ См.: Львова И. В. «Христос Достоевского» в художественном сознании Д. Керуака // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск, 2011. № 1 (114). С. 58–60.

¹⁸ Kerouac J. *Selected Letters. 1957–1969*. New York, 1999. P. 161.

¹⁹ Holmes J. C. *Go*. New York, 1980. P. 277.

которая непрерывно ведет их в могилу»²⁰; «...рафаэлевская гримаса почти заставляет расплакаться меня, я все понимаю, я страдаю, все мы страдаем, люди умирают у нас на руках, это невыносимо, но надо двигаться дальше, будто ничего такого не происходит, правда»²¹. Как и у героя романа Уэста, страдания людей вызывают у Дулуоза желание защитить их: «...я старый охранитель этого собрания нежных младенцев <...>».²² Как Раскольников вопрошает Соню о том, что надо делать — смириться или бунтовать, Джек Дулуоз адресует матери похожий вопрос: «Как же быть с этим ужасом повсюду? <...> Единственное что нам остается, это быть как моя мать: терпеливыми, доверчивыми, внимательными, недалекими, быть настороже, радоваться мелким удачам, опасаться крупных, бояться данайцев, дары приносящих, делать все по-своему, никого не обижать, заниматься своим делом и договориться с Господом Богом. Потому что Господь это наш ангел-хранитель, и доказательство этому вы получите, когда остальные доказательства уже не работают»²³.

Путь героев романа Холмса сходен с тем, что проходят герои Достоевского: через отрицание к утверждению, через отчаяние и преступление к вере. Холмс так писал об этом пути: «...во время горячки душа переживает кризис, перед тем как вернуться к своей природе — так же как и тело. Частью кризиса являются преступление, погоня за новыми ощущениями, деградация, грех. <...> Наша человеческая природа борется с Богом до последнего, и обращается к жизни, просто жизни, очищенной от значения или ценности, сырому веществу реальности, как последней, избавленной от груза заблуждений ценности. Но Бог (если он существует) терпеливо ожидает за тем, что Йетс называет “отчаяние реальности”»²⁴.

Однако на этом пути герои Холмса должны решить ту же проблему, что и Подруга скорбящих Уэста — отказаться от претензий своего эго. Как замечает Холмс в предисловии к книге, «эго... является главным препятствием для того, чтобы войти в реальную жизнь»²⁵. В этой связи показательным является разговор героев Стофски и Анке. Анке рассказывает о женщине-нищенке, которая оказалась в автобусе рядом с хорошо одетой дамой, и та не захотела сидеть с нею рядом. Нищенка стала оскорблять ее, даже плевать, пока не заметила, что «все отодвинулись от нее и тайком косились на нее. Тогда ее гнев сменился безнадежностью и смущением»²⁶. Стофски, безусловно, сочувствует

---

²⁰ *Kerouac J. Desolation Angels. New York, 1979. P. 299.*

²¹ *Ibid. P. 170–171.*

²² *Ibid. P. 171.*

²³ *Ibid. P. 340.*

²⁴ *Holmes J. C. The Broken Places: Existential Aspects of the Novel // Passionate Opinions. P. 165.*

²⁵ *Holmes J. C. Go. P. XXII.*

²⁶ *Ibid. P. 243.*

нищенке: «Почему они отвергли ее?» Но Анке ставит вопрос по-другому: «Почему она отвергла их?» Стофски поражен мыслью о необходимости отречения от претензий своего эго: «Что за странная идея! Конец эго, смерть воли. <...> Но что это за провокация! <...> Не ощущать себя униженным даже в глубине сердца!»²⁷ Однако, как и для героев Уэста, для большинства героев Холмса мысль Достоевского о страдании остается чуждой.

Обращение к теме Христа Достоевского определило не только проблематику произведений Бит, но и послужило созданию битнического мифа о поколении.

В самом известном романе 1950-х гг. «Над пропастью во ржи» («*The Catcher in the Rye*», 1951) Дж. Сэлинджер создает еще один образ «спасителя», подростка Холдена Колфилда, который хочет стать «ловцом во ржи»: «Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи»²⁸. Очевидно, что образ Холдена создан и под влиянием Достоевского²⁹.

Сэлинджер оставил свидетельства о своем знакомстве с творчеством русского писателя, но они весьма немногочисленны. В интервью 1948 г. он называет имя Достоевского в числе любимых писателей. В одном из лучших рассказов «Посвящается Эсме» («*For Esmé — with Love and Squalor*», 1950) главный герой сержант Икс (образ во многом автобиографический) записывает на форзаце книги Геббельса, принадлежавшей дочери хозяина дома, под словами «Жизнь — это ад», слова Достоевского: «Отцы и учителя, мысль: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”» (14, 292)³⁰.

Приведенная цитата говорит о том, что формируется традиция прочтения русского писателя, обращение к «христианской теме Достоевского» становится частью ее. В романе Сэлинджера «Над пропастью во ржи» важна тема Христа, причем Христос является идеалом для бунтующего героя, не принимающего фальшь современного общества, и в этом смысле мировоззренческие и нравственные позиции писателей очень близки. «Я люблю Христа», — говорит Холден. Для него Христос искренен, поэтому истинен. Об этом он размышляет, наблюдая рождественские представления: «...считается, что все это ужасно религиозно и красиво, но где же тут религия и красота <...>, когда кучка актеров таскает распятия по сцене. <...> бедного Христа, наверно, стошнило бы <...> А вот одна штука Христу, наверно, понравилась бы — это

²⁷ Ibid.

²⁸ *Salinger J. D. The Catcher in the Rye*. New York, 1979. P. 150.

²⁹ См.: *Furst L. Dostoevsky's "Notes from Underground" and Salinger's "The Catcher in the Rye" // Canadian Review of Comparative Literature*. 1978. Vol. 5. P. 72–85; *Gerigk H. J. Dostojewskijs Jungling und Salinger's "The Catcher in the Rye" // Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 37–52.

³⁰ *Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. Повести. Девять рассказов*. М., 1983. С. 521.

ударник из оркестра. <...> у него никогда не было скуки на лице»³¹. Холден убежден, что «никогда Христос отправил бы этого несчастного Иуду в ад»³². Идеалом любви для Холдена является всепрощающая любовь Христа, а эта мысль была важна и для Достоевского, его «символ веры», сформулированный в известном письме Н. Д. Фонвизиной: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» (28₁, 176).

Бунт героя завершается примирением с жизнью, и это примирение возможно только когда он обнаруживает в себе способность любить и чувствует преобразующую силу любви.

Таким образом, американские писатели не только внимательно прочитали Достоевского, но и обратились к его христианской проповеди, которая определила проблематику их произведений. Названные романы — размышления о возможности осуществления христианского идеала в современном мире. Христос Достоевского увиден ими как Христос страдания и любви, и герои — «спасители» стремятся пройти путь, описанный в романах Достоевского, от безверия, бунта, через страдания к примирению и любви. Американские писатели показывают трудности и противоречия этого пути. Натаниэл Уэст был один из первых, заложивших в американской литературе традицию такого прочтения Достоевского, которая оказалась плодотворной и способствовала более глубокому пониманию творчества русского писателя.

Библиографический список

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1970–1990.
- Львова И. В.* «Христос Достоевского» в художественном сознании Д. Керуака // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск, 2011.
- Маккаллерс К.* Сердце — одинокий охотник. М., 1969.
- Уэст Н.* Подруга скорбящих / Пер. В. Голышева // Уэст Н. День саранчи. СПб., 2011.
- Andreach J. R.* Nathanael West's Miss Lonelyhearts: Between the Dead Pan and the Unborn Christ // *Modern Fiction Studies*. 1966. Т. 12, N2.
- Blackmur R.* Eleven Essays in the European Novel. New York, 1964.
- Carr V.* The Lonely Hunter. A Biography of Carson McCullers. New York, 1975.
- Furst L.* Dostoevsky's Notes from Underground and Salinger's «The Catcher in the Rye» // *Canadian Review of Comparative Literature*. 1978. Vol. 5.
- Gerigk H. J.* Dostojewskijs Jungling und Salinger's «The Catcher in the Rye» // *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4.
- Gide A.* Dostoevsky. London; Toronto. 1925.

³¹ *Salinger J. D.* The Catcher in the Rye. P. 123.

³² *Ibid.* P. 94.

- Holmes J.C.* The Broken Places: Existential Aspects of the Novel // Passionate Opinions. London, 1988.
- Holmes J. C.* Go. New York, 1980.
- Kerouac J.* Desolation Angels. New York, 1979.
- Kerouac J.* Selected Letters. 1957–1969. New York, 1999.
- Light J.* Violence, Dreams and Dostoevsky: the Art of Nathaniel West. College English. 1958. Vol. 19, N5.
- McCullers C.* The Flowering Dream: Notes of Writing // McCullers C. The Mortgaged Heart. Boston, 1971.
- McCullers C.* The Russian Realists and Southern Literature // McCullers C. The Mortgaged Heart. Boston, 1971.
- Reid R.* The Fiction of Nathanael West: No Redeemer, No Promised Land. Chicago, 1967.
- Salinger J.D.* The Catcher in the Rye. New York, 1979.
- Vogue E.-M. de.* The Russian Novel. New York, 1916.

L'vova I. V.

NATHANIEL WEST AND THE INTERPRETATION OF THE THEME OF “DOSTOEVSKY’S CHRIST” IN THE TWENTIETH CENTURY AMERICAN LITERATURE

Key words: F. M. Dostoevsky, American literature, reception, influence, Dostoevsky’s Christianity, N. West, C. McCullers, J. Salinger, J. Kerouac, J. Holmes.

The article deals with the interpretation of the theme “Dostoevsky’s Christ” in the works of the twentieth century American writers: N. West, C. McCullers, J. Kerouac, J. Holmes, J. Salinger. It focuses on the influence of Dostoevsky on the presentation of Christian motifs and images of heroes-saviors in their novels. The problem of Christian ideal in Dostoevsky’s works and its perception by American writers is also discussed.

References

- Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1970–1990.
- L'vova I. V. “Khristos Dostoevskogo” v hudozhestvennom soznanii D. Keruaka. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.* Petrozavodsk, 2011.
- McCullers C. *Serdce — odinokiy ohotnik.* Moscow, 1969.
- West N. *Den'saranchi.* St. Petersburg, 2011.
- Andreach J. R. Nathanael West’s Miss Lonelyhearts: Between the Dead Pan and the Unborn Christ. *Modern Fiction Studies.* 1966. T. 12. N 2.
- Blackmur R. *Eleven Essays in the European Novel.* New York, 1964.
- Carr V. *The Lonely Hunter. A Biography of Carson McCullers.* New York, 1975.

- Furst L. Dostoevsky's Notes from Underground And Salinger's 'The Catcher in the Rye'. *Canadian Review of Comparative Literature*. 1978. Vol. 5.
- Gerigk H.J. Dostojevskijs Jungling und Salinger's 'The Catcher in the Rye'. *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4.
- Gide A. *Dostoevsky*. London; Toronto, 1925.
- Holmes J.C. The Broken Places: Existential Aspects of the Novel. *Passionate Opinions*. London, 1988.
- Holmes J.C. *Go*. New York, 1980.
- Kerouac J. *Desolation Angels*. New York, 1979.
- Kerouac J. *Selected Letters. 1957–1969*. New York, 1999.
- Light J. Violence, Dreams and Dostoevsky: the Art of Nathaniel west. *College English*. 1958. Vol. 19, N 5 (Feb.).
- McCullers C. The Flowering Dream: Notes of Writing. McCullers C. *The Mortgaged Heart*. Boston, 1971.
- McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature. McCullers C. *The Mortgaged Heart*. Boston, 1971.
- Reid R. *The Fiction of Nathanael West: No Redeemer, No Promised Land*. Chicago, 1967.
- Salinger J.D. *The Catcher in the Rye*. New York, 1979.
- Vogue E.-M. de. *The Russian Novel*. New York, 1916.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. С. АНДРИАНОВА *

«И ЧТО ЗА НЕСЧАСТНАЯ СУДЬБА НАШЕГО “ДНЕВНИКА”!»: ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ДНЕВНИКА А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ¹

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, дневник 1867 года, история публикации, история текста, Ц. М. Пошеманская, С. В. Житомирская, «Литературное наследство», «Литературные памятники».

В статье рассмотрена история публикации стенографического дневника А. Г. Достоевской, полный текст которого был опубликован в 1993 г. Описан прецедент расшифровки стенограмм жены писателя, который произошел за 30 лет до ленинградской стенографистки Ц. М. Пошеманской. Впервые вводятся в научный оборот письма Ц. М. Пошеманской к С. В. Житомирской за период с 1974 по 1987 г., а также деловые документы, связанные с изданием дневника А. Г. Достоевской. С помощью этих материалов устанавливаются неизвестные ранее факты истории текста, выстраивается объективная и последовательная картина длительной истории его публикации.

Дневник А. Г. Достоевской за 1867 г. составляет самую ценную часть ее документального наследия. По форме это разноликованные карандашом приходно-расходные записные книжки, в которые 20-летняя жена писателя во время жизни супругов в Европе стенографическими знаками заносила воспоминания о встрече с Достоевским, происшествия дня и свои, часто хаотические, мысли. Автор дневника не подразумевала для него никакого стороннего читателя, рассчитывала на собственное обращение к нему в будущем и на то, что избранные моменты она прочтает своей матери по возвращении в Россию. Тем большей фактической достоверностью обладает он как источник биографических сведений о жизни и творческой работе Достоевского в октябре 1866 и в 1867 г., тем ошутимее для его читателя «эффект присутствия <...> при событиях прошлого»².

---

* Андрианова Ирина Святославовна, канд. филол. наук, заведующая Web-лабораторией и сектором электронных научных журналов ПетрГУ — yarysheva@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования», № 17–34–01075–ОГН а2.

² *Житомирская С. В.* Дневник А. Г. Достоевской как историко-литературный источник // Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993. С. 421.

Дневник А. Г. Достоевской признан уникальным биографическим документом, источником драгоценных подробностей о писателе. История его публикации, осуществившейся только через семьдесят пять лет после смерти мемуаристки, необычна для художественно-документальной прозы XIX в. Ее затронула в своих мемуарах историк-архивист С. В. Житомирская, занимавшаяся подготовкой текста к печати³. Многолетнюю задержку публикации полной версии дневника она объясняла недооценкой личности А. Г. Достоевской в советское время, политическими причинами, антисемитизмом власти, атмосферой доносов и интриг, царившей в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), которым она руководила в период с 1952 по 1978 г.

В настоящем исследовании впервые вводятся в научный оборот и анализируются письма из Ленинграда в Москву от стенографистки Ц. М. Пошеманской к С. В. Житомирской за период с 1974 по 1987 г. (по нашей датировке), а также деловые документы, связанные с изданием дневника А. Г. Достоевской⁴. С помощью этих материалов устанавливаются неизвестные ранее факты истории этого текста, выстраивается объективная и последовательная картина длительной истории его публикации, не связанная с политическими событиями.

Ряд наблюдений, предлагаемых в данной статье, сделан с помощью словаря личных стенографических сокращений А. Г. Достоевской, составленного в 2017–2018 гг. сотрудниками Петрозаводского университета И. С. Андриановой, О. А. Сосновской и Е. Н. Вяль. Он был подготовлен в результате сравнения первой книжки стенографического дневника А. Г. Достоевской и сделанной ею расшифровки. С его помощью стали возможны новое прочтение стенограмм жены писателя и критическая оценка разобранного Ц. М. Пошеманской текста⁵.

Дневник жены писателя состоял из нескольких записных книжек, однако вопрос об их точном количестве до конца остается неразрешенным. В настоящее время принято считать, вслед за С. В. Житомирской и стенографисткой Ц. М. Пошеманской, что их было четыре (последняя, четвертая, — не сохранилась). В период с 1894 по 1912 г. вдова писателя сама расшифровала первую и вторую записные книжки дневника: «Перечитывая записные книжки мужа и свои собственные, я находила в них такие интересные подробности, что невольно хотелось записать их уже не стенографически, как они были у меня записаны,

³ Житомирская С. В. Просто жизнь. М., 2006.

⁴ Автор статьи выражает глубокую признательность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации Ф. И. Мелентьеву, Н. С. Зелову и Л. И. Кулагину за предоставление ксерокопий документов из фонда С. В. Житомирской (ГА РФ. Ф. 10239).

⁵ См. об этом, например: Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // Неизвестный Достоевский. 2018. № 1. С. 43–67. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (дата обращения: 31.07.2019).

а общепонятным языком, тем более что я была уверена, что моими записями заинтересуются мои дети, внуки, а может быть, и некоторые поклонники таланта моего незабвенного мужа»⁶. Текст ее расшифровки был издан в 1923 г. Н. Ф. Бельчиковым⁷. Исследователь в предисловии высказал предположение о том, что опубликованный им текст не исчерпывает всего дневника в целом. А. С. Долинин вскоре после издания дневника указал на существование нерасшифрованных стенографических книжек в оставшемся после А. Г. Достоевской архиве и выразил надежду на то, что «быть может, удастся когда-нибудь расшифровать дальнейшие стенографические записи»⁸.

Как известно, расшифровку стенографического дневника успешно осуществила сотрудница Ленинградского бюро стенографов Ц. М. Пошеманская, начав ее в 1956 г. и завершив в 1970-х гг.⁹ В газетах того времени эта расшифровка была названа «сенсационной», а кропотливая работа Пошеманской — «подвигом»¹⁰. Ленинградская стенографистка в интервью признавалась: «... академик Михаил Павлович Алексеев показывал листки Достоевской нескольким опытным стенографисткам — они отказались взяться за эту работу. Поначалу не согласилась и я: была уверена, что расшифровка этих записей — дело непосильное и, главное, безрезультатное...»¹¹ Однако, как оказывается, был прецедент прочтения одной стенограммы А. Г. Достоевской еще до Пошеманской. В 1924 г. в составе 2-го сборника «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы», вышедшего под редакцией А. С. Долинина, были опубликованы выдержки из письма А. Г. Достоевской к С. А. Кашиной о пребывании Достоевских в Дрездене в 1867 г.¹² В конце публикации отмечено, что эту информацию «сообщил Г. Прохоров»¹³, при этом не указано, что оригинал письма не сохранился, а есть лишь копия, переписанная

⁶ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1846–1917. М., 2015. С. 42–43.

⁷ *Дневник А. Г. Достоевской.* М., 1923.

⁸ *Долинин А. С.* Достоевский и Сулова // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М., 1924. С. 250.

⁹ О Ц. М. Пошеманской подробнее см.: *Андреанова И. С.* «Я связана с ней против ее желания»: О расшифровке Ц. М. Пошеманской стенографического дневника А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский.* 2018. № 2. С. 69–89. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (дата обращения: 31.07.2019).

¹⁰ *Арепин Эл.* Подвиг стенографистки // *Известия Советов депутатов трудящихся СССР.* 1959. № 130 (13057). 3 июня. С. 4; «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мионовна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // *Смена.* 1970. 27 дек. № 302. С. 2.

¹¹ «Для меня — самая интересная!» С. 2.

¹² Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. С. 309–310.

¹³ Согласно фундаментальному труду «Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005» (СПб., 2005. С. 510), а также сведениям, любезно предоставленным нам Б. Н. Тихомировым, Григорий Васильевич Прохоров (1880–1942) с 1921 по 1929 г. состоял сотрудником Пушкинского Дома, занимался подготовкой к печати одной из рукописей воспоминаний А. Г. Достоевской, писем Достоевского к матери и Кашиным, писем А. Н. Майкова и П. А. Исаева к Достоевскому и ряда других документов.

Анной Григорьевной стенографически в записную книжку, датированную 1881 г.¹⁴ Сам ли Г. В. Прохоров разобрал эту стенограмму или прибежал к помощи стенографистки — неизвестно, но проведенный нами анализ показывает, что стенограмма расшифрована в достаточной степени точно. К тому же сделано это за 30 лет до того, как Ц. М. Пошеманская подобрала «ключ» к стенографической системе А. Г. Достоевской.

Третья книжка дневника в расшифровке Ц. М. Пошеманской была впервые опубликована в 1973 г. во втором разделе 86-го тома серийного издания «Литературное наследство» — «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования». Текст вышел в сокращении, его подготовку, написание вступительной статьи и примечаний осуществила С. В. Житомирская. По ее воспоминаниям, текст первоначально готовился к публикации в «Записках отдела рукописей». Главным редактором этого ежегодника Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в котором печатались обзоры отдельных фондов или собраний рукописей и осуществлялись публикации документов¹⁵, являлась сама С. В. Житомирская. Но она изменила свое решение относительно публикации третьей книжки дневника А. Г. Достоевской, прислушавшись к словам И. С. Зильберштейна, одного из основателей и редактора серии «Литературное наследство»: «Зильберштейн позвонил мне и начал, со свойственными ему энергией и красноречием, убеждать меня, что неизвестная часть дневника Анны Григорьевны должна войти в состав тома “Неизданный Достоевский”, который он в тот момент готовил к печати. Я не могла не признать убедительной его аргументацию: конечно, исследователям удобнее будет знакомиться с дневником в составе тома, специально посвященного Достоевскому, чем в наших “Записках”. И согласилась»¹⁶.

Выход третьей книжки дневника А. Г. Достоевской в «Литературном наследстве», одной из старейших (основана в 1931 г.) и самых престижных в мире научных издательских серий, — важный этап на пути открытия этого мемуарного текста для исследователей и читателей. «...Если бы не Ваше имя в литературе, — писала 22 апреля 1986 г. Ц. М. Пошеманская С. В. Житомирской, — то “Дневник” не увидел бы публикации в таком солидном издании, как “Литературное наследство”; кроме того, я ведь знаю, сколько труда и усилий пришлось Вам затратить в данном случае»¹⁷. Тем не менее обе женщины признавали необходимость осуществить полную публикацию дневника супруги писателя — в составе трех записных книжек, без сокращений. «Мысль о новой полной публикации дневника А. Г. Достоевской с этого

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 100. № 30773. Л. 146 об. — 148 об.

¹⁵ Записки отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1938–1995.

¹⁶ *Житомирская С. В.* Просто жизнь. С. 358.

¹⁷ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 20 апреля 1986 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 36.

времени меня не покидала», — вспоминала С. В. Житомирская¹⁸. Она «заключила новый договор с Пошеманской», предполагая напечатать дневник в издательстве «Книга», сотрудничавшем с ОР ГБЛ¹⁹.

В свою очередь Пошеманская в следующем издании надеялась исправить большое число «досадных ошибок, неточностей и даже искажений», допущенных корректорами «Литературного наследства», включить в него ряд расшифрованных слов, не попавших в напечатанный текст²⁰. Стенографистка отличалась ответственным подходом к работе, о чем писала коллеге: «Поскольку это издание “Книги” вообще, как Вы говорили, последнее, т. е. переизданий не будет, хотелось бы, чтобы текст был максимально полон и точен. Я не говорю о неточностях, хотя даже при опущении “и”, “а” и т. п. местами пропадает колорит письма автора»²¹. Согласно списку Пошеманской, приложенному к одному из ее писем к Житомирской, стенографистка выявила 104 «ошибки и неточности» в «Литературном наследстве» и смогла расшифровать 14 новых слов²². Были и другие уточнения текста дневника, не внесенные в этот список. Об их существовании известно из материалов, предоставленных нам В. Н. Захаровым: в конце 1980-х гг. по просьбе исследователя Ц. М. Пошеманская прислала ему на время машинопись со своими исправлениями, чтобы он перенес их в личный экземпляр издания.

План С. В. Житомирской опубликовать полный текст дневника А. Г. Достоевской в московском издательстве «Книга» — был готов к осуществлению, но не реализовался из-за разногласий с директором ГБЛ Н. М. Сикорским. Ц. М. Пошеманская вспоминала, как на конференции в Ленинграде, посвященной творчеству Достоевского, к ней подошел один из участников, С. В. Белов, «и стал говорить об издании “Дневника” в “Книге”, как о деле решенном. И очень удивился», узнав, «что этого не будет»²³. По версии заведующей отделом рукописей ГБЛ, внешним поводом для отказа стала недооценка директором издательства личности молодой жены писателя и текста ее дневника: «Просмотрев представленную мною рукопись, он сказал, что она ему не понравилась.

— Чем же она вам не понравилась? — спросила я.

— Ну, двадцатилетняя женщина... Что она могла понимать? — был ответ»²⁴.

---

¹⁸ *Житомирская С. В.* Просто жизнь. С. 358.

¹⁹ Там же. С. 473

²⁰ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 9 октября <1974> г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 4.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 5–12.

²³ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От <1975> г. // Там же. Л. 14.

²⁴ *Житомирская С. В.* Просто жизнь. М., 2006. С. 473.

Запись в мемуарах С. В. Житомирской о том, что только через десять лет после получения отказа от издательства «Книга» она пришла к решению опубликовать текст в серии «Литературные памятники» издательства «Наука»²⁵, неточна. Судя по письму к ней Ц. М. Пошеманской, договоренность с этим издательством была достигнута еще в 1975 г.: «О том, что наш “Дневник” будет напечатан в издательстве “Наука”, я узнала еще до получения извещения от редакции “Литературных памятников”: я работала 13–15 ноября на 2-й научной конференции, посвященной Достоевскому (ежегодной), и там ко мне подошел Белов, один из докладчиков, и сказал об этом, и даже сказал, что будет напечатано без сокращений. Я, конечно, была поражена, но ведь это был частный разговор, подтверждения от Вас я не имела. Конечно, это Ваша победа, трудно представить, сколько потрачено Вами сил и времени на это. Но независимо от самого факта, я хочу сказать, что очень удовлетворена тем, что люди поняли, что материал представляет интерес, именно как литературный памятник и было странно, что другие люди, тоже стоящие во главе издательства, не понимали этого. Я имею в виду издательство “Книга”»²⁶.

Однако редколлегия «Литературных памятников» не обозначила четкие сроки публикации. «Неопределенность времени публикации “Дневника” меня не волнует, — писала в 1976 г. Ц. М. Пошеманская коллеге. — Но, я думаю, Вас будут теревить и не оставят в покое представители зарубежных издательств»²⁷. Вызывает сомнение достоверность информации, приведенной С. В. Житомирской, о том, что именно Ц. М. Пошеманская, которой не заплатили «за сделанную ею расшифровку первой книжки», «предложила готовый текст зарубежным издательствам», а сама заведующая отделом рукописей «была поставлена перед фактом и не могла не согласиться предоставить издателям свое предисловие и комментарий»²⁸. Тем не менее 24 августа 1977 г. обе исследовательницы составили просьбу на имя Н. П. Карцова, начальника Управления по вопросам художественной литературы и искусства ВААП, о разрешении издать расшифровку дневника за рубежом, приложив рукопись и отзыв академика Д. С. Лихачева²⁹. Разрешение, по всей видимости, было получено: для периода 1969–1979 гг. характерна «разрядка международной напряженности», снижение накала противостояния социалистической и капиталистической систем, расширение сотрудничества с зарубежными странами в различных сферах³⁰.

²⁵ Там же. С. 474.

²⁶ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 12 декабря <1975> г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 14.

²⁷ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 25 августа <1976> г. // Там же. Л. 22 об.

²⁸ *Житомирская С. В.* Просто жизнь. М., 2006. С. 475.

²⁹ ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 27.

³⁰ Разрядка международной напряженности // Большая российская энциклопедия:

Среди стран, в которых вышел дневник А. Г. Достоевской перед его публикацией в России, С. В. Житомирская назвала Польшу, Германию и Японию³¹. Согласно нашим разысканиям, это следующие издания (заслуживают внимания названия, данные редколлегиями Польши и Германии дневнику жены Достоевского):

- *Anna Dostojewska. Mój biedny Fiedia / Przekład z rosyjskiego, wstęp i komentarz Ryszarda Przybylskiego. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1971 [Анна Достоевская. Мой бедный Федя / Пер. с рус. яз., вступ. ст. и комментарий Ричарда Пшибыльского. Варшава: Гос. издат. ин-т, 1971];*
- *アンナ・ドストエーフスカヤ『ドストエーフスキイ夫人アンナの日記』河出書房新社 1979 [Дневник Анны Достоевской / Пер. Киносита Тоёфуса. Токио: Kawade Shobo Shinsha Publishers inc., 1979];*
- *Dostojewskaja A. G. Tagebücher — Die Reise in den Westen / Übersetzt von Conrad, Barbara. Königstein/Ts., Athenäum-Verlag, 1985 [Достоевская А. Г. Дневники: Путешествие на Запад / Пер. Барбары Конрад. Кёнигштайн: Атенеум, 1985].*

В письмах Ц. М. Пошеманской к С. В. Житомирской 1976–1986 гг. есть указания на сотрудничество с немецким и японским издательствами: «Никакого гонорара из Японии я не получала и вся Ваша информация для меня новая»³²; «В конце концов, издательство “Атенеум” прислало два экземпляра немецкого перевода Дневника, один из них я подарила музею ФМД, с которым до сих пор не порываю связи»³³; «Еще я писала Вам о том, что меня интересует, внесены ли исправления, которые я Вам посылала на 6 страницах, или так и пошло в немецкое издание с ошибками. Сама я не настолько ориентируюсь в немецком, чтобы определить»³⁴. Упоминает ленинградская стенографистка и издательство «Радуга»: «Неожиданно получила договор от издательства “Радуга”, с которым, я считала, что все мои расчеты закончены были еще несколько лет тому назад. Просили подписать все четыре экземпляра и вернуть (за что авансом поблагодарили). Будет перевод на английский язык. Но это мне безразлично. А мне по этому договору причитается какая-то загадочная сумма в 24 рубля. Однако прошло три месяца, а они не присылают ни этой суммы, ни копии договора»³⁵.

в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 176–177 [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/3491007 (дата обращения: 31.07.2019).

³¹ *Житомирская С. В.* Просто жизнь. М., 2006. С. 475.

³² *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От <1976> г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 26.

³³ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 22 апреля 1986 г. // Там же. Л. 36.

³⁴ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 27 октября <1986> г. // Там же. Л. 38.

³⁵ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От <1987> г. // Там же. Л. 40.

Московское издательство «Радуга» («Raduga Publishers»), основанное в 1982 г., выпускало произведения русской литературы на иностранных языках, в том числе тексты Ф. М. Достоевского. Однако издание дневника жены писателя в издательстве «Радуга» не выявлено, видимо, осуществлено не было.

Давление идеологических структур на С. В. Житомирскую, ее исключение из партии в 1985 г. с формулировкой «за грубые нарушения в использовании документальных материалов, приведшие к утечке информации за рубеж, и неискреннее поведение при рассмотрении персонального дела»³⁶ — эти обстоятельства способствовали тому, что в 1986 г. издательство «Наука» отказалось от публикации дневника А. Г. Достоевской, его типографский набор был рассыпан³⁷. «И что за несчастная судьба нашего “Дневника”!» — написала в эти годы Ц. М. Пошеманская³⁸, знакомая со всеми перипетиями издания.

Только 5 декабря 1990 г. редакционная коллегия «Литературных памятников» во главе с Д. С. Лихачевым утвердила к печати книгу «А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года», а 21 января 1991 г. подписала прошение на имя директора издательства «Наука» С. А. Чибырева о заключении договора с С. В. Житомирской — «составление с подготовкой текста (27,5 а. л.), написание статьи (2,6 а. л.) и комментария (2,7 а. л.), подбор и изготовление иллюстраций (1 а. л.), составление аннотированного указателя имен (около 1 а. л.)», Ц. М. Пошеманской — «участие в подготовке текста (5 а. л.)», главным научным сотрудником ИМЛИ им. А. М. Горького А. Л. Гришуниним — «ответственное редактирование книги (около 40 а. л.)»³⁹. В 1993 г., спустя 20 лет после выхода 86-го тома «Литературного наследства» с третьей стенографической книжкой, впервые в России была опубликована полная версия личного дневника А. Г. Достоевской, включившая первую и третью книжку в расшифровке Ц. М. Пошеманской, а вторую — со статьей и комментариями С. В. Житомирской⁴⁰. Издание вышло в серии «Литературные памятники», книги которой «рассчитаны на читателя, стремящегося к глубокому и всестороннему пониманию выдающихся произведений разных эпох и народов мира»⁴¹.

Ошибки и недочеты, найденные Ц. М. Пошеманской в издании «Литературного наследства», в полном тексте были устранены. Несколько строк, расшифрованных ленинградской стенографисткой, редакцией

³⁶ *Житомирская С. В.* Просто жизнь. М., 2006. С. 468.

³⁷ Там же. С. 475.

³⁸ *Пошеманская Ц. М.* Письмо к Житомирской С. В. От 9 сентября <1985> или <1986> г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 34.

³⁹ ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 50.

⁴⁰ *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993 (сер. «Литературные памятники»).

⁴¹ *Гаспаров М. Л., Гришунин А. Л., Михайлов А. Д., Птушкина И. Г.* Предисловие // Литературные памятники. 1948–1998: Аннотированный каталог. М., 1998. С. 9.

не были внесены по этическим соображениям: описание физиологических следствий сильного припадка в издании было скрыто знаком сокращения <...>: «Потом он как будто бы пришел в себя <...>. Он все говорил, что боится так страшно умереть»⁴².

В целом, наш анализ расшифровки Ц.М. Пошеманской стенографического дневника позволяет охарактеризовать ее работу как ответственную, внимательную, добросовестную и практически безошибочную. Встречающиеся в издании «Литературных памятников» редкие ошибки в расшифровке, наличие ряда нерасшифрованных слов, многочисленные технические пропуски слов и строк объясняются не столько человеческим фактором, сколько многоуровневой технологией подготовки текста к публикации: ленинградская стенографистка выполняла одна трудную и кропотливую работу, глаз мог «замыливаться», а возможность ее контроля и проверки другим человеком (такую функцию обычно несут редакторы и корректоры) здесь отсутствовала. Она то переписывала текст от руки, то печатала его на машинке, теряя слова и строки и снова их разыскивая, — этими особенностями работы объяснима потеря некоторых слов при расшифровке: «Чтобы не потерять найденное нужное слово в рукописи, иногда приходится держать на нем палец и искать это место в книге, а чтобы печатать на машинке, палец надо отрывать»⁴³, «...мой метод печатания сразу на машинке оказался, в конце концов, неудобным и тоже длительным: я теряю слова в тесных строчках, когда отрываю от них глаза для печатания на машинке, и долго ищу потом. Если руки заняты, то пальцем держать нужное место не могу. И я вернулась к переписке сначала от руки, это спокойнее; хотя тоже надо смотреть в рукопись, книгу и тетрадь, но все же я могу удобнее их расположить на столе и держать пальцем левой руки нужное место в рукописи»⁴⁴. Наш анализ расшифровок ленинградской стенографистки дневника А.Г. Достоевской подтвердил и без того очевидный факт: обвинения в адрес С.В. Житомирской и Ц.М. Пошеманской, что они сочинили «злостную фальсификацию, имеющую целью “исказить облик великого русского писателя”»⁴⁵, беспочвенны и лживы.

Читатели и исследователи, лишенные на долгие годы советского времени полного текста дневника жены великого писателя, в том же 1993 г. получили два его издания. Кроме книги, подготовленной С.В. Житомирской для «Литературных памятников», в печати появился дневник, выпущенный С.В. Беловым в издательстве «Андреев и сыновья». В его составе две книжки, расшифрованные самой

⁴² Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. С. 265.

⁴³ Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 10 июля <1970-е гг.> // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 18.

⁴⁴ Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 25 августа <1976> // Там же. Л. 22.

⁴⁵ Житомирская С. В. Просто жизнь. М., 2006. С. 474.

А.Г. Достоевской, и третья книжка — в расшифровке Ц.М. Пошеманской⁴⁶. На сегодняшний день это издание менее известно, однако следует отметить, что оно отличается минимальным вмешательством корректоров. Здесь, при публикации второй книжки дневника, расшифрованной самой мемуаристкой, выбирались ее стилистические варианты («кофею», «вишень», «вдоль по реченке», «она его вскормила», «увидала»), исправленные корректорами «Литературных памятников» на современную норму («кофе», «вишен», «вдоль по речонке», «она его выкормила», «увидела»).

Путь к читателю дневника А.Г. Достоевской в результате сложности его редакционной подготовки, конфликтных взаимоотношений людей, недооценки личности супруги писателя и историко-литературного значения ее дневника был непростым и долгим. Но «несчастливая судьба <...> “Дневника”» завершилась в 1993 г.: с его публикацией наступил новый этап изучения жизни и творчества Ф.М. Достоевского.

Библиографический список

- Андрианова И.С., Сосновская О.А.* Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // Неизвестный Достоевский. 2018. №1. (URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (дата обращения: 31.07.2019)).
- Андрианова И.С.* «Я связана с ней против ее желания»: О расшифровке Ц.М. Пошеманской стенографического дневника А.Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. 2018. №2. (URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (дата обращения: 31.07.2019)).
- Гаспаров М.Л., Гришунин А.Л., Михайлов А.Д., Птушкина И.Г.* Предисловие // Литературные памятники. 1948–1998: Аннотированный каталог. М., 1998. Дневник А.Г. Достоевской. М., 1923.
- Долинин А.С.* Достоевский и Сулова // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Л.; М., 1924. Сб. 2.
- Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. М., 1993 (сер. «Литературные памятники»).
- Достоевская А.Г.* Воспоминания. 1846–1917. М., 2015.
- Житомирская С.В.* Дневник А.Г. Достоевской как историко-литературный источник // Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М., 1993.
- Житомирская С.В.* Просто жизнь. М., 2006.
- Последняя любовь Ф.М. Достоевского: А.Г. Достоевская. Дневник 1867 года. СПб., 1993.
- Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.

---

⁴⁶ Последняя любовь Ф.М. Достоевского: А.Г. Достоевская. Дневник 1867 года. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 461 с.

Andrianova I. S.

“WHAT UNFORTUNATE FATE OF OUR *DIARY!*”
(FROM THE HISTORY OF THE PUBLICATION
OF THE DIARY OF A. G. DOSTOEVSKAYA)

Key words: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, diary for 1867, publication history, history of text, C. M. Poshemanskaya, S. V. Zhitomirskaya, “Literary heritage”, “Literary memorials”.

The article considers the history of the publication of the stenographic diary of Anna Dostoevskaya, the full text of which was published in 1993. The article describes the precedent of the transcripts of the wife of the writer, which occurred 30 years before the Leningrad stenographer Ceciliya Poshemanskaya. For the first time introduced into scientific circulation letters of C. M. Poshemanskaya to S. V. Zhitomirskaya during the period from 1974 to 1987, as well as business documents related to the publication of the diary of Anna Dostoevskaya. With the help of these materials, previously unknown facts of the history of the text are established, an objective and consistent picture of the long history of its publication emerges.

References

- Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Stenograficheskaya sistema Anny Dostoevskoj: problema deshifrovki. *Neizvestnyj Dostoevskij*. 2018. N 1. (URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf).
- Andrianova I. S. “Ya svyazana s nej protiv ee zhelaniya”: O rasshifrovke C. M. Poshemanskoj stenograficheskogo dnevnika A. G. Dostoevskoj. *Neizvestnyj Dostoevskij*. 2018. N 2. (URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf).
- Gasparov M. L., Grishunin A. L., Mihajlov A. D., Ptushkina I. G. Predislovie. *Literaturnye pamyatniki. 1948–1998: Annotirovannyj katalog*. Moscow, 1998.
- Dnevnik A. G. Dostoevskoj*. Moscow, 1923.
- Dolinin A. S. Dostoevskij i Suslova. *F. M. Dostoevskij: Stat'i i materialy*. Leningrad, Moscow, 1924. Issue 2.
- Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda*. Moscow, 1993.
- Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917*. Moscow, 2015.
- Zhitomirskaya S. V. Dnevnik A. G. Dostoevskoj kak istoriko-literaturnyj istochnik. *Dostoevskaya A. G. Dnevnik 1867 goda*. Moscow, 1993.
- Zhitomirskaya S. V. *Prosto zhizn'*. Moscow, 2006.
- Poslednyaya lyubov' F. M. Dostoevskogo: A. G. Dostoevskaya. Dnevnik 1867 goda*. St. Petersburg, 1993.
- Pushkinskij Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*. St. Petersburg, 2005.

Т. Н. НИКИТИН*

БОГОРОДСКИЙ МОНАСТЫРЬ В РОМАНЕ «БЕСЫ»

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Богородский монастырь, Ставрогин, Тихон.

В «Бесах» неоднократно упоминается Ефимьевский Богородский монастырь. Автор публикации полагает, что его прототипом послужил Жёлтиков монастырь, основанный в 1394 г. в четырех верстах от Твери.

В романе Достоевского «Бесы» неоднократно упоминается Богородский монастырь (его полное название «Спасо-Ефимьевский Богородский монастырь»: 11, 5). Шатов настойчиво советует Ставрогину его посетить, так как именно в нем проживал больной архиерей Тихон. В одной из глав романа также говорится, что «пожертвования» юродивому Семену Яковлевичу «были набожно отправляемы в храм Божий, и по преимуществу в наш Богородский монастырь» (10, 254).

Среди ученых прочно утвердилось мнение, что события, описываемые в «Бесах», происходят в Твери конца 1850-х — начала 1860-х гг. (писатель в 1859 г. прожил в этом городе несколько месяцев). В романе губернскому городу не дано названия, но в его топографии, по мнению современных исследователей, есть подробности, подсказанные Достоевскому именно тверскими наблюдениями: в частности, город разделен большой рекой на две части, соединяющиеся плашкоутным мостом (такой мост был в Твери через Волгу) и др. Особо отметим, что в первой части романа П. Верховенский и Ставрогин приезжают в губернский город по железной дороге; позднее в «Бесах» говорится о «полуденном поезде» (10, 414), а также о «раннем экстренном поезде» (10, 464). П. Верховенский в конце романа на «экстренном поезде» собирается бежать в Петербург. Но из какого губернского города можно было в то время относительно быстро попасть в Петербург по железной дороге? По нашему мнению, только из Твери.

Можно предположить, что Достоевский описал в романе один из тверских монастырей. Но какой? Полагаем, прототипом Богородского

---

* Тимур Николаевич Никитин, канд. истор. наук — nikitin_tn@mail.ru.

монастыря в «Бесах» послужил знаменитый Жёлтиков (Желтиков) в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь, который был основан тверским епископом Арсением в 1394 г. в четырех верстах от Твери¹.

В начале главы «У Тихона» Ставрогин, следуя совету Шатова, покидает свой дом и пешком отправляется в Богородский монастырь. Но где располагался его дом? Напомним, что генеральша Ставрогина — «значительная богачка» с огромным состоянием. Писатель подчеркивает, что дом Ставрогиных «находился очень близко от собора», в котором к обеду собрался «почти весь город» (10, 121). «Городской собор» упоминается и в некоторых других эпизодах романа. Так, Хроникер, случайно встретив Кармазинова на улице, сообщает ему, что у собора «всегда стоят» извозчики. Когда в Заречье вспыхнул пожар, то в толпе, окружившей губернатора Лембке, Хроникер увидел и «соборного протопопа» (10, 395).

С большой долей вероятности можно утверждать, что собор находился где-то поблизости от центра города. Писатель счел нужным указать: у «врат» собора «стояло множество экипажей и даже жандармы» (10, 122). Полагаем, его прототипом послужил тверской кафедральный Спасо-Преображенский собор («Спас Златоверхий»), собиравший к обеду «весь город». Это был большой и торжественный храм, расположенный в самом центре Твери (на Соборной площади).

Итак, Ставрогин начинает свой путь в монастырь почти из центра города. Вскоре он встретил толпу шпигулинских рабочих, которые двигались ему навстречу, к губернаторскому дому. Зная, в каком историческом районе Твери во второй половине XIX в. находилась текстильная фабрика Каулина (именно она, как известно, послужила прототипом фабрики Шпигулина), можем определить тверской монастырь, ставший прототипом Богородского монастыря в «Бесах». Как было сказано выше, это Жёлтиков монастырь, развалины которого ныне находятся в черте города.

В главе «У Тихона» читаем: монастырь, в который пришел Ставрогин, находился «на краю города, у реки». Многочисленные постройки Жёлтикова монастыря находились на левом берегу реки Тьмаки (кстати, фабрика Каулина тоже была построена на Тьмаке).

Достоевский испытывал огромный интерес к истории российских монастырей. В 1859 г. по пути из Семипалатинска в Тверь писатель посетил Троице-Сергиеву лавру. Он писал в одном из своих писем: «...Сергиев монастырь вознаградил нас вполне. 23 года я в нем не был. Что за архитектура, какие памятники, византийские залы, церкви! Ризница привела нас в изумление. В ризнице жемчуг (великолепнейший)

---

¹ Платон (Казанский), архимандрит. Историческое и статистическое описание Тверского Успенского Жёлтикова монастыря. Тверь, 1852. С. 3–4.

меряют четвериками, изумруды в треть вершка, алмазы по полумиллиону штука. Одежды нескольких веков, работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости — не вышел бы оттуда» (28₁, 362–363).

Прожив всю осень 1859 г. в Твери, писатель не мог не слышать о славной истории Жёлтикова монастыря. В свое время обитель пользовалась покровительством Ивана Грозного и Петра I; в ней хранились древнейшие иконы, старинные рукописи, древние книги и т. д. Вероятно, Достоевский посетил знаменитый монастырь. В романе говорится, что Ставрогин оказался внутри «длинного двухэтажного монастырского корпуса»; «толстый и седой монах» повел его «длинным узким коридором»: «Когда дошли до двери в самом конце коридора, монах отворил ее как бы властною рукой...» (11, 6). Описание монастырского корпуса кажется как будто списанным с натуры. Стены длинного двухэтажного «братского» корпуса Жёлтикова монастыря хорошо сохранились до наших дней; существуют также многочисленные фотографии монастыря конца XIX — начала XX в., на которых виден этот корпус.

Писатель подчеркивает, что во главе Богородского монастыря стоит «отец архимандрит». Далеко не все тверские монастыри управлялись настоятелями, имеющими столь высокое духовное звание. Однако Жёлтиковым монастырем во второй половине XIX в. управляли именно архимандриты. Важно отметить, что в середине XVIII в. архимандритом Жёлтикова монастыря был Тихон Задонский (правда, очень короткий срок: с 1759 по 1760 г.). Как известно, именно он послужил в «Бесах» прототипом «отца Тихона». В 1760 г. Тихон Задонский был поставлен настоятелем Отроча монастыря (г. Тверь), с определением быть ректором Тверской семинарии и учителем богословия.

В главе «У Тихона» дважды подчеркивается, что больной архиерей проживает в монастыре «на покое». Ранее Шатов в разговоре со Ставрогиным также отметил, что Тихон в монастыре «по болезни живет на покое» (10, 203). Примечательно, что в ходе длинной истории Жёлтикова монастыря были случаи, когда им управляли епископы, проживавшие в нем «на покое»².

Полагаем, Достоевский назвал монастырь в романе «Богородским» совсем не случайно. Ведь Жёлтиков монастырь был основан в честь Успения Пресвятой Богородицы. Писатель также счел нужным отметить, что обитель, в которой проживал отец Тихон, существует очень давно: в келье больного архиерея находился «большой киот с сиявшими золотом и серебром иконами, из которых одна древнейших времен, с мощами» (11, 7).

---

² См.: Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 159.

Писатель подчеркивает, что и губернский город, описываемый в романе, является очень древним: «При входе на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замечательную древность в нашем древнем городе» (10, 252). Полагаем, что прототипом этой церкви послужил храм Троицы Живоначальной (Белой Троицы) в Твери. Достоевский должен был проявить к Белой Троице особый интерес. Мы уже отметили, что в 1859 г. по пути из Семипалатинска в Тверь писатель побывал в Троице-Сергиевой лавре. А между тем Белую Троицу в Твери выстроил в 1564 г. на свои средства купец Г. А. Тушинский, который позднее завещал ее и свой двор Троице-Сергиеву монастырю. Но, главное, в бытность Достоевского в Твери, эта церковь являлась одной из самых древних церквей города. В 1851 г. Тверская епархия издала брошюру А. И. Пешехонова «Краткое историко-хронологическое описание Троицкой, что за Тьмакою, церкви, как древнейшей в г. Твери»³. Красивейший храм, расположенный не очень далеко от центра города, посещали многие горожане. Кстати, в «Бесах» сообщается, что Хроникер легко добрался до древней церкви («в первом часу пополудни» — 10, 253).

И последнее. Достоевский в «Бесах» очень точен в деталях. Так, переезд Варвары Петровны из собора домой занял всего «три минуты» (10, 126). Мы уже говорили, что Ставрогин отправился в монастырь пешком; его путь продолжался около часа. Но если в наши дни совершить пешком небольшое путешествие из центра Твери к развалинам Жёлтикова монастыря, то потребуется примерно час с четвертью. Как же это объяснить? Отметим, что Ставрогин (бывший офицер, физически очень сильный) шел довольно быстро: «Наскоро выпил он кофе, наскоро оделся и торопливо вышел из дому» (11, 5). И еще. На фотографиях конца XIX в. (а также на некоторых иконах, изображающих святителя Арсения с обителью) мы видим напротив монастыря ныне уже не существующий мост через Тьмаку, который, безусловно, сильно сокращал путь паломникам из центра города.

Библиографический список

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
Некрасов В. И. Церковь Белая Троица в г. Твери (историко-археологический очерк). Тверь, 1900.
Платон (Казанский), архимандрит. Историческое и статистическое описание Тверского Успенского Жёлтикова монастыря. Тверь, 1852.
Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008.

---

³ *Некрасов В. И.* Церковь Белая Троица в г. Твери (историко-археологический очерк). Тверь, 1900. С. 25.

Nikitin T. N.

BOGORODITSKY MONASTERY
IN THE NOVEL *DEMONS*

Key words: Dostoevsky, Bogoroditsky Monastery, Stavrogin, Tikhon.

Efimievsky Bogoroditsky Monastery is repeatedly mentioned in “Possessed”. The author of the publication believes that Zheltikov monastery, founded in 1394, four versts from Tver, served as its prototype.

References

- Dostoevskiy F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.
- Nekrasov V.J. *TSerkov' Belaya Troitsa v g. Tveri (istoriko-arkheologicheskiy ocherk)*. Tver', 1900.
- Platon (Kazanskiy), arkhimandrit. *Istoricheskoye i statisticheskoye opisanie Tverskogo Uspenskogo Zheltikova monastyrya*. Tver', 1852.
- Pravoslavnaya entsiklopediya*. Pod redaktsiyey Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. Moscow, 2008. Vol. 19.

И. А. КРАВЧУК*

О ЧЕМ СМОЖЕТ РАССКАЗАТЬ «СТЕНОГРАММА ВОЛКОВОЙ»?¹

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, ГА РФ, «Идиот», стенограмма, А. Ф. Волкова, А. Н. Энгельгардт, женское движение, рецепция, народничество.

В статье рассмотрена проблема текстологической и историко-литературной интерпретации стенографической записи романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Стенограмма находится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и до сих пор не расшифрована. Место ее нахождения — дело А. Ф. Волковой, работавшей в химической лаборатории А. Н. Энгельгардта и арестованной вместе с ним и его женой 1 декабря 1870 г. по делу о сходках в Земледельческом (Лесном) институте. Документ известен исследователям Ф. М. Достоевского, но пока не становился предметом специального исследования. В статье реконструирована биография Волковой до 1870 г., восстановлены ее связи с кругом Энгельгардтов, рассмотрены другие архивные материалы из дела Земледельческого института, обоснована необходимость расшифровки и дальнейшего изучения стенограммы — как ценного источника по истории рецепции творчества Достоевского в среде шестидесятичной молодежи.

При работе с фондами ГА РФ обнаружен документ, который, как нам кажется, заслуживает внимания и занимает особое место в ряду тех материалов, которые связаны с именем и творчеством Ф. М. Достоевского, но до сих пор не введены в широкий научный оборот.

Это нерасшифрованная стенограмма «Из последнего романа Достоевского “Идиот”»². Стенографическая запись на 60 листах была изъята служащими III Отделения и полиции при обыске в ночь на 1 декабря 1870 г. у домашней учительницы Анны Федоровны Волковой. Вместе со стенограммой было также изъято множество личных писем и записок, а также другие документы, в том числе переписанный от руки оригинал “La Marseillaise” К. Ж. Руже де Лиля и подписанный

---

* Кравчук Игорь Александрович, магистр филологии, мл. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН — kolesovan@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект «Цифровой архив Ф. М. Достоевского», № 18–18–00263.

² ГАРФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 365.

экземпляр устава женского самообразовательного комитета. Неясно, где именно в руки полицейских попала стенограмма: 1 декабря обыски шли параллельно в нескольких местах. Сама А. Ф. Волкова была арестована на квартире у профессора Санкт-Петербургского земледельческого института А. Н. Энгельгардта вместе с самим профессором и его супругой Анной Николаевной Энгельгардт. Обыск, однако, был произведен и в особняке видного деятеля науки П. А. Кочубея, где Волкова непродолжительное время также нанимала комнату и пользовалась химической лабораторией.

Сама по себе стенограмма уникальной архивной находкой не является. Она уже оказалась в поле зрения наших коллег из Петрозаводского государственного университета, завершающих свой проект, посвященный стенографическим записям А. Г. Достоевской³. Впрочем, по понятным причинам записи Волковой остались в тени главного объекта исследования — стенограмм жены писателя. Расшифровка стенограмм требует долгого и кропотливого труда, овладения специальными навыками. «Стенографическое письмо лично, — предостерегают И. С. Андрианова и О. А. Сосновская, — стенограмму, в общем случае, может разобрать только тот, кто ее выполнил. Своя “система в системе” есть у каждой стенографистки»⁴. Кроме того, 1860-е гг. — время расцвета стенографии, подстегнутого судебной реформой, период споров о возможностях и перспективах стенографического письма, соревнования разных систем фиксации речи. Нормативная стенографическая система появится только в 1933 г.⁵ Следует при этом напомнить, что основная часть работы по расшифровке записей А. Г. Достоевской заняла больше десяти лет. Работа со стенограммой А. Ф. Волковой неизбежно предполагает расшифровку если не всех 60 листов, то хотя бы минимального объема текста, достаточного для того, чтобы определить, какой именно кусок романа был переписан исполнителем стенограммы. В свою очередь, чтобы удовлетворить этому требованию, необходимо определить, какой именно системой пользовался составитель стенограммы. Должны иметься веские причины взяться за такой труд, превосходящие естественное исследовательское любопытство. На наш взгляд, такие причины есть, и в настоящей статье мы попробуем изложить их, очертив круг проблем и задач, непосредственно связанных с волковской стенограммой. Для этого нам понадобится воссоздать (хотя бы в первом приближении) идейный и исторический контекст, в котором вообще мог появиться такой материал.

---

³ Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования. [Электронный ресурс]. URL: https://petsu.ru/page/science/science_projects/stenograficheskie-zapisi-a-g-dosto (дата обращения: 31.07.2019).

⁴ Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: Проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. 2018. №1. С. 51.

⁵ См.: Там же. С. 50.

Жизнь Анны Федоровны Волковой в исторической литературе освещена явно непропорционально ее научным заслугам. Наряду с Ю. В. Лермонтовой Волкова была одной из первых русских женщин-химиков, при этом мы, скорее всего, не имеем ни одного ее изображения, а биографические сведения о ней малочисленны и часто недостоверны. Так, будучи одной из видных учениц А. Н. Энгельгардта, стоявшего у истоков Русского химического общества и российской агрохимической науки, Волкова, как правило, ни словом не упоминается в биографических очерках, посвященных ученому и общественному мыслителю⁶. Долгое время главным источником информации об ученой являлись работы химика и историка науки Ю. С. Мусабекова. Согласно Мусабекову, год рождения Волковой неизвестен, скончалась же исследовательница в 1876 г. «В 1870 г. она перешла в технико-химическую лабораторию председателя Русского технического общества П. А. Кочубея, где под руководством Д. И. Менделеева вела лабораторные занятия со слушательницами Петербургских публичных курсов. <...> Волкова была принята в члены Русского химического общества (1870); она была первой женщиной, принятой в эту организацию. Н. А. Меншуткин привлекал Волкову к редактированию журнала Русского химического общества и к составлению рефератов для этого журнала. К Волковой с большим уважением относились Менделеев и Бутлеров. На III съезде русских естествоиспытателей в 1871 г. в Киеве Волкова сделала два доклада, была избрана председателем заседания, на котором выступали с докладами и в обсуждениях Менделеев, Бутлеров, Бекетов, Марковников, Бунге и др.»⁷. В другой публикации, частично посвященной Волковой, Мусабеков прибавляет, что за всю жизнь ученая смогла опубликовать «около двадцати статей и сообщений», а образцы полученных ею веществ в 1876 г. представлялись на Всемирной промышленной выставке в Лондоне⁸.

Сразу оговоримся, что собственно научные достижения А. Ф. Волковой и достижения других героев нашего исследования мы вынужденно выносим за скобки: их вклад в химическую науку неоспорим, вопросы химии не имеют отношения ни к нашей компетенции, ни к проблематике статьи. Тем не менее, ряд тезисов Ю. С. Мусабекова вызывает вопросы.

Прежде всего, как мы видели из показаний самой Волковой, она не *переходила* в лабораторию П. А. Кочубея, а работала параллельно в двух лабораториях. Это показывает, что сотрудничество Волковой

---

⁶ См., например: *Фаресов А. И.* Александр Николаевич Энгельгардт // Фаресов А. И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905. С. 3–171; *Нечужатов П. Я.* Александр Николаевич Энгельгардт. Очерк жизни и деятельности. Смоленск, 1957.

⁷ *Мусабеков Ю. С.* Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). М., 1967. С. 8.

⁸ *Мусабеков Ю. С.* Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 13.

с профессором Энгельгардтом не прерывалось вплоть до 1 декабря 1870 г. Положение о работе Волковой под началом Д. И. Менделеева тоже нуждается в архивной проверке. Во всяком случае, сам П. А. Кочубей в своих показаниях и в письме на имя шефа жандармов и начальника III Отделения П. А. Шувалова писал следующее: «5-го числа прошедшего ноября месяца перед заседанием химического общества, состоящего при Санкт-Петербургском университете, знакомый мне профессор Дмитрий Иванович Менделеев обратился ко мне с просьбой дозволить временно, в состоящей в моем доме химической лаборатории заниматься практическими работами лицам женского пола <...>. Просьба господина Менделеева была подкреплена другими знакомыми профессорами и членами химического общества.

На изъявленное с моей стороны сомнение в серьезном направлении таких занятий женским полом как убедительное доказательство была мне представлена помещенная в сентябрьской книжке “Журнала Химического общества” статья госпожи Анны Волковой <...>. Эта работа составляет в действительности такое полное и отчетливое исследование, что ни один из лучших химиков не отрекался бы подписать свое имя под подобным трудом⁹. Знал ли Д. И. Менделеев Волкову исключительно по лекциям и статьям или привлекал к сотрудничеству, — еще предстоит установить по личному архиву ученого. Показания Кочубея не дают однозначного ответа на этот вопрос. Стоит, однако, отметить высокую оценку Менделеевым профессиональных качеств Волковой и обратить внимание на то, что прямое или косвенное знакомство великого химика с талантливой исследовательницей приходится на конец 1860-х — начало 1870-х гг. В научной биографии Менделеева это переломное время — именно в эти годы он разрабатывает окончательно увекочивший его имя периодический закон.

Что касается членства А. Ф. Волковой в РХО, здесь мнения ее биографов расходятся. Современная исследовательница О. А. Валькова считает этот факт недоказанным: «Источник сведений Ю. С. Мусабеква в настоящее время неизвестен»¹⁰. Между тем членом РХО Волкова, если верить протоколу декабрьского ареста, называет себя сама¹¹. Если Мусабеков держал в руках протоколы ареста, обыска и допроса Волковой, то остается непонятным, почему советский историк прошел мимо многих других примечательных фактов ее биографии. Не менее интересно, как Мусабеков установил год смерти Волковой, пока что нигде, кроме вторичных источников, нам не встречавшийся. Валькова тоже указывает годом смерти 1876 и повторяет вслед за Мусабековым, что Волкова пришла в лабораторию Кочубея из лаборатории

⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 105 — 105 об.

¹⁰ Валькова О. А. Штурмующая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М., 2019. С. 388.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 19 об.

Энгельгардта¹². Среди иноязычных публикаций, посвященных А. Ф. Волковой, нужно упомянуть статью М. Р. С. Криз. Криз видоизменяет версию Мусабекова: по ее данным, в 1870 г. Волкова переносит свои занятия из энгельгардтовской лаборатории не к Кочубею, а непосредственно к Менделееву в Технологический институт¹³. Опять же сложно сказать, основано ли это утверждение на архивном источнике или это вольное переосмысление общеизвестного факта, что Д. И. Менделеев в 1870 г. занимал должность профессора Санкт-Петербургского практического технологического института. Криз также указывает публикации Волковой в *Zeitschrift für Chemie* в 1870 г.¹⁴

Благодаря делам из фонда 95 ГА РФ, биографические сведения об А. Ф. Волковой могут быть дополнены. На сегодняшний день нами изучено два архивных дела. Во-первых, дело 362, содержащее часть писем и записок, отправленных на имя Волковой в период с 1863 по 1869 г. включительно. Во-вторых, дело 434 — в нем и объединены материалы, собранные следственной комиссией по так называемому «делу Земледельческого института» или «О беспорядках и противозаконных сходах в Земледельческом институте». Начнем с последнего. О каком деле идет разговор?

В конце 1860-х — начале 1870-х гг. Земледельческий (будущий Лесной) институт в Санкт-Петербурге переживает бурный расцвет: в его стенах интенсивно работают многие талантливые ученые и студенты, создается одна из лучших в России химических лабораторий. Эти события, связанные с именами А. Н. Энгельгардта, П. А. Лачинова, П. А. Костычева, Н. Н. Соколова, Д. Н. Кайгородова, И. П. Бородина и других выдающихся ученых, безусловно, были воодушевлены как общественным подъемом, сопровождавшим реформы Александра II, так и живым интересом к естественным наукам вообще и к химии в частности, отличавшим шестидесятническую молодежь¹⁵. Вместе с тем бытовые условия студентов Земледельческого института были далеки от идеальных: нищенские стипендии, строгий внутренний распорядок, чрезвычайная удаленность Института от города¹⁶ — все это побуждало учащихся к самоорганизации. Силами студентов за короткий срок были созданы касса взаимопомощи, «библиотека студенческих руководств»,

---

¹² См. *Валькова О. А.* Штурмья цитадель науки. С. 625. Список публикаций А. Ф. Волковой на русском языке в «Журнале Русского физико-химического общества» за 1870–1872 гг. см.: Там же. С. 248–249. О выступлении Волковой на III Съезде русских естествоиспытателей см.: Там же. С. 626.

¹³ См.: *Creese M. R. S.* Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // *Bulletin for the History of Chemistry*. 1998. Т. 21. P. 19–20.

¹⁴ *Ibid.* P. 23, n. 9.

¹⁵ Об атмосфере тех лет см., например: *Кучеров М.* Памяти П. А. Лачинова // *Журнал русского физико-химического общества*. 1892. Т. 24. Вып. 8. С. 567–568.

¹⁶ См.: *Медведский Н.* Очерки по истории участия Лесного института в революционном движении. За четыре десятилетия // *Известия Ленинградского Лесного института*. Л., 1929. Вып. 37. С. 48–51.

кухмистерская. Наконец, в соответствии с духом времени, в студенческих номерах стали устраиваться вечера с чтением лекций, обсуждением литературных новинок, дебатами по общественным вопросам и танцами. Завсегдаем этих вечеров был и А. Н. Энгельгардт, поддерживавший дружеские отношения с большинством своих подопечных.

Учащиеся Земледельческого института не остались в стороне от массовых студенческих волнений конца 1860-х — начала 1870-х гг. На это у них имелась своя, конкретная причина: обеспокоившись «неумеренной» самостоятельностью студентов, дирекция института ужесточила его внутренний распорядок, запретив молодым людям собираться с гостями позже 12 ночи, покидать территорию в неположенное время, принимать у себя женщин. Меры, предложенные дирекцией, возмутили студентов: на сходках осенью 1870 г. сначала было решено коллективно подать заявления о выходе из института, затем было решено продолжать учиться, но при этом открыто игнорировать новый регламент.

К этому времени III Отделение уже давно вело слежку за студенческими кружками в Лесном. В общество студентов был внедрен агент-провокатор, аккуратно присутствовавший на всех сходках и отправлявший донесения, в которых студенческая жизнь выставлялась в требуемом охранному отделению свете. «Разработку» подозреваемых, по всей видимости, ускорили три фактора. Во-первых, сближение студентов Земледельческого института с участниками освободительных молодежных кружков — в частности, с ишутинцами и чайковцами. В бумагах следственной комиссии под председательством генерала П. П. Ланского особо выделяются имена М. А. Натансона и зачисленного в институт в 1870 г. А. Е. Сергиевского, связанного с так называемой «Сморгонской академией»¹⁷. Следствие настойчиво стремилось связать студенческую активность в Лесном с «нечаевским» и «Елизаветградским» делами — громкими политическими процессами конца 1860-х гг. Согласно донесению провокатора, студент А. Коленко, узнав об иностранном подданстве своего собеседника, якобы попросил его: «Убейте нашего царя»¹⁸. Во-вторых, пристальный интерес III Отделения к собраниям в институте, безусловно, подогревался ненадежной репутацией самого А. Н. Энгельгардта и его супруги в глазах охранки. Согласно формулярному списку, в октябре 1861 г. Энгельгардт, тогда еще артиллерийский офицер, «за участие в беспорядках, произведенных студентами С.-Петербургского Университета 25 и 27-го Сентября того же года, и за нарушение при том воинской дисциплины был предан военному суду при С.-Петербургском ордонансгаузе арестованным, по которому оказался виновным в неисполнении предложения полицмейстера

---

¹⁷ См.: *Кириллов В. Л.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. М., 2016. С. 177–179.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 148.

полковника Золотницкого удалиться от здания С.-Петербургского университета во время сходки студентов этого университета...»¹⁹ В начале 1860-х гг. Энгельгардт сотрудничал у П. И. Вейнберга в издательской артели журнала «Век» и вышел из нее после конфликта с редактором издания Г. З. Елисеевым. Позицию Энгельгардта поддержали несколько других членов артели, в том числе видные деятели революционного движения Н. А. Серно-Соловьевич и Н. В. Шелгунов²⁰. Приблизительно в это же время Энгельгардт ненадолго сближается с «Землей и волей»: молодой поручик знакомится с П. Л. Лавровым и Н. Г. Чернышевским²¹. По делу Лаврова Энгельгардт давал показания в 1866 г.²² Впрочем, если доверять мемуарам Л. Ф. Пантелеева, к программе землевольцев ученый охладел уже в 1862 г. Когда Пантелеев обратился к Энгельгардту, желая связаться через него с руководством «Земли и воли», тот ответил, «что никакого центра не знал, да, вероятно, его и не было, что вообще он не верит в русскую революцию и т. п. Все это было высказано раздражительным тоном, в котором проглядывало даже озлобление»²³.

Куда более плодотворным было сотрудничество с землевольцами жены химика — Анны Николаевны Энгельгардт. Переводчица, мемуаристка, критик и публицист, она в соавторстве с П. Л. Лавровым работала над уставом общества поощрения женского труда в 1863 г., принимала участие в деятельности Литературного фонда²⁴, наконец, первой из женщин встала за прилавок книжного магазина Н. А. Серно-Соловьевича и А. А. Черкесова²⁵.

Третий важный мотив, явно направлявший действия III Отделения и комиссии Ланского, — карьерный. В донесениях агентов и служебной переписке невооруженным глазом видно желание с самого начала поместить собрания в Земледельческом институте в контекст большой и разветвленной антигосударственной интриги. Составители донесений не скупаются на колоритные детали и «правильные» выводы. Так, уже в самом начале формальным поводом для расследования

¹⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. СПб., 1999. С. 717 [нахзап].

²⁰ Козьмин Б. П. Артельный журнал «Век» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961. С. 73–74; Шелгунов Н. В. Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 171.

²¹ Тихонова А. В. Семья Энгельгардтов и ее родословная // Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 618–619.

²² Володин А. И., Итенберг Б. С. Лавров. М., 1981. С. 127.

²³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 310.

²⁴ Мазовецкая Э. И. Анна Энгельгардт. СПб., 2001. С. 48–54.

²⁵ «Встать женщине за прилавок было тогда так же необыкновенно, как лицеисту, служащему в Государственном совете, сделаться купцом. <...> тогда и стоянье за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отрешением от сословности и предрассудков, прав рождения» (Шелгунов Н. В. Воспоминания. С. 134). Об истории магазина см.: Ильина А. А. История библиотеки Черкесова. СПб., 1995.

становится репутация «некоторых профессоров» у радикально настроенных студентов: якобы, по их мнению, «Энгельгардт и Лачинов такие радикалы, каких Россия еще не имела, и такие гениальные люди, что они с самой незначительной партией в состоянии взволновать всю Россию»²⁶. По утверждению агента, студент А. Коленко после ареста профессора рассказал: «Энгельгардта арестовали потому, что он был замешан еще в 1861 г. По рукам некоторых студентов ходила прокламация, напечатанная за границей, в которой сказано, чтоб истребить всю царскую фамилию и его самого»²⁷.

Спустя годы сам Коленко комментировал «энгельгардтовское дело» так: «...ничего политического, направленного против царизма, здесь не было, 3-му отделению нужно было найти предлог избавиться от слишком популярного профессора, известного в Петербурге и находившегося в хороших отношениях со студентами, что было доказательством его неблагонадежности. Попутно нужно было освободить Институт от нескольких студентов, активных участников сходок и литературных вечеров, на которых иногда произносились отнюдь не верноподданические речи»²⁸. Со своим бывшим однокашником соглашался В. Ф. Котельников. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится авторизованная машинопись статьи Котельникова «Дело об аресте и высылке в Смоленскую губернию профессора Земледельческого института А. Н. Энгельгардта». В статье разгром института объясняется личной неприязнью жандармского начальства и великого князя Михаила Николаевича к химику. По версии Котельникова, великий князь, занимавший должность генерал-фельдцейхмейстера (т. е. главнокомандующего артиллерией) собственноручно вычеркнул Энгельгардта из списка приглашенных на юбилейные торжества 1870 г. в Михайловском артиллерийском училище, памятуя о его былых политических «прегрешениях». Этот жест вспыльчивый Энгельгардт считал персональным оскорблением и потребовал справедливости у военного министра Д. А. Милютина, что было сочтено непростительной дерзостью уже при дворе. «Будь Александр Николаевич покладастее <...> никакого, якобы политического дела не возникло бы»²⁹.

Судить о достоверности этого сюжета мы не можем, это и не входит в наши задачи. Нельзя не признать правоту Котельникова в том, что для большинства современников, знавших семейство Энгельгардтов, их арест стал полной неожиданностью, чем-то совершенно необъяснимым. 4 декабря 1870 г. А. В. Никитенко оставляет запись в дневнике:

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Б/н.

²⁷ Там же. Л. 147 об. — 148.

²⁸ Коленко А. Воспоминания о Петербургском Земледельческом и Лесном институте в период времени 1869 и 1870 гг. // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1929. Вып. 37. С. 52.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 5–6.

«Энгельгардта, его жену и жившую с ним девицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентов Земледельческого училища. В чем их обвиняют, я еще не слышал. А мы в сегодняшнем заседании Академии наук присудили Энгельгардту Ломоносовскую премию за его труд по химии»³⁰. 25 декабря, явно под впечатлением от событий в Лесном, Никитенко записывает в дневнике: «Сочиняются заговоры по всем правилам полицейского искусства или ничтожным обстоятельствам придаются размеры и характер заговоров»³¹. В материалах комиссии Ланского находим много выразительных примеров подобного обращения с фактами, достойного антиингилистических романов: «...кружок, где заявляются такие мысли, преступность которых выходит из всяких границ; где цинизм и ругательства выражаются с невероятным хладнокровием, доказывающим, что они вполне вошли в привычку»³².

Несмотря на все затраченные усилия, составить из собранных материалов полноценный антиправительственный заговор охранке так и не удалось. Во время допросов выясняется, что «цинизм и ругательства» выражались преимущественно в дискуссиях по женскому и артельному вопросу, модному роману Ф. Шпиллгагена «Один в поле не воин», лекциях по конституционному праву, сочинениям Г. Спенсера, Ф. Лассаля и А. П. Щапова, вкладу в русскую литературу Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Разбирались и хозяйственные проблемы, связанные со взносами на библиотеку и стипендиями, питанием студентов. О создании подпольной революционной организации речи не шло. Большинство арестованных спустя несколько недель пребывания в Петропавловской крепости были выпущены на свободу. Профессор П. А. Лачинов на год был отстранен от работы. Наиболее сурово поступили со студентом П. П. Червинским (Чирвинским), высланным под надзор полиции в Архангельскую губернию. А. Н. Энгельгардт с 5 декабря 1870 г. был уволен из Земледельческого института, а с февраля 1871 г. выслан навечно в свое имение в деревню Батишево, Дорогобужского уезда Смоленской губернии³³. Анна Энгельгардт и А. Ф. Волкова были освобождены из-под стражи, согласно постановлению следственной комиссии, 12 декабря 1870 г.³⁴ (таким образом, утверждение Э. И. Мазовецкой, что Энгельгардт была освобождена лишь «через полтора месяца из-за отсутствия улики»³⁵, не соответствует действительности). За А. Ф. Волковой было при этом учреждено негласное полицейское наблюдение, кроме того она дала подписку «об обязательстве

³⁰ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 190.

³¹ Там же. С. 191.

³² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 15 об.

³³ См.: Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 716–717 [нахзац].

³⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 198.

³⁵ Мазовецкая Э. И. Из истории переводов Э. Золя в России (А. Н. Энгельгардт) // Русская литература. 1974. № 1. С. 186.

ко мне с просьбою допустить ее заниматься в лаборатории института»³⁹. Энгельгардт дал понять девушке, что доступ к институтской лаборатории ей заказан, поскольку пользоваться ею могли только официально зачисленные студенты, а не вольнослушатели. Вместо этого профессор предложил Волковой лабораторию в своем собственном кабинете, куда он имел право пускать кого угодно и куда, в свою очередь, никто не мог проникнуть без его ведома и разрешения. В разговоре со следователем Энгельгардт особо подчеркивает свои профессорские полномочия: предположительно, он хочет отвести от себя и Волковой подозрения в нарушении устава института, чему, как мы уже убедились, комиссия с самого начала придавала политическую окраску. Также из этого следовало, что Волкова не могла регулярно общаться со студентами и, следовательно, не могла быть втянута в какую-либо подрывную деятельность, даже если, с точки зрения комиссии, она и велась. Энгельгардт приводит в пример коллегу Волковой — Ю. В. Лермонтову, которая точно так же, на правах вольнослушательницы, посещала лабораторию Р. В. Бунзена в Гейдельбергском университете. При этом он сообщил, что ничего не рассказывал о своей подопечной директору института Е. А. Петерсону и предположил, что Петерсону о ней ничего не известно⁴⁰.

Весьма примечательно упоминание Энгельгардтом профессора Медико-хирургической академии В. Л. Грубера (1814–1890), читавшего лекции по кафедре описательной анатомии. Грубер был одним из первых академических преподавателей в Петербурге, открывших женщинам свободный доступ на лекции и показательные опыты. Посещение занятий по физиологии, анатомии и химии выдает в Волковой характерную представительницу шестидесятнической молодежи⁴¹. П. А. Лачинов, также знавший Волкову, прибавлял к показаниям Энгельгардта, что девушка мечтала «посвятить себя медицине» и считала, что будущему врачу после курса анатомии необходимо прослушать курс химии⁴². Сошлемся также на записку, подготовленную историком и переводчицей Н. А. Белозерской для книги воспоминаний В. В. Стасова: «Основная задача лиц, занятых женским вопросом, представлялась неразрешенной, несмотря на видимое стремление женщин к приобретению научных знаний. Наиболее энергичные между ними при содействии профессора Грубера проникли для практических занятий в Медико-хирургическую академию»⁴³. Далее среди наиболее преуспевших

³⁹ Там же. Ч. 2. Л. 4 об.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 5.

⁴¹ См., например: *Мечников И. И.* Этюды оптимизма. М., 1988. С. 8; *Чайковский Н. В.* Религиозные и общественные искания. Париж, 1929. С. 36–38; *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911. С. 492–493, и многие другие мемуарные и исторические источники.

⁴² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 10 об.

⁴³ *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

женщин, занимавшихся у Грубера, Белозерская называет имена Надежды Прокофьевны Сусловой⁴⁴, А. Ф. Волковой, сестер Е. и Н. И. Корсини, Е. В. Богдановой. Среди учениц Грубера следует упомянуть и В. А. Кашеварову-Рудневу — первую женщину, официально признанную врачом в России⁴⁵. Не менее характерен факт последовательного посещения Волковой занятий у профессоров Медико-хирургической академии и Земледельческого института. Оба этих учебных заведения принадлежали, по выражению О. В. Аптекмана, к «очагам студенческих волнений вообще и носителям революционных традиций в частности». «...от них веяло, — продолжал Аптекман, — демократическим нигилизмом 60-х годов, слышались явственные отголоски того времени»⁴⁶. Таким образом, А. Ф. Волкова в конце 1860-х гг. захвачена наиболее влиятельными молодежными течениями. Посещала ли она при этом студенческие вечеринки в Лесном, неясно. С одной стороны, Волкова несколько старше основной массы студентов Энгельгардта и поглощена работой, изучением химии, участием в кружках женского самообразования (о чем речь впереди). Во всяком случае, она вряд ли могла быть постоянной участницей собраний. Желание Энгельгардта выгородить талантливую ученицу, не вовлекать ее в политическое следствие, очевидно и объяснимо, тем более очевидно нежелание Волковой давать показания себе во вред. Осведомитель III Отделения сообщал, что на собрании 16 ноября 1870 г. «были Энгельгардт с женою, Лачинов с женою, Гончарова, Волкова и еще пять нигилистов. Жены профессоров Энгельгардта и Лачинова вполне преданы нигилистическому направлению и ведут безнравственный образ жизни»⁴⁷. Заслуживает ли это сообщение доверия историка? В свете цитат из агентурных донесений, приведенных нами ранее, очевидна по меньшей мере предвзятость, тенденциозность такого описания. Обратим внимание на то, чем завершается рассказ осведомителя о вечере 16-го числа: «Нигилистки, бывшие на сходке, ночевали в здании института». Здесь явно содержится намек, во-первых, на грубое нарушение устава, во-вторых, на тот самый «безнравственный образ жизни». Еще цитата: «Чтобы ввести на эти вечера <sic!> женский элемент, они (Энгельгардт и Лачинов. — И. К.) <пристроили?> при Институте нигилистку Волкову, которая обещала привести на вечера своих подруг и знакомых. Вопреки уставу Института Волкова занимается вместе со студентами, избрав своим занятием работы в химической

⁴⁴ Увы, встретиться у Грубера А. Ф. Волкова и Н. П. Сулова не могли: в 1864 г., когда Волкова еще только занималась братом и переездом из Москвы в Петербург, Сулова уже поступила в Цюрихский университет.

⁴⁵ См.: *Дионесов С. М.* В. А. Кашеварова-Руднева — первая русская женщина — доктор медицины. М., 1965. С. 44, 46–47, 60.

⁴⁶ *Аптекман О. В.* Зачатки культурного народничества в 70-х годах // Историко-революционный сборник: В 3 т. М.; Пг., 1924. Т. 1. С. 13–14

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 10 — 10 об.

лаборатории»⁴⁸. Интересно и то, что в просмотренных нами протоколах допросов, составленных со слов арестованных студентов, имя Волковой не упоминается, хотя каждому задержанному выдавался обязательный к заполнению опросный лист, в одном из пунктов которого требовалось рассказать обо *всех* своих знакомствах в Петербурге. О Волковой не вспомнил даже П. Г. Лосев (1850–1926) — выходец из крестьянской семьи, взятый А. Н. Энгельгардтом для неквалифицированной работы в институтскую лабораторию. Юноша оказался талантливым самоучкой — довольно скоро он становится лекционным ассистентом Энгельгардта, а затем и штатным лаборантом института. Те, кому довелось работать с Лосевым и быть с ним близко знакомым, вспоминали, что благоговейное отношение к профессору тот сохранил на всю жизнь, и отношения между ними были почти дружеские. Из материалов следственной комиссии и многочисленных показаний известно, что Энгельгардт и Лачинов были гостями на лосевских именинах. Лосев наверняка помогал профессору не только в аудитории или в лаборатории института, но и в его *персональной* лаборатории, а значит, наверняка встречал и Волкову. На это же указывает и его биограф: «...П. Г. Лосев прекрасно знал и о том, что беседы и лекции Энгельгардта в Институте посещались нередко посторонними лицами и курсистками, главным образом с Аларчинских курсов, что в Земледельческом институте очень строго преследовалось. На допросе П. Г. Лосев отговаривался незнанием этого»⁴⁹. В сноске М. М. Юрьев развивает свою догадку: «Интересно упоминание Лосевым (в личной беседе. — *И. К.*) Аларчинских курсов. Не бывала ли на лекциях Энгельгардта С. Л. Перовская, которая как раз в то время была на Аларчинских курсах и сильно увлекалась химией?»⁵⁰ Остановимся на этом подробнее.

Действительно, будущий член Исполнительного комитета «Народной воли» Софья Перовская в 1869 г. зачисляется на Аларчинские курсы, где читал лекции в том числе А. Н. Энгельгардт. Вместе с преподававшим математику А. Н. Страннолюбским Энгельгардт заключил с несколькими курсистками соглашение о дополнительных занятиях по своему предмету. Кроме Перовской, наиболее активно на предложение о внеплановых лекциях откликнулись А. И. Корнилова, А. П. Корба, С. А. Лешерн фон Герцфельд, А. К. Вильберг⁵¹ — все они впоследствии ушли в революционное движение. Первый этап занятий прошел летом в Лесном, на квартире у А. Н. Энгельгардта. Затем, уже осенью 1870 г., курсистки договорились с профессором о возобновлении лекций в частном порядке, на квартире у сестер Корниловых.

⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁴⁹ *Юрьев М. М.* Памяти Петра Григорьевича Лосева // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1927. Вып. 35. С. 49.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: *Троицкий Н. А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018. С. 105–110.

Посредником в переговорах выступила именно А. Ф. Волкова, о чем рассказала следственной комиссии сама⁵². Подтвердил это в своих показаниях и сам А. Н. Энгельгардт⁵³. При этом разные источники по-разному характеризуют участие Волковой в организации занятий. Сама Волкова вспоминала, что А. И. Корнилова обращалась к ней в Лесном «для справок по части химии» и сама поинтересовалась, не сможет ли профессор продолжить с ними заниматься осенью. О том, что Волкова передала ему предложение курсисток, говорил и Энгельгардт. Но А. И. Корнилова-Мороз в своих мемуарах о Перовской расставляет акценты по-другому: «В конце октября, если не ошибаюсь, ассистент по химии Волкова, руководившая нашими занятиями в лаборатории, сообщила, что профессор А. Н. Энгельгардт предлагает прочитать в частной квартире курс органической химии»⁵⁴.

Первая лекция на квартире у Корниловых оказалась последней. Через неделю Энгельгардт и Волкова уже были под арестом. На единственной «корниловской» лекции Волкова присутствовала: «Предмет урока состоял в изложении того, чем занимается химия вообще. Я желала слушать эти уроки с целью познакомиться со способом изложения»⁵⁵. Это признание дополняет картину интересов Волковой: человек своего времени, она стремилась не только к научной, но и к педагогической деятельности. По ее показаниям, за полторы недели до ареста она арендовала комнату и лабораторию у П. А. Кочубея с целью подготовки реактивов «для желавших начать свои занятия»⁵⁶. Волкова подтверждает, что Кочубей принял ее по личной просьбе Д. И. Менделеева, а вот «деньги на реактивы получила от г. Стасовой»⁵⁷.

Речь идет о Надежде Васильевне Стасовой (1822–1895) — одной из ключевых фигур в российском женском движении XIX в. От нее Волкова получает не только деньги на реактивы, но и «проект устава о дежурстве на лекциях и отчета по ним»⁵⁸. По-видимому, речь идет об экземпляре документа, подписанном лично для Волковой, в котором описаны план расширения некоего «комитета», обязанности председателя, помощника председателя, казначея и других членов правления; в самом деле, оговорены и дежурства по лекциям⁵⁹. Судя по организационной структуре, приведенной в документе, едва ли предполагалось, что деятельность комитета будет сводиться исключительно к пересказу

---

⁵² См.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 196 об.

⁵³ Там же. Ч. 2. Л. 5 об.

⁵⁴ *Корнилова-Мороз А. И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 65.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 196 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 196 — 196 об.

⁵⁹ См.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 362. Л. 42–43.

лекций. В бумагах Волковой есть еще один документ, в котором упомянут какой-то «комитет» — это записка от некоей С. А. Кареевой о «собрании членов Комитета», назначенном на пятницу 13 ноября⁶⁰. Речь, скорее всего, идет о 13 ноября 1868 г. Та же С. А. Кареева 27 апреля отправляет Волковой письмо, в котором сообщает, что «г. Пашутин согласен <продолжать> цикл лекций; он просит назначить среду и субботу в 1 пополудни»⁶¹. Здесь имеется в виду В. В. Пашутин (1845–1901) — талантливый ученик И. М. Сеченова, патофизиолог, выпускник Медико-хирургической академии. Вполне возможно, что загадочный комитет, чьи уставные документы хранились у А. Ф. Волковой, был комитетом или кружком вольнослушательниц академии, подобно тому, какой сложился позже в среде слушательниц Аларчинских курсов.

Не менее значимы для реконструкции биографии нашей героини два документа из дела № 362. Первый документ — записка: «В редакцию журнала *Учитель*. На углу Большого проспекта и 8 линии, дом *Гедике*, на Васильевском острове. *Анне Федоровне Волковой*»⁶². Второй — короткое деловое письмо Волковой от Ф. Ф. Резенера (1825–1881) — одного из авторов журнала, видного педагога и писателя, члена Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе.

Какую должность исполняла А. Ф. Волкова в «Учителе» и была ли она автором издания, нам пока не удалось выяснить. Однако сам факт ее сотрудничества в редакции журнала важен. Издателем и редактором педагогического ежемесячника был И. И. Паульсон (1825–1898) — один из виднейших деятелей народного просвещения в дореволюционной России, входивший, среди прочего, и в круг попечителей Аларчинских курсов.

Безусловно, знакомство и плодотворное сотрудничество с А. Н. Энгельгардтом и Н. В. Стасовой связывают Волкову и с Анной Николаевной Энгельгардт (1838–1903). В частности, Энгельгардт стояла у истоков Общества (артели) переводчиц, наряду с самой Стасовой, Н. А. Белозерской, Е. Г. Бекетовой, Е. А. Штакеншнейдер и многими другими. «Консультантами и рецензентами переводческой артели выступали <...> А. М. Бутлеров, А. Н. Бекетов, В. В. Стасов, И. М. Сеченов, М. Е. Салтыков-Щедрин»⁶³.

Салтыков-Щедрин — дальний родственник и друг Энгельгардтов — сыграл особую роль в судьбе Анны Николаевны. Прежде всего, Щедрин поддержал ее после ареста и высылки мужа⁶⁴. В 1873 г. под редакци-

⁶⁰ Там же. Л. 41.

⁶¹ Там же. Л. 30.

⁶² Там же. Л. 73.

⁶³ *Баренбаум И. Е.* Из истории русских прогрессивных издательств 60-х — 70-х гг. XIX века (женская издательская артель М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой) // Книга. 1965. Вып. 11. С. 231.

⁶⁴ См., например, письмо в комитет Литературного фонда от 9 апреля 1871 г. (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1976. Т. 18. Кн. 2. С. 79–80).

ей Щедрина Энгельгардт работала над переводом романа Дж. Элиот «Миддлмарч». По версии Э.И. Мазовецкой, писатель воспользовался своими связями, чтобы вывести Энгельгардт из-под удара после заточения в крепость Н.А. Серно-Соловьевича⁶⁵. Для нашего исследования связь семейства Энгельгардтов с Салтыковым-Щедриным ценна именно тем, что в день ареста на квартире профессора Земледельческого института находят стенограмму отрывка из романа «Идиот» — произведения, которое, как известно, заслужило комплименты Щедрина в его рецензии на роман И.В. Омулевского «Шаг за шагом»⁶⁶. Рецензия будет опубликована лишь в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1871 г., но реакция Щедрина на роман Достоевского могла быть известна Анне Николаевне Энгельгардт задолго до этого момента.

Глубокие, дружеские взаимоотношения Анны Энгельгардт и Ф.М. Достоевского — не тайна для литературоведов. Однако основными источниками, по которым мы можем воссоздать картину этих взаимоотношений, остаются мемуары Е.А. Штакеншнейдер⁶⁷, письмо самой А.Н. Энгельгардт Достоевскому, рассказы Достоевского о встречах с Энгельгардт в письмах к жене (30, 171, 174) и экземпляр «Братьев Карамазовых» с дарственной надписью автора (30, 65). Как в доме Энгельгардтов появилась стенограмма и кто ее составлял, мы пока не знаем. Однако появление этого документа с высокой степенью вероятности — проявление особого отношения хозяйки дома к Достоевскому. И даже если речь идет о стенографировании ради упражнения, чтобы «набить руку», выбор текста должен считаться «говорящим» — ведь стенографист мог выбрать для этой цели абсолютно любой текст, но выбрал этот.

Возвращаясь к материалам комиссии Ланского, следует признать показания Анны Энгельгардт относительно Волковой недостоверными. В изложении Энгельгардт отношения молодой ученой с их семьей были сугубо деловыми: девушка пользовалась лабораторией, снимала жилье и брала уроки у хозяина дома за 15 рублей в месяц. В счет этих 15 рублей она исполняла обязанности домашней учительницы для сына Энгельгардтов Михаила. «С Волковой я виделась только за завтраком и за обедом, а в остальное время мы никогда не бывали вместе, так что хотя я и жила с ней под одной крышей, но очень мало, в сущности, знаю ее»⁶⁸. Сложно поверить в то, что, имея столь много общих интересов и устремлений, две женщины нигде более не встречались и не общались между собой.

Имели ли шанс познакомиться Волкова и чета Достоевских, вопрос открытый. Что мы знаем наверняка, это то, что в конце 1870 г.

⁶⁵ Мазовецкая Э.И. Анна Энгельгардт. С. 48–49.

⁶⁶ См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 412–413. См. также: Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. С. 451.

⁶⁷ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М., 1934. С. 437–440.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 194 об. — 195.

писатель находится в Дрездене, где интенсивно работает над замыслом «Жития великого грешника»⁶⁹ и, конечно, следит за политической жизнью на родине. Хорошо известна принципиальная позиция писателя по женскому вопросу и его горячее сочувствие новому поколению женщин, заявившему о себе в пореформенную эпоху, личное знакомство с сестрами Корсини и Н. П. Суловой, длительные и сложные отношения с ее сестрой Аполлинарией⁷⁰. Наконец, отдельная большая тема — это фигура Достоевского в контексте разнообразных народнических течений. Стереотипный идеологический портрет писателя, как правило, предполагает такие черты, как консерватизм, «*антиингилизм*», известные симпатии к славянофильским доктринам. Однако еще А. С. Долинин поднимал вопрос о возможности сблизить между собой антикапиталистический пафос публицистики Достоевского и народников⁷¹. Мысль Долинина подхватывает и заостряет А. Валицкий, для которого консервативный антибуржуазный утопизм Достоевского и революционный антибуржуазный утопизм народников — две стороны одной медали. Польский историк находит параллели даже между отдельными местами из Достоевского и из Маркса⁷². Попытки рассмотреть взгляды писателя сквозь призму консервативного народничества, впрочем, предпринимались еще его современниками⁷³.

Учение А. Н. Энгельгардта, к практическому осуществлению которого он приступил в своем батищевском заточении, по всей вероятности, занимало Достоевского. Став живым знаменем так называемого *культурного народничества*, Энгельгардт призывал к диалогу между интеллигенцией и крестьянством, при котором крестьянин учится быть грамотным хозяином на своей земле, а интеллигент вливается в крестьянскую массу, овладевает азами земледельческого труда и сам привносит в деревню знания и культурные ценности. Мы знаем, что в середине апреля 1878 г. Достоевский делает пометку: «*Прочесть <...> Энгельгардта из деревни*» (27, 115). Несомненно, это намерение не было спонтанным — оно возникло в начале работы над «Братьями Карамазовыми» и явилось результатом размышлений и поисков. Таким образом, можно говорить не только о биографических, но и об идейных нитях, связующих между собой писателя и семейство Энгельгардтов.

---

⁶⁹ См., например, письма Достоевского к Н. Н. Страхову от 9 (21) октября и 2 (14) декабря 1870 г. (29₁, 148–153).

⁷⁰ См., например: *Сосновская О. А.* Вольнослушательницы университетов начала 1860-х годов из окружения Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2017. №4. С. 57–77.

⁷¹ *Долинин А. С.* Достоевский и Герцен [1922] // *Долинин А. С.* Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 121.

⁷² См.: *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 619–623.

⁷³ См., например: *Оболенский Л. Е.* Народники и г. Достоевский, бичующие либералов [1880] // *Культурное народничество 1870–1900-х гг.: хрестоматия*. Воронеж, 2016. С. 62–64.

Именно в этом кругу мы обнаруживаем осенью–зимой 1870 г. А.Ф. Волкову. Именно в этом кругу появляется стенографический документ, требующий, как мы надеялись показать, специального исследования.

В финале наших размышлений над темой хотелось бы выделить еще один существенный аспект изучения «волковской стенограммы». Расшифровав этот текст, определив, какая стенографическая система была использована при записи, кем и какой фрагмент романа застенографирован, мы вплотную подойдем к проблеме *рецепции* идей и творчества Ф.М. Достоевского в среде шестидесятников. Эта проблема представляется одной из самых трудных, что придает указанному тексту документу особое значение. Не только сам писатель оказывался в сложных отношениях отталкивания-притяжения с народническим идеалом, но и представители народнического поколения порой испытывали потребность в Достоевском. Достаточно вспомнить переписку с ним А.П. Прибылевой-Корбы в 1876–1877 гг.⁷⁴

Должна существовать причина, по которой и А.Ф. Волкова — талантливая ученая, бескорыстный педагог и сотрудница педагогической прессы, инициативная участница женского движения, обратилась к роману Ф.М. Достоевского.

Наша задача на сегодняшний день — найти пропущенное логическое звено между двумя точками.

Библиографический список

- Андреанова И. С., Сосновская О. А.* Стенографическая система Анны Достоевской: Проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 1.
- Аптекман О. В.* Зачатки культурного народничества в 70-х годах // *Историко-революционный сборник*: В 3 т. М.; Пг., 1924. Т. 1.
- Баренбаум И. Е.* Из истории русских прогрессивных издательств 60-х — 70-х гг. XIX века (женская издательская артель М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой) // *Книга*. М., 1965. Вып. 11.
- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русско-славянофильства. М., 2019.
- Валькова О. А.* Штурмующая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М., 2019.
- Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911.
- Володин А. И., Итенберг Б. С.* Лавров. М., 1981.
- Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева* — первая русская женщина — доктор медицины. М., 1965.
- Долинин А. С.* Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // *Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе*. Л., 1989.

---

⁷⁴ См.: *Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 1996. Т. 12. С. 227–237.

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 27, 29₁, 30₁, 30₂.
- Ильина А. А.* История библиотеки Черкесова. СПб., 1995.
- Кириллов В. Л.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. М., 2016.
- Козьмин Б. П.* Артельный журнал «Век» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961.
- Коленко А.* Воспоминания о Петербургском Земледельческом и Лесном институте в период времени 1869 и 1870 гг. // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1929. Вып. 37.
- Корнилова-Мороз А. И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986.
- Кулябко-Корецкий Н. Г.* Из давних лет: воспоминания лавриста. М., 1931.
- Кучеров М.* Памяти П. А. Лачинова // Журнал русского физико-химического общества. 1892. Т. 24. Вып. 8.
- Мазовецкая Э. И.* Из истории переводов Э. Золя в России (А. Н. Энгельгардт) // Русская литература. 1974. № 1.
- Мазовецкая Э. И.* Анна Энгельгардт. СПб., 2001.
- Медведский Н.* Очерки по истории участия Лесного института в революционном движении. За четыре десятилетия // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1929. Вып. 37.
- Мечников И. И.* Этюды оптимизма. М., 1988.
- Мусабегов Ю. С.* Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). М., 1967.
- Мусабегов Ю. С.* Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3.
- Неизданные письма к Достоевскому / Подг. и комм. С. А. Ипатовой, А. В. Архиповой // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12.
- Нечуятов П. Я.* Александр Николаевич Энгельгардт. Очерк жизни и деятельности. Смоленск, 1957.
- Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 3: 1866–1877.
- Оболенский Л. Е.* Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Культурное народничество 1870–1900-х гг.: хрестоматия. Воронеж, 2016.
- Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 9, 18. Кн. 2.
- Сосновская О. А.* Вольнослушательницы университетов начала 1860-х годов из окружения Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4.
- Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.
- Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследование. [Электронный ресурс]. URL: https://petrus.ru/page/science/science_projects/stenograficheskie-zapisi-a-g-dosto (дата обращения: 31.07.2019).
- Троицкий Н. А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018.
- Фаресов А. И.* Александр Николаевич Энгельгардт // Фаресов А. И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905.
- Чайковский Н. В.* Религиозные и общественные искания. Париж, 1929.

- Шелгунов Н. В.* Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1.
- Штакенинейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М., 1934.
- Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. СПб., 1999.
- Юрьев М. М.* Памяти Петра Григорьевича Лосева // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1927. Вып. 35.
- Creese M. R. S.* Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // Bulletin for the History of Chemistry. 1998. Т. 21.

Kravchuk I. A.

WHAT CAN “THE VOLKOVA’S STENOGRAPH” TELL?

Key words: F. M. Dostoevsky, GA RF, “The Idiot”, stenograph, A. F. Volkova, A. N. Engelhardt, women’s movement, reception, Russian populism.

The article considers the problem of textological and historico-literary interpretation of the Dostoevsky’s novel’s “The Idiot” anonymous shorthand record which resides in the State Archive of the Russian Federation (GA RF). The stenograph still remains undeciphered. The record is found in the case of Anna Fyodorovna Volkova — a young woman, who was an externe in the chemistry lab of the professor Alexander Engelhardt and was arrested together with him and his wife Anna Engelhardt. The article partly reconstructs the biography of Volkova, as well as her personal connections with the Engelhardt family; also the rest case papers of the Saint-Petersburg Agricultural Institute (School of Forestry) are considered. The author substantiates the necessity of decipher and further examination of the record for it is a valuable source that tells us about the Dostoevsky’s reception by the men of the sixties.

References

- Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Stenograficheskaya sistema Anny Dostoevskoj: problema deshifrovki. *Neizvestnyj Dostoevskij*. 2018. N 1. P. 43–67.
- Aptekman O. V. Zachatki kul’turnogo narodnichestva v 70-kh godakh. *Istoriko-revoljucionnyj sbornik: In 3 vol.* Vol. 1. Moscow, Petrograd, 1924.
- Barenbaum I. E. Iz istorii russkikh progressivnykh izdatel’stv 60-kh — 70-kh gg. XIX veka (zhenskaya izdatel’skaya artel’ M. V. Trubnikovoj i N. V. Stasovoj). *Kniga*. Iss. 11. Moscow, 1965. P. 223–241.
- Creese M. R. S. Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova. *Bulletin for the History of Chemistry*. 1998. Т. 21. P. 19–24.
- Dionesov S. M. *V. A. Kashevarova-Rudneva — pervaya russkaya zhenshhina — doktor meditsiny*. Moscow, 1965.
- Dolinin A. S. Dostoevskij i Gertsen (K izucheniyu obshhestvenno-politicheskikh vozzrenij Dostoevskogo). Dolinin A. S. *Dostoevskij i drugie: Stat’i i issledovaniya o russkoj klassicheskoj literature*. Leningrad, 1989.

- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vol.* Leningrad, 1972–1990. Vol. 27, 29 (2), 30 (1, 2).
- Engel'gardt A. N. *Iz derevni. 12 pisem.* St. Petersburg, 1999.
- Faresov A. I. Aleksandr Nikolaevich Engel'gardt. *Faresov A. I. Semidesyatniki. Ocherki umstvennykh i politicheskikh dvizhenij v Rossii.* St. Petersburg, 1905.
- Il'ina A. A. *Istoriya biblioteki Cherkasova.* St. Petersburg, 1995.
- Kirillov V. L. *Revoljucionnyj terrorizm, kotorogo ne bylo: Tajnoe obshhestvo "Smorgonskaya akademiya" v rusском revoljucionnom dvizhenii 1860-kh gg.* Moscow, 2016.
- Kolenko A. Vospominaniya o Peterburgskom Zemledel'cheskom i Lesnom institute v period vremeni 1869 i 1870 gg. *Izvestiya Leningradskogo Lesnogo instituta.* Iss. 37. Leningrad, 1929.
- Kornilova-Moroz A. I. Perovskaya i kruzhok chajkovtsev // *Revoljucionery 1870-kh godov: Vospominaniya uchastnikov narodniceskogo dvizheniya v Peterburge.* Leningrad, 1986.
- Koz'min B. P. Artel'nyj zhurnal "Vek". Koz'min B. P. *Iz istorii revoljucionnoj mysli v Rossii. Izbrannye trudy.* Moscow, 1961.
- Kucherov M. Pamyati P. A. Lachinova. *Zhurnal Russkogo Fiziko-Khimicheskogo obshhestva.* 1892. Vol. 24. Iss. 8.
- Kulyabko-Koretskij N. G. *Iz davnikh let: vospominaniya lavrista.* Moscow, 1931.
- Mazovetskaya E. I. *Iz istorii perevodov E. Zolya v Rossii (A. N. Engel'gardt). Russkaya literatura.* 1974. N 1.
- Mazovetskaya E. I. *Anna Engel'gardt.* St. Petersburg, 2001.
- Mechnikov I. I. *Etyudy optimizma.* Moscow, 1988.
- Medvedskij N. Ocherki po istorii uchastiya Lesnogo instituta v revoljucionnom dvizhenii. *Za chetyre desyatiletija. Izvestiya Leningradskogo Lesnogo instituta.* Issue XXXVII. Leningrad, 1929.
- Musabekov Yu. S. Pervye russkie zhenshiny-khimiki. *Khimiya i zhizn'.* 1968. N 3.
- Musabekov Yu. S. *Yuliya Vsevolodovna Lermontova (1846–1919).* Moscow, 1967.
- Nechuyatov P. Ya. *Aleksandr Nikolaevich Engel'gardt. Ocherk zhizni i deyatel'nosti.* Smolensk, 1957.
- Neizdannye pis'ma k Dostoevskomu. *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya.* Vol. 12. St. Petersburg, 1996.
- Nikitenko A. V. *Dnevnik: V 3 t. T. 3. 1866–1877.* Moscow, 1956.
- Obolenskij L. E. Narodniki i g. Dostoevskij, bichuyushhie liberalov. *Kul'turnoe narodniceskoe 1870–1900-kh gg.: khrestomatiya.* Voronezh, 2016.
- Panteleev L. F. *Vospominaniya.* Moscow, 1958.
- Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenij: In 20 Vol.* Moscow, 1965–1977. Vol. 9, 18 (2).
- Shelgunov N. V. Vospominaniya. *Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhajlov M. L. Vospominaniya: In 2 vols.* Vol. 1. Moscow, 1967.
- Shtakenshejder E. A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886).* Moscow, 1934.
- Sosnovskaya O. A. Vol'noslushatel'nitsy universitetov nachala 1860-kh godov iz okruzheniya Dostoevskogo. *Neizvestnyj Dostoevskij.* 2017. N 4.
- Stasov V. V. *Nadezhda Vasil'evna Stasova. Vospominaniya i ocherki.* St. Petersburg, 1899.

- Stenograficheskie zapisi A. G. Dostoevskoj: Novye materialy i issledovaniya* (URL: https://petsru.ru/page/science/science_projects/stenograficheskie-zapisi-a-g-dostoevskoi).
- Tchajkovskij N. V. *Religioznye i obshhestvennye iskanija*. Paris, 1929.
- Troitskij N. A. *Sof'ya L'vovna Perovskaya. Zhizn'. Lichnost'. Sud'ba*. Moscow; Saratov, 2018.
- Val'kova O. A. *Shturmuya tsitadel' nauki: zhenshiny-uchenye Rossijskoj imperii*. Moscow, 2019.
- Vodovozova E. N. *Na zare zhizni. Vospominaniya*. St. Petersburg, 1911.
- Volodin A. I., Itenberg B. S. *Lavrov*. Moscow, 1981.
- Walicki A. *V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva*. Moscow, 2019.
- Yur'ev M. M. Pamyati Petra Grigor'evicha Loseva. *Izvestiya Leningradskogo Lesnogo instituta*. Iss. 35. Leningrad, 1927.

С. С. БЫТКО*

О «ХОЗЯЙКЕ» И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (К ТЕМЕ «ДОСТОЕВСКИЙ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО»)

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Хозяйка», староверие, старообрядцы, раскол, русские секты, идеология, церковь.

В статье рассмотрен вопрос о различии терминов «раскол» и «сектантство» в творчестве Ф. М. Достоевского. Автор полемизирует с устоявшимся представлением о синонимичности этих понятий и доказывает, что писатель видел существенные различия между ними. Особое внимание в статье уделено переосмыслению конфессиональной принадлежности героев повести «Хозяйка». Ставится под сомнение версия об их принадлежности к русскому сектантству.

Будучи весьма примечательным религиозным, экономическим и отчасти политическим явлением, старообрядчество было одним из ярких феноменов российской действительности XVII–XX вв. Наибольшее же внимание широкой общественности это религиозно-культурное явление стало привлекать с начала 1860-х гг. Именно тогда формируется так называемый «светский» взгляд на проблему староверия; все меньшую роль в публицистике начинает играть обличительная церковная полемика с «ревнителями древлего благочестия». Определенный интерес к «раскольникам» испытывает российская иммиграция революционного толка, а также формирующаяся социалистическая оппозиция внутри страны. Все большее отражение проблема инославия начинает находить в творчестве крупнейших российских писателей: Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, П. И. Мельникова-Печерского, Л. Н. Толстого и др.¹

Ранее к теме «Достоевский и раскол» обращались И. А. Аврамец, Г. Л. Боград, Н. Ф. Буданова, О. Г. Дилакторская, Т. С. Карпачева, Л. Н. Цой. Большая часть названных авторов концентрировалась исключительно на проблематике сектантства в сочинениях Достоевского, другие же вовсе избегали конкретизации понятия «раскол» в своих

---

* Сергей Станиславович Бытко, аспирант Нижневартковского государственного университета — labarum92@rambler.ru.

¹ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. С. 21.

работах. В работах К. А. Баршта было уделено внимание влиянию, которое испытал Достоевский со стороны протопопа Аввакума и его последователей, исследователем сформулирована мысль о тяжелой недооцененности религии и общественной практики староверов в роли фундамента для формирования идеологии почвенничества².

В современной достоевистике известно об интересе, который проявлял Федор Михайлович к представителям различных религиозных движений, альтернативных официальному православию. Так, часть исследователей считает началом данных исканий «петрашевские» годы писателя, когда он, по свидетельству современников, даже искал сближения со староверами³. По версии Г. Л. Боград, интерес Достоевского к иноверию возник еще в юные годы⁴. Так, во время его учебы в Главном инженерном училище среди воспитанников бытовали легенды о радении некоей секты «людей божьих» в Михайловском замке до открытия в нем учебного заведения (22, 99). Данная версия находит подтверждение в «Дневнике писателя», однако вряд ли можно думать, что подобного рода юношеское любопытство было сколько-нибудь глубоким чувством, имевшим серьезные последствия для дальнейшего увлечения Достоевского этой тематикой.

Более осознанно к проблеме русского раскола писатель начал подходить лишь в годы каторги, где он приобрел личные знакомства с многочисленными узниками из числа старообрядцев и мог наблюдать их неоднозначные характеры «в естественных условиях». В 1860-х гг. его интерес лишь усилился под влиянием обширных изменений в жизни российского общества (политика веротерпимости Александра II, отмена крепостного права, всплеск дискуссий в литературе и журналистике). Напомним, что в 1863 г. появилась небезызвестная «Записка о пересмотре законодательства о раскольниках» за авторством П. А. Валуева. Именно в этом документе была предпринята попытка либерализировать государственное законодательство в отношении староверов, тем самым подготавливалась почва для введения веротерпимости, произошедшего в 1905 г.⁵ Именно в 1860-е гг. библиотека великого русского мыслителя пополняется литературой об истории раскола⁶. Однако, как

---

² Баршт К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. Vol. XXIV. Pisa; Roma, 2017. P. 37–38, 42.

³ Стоян М. Раскольники в «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой // *Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 141.

⁴ Боград Г. Л. Предположения о Смердякове (к вопросу об отношении Достоевского к расколу) // *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 2007. Т. 18. С. 162.

⁵ Палкин А. С. Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П. А. Валуевым в 1863 году // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2017. Вып. 4 (20). С. 11.

⁶ Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005. С. 11, 19.

справедливо отмечает Л. Н. Цой, «концепция раскола» в своих общих чертах сложилась у Федора Михайловича еще в 1840-е — 1850-е гг., оставаясь весьма сложной и неоднородной до самого конца жизни писателя⁷. Одновременно исследовательница стремится показать процессы переосмысления Достоевским явлений, наблюдаемых в расколе. На наш взгляд, сложно говорить о каком-либо «новом понимании» старообрядчества применительно к каждому этапу творчества писателя. Все наблюдаемые изменения были столь незначительны, что можно вести речь не более чем об «оттачивании» взглядов, их незначительной эволюции.

Увлеченность Федора Михайловича старообрядчеством в 1870-е гг. была в значительной мере обусловлена его членством в Петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения⁸. Так, под влиянием богослова Т. И. Филиппова Достоевский загорается идеей преодоления раскола в русском православии. Средством для этого он видит восстановление принципа соборности в официальной церкви, созыв нового Собора и отмену клятв 1667 г. Воссоединение противостоявших ветвей православия, по мнению писателя, было обусловлено необходимостью преодоления пороков, процветавших среди участников обеих сторон конфликта. Для староверов это — нетерпимость и высокомерие, для сторонников официальной иерархии — утрата «чистоты и силы религиозного чувства»⁹.

К настоящему времени исследователям удалось установить, что помимо личного общения с «раскольниками», изучения апокрифических текстов, христианско-мифологической традиции, сборников народной поэзии, а также многочисленных публикаций в прессе, существенную роль в формировании представлений Достоевского о староверах сыграла специальная научная и публицистическая литература¹⁰. Выяснено, что Федор Михайлович был знаком с работами таких авторов, как Н. Я. Аристов, А. И. Бровкович, М. П. Булгаков, Г. В. Есипов, А. М. Иванцов-Платонов, В. И. Калатузов, В. И. Кельсиев, Н. И. Костомаров, П. И. Леднев, Ф. В. Ливанов, С. В. Максимов, П. И. Мельников-Печерский, И. Ф. Нильский, А. Н. Пыпин, Н. И. Субботин, И. Ф. Филиппов, Т. И. Филиппов, А. П. Щапов¹¹.

⁷ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 33.

⁸ Буданова Н. Ф. Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седмицах Данииловых» (новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 86.

⁹ Викторovich В. А. Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2004. № 20. С. 13, 16.

¹⁰ Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 374.

¹¹ Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. С. 125, 208, 267, 280, 282–283; Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 5–6, 50, 61.

Более того, в журнале «Время» М. М. и Ф. М. Достоевские не раз помещали рецензии на книги об истории старообрядчества и старообрядческой книжности, которые имели своей целью оправдание староверия и защиту его приверженцев от церковных публицистов. В частности, в одном из номеров разрушительной критике подверглась небезызвестная работа епископа Никанора (в миру А. И. Бровковича) «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола», осуждавшая и высмеивавшая литературное наследие старообрядцев¹². Весьма отчетливое намерение защищать раскольников Достоевский обнаруживает и в своих рабочих тетрадях к «Дневнику писателя» за 1876 г. Писатель негодует, узнав о возмутительном случае преследования староверов, которому сопутствовали разгром молельной и поругание образов (24, 189, 459). Как указывает О. Д. Журавель, порой среди писателей рубежа XIX–XX вв. староверие считалось одним из частных проявлений сектантства. Зачастую подобный подход приводил к «терминологической неразличимости раскола и сектантства»¹³. Из отечественной литературы данный методологический принцип перекочевал и в научное литературоведение.

Так, В. А. Туниманов еще в 1971 г., намеренно или непреднамеренно, избегает проведения ясной черты между раскольниками, бегунами и хлыстами в творчестве Достоевского¹⁴. Исследователи более позднего времени оставляют данный подход без пересмотра, продолжают обращаться к нему вплоть до нынешнего времени. Согласно Г. Л. Боград, «понятие “раскол” объединяло старообрядцев и сектантов различного толка»¹⁵. Попытку развернутого рассмотрения данного вопроса предприняла Л. Н. Цой. Полагая, что первоначально слово «раскол» ассоциировалось лишь с противниками церковной реформы Никона, исследовательница обращается к случаям уклонения отдельных старообрядческих согласий в еретические проявления, что, с ее точки зрения, все же является основанием для использования понятия «раскол» в его широком смысле¹⁶.

Подобный подход, на наш взгляд, не всегда оправдан применительно к творчеству Достоевского. Альтернативную точку зрения мы попытались изложить в одной из своих предыдущих работ, продемонстрировав расхождения в интерпретации Достоевским явлений старообрядчества

---

¹² *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 197.

¹³ *Журавель О. Д.* Старообрядческое сочинение 1909 года о человеке: истоки, контекст // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Сер. История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2. С. 147.

¹⁴ *Туниманов В. А.* Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 45.

¹⁵ *Боград Г. Л.* Предположения о Смердякове. С. 161.

¹⁶ *Цой Л. Н.* Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 9–11.

и русского сектантства. Так, нами указывалось, что Федор Михайлович придерживался преимущественно крайне негативного мнения о русских сектах (особенно рационалистического толка), в то время как старообрядцы вызывали у него весьма смешанные чувства¹⁷.

В этом контексте следует обратить внимание еще на несколько публицистических работ Достоевского, посвященных отклонениям от официального православия. Так, при обсуждении вопроса о сохранении и адаптации древнерусской духовной культуры, игравшего немаловажную роль в выстроенной писателем религиозно-философской системе, Федор Михайлович избегал обращаться к теме сектантства, по всей видимости, не признавая за ним права наследования сокровенной русской архаике (20, 5–22). В. С. Нечаева также отмечает, что для Достоевского и его окружения было характерно обнаруживать черты древнерусской интеллектуальной культуры у некоторых раскольников. В свою очередь, анализируя содержание журнала «Эпоха», исследовательница отмечает, что все опубликованные в нем очерки показывали русское сектантство как весьма негативное явление, для приверженцев которого характерны половая распущенность, стремление к легкой наживе, интеллектуальное невежество¹⁸.

По всей видимости, именно поэтому в статьях, посвященных сектантской проблематике, писатель не допускает использования понятия «раскол». Отдельные случаи употребления этого термина происходят из желания Достоевского наделить сектантов атрибутами, характерными для староверов, как то закрытость, обособленность, непреклонность (22, 98–99; 25, 9–12). Отметим, что сам писатель весьма холодно относился к подобным проявлениям старообрядческого менталитета, называя последние нравственной «узостью» (24, 225). В то же время нередкие случаи пересечения понятий «раскол» и «сектантство» в творчестве писателя были каждый раз обусловлены желанием Достоевского обратиться к феномену народной стихии, откуда, несмотря на все свои различия, вели общее происхождение и сектанты, и старообрядцы. Примечательно, что К. А. Баршт в рукописях к роману «Преступление и наказание» обнаруживает каллиграфически написанное слово «Schisme» (*фр.* раскол). Отрицательная коннотация этого слова, по мнению исследователя, оказала непосредственное влияние на имя главного героя и сюжет всего произведения¹⁹, сверхидея которого заключается в преодолении Раскольниковым своей разобщенности (раскола) с чуждым ему мирозданием.

---

¹⁷ *Бытко С. С.* Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск, 2017. Вып. 1. С. 4.

¹⁸ *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 112–113.

¹⁹ *Баршт К. А.* Каллиграфическое письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и наказание» // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3. С. 40.

Следует также указать на этимологическую несообразность отнесения к расколу многочисленных сект, бытовавших в России XIX в., так как само понятие «раскол» предполагает разобщение единого «тела церкви», обособление ветвей при наличии у них общего — канонической и иерархической преемственности от древних автокефальных церквей. В свою очередь, движения духоборов, скопцов, хлыстов, субботников, молокан и им подобных не претендовали на «апостольскую преемственность», противопоставляя себя догме и «омертвевшему слову», укоренившимся в традиционной обрядности, выбирая взамен путь изменчивости и интуитивности. Таким образом, с нашей точки зрения, представляется целесообразным определение границ между понятиями «старообрядчества» и «сектантства» для нужд современного достоевведения. При необходимости же использования обобщающей терминологии, вероятно, можно использовать более нейтральные определения — «иноверие» или «инакововерие», применимые к обеим ранее упомянутым конфессиональным группам.

В повести Достоевского «Хозяйка» налицо насыщенность текста аллюзиями и подтекстами, связанными с темой иноверия. Несмотря на то что данное произведение часто оказывается объектом исследовательского внимания, конфессиональная принадлежность персонажей этого произведения остается невыясненной. В достоевческой литературе выделяются два основных этапа трактовки данного произведения. Для первого, длившегося вплоть до конца 80-х гг. XX в., характерно восприятие Катерины и Мурина как членов некой старообрядческой общины²⁰. Отметим, что подобный взгляд находит отражение и в некоторых современных работах, хотя и не имеет широкой поддержки²¹. Принято также считать, что прежде исследователи недостаточно отчетливо подкрепляли свои выводы и называли героев староверами «без всяких пояснений»²². Вместе с тем еще в 1971 г. З.Г. Минц отстаивала принадлежность Катерины к старообрядцам на основе ее волжского происхождения²³. Ведь уже со времен Екатерины II именно течение Волги ассоциировалось в народном сознании с местами традиционного проживания «старолюбцев»²⁴.

---

²⁰ *Карпачева Т. С.* Осмысление общественной опасности сект и нарушений прав человека в нетрадиционных религиозных объединениях в творчестве Ф. М. Достоевского, П. И. Мельникова-Печерского и публицистике XIX в. // Актуальные вопросы изучения светской и духовной словесности. М., 2017. С. 192.

²¹ *Ягих М.* Образ Конта в рассказе Ф. М. Достоевского // Positivism: Secular, Social, Scientific. URL: <http://positivists.org/blog/archives/2281> (дата обращения: 31.07.2019).

²² *Двойникова Т. Ф.* Образ Катерины («Хозяйка» Ф. М. Достоевского): итоги и перспективы изучения // Методсовет. URL: <https://sites.google.com/site/metodsovet09/konferencia-pps-20-01-10/sekcia-2/dvojniskova-t-f-1> (дата обращения: 31.07.2019).

²³ *Минц З. Г.* Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 238.

²⁴ *Бытко С. С.* «Степан Степаных своих не покинет», или Тайный старообрядец в должности городского головы (к биографии Л. С. Масленникова) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 2 (6). С. 20.

Новый этап изучения этого вопроса берет свое начало на рубеже 1980–1990-х гг. и продолжается по сей день. В его рамках центральных героев произведения принято отождествлять с представителями русских мистических сект (скопцами или хлыстами)²⁵. Большинство современных специалистов разделяет именно эту точку зрения, однако и в их среде имеются существенные разногласия. Так, О. Г. Дилакторская наиболее последовательно отстаивает «скопческое» происхождение Катерины и Мурина²⁶. Другие исследователи весьма осторожно подходят к обозначенной проблематике, отказываясь проводить точную конфессиональную «идентификацию» литературных героев и предлагают лишь общие указания на родство их темперамента с русскими ересями²⁷.

Каждая из этих позиций нуждается в обсуждении. Дилакторская приводит несколько достаточно убедительных доказательств в поддержку своей версии. В частности, этимологическая близость фамилии домовладельца Кошмарова, в доме которого квартируют герои повести, с фамилией реального петербургского купца-скопца Ненастьева, а также наличие в этом доме разбойничьего притона (здесь Достоевский, вероятно, обыгрывает газетные публикации, в которых говорилось о накоплении сектантами своих богатств мошенническим путем)²⁸. Интересны, но малоубедительны рассуждения исследовательницы о нападении Мурина на Ордынова с ножом после совместного застолья как аллюзии на обряд оскопления, следовавший за опоем оскопляемого. Столь же малоубедительными кажутся размышления о наличии мастерской гробовщика в доме Кошмарова как свидетельства проводимых там обрядов оскопления, часто имевших летальный исход. Более конкретно о принадлежности к скопцам говорит поэтика цвета в одеянии Катерины и Мурина, подробно рассмотренная исследовательницей, а также многочисленные указания на физическую немощь «колдуна» (бледность, худоба, болезненность и др.)²⁹. Достаточно неясными оказываются и взаимные обращения героев друг к другу. Старик называет Катерину «белой голубкой», что достаточно определенно отсылает нас к представительницам скопческих общин. Она же именует своего супруга просто «голубем» без уточнения цвета. Напомним, что «серыми голубьями» могли именоваться члены хлыстовских общин, называемых ими «кораблями»³⁰.

---

²⁵ Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 60.

²⁶ Там же. С. 59–84.

²⁷ Березкина С. В. О повести Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский*. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 289–290.

²⁸ Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского... С. 62, 77.

²⁹ Там же. С. 69, 72.

³⁰ Эткинд А. М. Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд., сокр. М., 2013. С. 81.

Примечательна немаловажная для сюжетного строя произведения падачая болезнь, которой страдает Мурин. По мнению Дилакторской, данный недуг мог выделить старика из обыкновенной сектантской массы³¹. Эпилепсия традиционно выступает у Достоевского как маркер уникальности героя, независимо от того, «кротким» (Мышкин, Нелли) или «гордым» (Мурин) он предстает перед читателем³². В этой связи необходимо обратиться к еще одному лицу, относящемуся к плеяде «гордых» героев Достоевского, — Павлу Смердякову.

Боград весьма убедительно доказывает принадлежность этого персонажа «скопческой ереси». Свидетельствами тому являются сопричастность Смердякова народной стихии, в которой «заключена не только созидательная, но и разрушительная сила», увлечение Григория (приемного отца Павла) хлыстовщиной, от которой генеалогически и происходят «белые голуби», добросовестность и предприимчивость, так характерные для выходцев из этой секты, да и уже знакомые нам внешние проявления персонажа: чистоплотность, тонкий голос, зябкость, сопровождаемые нелюбовью к женщинам. Неудивительно, что вслед за Дилакторской Боград также высказала предположение о привилегированном положении больного эпилепсией Смердякова в сектантской общине³³.

Стоит ли считать совпадением, что отец другого «гордого» и изверски-жестокоего персонажа в романе «Идиот» характеризуется Достоевским как почитатель скопцов? Речь здесь, конечно же, идет о Парфене Рогожине³⁴ (8, 172–173). Любопытно, что в образе последнего Цой также отмечает косвенные указания на сопричастность сектантству: 1) наем скопцом-меняльщиком квартиры в его доме; 2) скопческая страсть к деньгам, отмеченная Настасьей Филипповной; 3) стремление обложить тело Настасьи Филипповны цветами вслед за убийством как отсылка к почитанию мощей у скопцов³⁵. Более того, князь интересуется, не являлся ли отец Парфена Семеныча выходцем из старообрядцев, на что получает следующий ответ: «Нет, ходил в церковь, а это правда, говорил, что по старой вере правильнее. Скопцов тоже уважал очень» (8, 173). Учитывая же тот факт, что фамилия героя вполне может оказаться отсылкой к старообрядческому Рогожскому кладбищу в Москве³⁶, параллель Мурин — Рогожин оказывается особенно любопытной.

³¹ Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского. С. 68.

³² Напомним, что и сам писатель страдал от припадков «священной болезни», чем зачастую объясняют его мнительность и нелюдимый характер (см. например: Мартынов П. К. Из воспоминаний в «Переломе века» // Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 340–341).

³³ Боград Г. Л. Предположения о Смердякове... С. 161, 164–166, 168.

³⁴ Бытко С. С. Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации. С. 5.

³⁵ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 63–64.

³⁶ Барут К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского. С. 41.

Возвращаясь к историографии «Хозяйки», отметим, что Дилакторская в своих изысканиях зачастую обращается к опыту хлыстовцев, находя в повести недвусмысленные указания на проявления их вероучения. Таковы замечания исследовательницы об инцестных отношениях Мурина с Катериной как частном проявлении свального греха на хлыстовских радениях, «не разбирающих ни возраста, ни уз родства»³⁷. Подобного рода сравнения Катерины с «хлыстовской богородицей» мы видим и в работе Дилакторской³⁸. Однако есть и то, что не дает нам оснований ассоциировать Катерину с «серыми голубями». Так, героине присущи кротость, нежность, печаль, что совершенно не увязывается с образом растленных и властных «хлыстовских богородиц», зафиксированным в работах П. И. Мельникова-Печерского³⁹. Описывая распушенность и порочность героини Натальи Васильевны из рассказа «Вечный муж», автор использует следующее сравнение: «...вела себя как хлыстовская богородица...» (9, 26–27). Т. Ф. Двойшникова также отмечает отсутствие в образе Катерины сколь-либо заметных признаков «инфернальницы». Она не бунтует, подчиняется, отказывается от принятия самостоятельных решений⁴⁰. Весьма любопытны параллели в творчестве Достоевского, в рамках которых сразу три пары персонажей — Мурин — Ордынов, Мышкин — Рогожин, Труссоцкий — Вельчанинов — вступают в борьбу за обладание «хлыстовской богородицей» (буквальной или метафорической).

Таким образом отождествление героев «Хозяйки» с хлыстами и в целом с сектантами не выглядит слишком убедительным. Одним из основных аргументов Дилакторской против «старообрядческого происхождения» Мурина является посещение им церкви, что якобы было невозможно как для представителей поповского, так и беспоповского направлений раскола. Вместе с тем ныне известны многочисленные примеры посещения православных храмов и «внешнего» принятия официальной церкви в целях собственной конспирации не только сектантами, но и некоторыми старообрядцами⁴¹. Предположение исследовательницы об уважительном отношении духовенства к Мурину как щедрому жертвователю на храм также вполне соотносится с образом купцов-староверов, подкуп церковных и государственных чинов для которых в «николаевскую эпоху» стал едва ли не обыденностью⁴². Отметим, что подобные случаи были хорошо

---

³⁷ Карпачева Т. С. Осмысление общественной опасности сект и нарушений прав человека. С. 193.

³⁸ Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского. С. 70–71, 75.

³⁹ Мельников-Печерский П. И. Тайные секты // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; СПб., 1898. Т. 14: С. 279–353.

⁴⁰ Двойшникова Т. Ф. Образ Катерины («Хозяйка» Ф. М. Достоевского): итоги и перспективы изучения.

⁴¹ Немоляки // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 21. С. 451.

⁴² Керов В. В. Предприниматели-старообрядцы и взяточничество в России XIX в.: элементы деловой культуры или гражданская коррупция? // Wschodni Roszhik Humanistychny. 2012. Т. 8. С. 153–154.

известны и самому Федору Михайловичу. В семье Достоевских высоко почитался старообрядец-меценат И. А. Ковылин, оказывавший в свое время покровительство отцу писателя Михаилу Андреевичу⁴³. Так, во второй половине XVIII в. именно этот незаурядный благотворитель полулегальными, а иногда и вовсе незаконными методами смог создать федосеевскую общину при Преображенском кладбище, снабдить ее древними книгами и иконами и даже защитить ее насельников от репрессивной административной машины.

Накрытие головы Катерины покровом, которое осуществил Мурин по окончании молитвы, в свою очередь, вполне можно связать с практикой самоисповеди и деятельности стариков-начетчиков в беспоповских старообрядческих общинах. Явления блуда, проходящие через все сюжетное повествование повести, были не чужды не только сектантам, но и отдельным толкам раскола. О последних Достоевский наверняка мог узнать на страницах церковной печати, представители которой с энтузиазмом доносили до общественности пересуды о сексуальной жизни в старообрядческих общинах⁴⁴.

Давление Мурина на Катерину, в результате которого та постоянно живет в ожидании Страшного суда, в целом характерно для старообрядческой культурной традиции. Произведения апокалиптического жанра, призванные вызвать у читателя состояние эсхатологического ужаса, имели широкое хождение в старообрядческой книжной традиции⁴⁵. Наконец, не раз в тексте повести упомянуто о наличии у Мурина большого количества книг, посредством чтения которых он и «удерживает» Катерину. Дилакторская вынуждена указать на то, что подобное совершенно нехарактерно для сектантов, в категорической форме отвергавших письменную культуру⁴⁶. Об этом знал и Достоевский, вкладывая в уста Катерины слова о том, что «книги человека портят» (1, 277). Такой способ совмещения образа сектантов и староверов весьма любопытен, так как, по утверждению Журавель, отношение к книжной культуре было едва ли не самым характерным маркером, отличавшим сектантов от весьма пестрого, но единого в своем преклонении перед книгой старообрядческого мира. Стоит, однако, отметить, что старообрядчество и сектантство в данном случае не смешиваются в представлении Достоевского. Напротив, писатель заведомо стремится «спаять»

---

⁴³ Барут К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского. С. 41.

⁴⁴ Современное состояние раскола в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 23–24. С. 496.

⁴⁵ Бытко С. С. Poleмическая культура староверов и структура рукописного сборника конца XIX в.: особенности взаимодействия // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 428. С. 75.

⁴⁶ Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского. С. 68; Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 11.

здесь два явления, всю разницу между которыми прекрасно осознает. Так, по мнению ряда исследователей, герои литературных произведений могли заведомо наделяться чертами как сектантов, так и раскольников в процессе создания авторского мифа⁴⁷.

Примечательно, что указанные ранее физические характеристики Мурина, обнаруживающие его принадлежность к скопцам, перечеркиваются одной деталью — «длинной, тонкой, полуседой бородой» (1, 268). Полное отсутствие у мужчин-скопцов бороды или же наличие на лице лишь незначительной растительности демонстрируют многочисленные фотографии и литографии второй половины XIX в. Имей Достоевский своей целью показать читателю в «колдуне» лишь скопческого вероучителя, данная деталь описания наверняка подверглась бы значительному изменению. Наконец, страстность натуры старика, его лихорадочная одержимость эротическим влечением, а также факты сожительства с Катериной и ее матерью вряд ли могли быть возможны для Мурина-скопца. В свою очередь, И. А. Аврамец видит во внешней слабосильности Мурина отголоски не реалистических, а романтических мотивов. В частности, старик у нее ассоциируется с «демоном», который, искушая свои жертвы, сам терпит гнев злого рока⁴⁸. Подобное толкование вполне допустимо, учитывая хотя бы то обстоятельство, что ряд специалистов вовсе рассматривают происходящие в повести события как бред в воспаленном воображении Ордынова⁴⁹.

Научное сообщество высказывает достаточно полярные взгляды относительно предложенной Дилакторской интерпретации. Часть исследователей солидарны с ней и продолжают оспаривать «старообрядческое» происхождение героев. Так, С. В. Березкина указывает на то, что старообрядцы не подвергались ссылке в монастырь на покаяние. Мурин же был отправлен туда за попытку самоубийства и покушение на убийство⁵⁰. Другие авторы заняты поиском «неслыханок» в работах самой Дилакторской. Так, в 2009 г. И. И. Евлампиев подверг критике выводы исследовательницы, указав на то, что этнографическая точность не была основной задачей Достоевского при написании повести. Сектанты же и старообрядцы интересовали писателя как носители определенных религиозных тенденций⁵¹. С подобным выводом сложно

---

⁴⁷ Журавель О. Д. Старообрядческое сочинение 1909 года о человеке: истоки, контекст. С. 148.

⁴⁸ Аврамец И. А. «Портрет» Н. В. Гоголя и «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме типологического родства) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1983. Вып. 620: Типология литературных взаимодействий. С. 46–47.

⁴⁹ Бем А. Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского). Ижевск, 2012. С. 6.

⁵⁰ Березкина С. В. О повести Достоевского «Хозяйка». С. 292–293.

⁵¹ Евлампиев И. И. Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2009. № 2 (6). С. 134.

не согласиться, учитывая тот факт, что сходные мысли выражала и сама Дилакторская⁵².

Но на какие именно «тенденции» стремится указать Достоевский в своем художественном произведении? Ответом может стать общая сопричастность староверия и мистических ересей духу уже упомянутой ранее «народной стихии». Не секрет, что ко второй половине XIX — началу XX в. хлыстовство, для многих современников являвшееся едва ли не синонимичным понятию «сектанство», было третьей по численности адептов верой русского народа (после официального православия и старообрядчества)⁵³. Сам писатель, не принимая сектанства, ценил его как особую форму духовного творчества народа. Что же касается раскола, то, несмотря на все несовпадения «народного православия» с каноническим христианством, Федор Михайлович видел в староверии искреннее стремление к истине. Согласно убеждениям Достоевского, многократно выраженным им в «Дневнике писателя» и в художественных произведениях, только то, что прошло через практическую жизнь народа, может претендовать на вечность. Не удивительно, что целая плеяда исследователей замечает желание великого писателя объявить инаковерие «общенародным духовным наследием», «лучшим залогом надежды на будущее»⁵⁴.

Как отмечает Баршт, сочувственное отношение Достоевского к старообрядцам было обусловлено не только тем, что последние, в его представлении, являлись носителями подлинно «народной» модели христианства, но определялось также и нравственными качествами «ревнителей древнего благочестия». По мысли писателя, честность и страстность в искании истины, столь присущие выходцам из старообрядческой среды, являлись наилучшей характеристикой, какой можно наделить человека⁵⁵. Так, Достоевский не единожды вдохновляется эстетическими идеалами простоты во Христе, изложенными в трудах протопопа Аввакума. Широкий отклик в его нравственной философии находят также размышления богослова-единоверца Константина Ефимовича Голубова (ученика небезызвестного Павла Прусского). Заметим, что проблематика единоверия занимает не последнее место в религиозном учении писателя и ввиду своей обширности заслуживает отдельного исследования.

---

⁵² Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского. С. 77.

⁵³ Бозрад Г. Л. Предположения о Смердякове... С. 164; Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII Международной конференции. URL: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=545> (дата обращения: 31.07.2019).

⁵⁴ Ветловская В. Е. Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор (вторая половина XIX в.). Л., 1982. С. 69; Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 3, 54, 67.

⁵⁵ Баршт К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского. С. 37, 39.

Сейчас же лишь оговоримся, что образ Голубова нашел отражение в целой плеяде персонажей Достоевского: Макар («Подросток»), Зосима («Братья Карамазовы»), Тихон («Бесы»). Более того, в подготовительных материалах к роману «Бесы» Федор Михайлович вовсе намеревался сделать Голубова одним из ключевых героев повествования, который представлял бы в тексте идеи почвенничества и подлинно русского мирозерцания⁵⁶. Неудивительно, что под влиянием своего духовного наставника Голубова Князь (Ставрогин) намеревается «в мужики и в раскольники <...> идти», т. е. сблизиться с почвой (12, 180–181).

В данном контексте весьма элегантно трактовку образа Катерины дает Цой, называющая героиню олицетворением национальной стихии, страдающей под мрачной властью прошлого, воплощением которого является старый «колдун»⁵⁷. Национальное начало обоих героев и всего «притона Кошмарова», как ни странно, ассоциируется с «татарством», на что указывает знание Муриным татарского языка, наличие в доме дворника-татарина и татарское, по всей видимости, происхождение матери Катерины⁵⁸. Отсылка к «инородству» в творчестве писателя, по всей видимости, имеет своей целью противопоставление героев православному миру, заострение мотивов восточной развращенности, сочетающейся с религиозным аскетизмом.

Дискуссия среди исследователей развернулась также вокруг личности и рода занятий самого Ордынова. Общее представление об увлеченности этого персонажа церковной историей за последние два десятилетия подвергалось значительным уточнениям. Так, М. Ягих предположил, что деятельность Ордынова заключалась в построении некой философской системы на базе утопического социализма⁵⁹. И. И. Евлампиев, соглашаясь с тем, что работа протагониста носит в большей степени философский, нежели научный характер, и вовсе указывает на то, что сфера интересов героя — история раскола⁶⁰. Утверждение первого исследователя не отвечает принципу фальсифицируемости и потому не может быть доказано или опровергнуто. Рассуждения же второго следует рассмотреть более детально.

Приведем цитату, являющуюся, по мнению Евлампиева, доказательством изучения Ордыновым старообрядческой книжности:

---

⁵⁶ *Арсентьева Н. Н.* «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 58–59.

⁵⁷ *Цой Л. Н.* Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 26.

⁵⁸ *Аврамец И. А.* «Портрет» Н. В. Гоголя и «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме типологического родства). С. 45; *Дилакторская О. Г.* Скопцы и скопчество в изображении Достоевского. С. 70; *Мицк З. Г.* Блок и Достоевский. С. 238.

⁵⁹ *Ягих М.* Образ Конта в рассказе Ф. М. Достоевского.

⁶⁰ *Евлампиев И. И.* Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка»). С. 132–134.

«...взял ее, всю писанную, как древние раскольничьи книги, которые ему удавалось прежде видеть» (1, 293). Используемый в тексте глагол «*удавалось*» указывает скорее на нерегулярность, кратковременность знакомств Ордынова с предметом, нежели на явление, занимающее центральное место в области его научных интересов. Представляется сомнительным, что Ордынов мог ассоциироваться у Достоевского именно с исследователем раскола, а не церкви в целом, поскольку повесть писалась в 1840-е гг. Напомним, что начало массового увлечения интеллигенции проблемами русского раскола относится лишь к 60–70 гг. XIX в., когда выходят в свет монументальные труды Г.В. Есипова, Ф.В. Ливанова, П.И. Мельникова-Печерского, И.Ф. Нильского, Н.И. Субботина и др. В целом же вполне убедительной представляется возможность обыденного знакомства Ордынова со старообрядческой книжностью, учитывая тот факт, что по самым оптимистичным подсчетам, численность раскольников в России ко второй половине XIX в. могла достигать 12 млн человек (24, 191).

Таким образом, как Катерина, так и Мурин предстают читателю наделенными признаками религиозного иноверия. В то же время степень выраженности проявлений сектанства и староверия у этих героев разная. Катерина олицетворяет единение инаковерцев с народностью, стремлением к поиску сакральной истины, кроткую робость «светлых» персонажей Достоевского, нашедших дальнейшее развитие в Неточке Незвановой из одноименной повести, Соне Мармеладовой в «Преступлении и наказании», Матреше в «Бесах». При этом и Катерина не избавлена от пороков той «народной веры», частью которой сама является. Все описанное как нельзя лучше увязывается с крайне неоднозначным образом старообрядцев, запечатленным в сознании Достоевского. Мурин же, несмотря на свою приверженность «древним книгам», олицетворяет «почти уродливое» деспотичное сектанство (27, 331), а также некоторые отталкивающие черты отдельных «старолюбцев» (высокомерие, лукавство, презрительное отношение к миру)⁶¹. Ордынов же в предложенной писателем сюжетной связке как историк церкви противопоставляется пророку-сектатору, стремится вырвать «народную душу» из тьмы вековых заблуждений и беззаконий.

В заключение уместно процитировать слова Мельникова-Печерского по поводу русских мистических сект, бытовавших в России XIX в.: «Как православные, так и старообрядцы дичатся этих сект, называя их “темными”, питают к ним отвращение и какую-то суеверную боязнь»⁶². Сложно не заметить в приведенной цитате лаконичное воспроизведение отношений, сложившихся в сюжетном треугольнике Ордынов — Катерина — Мурин.

⁶¹ *Бытко С. С.* Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации. С. 4, 10.

⁶² *Мельников-Печерский П. И.* Тайные секты. С. 286.

Библиографический список

- Арсеньева Н. Н.* «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21.
- Аврамец И. А.* «Портрет» Н. В. Гоголя и «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме типологического родства) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1983. Вып. 620: Типология литературных взаимодействий.
- Барит К. А.* Каллиграфическое письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и наказание» // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3.
- Барит К. А.* О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici. Vol. XXIV. Pisa; Roma, 2017.
- Бем А. Л.* Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского). Ижевск, 2012.
- Березкина С. В.* О повести Достоевского «Хозяйка» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19.
- Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005.
- Боград Г. Л.* Предположения о Смердякове (к вопросу об отношении Достоевского к расколу) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18.
- Буданова Н. Ф.* Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седмицах Данииловых» (новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18.
- Бытко С. С.* Полемиическая культура староверов и структура рукописного сборника конца XIX в.: особенности взаимодействия // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 428.
- Бытко С. С.* «Степан Степаныч своих не покинет», или Тайный старообрядец в должности городского головы (к биографии Л. С. Масленникова) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 2 (6).
- Бытко С. С.* Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск, 2017. Вып. 1.
- Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор (вторая половина XIX в.). Л., 1982.
- Викторович В. А.* Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2004. № 20.
- Двойнишкова Т. Ф.* Образ Катерины («Хозяйка» Ф. М. Достоевского): итоги и перспективы изучения // Методсовет. URL: <https://sites.google.com/site/metodsovet09/konferencia-pps-20-01-10/sekcia-2/dvojnishnikova-t-f-1> (дата обращения: 31.07.2019).
- Дилакторская О. Г.* Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

- Евлатмиев И. И.* Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2009. №2 (6).
- Журавель О. Д.* Старообрядческое сочинение 1909 года о человеке: истоки, контекст // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2.
- Карпачева Т. С.* Осмысление общественной опасности сект и нарушений прав человека в нетрадиционных религиозных объединениях в творчестве Ф. М. Достоевского, П. И. Мельникова-Печерского и публицистике XIX в. // Актуальные вопросы изучения светской и духовной словесности. М., 2017.
- Керов В. В.* Предприниматели-старообрядцы и взяточничество в России XIX в.: элементы деловой культуры или гражданская коррупция? // Wschodni Roszhik Humanistyczny. 2012. Т. 8.
- Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966.
- Любимова О. Е.* Блок и сектантство: «Песня судьбы», «Роза и крест» // Александр Блок: исследования и материалы. СПб., 1998.
- Мартыанов П. К.* Из воспоминаний в «Переломе века» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Мельников-Печерский П. И.* Тайные секты // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; СПб., 1898. Т. 14.
- Миц З. Г.* Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971.
- Немоляки // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. №21.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.
- Палкин А. С.* Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П. А. Валуевым в 1863 году // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 4 (20). С. 1–14.
- Современное состояние раскола в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. №23–24. С. 481–499.
- Соколова В. Ф.* Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII Международной конференции. URL: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=545> (дата обращения: 31.07.2019).
- Суйян М.* Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. №4 (169). С. 139–146.
- Туниманов В. А.* Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 33–66.
- Цой Л. Н.* Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995.
- Эткнд А. М.* Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд., сокр. М., 2013.
- Ягих М.* Образ Конта в рассказе Ф. М. Достоевского // Positivism: Secular, Social, Scientific. [Электронный ресурс]. URL: <http://positivists.org/blog/archives/2281> (дата обращения: 31.07.2019).

Bytko S. S.

ABOUT *THE MISTRESS* AND CONFESSIONAL
TERMINOLOGY
(NEW REFLECTIONS ON THE TOPIC “DOSTOEVSKY AND
OLD BELIEVERS”)

Key words: F. M. Dostoevsky, Old Belief, Old Believers, schism, Russian sects, ideology, church.

The article considers the question of the distinction between the terms “split” and “sectarianism” in the works of F. M. Dostoevsky. Despite the idea that these concepts are synonymous in science, it is pointed out that the writer draws a clear line between them. Particular attention is paid to rethinking the confessional affiliation of the heroes of the story *The Mistress*. The version of their belonging to Russian sectarianism is being questioned.

References

- Arsent'eva N. N. “*Molodezh' bez rukovodstva*”. Problema dukhovnogo nastavnichestva v romane Dostoevskogo “*Besy*”. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2016. T. 21.
- Avramets I. A. “*Portret*” N. V. Gogolya i “*Khozyayka*” F. M. Dostoevskogo (k probleme tipologicheskogo rodstva). Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Tipologiya literaturnykh vzaimodeystviy. Tartu, 1983. Vol. 620.
- Barsht K. A. Kalligraficheskoe pis'mo F. M. Dostoevskogo v rukopisyakh k romanu “*Prestuplenie i nakazanie*”. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 2018. N 3.
- Barsht K. A. O “*realizme v vysshem smysle*” i simvole very F. M. Dostoevskogo. *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. Pisa; Roma. 2017. Vol. XXIV.
- Bem A. L. *Dramatizatsiya breda* (“*Khozyayka*” Dostoevskogo). Izhevsk, 2012.
- Berezkina S. V. O povesti Dostoevskogo “*Khozyayka*”. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2010. T. 19.
- Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie*. St. Petersburg, 2005.
- Bograd G. L. Predpolozheniya o Smerdyakove (k voprosu ob otnoshenii Dostoevskogo k raskolu). *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2007. T. 18.
- Budanova N. F. Pavel Prusskiy i ego kniga “*Besedy o prishestvii prorokov Ilii i Enokha, ob antikhriste i sedminakh Daniilovykh*” (novye materialy k teme “*Dostoevskiy i staroobryadchestvo*”). *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2007. T. 18.
- Bytko S. S. Polemicheskaya kul'tura staroverov i struktura rukopisnogo sbornika kontsa XIX v.: osobennosti vzaimodeystviya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. N 428.

- Bytko S. S. “Stepan Stepanykh svoikh ne pokinet”, ili Taynyy staroobryadets v dolzhnosti gorodskogo golovy (k biografii L. S. Maslennikova). *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie*. 2018. N 2 (6).
- Bytko S. S. Filosofskoe osmyslenie staroobryadchestva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: osobennosti interpretatsii. *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii*. Nizhnevartovsk, 2017. Vol. 1.
- Vetlovskaya V. E. F. M. Dostoevskiy. *Russkaya literatura i fol'klor (vtoraya polovina XIX v.)*. Leningrad, 1982.
- Viktorovich V. A. Dostoevskiy v Obshchestve lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. St. Petersburg, 2004. N 20.
- Dvoynshnikova T. F. Obraz Kateriny (“Khozyayka” F. M. Dostoevskogo): itogi i perspektivy izucheniya. *Metodsovet*. (URL: <https://sites.google.com/site/metodsovet09/konferencia-pps-20-01-10/sekcia-2/dvoynshnikova-t-f-1>).
- Dilaktorskaya O. G. Skoptsy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoevskogo (k istolkovaniyu povesti “Khozyayka”). *Filologika*. St. Petersburg, 1995. T. 2, N 3/4.
- Evlampiev I. I. Pervyy opyt religiozno-filosofskikh iskanii v tvorchestve F. Dostoevskogo (povest’ “Khozyayka”). *Vestnik Samarskoy Gumanitarnoy akademii. Seriya Filosofiya. Filologiya*. 2009. N 2 (6).
- Zhuravel’ O. D. Staroobryadcheskoe sochinenie 1909 goda o cheloveke: istoki, kontekst. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2010. T. 9, Vol. 2.
- Karpacheva T. S. Osmyslenie obshchestvennoy opasnosti sekt i narusheniy prav cheloveka v netraditsionnykh religioznykh ob”edineniyakh v tvorchestve F. M. Dostoevskogo, P. I. Mel’nikova-Pecherskogo i publitsistike XIX v. *Aktual’nye voprosy izucheniya svetskoy i dukhovnoy slovesnosti*. Moscow, 2017.
- Kerov V. V. Predprinimateli-staroobryadtsy i vzyatochnichestvo v Rossii XIX v.: elementy delovoy kul’tury ili grazhdanskaya korruptsiya? *Wschodni Roszhik Humanistychny*. 2012. T. 8.
- Kirpotin V. Ya. *Dostoevskiy v shestidesyatye gody*. Moscow, 1966.
- Lyubimova O. E. Blok i sektantstvo: “Pesnya sud’by”, “Roza i krest”. *Aleksandr Blok: issledovaniya i materialy*. St. Petersburg, 1998.
- Mart’yanov P. K. Iz vospominaniy v “Perelome veka”. *Dostoevskiy F. M. v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, 1990, T. 1.
- Mel’nikov-Pecherskiy P. I. Taynye sekty. *Mel’nikov-Pecherskiy P. I. Polnoe sobranie sochineniy v 14 t.* Moscow; St. Petersburg, 1898. T. 14.
- Mints Z. G. Blok i Dostoevskiy. *Dostoevskiy i ego vremya*. Leningrad, 1971.
- Nemolyaki. *Tobol’skie eparkhial’nye vedomosti*. 1883. N 21.
- Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Vremya”. 1861–1863*. Moscow, 1972.
- Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Epokha”. 1864–1865*. Moscow, 1975.
- Palkin A. S. Proekt peresmotra zakonodatel’sтва o staroobryadtsakh, sostavlenyy P. A. Valueym v 1863 godu. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2017. Vol. 4 (20).
- Sovremennoe sostoyanie raskola v Tobol’skoy eparkhii. *Tobol’skie eparkhial’nye vedomosti*. 1883. N 23–24.

- Sokolova V.F. Tema tserkovnogo raskola v publitsistike i khudozhestvennom tvorchestve F.M. Dostoevskogo. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. *Materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii*. (URL: <http://edinslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=545>).
- Syuyyan M. Raskol'niki v "Zapiskakh iz Mertvogo doma" F.M. Dostoevskogo: vzaimodeystvie khudozhestvennogo teksta s publitsistikoy. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2017. T. 19. N 4 (169).
- Tunimanov V.A. Dostoevskiy i Nekrasov. *Dostoevskiy i ego vremya*. Leningrad, 1971.
- Tsoy L.N. *Problemy raskola i narodnykh eresey v tvorchestve F.M. Dostoevskogo*. Yakutsk, 1995.
- Etkind A.M. *Khlyst: Sekty, literatura i revolyutsiya*. Moscow, 2013.
- Yagikh M. Obraz Konta v rasskaze F.M. Dostoevskogo. *Positivism: Secular, Social, Scientific* (URL: <http://positivists.org/blog/archives/2281>).

Т. Б. ТРОФИМОВА-ШИФФ*

**«...И ЗАСТАВИЛИ ЕГО ПИСАТЬ ЗАПИСКИ...»
(К ТЕМЕ «Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И И. А. ГОНЧАРОВ»)**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, биографизм, роман, повесть, Обломов, «человек из подполья».

Данная статья посвящена исследованию литературных и биографических связей между повестью Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и романом И. А. Гончарова «Обломов». Анализируя историко-литературный контекст, биографические материалы, автор высказывает предположение, что Достоевский, опираясь на образ Обломова, усиливая отрицательные черты его характера и меняя психологическую ситуацию, показывает, как романтик превращается в «подпольного человека».

В письме брату Михаилу от 1 апреля 1846 г. Достоевский писал: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечательны Герцен (Искандер) и Гончаров» (28₁, 120). Отношение Достоевского к творчеству Гончарова многократно менялось на протяжении всей жизни писателя. Если «Сон Обломова» он «цитировал с увлечением»¹, то роман «Обломов» в письме к брату от 9 мая 1859 г. из Семипалатинска им назван «отвратительным» (28₁, 325). В «Записной книжке» 1864–1865 гг. Достоевский так отзывается о герое Гончарова: «Обломов. Русский человек много и часто грешит против любви; но и первый страдалец за это от себя. Он палач себя и за это. Это самое характеристичное свойство русского человека. Обломову же было бы только мягко — это только лентяй, да еще вдобавок эгоист. Это даже и не русский человек. Это продукт петербургский. Он лентяй и барич, но и барич-то уже не русский, а петербургский» (20, 204). В 1876 г. в письме к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля писатель ставит роман «Обломов» уже в один ряд с «Мертвыми душами», «Дворянским гнездом» и «Войной и миром» (29₁, 106). В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (Гл. I. § 2) Достоевский объединяет образы Лаврецкого и Обломова: «Тут, конечно, не народ, но всё, что

---

* Татьяна Борисовна Трофимова-Шифф, канд. филол. наук, ст. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — trofifat@yandex.ru.

¹ Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 163.

в этих типах Гончарова и Тургенева векового и прекрасного, — всё это оттого, что они в них соприкоснулись с народом, придало им необычайной силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (22, 44). В черновиках «Дневника писателя» еще более четкое высказывание: «Обломов разве народ? Не народ, но черты-то в нем основные принадлежат народному духу» (22, 185). Все приведенные цитаты подтверждают интерес Достоевского к творчеству Гончарова, роману «Обломов» и к образу главного героя и признание «блестящего таланта» его автора (28₁, 244).

Напомним, что проблема «лишних людей» во второй половине 1850-х и начале 1860-х гг. продолжает обсуждаться в публицистике. Интерес к ней был связан с тем, что в русской литературе шли поиски другого героя, «лишних людей» вытесняют со страниц литературных произведений «новые люди», герои-деятели. Опубликованный в 1859 г. роман Гончарова «Обломов» сразу же оказался в центре внимания и вызвал оживленную полемику в обществе. После его выхода из печати появилась статья Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1860). Обращая внимание на генезис образа Обломова, критик установил его связь с «лишними людьми» сороковых годов, родоначальником которых был пушкинский Онегин, за ним следовал Печорин Лермонтова, Бельтов Герцена, Рудин Тургенева и логическим завершением этого ряда, по мнению Добролюбова, стал Обломов Гончарова. Для критика гончаровский герой олицетворял не только помещика-крепостника, но и помещика-либерала, чиновника, офицера, журналиста и т. д. В истории Обломова, отмечал Добролюбов, было сказано «новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это *обломовщина*; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни»². В полемику с Добролюбовым, а фактически, с журналом «Современник» вступил Ап. Григорьев. В этом же году в «Русском слове» вышла его статья «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо»». В ней автор сопоставил «художественную идею» «Дворянского гнезда» и идею «Обломова», отметил, что роман Гончарова — произведение «чисто внешнего художественного дарования. Весь «Обломов» построен на азбучном правиле»: «возлюби труд и избегай праздности и лени — иначе впадешь в обломовщину и кончишь, как Захар и его барин»³. Обращаясь к Добролюбову, Ап. Григорьев писал, что он должен был «обрадоваться этой теме <...> и с яростью накинуться вместе с автором «Обломова», — и даже больше, чем сам автор, — на Обломовку и обломовщину.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 314.

³ Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 192.

Не обвиняя их в увлечениях, заставивших их в ряды обломовцев включить и Онегина, и Печорина, и Бельтова и Рудина — приписываю этим невольным увлечениям самые лучшие, самые благородные источники — и знаю, насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этих увлечений, то есть сторона вражды к Обломовке и обломовщине»⁴. Далее критик пишет о том, что Обломовка живет в каждом из нас, если «вы живой человек, органический продукт почвы и народности»⁵. Анализируя роман И. С. Тургенева, Ап. Григорьев говорит о важном значении не самого образа Лаврецкого, а романа в целом: «Что сказалось “Дворянским гнездом”? Вся умственная жизнь послепушкинской эпохи, от туманных еще начал в кружке Станкевича, до резкого постановления вопросов Белинским, и от резкости Белинского до уступок — весьма значительных, — сделанных мыслию жизни и почве... Борьба славянофильства и западничества и борьба жизни с теориею — славянофильскою или западною, все равно завершается в поэтических задачах тургеневского типа победою жизни над теориями»⁶. Под «теориями» здесь прежде всего понимается позиция журнала «Современник» и его ведущего критика Н. Г. Чернышевского. Как отмечает И. А. Битюгова, Достоевский разделял мнение Ап. Григорьева о романе «Обломов» и доказательством этого можно считать некрологическую статью Д. В. Аверкиева, посвященную критике и напечатанную в августовском номере журнала «Эпоха» в 1864 г. В примечаниях к этой статье было сказано, что «автор говорит здесь как бы от лица редакции». Ф. М. Достоевский, оставшийся единственным редактором после смерти брата, фактически, был ее автором. В примечаниях к некрологу указано: «Так, Григорьев не мог никогда увлечься, подобно высокоталантливому Добролюбову, и признать гончаровского Штольца за какое-то нравственное совершенство, а бюрократическое произведение г-на Гончарова за решение, окончательное и безапелляционное, вопроса о русском человеке, единственно по случаю встречающегося в этом произведении слова “обломовщина”». Далее продолжает Достоевский: «Это и потому еще, что Григорьев был шире Добролюбова, шире, глубже и несравненно богаче одарен природою, чем Добролюбов. Добролюбов был очень талантлив, но ум его был скуднее, чем у Григорьева, взгляд несравненно ограниченнее. Эта узость и ограниченность составляла отчасти силу Добролюбова...» (20, 230)⁷. Согласие с точкой зрения Ап. Григорьева отзовется и в рассуждениях писателя об образе Лаврецкого и Обломова в упомянутом выше «Дневнике писателя».

⁴ Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 192.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Там же.

⁷ Эпоха. 1864. № 8. Отд. VIII. С. 1, 9–10. См. также: Битюгова И. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 194–195.

Проблема «лишних людей» была и в поле зрения Достоевского. В начале 1860-х гг. в цикле статей о русской литературе, а также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) он размышляет над типом «лишнего человека» на свой лад, интерпретируя образы Онегина, Печорина, Рудина, Гамлета Щигровского уезда. Возникновение литературного типа «лишнего человека», «русского европейца» Достоевский связывал с западничеством, которое, по его мнению, вело к отрыву от национальной почвы и шло вразрез с христианскими нравственными идеалами. Н. Ф. Буданова в своем исследовании подчеркивает, что для Достоевского начала 1860-х гг. было существенно «переосмысление типа “лишнего человека”», созданного русской литературой, и это переосмысление стало важной вехой «на подступах писателя к “подпольному человеку”»⁸.

Общее определение, которое дал Добролюбов всем типам «лишних людей», встречающихся в русской литературе, — «обломовцы», тем самым подчеркивая их большинство, и свое суждение об Обломове — «коренной народный наш тип», вызвало, судя по всему, несогласие Достоевского. В черновом наброске предисловия к «Подполью» в 1875 г., возможно, возвращаясь к статье критика, он писал: «У нас все прерывается, падает, отрицается <...> И не внешне лишь, как на Западе, а внутренне нравственно. Талантливые писатели наши, высокохудожественно изображавшие жизнь средне-высшего круга (семейного), — Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства, — по-моему, они-то и изображали жизнь исключений. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила <...> А подполье и “Записки из подполья”. Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться. <...> Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). Тайна <...>» (16, 329–330). Герой «Записок» прямо не назван «лишним», но в подстрочном примечании к заглавию «Подполье» автор отметил, что здесь выведен «перед лицо публики» «один из характеров протекшего недавнего времени <...> один из представителей еще доживающего поколения» (5, 99). В объявлении об издании «Эпохи» на 1865 г. говорилось о том, что «исчезает наше современное поколение, само собою, вяло и бесследно, заявляя себя странными и невероятными для потомства признаниями «лишних людей». Разумеется, мы говорим только об избранных из «лишних людей» (потому что и между «лишними людьми» есть избранные» (5, 376–377).

---

⁸ Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С. 14.

Давно всеми признано, что Достоевский, по определению А.Л. Бема, был гениальным читателем, в произведениях которого преломлялось творчество его предшественников и современников⁹. Не остались вне поля зрения писателя и произведения Гончарова, и в целом ряде работ исследуется литературное влияние автора «Обломова» на Достоевского или отмечаются явные отсылки к его текстам¹⁰. На связь романа «Обломов» с «Записками из подполья» в своем исследовании обратил внимание В.Г. Одинокоев, указав, что герой Достоевского оказался в еще более узком кругу, чем герой Гончарова. Он ушел в «подполье»¹¹. О.Г. Дилакторская, анализируя проблему личности и тип героя, отметила, что «ничего неделание из лени» для Парадоксалиста имеет откровенно положительный смысл: «Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это преприятно было слышать о себе. Значит положительно определен, значит есть, что сказать обо мне: “Лентяй!” — да ведь это званье и назначение, это карьера-с» (5, 109). Далее Дилакторская напоминает, что карьере лентяя в русской литературе сделал Илья Ильич Обломов, для которого ничего неделание из лени и нерешительности стало определяющим качеством характера. Именно в этой связи он и заключил собой ряд «лишних людей»¹². Сентенция Парадоксалиста явно нацелена на героя Гончарова: «...я был бы лентяй и обжора, но не простой, а, например, сочувствующий всему прекрасному и высокому» (5, 109). Оценки «подпольного человека» явно противоречат тем, которые дает «бессмысленно-ленивому характеру» Обломова Добролюбов. Но дело не только в том, что Парадоксалист Достоевского вспоминает героя Гончарова. На наш взгляд, Достоевский, приступив к созданию «Записок из подполья», сознательно ориентировал повесть на роман, а образ своего героя, вернее «антигероя», на образ Обломова, тем самым отчасти полемизируя с Добролюбовым. По мнению Достоевского, логическим завершением ряда «лишних людей» станет «подпольный человек», «человек *русского большинства*».

В повести «Записки из подполья» существует ряд сюжетных параллелей, тем и мотивов, обнаруживающих ее связь с романом «Обломов»: жизненная ситуация героев, сходство характеров, взаимоотношения со слугами, общение с героинями (Ольгой и Лизой). «Подпольный»

⁹ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 35.

¹⁰ Битюгова И.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского. С. 191–198; Одинокоев В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1981. С. 47; Орнатская Т.И. Достоевский и Гончаров // И.А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск, 1992. С. 105–114; Дилакторская О.Г. Петербургские повести Достоевского. СПб., 1999. С. 269–274; Туниманов В.А. «Жалкие слова» («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Про мемурия: Памяти акад. Г.М. Фриденлера (1915–1995). СПб., 2003. С. 168–178, и др.

¹¹ Одинокоев В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. С. 31.

¹² Дилакторская О.Г. Петербургские повести Достоевского. С. 272.

и Обломов почти постоянно находятся не только в замкнутом пространстве своих жилищ, но и погружены в себя, в мир своих фантазий, размышлений и мечтаний. В воображаемых грезах видят себя героями, совершающими подвиги. Протагонист «Записок из подполья» представляет: «...а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем. Затем играется марш, выдается амнистия, папа соглашается выехать из Рима в Бразилию, затем бал для всей Италии на вилле Боргезе...» (5, 133–134). Ему вторит персонаж Гончарова: «Наутро опять жизнь, опять волнения, мечты! Он (Обломов. — *Т. Т.-III.*) любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Ерусалан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов...»¹³ Оба сознательно перестали служить, разорвали почти все связи с внешним миром. И тот и другой — «продукты петербургские», живут в «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» (5, 101). Но при подчеркнутом внешнем сходстве и не только в характере, но и в поведении Обломова и Парадоксалиста, Достоевский усиливает их внутреннее психологическое различие. Писатель обращает внимание читателя на такие черты характера Парадоксалиста, как эгоизм, индивидуализм, гордость, которые в скрытой форме присущи и Обломову. Вспомним, например, обиду Ильи Ильича на то, что Захар сравнил его со всеми. «Он (Обломов. — *Т. Т.-III.*) в низведении себя Захаром до степени *других* видел нарушение прав своих на исключительное предпочтение Захаром особы барина всем и каждому. <...> наконец, сознательно ли оскорбил его Захар <...> Все это задело самолюбие Обломова...»¹⁴ Но в своем герое Достоевский доводит различия до максимального развития, до крайности. Более того, он лишает своего Парадоксалиста каких-либо нравственных критериев, что делает почти невозможным выход его в «живую жизнь». «Обломов хотя и прожил молодость, — замечает Гончаров, — в кругу всезнающей, давно решившей все жизненные вопросы, ни во что не верующей и все холодно и мудро анализирующей молодежи, но в душе у него теплилась вера в дружбу, в любовь, в людскую честь, и сколько не ошибался он в людях, сколько бы ни ошибся еще, страдало его сердце, но ни разу не пошатнулось основание добра и веры в него»¹⁵. У Парадоксалиста же эта вера утрачена. Он все отрицает: дружбу, любовь, честь, порядочность, доброту и т. д. У Обломова, в свою очередь, причиной отказа от «живой жизни» становятся его лень и апатия. Сближает эти образы и чувство страха перед жизнью.

---

¹³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 272.

Напомним, что Гончаров и Достоевский — признанные мастера художественной детали, а поэтому любая, на первый взгляд незначительная подробность в их произведениях приобретает особый смысл. Знаменитый персидский халат Обломова, «без малейшего намека на Европу», как и его диван, становятся символами духовного состояния героя. В конце романа и в конце жизни Обломова появляется образ уже старого потрепанного истасканного халата. «“Обломов” является тем литературным текстом, — замечает Н.Л. Ермолаева, — в котором архетипический смысл образа халата закреплен и значительно обогащен за счет его необычайной многозначности». Рассмотрев историю развития этого образа, исследовательница подчеркивает: после «появления романа “Обломов” как образ его заглавного героя, так и образ халата приобретает архетипический смысл, который не сможет игнорировать ни один художник и читатель»¹⁶. Халат становится деталью, которая в текстах повести и романа приобретает особый смысл.

Во второй части «Записок...», названной «По поводу мокрого снега», в которой Парадоксалист уже не увлечется теориями, а вспоминает свою молодость, появляются некоторые бытовые подробности из его жизни. Знакомство с Лизой и приглашение ее к себе домой вызывает у подпольного мучительные мысли. «Скверно уж одно то, что она увидит, например, как я живу. Вчера я таким перед ней показался... героем... а теперь, гм! <...> А клеенчатый диван-то мой, из которого мочалка торчит! А халат-то мой, которым нельзя закрыться! Какие ключья... И она все это увидит; и Аполлона увидит <...> А я уж, разумеется, по обычаю струшу, семенить перед ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну» (5, 165). В другом эпизоде, когда Лиза пришла к нему, подпольному «пришло на ум дорогой: не убежать ли так, как есть, в халатишке, куда глаза глядят, а там будь что будет» (5, 172). В дальнейшем происходит конфликт с девушкой, в котором она, несмотря на нанесенные ей оскорбления, оказывается нравственно выше Парадоксалиста. Ее человечность обнаруживает в нем самую черту страдающего человека. Но в тот момент, когда он унижает Лизу, он ей кричит: «Да неужели ж ты даже и теперь не догадалась, что я тебе никогда не прошу того, что ты застала меня в этом халатишке...» (5, 174). После того, как его охватили рыдания, подпольный упал на диван «и четверть часа рыдал в настоящей истерике. <...> Пришло мне тоже в возбужденную мою голову, что героиня теперь она, а я точно униженное и раздавленное создание... И все это ко мне пришло еще в те минуты, когда я лежал ничком на диване!» (5, 175). Достоевский не случайно акцентирует внимание читателя на постоянном упоминании халата и дивана, вероятно, рассчитывая на определенные ассоциации с романом

---

¹⁶ Ермолаева Н.Л. Эпическое мышление И.А. Гончарова. Иваново, 2011. С. 227, 234.

Гончарова. И Лиза, и Ольга Ильинская попытались внести в существование подпольного и Обломова «живую жизнь». Но, как скажет герой Достоевского: «“Спокойствия” я желал, остаться один в подполье желал. “Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (5, 176). Боится потерять покой и Обломов. Следует отметить, что после разрыва с Ольгой Ильинской Илья Ильич видит, как «снег валил хлопьями и густо устилал землю. “Снег, снег, снег! — твердил он бессмысленно, глядя на снег, густым слоем покрывший забор, плетень и гряды на огороде. — Все засыпал!” — шепнул потом отчаянно, лег в постель и заснул свинцовым, безотрадным сном»¹⁷. Подпольный, в свою очередь, потеряв Лизу, «стоял на снегу, всматриваясь в мутную мглу... Было тихо, валил снег и падал почти перпендикулярно...» (5, 177). Снег «засыпает» прошлую жизнь героев повести и романа. Для них теперь начинается другая жизнь.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что «подпольный человек» в халате перевоплотится затем в «мещанина в халате», который появляется неожиданно «из-под земли» или «из-под полу»: «подпольный мещанин в халате», в романе «Преступление и наказание». Он сообщает Раскольникову, что «он — убивец». Образ «подпольного мещанина в халате» еще раз подчеркивает связь повести «Записки из подполья» и романа «Преступление и наказание», но эта тема требует отдельного исследования.

Рассуждения подпольного о том, что непосредственный человек, деятель «прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклоня вниз рога, и только разве стена его останавливает. (Кстати: перед стеной такие господа, то есть непосредственные и деятели, искренно пасуют. Для них стена — не отвод, как например для нас, людей думающих, а следственно, ничего не делающих не предлог воротиться с дороги <...> Нет, они пасуют со всею искренностью. Стена имеет для них что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое <...>» (5, 104), и на наш взгляд, отсылают читателя к тексту «Обломова» и к образу Штольца. «Нужно ли прибавлять, что сам он шел к своей цели, отважно шагая через все преграды, и разве только тогда отказывался от задачи, когда на пути его возникала стена или отверзалась непроходимая бездна. Но он неспособен был вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену на авось. Он измерит бездну и стену, и если нет верного средства одолеть, он отойдет, чтобы там про него ни говорили»¹⁸. Мотив стены и бездны станет сквозным в творчестве Достоевского.

Как нам кажется, Достоевский, опираясь на образ Обломова, но усиливая отрицательные черты характера героя Гончарова и меняя психологическую ситуацию, показывает, что прекраснодушный романтик

¹⁷ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 373.

¹⁸ Там же. С. 164.

может превратиться в угрюмого и злого «подпольного человека». Писатель создает свой сложный художественный образ, подчеркивая, что влияние на формирование личности окружающая среда оказывает лишь отчасти. Важную роль в этом играет и психология самого человека, а это снова возвращает нас к полемике с Добролюбовым по поводу «теории среды». Именно его Парадоксалист, считает Достоевский, а не Обломов, оказывается логическим завершением ряда «лишних людей», предложенного Добролюбовым. Но если Гончаров заканчивает свой роман смертью Обломова, то Достоевский в своей повести оставляет финал открытым, давая своему герою шанс на возрождение.

Библиографический список

- Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе. М., 2001.
- Битюгова И. А.* Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2.
- Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987.
- Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4.
- Григорьев А. А.* Искусство и нравственность. М., 1986.
- Дилакторская О. Г.* Петербургские повести Достоевского. СПб., 1999.
- Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964.*
- Ермолаева Н. Л.* Эпическое мышление И. А. Гончарова. Иваново, 2011.
- Одинокое В. Г.* Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981.
- Орнатская Т. И.* Достоевский и Гончаров // И. А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск, 1992.
- Туниманов В. А.* «Жалкие слова» («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Про мemento: Памяти акад. Г. М. Фридендера (1915–1995). СПб., 2003.

Trofimova-Shiff T. B.

“...AND MADE HIM WRITES NOTES...” (TO THE TOPIC
“F. M. DOSTOEVSKY AND I. A. GONCHAROV”)

Key words: F. M. Dostoevsky, I. A. Goncharov, biografism, novel, story, Oblomov, “underground”.

The article is devoted to the study of literary and biographical connections of the novel *Notes from the underground* by Dostoevsky and the novel *Oblomov* by Goncharov. Analyzing the historical and literary context, biographical materials, the author suggests that Dostoevsky, based on the image of Oblomov,

focusing on the negative features of his character and changing psychological the situation shows how romantic man is transformed into the “underground man”.

References

- Bem A. L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature*. Moscow, 2001.
- Bituyugova I. A. Roman Goncharova “Oblomov” v hudojstvennom vospriyatii Dostoevskogo. *Dostoevsky. Materiali i issledovaniya*. Leningrad, 1976. T. 2.
- Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: In 20 vols*. St. Petersburg, 1998. T. 4.
- Grigor'ev A. A. *Iskusstvo i nravstvennost'*. Moscow, 1986.
- Dilaktorskaya O. G. *Peterburgskie povesti Dostoevskogo*. St. Petersburg, 1990.
- Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochinenij: In 9 vols*. Moscow; Leningrad, 1962. T. 4.
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: In 30 vols*. Leningrad, 1972–1990.
- Dostoevsky v vospominaniyah sovremennikov: In 2 vols*. Moscow, 1964.
- Ermolaeva N. A. *Epicheskoe myshlenie I. A. Goncharova*. Ivanovo, 2001.
- Odinokov V. G. *Tipologiya obrazov v hudojestvennoj sisteme F. M. Dostoevskogo*. Novosibirsk, 1981.
- Ornatskaya T. I. Dostoevsky i Goncharov. *I. A. Goncharov: Materiali yubilejnoj goncharovskoj konferencii 1987 g.* Ul'yanovsk, 1992.
- Tunimanov V. A. “Jalkie slova”: “Oblomov” Goncharova i “Zapiski iz podpol'ya” Dostoevskogo. *Pro memoria: Pamyati akad. G. M. Frindlendera (1915–1995)*. St. Petersburg, 2003.

И. В. КОЩИЕНКО*

**ЦИФРОВОЙ АРХИВ РУКОПИСЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ОТ МЕТОДОЛОГИИ К ПРАКТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА)¹**

Ключевые слова: цифровой архив писателя, электронная база данных, источниковедение, архивный документ, подлинник, оцифровка рукописи, электронная копия, информационный ресурс, «КАИСА».

В статье рассматриваются методологические подходы и этапы формирования цифрового архива рукописей Ф. М. Достоевского, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Формулируются итоги работ по выбору сканирующего оборудования и программного обеспечения, по созданию электронных копий и их описанию в программно-информационном комплексе «КАИСА-Архив». Ставится вопрос о необходимости разработки единых подходов и методов в описании автографов писателя. Представлен широкий спектр рубрикаторов и классификаторов информационного ресурса для работы будущих пользователей в создаваемой базе данных.

Процессы оцифровки и представления в электронной среде объектов историко-культурного наследия стали одним из характерных направлений на современном этапе развития гуманитарной области. Сегодня такие процессы являются не просто частью формирования электронных каталогов архивных документов, музейных артефактов, книжных собраний, они уже вышли на самостоятельный уровень, требующий значительного научно-исследовательского потенциала и существенных капиталовложений фондодержателей. Главными задачами являются организация широкого интерактивного доступа к фондам, обеспечение физической сохранности подлинников за счет создания их электронных копий и изъятия оригиналов из обращения в читальных залах, а также выполнение государственных планов и программ по переводу историко-культурного наследия в цифровой формат.

Глобальный цивилизационный процесс формирования информационного общества развивается сегодня в России очень активно,

---

* Ирина Владимировна Кошкиенко, канд. филол. наук, научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — irinairli@yandex.ru.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №18–18–00263 «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского”».

что связано с появлением распоряжения Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”». 9 мая 2017 г. был подписан указ Президента Российской Федерации № 203 о «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Стремление интегрироваться в мировое информационное пространство напрямую коснулось и архивной сферы, где вслед за государственной программой была разработана и принята «Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг.»².

Концепция развития архивного дела 2011 г. конкретизирует программу «Информационное общество», уделяя большое внимание внедрению цифровых технологий в практику архивного дела (в учет документов Архивного фонда России и научно-справочный аппарат, в обеспечение хранения и контроля физического состояния документов, комплектование архивов), а также созданию и хранению информационных ресурсов, как переведенных в цифровую форму, так и созданных в цифровом формате (born-digital), т. е. в форме электронных файлов, электронных документов и пр. Развитие единого архивного информационного пространства должно обеспечить качественно новый уровень доступности архивной документной информации для пользователей.

Тематические информационные ресурсы, строящиеся на основе элементов архивного научно-справочного аппарата (каталогов, указателей, картотек) или представляющие собой оригинальные тематические базы данных на основе подборок архивных документов, являются на сегодняшний день объектом пристального внимания исследователей³. Между тем формирование таких востребованных пользователем

---

² Утверждена приказом Росархива № 104 от 02.12.2011 [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. URL: <http://archives.ru/programs/informatization.shtml> (дата обращения: 20.09.2019). Информатизация архивного дела России признается одной из важнейших задач архивной деятельности. В последнее десятилетие модернизация архивной отрасли довольно заметна и обеспечила получение определенных позитивных результатов как на федеральном, так и на региональном уровнях. См., например: Доклад руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова на расширенном заседании коллегии Росархива (Москва, 20 марта 2018 г.): Об итогах работы Федерального архивного агентства в 2017 г., задачах на 2018 г. и среднесрочную перспективу. [Электронный ресурс]. URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2018-kollegia.shtml> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Неполный перечень тематических электронных ресурсов представлен на портале «Архивы России» (URL: <http://www.rusarchives.ru/arhivnye-online-proekty> (дата обращения: 20.09.2019)), а также на портале web-Архив, созданном по инициативе и на средства компании «Архивные Информационные Технологии» (г. Пермь) (URL: <http://web-archiv.ru/index.php?sect=project> (дата обращения: 20.09.2019)). Например, тематический проект РГАЛИ, посвященный Ивану Алексеевичу Бунину (URL: <http://bunin-rgali.ru/#> (дата обращения: 20.09.2019)), представляет одно из самых перспективных направлений использования информационных технологий в исследовательской практике — электронную текстологию (электронная реконструкция творческого архива писателя).

ской аудиторией архивных источников информации является стратегической задачей информатизации архивов. Как отмечалось в докладе руководителя Росархива А. Н. Артизова, «для создания качественного архивного информационного ресурса недостаточно оцифровать документы и представить их в простой программе просмотра изображений. Необходимо создать археографически полное и точное описание подлинника архивного документа и его электронной копии, найти максимально адекватный документу способ визуализации его цифровой копии в электронной среде, а также разработать и реализовать сервисы...»⁴

Еще одной разновидностью создаваемых в архивах электронных каталогов и баз данных являются исследовательские базы данных. Их отличает прежде всего «гибридный» характер информации, при котором в наборе полей базы данных присутствуют ссылочные данные (архивные шифры) до уровня документа включительно и поля, отражающие содержание конкретных документов. На сегодняшний момент такой тип ресурсов в архивах является чрезвычайно редким⁵. Исследовательские базы в архивах создаются либо в рамках индивидуальной научной деятельности сотрудников, либо в рамках выполнения научно-исследовательских работ, осуществляемых по грантам, либо в сотрудничестве с научными организациями или вузами. Выполнение подобных исследований является довольно сложной задачей и может сопровождаться массой проблем не только нормативно-методического, но и технологического, правового, источниковедческого и археографического характера.

Проект «Комплексная автоматизированная база данных «Объединенный цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского»» ко времени его завершения к концу 2020 г. призван стать именно исследовательской базой данных⁶. Перед разработчиком проекта, К. А. Барштом, стояло множество задач: проблема разрозненности рукописей Ф. М. Досто-

---

⁴ О методах прогнозирования востребованности документов и исследовательских интересов см.: Доклад Руководителя Федерального архивного агентства А. Н. Артизова. «О стратегических подходах к размещению архивной информации в сети Интернет» на заседании Совета по архивному делу (8 октября 2014 г., г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: [http:// archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml](http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml) (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ Примером такой базы данных можно назвать «Объединенный архив Ивана Бунина: Россия — Великобритания». Его разработчики показывают, как могут формироваться подобные электронные каталоги и что может включаться в их состав: см.: *Уладышева И. В.* Объединенный архив Ивана Бунина. Электронный аннотированный указатель // Объединенный электронный архив Ивана Бунина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buninrgali.ru/index.php?view=articles&t=art8> (дата обращения: 20.09.2019).

⁶ См.: *Баршт К. А., Гунашвили Е. М., Коцценко И. В., Кравчук И. А., Чихалова Ю. М.* Об источниках и целях формирования Цифрового архива Ф. М. Достоевского // Сборники Президентской библиотеки. Сер. Электронная библиотека. Вып. 9: Гуманитарные исследования и цифровая среда: наука и практика. СПб., 2019. С. 70–91.

евского и необходимость переговоров с хранилищами разных учреждений для сбора, описания и предоставления материалов писателя, решение вопросов с программным обеспечением проекта и выбором обслуживающего оборудования. Все они решались (и продолжают решаться) поэтапно, и в первую очередь столь масштабный замысел был поддержан РФФИ. Выявление и описание автографов Ф.М. Достоевского в РО ИРЛИ, как и в других архивах-участниках проекта — РГБ, РГАЛИ и др., — было проделано в 2018 г.⁷, результатом стало создание основополагающей базы данных в программе «КАИСА-Архив»⁸. Заполнение этой базы данных производится сотрудниками архивохранилищ, где отложились материалы Ф.М. Достоевского. В части работ, касающихся РО ИРЛИ, сотрудниками описаны фонды, в которых были выявлены автографы писателя (двадцать один фонд), восстановлена история их поступления в Пушкинский Дом, в программе «КАИСА» сформированы электронные ячейки для ста семидесяти девяти единиц хранения как информационных объектов базы данных с соответствующей им атрибутикой (заголовок, шифр, описание, крайние даты, количество листов и пр.). Таким образом, первый важнейший этап реализации подобного рода проектов был выполнен.

Следующая стадия, запланированная на 2019 г., была связана со всем спектром вопросов и методик создания электронных копий архивных документов, с понятиями «качества», «аутентичности», «достоверности», «полноты» и «репрезентативности» архивных источников, т. е. с оценкой качества цифровых копий документов, полученных сканированием, кроме этого, с описанием полученного цифрового массива и введением данных в электронный тематический ресурс. На сегодняшний день в качестве национального стандарта Российской Федерации действуют «Технические требования по оцифровке архивных документов, научно-справочного аппарата к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации», введенные с 1 июля 2018 г.⁹ Эти требования развивают и конкретизируют положения «Методических рекомендаций по электронному

---

⁷ Там же. С. 74–89.

⁸ *Гринфельд П.А., Мерсадыкова Т.Е.* КАИСА-Архив — универсальный инструмент комплексной информатизации архивных процессов и услуг // Отечественные архивы. 2018. № 1. [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/4356/kaisa-arhiv-universalnyy-instrument-kompleksnoy-informatizacii-arhivnyh-processov-i-uslug> (дата обращения: 20.09.2019).

⁹ Технические требования к оцифровке архивных документов, научно-справочного аппарата (НСА) к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации / Росархив, ООО «БизнесСкан». М., 2018. 127 с. [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2018-nir-tt-digitization.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом» (Росархив, ВНИИДАД, 2012 г.)¹⁰.

Следуя задачам проекта и указанным «Методическим рекомендациям...», в целях обеспечения успешности работы исследователя необходимо соблюсти несколько принципов, основным из которых является выбор способа оцифровки. Важно, чтобы этот процесс был максимально безопасен для подлинника, а его результат, т. е. формат представления материала, наиболее точно соответствовал подлиннику. Сканирование с помощью специализированного планетарного бесконтактного оборудования признается одним из адекватных способов, отвечающих поставленным задачам оцифровки документов на бумажных носителях.

Выбор оборудования был не случаен и потребовал большой подготовки и длительных переговоров с компанией-поставщиком. Работа по закупке сканирующего оборудования велась и в 2018 г. — был приобретен сканер для РГАЛИ, и в 2019 г. — для РО ИРЛИ. Отметим, что стремление сэкономить в данном случае неминуемо грозило риском причинить непоправимый вред уникальным документам Архивного фонда Российской Федерации и значительно уменьшало бы возможности создания электронной копии, предельно сопоставимой с подлинником.

Приобретенная сканирующая система новейшего поколения соответствовала достижению высокого результата, на который направлен данный проект. Таким образом, второй этап, не менее ответственный, — высококачественное сканирование рукописей — прошел успешно благодаря новейшему профессиональному сканеру одного из ведущих немецких производителей в этой области Microbox (Микробокс). Официальный представитель немецкой фирмы компания «Ру-Скан» (г. Екатеринбург) произвела доставку, установку оборудования, пуско-наладочные работы и первичный инструктаж персонала РО ИРЛИ, допущенного к сканированию. Сканеры Microbox book2net являются результатом международного сотрудничества поставщиков профессиональных решений в области сканирования книг и документов

---

¹⁰ На основе изучения международного опыта реализации проектов оцифровки архивных документов, артефактов на бумажных носителях и др., доступных в сети Интернет, Ю. Ю. Юмашевой были созданы «Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом» (М.: ВНИИДАД, 2012). Здесь детально рассмотрены вопросы организации проектов оцифровки; материально-технического оснащения (в том числе рассматриваются различные модели сканирующего оборудования); процедуры подготовки и передачи документов на сканирование; общие подходы и требования к самому процессу оцифровки. Сформулированы также общие правила, которым необходимо следовать при работе с подлинниками архивных документов в процессе создания электронных копий ([Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: [http:// archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml](http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml) (дата обращения: 20.09.2019).

с ведущими архивами, библиотеками и музеями мира. Для нужд проекта была приобретена репро-система “Book2net Repro System A2 — Classic”, включающая помимо сканера программное обеспечение “Easy Scan Professional” и сервисную поддержку. В комплект включены два источника освещения для лучшей цветопередачи: экономичная светодиодная подсветка (LED) без УФ- и ИК-излучения с линзами Френеля, служащими для создания однородного, гомогенного освещения большой площади и позволяющими избежать теней и бликов при съемке объемных документов. Это оригинальное, сертифицированное в соответствии с установленными законодательством Российской Федерации требованиями, сканирующее оборудование. Подлинность всей его элементной базы и программных составляющих подтверждены соответствующими сертификатами.

Все документы перед выдачей на сканирование были осмотрены на предмет целостности, ветхости, биозараженности. В результате принято решение о сканировании всех выявленных документов, поскольку вмешательство реставратора (укрепление бумаги, устранение заломов или надрывов, микологическая обработка, консервация состояния и пр.) не требовалось. Предварительная подготовка к сканированию заключалась только в их обеспыливании.

При работе с подлинниками во время работ по сканированию были соблюдены все меры безопасности и технические требования (работа в специальных перчатках, соблюдение противопожарного, охранного, температурно-влажностного, санитарно-гигиенического режимов и пр.), а также общие правила, которым необходимо следовать в процессе создания электронных копий¹¹. Особое внимание специалист при оцифровке уделял требованиям к освещению (отсутствие дополнительных источников света, отражаемый свет и пр.). После настройки сканирующего оборудования, настройки колыбели сканера (для переплетов и конволютов) происходила оцифровка единицы хранения в полном объеме. В отношении нескольких объемных и переплетенных единиц хранения (например, альбомов с перепиской Ф. М. Достоевского и коллекцией его автографов из собрания П. Я. Дашкова — ф. 93, оп. 2, № 81–82) было принято решение не расшивать их, поскольку раскрытие переплета позволяло выполнить качественные копии после его фиксации в колыбели сканера.

Основным методом оцифровки являлся постраничный, независимо от формата листов. Для контроля процесса создания и качества электронных изображений использовались цветные, нейтрально-белые и нейтрально-серые мишени (шкалы); мишени для настройки глубины фокуса; линейки миллиметровые. Применялись белые или серые листы бумаги для подкладки под небольшие документы, с тем чтобы следующий документ большего размера не предьявлялся на изображении,

---

¹¹ См.: Технические требования к оцифровке архивных документов... С. 45–56.

а также для удобства обрезки по размеру листа. Черные листы использовались для подкладки при сканировании тонкой бумаги с просвечивающим обратным текстом для выравнивания (сглаживания) яркости такого текста. Среди выявленных рукописей большеформатных подлинников не оказалось, поэтому пофрагментная оцифровка с последующей компьютерной «склежкой» («стикингом») изображения не менялась.

Был установлен общий размер максимального разрешения в формате TIFF 1200 dpi. Обращалось внимание на качество эталонных электронных образов, обеспечение их аутентичности оригиналу (в частности, в цветовом режиме, максимально приближенном к подлиннику), достоверности и целостности при недопустимости графической обработки полученной электронной мастер-копии. Последний момент особенно важен, поскольку «любое не регламентированное и не стандартизированное вмешательство в содержание электронной копии может рассматриваться как ее творческая переработка, а результат такого вмешательства является объектом авторского права сотрудника, который проводил графическую обработку...»¹²

В системе хранения файлы структурированы по архивному шифру. Полученный электронный массив после перевода в более доступный формат (по размеру файла) будет присоединен к электронному фонду пользования Рукописного отдела ИРЛИ. Цифровая копия становится на сегодняшний день новым типом источника архивной информации и полноправным объектом архивного хранения¹³.

Вопреки мнению, что практика использования электронных копий, представленных в сети Интернет, взамен подлинников ведет исследователя к увеличению числа источниковедческих процедур¹⁴, РО ИРЛИ, как и другие архивы-участники, для данного проекта предоставляет для сканирования только подлинники автографы. Практически единичные случаи размещения электронных образов с копий автографов Достоевского обусловлены отсутствием сохранившегося подлинника и оговариваются в графе «Описание», например «Автограф не сохранился. Копия рукой П. П. Потоцкого», «Копия рукой А. Г. Достоевской» или «Копия рукой неустановленного лица». Таким образом, исследователи могут быть уверены в оригинальности публикуемых документов, им не нужно проводить источниковедческий анализ подлинности

---

¹² См. подробнее: Юмашева Ю. Ю. Научное издание исторических документов в электронной среде: проблемы источниковедения и археографии // Историческая информатика. 2017. №1. С. 125–139. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21766 (дата обращения: 20.09.2019).

¹³ По определению Ю. Ю. Юмашевой, «копия является самостоятельным физическим объектом, сочетающим в себе авторство, цель создания (отчасти) и семантическую информацию подлинника с отличными от последнего авторством, физической формой и целями создания копии» (Там же).

¹⁴ Там же.

оригинала, они могут непосредственно обратиться к решению собственно исследовательских задач.

Выполненное сканирование имеет значение и для области консервации и реставрации документов. Новые информационные технологии позволят продлить жизнь ценным документальным источникам. В этом отношении особое значение приобретает разработка и применение «методов бесконтактного оптико-электронного восстановления текста», посредством которых становится возможным «увидеть скрытые записи без физического или химического вмешательства в документ», так как обработке подвергается не оригинал рукописи, а ее «высококачественная цифровая копия документа», что позволяет выполнить «компьютерное моделирование и послойное прочтение документа»¹⁵. Этот этап работ не входит в задачи нашего проекта, который, безусловно, является его базой, предоставляющей высококачественные копии рукописей Ф. М. Достоевского.

Для обеспечения информационной безопасности, т.е. для резервного копирования и долговременного хранения полученного электронного RAID-массива на следующем этапе проекта (в 2020 г.) будет приобретено серверное оборудование, источники бесперебойного питания (для сканирующих систем, рабочих станций и серверов), система хранения данных, носители информации для хранения мастер-копий:¹⁶

SM MBD-X10SRW-F 1 × E5-2600v3/v4 8×DDR4 RISER 10×SATA IPMI NR WIO/8.15×13 2× 1G/i350

Intel Xeon E5-2630 v4. 2.2GHz / 3 1GHz. 10 Cores, 25 MB LLC, 85 W, DDR4-2133, 80| GT/s QPI, HT, TB

32 GB Kingston DDR4-2400 ECC Registered DIMM

Корзина на 12 накопителей 3,5” SAS3/SATA3 12Gb/s с горячей заменой Single Expander, 4 × Mini-SAS HD Ports

HDD SATA 3,5” WD GOLD 6TB 6Gb/s 7200RPM 128MB Cache

SAS и/или SATA-контроллер, интегрированный в материнскую плату BROADCOM MegaRAID SAS 9380-8i8e SAS3316. 8Pr8Pe 12 Gb, s 2GB RAID 0/1/10/5/50/6/60, PCIe 3.0 ×8, LP

Модуль защиты кэш-памяти CacheVault CVPM02 для контроллеров BROADCOM 9361-16i/24i, 9380-8i8e

Следовательно, будут соблюдены такие основные методы обеспечения долговременной сохранности электронной информации, как

---

¹⁵ Герчикова Н. А., Ларин А. А., Хачатурян Л. В. Современные электронные технологии в текстологических исследованиях: методы графической обработки цифровых форм рукописных текстов // Deus conservat omnia. Творческое наследие Анны Ахматовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akhmatova-rgali.ru/index.php?view=textualism&t=text1> (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁶ Основные подходы к обеспечению долговременной сохранности (хранения) электронных копий в архиве изложены в пункте 4 «Методических рекомендаций по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом». С. 83–86.

миграция и конвертация информации, которые должны будут производиться с периодичностью, определяемой сменой поколений аппаратно-программных средств и платформ — в среднем не реже 1 раза в 5 лет¹⁷.

Информационно-поисковая система «КАИСА-Архив» разработана на основе программного продукта, созданного одной из ведущих компаний в области цифровизации архивов — ЗАО «Альт-Софт». Авторы аналитического обзора «Сравнительный анализ программных продуктов, предназначенных для информатизации внутриархивной деятельности государственных и муниципальных архивов», выполненного в 2015 г. и рассматривающего функциональность программных продуктов, наиболее полной, профессиональной разработкой (с точки зрения реализации процессов, процедур и операций внутриархивной деятельности в электронной среде) признают ПИК «КАИСА-Архив»¹⁸.

Для проекта «Объединенный цифровой архив Ф. М. Достоевского» эта компания изготовила автоматизированную систему на программной платформе «КАИСА» с оптимизированным для нужд проекта интерфейсом и соответствующей рубрикацией, построенной по хронологическо-тематическому принципу. Эта специальная структура соответствует схеме многоуровневого иерархического описания документов Ф. М. Достоевского, общепринятого в архивах: фонд — опись — единица хранения (дело) — документ. Отметим важную особенность описания: под «документом» в данном проекте подразумевается каждая страница рукописи, поскольку одна единица хранения или даже его страница может одновременно содержать разного рода информацию: от замыслов писателя, подготовительных материалов к романам, дневниковых записей или его рисунков до бытовых помет, адресов, счетов или писем. То есть внутри описания каждой единицы хранения создаются электронные окна по количеству содержащихся в ней страниц с заголовками в виде номера листа, например «л. 2», «л. 25» или «л. 25 об<орот>», а содержание данного заголовка раскрывается в графе «Описание», например «Часть вторая, глава IX. Отрывок» (заголовок единицы хранения [«Бесы». Роман. Черновой автограф.] вносится на более раннем этапе). Такое постраничное описание имеет основополагающее значение для

---

¹⁷ «Конверсию или миграцию документов необходимо осуществлять до того, как устареют технологии и носители информации (такие как дискеты, магнитные ленты, оптические CD- и DVD-диски), от которых они зависят». ГОСТ Р ИСО 13008—2015 «Информация и документация. Процессы конверсии и миграции электронных документов». Пункт 4.3.3. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200123738> (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁸ Сравнительный анализ программных продуктов, предназначенных для информатизации внутриархивной деятельности государственных и муниципальных архивов. Аналитический обзор. М.: ВНИИДАД, 2015. Т. 1, 157 с.; т. 2, 97 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2016-sravnitelny-analiz-informatization-archive.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

дальнейшей работы — создания объединенного информационного массива рукописей, который в итоге будет представлять ряд страниц одной тематики, выстроенный в хронологическом порядке вне зависимости от места хранения.

Вот данная схема описания автографов писателя:

1. *Тематические разделы информационного массива* (жанрово-тематический справочник): название раздела; описание раздела.

2. *Учреждение-хранитель*: название учреждения; аннотация (какие документы хранятся, какие документы представлены).

3. *Фонд*: номер фонда в учреждении; название фонда; аннотация; историческая справка.

4. *Опись, раздел описи*: номер в фонде; название описи.

5. *Единица хранения*: номер единицы хранения в описи; архивный шифр ЕХ (составляется автоматически из вышеперечисленных); заголовки; крайние даты; количество листов.

6. *Документ/страница*: номер документа/страницы внутри единицы хранения; заголовок документа; датировка; условная датировка начала (01.12.1865); условная датировка окончания (01.11.1866); датировка предположительна (да/нет); количество листов (страниц); описание документа; способ воспроизведения (рукопись, вырезка из журнала и пр.); вид документа, или жанр (письмо, черновик произведения, заметки, дневник и пр.); персоны (автор, адресат, упоминаемые лица); география (место написания, упоминаемые топонимы); жанрово-тематический справочник (позиции, с которыми связан документ); библиография (где опубликован документ); размеры; внешние особенности; связь с публикацией в ПСС (ПСС, том, номера страниц); скан страницы (миниатюра и экранное представление с защитными знаками создаются автоматически).

Обучение участников проекта из Рукописного отдела ИРЛИ работе в программе «КАЙСА» не потребовалось, поскольку базовый вариант этого программного продукта для работы архивов уже был установлен на рабочих местах сотрудников. При вводе вышеперечисленных данных в систему все поля заполнялись поэтапно, в соответствии с рекомендациями компании «Альт-Софт». Описание каждого сканированного листа (страницы) рукописей пополнялось приложением самого электронного образа.

Эта работа шла параллельно с модернизацией программы для нужд проекта, в рамках которого должны быть выработаны единые требования к различным описаниям архивных документов. На сегодняшний день еще не все пункты описания приведены архивами-участниками к унификации. Так, например, наибольшую трудность вызвал пункт «Датировка» в отношении творческих рукописей, где она чаще всего условная: простановка месяца и даже года — редкость у писателя. Но даже условный характер большинства датировок требовал точности, ведь итогом работы всех архивов-участников должно стать воссоздание

в электронной системе творческих этапов работы писателя над тем или иным произведением. Это особенно проблематично в связи с тем, что архивы по-разному располагают элементы дат: число — месяц — год (РГБ, РНБ) или год — месяц — число (ИРЛИ); цифровое обозначение месяца (РГАЛИ) или буквенное (ИРЛИ). Данный вопрос потребовал общего согласования, включая мнение сотрудников «Альт-софта». В итоге единым для всех архивов и адаптированным к поисковой системе программы было принято цифровое обозначение датировки в формате «число — месяц — год».

Данное программное обеспечение будет совершенствоваться до окончания проекта в соответствии с возникающими в ходе эксплуатации требованиями сотрудников архивохранилищ, вводящих и систематизирующих метаданные. Сотрудничество с «Альт-софт» показало, что их программное обеспечение легко адаптируется к изменяющимся условиям и корректируется при выявлении ошибок на стадии эксплуатации.

Также отметим, что программно-информационный комплекс «КАИСА-Архив» снабжен интеллектуальной системой классификаторов, рубрикаторов, указателей и развитыми поисковыми механизмами. Основные объекты можно искать по краткому или полному названию, общий поиск осуществлять «по слову» или «по числу» (например, по дате рукописи). В составе данной информационно-поисковой системы (ИПС) есть разделы: «Хранилище», «Фонды», «Описи», «Разделы описи», «Единица хранения», «Лист», «Страница», «Персоны», «Именной указатель», «Географический указатель». Исходя из названий разделов ИПС объединит функции таких видов справочников, как опись, указатель, каталог. В ней можно представлять максимально детализированное описание, вплоть до уровня документа и части документа. В строке «Дополнительные материалы» возможно осуществить поиск по виду документа: «Страница ПСС», «Содержание ПСС», «Документация», «Логическое значение», «Роли географических объектов», «Роли персон», «Роли сотрудников», «Сотрудники». Таким образом, пользователи для работы с ресурсом получают удобный исследовательский инструментарий, адаптированный к условиям цифровой среды. Логичная структура интерфейса облегчит работу с большим количеством документов.

Все перечисленные параметры информационной системы нуждаются в заполнении на основе детальных научных исследований. Именно поэтому реализация данного цифрового ресурса осуществляется научным коллективом, в состав которого включены архивисты, академические ученые, информатики. Только объединение их усилий позволит выработать разумную стратегию создания полноценного интернет-ресурса, востребованного пользовательской средой.

Подводя промежуточный для проекта «Объединенный цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского» итог, обозначим, что,

во-первых, он позволяет осуществить в новом, прогрессивном варианте одну из основных функций архива — обеспечение сохранности документов. Во-вторых, принципиально важным оказывается то, что он реализует одно из ключевых направлений в области информатизации архивных собраний: построение электронных аннотированных указателей, включающих в себя оцифрованные изображения рукописей, доступные в режиме on-line. В-третьих, наполняя исследовательскую базу данного информационного ресурса, участники совершенствуют его функциональность и дизайн для удобства использования заинтересованной или профессиональной аудиторией. В-четвертых, Рукописный отдел Пушкинского Дома, внедряя современные информационные технологии, меняет свой облик, и, оставаясь высоконаучным значимым учреждением, становится более доступным широкой аудитории. И в-пятых, данный проект демонстрирует, насколько возрастает роль совместных работ по организации единого виртуального поля хранения материалов одной тематики. Он соответствует перспективному развитию в области создания тематических исследовательских баз данных.

Разработка и реализация таких полифункциональных интегрированных информационно-поисковых систем даст возможность работать с электронными копиями архивных документов, которые позиционируются как полноценная замена работе с автографом. Подобные проекты существенно облегчат деятельность сотрудников архивов, а исследователи получат значительную экономию во времени поиска и получения необходимой информации, не говоря о немаловажной материальной выгоде — получении сведений удаленно, без надобности посещения архива. В настоящее время такие информационные ресурсы дают неограниченные возможности не только специалистам, но и любому пользователю. Наличие источниковедческих, археографических, текстологических описаний самих архивных документов, а также ссылок на основные издания позволит устранить субъективность и неполноту в исследовательской литературе и будет способствовать расширению возможностей изучения многогранного творчества писателя. Как проект по созданию виртуального архива данный ресурс к моменту своего завершения займет, надеемся, достойное место в ряду мировых информационных ресурсов.

Библиографический список

Артизов А. Н. «О стратегических подходах к размещению архивной информации в сети Интернет». Доклад на заседании Совета по архивному делу (8 октября 2014 г., г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml> (дата обращения: 20.09.2019).

- Барит К. А., Гунашвили Е. М., Коцценко И. В., Кравчук И. А., Чихалова Ю. М.* Об источниках и целях формирования Цифрового архива Ф. М. Достоевского // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 9: Гуманитарные исследования и цифровая среда: наука и практика (сер. «Электронная библиотека»). СПб., 2019.
- Герчигова Н. А., Ларин А. А., Хачатурян Л. В.* Современные электронные технологии в текстологических исследованиях: методы графической обработки цифровых форм рукописных текстов // Deus conservat omnia. Творческое наследие Анны Ахматовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akhmatova-rgali.ru/index.php?view=textualism&t=text1> (дата обращения: 20.09.2019).
- ГОСТ Р ИСО 13008–2015 «Информация и документация. Процессы конверсии и миграции электронных документов». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200123738> (дата обращения: 20.09.2019).
- Гринфельд П. А., Мерсадыкова Т. Е.* КАЙСА-Архив — универсальный инструмент комплексной информатизации архивных процессов и услуг // Отечественные архивы. 2018. № 1. [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/4356/kaisa-arhiv-universalnyy-instrument-kompleksnoy-informatizacii-arhivnyh-processov-i-uslug> (дата обращения: 20.09.2019).
- Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Сост. Ю. Ю. Юмашева. М.: ВНИИДАД, 2012. [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml (дата обращения: 20.09.2019).
- Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг. (утв. приказом Росархива № 104 от 02.12.2011). [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.ru/programs/informatization.shtml> (дата обращения: 20.09.2019).
- Сравнительный анализ программных продуктов, предназначенных для информатизации внутриархивной деятельности государственных и муниципальных архивов. Аналитический обзор. М.: ВНИИДАД, 2015. Т. 1–2. [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2016-sravnitelny-analiz-informatization-archive.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
- Технические требования к оцифровке архивных документов, научно-справочного аппарата (НСА) к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации / Росархив, ООО «БизнесСкан». М., 2018. [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2018-nir-tt-digitization.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
- Уладышева И. В.* Объединенный архив Ивана Бунина. Электронный аннотированный указатель // Объединенный электронный архив Ивана Бунина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bunin-rgali.ru/index.php?view=articles&t=art8> (дата обращения: 20.09.2019).

Юмашева Ю. Ю. Научное издание исторических документов в электронной среде: проблемы источниковедения и археографии // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 125–139. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21766 (дата обращения: 20.09.2019).

Koshchienko I. V.

DIGITAL ARCHIVE OF F. M. DOSTOEVSKY'S MANUSCRIPTS: FROM METHODOLOGY TO PRACTICE (BY THE EXAMPLE OF MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE PUSHKIN HOUSE)

Key words: digital archive of the writer, F. M. Dostoevsky, electronic database, source study, archival document, original, digitization of the manuscript, electronic copy, information resource, KAISA.

The article discusses methodological approaches and stages of development a digital archive of Dostoevsky's manuscripts stored in the Manuscript Department of the Institute of Russian literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The results of the work on the selection of scanning equipment and software, on the creation of electronic copies and their description in the software and information complex "KAISA-Archive" are formulated. The question of the need to develop common approaches and methods in the description of autographs of the writer is raised. A wide range of rubricators and classifiers of the information resource for future users in the created database is presented.

References

- Artizov A. N. "O strategicheskikh podkhodakh k razmeshcheniyu arkhivnoy informatsii v seti Internet". *Doklad na zasedanii Soveta po arkhivnomu delu (8 oktyabrya 2014 g., g. Sankt-Peterburg)*. Federal'noye arkhivnoye agentstvo (URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml>).
- Barsht K. A., Gunashvili E. M., Koshchiyenko I. V., Kravchuk I. A., CHikhalova YU. M. Ob istochnikakh i tselyakh formirovaniya TSifrovogo arkhiva F. M. Dostoyevskogo. *Sborniki Prezidentskoy biblioteki*. Vol. 9: Gumanitarnyye issledovaniya i tsifrovaya sreda: nauka i praktika, (ser. "Elektronnaya biblioteka"). St. Petersburg, 2019.
- Gerchikova N. A., Larin A. A., KHachaturyan L. V. Sovremennyye elektronnyye tekhnologii v tekstologicheskikh issledovaniyakh: metody graficheskoy obrabotki tsifrovyykh form rukopisnykh tekstov. *Deus conservat omnia. Tvorcheskoye naslediyе Anny Akhmatovoy* (URL: <http://www.akhmatova-rgali.ru/index.php?view=textualism>).
- GOST R ISO 13008–2015 "Informatsiya i dokumentatsiya. Protssy konverzii i migratsii elektronnykh dokumentov" (URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200123738>).

- Grinfel'd P.A., Mersadykova T.E. KAISA-Arkhiv — universal'nyy instrument kompleksnoy informatizatsii arkhivnykh protsessov i uslug. *Otechestvennyye arkhivy*. 2018. N 1 (URL: [http://http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/4356/kaisa-arhiv-universalnyy-instrument-kompleksnoy-informatizacii-arhivnyh-processov-i-uslug](http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/4356/kaisa-arhiv-universalnyy-instrument-kompleksnoy-informatizacii-arhivnyh-processov-i-uslug)).
- Metodicheskiye rekomendatsii po elektronnomu kopirovaniyu arkhivnykh dokumentov i upravleniyu poluchennym informatsionnym massivom*. Sost. YU. YU. YUmasheva. M.: VNIIDAD, 2012 (URL: [http://http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml](http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml)).
- Programma informatizatsii Federal'nogo arkhivnogo agentstva i podvedomstvennykh emu uchrezhdeniy na 2011–2020 gg. (utv. prikazom Rosarkhiva № 104 ot 02.12.2011)* (URL: <http://archives.ru/programs/informatization.shtml>).
- Sravnitel'nyy analiz programmnykh produktov, prednaznachennykh dlya informatizatsii vnutriarkhivnoy deyatel'nosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivov. Analiticheskiy obzor*. M.: VNIIDAD, 2015. T. 1, 2 (URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2016-sravnitelny-analiz-informatization-archive.pdf>).
- Tekhnicheskiye trebovaniya k otsifrovke arkhivnykh dokumentov, nauchno-spravochnogo apparata (NSA) k arkhivnym dokumentam, a takzhe sozdaniyu, khraneniyu, uchetu i ispol'zovaniyu elektronnoy fonda pol'zovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii*. Rosarkhiv, OOO “BiznesSkan”, 2018 (URL: [http://https://docviewer.yandex.ru/view/75449435/?page=100](https://docviewer.yandex.ru/view/75449435/?page=100)).
- Uladysheva I. V. Ob'yedinennyy arkhiv Ivana Bunina. Elektronnyy annotirovannyi ukazatel'. *Ob'yedinennyy elektronnyy arkhiv Ivana Bunina* (URL: <http://www.bunin-rgali.ru/index.php?view=articles>).
- YUmasheva YU. YU. Nauchnoye izdaniye istoricheskikh dokumentov v elektronnoy srede: problemy istochnikovedeniya i arkheografii. *Istoricheskaya informatika*. 2017. N 1. (URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21766).

Н. В. ЦВЕТКОВА *

ХРИСТИАНСКАЯ ЭСТЕТИКА С. П. ШЕВЫРЕВА И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ключевые слова: Я. Беме, Фр. Баадера, христианская эстетика, С. П. Шевырев, «Бедные люди» и позднее творчество Ф. М. Достоевского, критика 1840-х гг., «История русской словесности».

В статье анализируется эстетическая теория позднего С. П. Шевырева, созданная под влиянием немецких философов Я. Беме и Фр. Баадера, творчества Пушкина и традиций древней русской литературы, в отгалкивании от теории и практики «натуральной школы» и, в частности, первого романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди». В статье выдвигается гипотеза, что изложенная Шевыревым в многочисленных критических статьях «Москвитянина» и «Истории русской словесности» эстетическая концепция предсказывает философско-творческое направление творчества зрелого Достоевского.

Первый творческий контакт уже известного славянофильского критика и теоретика искусства С. П. Шевырева и молодого писателя Ф. М. Достоевского произошел в 1846 г., когда в рецензии Шевырева на «Петербургский сборник» талант автора «Бедных людей» был определен как «явление замечательное»¹. Критик рассмотрел связь этого произведения с гоголевской традицией, высказался о чиновнике Макаре Девушкине, «маленьком человеке» с «чувством человеколюбия» и «амбиции», увидев в последнем «плод петровской реформы» и «глубочайшее историческое содержание»².

Если славянофил Шевырев, анализируя художественный мир в «Бедных людях», тему и образ чиновника в романе и вообще в современной ему русской литературе, вводит их во вневременной историко-культурный контекст, то западник Белинский, трижды писавший о романе Достоевского³, видит в дебютном произведении

---

* Нина Викторовна Цветкова, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Псковского государственного университета — tsvetkova48@yandex.ru.

¹ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 226.

² Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 39.

³ В статьях: «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым» в 1846 г., «Взгляд на русскую литературу в 1846 году» в 1847 г., затем в рецензии 1848 г. «Бедные люди. Роман Федора Достоевского».

писателя связь с современностью, с поэтикой и задачами «натуральной школы»⁴, и эту традицию продолжали советские ученые. В широком историко-литературном и других контекстах представляет роман Достоевского К. А. Баршт⁵. В сопроводительной статье к новейшему изданию «Бедных людей» он отводит восприятию его первыми читателями и критиками раздел под названием «“Бедные люди” в критических отзывах»⁶.

Обращаясь к оценкам «Бедных людей» современниками Достоевского, можно сделать вывод, что критики кружка Белинского — Некрасова в своих отзывах о первом произведении Достоевского делали акцент на его связи с современными литературными задачами, заключающимися в изображении действительности, социального плана и трагических обстоятельств жизни. В. Н. Майков единственный из них в своей оценке романа оказывается близким славянофилу Шевыреву, с интересом замечая, что «манера г. Достоевского в высшей степени оригинальна», что проявится она в «огромности психологического интереса», таким образом выводя его талант за рамки современности. Не случайно Ю. В. Манн описывает Майкова как почти бунтарски настроенного по отношению к «наследству» Белинского⁷.

В своей статье, посвященной «Петербуржскому сборнику», Шевырев детально проанализировал художественный мир «Бедных людей». В частности, он писал: «В отношении художественном мы можем заметить в новом повествователе наблюдательность и чувство. <...> Все эпизоды о бедных людях проникнуты чувством, особенно рассказ о студенте Покровском и об отце его — едва ли не лучше всей повести. Письмо Девушкина о смерти сына у Горшковых заставит больше чем задуматься»⁸. В некоторых своих наблюдениях критик сближается с Майковым, например в моральной оценке поведения Вареньки в финале произведения: оба рецензента единодушны в том, что героиня «не должна была отказать себе в праве помучить его несколько раз

---

⁴ См.: Бурсов Б. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., 1953; Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х гг. XIX в. М., 1959; Лаврецкий А. Эстетика Белинского. М., 1959; Мордовченко Н. В. Белинский и русская литература его времени. М., Л., 1950; Нечаева В. С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1842–1848. М., 1967; Манн Ю. В. Человек и среда (заметки о «натуральной школе») // Вопросы литературы. 1968. № 9. С. 115–134; Манн Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969; Кирпотин В. Достоевский и Белинский. М., 1976, и др.

⁵ Баршт К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: Творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / Изд. подг. К. А. Баршт; отв. ред. И. А. Битюгова. М., 2015. С. 379–514 (сер. «Литературные памятники»).

⁶ Там же. С. 490–514.

⁷ Манн Ю. Валериан Майков и его отношение к «наследству» // Манн Ю. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969. С. 266–294.

⁸ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 228.

лакейской ролью»⁹, «мучает его до конца скучными поручениями для приготовлений к свадьбе»¹⁰.

Статья Шевырева, в отличие от статей западников, выявила суть самых важных творческих тенденций Достоевского, свойственных ему и в зрелом возрасте. Если, по мнению Шевырева, «создание¹¹ Гоголя стоит вне всякой тенденции» и «выше всех временных отношений»¹², то повесть Достоевского отразила чужеродные для русской словесности западные тенденции, в первую очередь «филантропическую»¹³, характерную для романов Ж. Санд и подкрепленную идеями руссоизма и утопического социализма. Шевырев негативно воспринял то, что одобрили как Белинский, так и Майков.

Все, что в повести Достоевского вызывает отрицательное отношение Шевырева, ведет его к рассуждениям о законах искусства слова, которые, по его мнению, построены на этико-эстетическом основании, а не на закономерностях социальной жизни. Он пишет: «Истинно изящное и без филантропических тенденций всегда возбуждало любовь к ближнему. Это сознавали и язычники <...>. Христианство еще более уяснило эти понятия. После всякого вполне изящного впечатления ваша душа настроена гармонически и растроена к добру. К чему же создавать какое-то особенное филантропическое искусство, когда всякое искусство, изящное само в себе, непременно содержит в себе сочувствие и любовь к человечеству?»¹⁴.

На примере «Бедных людей» и других произведений «Петербургского сборника» Шевырев стремится доказать, что в середине XIX в. отнюдь не «филантропические» тенденции определяют развитие русской литературы и она не должна подчиняться внелитературным задачам. В своей позиции как критик и теоретик литературы он шел против мощного литературно-общественного движения, главой которого был Белинский. Некоторые стороны ее оказались близкими литературному дебюту Достоевского, который сам в этот период был увлечен социальными идеями.

В отличие от сторонников «натуральной школы», к 1846 г. Шевырев выработал основополагающие начала искусства слова, которые автору «Бедных людей» станут близки почти через двадцать лет, когда

---

⁹ Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Критика 40-х годов XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. М., 2002. С. 378.

¹⁰ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 228.

¹¹ «Созданием» Шевырев называет классические произведения в отличие от произведений второстепенных авторов или рассчитанных на массового читателя. В статье «Византийские легенды. Иоанн Цимисхий. Быль X-го века» Шевырев пишет: «У нас, в повествовательном роде создание принадлежит Пушкину, особенно в "Капитанской дочке", <...> Гоголю в его "Тарас Бульбе"...» (Москвитянин. 1841. № 4. С. 496).

¹² Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 227.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Там же.

они воплотятся в его романах, Пушкинской речи и в статьях «Дневника писателя». Шевырев пришел к таким убеждениям на рубеже 1830–1840-х гг. не без влияния Пушкина и во время пребывания за границей в учебной командировке. Утвердит эти убеждения полемика с «натуральной школой» на страницах журнала «Москвитянин».

В неопубликованном дневнике ученого за 1838–1840 гг.¹⁵ обнаруживаются следы интенсивной работы по формированию его нового взгляда на европейскую цивилизацию, науку и культуру. Он скрупулезно осмысляет в них то, что может представлять ценность для России. Не отрицая лучших достижений европейской науки, он не принимает «обособление» немецкой философии от религии и «от прочих отраслей развития человеческого и ограничения владений ее одним только чистым эфиром мысли»¹⁶. В его сознании формируется понимание того, что в основании философии лежит христианское учение. Не случайно в своем дневнике Шевырев делает большое количество выписок из святоотеческой литературы, его внимание обращено к Я. Беме и к Ф. фон Баадеру, сочувствующему «учению Восточной Церкви»¹⁷.

Позднее С. Л. Франк подчеркнет, что «Баадер, в отличие от классического немецкого идеализма, связанного с античностью и спинозизмом, в своем мировоззрении всецело опирается на христианскую традицию — на Библию и христианскую теософию»¹⁸. И святоотеческая литература, и труды Беме и Баадера помогают Шевыреву разрешить важнейший вопрос примирения философии и религии.

В его записях прослеживается мысль о соединении религиозных начал с философией и с разными отраслями науки (филологией, педагогикой, эстетикой и т. д.). В. В. Зеньковский, осмысляя путь нравственно-духовных исканий Гоголя, Жуковского, бывших любомудров и будущих теоретиков славянофильства И. В. Киреевского и А. С. Хомякова на рубеже 1830–1840-х гг., писал об их «возврате к церковному мировоззрению», о «построении цельного мировоззрения на основе церковного сознания»¹⁹. Подобный процесс происходит также и в мировоззрении Шевырева. Для будущего великого русского писателя Достоевского «возврат к церковному мировоззрению» начинается на каторге, пережить которую ему поможет Евангелие, подаренное Н. Д. Фонвизиной.

Вернувшись из учебной заграничной командировки в Россию в 1840 г., Шевырев изложил свои религиозно-философские взгляды в статье «Христианская философия. Беседы Баадера», опубликованной

¹⁵ Шевырев С. П. Дневник. 25 марта 1839–[1840] // ОР РНБ. Ф. 850. № 19.

¹⁶ Шевырев С. П. Взгляд русского на современное образование Европы // Шевырев С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 214.

¹⁷ Москвитянин. 1841. Ч. 3. С. 379.

¹⁸ Франк С. Л. Новая книга о Фр. Баадере. Fritz Lieb. Franz Baaders Jugendgeschichte // Путь. 1928. № 12. С. 125.

¹⁹ Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. и 4 ч. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 15.

в журнале «Москвитянин». Солидаризируясь с Баадером, почерпнувшим «дух своего учения из Евангелия»²⁰, он прямо пишет о роли веры и духа в человеке, ищущем знания. В процессе познания для Шевырева важно «знание реальное, действительное, доподлинное; знание мира, а не знание от меня», «чтобы раскрывать истину бытия, а не условия явления». Основу статьи составляет критика немецкой философии (Канта, Фихте, Шеллинга, и особенно Гегеля) по проблемам отношений духа и природы, знания и веры, антропологии. В противоположность названным философам, особенно Гегелю, Беме («истинный основатель германской философии и теософии») позиционируется как мыслитель, объективно разрешивший вопрос об отношении идеи и природы, учивший тому, «как идея открылась через природу»²¹, доказавший, «что откровение или осуществление идеи, как бытия для себя, обуславливается через бытие начала природы не для себя, а для идеи. Начало природы служит идее и в ней только получает свою истинную действительность и цельность <...>»²².

Филологу Шевыреву особенно близка та истина христианства, по которой у Беме происходило «примирение идеи и природы, или правильное, начала природы — в Слове, λόγος»²³. В статью входят основополагающие понятия Священного Писания: «Эта основа, это Слово, искони бывшее в Боге и служащее посредником, есть Сын. Искони, прежде всех веков, предвечная Любовь Божия открылась в Сыне, равно как разум человеческий открывается в слове, которое ему единосущно»²⁴. Эти константы станут впоследствии предметом особого внимания в русской религиозной философии, им посвятят свои исследования В.В. Зеньковский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский.

Шевырев так объясняет особую роль Слова: «В нем идея и начало природы, понятие и чувство, знание и вера нераздельны»²⁵. Благодаря ему происходит примирение духа и природы и установление гармонии. Высокая роль любви и мысль о гармонии лягут в основу эстетической теории Шевырева, для которого категория прекрасного непосредственно связана с Божественным.

Этот комплекс проблем станет основой деятельности Шевырева с начала 1840-х гг., когда он читает курс лекций по истории древнерусской литературы, а затем издает свою «Историю русской словесности» (1846–1860). В понимании роли слова он идет от культуры Древней Руси, в которой оно обозначает и язык, и народ: «Нет ни народа,

---

²⁰ Москвитянин. 1841. Ч. 3. С. 381.

²¹ Там же. С. 393–394.

²² Там же. С. 394–395.

²³ Там же. С. 396.

²⁴ Там же. С. 396–397.

²⁵ Там же. С. 400.

ни языка без произведений слова»²⁶. Шевыреву важно утвердить онтологический смысл слова, потому что «Слово — дар людям от Бога»²⁷. В понимании мыслителя слово в русской литературе и древнего периода, и Нового времени сакрально по смыслу, всемирно в пространстве и вечно во времени; Шевырев пишет о Логосе как о «предвечно сущем Слове, Которое Само явилось тем творческим принципом, в Котором и Которым сотворено все существующее»²⁸, что утверждает философ XX в. Такова вообще особенность восточно-христианского мышления в противоположность западноевропейской традиции. Слово существует для того, чтобы выразить «всемирную мысль» и «всемирное чувство», т. е. «всечеловеческое». Продолжая эту идею Шевырева, Флоренский говорил о том, что «в языке заложено объяснение бытия»²⁹.

Как утверждает Т. А. Касаткина, «Достоевский не “пользуется” словом, не использует его в интересах конкретного контекста, в определенном, неизбежно суженном и усеченном значении»³⁰. Суть «реализма в высшем смысле» Достоевского сказалась в способе бытия слова в текстах его великих романов.

Такое значение слова Шевырев выявлял в произведениях древнерусской литературы, поэтому главную задачу современной ему литературы Шевырев видит «в созданиях <...> отгадывать душу человеческую и изображать внутреннего человека <...> во всяком народе, во всякой земле»³¹, утверждая, что здесь «обильный предмет для любви и уважения — это сам человек, его бессмертное и божественное существо, искажающееся в столь разнообразных видах, но несмотря на все искажения всегда равно нам близкое <...> всегда брат наш»³².

Для Шевырева, в отличие от Белинского и писателей «натуральной школы», «не задача искусства анализировать действительность и доходить до сокровенных глубин ее. Оно будет делать доносы на жизнь, но всегда несправедливые и односторонние». По его представлениям, «за одно искусство отвечает художник <...> искусство принимает все, что есть в мире Божиим <...> оно цельно так же, как мир Божий»³³.

Истинное искусство слова в статьях «Москвитянина» Шевырев соотносит с творениями русских классиков от Ломоносова и Державина до Жуковского и Пушкина, называя их «героями русского слова».

---

²⁶ Шевырев С. П. История русской словесности: В 4 ч. 2-е изд. М., 1859–1860. Ч. 1–2. С. VIII.

²⁷ Там же.

²⁸ Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 79.

²⁹ Флоренский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 150.

³⁰ Касаткина Т. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. С. 46.

³¹ Москвитянин. 1848. Ч. 1. С. 54.

³² Там же.

³³ Там же. С. 43–44.

Пушкин оказывается в его понимании абсолютным художником слова, «гением», которому свойственна «свобода творческого духа»³⁴. По мнению критика, он «гениально отгадал тайну нашей народной поэзии», «наше русское слово»³⁵, причем «умел самый простой и грубый материал возвышать до красоты идеальной»³⁶. Шевыреву важно указать, что «классическая и романтическая школы» «в Пушкине исчезли совершенно, помирились, уравновесились, поэтому в его «истинном и цельном искусстве не может быть ничего половинного, никакого преобладания формы или идеи», в нем «действует один творческий разум», а зрелость его наступает при сознании «в себе народного русского духа». «Пушкин мог явиться цветом народного слова только на всемирной почве»³⁷, — подводит он итог, говоря о мировом значении русского гения. Об этом же позже скажет Достоевский в своей Пушкинской речи.

Согласно наблюдениям К. А. Степаняна, «сопоставление пушкинских произведений зрелого периода и романов Достоевского выявляет типологическое сходство в принципах воссоздания мира, в понимании места человека в нем и основных закономерностей бытия, формировании художественной реальности вокруг главной метафизической идеи»³⁸. Об этом же ранее писал Шевырев. Приведем лишь один пример. В статье 1841 г. «Сочинения Александра Пушкина» критик осмысливал наследие русского гения, олицетворяющего духовные и творческие силы русской нации, которые осуществились в разных родовых формах: стихе, драме и прозе, не понятой и не принятой большинством современников. Именно Шевырев впервые в истории русской критики увидел в Чарском, alter ego автора, «призвание к священному искусству»³⁹, родственному по значению религиозному служению, что проявилось в принципах пушкинского изображения человека и его отношений с областью Божественного.

Ссылаясь на Э. Ауэрбаха, Степанян писал, что «в его капитальном труде “Мимесис” есть выражение “реализм в высшем смысле” (при том, что “Записных тетрадей” Достоевского он, скорее всего, не знал)»⁴⁰. Ауэрбах связывал это выражение с памятниками раннего христианства, относя его и к творчеству Достоевского. По его наблюдениям, «если рассматривать русскую реалистическую литературу, которая достигла

---

³⁴ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 161.

³⁵ Там же. С. 157.

³⁶ Там же. С. 164–165.

³⁷ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 96.

³⁸ Степанян К. А. «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/realizm-v-vysshem-smysle-kak-tvorcheskiy-metod-f-m-dostoevskogo#ixzz5X8owItct> (дата обращения: 31.07.2019).

³⁹ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 175.

⁴⁰ Там же.

полного расцвета лишь в XIX веке, даже во второй его половине, складывается впечатление, что русская литература опирается на фундамент раннехристианского патриархального представления о “тварном” достоинстве каждого человека <...> получается, что русская литература в своих основах скорее родственна раннехристианскому реализму, чем современному реализму Западной Европы»⁴¹. И для Шевырева основой современной ему литературы явилась древнерусская, в связи с чем смысловым ядром в его концепции христианского искусства стала «теория освобождения человека», по которой «Христос освобождает нас от грехов; но Он носит их на Себе, покамест мы сами в себе не уничтожим их. Тогда только мы становимся совершенно свободны, и можем торжественно соединиться с нашим Искупителем в этой свободе»⁴².

Шевырев пишет о жертвенности как высокой христианской добродетели, проявившейся в Божьем Сыне, дарующем свободу человеку в подвиге самоотречения. Эта мысль станет у Шевырева толчком к постижению главной и «великой задачи искусства» — «мысли освобождения жертвы»⁴³, которая появилась, по его наблюдениям, на Западе — в творчестве Диккенса, в некоторых произведениях Ж. Санд. «Для того, чтобы постигнуть эту всемирную задачу нашего искусства, торжество самого агнца, нужны те народы, которые сами долгое время были жертвами других народов»⁴⁴, — делает вывод критик, имея в виду русское искусство слова.

Он считает, что «всемирную задачу нашего искусства, торжество самого агнца» смогут решить только «племена славянские», у которых «история представляет непрерывную цепь жертвоприношений»⁴⁵. Самое первое ее проявление связано с историей Христа: через призму этого образа Шевырев строит свою христоцентрическую теорию современного искусства, «когда», по его словам, «каждый из нас понесет в жертву всем душевную личность, тогда только любовью, а не насилем может совершиться освобождение всех»⁴⁶. О христоцентричности художественно-философского мышления Достоевского существует большая литература⁴⁷.

---

⁴¹ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. А. В. Михайлова и Ю. И. Архипова. М., 2000. С. 434–435.

⁴² Москвитянин. 1848. Ч. 3. С. 426.

⁴³ Шевырев С. П. Общий взгляд на историю искусств и поэзии в особенности // Московский городской листок. 1847. №4. С. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Буданова Н. Ф. Достоевский о Христе и истине // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 21–29; Тихомиров Б. Н. О «Христологии» Достоевского // Там же. СПб., 1994. Т. 11. С. 102–121; Котельников В. А. Кенозис как творческий мотив у Достоевского // Там же. СПб., 1996. Т. 13. С. 194–200; Ермилова Г. Г. Христология Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 1999. №13. С. 37–44; Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953; и др.

А. Б. Криницын приходит к выводу, что в романах Достоевского «значение мифа о жертве для Достоевского только возрастало и обогащалось смысловыми возможностями. Принципиально важно, что к концу своего творческого пути, в последнем романе “пятикнижия”, только через смертную жертву, добровольную и самоответственную, ради искупления царящего в мире зла, <...> Достоевский видит возможность преображения и спасения мира: вслед за Христом этот встречный акт должно совершить человечество в лице своих избранных подвижников. В этом смысл мифологического сюжета “Братьев Карамазовых”, своего рода философский итог “пятикнижия”»⁴⁸.

Таким образом, в 1846 г. творческий контакт Шевырева с Достоевским стал важным для него шагом в осмыслении задач христианского искусства, в первую очередь русского. А его отзыв о «Бедных людях» явился глубоким проникновением в творческое сознание начинающего художника, который в будущем проделает аналогичный критику и ученому путь к мысли о возможностях русского слова и его всемирной роли.

Библиографический список

- Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. А. В. Михайлова и Ю. И. Архипова. М.; СПб., 2000.
- Баршт К. А.* Литературный дебют Ф. М. Достоевского: Творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / Изд. подг. К. А. Баршт; отв. ред. И. А. Битюгова. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).
- Белинский В. Г.* Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8.
- Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу в 1846 году // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8.
- Белинский В. Г.* Бедные люди. Роман Федора Достоевского // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8.
- Буданова Н. Ф.* Достоевский о Христе и истине // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10.
- Бурсов Б.* Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., 1953.
- Ермилова Г. Г.* Христология Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 1999. № 13.
- Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. и 4 ч. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.
- Касаткина Т.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004.
- Кирпотин В.* Достоевский и Белинский. М., 1976.

---

⁴⁸ Криницын А. Б. Миф о жертве в поздних романах Ф. М. Достоевского // *Litera*. 2016. № 2. С. 69.

- Котельников В. А.* Кеносис как творческий мотив у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13.
- Кривицын А. Б.* Миф о жертве в поздних романах Ф. М. Достоевского // *Litera*. 2016. № 2.
- Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х гг. XIX в. М., 1959.
- Лаврецкий А.* Эстетика Белинского. М., 1959.
- Лосский Н. О.* Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953.
- Майков В. Н.* Нечто о русской литературе в 1846 году // *Критика 40-х годов XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева.* М., 2002.
- Манн Ю.* Валериан Майков и его отношение к «наследству» // Манн Ю. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.
- Манн Ю. В.* Философия и поэтика «натуральной школы» // *Проблемы типологии русского реализма.* М., 1969.
- Манн Ю. В.* Человек и среда (заметки о «натуральной школе») // *Вопросы литературы.* 1968. № 9.
- Маркович В. М.* Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2004.
- Мордовченко Н. В.* Белинский и русская литература его времени. М.; Л., 1950.
- Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1842–1848. М., 1967.
- Степанян К. А.* «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/realizm-v-vysshem-smysle-kak-tvorcheskiy-metod-f-m-dostoevskogo#ixzz5X8owItct> (дата обращения: 31.07.2019).
- Степанян К.* «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005.
- Тихомиров Б. Н.* О «Христологии» Достоевского // *Достоевский. Материалы и исследования.* СПб., 1994. Т. 11.
- Флоренский П. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
- Франк С. Л.* Новая книга о Фр. Баадере. Fritz Lieb. Franz Baaders Jugendgeschichte // *Путь.* 1928. № 12.
- Шевырев С. П.* Дневник. 25 марта 1839–[1840] // *ОР РНБ.* Ф. 850. № 19.
- Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Шевырев С. П. Избранные труды. М., 2010.
- Шевырев С. П.* История русской словесности: В 4 ч. 2-е изд. М., 1859–1860. Ч. 1–2.
- Шевырев С. П.* Об отечественной словесности. М., 2004.
- Шевырев С. П.* Общий взгляд на историю искусств и поэзии в особенности // *Московский городской листок.* 1847. № 4.
- Шевырев С. П.* Христианская философия. Беседы Баадера // *Москвитянин.* 1841. Ч. 3.
- Эрн В. Ф.* Борьба за Логос. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.

S. P. SHEVYREV'S CHRISTIAN AESTHETICS
AND F. M. DOSTOEVSKY

Key words: Y. Beme, Fr. Baader, Christian Aesthetics, S. P. Shevyrev's, *Poor Folk* and the late works by Dostoevsky, critical articles at 1840s, "The History of the Russian Philology".

The article explores Shevyrev's theory of the Christian art of word, which had been put forward by him under the influence of the German philosophers Y. Beme and Fr. Baader, Pushkin's legacy and old Russian literature. In this he proceeded from natural school and Dostoevsky's first novel *Poor Folk*. This aesthetic theory, presented by Shevyrev in numerous critical articles of "Moskvityanin", "The History of the Russian Philology" and others, anticipates the mature Dostoevsky's philosophical and creative thinking.

References

- Auerbakh E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literaturre*. Per. s nem. A. V. Mikhailova i Iu. I. Arkhipova. Moscow; St. Petersburg, 2000.
- Barsht K. A. Literaturnyi debiut F. M. Dostoevskogo: Tvorcheskaia istoriia romana "Bednye liudi". *Dostoevskii F. M. Bednye liudi*. Izd. podgot. K. A. Barsht; otv. red. I. A. Bitugova. Moscow, 2015 (seriia "Literaturnye pamiatniki").
- Belinskii V. G. Peterburgskii sbornik, izdannyi N. Nekrasovym. *Belinskii V. G. Sobranie sochinenij: V 9 t.* T. 8. Moscow, 1982.
- Belinskii V. G. Bednye liudi. Roman Fedora Dostoevskogo. *Belinskii V. G. Sobranie sochinenij: V 9 t.* T. 8. Moscow, 1982.
- Belinskii V. G. Vzgljad na russkuiu literaturu v 1846 godu. *Belinskii V. G. Sobranie sochinenij: V 9 t.* T. 8. Moscow, 1982.
- Budanova N. F. Dostoevskii o Khriste i istine i Dostoevskii. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. St. Petersburg, 1992. T. 10.
- Bursov B. *Voprosy realizma v estetike revoliutsionnykh demokratov*. Moscow, 1953.
- Ermilova G. G. Khristolognia Dostoevskogo. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: Al'manakh*. St. Petersburg, 1999. N 13.
- Ern V. F. Bor'ba za Logos. Nechto o Logose, russkoi filosofii i nauchnosti. *Ern V. F. Sochineniia*. Moscow, 1991.
- Florenskii P. A. *Sochineniia: V 2 t.* T. 2. Moscow, 1990.
- Frank S. L. Novaia kniga o Fr. Baadere. Fritz Lieb. Franz Baaders Jugendgeschichte. *Put'*. N 12.
- Kasatkina T. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"*. Moscow, 2004.
- Kirpotin V. *Dostoevskii i Belinskii*. Moscow, 1976.
- Kotel'nikov V. A. Kenozis kak tvorcheskii motiv u Dostoevskogo. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. T. 13. St. Petersburg, 1996.

- Krinityn A.B. Mif o zhertve v pozdnikh romanakh F.M. Dostoevskogo. *Litera*. 2016. N 2.
- Kuleshov V.I. "Otechestvennye zapiski" i literatura 40-kh gg. XIX v. Moscow, 1959.
- Lavretskii A. *Estetika Belinskogo*. Moscow, 1959.
- Losskii N. O. *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie*. New York, 1953.
- Maikov V.N. Nechto o russkoi literature v 1846 godu. *Kritika 40-kh godov XIX veka / Cost., vstupit. st., preambuly i primech.* L. I. Soboleva. Moscow, 2002.
- Mann Iu. V. Chelovek i sreda (zametki o "natural'noi shkole"). *Voprosy literatury*. 1968. N 9.
- Mann Iu. V. Filosofii i poetika "natural'noi shkoly". *Problemy tipologii russkogo realizma*. Moscow, 1969.
- Mann Iu. Valerian Maikov i ego otnoshenie k "nasledstvu". *Mann Iu. Russkaia filofskaia estetika (1820–1830-e gody)*. Moscow, 1969.
- Markovich V.M. Uroki Shevyreva. *Shevyrev S.P. Ob otechestvennoi slovesnosti*. Moscow, 2004.
- Mordovchenko. N.V. *Belinskii i russkaia literatura ego vremeni*. Moscow; Leningrad, 1950.
- Nechaeva V.S. *V.G. Belinskii: Zhizn' i tvorchestvo: 1842–1848*. Moscow, 1967.
- Shevyrev S.P. *Istoriia russkoi slovesnosti: V 4 ch. Ch. 1–2. Izd. 2.* Moscow, 1859–1860.
- Shevyrev S.P. *Ob otechestvennoi slovesnosti*. Moscow, 2004.
- Shevyrev S.P. Obshchii vzgliad na istoriiu iskusstv i poezii v osobennosti. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. N 4.
- Shevyrev S.P. Vzgliad russkogo na sovremennoe obrazovanie Evrop. *Shevyrev S.P. Izbrannye trudy*. Moscow, 2010.
- Stepanian K. "Soznat' i skazat'": "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F.M. Dostoevskogo. Moscow, 2005.
- Stepanian K.A. "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F.M. Dostoevskogo: Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2007 (<http://cheloveknauka.com/realizm-v-vysshem-smysle-kak-tvorcheskiy-metod-f-m-dostoevskogo#ixzz5X8owItct>).
- Tikhomirov B.N. O "Khristologii" Dostoevskogo. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. T. 11. St. Petersburg, 1994.
- Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii: V 2 t. i 4 ch. T. 1. CH. 2.* Leningrad, 1991.

И. И. ЕВЛАМПИЕВ*, И. Ю. МАТВЕЕВА**

ОБРАЗ МЕРТВОГО ХРИСТА В РОМАНЕ «ИДИОТ» И ЕГО ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ¹

Ключевые слова: роман Ф. М. Достоевского «Идиот», образ мертвого Христа, идея бессмертия, гностическое христианство.

В статье на основе анализа фрагментов романа «Идиот», посвященных живописному образу мертвого Христа, делается вывод о том, что в романе имеется в виду не только картина Г. Гольбейна-Младшего «Мертвый Христос в гробу», но вся традиция изображения мертвого и одинокого Христа и в особенности поздняя работа Тициана «Оплакивание Христа (Пьета)». Показано, что картина Гольбейна, вероятно, привлекла внимание Достоевского тем, что на ней изображен Христос в гробу, который все еще обладает признаками жизни. Именно «неокончателность» смерти Христа порождает сомнения в его воскресении, поскольку в этот период Достоевский понимает воскресение Христа не как новое существование в форме независимой личности, а как вхождение в «общий синтез», как слияние со всем человечеством и даже со всем мирозданием. Анализ смысла полотна Тициана «Оплакивание Христа» ведет к мысли (вероятно, разделяемой Достоевским) о том, что наш мир создан злым Богом и управляется силами зла; это позволяет говорить о близости представлений двух художников-мыслителей к гностическому христианству.

Образ мертвого Христа на полотне Г. Гольбейна и идея бессмертия в ее понимании Ф. М. Достоевским

Мировая литература знает множество произведений, сюжет которых выстроен вокруг живописного полотна. Однако в большинстве случаев читателю представлена воображаемая живопись, содержание

---

* Игорь Иванович Евлампиев, д-р филос. наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета — evlampiev@mail.ru.

** Инга Юрьевна Матвеева, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и искусства Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург) — inga.matveeva.spb@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту №18-011-90003 «Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. Достоевского и в русской и европейской философии и литературе XIX — начала XX века».

которой открывается только из литературного описания. Ситуации, когда имеются в виду реально существующие картины, более редки, ведь в этом случае автору приходится считаться с устоявшимися оценками и традиционными интерпретациями.

Именно такую ситуацию мы имеем в романе Ф. М. Достоевского «Идиот», где в нескольких эпизодах обсуждается полотно Г. Гольбейна «Мертвый Христос в гробу», копия которого висит в доме Парфена Рогожина. Образ Христа является центральным элементом художественного мира Достоевского и его философского мировоззрения, а в романе «Идиот» в связи с картиной Гольбейна обсуждается самый принципиальный момент евангельской истории Христа — его голгофские страдания, смерть и воскресение.

Кажется, что в данном случае живописный образ используется в литературном тексте в предельно прямом смысле. Интерпретация, которую воспроизводят герои романа, вполне соответствует общему мнению зрителей и искусствоведов по поводу полотна Гольбейна. Уже Н. М. Карамзин, который первым из русских путешественников обратился на него внимание, подчеркивал крайний натурализм в изображении мертвого тела²: «В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного; но как умерший человек изображен он весьма естественно»³. Эта точка зрения сохраняется до наших дней и является безусловно господствующей в литературе, посвященной этому произведению. Однако в последние десятилетия появился ряд работ, в которых исследователи творчества Достоевского обратили внимание на сложный дискурс романа, что заставляет более детально всмотреться в особенности живописного образа Христа⁴.

Картина появляется в романе, когда князь Мышкин впервые приходит в дом Рогожина: «Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого со креста» (8, 181). Рогожин останавливает Мышкина рассказом о том, как он отказался продать картину за большие деньги, поскольку очень ценит ее. Еще раз обратив внимание на полотно, Мышкин говорит: «Да это... это копия с Ганса

---

² Близость толкования картины в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и в тексте романа «Идиот» отмечена Н. Н. Соломиной в Примечаниях к Полному собранию сочинений, где также приведено предположение Л. П. Гроссмана, что именно описание Карамзина вызвало желание Достоевского увидеть картину (9, 399).

³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Н. А. Марченко. Л., 1984. С. 98 (сер. «Литературные памятники»).

⁴ См.: Бурдина И. Живописный образ Христа в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. СПб., 1997. № 10. С. 44–53; Марченко Е. И. «Странная картина» Ганса Гольбейна Младшего в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Стиль — образ — время: Проблема истории и теории искусства. М., 1991. С. 93–118.

Гольбейна, <...> и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу. Но... что же ты...» (8, 181).

Далее разговор о картине переносится в еще более важную плоскость — о вере в Бога. После вопроса, верит ли в Бога Мышкин, Рогожин замечает, что любит на эту картину смотреть. Вопрос о вере и неверии разворачивается именно вокруг картины:

«— На эту картину! — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — на эту картину! Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!

— Пропадает и то, — неожиданно подтвердил вдруг Рогожин. Они дошли уже до самой выходной двери.

— Как? — остановился вдруг князь, — да что ты! Я почти шутил, а ты так серьезно! И к чему ты меня спросил: верую ли я в Бога?

— Да ничего, так. Я и прежде хотел спросить...» (8, 182).

Здесь невозможно не обратить внимание на важный факт: картина Гольбейна в оригинале называется «Мертвый Христос в гробу», она изображает Христа через значительное время после снятия с креста и погребения. В этом смысле выглядит логичным отсутствие кого-либо рядом с Христом, а также специфический формат изображения, замыкающий мертвое тело Христа в тесные рамки гроба. Однако в романе при первом упоминании картины говорится, что здесь изображен Христос, только что снятый со креста, что явно противоречит сюжету живописного произведения. Эти слова невозможно счесть случайными, поскольку при следующем упоминании картины в «Необходимом объяснении» Ипполита Терентьева дважды утверждается то же самое, и этот факт акцентирован писателем, поскольку в первом случае слова «только что» выделены курсивом («это лицо человека, *только что* снятого со креста» (8, 338)).

Нам кажется, что это несоответствие можно объяснить, предположив, что Достоевский, упоминая первый раз полотно Гольбейна в романе, использует его не в качестве уникального факта изображения Христа, а как частный пример *ряда похожих образов*, редких, но все-таки встречающихся в живописи (отметим, что при первом упоминании образ Христа не описан подробно). Общий смысл этой традиции заключается не в том, что тело Христа представлено с особым натурализмом, главное здесь — в абсолютном *одиночестве* Христа, который оказывается покинутым, оставленным всеми, кто был с ним. Выдвигая этот смысл на первый план, Достоевский утверждает, вопреки реальному содержанию полотна Гольбейна, что Христос показан в момент, когда он *только что* снят со креста. Отсутствие традиционных персонажей вокруг в этом случае становится зловещим мотивом, рождающим новые смыслы, которые хотел выразить писатель. Обычно при изображении снятия со креста и оплакивания Христа самым важным является как раз *единение* близких Христу людей вокруг его мертвого тела, и оно

в силу такой композиции не выглядит отталкивающим даже при весьма натуралистическом изображении.

Во втором эпизоде романа свои впечатления от картины Гольбейна излагает Ипполит Терентьев, здесь она представлена с большими подробностями, поскольку именно она подтолкнула героя к решению покончить с собой. Показательно, что Ипполит с гораздо большей прямой выражает *ту же самую мысль*, которую ранее выразил Мышкин. Он понимает образ Христа, изображенный на полотне, в качестве радикального возражения *против веры в воскресение*: «На картине этой изображен Христос, *только что снятый со креста*. Мне кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа, и на кресте, и снятого со креста, все еще с оттенком необыкновенной красоты в лице; эту красоту они ищут сохранить ему даже при самых страшных муках. В картине же Рогожина о красоте и слова нет; это в полном виде труп человека, вынесшего бесконечные муки еще до креста, раны, истязания, битье от стражи, битье от народа, когда он нес на себе крест и упал под крестом, и, наконец, крестную муку в продолжение шести часов (так, по крайней мере, по моему расчету). Правда, это лицо человека, только что снятого со креста, то есть сохранившее в себе очень много живого, теплого; ничего еще не успело закаменеть, так что на лице умершего даже проглядывает страдание, как будто бы еще и теперь им ощущаемое (это очень хорошо схвачено артистом); но зато лицо не пощажено нисколько; тут одна природа, и воистину таков и должен быть труп человека, кто бы он ни был, после таких мук. Я знаю, что христианская церковь установила еще в первые века, что Христос страдал не образно, а действительно и что и тело его, стало быть, было подчинено на кресте закону природы вполне и совершенно. На картине это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились; большие, открытые белки глаз блещут каким-то мертвенным, стеклянным отблеском. Но странно, когда смотришь на этот труп измученного человека, то рождается один особенный и любопытный вопрос: если такой точно труп (а он непременно должен был быть точно такой) видели все ученики его, его главные будущие апостолы, видели женщины, ходившие за ним и стоявшие у креста, все веровавшие в него и обожавшие его, то каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что тот мученик воскреснет? Тут невольно приходит понятие, что если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их?» (8, 338–339).

Это описание построено как сочетание двух очень разных фрагментов, между которыми не только нет естественных связей, но просматриваются достаточно явные противоречия, требующие объяснения. Прежде всего обратим внимание на самый выразительный элемент — на упоминание явных следов истязаний, которым был подвергнут Христос. Внимательный зритель, прочитав описание Ипполита и сравнив

его с картиной Гольбейна, должен заключить, что сказанное *не имеет оснований, является фантазией автора романа*. В изображении Христа на полотне Гольбейна нет следов истязания, кроме раны на боку и следа от гвоздя на кисти руки. И даже они в большей степени являются традиционными *символами* голгофских страданий, чем реальными следами истязаний. Кроме того фрагменты описания Христа в объяснении Ипполита противоречат друг другу. В одной части Ипполит утверждает, что мы видим подлинный *труп* человека с *мертвенным, стеклянным* блеском в глазах, а в другой — что в этом лице еще очень много *живого и теплого*, что Христос словно еще продолжает страдать *как живой*.

Чтобы разрешить это очевидное противоречие и понять, что имеет в виду Достоевский, нужно отстраниться от давления сложившихся стереотипов интерпретации полотна Гольбейна и постараться взглянуть на него объективно. В данном случае нам кажется справедливой точка зрения Т. А. Касаткиной, которая пытается пересмотреть устоявшиеся мнения в отношении этой картины⁵. Необычность этого полотна вовсе не в особом натурализме и не в особой точности изображения мертвого тела; сравнивая его с другими работами аналогичного сюжета, невозможно прийти к такому заключению. Талант художника проявился в том, что в изображение *мертвого* Христа он сумел привнести элемент *жизненности*. И именно второе утверждение Ипполита по поводу картины является безусловно верным: Христос на полотне, несмотря на все знаки смерти на его теле, *не вполне мертв*, он словно бы пытается вздохнуть из последних сил. Касаткина, заметив эту важнейшую особенность изображения, дает ей весьма изощренную интерпретацию: она принимает следы жизни в образе мертвого Христа в качестве начинающегося акта воскресения. Теоретически сюжет картины дает основания для такого утверждения, ведь Христос, согласно церковному учению и изложению его истории в канонических евангелиях, лежал в гробу и воскрес на третий день. Но даже элементарный здравый смысл, не говоря уже о соображениях богословского характера, протестует против того, чтобы воскресение Христа, являющееся *таинственным и мистическим* процессом, представлять как «оживание» трупа в духе самого вульгарного оккультизма. Тем более что трижды повторенное в тексте романа утверждение о том, что мы видим Христа *только что снятого со креста*, и слова Ипполита о том, что в лице Христа *сохранилось* (а не *возрождается*) «много живого, теплого», однозначно свидетельствуют против этого предположения.

Также уместно вспомнить свидетельство А. Г. Достоевской о том, как писатель выразил свое впечатление от картины при первой встрече с ней в августе 1857 г.: Достоевский «провозгласил Гольбейна

---

⁵ Касаткина Т. А. Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 253–258.

замечательным художником и поэтом» и «восхищался этой картиной»⁶ (курсив наш. — *И. Е., И. М.*). Такая реакция вряд ли была бы возможна, если бы впечатление сводилось просто к удивлению от натуралистичности изображения мертвого тела (таких изображений было немало и до Гольбейна), но она кажется естественной по отношению к парадоксальному изображению сохраняющейся в мертвом теле жизни.

Достоевский с пристальным вниманием относился к проблеме смерти и к возможности сохранения элементов жизни в умершем человеке. Наиболее наглядно этот интерес проявился в рассказе «Бобок» из «Дневника писателя» за 1873 г. и в рассказе «Сон смешного человека» из «Дневника писателя» за 1877 г. Мы полагаем, что полотно Гольбейна произвело на него особенно сильное впечатление именно тем, что он увидел в нем выражение одного из своих тайных убеждений. Можно предположить, что именно размышления над этой картиной стали стимулом для формирования образов *живых мертвецов* в этих произведениях. Герои «Бобка» и особенно герой рассказа «Сон смешного человека» после смерти, уже находясь в гробу, осознают, что *не совсем умерли* (21, 48–51; 25, 109–110), что в них еще теплится жизнь; в этом можно увидеть *буквальное повторение* образа мертвого Христа на полотне Гольбейна!⁷

Но тогда становится понятным то значение, которое Достоевский придал этому образу по отношению к проблеме веры и неверия. Нужно вспомнить, что в упомянутых рассказах сохраняющаяся в мертвом теле жизнь оказывается свидетельством глубокого *несовершенства* человека, поскольку она длит его *отделенное от целого* земное бытие, и, возможно, не дает перейти в какое-то более совершенное состояние, заключающееся в слиянии с целым (в рассказе «Сон смешного человека» это совершенное состояние показано на втором этапе посмертного «путешествия» героя). Здесь важно осознать своеобразие представлений Достоевского о воскресении, в том числе о воскресении Христа, в эпоху работы над романом «Идиот». В известном рукописном отрывке, написанном после смерти первой жены писателя Марьи Дмитриевны (1864 г.), Достоевский сформулировал свое понимание «идеала Христа»: это достижение в истории «слитного» состояния человечества, когда каждый человек «уничтожит» свое я, отдавая его каждому другому человеку. Этот идеал, по Достоевскому, есть «рай Христов», достигнув которого, человек «оканчивает свое земное существование» и переходит в иную жизнь, которая есть «будущая, райская жизнь»

⁶ *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года. М., 1993. С. 234.

⁷ В этом контексте появляется возможность объяснить загадочный текст из подготовительных материалов к роману «Идиот»: «У ней всё такие картины, — говорит Жена, — Что она по городу видит, так это чудо! Другим и в голову не придет. О том, как кладбище ходит по городу!» (9, 183). Показательно что сразу за этим текстом следует рассуждение героев об «ужасном крике» Иисуса Христа на кресте и еще одно указание на образ мертвого Христа Гольбейна: «Рассказ о базельском Holbein Христе» (9, 184).

(20, 172–173). Эта «будущая жизнь» оказывается не за пределами земного бытия, а *внутри* него, она означает соединение каждой личности со всеми другими личностями и с мировым целым (писатель обозначает ее термином «общий Синтез»): «Это слитие полного я, то есть знания и синтеза *со всем*» (20, 174).

Внимательно читая этот фрагмент, можно прийти к выводу, что Достоевский различает здесь два типа посмертного существования личности: до достижения «рая Христова» личность будет бессмертна в собственной обособленной форме, а по достижению идеального состояния перейдет в окончательную «будущую жизнь», которая есть полное слияние «со всем», т. е. с другими людьми и с мировым целым: «Как воскреснет тогда каждое я — в общем Синтезе — трудно представить. Но живое, не умершее даже до самого достижения и отразившееся в окончательном идеале — должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную» (20, 174). Рассуждения Достоевского в частности показывают, что Бога он понимает в эту эпоху по модели пантеизма, как «полный синтез всего бытия» (20, 174).

Особенно любопытно, как в этом контексте Достоевский интерпретирует воскресение и бессмертие Христа. Каждый человек имеет две формы бессмертия: несовершенное бессмертие в личной форме до достижения идеала и совершенное бессмертие в «синтетической» форме по достижении этого идеала. Но Христос, конечно же, не может иметь несовершенного бессмертия, это означает, что он должен сразу воскресать не в личной форме, а в своей «синтетической натуре». Именно это и утверждает Достоевский: «Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, то есть в Христа (Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура Бога, значит Христос есть отражение Бога на земле)» (20, 174). Христос должен воскресать к вечной жизни *в совершенстве*, а это значит не в виде прежней несовершенной личности, а сразу в точном подобии Богу — как «полный синтез всего бытия», т. е. в полном слиянии со всем человечеством (вероятно, даже со всем мирозданием).

В этом смысле смерть Христа отличается от смерти любого человека, она является *совершенной* смертью, сразу переводящей Христа в состояние слитности со всем. Смерть же обычного человека является *несовершенной*, поскольку не освобождает его окончательно от состояния обособленности, отделенности от целого; и нагляднее всего это проявляется в ее *неокончателности*, в сохранении даже после смерти господства конечного тела над бесконечным человеческим духом. Это объясняет, почему Достоевский изображает с такими отталкивающими натуралистическими подробностями длящуюся жизнь «мертвецов» в упомянутых выше рассказах. Но тогда и сохранение элементов земной жизни в образе мертвого Христа на полотне Гольбейна нужно

признать знаком его радикально несовершенства, несоответствия своему высшему идеалу — полному слиянию со всем человечеством, со всем существующим. Такой Христос, не испытавший мистического преображения, как бы «застрявший» в своем смертном земном облике и никак не влияющий на людей вокруг него, ничем не отличается от любого несовершенного человека, и его смерть ничего не меняет в существующем мире.

В результате мы приходим к выводу, что образ Христа с полотна Гольбейна в рамках системы представлений Достоевского в эпоху написания романа «Идиот» объективно свидетельствует против веры в идеал Христа, понятый как *слияние в единство всех людей и всего бытия*, и, значит, против веры в воскресение, которое способно реализовать этот идеал. Поэтому когда Мышкин восклицает: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» — он под «иными» имеет в виду *всех*, кто глубоко размышляет над религиозными проблемами и приходит к пониманию глубинного смысла христианства. Поскольку этот смысл не совпадает с тем, как понимается христианство и образ Христа в церковном учении, таких людей, конечно, немного, но к их числу принадлежат и главный герой романа, и его автор.

Возможные живописные источники образа мертвого Христа в романе «Идиот»

В последней части размышлений об образе Христа с полотна Гольбейна Ипполит делает необычный вывод из того, что было сказано ранее. Сформулировав вопрос о том, как возможно верить в воскресение Христа, если даже в Христе смерть так страшна и непреодолима, как это представлено на картине, он завершает свое описание такой «фантазией»: «Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немного зверя или, вернее, гораздо вернее сказать, хоть и странно, — в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо — такое существо, которое одно стоило всей природы и всех законов ее, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для одного только появления этого существа! Картиной этою как будто именно выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено, и передается вам невольно. Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине, должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды и почти что верования. Они должны были разойтись в ужаснейшем страхе, хотя и уносили каждый в себе громадную мысль, которая уже никогда не могла быть из них исторгнута. И если б этот самый учитель мог увидеть свой образ накануне казни,

то так ли бы сам он взшел на крест и так ли бы умер, как теперь? Этот вопрос тоже невольно мерещится, когда смотришь на картину» (8, 339).

Нужно признать, что Ипполит в своих рассуждениях очень далеко уходит от картины Гольбейна. Как нам представляется, те важные смыслы, которые выражает герой, вновь связаны не только с этой картиной, но со всей живописной традицией изображения мертвого Христа. Если принять эту мысль, то в контексте указанной традиции суждение Ипполита приобретет достаточно ясный смысл, более того, окажется возможным указать на те произведения, которые в гораздо большей степени соотносятся с этим описанием, чем полотно Гольбейна.

Из всех эпизодов голгофской истории Христа, которые изображались в живописи, Достоевский в романе выбирает наиболее амбивалентный сюжет: *мертвый* Христос на живописном полотне дает образ смерти в качестве непреложного и непреодолимого закона, ведь живопись обладает свойством налагать печать вечности на момент бытия, изображенный на холсте. Как уже было сказано, присутствие близких людей вокруг тела Христа, как правило, существенно смягчает это впечатление. Однако в некоторых произведениях сложная композиция и наличие людей вокруг еще и усиливают трагическое ощущение бесповоротности смерти Христа, показывая его абсолютное отчуждение от всех окружающих. Выразительным примером этого типа живописных произведений является полотно В. Карпаччо «Мертвый Христос» (1520, Государственный музей, Берлин). Таких произведений, подчеркивающих одиночество Христа, не так много, но все они обладают выразительным трагическим подтекстом. И здесь возникает любопытный вопрос о том, какие другие известные полотна, впечатление от которых вошли в размышления о картине Гольбейна, мог видеть Достоевский.

В период написания романа «Идиот» Достоевский с апреля 1867 по июль 1871 г. жил за границей, в том числе посетил несколько итальянских городов и завершил роман во время длительного пребывания во Флоренции. В этот период живопись становится постоянным фоном его размышлений о христианстве и Христе. Из всех итальянских художников Достоевский особенно ценил Тициана, а его работу «Динарий кесаря» считал лучшим изображением Христа (он упоминает это полотно Тициана в критическом отзыве на картину Н. Ге «Тайная вечеря» в «Дневнике писателя» за 1873 г. (21, 77)). Позднее творчество Тициана дает необычно трагическую трактовку евангельского образа Христа, при этом важно отметить, что в поздних работах художник явно выходит за рамки тех представлений, которые предлагает учение церкви.

Большой известностью пользуется полотно, которое по традиции считается последним, предсмертным произведением Тициана — «Оплакивание Христа (Пьета)». Особое положение этой картины в творчестве Тициана объясняется тем, что художник предполагал его в качестве центрального элемента собственной погребальной капеллы

в венецианской церкви Санта-Мария Глориоза деи Фрари. После смерти Тициана в 1576 г. проект капеллы не был реализован, и полотно попало в Галерею Академии в Венеции, которая с начала XIX в. функционировала как общедоступный музей. Достоевский впервые был в Венеции в августе 1862 г., что было отмечено им самим в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (5, 46). По мнению современных исследователей, он пробыл там один день⁸, тем не менее представляется весьма вероятным, что он посетил Галерею Академии и видел полотно Тициана⁹, которое занимает центральное место в экспозиции музея, эта картина привлекает внимание своими огромными размерами — 3,5×3,5 м.

Можно также предположить, что о последнем и загадочном полотне Тициана Достоевский услышал еще в России (а может быть, и видел его в репродукции); ведь Тициан был одним из наиболее часто упоминаемых и ценимых художников, об этом писал уже Карамзин: «Тициан считается первым колористом в свете»¹⁰. Об устойчивости этих представлений говорят оценки, даваемые творчеству Тициана в более поздних популярных сочинениях по истории искусств. П. П. Гнедич в работе 1885 г. писал о Тициане как об удивительном художнике-колористе, а также отмечал «умение художника доходить до глубочайших душевных экспрессий» в поздних работах, среди которых названа и последняя работа мастера, не оконченная «из-за внезапной смерти от чумы»¹¹. Подчеркивая «истинный глубокий трагизм» поздних работ Тициана, А. Н. Бенуа в работе 1912 г. о последней картине художника писал еще более определенно: «Ужас смерти не достигал еще такого фортиссимо, как в последнем произведении столетнего Тициана, в “Pieta” Венецианской Академии»¹².

Общее настроение и идеология этого полотна удивительно соотносятся с рассуждениями Ипполита, который представляет природу в виде «огромного, неумолимого и немного зверя» и приходит к понятию о «темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено» и которая погубила Христа — «великое и бесценное существо».

---

⁸ Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 286.

⁹ В пользу этого предположения свидетельствует суждение Н. Н. Страхова: «Федор Михайлович не был большим мастером путешествовать; его не занимали особенно ни природа, ни исторические памятники, ни произведения искусства, за исключением разве что самых великих» (Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 442). Кажется естественным, что Достоевский потратил единственный день пребывания в Венеции не на прогулки по городу, а на знакомство с шедеврами венецианской живописи, выставленными в известном музее.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 54.

¹¹ Гнедич П. П. Всемирная история искусств. М., 1996. С. 393.

¹² Бенуа А. Н. История живописи всех времен и народов. СПб., 2004. Т. 2. С. 434.

Пространство картины замкнуто художником архитектурной конструкцией на заднем плане, создающей атмосферу погребального склепа. При этом мы не видим ни Голгофы, ни креста, хотя композиция картины явно намекает, что Христос только что был снят со креста. Мертвый Христос лежит на коленях Мадонны, эта композиция вполне узнаваема по множеству известных произведений. Но Тициан вносит собственные оригинальные штрихи в известный сюжет: Мадонна, на лице которой нет никаких эмоций, не столько обнимает Христа, сколько отстраняет его от себя, кажется даже, что он сейчас упадет с ее колен; при этом сам Христос написан в условной, «импрессионистической» манере, очень характерной для позднего Тициана, поэтому разглядеть следы истязаний не его теле невозможно, в то же время он выглядит совершенно безжизненным, словно перед нами даже не мертвый человек, а некое его подобие — «кукла», «манекен». Только св. Никодим выполнен вполне традиционно: он эмоционально прильнул к Христу и поддерживает его руку, исследователи считают, что в этой фигуре Тициан изобразил самого себя.

Самыми необычными «персонажами» выступают две статуи на высоких постаментах, расположенные по бокам архитектурной конструкции заднего плана. Одна из них изображает Моисея, вторая — Геллеспонтскую сивиллу, которая, согласно христианской традиции, еще в VI в. до н. э. предсказала приход Спасителя и его распятие (поэтому она изображалась с крестом). Но прежде всего хочется сказать не о самих этих фигурах, а о постаментах. Здесь мы видим морды хищных зверей — вероятно, саблезубых тигров, — которые вносят чрезвычайно выразительный акцент в атмосферу всего произведения. Они предстают как олицетворение той самой «темной, наглой и бессмысленно-вечной» силы, о которой говорит Ипполит и которая очевидно господствует в мире, изображенном на полотне. Фигуры Моисея и Геллеспонтской сивиллы написаны так, что составляют органическое целое со зверями на постаментах, поэтому, несмотря на свое вполне каноническое происхождение, они выглядят как повелители хищных зверей, т. е. как злобные хозяева этого мира. Кроме того, Моисей изображен «с рогами» (в соответствии с живописной традицией, происходящей от неправильного латинского перевода одного из мест Библии, где вместо слова «лучи» было поставлено «рога»), что придает его фигуре откровенно демонический смысл. Заметим, что бело-желтый цвет статуй совпадает с цветом мертвого тела Христа, это выглядит как символ полного подчинения Христа миру смерти, в качестве хозяев которого выступают фигуры Моисея и Сивиллы. Даже два ангела с черными крыльями выглядят как верные помощники злых хозяев мира, на глазах летящего ангела видна черная повязка, он словно неспособен вытерпеть свет, исходящий от его собственного факела или от Христа.

Может показаться, что предложенная трактовка образа Моисея, пророка Ветхого Завета, невозможна для христианского художника.

Однако необходимо учитывать сложность религиозных исканий эпохи Возрождения и Тициана как его виднейшего представителя. Мы уверены: Тициан изобразил Моисея в облике «князя мира сего», чтобы ясно выразить свои самые глубокие христианские убеждения. Не вызывает сомнения, что Тициан был одним из величайших художников-философов европейской истории, и в этом качестве он очень близок Достоевскому; его творчество в полной мере отразило главные тенденции религиозно-философской мысли Возрождения, напрямую связанные с кризисом традиционной церкви и исторического христианства. Мыслители Возрождения первыми в европейской истории поняли, что учение Иисуса Христа было радикально искажено в истории и поэтому вступило в противоречие с развивающейся культурой и с мироощущением нового человека, который осознал себя свободным, творческим, божественным существом, а не «рабом» Бога, как утверждало церковное учение. Виднейшие представители Возрождения попытались вернуться к первоначальному, неискаженному христианству, к учению самого Иисуса Христа. Это учение было тем, что церковь на протяжении всей своей истории преследовала под именем гностической ереси. Современные исследователи предпочитают называть его *гностическим христианством*, в противоположность ортодоксальному христианству церкви¹³. Можно сказать, что вся эпоха Возрождения прошла под знаком возвращения от ложного, ортодоксального христианства к первоначальному гностическому христианству.

Принципиальные искажения, внесенные церковью в учение Христа еще в самом начале истории христианства (I–II вв.), сводились к внедрению в него главных элементов иудейской религии: идеи Творения, идеи грехопадения и идеи посмертного воздаяния в виде Царствия Небесного. Само же учение Христа носило резкий антииудейский характер: наш мир описывался как создание низшего злого Бога, архонта Ялдабаофа, который и есть Бог Ветхого Завета. Иудаизм представлял религией злого Бога, направленной на подчинение человека, созданного высшим благом Богом-Отцом, власти Ялдабаофа и его подручных. Христос своим учением и своим явлением в наш низший мир должен был разоблачить обман злого Бога и раскрыть людям истину о настоящем, благом Боге-Отце, от которого они непосредственно происходят. Именно потому, что Христос покусился на власть злого Бога Ветхого Завета, против него объединились все злые силы этого мира и в конце концов убили его. Этот печальный итог истории Иисуса и изображен на картине Тициана, где наглядно показаны злые силы, которые убили Христа: главным символом этих сил выступает один из архонтов, создатель иудейской религии, Моисей. Заметим, что морда зверя под статуей Моисея частично закрыта развевающейся накидкой Марии

---

¹³ См. подробнее: *Евлатиев И. И.* Неискаженное христианство и его первоисточники // Соловьевские исследования. 2016. №4. С. 66–134.

Магдалины, это делает менее очевидным впечатление от фигуры Моисея, хотя не устраняет приведенную оценку. Видимо, Тициан понимал, в какое резкое противостояние с господствующим церковным мировоззрением он вступает, выражая такое отношение к пророку иудейской религии¹⁴.

На картине «Оплакивание Христа» главным персонажем является Мария Магдалина. Она изображена в порывистом движении и выражает целую палитру чувств, среди которых преобладают, с одной стороны, чувства отчаяния и страха и, с другой стороны, чувство негодования, причем последнее точнее всего передается понятием, имеющим принципиальное значение для религиозных поисков Достоевского, — это *бунт* против творца нашего злого и безжалостного мира. Нужно отметить, что в гностическом христианстве образ Марии Магдалины ничего общего не имеет с историей о «раскаившейся блуднице», которая была выдумана в католической традиции именно для того, чтобы дискредитировать Марию как *главного и самого верного ученика Христа* («узаконена» эта история была папой Григорием Великим в VI в.¹⁵). Тициан нарушает живописный канон, в соответствии с которым рядом с мертвым Христом должен присутствовать апостол Иоанн. В церковном христианстве именно Иоанн предстает «любимым» учеником Христа, хотя апокрифические памятники явно отдают предпочтение Марии Магдалине (наиболее прямо об это говорится в Евангелии от Филиппа). Отсутствие Иоанна на полотне Тициана является дополнительным свидетельством его приверженности именно апокрифической традиции, т. е. гностическому христианству.

Обозначим главные смыслы картины Тициана. Тело мертвого Христа на полотне выглядит безжизненным и рождает именно то трагическое осознание непреодолимости смерти, которое формулирует Ипполит Терентьев в романе Достоевского. Фигуры Моисея и Сивиллы образуют вместе с телом Христа правильный треугольник, в котором Христос выглядит подавленным этими фигурами, предстает в состоянии полной подчиненности им и, значит, смерти. Три персонажа, окружающих мертвого Христа, демонстрируют три формы отношения людей не столько к тому, что только что произошло, т. е. к «поглощению» «великого и бесценного существа» «темной, наглой и бессмысленно-вечной» силой, сколько к самой своей жизни в этом мире, полностью подобной аду. Мадонна выражает трагическое и безнадежное смирение

---

¹⁴ После смерти Тициана над полотном работал его ученик Якопо Пальма Младший; о том, что он завершил картину, свидетельствует надпись, оставленная им на плите под Христом. Что конкретно он доделывал на полотне, доподлинно неизвестно, но, возможно, именно ученик скрыл морду зверя под Моисеем, чтобы отвести от учителя обвинения в кощунстве. Плащ Марии Магдалины, заслоняющий оскалившегося зверя, выглядит не совсем правильным по форме и композиции.

¹⁵ См.: Эрман Б. Петр, Павел и Мария Магдалина. Последователи Иисуса в истории и легендах. М., 2009. С. 270–271.

перед силами этого мира, св. Никодим полон сострадания и готовности самопожертвования ради спасения всех тех, кто страдает и гибнет; но самое глубокое и сложное чувство выражено в Марии Магдалине. Как мы уже сказали, наиболее точно оно передается словом *бунт*, причем именно в том религиозном смысле, который ему придаст Достоевский в последнем своем романе; можно сказать, что здесь мы видим прообраз бунта Ивана Карамазова против творца нашего мира. Это чувство включает в себя одновременно и ужас от осознания трагедии существования человека под властью злой силы, и желание бороться с этой силой, не принимать ее законов.

Вспомним, что, подчеркивая «ужасный страх» в людях, уходящих от мертвого Христа, Ипполит Терентьев говорит о «громадной мысли, которая уже никогда не могла быть из них исторгнута». Внимание комментаторов обычно сосредоточено на первой части высказывания Ипполита, в которой говорится о безнадежности и безверии, поселяющихся в душах людей, понявших, что Христос не воскреснет. Но второе замечание имеет гораздо большее значение: люди унесли с собой *громадную* мысль, и она уже *не могла быть из них исторгнута*, и это означает, что рано или поздно эта загадочная мысль должна начать действовать и как-то изменять их жизнь. В устах Достоевского слова «громадная мысль» обозначают что-то предельно важное, содержание указанной «мысли» в конечном итоге должно было играть в судьбе людей гораздо большую роль, чем даже «ужаснейший страх» и потерянная вера в воскресение.

Эти слова также соотносятся с полотном Тициана, которое содержит определенную долю оптимизма: после произошедшего события люди не останутся прежними, Марии Магдалине, возможно, удастся сделать «громадную мысль» достоянием всех, и люди изменят свою жизнь. Можно попытаться раскрыть содержание этой «мысли»: оно в окончательном понимании трагичности существования в мире зла, в подлинном аду, в понимании того, что невозможно быть послушными рабами ложных кумиров. И то, что Христос не воскреснет в том телесном смысле, в котором он сам воскресил Лазаря, не имеет никакого значения. Тело тленно, но дух каждого человека, точно так же как и дух Христа, бессмертен по самой своей сущности, ведь он един с высшим Богом-Отцом и так же вечен. После смерти он по-прежнему будет существовать — в новой телесной форме или как-то иначе.

Размышления Ипполита по поводу мертвого Христа на полотне Гольбейна настолько явно перекликаются со смыслом картины Тициана, что нам кажется правдоподобной гипотеза о том, что Достоевский в этом описании имел в виду не столько полотно Гольбейна, сколько всю традицию «трагического» изображения мертвого Христа и в первую очередь полотно Тициана. Единственная деталь в описании Ипполита, которая кажется не имеющей параллелей в картине Тициана, — это слова о представлении природы в виде «громадной машины

нового устройства). Однако и им можно найти косвенное оправдание. Ведь тициановская сцена оплакивания Христа вписана в строго симметричную конструкцию, составленную из портика с нишей на заднем плане и двух фигур на постаменте. Она выстроена очень рационально и может быть понята как та самая «громкая машина», которая «захватила» и «поглотила» Христа.

Таким образом, рассуждение Ипполита вовсе не является выражением его безверия. Его описание объективно, в том смысле, что оно вполне соответствует взгляду на событие распятия и смерти Христа самого Достоевского и героя его романа (князя Мышкина). Достоевский в этот период своего творческого и идейного развития не принимает в буквальном смысле телесного воскресения Христа, оно не является в его представлениях благим событием, так как сохраняет ограниченную и конечную личность Христа. Его подлинное воскресение означает соединение со всеми людьми, что должно придать их единству благой и совершенный характер, превратить их отношения в любовные и жертвенные, в такие, которые он проповедовал своим учением. Если он действительно воскрес — то он «вошел в человечество», как пишет Достоевский в рукописном наброске 1864 г., и действует в человечестве как сила, объединяющая людей.

Недостаток веры Ипполита в Христа, по отношению к вере Мышкина и вере самого Достоевского, заключается в том, что он хорошо понимает ужас и трагедию людей, осознавших смерть Христа, но не может до конца принять ту «громкую мысль», которую они восприняли и которая в своем действии и будет означать новую жизнь Христа в них. Остро переживаемый им ужас смерти не сглаживается верой в новую жизнь в едином человечестве, в «рае Христовом», который возникнет когда-нибудь на земле. И именно этот ужас заставляет его думать о самоубийстве и даже готовиться к нему, подобно герою рассказа «Приговор» из «Дневника писателя» за 1876 г. Но если «логический самоубийца» из рассказа вообще не может поверить в бессмертие, у Ипполита есть основание для этой веры: он ведь знает о «громкой мысли»; ему только нужно сделать ее действенной в своей душе. Его мнимое самоубийство и направлено на то, чтобы заставить окружающих проявить такое *любственное отношение* к нему, в котором «оживет» Христос¹⁶. Это и будет означать для него поверить в воскресение Христа и в свое собственное бессмертие.

---

¹⁶ В одном из фрагментов подготовительных материалах к роману вслед за записью «Князь про картину Гольбейна, про Лебедева и Дюбарри (Аглае)» идет такой текст: «О ВЕРЕ. Испытание Христа. / Сострадание — все христианство» (9, 270). Можно предположить, что уже в самых первых разработках идеи романа образ Христа с картины Гольбейна соотносился Достоевским со своеобразной интерпретацией христианства как особой, идеальной формы общения людей, в которой главным является *сострадание* и любовное служение друг другу.

Библиографический список

- Бенуа А. Н. История живописи всех времен и народов. СПб., 2004. Т. 2.
- Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8.
- Бурдина И. Живописный образ Христа в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 1997. Вып. 10.
- Гнедич П. П. Всемирная история искусств. М., 1996.
- Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Евlampиев И. И. Неисказенное христианство и его первоисточники // Соловьевские исследования. 2016. № 4.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Н. А. Марченко. Л., 1987 (сер. «Литературные памятники»).
- Касаткина Т. А. Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015.
- Марченко Е. И. «Странная картина» Ганса Гольбейна Младшего в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Стиль — образ — время: Проблема истории и теории искусства. М., 1991.
- Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Эрман Б. Петр, Павел и Мария Магдалина. Последователи Иисуса в истории и легендах. М., 2009.

Evlampiev I. I., Matveeva I. Yu.

THE IMAGE OF A DEAD CHRIST IN THE NOVEL *IDIOT* AND ITS PAINTING SOURCES

Key words: F. M. Dostoevsky's novel *Idiot*, the image of the dead Christ, the idea of immortality, Gnostic Christianity.

In the article on the base of the analysis of the pictorial image of the dead Christ in novel *Idiot* it is concludes that the novel refers not only to the picture of G. Holbein “The Dead Christ in the Grave”, but To the whole tradition of depicting the dead and alone Christ, and especially Titian’s later work “Lamentation of Christ (Pieta)”. Probably, Holbein’s picture attracted the attention of Dostoevsky by the fact that it depicts a dead Christ, who still has signs of life. It is the “inconclusiveness” of Christ’s death that gives rise to doubts in his resurrection, because during this period Dostoevsky understands the resurrection of Christ not as a new existence in the form of an independent person, but as an entry into “general synthesis”, as a merger with all humanity and even with the entire universe. Analysis of the meaning of the canvas Titian “Lamentation of Christ” leads to the idea (probably shared by Dostoevsky)

that our world was created by an evil God and ruled by the forces of evil; this allows us to speak about the proximity of the views of two artists-thinkers to Gnostic Christianity.

References

- Benua A. N. *Istoriya zhivopisi vseh vremen i narodov*. St. Petersburg, 2004. Vol. 2.
- Brusovani M. I., Gal'perina R. G. Zagranichnyye puteshestviya F. M. Dostoyevskogo 1862 i 1863 gg. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1988. Vol. 8.
- Burdina I. Zhivopisnyy obraz Hrista v strukture romana F. M. Dostoevskogo "Idiot". *Dostoevskij i mirovaja kul'tura*. Iss. 10. St. Petersburg, 1997.
- Gnedich P. P. *Vsemirnaya istoriya iskusstv*. Moscow, 1996.
- Dostoyevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda*. Moscow, 1993.
- Evlampiev I. I. Neiskazhennoe hristianstvo i ego pervoistochniki. *Solov'evskie issledovaniya*. 2016. N 4.
- Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, 1987.
- Kasatkina T. A. *Syazhhennoe v povsednevnom. Dvusostavnyy obraz v proizvedenijah F. M. Dostoevskogo*. Moscow, 2015.
- Marchenko E. I. "Strannaja kartina" Gansa Gol'bejna Mladshego v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot". *Stil' — obraz — vremja: Problema istorii i teorii iskusstva*. Moscow, 1991.
- Strakhov N. N. Vospominaniya o Fedore Mikhayloviche Dostoyevskom. *Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov in 2 vol*. Moscow, 1990. Vol. 1.
- Erman B. *Petr, Pavel i Marija Magdalina. Posledovateli Iisusa v istorii i legendah*. Moscow, 2009.

А. В. ТОИЧКИНА *

**СТАТЬЯ Н. Н. СТРАХОВА «ЖИТЕЛИ ПЛАНЕТ»
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1860–1870-х гг.**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, Вольтер, «жители планет», сон, смешной человек, «золотой век».

Автор исследует статью Н. Н. Страхова «Жители планет» как один из источников творчества Достоевского 1860–1870-х гг. В частности, тема «жителей планет» находит свое преломление в известной записи Достоевского 1864 г. «Маша лежит на столе» и в рассказе «Сон смешного человека» из «Дневника писателя» за 1877 г. С темой «жителей планет» у Страхова и Достоевского связан целый комплекс религиозно-философских представлений, в частности вопрос о религиозном смысле истории и роли в нем человека в отдельности и человечества в целом. В работе исследуется специфика преломления этих идей в статье философа и рассказе писателя. Кроме того, в статье рассматривается значение повести «Микромегас» Вольтера для статьи Страхова и рассказа «Сон смешного человека» Достоевского.

Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» вышла в первом номере за 1861 г. журнала братьев Достоевских «Время» и вызвала значительный и неоднозначный отклик у современников. В частности, М. А. Антонович на страницах «Современника» писал: в статье Страхова «Жители планет» «доказывается, что на планетах нет жителей; но как доказывается, это просто прелесть! На 48 страницах¹ приводятся самые разнообразные аргументы в пользу того, что на планетах есть жители, именно люди, имеющие такие же носы, какие есть и у нас земнородных; и эта мысль возводится таким образом на степень несомненной истины, и становится основанием, из которого на 8 страницах выводятся заключения, что на планетах нет и не должно быть жителей; на планетах есть жители такие, как мы, — следовательно на планетах нет никаких жителей»². «Искра» изображала Страхова «в фантастическом костюме “жителя планет”»; вместо головы у него гегелевская категория,

* Александра Витальевна Тоичкина, канд. филол. наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета — alex.toich@gmail.com.

¹ В журнальном варианте статья составляла 56 страниц.

² Антонович М. А. О духе «Времени» и о г. Косице, как наилучшем его выражении // Современник. 1862. № 4. С. 272.

вместо рук и ног субстраты “почвы”³. Критические отклики появлялись и в других изданиях. Само словосочетание «жители планет» в литературной жизни 1860–1870-х гг. неразрывно было связано с именем и личностью Страхова, как и с оценкой его статьи. Так, в шутовском стихотворении Достоевского, построенном на повторении «общих мест» в журнальной полемике 1860-х гг., Страхов ассоциируется именно с жителями планет: «Век и Век и Лев Камбек, / Лев Камбек и Век и Век. / На пистончике корнет / Страхов жители планет» (20, 96).

Между тем, статья была написана критиком в контексте его философских работ конца 1850-х — 1860-х гг., которые в итоге составили книгу «Мир как целое. Черты из наук о природе» (вышла в 1872 г. в Санкт-Петербурге). В контексте книги статья составляет целую часть и обретает иное звучание, чем в русской публицистике первой половины 1860-х гг.

Остановимся на основных положениях и некоторых источниках работы Страхова «Жители планет».

В книге раздел «Жители планет» разделен на семь глав⁴:

1. Неизбежность вопроса о жителях планет;
2. Правильная постановка вопроса;
3. Однообразии вещественных явлений в мире;
4. Микромегас Вольтера:
— Глава 1. Путешествие обитателя Сириусова мира на планету Сатурн;
— Глава 2. Разговор жителей Сириуса с жителем Сатурна;
5. О внешних чувствах;
6. Источник всех мечтаний;
7. Человек — центр мира.

В первой главе, излагая точку зрения Лапласа с опорой на его книгу «Изложение системы мира», Страхов указывает на суть проблемы. Мысль о существовании других цивилизаций — жителей планет — ставит под сомнение единственность и совершенство земли как центра мироздания и самосознание человека как царя природы, главного существа мира, цели и смысла всего существующего⁵. Если есть более совершенные «жители планет», то жизнь человека ничтожна и несостоятельна.

Во второй главе Страхов формулирует свою «постановку вопроса»: «Понятие об иной жизни, отличной от человеческой, глубоко и крепко коренится в человеческом духе. Как легко видеть, оно имеет значение величайшей важности, потому что неразрывно связано с тем смыслом, какой мы придаем нашей земной жизни. Поэтому фантастические, бесконечно разнообразные представления *иной жизни*, которыми от древности и до наших дней сопровождается история человеческого мышления, все имеют положительное значение, все могут быть

³ Искра. 1863. № 1. С. 12.

⁴ В журнальном варианте главы не носили специальных названий.

⁵ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 214–215. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с указанием номера страницы.

истолкованы — как светлый или темный фон, на котором резко рисуются формы нашей земной, человеческой жизни. Это царство теней, эти блестящие и мрачные признаки толпятся вокруг человека как будто только для того, чтобы среди них тем осязательнее и выпуклее выдалась его действительная, не призрачная фигура. Таким образом, мы строим эти существа на основании понимания нашей жизни, и, следовательно, вопрос о жителях планет должен обратиться в следующий: можем ли мы так понимать нашу жизнь, так смотреть на нее, чтобы выходя из этого взгляда, можно было правильным образом населить планеты?» (217).

Далее Страхов рассматривает вопрос, по выражению Д. И. Чижевского, с «биологической точки зрения». Он вспоминает высказывание профессора С. С. Кутурги о том, «что после нас на земле <...> явятся <...> люди с крыльями <...> Они будут летать, а не ходить, а летать гораздо лучше, чем ходить!» (218) и критически оценивает его, доказывая совершенство биологического строения человека.

В главе третьей Страхов формулирует важную и для него, и для Достоевского мысль о единстве мироздания, о единстве вселенной и законов, действующих в ней: «Итак, если кто захочет воображать себе на планетах растения и животных, то, строго говоря, он должен воображать их такими, каковы они на Земле. <...> Планеты — та же земля; звезды — то же солнце; и до бесконечности небес все то же и то же, все солнца, да планеты, да пространство, не имеющее конца...» (226–227). И приходит к выводу: «...величие целого мироздания отражается в Земле, <...> в ней вполне выразилась сущность мира» (229).

Там же упоминается и некая легенда о «жителях луны» (выражение это также встречается у Достоевского): «Какой-то ученый, и едва ли не немецкий, предлагал какому-то правительству, и едва ли не русскому, где-нибудь на больших пространствах изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрический чертеж, например чертеж Пифагоровой теоремы. Жители луны, которые, вероятно не менее Пифагора радовались открытию этой теоремы и, может быть, также принесли за это в жертву богам сто лунных быков, без сомнения, узнали бы чертеж и любезно отвечали бы нам другим чертежом. Ученый, кажется, прибавлял еще, что если бы этот способ не удался, т. е. если бы оказалось, что жители Луны не знают геометрии, то мы бы, по крайней мере, убедились, что с ними не стоит знакомиться» (223). Комментарий современного издания книги Страхова (Н. П. Ильин) ссылается в данном случае на легенду о Пифагоре, который в честь своего открытия теоремы принес в жертву чуть не сто быков (легенду приводит Диоген Лаэртский⁶). Но рассматривать данный эпизод, видимо, нужно в контексте разных источников. Существенное значение составляет ряд сочинений в истории европейской литературы о путешествиях на луну

---

⁶ См. комментарий Н. П. Ильина в издании: *Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 498.

от античных «мениппей» и «Правдивой истории» Лукиана (II в. н. э.) до «Микромегаса» Вольтера, столь важного для рассуждений Страхова. Возможным источником является фантастический роман Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и Империи Луны» (сочинения де Бержерака вышли в Париже в 1858 г.), который в свою очередь оказал значительное влияние на повесть Вольтера⁷.

Глава о «Микромегасе» Вольтера в статье имеет две подглавки, посвященные важным для Страхова эпизодам философской повести Вольтера. Проблема, которую ставит здесь Страхов, напрямую отсылает нас к «Сну смешного человека» Достоевского: возможно ли «нравственное разнообразие мира», «бытие существ более совершенных», чем сам человек? (230). «Если человек, недовольный своим телесным устройством, мечтает иногда о крыльях, то несравненно более он склонен воображать существа, у которых не было бы наших нравственных недостатков. То есть человек расположен верить, что сущность его нравственной жизни может проявиться в несравненно лучших формах, чем она является на земле. Вот где заключается главный корень нашего желания населить планеты, вот отчего и Гейне, говоря с Гегелем, вздумал назвать звезды жилищем блаженных» (230) (речь идет о разговоре Гейне и Гегеля, отрывок из которого взят Страховым в качестве эпиграфа к статье: Гейне называет звезды «жилищем блаженных», Гегель — «лоснящимися прыщами (золотой сыпью) на лице неба»). Далее у Страхова идет речь об утопии: «Мы улетаем мысленно к счастливым жителям планет, чтобы отдохнуть от скуки и тоски земной жизни. Так точно прежде любили вспоминать “золотой век”; так некогда воображали себе Эльдorado, где побывал и Вольтер, или Новую Атлантиду, куда мысленно плавал Бэкон Веруламский. <...> Задача, которую представляют все эти создания нашего ума, чрезвычайно обширна и трудна. Нужно было бы показать, в каком отношении находятся все эти предположения к самой сущности нашей нравственной природы, возможны ли они по ее законам, по ее необходимым свойствам. Наша духовная жизнь образуется и развивается не менее правильно, не менее строго законно, как и совершаются какие-нибудь физические или химические явления. Начиная от простейших ощущений и до глубочайших мыслей, чувств и желаний, — психические явления тесно связаны между собою и вытекают из единой сущности. Они не могут быть перестраиваемы произвольно, они не должны быть понимаемы,

---

⁷ Научно-фантастическая тема «жителей луны» была популярна и в XIX в. Так, в 1830-х гг. в Европе и в России пользовалась успехом книга «О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем, во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды» (пер. с нем. — СПб., 1836), которая содержала целый ряд совершенно фантастических сведений о мнимых открытиях Дж. Гершеля (в брошюре сообщает об открытиях помощник Гершеля — А. Грант). На мистификацию с негодованием откликнулись В. Г. Белинский в «Молве» и О. И. Сенковский в «Библиотеке для чтения».

как частное сочетание свойств, созданное капризной фантазией чуждых нам сил и вложенное в нас извне. Следовательно, нам нужно было бы показать законное и неизбежное их развитие из глубочайшей глубины человеческой сущности, — той таинственной глубины, где сливаются дух и тело, где, как в центре тяжести, сосредоточено все наше существование» (230–231). Именно эту задачу и возьмется художественно решать Достоевский в «Сне смешного человека».

В главе третьей статьи Страхов обращается к «Разговорам о множестве миров» Фонтенеля, а потом переходит к подробному изложению ряда сцен из «Микромегаса» Вольтера. Страхов очерчивает по Вольтеру портрет Микромегаса и пишет следующее: «Вольтер осмеивает земную жизнь и осмеивает чрезвычайно просто — перенося ее на планеты. <...> Выставляя *частные* обстоятельства своего времени, как будто явления общие и необходимые, Вольтер тем резче выставляет всю их случайность и неразумность» (235). Страхов останавливается на вопросах связи между величиной и формой, на уме и знаниях Микромегаса. Поминает он и две основные планеты из повести: Сириус и Сатурн. Сириус и «вольтеровы кресла» окажутся необходимыми художественными деталями в «Сне смешного человека». Произведение Вольтера станет важным связующим звеном философских идей Страхова и рассказа Достоевского.

О Вольтере и Достоевском существует своя исследовательская литература⁸. В отношении к «Сну смешного человека» вольтеровскую тему отметили М. М. Бахтин⁹ и В. А. Туниманов¹⁰. Повесть «Микромегас» Вольтера как один из важных для понимания смысла «Сна смешного человека» Достоевского претекстов, конечно же, заслуживает отдельного рассмотрения¹¹. Необходимо обозначить точки соприкосновения

⁸ Упомянем следующие работы: *Гроссман Л. П.* Русский Кандид (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // Вестник Европы. 1914. № 5. С. 192–208; *Rammelmeyer A.* Dostoevskij und Voltair // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 1958. Bd. XXVI. H. 2. S. 252–278; *Песоцкая С. А.* Гейне и Достоевский: К вопросу об усвоении художественных традиций Вольтера, Дидро и Руссо // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. 7–9 дек. 1988 г. Томск, 1990. С. 106–107; *Нагорная Н. М.* Пушкин — Вольтер — Достоевский (Судьба пушкинской повествовательной традиции в русской литературе второй половины XIX в.) // Материалы Пушкинской научной конференции, 1–2 марта 1995 года (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Киев, 1995. С. 86–89; *Сараскина Л. И.* «Был один старый грешник в восемнадцатом столетии...» (Вольтер в произведениях Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 34. СПб., 2016. С. 113–125.

⁹ *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 172–173.

¹⁰ В комментарии к 25-му тому Полного собрания сочинений Достоевского В. А. Туниманов назвал повесть «Русским Микромегасом» (25, 400).

¹¹ Генезис жанровой художественной формы рассказа Достоевского многосоставен. М. М. Бахтин возводит «Сон» к таким разновидностям мениппеи, как «сонная сатира» и «фантастическое путешествие». По его мнению, в европейскую литературу сон вошел в жарге «Менипповой сатиры». Сон в мениппее «вводится именно как *возможность* совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная (иногда прямо

и расхождения рассматриваемых произведений. И для Достоевского, и для Страхова, безусловно, важен в повести главный ее смысл: идея о том, что «люди, наделенные от природы разумом и знаниями, могли бы сделать жизнь на земле прекрасной и содержательной»¹². Но Страхов развивает мысль в своем ключе: его занимает вопрос о соотношении формы и сущности, формы и законов бытия (духовных и эмпирических). Духовные законы преломляются в физических; физические (биологические) предопределяют существующие формы явлений. Так, комментируя комический диалог Микромегаса и секретаря академии наук на Сатурне в повести Вольтера, Страхов останавливается на вопросе о долголетьи и указывает на главный критерий — содержание жизни: «...никак нельзя поручиться за то, что, что если бы удлинить вдвое и втрое жизнь ныне живущих людей, то отсюда проистекли бы необычайные, великие открытия, блестящие успехи и т. д. Едва ли даже не было бы хуже, чем теперь» (242). По Страхову, именно деятельность ума может явиться деятельностью, «необходимой требующей больших размеров времени» (242). При этом он заключает рассуждение о «Микромегасе» своим важнейшим тезисом, который противопоставляет религиозно-философской концепции Вольтера: «...понятие о Боге есть центральное понятие, на которое мы сводим все другие, так как мир вполне определяется творческой волей Бога, то все вопросы сводятся на то, чтобы понять, как вещи зависят от Бога» (245). Вопрос о деятельности ума, значении и качестве познания — один из центральных у Вольтера — остается для Страхова важнейшим вопросом бытия человека на земле: «...ум — центральная, сосредоточивающая сила. В этом его достоинство и могущество. В самом деле, представьте себе

как “мир наизнанку”). <...> Мениппейная традиция художественного использования сна продолжает жить и в последующем развитии европейской литературы в разных вариациях и с разными оттенками: в “сонных видениях” средневековой литературы, в гротескных сатирах XVI и XVII веков (особенно ярко у Кеведа и Гриммельсхаузена), в сказочно-символическом использовании у романтиков (в том числе в своеобразной лирике сновидений у Генриха Гейне), в психологическом и социально-утопическом использовании в реалистических романах (у Жорж Санд, у Чернышевского). Особо нужно отметить важную вариацию *кризисных снов*, приводящих человека к перерождению и к обновлению (кризисная вариация сна использовалась и в драматургии: у Шекспира, у Кальдерона, в XIX веке у Грильпарцера)». Среди европейских произведений, которые относятся к жанровой разновидности «фантастических путешествий» и являются источниками «Сна», Бахтин упоминает философско-фантастический роман «Другой свет, или Государства и империи Луны» (1647–1650) Сирано де Бержерака, «Полет путешественника на Луну» (около 1659) Гриммельсхаузена, «Микромегас» Вольтера (1752) (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 171–172). В. А. Туниманов прибавляет к этому списку мистическое сочинение Э. Сведенборга (1689–1772) «О небесах, о мире духов и об аде» (лейпцигское издание 1863 г. было подарено 8 января 1879 г. Достоевскому переводчиком романа А. Н. Аксаковым (25, 400–402)).

¹² Коган П. С. Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.) // Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.; Л., 1931. Т. 1. С. XXXI.

всезовозможные познания, представьте познания всех жителей планет; что было бы, если бы ум представлял только способность поглощать их одно за другим? Работа без всякого конца и цели. Вот почему ум останавливается, обозревает все, что уже в его власти, определяет главные точки, центральные вопросы, — на них устремляет все свое внимание и, следовательно, необходимо оставлять в тени то, что далеко от этих вопросов. <...> Ум есть деятельность вполне свободная, перед которой открыты все пути. Никак нельзя сказать, чтобы где-нибудь на планетах ум еще свободнее избирал предметы и ставил вопросы, чем на Земле. Не хуже других обитателей мира мы умеем избрать глубочайшую и занимательнейшую задачу. Если сумеем и разрешить ее, то нам некому будет завидовать» (245–246). «Величайшие вопросы», которые должен разрешить человек, — «вопросы жизни и смерти, вопросы, по решению которых человек действует» (246). К этим вопросам обратится в своем рассказе Достоевский. И он даст свой ответ и Вольтеру, и Страхову.

В главе пятой («О внешних чувствах») Страхов доказывает совершенство человека как биологического явления: «Весь смысл животного царства заключается в человеке; если животные обладают зрением, то они обязаны этим только тому, что для разума нужно было зрение. Стремясь к человеку, природа необходимо должна была произвести многие человекоподобные явления. И теперь, когда она успела олицетворить свой идеал, мы впадем в грубую ошибку, если будем смотреть на человека, как на попытку — вместо свободного и полного создания, как на *пробу пера* — вместо гармонической поэмы. Сказать, что у человека не все чувства, — значит очень унижить человека, а также потому, что внешние чувства не суть что-либо столь трудное и высокое, чтобы природа не могла достигнуть их полного разнообразия и достоинства» (255). Страхов предлагает свою классификацию чувств. В этой же части речь идет о носах, которые так задели Антоновича.

В главе шестой Страхов ставит проблему соотношения мысли и языка: «Вообще, слова закрывают от нас действительный мир и заставляют жить в воображаемом. Каждое слово необходимо имеет неопределенность, неограниченный объем, и мы воображением стараемся наполнить весь этот объем. <...> Следовательно, все сводится на то, что мы не видим связи между общим и частным; слова всегда выражают нечто общее, отдельные черты, и мы привыкаем думать, что под это общее могут подходить бесчисленные частности. Таким образом, мы готовы признать возможность бесконечно разнообразных комбинаций, мир является хаосом, в котором отдельные черты вещей сочетаются по воле случая. Таков мир слов, но не таков действительный мир. В нем все связано и определено, все в строгих отношениях. Науки стремятся именно к тому, чтобы найти эту правильную зависимость» (257–258). Вывод, к которому приходит критик: «Мыслить создание природы, которое было бы выше человека, невозможно. Следовательно, невозможно предполагать, чтобы на других планетах жизнь проявилась

совершеннее или даже иначе, чем на планете, где высшее существо есть человек» (260).

В седьмой, заключительной, главе Страхов выводит тему статьи на вершинный уровень: «истинно богоподобный человек», или, по Страхову, «человек вообще» — есть неисчерпаемый источник для утоления жажды души¹³. Для того чтобы удовлетворить наши глубочайшие и заветнейшие стремления к иной жизни, «вместо того, чтобы путешествовать на планеты, вникнем внимательно в жизнь других людей, — мы откроем в ней новые миры, — богатые еще неведомой для нас красотой и силой. Точно так же, вместо того чтобы мечтать о далеких грядущих веках, мы должны благоговейно смотреть на доступное нам будущее. Душа должна быть вполне раскрыта для веяния нового духа, для новых откровений, для разоблачения действительных тайн, потому нет ничего таинственнее будущего» (269).

В контексте статьи Страхова особенным образом прочитываются такие важные для творчества Достоевского сочинения, как известная запись 1864 г. «16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» и рассказ «Сон смешного человека» из «Дневника писателя» 1877 г. В отличие от Страхова, Достоевский видит, что «человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» (20, 173). И дело не в крыльях профессора Куторги, и не в росте и способностях Микромегаса Вольтера. Достоевский переносит вопрос о совершенном человеке из биологической плоскости в сферу этики. Исторически явленный идеал Христа обозначает для него реальную возможность существования иного человека, человечества и райской жизни: «Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существами). Эта черта предсказана и предугадана Христом, — великим и конечным идеалом развития всего человечества, — представшим нам, по закону нашей истории, во плоти; эта черта: “Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божи”». — Черта глубоко знаменательная» (20, 173).

В «Сне смешного человека» тема статьи Страхова «Жители планет» получает новый поворот и новое решение¹⁴. В письмах к Страхову

---

¹³ Вольтер не раз нападал на антропоцентризм. В частности, в «Микромегасе» он предпринимает попытку взглянуть на человека и человечество, освободившись от антропоцентрических представлений: «Земля не более как пылинка в мироздании, человек — не центр вселенной, а ничтожный атом, и потому нелепо подходить к вещам с критерием их полезности или вредности для человека» (*Вольтер. Избранные произведения* в одном томе. М., 1938. С. 609 (коммент. К. Н. Берковой)).

¹⁴ Первым, насколько нам известно, указал на работу Страхова «Жители планет» как на источник «Сна смешного человека» Г. М. Фридендер (*Фридендер Г. М. Реализм Достоевского*. М.; Л., 1964. С. 36).

ву конца 1860-х гг. Достоевский не только обсуждает свои замыслы, но и отстаивает свои творческие принципы, в частности свое понимание фантастического. В письме Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. он пишет: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по моему, не есть еще реализм, а даже напротив» (29₁, 19). Но тема «жителей планет» относится к собственно фантастическим темам. В письме к А. Н. Майкову от 18 (30) января 1871 г. Достоевский пишет по поводу романа Лескова «На ножах»: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит» (29₁, 172). То есть фантастическое неправдоподобие неприемлемо для него как «вранье». Тем не менее, в своем фантастическом рассказе «Сон смешного человека» Достоевский в полной мере использует ход Страхова¹⁵: он берет тему собственно фантастическую и нереальную для того, чтобы раскрыть «неисследимые глубины духа и характера человеческого» (21, 82). Писатель управляет своего героя «на другую планету» для того, чтобы вернуть его в общество людей и научить любить ближнего своего. Это ход Страхова. Но если он пишет в статье о единстве вещества, физических и духовных законов для вселенной и человека, то Достоевский опять же переводит проблему собственно в план этический¹⁶. Вопрос о действии этических законов во вселенной ставит герой (вопрос этот разрешается в художественном целом рассказа): «... если б я жил прежде на луне или на Марсе и сделал бы там какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обесчещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с земли на луну, — было бы мне *все равно* или

---

¹⁵ Вольтер использует тему «жителей планет» для того, чтобы «ярче оттенить людское безумие, чтобы показать, во что превратили люди землю» (Коган П. С. Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.). С. XXXI).

¹⁶ Писатель пародийно заостряет акцент на представлениях, основанных на предельном субъективизме мышления: «Ясным представлялось, что жизнь и мир как бы от меня теперь зависят. Можно сказать даже так, что мир теперь как бы для меня одного и сделан: застрелюсь я, и мира не будет, по крайней мере для меня. Не говоря уже о том, что может быть, и действительно ни для кого ничего не будет после меня, и весь мир, только лишь угаснет мое сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания и упразднится, ибо, может быть, весь этот мир и все эти люди — я-то сам один и есть» (2, 108). Вопрос о субъективности переживаний и восприятий человека в достаточно острой форме поставлен и в «Микромегасе» Вольтера. В книге Страхова «Мир как целое» эта проблема важна для оценки Страховым материализма: он признает материализм как метод познания, но отрицает как философский подход именно из-за субъективизма человеческого восприятия.

нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет?» (25, 108). Показательно, что герой засыпает в «вольтеровском» кресле. Вольтеровскому Сириусу в «Сне...» противопоставляется звездочка, с которой завязывается сюжет самоубийства и которую видит герой, когда летит в пространстве с темным существом: «Я помню, что вдруг увидел в темноте одну звездочку. “Это Сириус?” — спросил я, вдруг не удержавшись, ибо я не хотел ни о чем спрашивать. — “Нет, это та самая звезда, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой”, — отвечало мне существо, уносившее меня» (25, 110). Достоевский отмежевывается от «Микромегаса» Вольтера: звездочка не Сириус, а «Сон...» не пародия на человечество с его философскими и эмпирическими заблуждениями. Тема «такого же солнца, как и наше, повторение его и двойник его», «повторений во вселенной», «повторений земли», вопрос героя: «Как может быть подобное повторение и для чего?» (25, 111) непосредственно отсылает к статье Страхова — эти идеи высказывает он в седьмой главе своей статьи. Страхов доводит идею «вечного повторения» до абсурда, демонстрируя ее полную бессмысленность. Достоевский акцентирует внимание на смысле изображаемого им явления «другой земли». Вопросы о форме и сущности¹⁷, о слове и его значении, о знании, «ощущение единения с Целым вселенной», мысль о непреложных законах развития («все то, что есть теперь, не могло не быть» — 25, 117) тоже непосредственно вводит в рассказ темы статьи Страхова. Но художественно разрабатывая философский ход и контекст статьи критика, Достоевский достигает той цели, к которой в рамках статьи стремился Страхов, но которой достичь ему философскими средствами не удалось (по крайней мере, в контексте современной ему философско-критической ее разработки: не случайно Антонович так ядовито ее оценивал). В художественном целом произведения в форме фантастического сна, созданного «по рецепту» Страхова на мотиве повторения земли и истории человечества от рая до ада грехопадения, Достоевский в художественной форме утверждает идею, важную для них обоих: «...люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле», «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться» (25, 118–119). Именно художественными средствами Достоевский смог создать и убедительно представить свой образ Истины¹⁸, образ возможного идеала человека, образ рая на земле.

---

¹⁷ По Страхову, форма является воплощением сущности явления, и именно объективное познание формы дарует нам познание сущности.

¹⁸ Сущственно то, что писатель делает акцент на том, что герой «видит Истину» («я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целости, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей» — 25, 118). Бахтин пишет, что «истина, по Достоевскому, может быть только предметом живого виденья, а не отвлеченного познания» (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 178). В статье Страхова именно зрение и слух

Библиографический список

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Вольтер.* Избранные произведения в одном томе. М., 1938.
- Гроссман Л. П.* Русский Кандид (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // Вестник Европы. 1914. № 5.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Коган П. С.* Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер (21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.) // Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.; Л., 1931. Т. 1.
- Нагорная Н. М.* Пушкин — Вольтер — Достоевский (Судьба пушкинской повествовательной традиции в русской литературе второй половины XIX в.) // Материалы Пушкинской научной конференции, 1–2 марта 1995 года (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Киев, 1995.
- Песоцкая С. А.* Гейне и Достоевский: К вопросу об усвоении художественных традиций Вольтера, Дидро и Руссо // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. 7–9 дек. 1988 г. Томск, 1990.
- Сараскина Л. И.* «Был один старый грешник в восемнадцатом столетии...» (Вольтер в произведениях Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2016. № 34.
- Страхов Н. Н.* Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007.
- Фридлендер Г. М.* Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.
- Rammelmeyer A.* Dostoevskij und Voltair // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1958. Bd. XXVI. Hf. 2.

Toichkina A. V.

STRAKHOV'S ARTICLE "INHABITANTS OF PLANETS" IN DOSTOEVSKY'S CREATIVITY 1860–1870s YEARS

Key words: F. M. Dostoevsky, N. N. Strakhov, Volter, "inhabitans of planets", dream, Funny Person, "Golden Age".

The author considers Strakhov's article "Inhabitants of planets" as one of sources of creativity of Dostoyevsky of the 1860–1870s years. In particular, the subject of "inhabitants of planets" finds the refraction in the known record of Dostoevsky of 1864 "Masha lies on a table" and in the story "Dream of the Funny Person" from "The diary of the writer" for 1877. The whole complex of religious and philosophical representations is connected with a subject of "inhabitants of planets" at Strakhov's and Dostoevsky's writings. In work the specifics of their refraction in article of the philosopher and the story by the writer are investigated.

причислялись к объективным средствам познания человека. Для Страхова процесс познания и есть живое виденье явления. Но как философ он выбирает путь рационального, аналитического утверждения истины, которая, по Достоевскому, может быть познана только через живой образ, явленный миру.

References

- Bakhtin M. M. *Problemu poetiki Dostoevskogo*. Moscow, 1979.
- Grossman L. P. Russkij Kandid (K voprosu o vlijanii Voltera na Dostoevskogo). *Vestnik Evropy*. 1914. N 5.
- Volter. *Isbrannue proisvedenija v odnom tome*. Moscow, 1938.
- Pesockaja S. A. Heine i Dostoevskij: K voprosu ob usvoenii khudogestvennih tradicij Voltera, Didro i Russo. *Problemu literaturnuh zanrov: materialu VI naychnoj mezvuzovskoj konferencii 7–9 dec. 1988 goda*. Tomsk, 1990.
- Saraskina L. I. “Bul odin staruj greshnik v vosemnadcatom stoletii...” (Volter v proisvedenijach Dostoevskogo). *Dostoevskij i mirovaja kultura*. St. Petersburg, 2016. N 34.
- Kogan P. S. Francua-Mari Arue de Volter (21 nojabrja 1694 g. — 31 maja 1778 g.). *Volter: Filosofskie povesti i rasskazu, memuaru i dialogi*. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1931.
- Nagornaja N. M. Pushkin — Volter — Dostoevskij: Sud’ba pushkinskoj povestvovatelnoj tradicii v russkoj literature vtoroj polovinu XIX veka. *Materialu Pushkinskoj nauchnoj konferencii, 1–2 marta 1995 goda (k 200-letiju so dnja roghdenija A. S. Pushkina)*. Kiev, 1995.
- Strachov N. N. *Mir kak celoe. Chertu iz nauk o prirode*. Moscow, 2007.
- Fridlender G. M. *Realism Dostoevskogo*. Moscow; Leningrad, 1964.
- Rammelmeyer A. Dostoevskij und Voltair. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1958. Vol. XXVI (2).

Н. Н. БОГДАНОВ*, **О. А. МАКСИМОВ****

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ БИОГРАФИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: КРЕСТИНЫ В МАТФЕЕВСКОЙ ЦЕРКВИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЛЕТОМ 1860 г.

Ключевые слова: Достоевский, биография, семейное окружение.

В статье освещается неизвестный ранее факт биографии Достоевского, выявленный в результате архивных разысканий, — участие в крестинах его племянницы Е. Н. Голеновской; анализируются отношения писателя с семьей его младшей сестры А. М. Голеновской-Шевяковой. Тем самым к окружению Достоевского добавляются новые имена.

В собрании Института русской литературы хранится фотография Ф. М. Достоевского, выполненная в петербургском ателье Н. Досса (1876 г.). На обороте паспарту дарственная надпись: «Кате, милой моей крестнице и племяннице<-> От дяди Федеи» (ИРЛИ. № 3482). Судя по всему, некогда фотография принадлежала младшей из дочерей сестры писателя Александры — Екатерине Николаевне Голеновской, в замужестве Трушлевич. Уникальный документ передан в ИРЛИ в 1926 г. племянником Федора Михайловича Андреем Андреевичем Достоевским, сумевшим получить его после смерти своей бездетной двоюродной сестры, последовавшей 12 июля 1925 г. Как раз на свидетельствах Андрея Андреевича и основано наше знание об адресате и владельце автографа. Впрочем, другая «племянница Катя» — дочь брата Михаила — на эту роль никак претендовать не может: она родилась в декабре 1853 г. В это время писатель был на каторге. Но когда же и где Ф. М. Достоевский крестил свою племянницу Екатерину Голеновскую?

Ответить на эти вопросы не так просто: во всех доступных нам печатных источниках, включая двухтомный словарь С. В. Белова, посвященный окружению Достоевского¹, летопись его жизни и творчества² и новейшее издание «Хроники рода Достоевских»³, точная дата рожде-

* Николай Николаевич Богданов, культуролог — bognick@mail.ru.

** Олег Алексеевич Максимов, краевед — petrushka59@mail.ru.

¹ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 193.

² Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 282–304.

³ Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина; *Волгин И. Л.* Родные и близкие. М.: Фонд Достоевского, 2013. С. 873.

ния Екатерины Николаевны отсутствует. Известен лишь год — 1860. Да и прихожанами какого храма были ее родители?

Согласно адресным книгам Санкт-Петербурга, Голеновские проживали на Большом проспекте Петроградской стороны, в районе современной улицы Бармалеева. Ближайшей церковью оказывается Матфеевская (не сохранилась). По черновым наброскам к родословию Достоевских, составленным тем же Андреем Андреевичем, удалось уточнить день рождения Екатерины Николаевны — 20 июля⁴. Облегченные этим поиски дали-таки желаемый результат — запись о крещении нашлась. Таинство свершилось 31 июля 1860 г. — протоиереем Матфеевской церкви Павлом Весиным. Восприемниками записаны «отставной прапорщик <так!> Федор Михайлов Достоевский и инженер-капитана Алексея Петрова Дельсаль жена Екатерина Петрова»⁵. Таким образом, к окружению писателя добавляются два новых имени. Правда, многого узнать об этих людях не удалось. Екатерина Петровна Дельсаль (1847–?), в девичестве Шебуева — жена героя 1-й Севастопольской обороны, впоследствии генерал-майора инженерного ведомства, в 1880-е гг. заведующего Зимним дворцом Алексеем Петровичем Дельсала (1830–1902). В начале 1890-х гг. ей будет принадлежать так называемый дом Штакеншнейдеров на Миллионной улице (№ 10)⁶. При каких обстоятельствах супруги Дельсаль познакомились с Голеновскими, поддерживали или нет отношения друг с другом в последующие годы, остается неизвестным.

Фамилия священника первоначально была прочтена нами как «Васин», поэтому поиски сведений об этом человеке долго оставались бесплодными. Уточнению информации способствовало обращение к нам петрозаводской исследовательницы Т. В. Панюковой, ведущей свои разыскания в том же направлении (выражаем ей самую искреннюю благодарность!). Павел Леонтьевич Весин (1809–1890) оказался довольно известным в Петербурге священником. Уроженец города Галича Костромской губ., выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1833, со степенью кандидата) он начал свое пастырское служение в Полоцке, где, между прочим, зарекомендовал себя ревностным борцом с унией. С 1840 г. мы видим отца Павла уже в клире Матфеевской церкви. В 1865 г. он переходит в церковь Спаса-на-Сенной, а 21 марта 1869 г. — в Екатерининскую церковь на Васильевском острове, где будет служить до конца своих дней. Его перу принадлежат многочисленные душеспасительные брошюры, в том числе и «Поучения о любви и согласии в семейном быту» (СПб., 1872), «Слова о том, что мы свято и непоколебимо должны соблюдать

⁴ ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 371. Л. 23 об.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 797. Л. 168–169.

⁶ Здесь и далее при характеристике протоиерея П. Л. Весина использованы материалы Русского генеалогического общества.

православную веру» (СПб., 1876) и проч. Земной путь отца Павла Весина завершился 11 июня 1890 г.

Лето 1860 г. — первое петербургское лето после возвращения из Сибири — Федор Михайлович провел преимущественно в Павловске⁷. Думается, на крестины он приезжал специально. Где и когда писатель свиделся со своей младшей сестрой, от кого получил приглашение на участие в таинстве, неясно. Фактически эту встречу перед крестинами или даже на них самих — первую встречу после долгой разлуки — можно считать прямым знакомством: Александра была почти 14-ю годами моложе, следовательно, брата, уехавшего в Петербург 15-летним отроком, помнить не могла. Не подлежит сомнению, что Достоевский дорожил родственными связями и всячески стремился к их упрочению. Участие в крещении племянницы — один из шагов в этом направлении. До смерти первого мужа сестры — Николая Ивановича Голеновского (13/25 апреля 1872 г.) — отношения между родственниками были весьма теплыми. Это видно хотя бы из того, что именно в семье Александры Михайловны писатель встречал новый 1865 год⁸. «Ты ее детей, кажется, не знаешь: славный народ, нельзя не полюбить их», — писал Федор Михайлович сестре Вере 20 апреля 1872 г. (29₁, 234). Существенный свет на отношения Достоевского с семьей младшей сестры проливает и заинтересовавшая нас фотография. Писатель любил это свое изображение — в «зеркально» запахнутом сюртуке, с веселым, по оценке Анны Григорьевны, лицом. Именно его — а не фотографию работы М. М. Панова — преподнес он жене после возвращения из Москвы с триумфальных Пушкинских торжеств 1880 г. В настоящее время известно пять снимков подобного типа с дарственными надписями Федора Михайловича⁹. Это больше, чем на каких-либо других фотографиях писателя. Но когда совершилось дарение? Точно ответить на этот вопрос затруднительно. Самый ранний из датированных автографов на копии с этого снимка относится к 18 февраля 1878 г. В любом случае подарок Достоевского сделан в то время, когда отношения с младшей сестрой (начиная с осени 1873 г., из-за пресловутого «куманинского наследства») стремительно и неуклонно портились. Что ж, тем больше его значение!

В свете полученной информации по-новому прочтываются и строчки письма Достоевского к жене покойного брата, Эмилии Федоровне, от 16/28 сентября 1867 г. из Женевы: «Напишите мне что-нибудь об сестре Саше, об ее детках, о моей крестнице и о брате Коле?» (28₂, 219). Несомненно, речь идет о Екатерине Николаевне Голеновской, а не о ее двоюродной сестре Марии Михайловне Достоевской, в замужестве Владиславлевой,

⁷ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 293, 296.

⁸ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л., 1930. С. 306.

⁹ См.: Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре: Альбом. СПб., 2009. С. 193.

<p>№ 16. дождю. придуать стала. перело.</p>	<p>Скворцова, Анастасия, Масловский Михаил, Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>23 июля 1872. из прихода Скворцова</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>
<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>	<p>Скворцова Анастасия Милова сына</p>

Илл. 1. Запись в метрической книге Матфеевской церкви Санкт-Петербурга о крещении Е. Н. Голоновской. 1860 г.
Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Публикуется впервые

*Илл. 2. Екатерина Николаевна
Голоновская (в замужестве
Трушлевич). Племянница и крестница
Ф. М. Достоевского.
Фото Д. С. Здобнова. 1890-е гг. (?)
Петербургский музей Ф. М. Достоевского.
Публикуется впервые*

как указывается в комментариях к письму. Хотя бы та и была такой же крестницей Федора Михайловича.

О жизни Екатерины Николаевны известно немного. В мае 1884 г. она выходит замуж за 27-летнего помощника классных наставников 3-й Петербургской мужской гимназии Александра Ивановича Трушлевича¹⁰. Муж происходил из духовного сословия — его отец служил причетником при Скорбященской церкви, «что за Литейным двором». Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (со степенью кандидата), в янва ре 1884 г. Трушлевич успешно сдает экзамены на звание учителя русского языка и словесности при Санкт-Петербургском университете. Педагогическая стезя продлится до 1910 г., когда по-

дорванное тяжелой болезнью здоровье уже не позволит заниматься преподавательской деятельностью. 1 января 1912 г. ему будет назначена пенсия, а 11 сентября 1914 г. Александр Иванович скончается в Доме призрения душевнобольных им. Императора Александра III¹¹. По воспоминаниям знавших его людей Трушлевич серьезно интересовался нетрадиционной, в том числе и тибетской медициной, воедил близкое знакомство с П. А. Бадмаевым¹². Екатерина Николаевна переживет мужа почти на 10 лет. К сожалению, их брак окажется бездетным.

«В характере спокойствие, добродушие, домовитость и гостеприимство», — характеризовал двоюродную сестру А. А. Достоевский¹³.

Воспоминания Е. Н. Трушлевич о ее знаменитом родственнике неизвестны. Но хорошо ли знала она Достоевского, могла ли сообщить о нем что-либо существенное? Или сбереженная фотография так и останется наиболее весомым вкладом этой женщины в общую память о гениальном писателе?

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 387.

¹¹ Там же.

¹² ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 1. Л. 24.

¹³ Хроника рода Достоевских. С. 873.

Библиографический список

- Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1.
- Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л., 1930.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1.
- Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре: Альбом. СПб., 2009.
- Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина; *Волгин И. Л.* Родные и близкие. М.: Фонд Достоевского, 2013.

Bogdanov N. N., Maksimov O. A.

UNKNOWN FACT OF DOSTOEVSKY'S BIOGRAPY

Key words: family surroundings of Dostoevsky.

The authors tells about the unknown fact biography F. M. Dostoevsky — his participation in Baptist of Ekaterina Golenovskaja, person in his family surroundings.

References

- Below S. W. *Enciklopedicheskiy slovar' "Dostoevsky i ego okruzhenie"*. Т. 1. St. Petersburg, 2001.
- Chronika roda Dostoevskich*. Moscow, 2013.
- Letopic' zhisni i tvorchestva Dostoevskogo*. Т. 1. St. Petersburg, 1993.
- Obras Dostoevskogo w fotografijach, zhiwopisi, grafike, skul'pture*. St. Petersburg, 2009.
- Vospominanija A. M. Dostoevskogo*. Leningrad, 1930.

С. В. БЕРЕЗКИНА *

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОБСТВЕННОГО И НАРИЦАТЕЛЬНОГО В ТЕОНИМИИ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Ключевые слова: текстология академических изданий русской классики, теонимия, романы Ф. М. Достоевского «Бесы» и «Преступление и наказание».

В статье рассматриваются проблемы подготовки печатных и рукописных текстов в академических изданиях русской классики на примере прописного и строчного написания теонимов. В статье выдвигается предположение, что в данном случае создается сложный комплекс условий — исторических, культурных, религиозных — которые не позволяют решить проблему с помощью аутентичного копирования источника текста.

В настоящей заметке речь пойдет об одном из аспектов прикладной ономастики — выборе прописных или строчных букв теонимов, перед которым оказываются исследователи, готовя как печатные, так и рукописные тексты русских писателей дореволюционного времени. Теоретическое осмысление проблемы будет предложено нами в конце заметки. Поскольку говорить мы будем об академических изданиях, сразу же укажем, что правила, соответствующие современной орфографической норме в этой области, предлагает словарь «Прописная или строчная?», подготовленный в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (1-е изд. — 2007)¹. Тексты для анализа взяты нами из романов Достоевского — это прижизненные издания «Бесов» (1871–1872) и рукописи «Преступления и наказания» (1866). Написания с большой буквы «божественных имен» по современной орфографической норме, в общем, соответствуют принятым в то время правилам, которым и следовал Достоевский.

Область религиозной лексики соприкасается с идеологией, поэтому неудивительно, что с ней связан целый ряд проблем не только историко-языкового свойства. Не претендуя на обзор написаний

---

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — s.berezkina@mail.ru.

¹ Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная? Орфограф. словарь. М., 2011. С. 26–29.

«божественных имен» в России дореволюционной, советской, а затем постсоветской и желая сразу же ввести читателя в круг интересующей нас проблемы, остановимся на содержательной дифференциации прописных-строчных букв в религиозной лексике Достоевского. Эта дифференциация жестко определяла написания «божественных имен» в русской грамматике, как дореволюционной, так и нынешней: там, где речь идет о верховном едином существе, — Бог, там же, где слово соотносится с одним из множества, — бог². Причем до 1917 г. верховное единое существо связывалось, конечно же, только с христианским (по крайней мере с монотеистическим) Богом.

Рассмотрение проблемы прописных-строчных букв на материале произведений Достоевского лишено элементов конъектуры, поскольку религиозные убеждения писателя не внушают сомнений в «качественности» больших букв в словах соответствующего спектра. Однако сложность затрагиваемых в его произведениях проблем приводила к сбоям в тех фрагментах, где герои-атеисты излагали свое понимание мироустройства. Этот вопрос был подробно проанализирован В. Н. Захаровым на материале прижизненных изданий и рукописей романа «Бесы», и вывод, к которому пришел исследователь, был однозначно заявлен как невозможность «править» Достоевского, поскольку «унификация обедняет его текст»³. Иными словами, чередование прописных и строчных букв в «божественных именах» надо копировать даже в тех случаях, когда это противоречит орфографической норме. Так ли это? Действительно ли копирование текста доносит с несомненностью ту мысль, которой следовал писатель? Попытаемся еще раз проанализировать диалоги в романе «Бесы», которые обратили на себя внимание исследователя.

Вот диалог Петра Верховенского и Кириллова, заканчивающийся самоубийством последнего. Мы приводим отрывки из него, включающие в себя все слова интересующего нас спектра, с расстановкой прописных-строчных букв в соответствии с современной нормой, но при этом в фигурных скобках дублируем те же самые слова в написании, соответствующем двум источникам — публикации «Русского вестника» 1871–1872 гг. и отдельному изданию 1873 г.⁴:

---

² Там же. С. 27.

³ *Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах», или Почему нельзя править Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2012. Т. 9. С. 661–676. Перепечатано: *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М., 2013. С. 300–317.

⁴ Замечено, что в прижизненных изданиях Достоевского расстановка прописных-строчных букв не обнаруживает расхождений в лексике религиозного спектра, т. е. писатель не вносил в эти слова исправлений такого рода (см.: *Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах»... С. 665), хотя некоторые важные нюансы, как это показано и в настоящей статье, все-таки имели место.

«— Я помню, что тут что-то о Боге {Боге}... ведь вы раз мне объясняли; даже два раза. Если вы застрелитесь, то вы станете богом {богом}, кажется так?

— Да, я стану богом {богом}. <...> Бог необходим, а потому должен быть. <...> Но я знаю, что Его {Его} нет и не может быть. <...> Если нет Бога {Бога}, то я бог {бог}.

— Вот я никогда не мог понять у вас этого пункта: почему вы-то бог {бог}?

— Если Бог {Бог} есть, то вся воля Его {Его}, и из воли Его {Его} я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие. <...> Неужели никто на всей планете, кончив Бога {Бога} и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? <...> Для меня нет выше идеи, что Бога {Бога} нет. <...> Человек только и делал, что выдумывал Бога {Бога}, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать Бога {Бога}. <...> Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным. Вот *Он* {*Он*} сказал.

И он с лихорадочным восторгом указал на образ Спасителя {Спасителя}, пред которым горела лампада. Петр Степанович совсем озлился.

— В Него-то {Него-то}, стало быть, всё еще веруете и лампадку зажгли; уж не на «всякий ли случай»? <...> Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа.

— В кого? В *Него* {*Него*}? <...> был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною {мною} в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. <...> Слушай: этот⁵ человек {человек} был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека {человека} — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему {Ему} такого же, и никогда, даже до чуда. <...> А если так, если законы природы не пожалели и *Этого* {*Этого*}, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его {Его} жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. <...>

— Это другой оборот дела. <...> Но позвольте, ну, а если вы бог {бог}? Если кончилась ложь и вы догадались, что вся ложь оттого, что был прежний Бог {Бог}?

— Наконец-то ты понял! <...> Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога {Бога}, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога {Бога}, и не сознать в тот же раз, что сам богом {богом} стал, — есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. <...> Я еще только бог {бог} поневоле и я несчастен, ибо *обязан* заявить своеволие. <...> ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть

---

⁵ В журнальном тексте было «этот», в отдельном издании — «Этот», что, по-видимому, можно считать опечаткой.

человеку без прежнего Бога {Бога} никак. Я три года искал атрибут божества {божества} моего и нашел: атрибут божества {божества} моего — Своеволие!»⁶

В данном диалоге двух героев романа есть только один, надо признать, небольшой фрагмент, где написания, связанные с «божественными именами», не соответствуют норме расстановки заглавных букв, как современной, так и тогдашней, — это рассказ Кириллова о распятии («...был на земле один день ~ без этого человека...»). Здесь прописная буква должна быть — в согласии, в частности, и с новозаветным текстом, который в то время и сейчас был и остается наивернейшим ориентиром — еще в трех словах («со мною», «человек», «человека»). Причем сразу же после рассказа о распятии заглавные буквы вновь появляются в речи всё того же Кириллова, говорящего о Христе («Ему», «*Этого*», «Его»). Почему же их нет там, где он говорит о распятии?

Этот рассказ в устах Кириллова производит впечатление какой-то «цитаты», причем автор ее вполне узнаваем. Это Э. Ренан с его книгой «Жизнь Иисуса» (1863), рисующей Христа как идеального человека, лишённого атрибутов богосыновства⁷. Отсюда и ошеломляющее слово «оба», которое Кириллов относит к Иисусу Христу и одному из распятых разбойников («оба», к тому же, «померли»): в Новом Завете к Христу не прилагается местоимение «оба», которое могло бы объединить Его с кем-либо из персонажей евангельских повествований. Если бы такой случай имелся в новозаветном тексте, то слово «оба» следовало бы начинать с заглавной буквы.

Таким образом, в рассказе о распятии в устах Кириллова дана достаточно явная отсылка к концепции Ренана, оправдывающая отсутствие заглавных букв в рассказе о распятии «человека» по имени Иисус. Реминисценция не рассеивается, когда в речь бедного сумасшедшего, истязуемого садистом, входят исступленные слова любви к тому «чуду», которое явил на земле «*Этом*»⁸. Прописные буквы, соответствующие норме правописания «божественных имен», лишь по видимости совпадают с ней, поскольку Кириллов и здесь говорит о восхищении человеком, не более того, повышение же первых букв оправдывается здесь как эмоциональным настроением героя, так и желанием автора передать важную для него мысль. Нет сомнения, что чередование

---

⁶ Ср.: Русский вестник. 1872. № 12. С. 799–803; *Достоевский Ф. М.* Бесы. Роман в 3-х частях. М., 1873. Ч. 3. С. 224–230. См. также: 10, 468–472.

⁷ Стоит отметить строгое следование орфографической норме в публикации на страницах журнала Достоевского «Эпоха» статьи Э. Ренана «Древние религии» — четкое разделение слов, с одной стороны, «бог» («божество»), а с другой, «Бог» как «тайны высшего мира» (Эпоха. 1864. № 7. Отд. II. С. 32).

⁸ См. слова Достоевского об этой стороне восприятия Ренаном личности Иисуса Христа, выраженные в «Дневнике писателя» 1873 г., в статье «Старые люди»: 21, 10–11, 381. См. также: 9, 396–399 (коммент. Н. Н. Соломиной к роману «Идиот»); *Куйко Е. И.* Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 106–122.

прописных-строчных букв в диалоге Кириллова и Верховенского должно быть сохранено в современном издании, но — с присовокуплением соответствующего комментария.

Написания «божественных имен» в диалоге Кириллова и Петра Верховенского являют идеальный случай совпадения с грамматической нормой и, одновременно, привнесения авторского понимания в то, как в отступление от нее можно вместить некую концептуальную мысль. Слово «Бог» в этом диалоге Кириллов не относит ко Христу. Человек, положивший Своим Рождеством начало новой эры, не является для него Богом⁹. Мысль Кириллова о Боге, без упоминаний Христа, выглядит еще более сложной в другом его диалоге, уже с повествователем, из первой части романа (приводим вновь в соответствии с нормативным правописанием и с указанием в фигурных скобках на то, как слово было напечатано в прижизненных изданиях):

«Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет всё равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог {Бог} будет. А тот Бог {Бог} не будет.

— Стало быть, тот Бог {Бог} есть же, по-вашему?

— Его нет, но Он {он} есть. <...> Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог {Бог}. <...> Тогда историю будут делить на две части: от Гориллы <так!> до уничтожения Бога {Бога} и от уничтожения Бога {Бога} до...

— До Гориллы?

— ...До перемены земли и человека физически. Будет богом {Богом¹⁰} человек и переменится физически. <...> Кто смеет убить себя, тот бог {бог}. Теперь всякий может сделать, что Бога {Бога} не будет и ничего не будет. <...> Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог {бог} станет»¹¹.

Текст этого диалога в том, что связано с «божественными именами», производит крайне противоречивое впечатление. В нем *одна и та же мысль* выражена в *прижизненных изданиях* с использованием кардинально противоположных написаний. Сравним: «Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет», «Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог» и — «Кто смеет убить себя, тот бог», «Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет». Есть ли смысловое различие в этих изречениях Кириллова, передающихся в прижизненных изданиях посредством слов «Бог» и «бог»? Неужели понижение

---

⁹ Ср.: «Отступление от орфографии разоблачает уклонения и нечестивые мысли героев» (Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах»... С. 665). Здесь следует подчеркнуть, что у Достоевского написания «божественных имен» как с прописной, так и со строчной буквы в равной степени способны «разоблачать» изъяны такого рода в размышлениях героев.

¹⁰ Вариант текста в «Русском вестнике»: «Бог — человек».

¹¹ Ср.: Русский вестник. 1871. №2. С. 626; Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. 1. С. 161–162. См. также: 10, 93–94.

начальной буквы стало следствием лишь прояснения его идеи «уничтожения» Бога, следствием введения темы самоубийства? То есть мертвый становится просто «богом», а живущий и борющийся со своим страхом — подлинный «Бог»... Нам представляется это маловероятным, даже при допущении, что Достоевский таким образом хотел передать ход мыслей сумасшедшего человека¹². Резоннее все-таки предположить здесь некий издательский недочет, который требует исправления. В какую же «сторону» исправлять? Может быть, так: «Кто смеет убить себя, тот Бог» и «Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет»? Казалось бы, эти два исправления более предпочтительны, поскольку минимальны. В их пользу могут свидетельствовать и рукописи диалога, черновые и наброски, показывающие более частое отнесение к себе лично слова «Бог» в репликах Кириллова¹³. Хотя и здесь не без исключений, как, например, в наброске «Если нет бога — я бог...»¹⁴. То есть речь идет, возможно, о более частом, но не всё покрывающем обращении на себя слова «Бог» в рассуждениях Кириллова¹⁵.

Эти наблюдения, тем не менее, не избавляют нас от вопроса о причине появления в печатных изданиях в конце диалога между Кирилловым и повествователем слова «бог», соответствующего орфографической норме. Мы можем построить здесь множество гипотетических конструкций, но они не перечеркнут правомочность предположения (с оглядкой на диалог Кириллова и Верховенского-младшего!) об авторском недосмотре. Мысль о «сомнениях и противоречиях автора в интерпретации их (героев. — С. Б.) мнений», порождающих орфографический сбой, — всего лишь одна из гипотез¹⁶. Если автор в конце диалога Кириллова и повествователя, как бы убирая неисправность текста выше, влагает в уста проповедника самоубийства «бог» с понижением первой буквы, то это может ясно свидетельствовать о позиции Достоевского. На наш взгляд, исправлять нужно весь диалог с учетом того правильного употребления слова «бог», которое появляется

---

¹² Ср.: «Отклонения от орфографической нормы и восстановление общих правил передают сомнения и противоречия героев, сомнения и противоречия автора в интерпретации их мнений» (Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах»... С. 675).

¹³ См.: Там же. С. 666–673. Высказывания Кириллова аутентично (со всеми прописными-строчными буквами), по рукописям, приведены на страницах статьи В. Н. Захарова, что существенно дополняет публикацию тех же рукописных текстов в академическом издании, где были сняты прописные буквы в словах интересующего нас спектра (см. публикацию вариантов чернового автографа третьей части, диалог Кириллова и Верховенского-младшего: 12, 76–82).

¹⁴ Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах»... С. 668–669; 11, 293.

¹⁵ Подчеркнем: неисправность публикации академического издания в отношении прописных букв, а также всего лишь выборка примеров, достаточно, впрочем, ярких, в статье В. Н. Захарова говорят о том, что окончательный вывод о преимущественных написаниях в рукописях «Бесов» по такому сложному персонажу, как Кириллов, делать еще рано.

¹⁶ Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах»... С. 675.

у писателя в финале диалога. Это напоминает о пресловутой унификации, но здесь никуда от нее не уйти, поскольку мысль, выраженная посредством слов «Бог» и «бог», очень сложна, и нужно распутать ее (естественно, с комментарием, опирающимся на то, в каком виде диалог был выпущен в свет Достоевским).

Особого места заслуживает разговор о междометии «ей-богу» и устойчивых словосочетаниях (например, со словом «Боже») в текстах академических изданий. Современная грамматическая норма диктует написание их со строчной буквы. Авторы, выпускающие «канонические тексты» Достоевского, настаивают: «...во времена Достоевского божились всерьез, отдавая отчет слову»¹⁷. Весьма шатким представляется этот критерий — оценка серьезности настроений того или иного персонажа, ударившегося в божбу. Если из этого исходить, то чередование написаний «ей-богу» и «ей-Богу» в рукописях Достоевского должно было бы связываться с образами безбожников, с одной стороны, и богоискателей, с другой, хотя на самом деле эту тенденцию обнаружить не удастся.

Что же представляют собой рукописи писателя, и вычлениаются ли в них моменты использования прописных и строчных букв в религиозной лексике, требующие контекстного анализа? Как показало знакомство с аутентичным воспроизведением рассуждений Кириллова, в «Канонических текстах» не рассматривается возможность описок или равнодушной к орфографии скорописи Достоевского. На первый взгляд, это выглядит очень солидно, но не мелковат ли вывод, вытекающий из этой «аутентичности»? Всё, что нам предлагают, — это «сомнения и противоречия героев, сомнения и противоречия автора»... А что если мысль Достоевского была ясной настолько, что он не успевал в рукописи правильно расставлять слова «Бог» и «бог»? Приглядимся к рукописям «Преступления и наказания», герои которого не пускаются в столь сложные, как в романе «Бесы», рассуждения о Боге, хотя и не равнодушны к религиозной проблематике. Так, в первой «краткой» редакции («повесть») романа «Преступление и наказание» Достоевского есть написания «ей-богу» и «боже мой» (по одному случаю) со строчной буквы. В подготовительных материалах к первой редакции, затем во второй («пространной») редакции, набросках к ней, наконец, подготовительных материалах ко второй редакции романа колебаний в написаниях всего спектра производных слов от «Бог» нет. В подготовительных материалах к третьей (окончательной) редакции обнаруживаются следующие записи: «Не дай вам бог подвергнуться несчастью», «Ну, ей богу же, это случилось бы, если б не проклятый Миколка» — высказывания следователя; «Если это бог сочинил, для спокойствия божия, то это — великий человек!» — слова Свидригайлова. Последнее

---

¹⁷ *Достоевский Ф. М. Бесы* / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1990. С. 681.

высказывание записано в соответствии с орфографической нормой, поскольку это слова не о Боге, а о создании ума человеческого (сходная позиция с рассуждениями Кириллова, но уже в вольтерьянском духе). Наконец, еще два понижения начальных букв в интересующих нас словах можно увидеть в черновом автографе окончательного текста (Разумихин: «Если б еще мгновение — я бы подрался, ей богу!») и в беловом автографе (Раскольников: «[Дай бог любовь да совет]»).

Итак, диапазон расхождений в прописных-строчных буквах религиозной лексики по рукописям «Преступления и наказания» ничтожен. На наш взгляд, этими расхождениями (за исключением принципиально важных особенностей в высказывании Свидригайлова о том, что «бог сочинил») вполне можно пренебречь как описками в публикации академического издания. Потому что количество всех остальных написаний, связанных или касающихся «божественных имен» и соответствующих орфографической норме, в рукописях этого романа Достоевского несопоставимо больше, по сравнению со столь ничтожным количеством ошибок скорописи.

При разговоре о скорописи стоит вспомнить и об особенностях применения прописных букв в книгах церковной (не гражданской) печати. Для людей той культурной традиции это было актуально, поскольку все они, с разной степенью интенсивности и постоянства, сталкивались на протяжении своей жизни и со Священным Писанием, и с Псалтирью, и с Минеями, и с молитвословами, часословами и другими церковнопечатными изданиями.

Хорошо известно, что прописные буквы применительно к словам «Бог», «Господь», «Богородица» и проч. вошли в русскую печать в петровскую эпоху с появлением гражданского алфавита¹⁸. Здесь прослеживается постепенность в развитии этой тенденции, но уже к середине XVIII в. она становится повсеместно распространенной. Церковная печать оказалась, конечно же, более консервативной: традицией церковнопечатных изданий, сохранявших старый шрифт, была постановка заглавной буквы только в одном случае — в начале стиха. То есть со строчной буквы печатались слова не только «божественные», но и все имена собственные, а также слова, стоявшие в начале предложения. Постепенно, правда, и в церковнопечатных изданиях возникла некоторая разноголосица: книги, печатавшиеся в Киеве и Петербурге,

---

¹⁸ Подводя итоги тем излишне широким навыкам, которые распространились в русской печати в связи с прописными буквами, Сенковский в 1835 г. предлагал ограничиться (исключая, естественно, имена собственные) написаниями лишь двух родов — «Бог, Спаситель, Дева и проч.» и «Государь, Император, Король и проч.» (Сенковский О. И. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1859. Т. 9. С. 366). Это высказывание было с одобрением приведено Я. К. Гротом в «Спорных вопросах русского правописания от Петра Великого доньше» (1873), где написания с большой буквы «высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан» и «титла царствующего в России Дома» указывались как обязательная орфографическая норма (см. в 3-м изд.: СПб., 1885. С. 305–306).

переняли — уже в конце XVIII в. — пришедшую с Запада грамматическую норму и ввели в тексты книг (в добавление к началам отдельных стихов) прописные буквы. Тем не менее образцовой на всем протяжении дореволюционного существования РПЦ оставалась Московская синодальная типография, которая неукоснительно придерживалась старой русской традиции печатания церковных книг в отношении имен Божиих. В конце концов это привело к прямой полемике с московскими издателями тех, кто усматривал в киевских и петербургских церковнопечатных изданиях позитивный пример использования прописных букв. Написанные в связи с обсуждением этого вопроса записки (а в них затрагивались многие вопросы, не только историко-языковые и собственно книгоиздательские, но и богословские) рассматривались в Синоде, и в 1892 г. по ним было вынесено решение, предлагавшее всем типографиям следовать традиции Московской синодальной типографии¹⁹.

Казалось бы, какое отношение имеют особенности применения прописных букв в церковнопечатных книгах к работе современного текстолога? Тем более что некоторое выделение имен Божиих в них и было и есть — это титла, обладавшие значением не только сокращения (следует заметить, что титла традиционно покрывали не все имена Божии, оставляя, таким образом, многие без какого-либо выделения). О церковнопечатной традиции следует вспомнить, поскольку в обиходе современных текстологов постоянно всплывает один и тот же вопрос: передают ли понижения первой буквы при написании религиозной лексики в разного рода текстах русских писателей дореволюционной эпохи градус их религиозности? Можно ли считать исчезновение, полное или, как это едва ли не постоянно происходит, частичное, бессистемное, больших букв в том или ином рукописном тексте зеркальным отражением отношения писателя к религии, церкви и — скажем прямо — Богу как личности?

В этих вопросах, над которыми приходится размышлять специалистам, работающим над подготовкой текстов классических произведений, речь идет о сближении проблем чисто эдичионных, с одной стороны, и идеологических, с другой. Вообще возможность такого рода — при огромном идейном диапазоне русской литературы! — сомнения не вызывает. В опоре на знание печатных и рукописных текстов различных авторов можно продемонстрировать различные варианты использования

---

¹⁹ См. об этом: *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М., 2001. С. 76, 270; *Плетнева А. А.* Епископ Августин (Гуляницкий) и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка.* 2001. М., 2002. С. 256; *Кравецкий А. Г.* 1) Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009).* М., 2010. С. 472, 480–481; 2) Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876–1892) // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.* М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2014–2015). С. 149–185.

(или неиспользования) прописных букв в религиозной лексике. Настоящей статьёй мы хотели бы побудить исследователей к публикации подобного рода наблюдений, сделанных в ходе изучения литературно-эпистолярного наследия русских писателей. С нашей же стороны, как своего рода гипотезу, мы хотели бы высказать следующую мысль: практика и опыт церковнопечатных книг, навык чтения которых (или хотя бы знакомство с ними) был у всех людей дореволюционной России, показывал, что написание слов религиозного спектра со строчных букв не было само по себе каким-либо «идеологическим криминалом». Так делала и церковь, предлагая богослужебные книги православному народу.

«Идеология» связана с эдичионной практикой весьма опосредованно. Во всех случаях нужен анализ текста, возможно, в широком творческом диапазоне. Алгоритм же «спотыкания», который не позволяет выносить прямое идеологическое суждение о том или ином слове в написании больших букв в словах религиозного спектра, может быть таким: «Вы утверждаете, что эти описки, сгустившиеся на этой (этих) странице (страницах) рабочей тетради, свидетельствуют о пониженном градусе религиозности писателя? а мы думаем, что это скоропись, оправданная, возможно, некоей памятью о том, что и церковь такие слова со строчных букв печатать себе не возбраняет».

Само по себе копирование в современном издании прописных-строчных букв религиозной лексики вступает с идеологическим фактором в сложные взаимоотношения. Предполагается, что современный читатель при лицемерии скопированных написаний такого рода осознает некую правду об истинных настроениях автора. Этот вывод более чем спорный, поскольку современный читатель (за исключением какого-то тончайшего слоя) не обладает навыком чтения церковнопечатных книг. У него не срабатывает культурная память, и он придает значение особенностям, которые на самом деле, на наш взгляд, не были в ту эпоху определяющими. Аутентичным воспроизведением памятника мы вводим читателя в заблуждение, поскольку он делает выводы, выпадающие из историко-культурного контекста.

Слово «памятник» академическая текстология решает приложить лишь к рукописным текстам. Что же касается так называемых основных текстов классических произведений, то академические издания дают их в согласии с современными правилами орфографии и пунктуации. Но и в этих разделах наших изданий читателя ждет некая ловушка в той же религиозной сфере. В XIX в. прописные буквы украшали, в согласии с правилами своего времени, множество слов, которые сейчас пишутся со строчной: «господин», «милостивый государь», «его превосходительство», названия месяцев, этнонимы (например, «русский») и т. д.²⁰ В прижизненных изданиях русских классиков сло-

---

²⁰ См. об этом: *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 338–340.

ва религиозного спектра стояли в ряду этих написаний, ничем из них не выделяясь. (Прописная буква у всех этих слов была одна и та же!²¹) В настоящий момент мы даем строчные начальные буквы в словах типа «господин», «январь», «французский» и т. п., причем резко возрастает роль прописных букв в словах религиозного спектра. Из-за этого, надо признать, они действительно «обогащаются» в наших изданиях неким идеологическим ореолом.

Что же делать? Может быть, понизить всё, что писалось с большой буквы, — и почтительные именованья особ, и месяцы, и этнонимы, а заодно и «религию»? Последнего, конечно же, никто не допустит, поскольку слишком живой является память об изданиях советского времени, насквозь пропитанных идеологией (в них не было места ни «Господину», ни «Его Превосходительству», ни уж тем более — Богу). Принцип следования современным грамматическим нормам в основных текстах академических изданий не может быть поколеблен, но использование прописных букв в религиозной лексике, по-видимому, возможно ограничить применительно к тем или иным авторам и их произведениям. Везде нужен критический подход — к любому из авторов и к любому из слов религиозного спектра.

Библиографический список

- Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1885.
- Достоевский Ф. М.* Бесы / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1990.
- Достоевский Ф. М.* Бесы. Роман в 3-х частях. М., 1873. Ч. 3.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах», или Почему нельзя править Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2012. Т. 9.
- Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М., 2013.
- Кийко Е. И.* Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4.
- Кравецкий А. Г.* Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009). М., 2010.

---

²¹ См. яркие образчики принятой и обычной для культуры того времени манеры, обусловленной и орфографической нормой, в письмах митр. Филарета (Дроздова), например, к Николаю I: «...чтобы Верховный Единодержец всего сущего Единодержавие Твое охраняя!» (Письма Филарета, митрополита московского и коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам / Сост. и изд. Саввою, архиеп. тверским и кашинским. Тверь, 1888. С. 4).

- Кравецкий А. Г.* Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876–1892) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2014–2015).
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М., 2001.
- Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К.* Прописная или строчная? Орфограф. словарь. М., 2011.
- Письма Филарета, митрополита московского и коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам / Сост. и изд. Саввою, архиеп. тверским и кашинским. Тверь, 1888.
- Плетнева А. А.* Епископ Августин (Гуляницкий) и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002.
- Ренан Э.* Древние религии // Эпоха. 1864. №7. Отд. II.
- Русский вестник. 1871. №2.
- Русский вестник. 1872. №12.
- Сенковский О. И.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1859. Т. 9.

Berezkina S. V.

THE RELATIONSHIP OF PROPER AND COMMON NOUNS IN THEONIMIA: ON THE PROBLEM OF UPPERCASE AND LOWERCASE LETTERS IN ACADEMIC EDITIONS OF RUSSIAN CLASSICS

Key words: textology of academic editions of Russian classics, theonimia, Dostoevsky, novels *Demons* and *Crime and punishment*.

The article considers the problems of preparation of printed and handwritten texts in academic editions of Russian classics on the example of uppercase and lowercase spellings of “divine names”. Historical, cultural, religious, ideological, and grammatical factors create a complex textual problem that cannot be solved by authentic copying of the text source.

References

- Grishunin A. L. *Issledovatel'skie aspekty tekstologii*. Moscow, 1998.
- Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne*. St. Petersburg, 1885.
- Dostoevskii F. M. *Besy*. Podgot. teksta, vstup. st. i primech. V. N. Zakharova. Petrozavodsk, 1990.
- Dostoevskii F. M. *Besy. Roman v 3-kh chastyakh*. Moscow, 1873.
- Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols*. Leningrad, 1972–1990.

- Zakharov V.N. Zaglavnaya bukva v “Besakh”, ili Pochemu nel’zya pravit’ Dostoevskogo. *Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenij: Izd. v avt. orfografii i punktuatsii: Kanon. teksty*. Pod red. V.N. Zakharova. 2012. T. 9.
- Zakharov V.N. *Imya avtora — Dostoevskii: Ocherk tvorchestva*. Moscow, 2013.
- Kiiko E.I. Dostoevskii i Renan. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1980. T. 4.
- Kravetskii A. G. Lingvisticheskie i tekstologicheskie standarty sinodal’nykh tipografii. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2006–2009)*. Moscow, 2010.
- Kravetskii A. G. Materialy diskussii ob upotreblenii propisnykh bukv v knigakh tserkovnoi pečati (1876–1892). *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. Moscow, 2015. Vyp. 5. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2014–2015).
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX — XX v.)*. Moscow, 2001.
- Lopatin V.V., Nechayeva I. V., Chel’tsova L. K. *Propisnaya ili strochnaya? Orfogr. slovar’*. Moscow, 2011.
- Pis'ma Filareta, mitropolita moskovskogo i kolomenskogo, k velichaishim osobam i raznym drugim litsam*. Sost. i izd. Savvoyu, arkhiep. tverskim i kashinskim. Tver’, 1888.
- Pletneva A. A. Episkop Avgustin (Gulyanitskii) i problema novykh perevodov s grecheskogo na tserkovnoslavyanskii yazyk vo vtoroi polovine XIX v. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. 2001. Moscow, 2002.
- Russkii vestnik*. 1871. N 2; 1872. N 12.
- Epokha*. 1864. N 7.

К. А. БАРШТ*

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»:
УТОЧНЕНИЯ И НОВЫЕ ПРОЧТЕНИЯ**

Ключевые слова: Записные тетради Ф. М. Достоевского, подготовительные материалы к роману «Бесы», новые прочтения, новые формы публикации рукописей.

В статье предлагается ряд новых прочтений подготовительных материалов к роману Ф. М. Достоевского «Бесы», опубликованных в записных тетрадях, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8 и 9) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 4 и 5). Поднимается вопрос об устаревшей и не отвечающей потребностям науки «бумажной» форме публикации рукописей писателя.

В опубликованных в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского подготовительных материалах к роману «Бесы» (11, 58–308) источники текста разделены на четыре части, соответствующие четырем записным тетрадям, которыми пользовался писатель в период создания этого произведения: РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8 (январь–август 1870 г.); РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Д. 4 (январь–март 1870 г.); РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Д. 5 (апрель 1870 — май 1871 г.); РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 9 (январь–декабрь 1872 г.)¹. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются записи, относящиеся к самому раннему периоду создания романа «Бесы», с января по март 1870 г.: РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 20–27; РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 1–5, 23–58, 61–68, 71–77; РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 3, 18–24, 27–30, 36–37, 50–52, 62–63, 126–144. Текстологические принципы издания этих записей определены в соответствующих разделах первого тома издания (1, 5–11), в целом соответствуя давним традициям издания академических собраний сочинений, принятым в Пушкинском Доме. В нашей работе речь идет о фиксации некоторых упущений при публикации этого текста и об уточнении ряда прочтений

---

* Константин Абрекович Баршт, д-р филол. наук, профессор, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — konstantin_barsht@pushdom.ru.

¹ Далее ссылки на архивные источники приводятся в сокращенном виде: РГАЛИ. 212.1.8, РГБ. 93.1.1.4, и т. д.

и конкретных текстологических деталей публикации, а также стремительно устаревающим формате бумажных изданий, не удовлетворяющих потребности современной науки и существенно ограничивающих канал связи между научным материалом и его исследователями.

В связи с этим вызывает сожаление, что избранный способ воспроизведения рукописи лишает возможности учета и анализа всех знаковых систем писателя, включая идеограммы и синтаксические значки, указывающие на принадлежность данной записи к определенному месту в формирующемся сюжете основного текста произведения². Эти характерные элементы языка писателя (фигурная скобка, прямая линия, волнистая линия, круг с тремя точками, идеограмма «Здесь» и др.) в публикации не воспроизведены, не систематизированы, эпизодически и бессистемно указываются в сносках. К недостаткам публикации относится также нарушение оригинального деления текста на абзацы, игнорируются знаки, указывающие деление текста на значимые фрагменты, абзацы, придающие фразе значение сюжетного эпизода (тире в начале и/или в конце предложения). В ряде случаев абзац в рукописном тексте Достоевского может состоять из одного слова, неукоснительно требуя представления его при публикации именно в таком виде. При издании этих записей в 11-м томе Полного собрания сочинений не были отображены цифры, обозначающие фрагменты текста, типа «3»); такого рода записи неправомерно отрицаются как семантически значимые, они ошибочно отождествляются с синтаксическими знаками и не воспроизводятся в публикации.

Излюбленные писателем и часто встречающиеся в тексте знаки «NB», вероятно, с целью точнее передать графику написания, переданы в виде «N3». Такое решение выглядит по меньшей мере парадоксальным, учитывая игнорирование при издании этих материалов практически всех следов идеографии писателя, включая рисунки и каллиграфически написанные слова. По-видимому, этот знак необходимо воспроизводить в том виде, в каком он предстает в рукописи писателя, где он представлен в трех вариантах: «NB», «NB») и «NB.»).

Отдельный вопрос — пространственное расположение записей. Помимо следования синтаксическим знакам и другим признакам, указывающим на расположение и взаимное отношение между фрагментами текста, было бы правильно указывать направление записи относительно пагинации и/или основного текста при отсутствии оной, на левом, правом, верхнем или нижнем поле страницы и с обозначением направления записи: 90°, 180° и 270°. Тот же принцип последовательно и без всяких исключений было бы целесообразно применить для слов и фраз, вписанных в основной текст во время его правки, с указанием места их расположения на странице (выше строки, ниже строки, на левом, правом, верхнем или нижнем поле, на свободном поле страницы), указания

---

² См.: *Барит К. А.* Рисунки в рукописях Достоевского. СПб., 1996. С. 8, 131.

«вписано» здесь явно недостаточно. В случае очевидной логической ошибки или описки в основном тексте необходимо сформировать текстологически выверенную версию, а в сноске воспроизвести оригинальное написание; это в 11-м томе делается лишь эпизодически. То же касается скобок: в случаях, когда в тексте присутствует левая скобка, но отсутствует правая³, по смыслу фразы она должна быть поставлена в нужное место и заключена в угловые скобки⁴. Зачеркнутые Достоевским скобки в публикации игнорируются, однако было бы правильно отображать их в квадратных скобках наравне с зачеркнутыми словами; лексические пунктуационные знаки в черновой рукописи писателя обладают равнозначной информативной ценностью. Пропущенные и следующие по смыслу слова было бы правильно вводить в текст, заключая их в угловые скобки, без оговорок в примечаниях, это сохраняет в более естественном виде отображение движения творческой мысли писателя.

В публикации Полного собрания сочинений Достоевского содержатся ошибки, связанные с использованием строчной и прописной букв, в ряде случаев ошибочно придавая значение имени собственного («Учитель» вместо «учитель», «Красавица» вместо «красавица», «Воспитанница» вместо «воспитанница», «Капитан» вместо «капитан» и пр.), что существенно меняет семантику слова и смысл фразы, в которой оно содержится: указание на определенное положение в обществе, внешность или профессию заменяется онимом, лишаящим слово лексического значения, но лишь называющим объект. Решение этой текстологической задачи сильно осложняется тем, что писателю было свойственно писать имена существительные с произвольным увеличением первой буквы. Характерным свойством стиля творческой работы Достоевского было обозначение персонажей своих произведений, особенно на ранних стадиях работы, псевдонимами, образованными от имен нарицательных. Однако это не отменяет основной принцип текстологической работы, который сводится к максимально возможному следованию воле автора. Необходимо строго воспроизводить оригинальное написание слова в каждом отдельном случае, так как путаница, созданная простым переводом всех слов такого рода в имена собственные, меняет смыслы, заложенные в тексте Достоевским, и процесс формирования характера персонажа выступает в искаженном виде. Особенно в случаях, когда одно и то же слово в пределах одной фразы или одного абзаца пишется то с заглавной, то со строчной буквы (воспитанница / Воспитанница, великий писатель / Великий писатель / Великий Писатель и др.).

Кроме того, следует учитывать, что Достоевский был склонен писать нарицательные существительные с прописной буквы. Делал это нерегулярно, и не только в обозначениях персонажей (воспитанница / Воспитанница

---

³ См., например: РГБ. 93.1.5. С. 75.

⁴ См., например: 93.1.5. С. 75 — фраза имеет три скобки, одна левая и две правые, верно расположенные по смыслу фразы.

и др.). Например, так он писал слово «Москвичи» в середине предложения, переводя апеллятив в оним⁵. Здесь возможны два решения: повторить в издании по принципу «как есть» заглавную и прописную букву, или каким-то образом унифицировать, однако принцип унификации должен быть текстологически обоснованным и прозрачным. Вероятно, стоит также сохранить прописные буквы в семантически нейтральных словах в роли памятника орфографической нормы XIX в. («Царь», «Государство» и т. п.), отказ от их воспроизведения в оригинальном виде, который мы видим в публикации 11-го тома, не вполне оправдан.

Знаки препинания при воспроизведении прямой речи, вероятно, нужно сохранять в соответствии с оригиналом: очевидный личный нарратив персонажа (прямая речь) заключается в кавычки или, если в авторском тексте для обозначения прямой речи применено тире, следует употребить тире. В остальных случаях — в соответствии с нормой: в начале абзаца тире, внутри абзаца кавычки. Необходимо также сохранять кавычки при воспроизведении фразы в кавычках в сноске. Не вполне оправданной выглядит фрагментарность указаний на линии, подчеркивающие или обводящие части текста (практика, принятая в 11-м томе), в таких случаях указание на линии должно производиться неукоснительно, а текст, обведенный линией той или иной формы, должен быть прокомментирован в сноске.

Особенно тяжелые потери информации в публикации подготовительных материалов к роману «Бесы» связаны с практически полным игнорированием невербальных элементов рукописи — портретных и архитектурных рисунков, каллиграфических прописей, иных идеограмм, оставленных рукой писателя. Особенно парадоксально это выглядит на фоне того, что в ряде случаев каллиграфические записи учтены и воспроизведены; возникает вопрос, почему именно эти, а не все записи такого рода, чем обоснован такой выбор. Принцип научной полноты оказывается не соблюден. С каллиграфическими прописями было бы правильно работать следующим образом: если она входит синтаксически или по смыслу в основной текст, является частью фразы, — воспроизводится в основном тексте и снабжается отдельной сноской. В остальных случаях воспроизводится в тексте страницы черновика на своем месте и снабжается комментарием в сноске.

Подчеркнутые слова в рассматриваемой нами публикации отображаются курсивом. Это решение в стародавние времена диктовалось убогими возможностями полиграфической технологии XIX — первой половины XX в., что же касается современных средств печати, для идентичного оригиналу воспроизведения подчеркиваний не существует никаких препятствий. Следование этой архаической традиции сегодня выглядит как ничем не объяснимая причуда. Разумеется, также нет причин отказываться от оригинального стиля воспроизведения слов, написанных крупными (прописными) буквами.

---

⁵ См., например: РГБ. 93.1.4. С. 42.

Некоторые сомнения связаны с тенденцией в указанной публикации к стилистическому сглаживанию текста автографа, для чего зачеркнутые слова в основной своей массе помещаются в сноски, приближая черновой текст с правкой к беловому. Вероятно, было бы более правильно оставлять в тексте, в квадратных скобках, зачеркнутые писателем слова и фразы, в том числе и в случае их повторения. Это придаст черновому тексту большую достоверность как информационному корпусу, указывающему на процесс создания художественной формы произведения. Тот же принцип желателен и по отношению к зачеркнутым текстовым блокам значительного размера, выведение их из основного текста и помещение в сноски выглядит неоправданным⁶, зачеркнутый текст лишь по отношению к беловику есть «лишний», в составе же чернового автографа он имеет равные с незачеркнутым текстом права на существование. Особенно это ясно в случаях, когда слово зачеркнуто, зачем восстановлено писателем, и затем написано еще раз рядом (11, 320, 377), было бы правильно сохранить это в корпусе основного текста черновика с соответствующими примечаниями в сносках.

Относительно порядка расположения записей в публикации — в ряде случаев необходимы изменения и уточнения. Так, на с. 25 (РГБ. 93.1.4.) в роли действующего лица появляется «Шапошников», под этим именем персонаж пребывает далее на двух страницах черновика. Далее, поскольку Достоевский обозначал его имя «Ш-в» и, вероятно, учитывая его имя в окончательной версии произведения, он трактуется и воспроизводится в издании как «Шатов», без всяких пояснений смысла такого выбора. Однако через несколько страниц тетради появляется тот же персонаж, снова обозначенный именем «Шапошников» (РГБ. 93.1.4. С. 41). Затем, на с. 27–40, снова возникает «Ш<ато>в». Такого же рода необъяснимые трансформации встречаются и относительно имен других персонажей. К примеру, в рукописи на с. 49 есть такая запись: «Князь приехал в город и видит приехавшего сына» (РГБ. 93.1.4. С. 49). Основное значение псевдонима «Князь» в материалах к «Бесам» — это Николай Ставрогин, понятно, что у него взрослого сына быть не может, имеется в виду другой персонаж. Пара «Князь с сыном» была далее заменена Достоевским на пару «Грановский с сыном» (С. Т. Верховенский и П. С. Верховенский). Однако в рассматриваемой нами публикации эти две пары чередуются, никаких пояснений этому в томе не содержится. Это далеко не все вопросы, связанные с публикацией рукописей Достоевского в 11-м томе первого Полного собрания сочинений писателя и требующие решения.

В нижеследующей таблице отражены найденные искажения текста в исследуемом материале; не отражаются случаи нарушения авторского написания строчной/прописной в именах и технических наименованиях

---

⁶ Например, стихи капитана Картузова, помещенные в подстрочные примечания на том основании, то они были зачеркнуты писателем (11, 124).

персонажей, их несколько сотен. Этот вопрос будет рассмотрен в другой работе. Знак «~» в таблице обозначает отсутствие буквы, цифры или слова в публикации, подчеркивание передается подчеркиванием. Порядок записей следует публикации первого Полного собрания сочинений Достоевского.

№	Текст в т. 11 Полного собрания сочинений	Страница	Текст в рукописи	Ссылка
1	~	58	1)	РГАЛИ. 212.1.8. С. 21
2	История следующая.	58	История следующая:	21
3	сыну) зарится	58	сыну) — зарится	21
4	mauvais genre	58	mauvais-genre	21
5	не женитесь	58	не жениться же	21
6	быть не может.	59	быть не может:	20
7	открываться ему. О Христе	59	открываться ему, о Христе	20
8	сам не стрелял.	59	сам не стреляет.	22
9	~	60	4)	23
10	Мысль	60	<u>Мысль</u>	23
11	Он, например,	60	Он н<a>пример	23
12	Сознается ему	61	Сознается ему. <)>	23
13	Говорите правду	61	Говорит <u>правду</u>	24
14	~	62	2)	26
15	~	64	Не от себя ли рассказ? 24/12 Января <1870>	РГБ. 93.1.1.4. С. 23
16	~	65	1)	24
17	~	65	Князь	24
18	Роль Сакса.	65	Роль [Полин<ьки>] Сакса.	24
19	Глупость откровенности: осилил Мадонну.	65	Глупость откровенности. — Осилил Мадонну.	24
20	Золотой век, греческие боги	66	Золотой век. Греческие бог	24
21	Портретики. Мемуарчики	66	Портретики, мемуарчики	24
22	Гончаров, в Петербурге) хотела было	66	Гончаров, в Петербурге). Хотела было	24
23	Великий писатель	66	Велик<ий> писатель	24
24	~	66	2)	25
25	Просмотрели Россию. Особенность свою познать не можем и к Западу самостоятельно отнестись не умеем.	66	Особенность свою познать не можем и к Западу самостоятельно отнестись не умеем. Просмотрели Россию.	25

№	Текст в т. 11 Полного собрания сочинений	Страница	Текст в рукописи	Ссылка
26	До того времени был капитальный разговор с отцом	67	До того времени был: капитальный разговор с отцом	25
27	(Или например: не будь	67	(Или н<a>пример: не будь	25
28	Или неопределенности.	67	Или неопределенность.	25
29	Теперь здание шатается	67	теперь Здание шатается	25
30	ф<он> Зон, 8000 желез<ных> дор<ог>.	67	<фон> Зон, [когд<a>] 8000 желез<ных> дор<ог>.	25
31	Да, и тебя хотели убить.	67	[Ст<удент>] — Да и тебя хотели убить.	25
32	говорят об их дружбе, да и они верят).	69	говорят об их дружбе []], да и они верят<)>.	27
33	отношения сами собой выяснятся	70	[всякий пойме<t>] отношения сами собой выяснятся	27
34	Писарев был у Княгини.	71	Писарев был у Кн<a>гени.	28
35	будто не заметил (<i>в самом деле не заметил</i>)	71	будто не заметил ([может и] в самом деле не заметил)	28
36	а 1а Базаров.	71	а 1а Базаров.	28
37	Белинский расхохотался	73	Белин<ский> расхохотал<ся>	30
38	articles de Paris	73	article de Paris	30
39	точно херувим, на потолке нарисованный	75	точно херувим, на потолке нарисованный. [д<a> и совсем глупое лицо]	31
40	Речь отца у Княгини	78	[Про] Речь отца у княгини	34
41	Иначе тот, у которого пищеварение дольше совершается	80	Иначе у того, у которого [пища] Отметка желтым — Ваша? пищеварение дольше совершается	35
42	Г<рановски>й, сначала еще только	80	— Гр<ановски>й. Сначала еще только	35
43	Грановский рассказывал	80	Гр<ановский> рассказывал	36
44	NBota bene:	81	Notabene:	36
45	уб<ийство?> Ш<атова>, доносчик	84	[уб<ит>] Ш<атов> доносчик	38
46	В парке ждут Ш<атова>. Приходит, убивают.	84	В парке ждут Ш<атова>. Приходит, убивает.	38
47	С<тудент> является ночью. Последнее объяснение. Появление бежавшей невесты.	84	Ст<удент> является ночью — последнее объяснение — появление бежавшей невесты.	38
48	И насколько же умнее этого дурака москвича игравший в карты	87	И насколько же умнее [его] этого дурака москвича<,> игравшего в карты.	41

№	Текст в т. II Полного собрания сочинений	Страница	Текст в рукописи	Ссылка
49	(Полковник заметил отношение	90	[Ст<удент>] (Полковник заметил отношение	45
50	Воспитанница же, не желая вредить карьере Князя,	90	В<оспитанни>ца же <> не желая вредить карьере Князя,	46
51	вы утверждаете, что обид не будет	103	вы утверждаете, что и [во<йн>] обид не будет	56
52	непозволительно быть так глупым	108	непозволительно быть так<им> глупым	61
53	Сын: «Плаксивая баба».	114	Сын — плаксивая баба.	66
54	случай с Гр<ановски>м и с экипажем Губернаторши, причем квартальный.	120	случай с Гр<ановски>м и с экипажем губернаторши, при чем квартальный.	74
55	задает вопрос о доносе, пьют шампанское, постановка совершилась.	123	задает вопрос о доносе, пьют шампанское. Постановка совершилась.	75
56	До помолвки кощунство	123	До [это<й>] помолвки кощунство	75
57	конечно, не знаю всего). Что он такое?	129	конечно, не знаю всего), — и т. д. Что он такое?	4
58	у нас тут два анонимных письма.	138	нас тут [стр<анные>] два анонимных письма.	РГАЛИ. 93.1.1.5. С. 134
59	Тут в романе входят всё странные лица.	139	Тут в роман входят все странные лица.	135
60	дескать, едет и Князь вступить в обладание законное женой его	141	дескать, едет и Князь [свое<вольно>] вступить в обладание законное женой его	135
61	У Ш<атова> мысль о поправке рубля: «Когда вступим на национальный путь». (Может быть, в заседании Комитета.) «Стало быть, никогда», — сказал Милоков.	143	У Ш<атова> мысль о поправке рубля: «Когда вступим на национальный путь». «Стало быть, никогда», — сказал Милоков. (Может быть, в заседании Комитета.)	138
62	«Друг нужен для выливания помой» (дружба хороша до известной степени).	143	«Друг нужен для выливания помой» (дружба хороша до известной степени). [Вежливо.]	138
63	О, это всё пустяки!	146	[О, это пустяки! Велика Федора ...»] Это все пустяки!	140
64	неопределенностью, слабостью реформ,	148	неопределенностью, слабостию [нед<остаточностью>] реформ,	143

№	Текст в т. 11 Полного собрания сочинений	Страница	Текст в рукописи	Ссылка
65	Всякая реформа должна быть тверда, ясна и по возможности определена, откровенна и безвозвратна.	148	Всякая реформа должна быть [по<следовательно>] тверда, ясна и по возможности определена, откровенна и безвозвратна.	143
66	увидя слабость и колебание в правительстве, почувствуют, что оно робеет, их робеет, — подымут нос,	148	увидя слабость и колебание в правительстве, почувствуют, что оно робеет, их робость, — подымут нос,	143
67	Шатость, сумбур, падение кумира, падение веры и правил нравственности, хотя бы и фантастических, но доселе твердо стоявших и на которых всё у них держалось.	148	Шатость, сумбур, падение кумира, падение веры и правил нравственности, хотя бы и фантастических, но доселе твердо стоявших и на которых всё у нас держалось.	93.1.1. 5.143
68	убить ему ничего не стоит	150	убить ему ничего не стоило	144
69	чуждая, незнакомая, да мы и не веруем ей.	156	чуждая, незнакомая, да все-таки мы и не веруем ей.	128
70	образоваться в народе веками	156	образоваться в народе [вел<иком>] веками	128
71	потому что имеет целью не дело, а единство в торжестве идеи.	158	потому что имеет целью не дело, а торжество идеи, не дело, а единство в торжестве идеи.	130
72	В предмете не то, как дело сделано, т. е. право или ошибочно, плодотворно или мертво, к пользе или ко вреду.	158	В предмете не то, как дело сделано, т. е. право или ошибочно [пр<авильно>], плодотворно или мертво, к пользе или ко [прав<де>] вреду.	130
73	А на рулетке кто же выигрывает?	159	А на рулетке кто же выигрывал! [выиграть]	131
74	в<аше> п<ревосходитель>ство имели нарезную батарею	162	В<аше > П<ревосходитель>ство имели [бы] нарезную батарею».	132
75	кроме некоторых и, так сказать, святых	165	кроме некоторых и, так сказать, святых [вер<ований>]	18
76	Россия есть лишь олицетворение души православия (раб и свобода). Христианство.	167	Россия есть лишь олицетворение души православия (раб и свобода). Прусский пустынный. Христианство.	20
77	«Вест(ник) Европы» сердится на Пушкина за старинную эпиграмму.	169	(«Вест<ник> Европы» сердится на Пушкина за старинную эпиграмму.	22

№	Текст в т. II Полного собрания сочинений	Страница	Текст в рукописи	Ссылка
78	Гр<ановский> покорбился: «Моп cher, ты бы мог сказать это иначе.	171	Гр<ановский> покорбился. Сыну: «Моп cher, [М<илостивый> Г<осударь>] ты бы мог сказать ⁷ [иначе] это иначе.	24
79	Нечаев: «А то что же? Что же ты такое делаешь? За что жалованье получаешь?»	172	Нечаев: «А то что же? Что же ты такое делаешь? За что жалованье, <u>шут</u> , получаешь?»	24
80	Тут. Опомнитесь, что вы говорите!	172	<u>Шут</u> . — Опомнитесь, что вы говорите!	24
81	Земли свободы, христианство, исходил, благословляя, папантихрист.	177	Земли свободы, христианство, исходить, благословляя. Папа — антихрист.	28

Библиографический список

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

K.A. Barsht

PREPARATORY DRAFT MANUSCRIPTS FOR THE NOVEL *DEMONS* BY F. M. DOSTOEVSKY. CLARIFICATIONS AND NEW READINGS

Key words: Notebooks of F. M. Dostoevsky, preparatory materials for the novel *Demons*, new readings, new forms of manuscript publication.

The article offers some new interpretations of drafts for the novel by F. M. Dostoevsky *Demons*, which is located in writer's notebooks, stored in the Russian state archive of literature and art (Fund. 212. Inventory 1. N. 8 and 9) and at the Department of manuscripts of Russian state library (Fund 93. Inventory 1. Cardboard 1. N 4 and 5). The article also raises the question of method of publication manuscripts of the writer, criticizing the paper edition.

References

Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.

⁷ *Незачеркнутый вариант:* вы бы могли выразить

В. И. СИМАНКОВ *

М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВ КАК ВОЗМОЖНЫЙ АВТОР СТАТЬИ «ДВА ЛАГЕРЯ ТЕОРЕТИКОВ»

Ключевые слова: «Время», «Два лагеря теоретиков», Ф.М. Достоевский, М.М. Достоевский, М.И. Владиславлев, русская журналистика XIX в., атрибуция.

В работе поднимается вопрос о том, кому принадлежит анонимная статья «Два лагеря теоретиков», впервые напечатанная в журнале «Время» (1862) и впоследствии приписанная Ф.М. Достоевскому. При рассмотрении вопроса об авторстве статьи особое внимание уделено М.И. Владиславлеву (1840–1890), одному из сотрудников журнала «Время». Между публикациями в журнале братьев Достоевских, предположительно принадлежащими Владиславлеву, и статьей «Два лагеря теоретиков» обнаруживается ряд перекрестных ссылок, напоминающих автоповторы, а также фразеологических сходжений, которые по своей нетривиальности могут быть классифицированы как авторские окказионализмы. Полученные данные позволяют предположить, что подлинным автором статьи «Два лагеря теоретиков» был не Ф.М. Достоевский, а молодой сотрудник редакции М.И. Владиславлев.

О том, что М.И. Владиславлев принимал деятельное участие в журналах «Время» и «Эпоха», стало известно уже в 1890 г., вскоре после его смерти. Так, в некрологе А.И. Введенского говорится о том, что в 1859 или 1860 г. Владиславлев «познакомился и сблизился с М.М. и Ф.М. Достоевскими, которые предложили ему сотрудничать в устраиваемом ими журнале “Время”, и с 1861 г., (когда началось это издание) Михаил Иванович стал поставлять им по временам статьи критико-библиографического и популярно-научного характера, преимущественно же по вопросам философии». В примечании к сказанному Введенский, впрочем, признался, что «разыскать скоро эти не подписанные статьи, а равно и те, которые печатались им в 1862 г. (тоже без подписи), не было никакой возможности»¹. Первый шаг к разгадке

---

* Виталий Иванович Симанков, Ph. D. (2017, Брауновский университет, США), независимый исследователь — vitaly.simankov@gmail.com.

¹ *Введенский А.* Научная деятельность М.И. Владиславлева // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 269. Июнь. Отд. «Современная летопись». С. 199.

был сделан В. С. Нечаевой в 1927 г. Исследовательнице удалось разыскать девять писем М. М. Достоевского к Владиславлеву, которые она и опубликовала в журнале «Искусство»². Впоследствии сведения, полученные из писем М. М. Достоевского, были дополнены информацией из гонорарных книг журнала «Время». Сводный результат своих разысканий В. С. Нечаева поместила в своих поздних работах³.

Как видно из сохранившейся переписки, М. М. Достоевский неоднократно отправлял Владиславлеву те или иные книжные новинки с тем, чтобы последний написал их разбор для журнала «Время». Среди прочих были и «Сочинения К. С. Аксакова». Так, 17 января 1862 г. М. М. Достоевский в письме Владиславлеву сообщил, что посылает последнему «сочинения К. Аксакова, которые только что вышли»⁴. Действительно, первый том исторических сочинений К. С. Аксакова вышел в конце декабря 1861 г., о чем свидетельствует, в частности, объявление в газете «День»⁵.

Когда Достоевские купили том сочинений Аксакова? По данным «Летописи», 8 января 1863 г. Ф. М. Достоевский «посещает книжный магазин А. Ф. Базунова; в счет ему записано: «Сочинения Аксакова, т. 1. 2 <руб.> 50 <коп.>» — ГБЛ. Ф. 93.П.1.65»⁶. По мнению составителей «Летописи», «вероятно, речь идет о первой части книги: “Семейная хроника и воспоминания. В двух частях” (вышедших третьим изданием в 1862 г.)». Ошибку в идентификации «Сочинений Аксакова» исправил впоследствии Б. Н. Тихомиров: «Вопреки “Летописи” маловероятно,

---

² Нечаева В. С. Неизданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских, 1847–1880 г. (Из семейных архивов) // Искусство: Журнал ГАХН. 1927. Кн. 1. С. 136–141. Переписка между М. М. Достоевским и М. И. Владиславлевым, была недавно издана вновь (с небольшими погрешностями и, кажется, без учета первой публикации): *Перишкина А. Н.* Письма М. М. Достоевского М. И. Владиславлеву // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 122–133.

³ Нечаева В. С. 1) Из архива журнала «Время» // Достоевский и его время / Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Л., 1971. С. 283–295; 2) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972; 3) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.

⁴ Нечаева В. С. Неизданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских, 1847–1880 г. С. 40.

⁵ Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. М.: В Тип. П. Бахметева, 1861. Т. 1 (Сочинения исторические). Цензурное разрешение — 19 декабря 1861 г. Сведения о выходе книги в свет появились в газете «День»: «Вышли и продаются: Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 1; Полное собрание сочинений К. С. Аксакова. Т. 1; Полное собрание сочинений И. В. Киреевского. Т. 1 и 2» (День. 1861. № 11 (23 дек.). С. 20). Невнимание к выходным данным первого тома аксаковских сочинений подчас приводила исследователей к хронологически невозможным наблюдениям. Так, по словам В. А. Туниманова (19, 259), «весьма вероятно», что в статье Ф. М. Достоевского «Последние литературные явления. Газета “День”» (Время. 1861. № 11. Отд. 2. С. 64–75) можно отыскать аллюзию на одну из статей, впервые напечатанных в «Сочинениях К. С. Аксакова» (1861). Между тем, это хронологически невозможно, потому что аксаковские сочинения, как сказано выше, появились на свет в последних числах декабря 1861 г, а статья Ф. М. Достоевского была напечатана в ноябрьском номере «Времени» за 1861 г.

⁶ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 389.

что имеется в виду первая часть “Семейной хроники и Воспоминаний” С. Т. Аксакова (СПб., 1862), так как во всех других случаях записи в счетах содержат либо первое, либо ключевое слово названия книги. Укажем также, что через 2 месяца после этой покупки Д. во *Вр* (1862. №3) появилась рецензия М. И. Владиславлева на этот том Сочинений К. С. Аксакова. — Т. 2 вышел в 1875 г., т. 3 — в 1880 г.»⁷.

Трудно, впрочем, не заметить хронологическое противоречие в коррекциях Тихомирова: если Достоевский купил аксаковский том 8 января 1863 г., то каким образом «через 2 месяца после этой покупки Д. во *Вр* (1862. №3) появилась рецензия М. И. Владиславлева на этот том»? Чтобы устранить это противоречие, необходимо, как нам кажется, пересмотреть устоявшуюся датировку денежного счета, выписанного А. Ф. Базуновым. Можно предположить, что сочинения Аксакова были куплены Достоевским не «8 января 1863 года», как указано в «Летописи» и соответственно в статье Тихомирова, но «8 января 1862 года», т. е. через две недели после выхода книги в свет. Не вызывает сомнений, что Достоевские покупали те или иные книги в лавке Базунова не для собственных нужд, но для нужд редакции: купленные книги они передавали или отправляли почтой своим сотрудникам, а те в свою очередь писали рецензии. Так, по-видимому, обстояло дело с Ап. Григорьевым⁸ и Н. Н. Страховым, так, вероятнее всего, было и с Владиславлевым. Получив книгу от М. М. Достоевского, он выполнил редакционный заказ и написал рецензию на недавно вышедший том исторических сочинений Аксакова. Рецензия была напечатана в мартовском номере журнала «Время» за 1862 г.⁹ Надо заметить, что эта рецензия если и привлекала историков литературы, то исключительно с атрибуционной точки зрения¹⁰; самое содержание при этом оставалось почти без внимания¹¹. Между тем даже беглое прочтение рецензии Владиславлева на сочинения Аксакова позволяет установить ряд замечательных сходжений с другими сочинениями, напечатанными на страницах «Времени», и сходжения эти способны набросить тень на некоторые устоявшиеся атрибуции. Так, к примеру, фраза «сквозь

---

⁷ Тихомиров Б. Н. Книги, купленные Достоевским в 1862–1863 гг. в книжном магазине А. Ф. Базунова // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2003. № 18. С. 160.

⁸ 15 декабря 1861 г. Ап. Григорьев обращался к Н. Н. Страхову со следующей просьбой: «Кстати, счета сведите там — да не забудьте вписать последнюю партию книг, взятых у Базунова, — кажется, они в книгу Михайла Михайлыча не вписаны». Цит. по: Григорьев А. А. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 269.

⁹ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861 // Время. 1862. № 3. Отд. 2. С. 79–88. Ср.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 266 («За март Владиславлев получил 120 руб.»).

¹⁰ Там же. С. 245 (№ 299), 266, прим. 78.

¹¹ Единственное, пожалуй, исключение — В. Я. Кирпотин, напрасно углядевший в рецензии Владиславлева на сочинения Аксакова повторение взглядов, изложенных ранее в статье Н. Я. Аристова «По поводу новых изданий о расколе» (Время. 1862. № 1. Отд. 2. С. 76–98). См.: Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 53.

московское стеклышко» встречается на страницах «Времени», по меньшей мере, дважды — в рецензии Владиславлева на сочинения Аксакова и в статье «Два лагеря теоретиков», которая традиционно приписывается Ф. М. Достоевскому. Ср.:

М. И. Владиславлев

«Недостатки целой школы отразились, хотя и менее чем у других, и в сочинениях К. Аксакова. Он тоже смотрит на прошедшую и настоящую жизнь *сквозь московское стеклышко*. Он походит в некоторой мере на московского боярина XVII века, только, быть может, он искренней этого в своих убеждениях»¹².

Ф. М. Достоевский

«...“День” не хочет спуститься с своей допетровской высоты, презрительным взглядом окидывает настоящую русскую жизнь, лорнирует ее *сквозь свое московское стеклышко* и ничего-то не находит в ней такого, к чему он мог бы отнестись сочувственно»¹³.

Как объяснить процитированное выше схождение? Напомним, что рецензия Владиславлева напечатана в мартовском номере «Времени» (ценз. разр. 7 марта 1862; выход — 28 марта), а статья «Два лагеря теоретиков» — в февральском номере (ценз. разр. 26 февр. 1862; выход — 27 февр.). Если предположить, что Владиславлев цитирует Ф. М. Достоевского, то следует признать, что Владиславлев мог прочесть статью последнего только в рукописи. Откуда у Владиславлева рукопись? Неужели Достоевскому пришлось на ум ознакомить молодого сотрудника со своей еще не опубликованной статьей? Да и потом — цитата ли это? А что если перед нами самоповтор? Мимоходом заметим, что словосочетание «московское стеклышко» фиксируется *исключительно* на страницах «Времени». Отсюда можно заключить, что мы имеем дело не с тривиальным выражением, но с ярко выраженной авторской речью.

Сравним далее еще два схождения:

М. И. Владиславлев

«Но при всем том, что Аксаков имел самый исторический талант, он не избежал увлечений, не избежал идеализации в своих исторических взглядах. Правда, Аксаков в меньшей мере был *славянофилом-теоретиком*, чем Киреевский и даже Хомяков»¹⁴.

Ф. М. Достоевский

«Все ложь, все фальшь, повторяет нам “День”. Вот в этом-то голосе мы узнаем *московских славянофилов-теоретиков...*»¹⁵

¹² [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861. С. 86–87. Курсив мой. — В. С.

¹³ Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // Время. 1862. № 2. Отд. 2. С. 148. Курсив мой. — В. С.

¹⁴ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861. С. 82. Курсив мой. — В. С.

¹⁵ Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). С. 149. Курсив мой. — В. С.

На страницах «Времени» (да и во всем корпусе русскоязычных текстов вообще) композит «славянофил-теоретик» фиксируется дважды¹⁶. Возникает все тот же вопрос: как объяснить замеченное сходжение между статьей, приписываемой Ф.М. Достоевскому, и рецензией Владиславлева? Цитата ли это из Достоевского или же это авторский самоповтор?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить и еще один случай: как известно, автор статьи «Два лагеря теоретиков» между прочим ссылается на статью Владиславлева об английских университетах, напечатанную в ноябрьском номере «Времени» за 1861 г.¹⁷ Учитывая многословный и довольно безликий характер рецензии Владиславлева, трудно представить себе, чтобы Достоевскому вздумалось процитировать именно эту работу Владиславлева в одной из своих статей¹⁸.

Мимоходом отметим, что в рецензии Владиславлева на исторические сочинения Аксакова содержится пассаж, который в несколько измененной форме он уже использовал ранее в другой своей рецензии, т. е. перед нами еще один самоповтор Владиславлева. Ср.:

«Что византийское влияние на нашу общественную жизнь было, — это несомненно. Но как оно действовало на русскую жизнь, т. е. какие плоды рождались в ней под этим влиянием, на какие слои народа оно действовало, — это кажется следовало бы разобрать повнимательнее и беспристрастнее»¹⁹.

«Что Византия имела влияние на ход русской жизни, это не подлежит сомнению, но было ли оно просветительным для Руси — это еще вопрос...»²⁰

Выше мы уже обращались к письму М.М. Достоевского от 17 января 1862 г., в котором тот информировал Владиславлева об отправке «Сочинений К.С. Аксакова». В заключение же письма следовала еще одна просьба: «Вот бы разобрать газету “День”. Хорошо было. Напишите — пришлю»²¹. Если Владиславлев согласился разобрать газету «День», то сделал это в кратчайшие сроки. Временной зазор между

---

¹⁶ [Достоевский Ф. М.?] Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // Время. 1862. №2. Отд. 2. С. 148; [Владиславлев М. И.?] Сочинения К. С. Аксакова. I. М., 1861 // Время. 1862. №3. Отд. 2. С. 82.

¹⁷ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] История английских университетов В. Игнатовича. СПб., 1861 г. // Время. 1861. №11. Отд. 2. С. 1–49. См. также: 20, 269.

¹⁸ В письме к Владиславлеву от 20 декабря 1861 г. М.М. Достоевский писал: «Статья Ваша об А. Университ. (английских университетах. — В. С.) очень хороша, и мы оба очень рады тому. Выработывайте только слог» (Нечаева В. С. Неизданные письма Ф.М. и М.М. Достоевских, 1847–1880 г. С. 139).

¹⁹ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861. С. 85.

²⁰ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1861 // Время. 1861. №10. Отд. 2. С. 87.

²¹ Нечаева В. С. Неизданные письма Ф.М. и М.М. Достоевских, 1847–1880 гг. С. 141.

письмом М. М. Достоевского от 17 января 1862 г. и публикацией статьи «Два лагеря теоретиков» (ценз. разр. 26 февр. 1862) составляет чуть более месяца. За это время Владиславлев мог получить по почте рабочие материалы, написать рецензию и отправить ее в Петербург. При этом Владиславлев, по-видимому, не ограничился одной статьей и написал по меньшей мере еще одну заметку на основе полемических материалов из газеты «День». Статья была напечатана в мартовском номере журнала братьев Достоевских²².

Итак, на наш взгляд, можно предположить, что автором статьи «Два лагеря теоретиков» был вовсе не Ф. М. Достоевский, а М. И. Владиславлев. Напомним, что и Н. Н. Страхов не считал Достоевского автором этой статьи — во всяком случае, он не включил статью в составленную им библиографию русского гения (18, 209). Откуда же возникла идея о том, что статья «Два лагеря теоретиков» написана именно Достоевским? И каковы аргументы в ее пользу? По словам А. И. Батюто и Г. М. Фридлендера, «авторство Достоевского установлено (по содержанию и стилистическим признакам) Л. П. Гроссманом» (20, 259). Рассмотрим же аргументацию Гроссмана: «Взгляды, высказанные в этой статье (“Два лагеря теоретиков”. — В. С.) о народе, о мземе, о началах национальном и общечеловеческом, о поправке к славянофильству, о реформе Петра и необходимом сочетании крайних взглядов “двух лагерей теоретиков”, настолько совпадают с положениями программных объявлений “Времени” и “Эпохи” (написанных Достоевским), Пушкинской речи и соответствующими страницами “Дневника писателя”, что авторство Достоевского здесь можно считать несомненным. Оно подтверждается и тремя высказанными условиями о сближении с народом: 1) распространение в народе грамотности; 2) уничтожение сословных перегородок; 3) нравственное усовершенствование интеллигенции для настоящего, не “кабинетного и не сантиментального” народолюбия.

Характернейшие положения публицистического исповедания Достоевского высказываются и под конец статьи: признание *раскола* “самым крупным явлением в русской жизни и самым лучшим залогом надежды на лучшее будущее”; высокая оценка *артели*, как народной формы ассоциации, естественного коммунизма; указание на ценную народную черту “*самоосуждения*”, предполагающую в народе “страстную тоску о здоровье”.

---

²² [Владиславлев М. И.] Откуда взять сельских учителей? // Время. 1862. № 3. Отд. 1. С. 201–212. Статья представляет собой скрытый (и до сих пор не распознанный) отклик на полемику в газете «День»: *Беляев И.* Где взять учителей для сельских школ? // День. 1861. № 9 (9 дек.). С. 4–6; *Н. М.-в.* По поводу статьи г. Беляева <...> // День. 1862. № 14 (13 янв.). С. 5–8; *Протопопов Д.* Еще по поводу статьи г. Беляева об учителях для сельских школ // День. 1862. № 15 (20 янв.). С. 10–11. Подробнее об аксаковской газете см.: «День» И. С. Аксакова. История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. По-статейная роспись. СПб., 2017.

Язык статьи изобилует характерными для Достоевского словами и оборотами (“Московский идеальчик”, “Фаланга нынешних теоретиков”, “Целое человечество еще не выработало...”, “Общая сумма жизней”, “Полный общечеловеческий идеал”)²³.

Атрибуционные аргументы Л. П. Гроссмана представляются малоубедительными. Во-первых, наличие идеологических схождений между статьей «Два лагеря теоретиков» и программными статьями Ф. М. Достоевского во «Времени» еще не доказывает, что автором «Двух лагерей теоретиков» является Достоевский. Как известно, Владиславлев работал по прямой (в том числе и идеологической) указке М. М. Достоевского и, разумеется, был знаком с центральными публикациями «Времени». Во-вторых, «характернейшие положения публицистического исповедания Достоевского» (в интерпретации Л. П. Гроссмана) характерны и для Владиславлева. Во всяком случае, именно Владиславлеву принадлежит обстоятельная статья о расколе, напечатанная в октябрьской книжке «Времени» за 1861 г.²⁴, и потому неудивительно, что в «Двух лагерях теоретиков» он снова возвращается к этой теме и повторяет самого себя. Самоповторы (идеологические, лексические²⁵ и фразеологические) вообще характерны для Владиславлева. Наиболее яркий пример — фраза «не в уряд другим» (в значении «не чета другим»), которую можно отыскать в четырех статьях «Времени»²⁶ и которая является чрезвычайно ярким (диалектным) маркером авторской

²³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. С многочисленными приложениями. Пг., [1918]. Т. 23 (Дополнительный): Забытые и неизвестные страницы. Собрал и коммент. Л. П. Гроссман. С. 123.

²⁴ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1861 // Время. 1861. № 10. Отд. 2. С. 79–100.

²⁵ Из лексических особенностей языка Владиславлева отметим слово *пошиб* в значении «стиль (художника)». См.: «Возьмите какого угодно genialейшего живописца, оставившего нам портреты современных ему людей. Как бы, кажется, ему проявить свою личность в подобного рода вешах? а и то опытный глаз отличит *пошибы* разных портретистов» ([Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Жизнь графа Сперанского. Два тома. Изд. императорской публичной библиотеки. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861 г. // Время. 1861. № 12. Отд. 2. С. 121); «Представьте себе картину, в которой вы видите несомненный художнический *пошиб* (пошиб. — В. С.)» ([Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861. С. 87); «Можно ли тут обвинить художника в том, что он не сумеет сделать бездарное произведение, что если он станет рисовать, так уж непременно употребит при этом свой *пошиб* и свою художническую манеру?..» ([Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858 г. Собрание литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова. Киев, 1861 г. // Время. 1862. № 4. Отд. 2. С. 21).

²⁶ [Владиславлев М. И.] 1) [Рец. на:] Энциклопедический словарь, изд. русскими учеными и литераторами. Т. I. СПб., 1861 // Время. 1861. № 6. Отд. 2. С. 155–184; 2) [Рец. на:] История английских университетов В. Игнатовича. СПб., 1861 г. // Время. 1861. № 11. Отд. 2. С. 1–49; 3) Критические вариации на разные темы // Время. 1862. № 5. Отд. 2. С. 45–59; 4) Плоды ученого педантизма. [Рец. на:] Как бывает и как быть могло бы. Педагогические мысли Федора Кестнера. СПб., 1862 // Время. 1862. № 6. Отд. 2. С. 1–17.

речи Владиславлева. Еще один маркер — страсть к примерам²⁷ и введение развернутых сравнений: «Представьте себе арену...», «Представьте, что вы заброшены в пустыню...», «Представьте себе человека, который в первый раз попал в оперу...», «Представьте себе картину...» и т. д. Ср. следующее, безмерно раздутое (и совершенно не характерное для Ф. М. Достоевского!) сравнение в статье «Два лагеря теоретиков»: «Мы объясним свою мысль следующим примером. Представьте, что человек подошел к безобразной куче сору...»²⁸ Ср. еще одно, столь же безмерно раздутое (и снова-таки совершенно не характерное для Ф. М. Достоевского!) сравнение в статье «Два лагеря теоретиков»: «Положим, вы бы, например, вздумали дать сток стоячей воде и для этой цели начали бы копать канал... Давно уж вы начали эту работу, прокопали большое пространство... Но работа ваша идет очень плохо, медленно...» и почти идентичный пассаж из рецензии Владиславлева на книгу о Сперанском: «Иному, вот видите ли, нужно прокопать канал, чтобы дать новое направление воде...»²⁹ Если стоять на точке зрения, что Ф. М. Достоевский является автором статьи «Два лагеря теоретиков», то следует заключить, что он и в этот раз отсылает к статье Владиславлева. Если же исходить из тезиса, что статья «Два лагеря теоретиков» принадлежит Владиславлеву, то указанное схождение легко находит свое логическое объяснение.

По мнению Л. П. Гроссмана, язык статьи «Два лагеря теоретиков» «изобилует характерными для Достоевского словами и оборотами». Примеры, приведенные Гроссманом, неудовлетворительны. Так, термин «фаланга» встречается, например, и в работах М. И. Владиславлева, и в работах Ап. Григорьева, и потому авторским его никак не назовешь. Что же касается прочих слов и оборотов в списке Гроссмана, то они и вовсе не являются характерными для Ф. М. Достоевского.

В заключение заметки приведем ряд мелких разысканий о журнале «Время», представляющих собой дополнение к росписи В. С. Нечаевой³⁰. Кроме того, в роспись внесены все сочинения, атрибутированные Нечаевой Владиславлеву на основании сведений из писем М. М. Достоевского и данных гонорарной ведомости.

---

²⁷ Ср. также следующее автопризнание Владиславлева: «Я, покорнейший ваш слуга, слишком люблю примеры...» ([Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1861 // Время. 1861. № 10. Отд. 2. С. 86).

²⁸ Ср. также в другой рецензии Владиславлева: «...специалист может сделаться похожим на крыловского петуха, роющегося в куче сору...» ([Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858 г. Собрание литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова. Киев, 1861 г. // Время. 1862. № 4. Отд. 2. С. 7).

²⁹ [Владиславлев М. И.] [Рец. на:] Жизнь графа Сперанского. Два тома. Изд. императорской публичной библиотеки. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861 г. // Время. 1861. № 12. Отд. 2. С. 138.

³⁰ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 233–254.

ВРЕМЯ. 1861–1863

1861

[Рец. на:] **Подводный камень. Роман М. Авдеева. «Современник», 1860, № X и № XI** / [Н. Н. Страхов] // *Время*. 1861. № 1. Отд. 2. С. 35–45.

Аргументы в пользу авторства Н. Н. Страхова см.: *Перикина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 147–149.

Письмо Постороннего Критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» / [П. А. Кусков?] // *Время*. 1861. № 1. Отд. 2. С. 46–54.

Особого внимания заслуживает справка о Пл. Кускове, помещенная в третьем издании антологии Н. В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах». Здесь о поэте сказано, в частности, следующее: «... в течение всего 1861 года он принимал деятельное участие в журнале “Время”, который издавался тогда Михайлом Достоевским, братом известного писателя; здесь, кроме *целого ряда критических статей без имени автора* (курсив мой. — В. С.), было напечатано девять его оригинальных стихотворений (“Не смейся над ним...”, “Старичок”, “Много снов мне чудных снится...”, “Ночь”, “Весною”, “Дитя веселое, в глаза твои смотря...”, “После бури”, “Как хорошо, что занятая...” и “Я люблю тебя, ребенок...”) и рассказ под заглавием “Повесть об одном сумасшедшем поэте”. В 1862 году он перенес свою деятельность в журнал “Светоч”, где помещал свои стихотворения, критические статьи и написал свой первый фельетон. Наконец, в течение всего 1863 года, он деятельно сотрудничал в газете “Голос”, в которой поместил целый ряд своих фельетонов и небольших рецензий, после чего вовсе отказался от журнальной деятельности и стал посвящать свободное от служебных занятий время переводу драм Шекспира» (*Гербель Н. В.* Русские поэты в биографиях и образцах. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. Полевого. СПб., 1888. С. 515).

Сведения эти, как легко заметить, указывают на чрезвычайно любопытные подробности, отсутствующие в последних по времени биографических очерках Кускова (См., например: *Туниманов В. А.* Кусков Платон Александрович // *Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь.* М., 1994. Т. 3. С. 245–246). Так, мы впервые узнаем о «целом ряде критических статей без имени автора», напечатанных во «Времени». Что это за статьи, о каких сочинениях Кускова здесь идет речь — в справке об авторе, к сожалению, не поясняется. Напомним, что современникам Н. В. Гербеля и П. Полевого могло быть известно только одно: из всех *неподписанных* сочинений во «Времени» Кускову принадлежит всего один фельетон, а именно «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» (Время.

1861. № 4), поскольку авторство его было раскрыто самим Ф. М. Достоевским в статье «Литературная истерика» (Время. 1861. № 7). Откуда же у П. Полевого сведения о том, что Кускову принадлежит целый ряд анонимных критических статей во «Времени»? Можно предположить, что справка о Кускове была предоставлена П. Полевому, редактору третьего издания антологии Н. В. Гербеля, самим автором. Предположение это подтверждается в предисловии редактора к 3-му изданию: «В восполнение образовавшихся в книге пробелов, я внес в нее все то, что почему-либо не попало в предшествующие издания сборника Гербеля, и при стихотворных образцах новейших русских поэтов поместил краткие биографические заметки, составленные отчасти на основании сведений, полученных мною от самих авторов» (*Гербель Н. В.* Русские поэты в биографиях и образцах. С. [i]). Заметим также, что наши сведения об анонимных сочинениях Кускова во «Времени» были расширены только после того, как В. А. Туниманов атрибутировал поэту еще три анонимные рецензии (*Туниманов В. А.* Завершение многолетнего труда // *Русская литература.* 1976. № 2. С. 205–206). На самом деле, сочинений Кускова во «Времени» было больше (так, в частности, Кускову можно атрибутировать рецензию на книгу «Поездка в Южную Россию» А. Афанасьева-Чужбинского (Время. 1861. № 10. Отд. 2. С. 169–188); подробнее об атрибуции — см. ниже). Принимая во внимание публикацию Кускова в № 10 журнала за 1861 г., можно еще раз заключить, что причина ухода Кускова из «Времени» не могла быть связана с Ап. Григорьевым, как это порой считается, но была вызвана совсем иными причинами (см. также: *Балакин А. Ю.* Отголосок одного литературного скандала в «Записках из Мертвого дома» // *Pro Memoria: Памяти академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995).* СПб., 2003. С. 153).

Примечательно также, что «свой первый фельетон», как сообщается в справке об авторе, Кусков написал для журнала «Светоч» в 1862 г. Однако это, как мы знаем, не соответствует действительности. Достаточно вспомнить статью Кускова «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» (Время. 1861. № 4), помещенную в разделе «Фельетон». Как объяснить эту ошибку? И чья это ошибка — Кускова или Полевого? Если Кускова, то почему он предпочел забыть о своих фельетонах во «Времени», упомянув исключительно критические статьи? Не исключено, что «Посторонний Критик» это тот же «П. К.» или Платон Кусков.

Гадательные книжки и снотолкователи / [А. П. Милуков?] // 1861. № 2. С. 206–212.

В росписи П. В. Быкова статья приписана А. П. Милукову (*Эльзон М. Д.* П. В. Быков и журнал «Время» // *Достоевский. Материалы и исследования.* Л., 1987. Т. 7. С. 174).

Черные люди в Соединенных Штатах / [Пер. с фр. А. Коржевский] // *Время*. 1861. №4. Отд. 1. С. 493–519.

= *De l'esclavage aux États-Unis* / [Par] *Élisée Reclus* // *Revue des deux mondes*. 1860. Т. XXX. Livraison du 14 Décembre. P. 868–901.

Имя переводчика впервые установлено в кн.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 262 («За перевод в №4 статьи получил А. Коржевский»).

[Рец. на:] **Стихотворения А. С. Хомякова**. Москва 1861 in 8°, 146 стр. / [Ап. Григорьев?] // *Время*. 1861. №5. Отд. 2. С. 46–58.

Впервые гипотеза об авторстве Ап. Григорьева была высказана в: *Егоров Б. Ф.* Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева // *Труды по русской и славянской филологии*. Тарту, 1960. Вып. 3. С. 237 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 98). Возражения против авторства Ап. Григорьева: *Захаров В. Н.* Вопрос об А. С. Хомякове в журнале братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» // *А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист*. М., 2007. Т. 1. С. 305–320 (статья вошла в: *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский: Очерки творчества. М., 2013. С. 231–247).

Вместо фельетона / [П. А. Кусков] // *Время*. 1861. №5. Отд. «Смесь». С. 1–14.

Атрибуцию П. А. Кускову см.: *Туниманов В. А.* Завершение многолетнего труда. С. 205.

[Рец. на:] **Энциклопедический словарь, издаваемый русскими учеными и литераторами. Т. I. А–АДБ. СПб., 1861 г.** / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1861. №6. Отд. 2. С. 155–184.

Первичная атрибуция, основанная на гонорарной ведомости: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 263, прим. 38. В качестве одного из атрибуционных аргументов можно еще указать на наличие фразы «не в уряд другим».

[Рец. на:] **Учитель. Журнал для наставников**, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей / [П. А. Кусков] // *Время*. 1861. №6. Отд. 2. С. 185–200.

Атрибуцию П. А. Кускову см.: *Туниманов В. А.* Завершение многолетнего труда. С. 205. Работа В. А. Туниманова осталась неизвестной А. Н. Першкиной — отсюда и напрасные гадания по гонорарной ведомости (*Першкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 152–153).

Из портфеля доктора / Е. А. [Е. Ф. Аристов] // *Время*. 1861. №8. Отд. 1. С. 453–476.

Сведения об авторе: Аристов Евмений Филиппович (1806–1875) — профессор анатомии в Казанском университете (1837–1868). Авторство устанавливается на основании сведений, содержащихся в статье: Евмений Филиппович Аристов (Некролог) // *Известия и учен. зап.*

Императорского Казанского ун-та. 1876. № 1: Январь–февраль. С. 196–204. В неподписанном некрологе перечислены сочинения Е. Ф. Аристова и между прочим сказано, что высокими «достоинствами отличается и его, кажется единственная, чисто литературная заметка: “Из портфеля доктора”, читанная им в Обществе любителей русской словесности в Казани, долгое время затем ходившая по рукам в рукописи и наконец напечатанная в журнале “Время” в начале 60-х годов» (Там же. С. 199).

[Рец. на:] **Рассказы о темных предметах**, о волшебстве, натуральной магии, обманах чувств, суевериях, фокусничестве, колдунах, ведьмах и т. п., изданные М. С. Хотинским. СПб. 1861 г. / [М. М. Достоевский?] // *Время*. 1861. № 8. Отд. 2. С. 53–76.

Примечательно, что в рецензии на с. 76 встречается выражение «стертый пятиалтынный», которое, как полагают (19, 249), Ф. М. Достоевский впервые употребил во второй статье «Книжность и грамотность» (*Время*. 1861. № 8. Отд. 2. С. 99), напечатанной, кстати сказать, в том же номере, в котором появилась и анонимная рецензия на книгу М. С. Хотинского. Такое совпадение можно объяснить или редакторской вставкой, или же принадлежностью рецензии самому редактору. Анализ языка этих статей показывает склонность Владиславева к использованию несвойственных текстам Ф. М. и М. М. Достоевских фраз, таких как «не в уряд другим».

Бесцветные явления. [Рец. на:] *Быль молодцу не укор*. Новая комедия г. Н. Потехина (Отч. Записки. № 7, июль) / [П. А. Кусков?] // *Время*. 1861. № 8. Отд. 2. С. 77–90.

Авторство П. А. Кускова можно предположить на основании сходства между рецензией на комедию Н. Потехина и фельетоном «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов». Ср.: 1) «Плюшкин умен тоже у Гоголя; ум его также и сквозит сквозь непристойную страсть, опутавшую его своими сетями. Оттого он так и интересен...» (С. 79); и 2) «...в лета этой юности спрашивал я учителей своих, отчего мне нравится Плюшкин...» (Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов / [П. А. Кусков] // *Время*. 1861. № 4. С. 132).

Необоснованную атрибуцию Ап. Григорьеву см.: *Зыкова Г. В., Найдич Л. Э. Потехин Николай Антипович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 127: «Особенно упорно преследовал его (Н. А. Потехина. — В. С.) пьесы Ап. А. Григорьев, к-рому они представлялись характерными для времени плодами “утилитарной теории искусства” (“Бесцветные явления” — “Время”, 1861, № 8, с. 79; по поводу пьесы П. “Быль молодцу не укор”, ОЗ, 1861, № 7)».*

Мечтательница. Повесть Амедея Ашара / [Пер. с фр. П. В. Быков] // *Время*. 1861. № 8. Отд. 4. С. 65–102.

По словам самого переводчика, рассказ был заимствован из «Фигаро» (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». С. 70). Однако, вероятнее всего, это ошибка, и повесть была переведена П. В. Быковым из другого источника. Ср.: Marguerite de Tanlay / [Par] Amédée Achard // Revue des deux mondes. 1859. Т. XIX. Р. 120–166. Под названием «Marguerite de Thieulay» перепечатана в: Les Séductions / Par Amédée Achard. Paris, 1860.

Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести / [?] // Время. 1861. № 9. Отд. 2. С. 20–33.

Атрибуцию Ап. Григорьеву см.: *Викторович В. А.* Уроки одной судьбы // Литературное обозрение. 1989. № 3. С. 110–112.

Атрибуцию М. Ф. Де-Пуле см.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 240. Возражения против атрибуции Нечаевой высказаны О. Л. Фетисенко: «В. С. Нечаева, на наш взгляд, совершенно необоснованно предположила авторство М. Ф. Де-Пуле <...>. Сохранились письма Кохановской к Де-Пуле. В одном из них говорится и об этой статье, причем не так, как если бы она обсуждалась с ее автором» (*Фетисенко О. Л.* Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 308, прим. 26).

Подробнее о Кохановской см.: 1) *Кунильский Д. А.* Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2016. № 1. С. 68–73; 2) *Фетисенко О. Л.* «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 г. // Христианское чтение: научный журнал. 2017. № 3. С. 232–252; 3) Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018.

Без каких-либо оснований включено в: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 2004. Т. 5. С. 214–228.

[Рец. на:] **Рассвет. Журнал для девиц / [П. А. Кусков] // Время. 1861. № 9. Отд. 2. С. 34–41.**

Атрибуцию П. А. Кускову см.: *Туниманов В. А.* Завершение многолетнего труда. С. 206. Без каких-либо оснований включено в: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Под ред. В. Н. Захарова. Т. 5. С. 205–213.

Мормонизм и Соединенные Штаты / [Пер. с фр.] // Время. 1861. № 10. Отд. 1. С. 321–355.

= Le Mormonisme et les États-Unis // [Par] Élisée Reclus // Revue des deux mondes. 1861. Т. XXXII. Livraison du 15 Avril. Р. 881–914.

В росписи П. В. Быкова статья приписана Н. Н. Страхову (*Эльзон М. Д.* П. В. Быков и журнал «Время». С. 174). Если Страхов действительно имеет отношение к этой статье, то исключительно в качестве переводчика. Между тем, нам ничего не известно о переводах с французского, выполненных Страховым для журнала «Время».

Атрибуцию М. И. Владиславлеву (ошибочную) см.: *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 155.

Легенды сербов / [В. Д. Костомаров] // *Время*. 1861. № 10. Отд. 1. С. 524–544.

Авторство В. Д. Костомарова указано в письме А. Н. Плещеева А. П. Милюкову от 6 ноября 1861 г.: «Прошу Вас передать то же самое М. М. Достоевскому — который должен ему (В. Дм. Костомарову. — В. С.) 1) за Бедную Долорес, 2) за Сербские Легенды, 3) за Плач Детей» (Письма А. Н. Плещеева [к А. П. Милюкову] / [Публ. Е. И. Кийко] // Литературный архив. 1961. Т. 6. С. 289–290).

Статья В. Д. Костомарова по какой-то причине не вошла в роспись содержания журнала «Время», составленную В. С. Нечаевой: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 241.

Атрибуцию М. И. Владиславлеву (ошибочную) см.: *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 155.

[Рец. на:] **Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола.** Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1861 / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1861. № 10. Отд. 2. С. 79–100.

Первичная атрибуция, основанная на гонорарной ведомости: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 264, прим. 54: «Ред. кн. II, 13 октября 1861 г.: “Тридцать семь руб. получил за X том М. Владиславлев”». Основания для приписывания ему иных критических статей отсутствуют. Атрибуцию А. Е. Разину (ошибочную) см. в ст.: *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 155.

Державин-гражданин. [Рец. на:] Записки Гавриила Романовича Державина, 1743–1812. Издание Русской Беседы. Москва, 1860 / Дмитрий Маслов // *Время*. 1861. № 10. Отд. 2. С. 101–146.

Маслов Дмитрий Иванович (ум. 1888). Подробнее об авторе см.: *Елизаветина Г.* Журнальные отклики 1860-х годов на публикацию «Записок» Г. Державина // *Г. Державин: История и современность.* Казань, 1993. С. 35–43 (со ссылкой на некролог Д. И. Маслова, напечатанный в газете «Сын отечества» за 1888 г.).

Выставка Академии художеств за 1860–1861 год / [М. А. Загуляев?] // *Время*. 1861. № 10. Отд. 2. С. 147–168.

Подробнее о проблемах авторства см.: *Балакин А. Ю.* Еще об авторстве статьи «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год», атрибутируемой Достоевскому // *Slavica Revalensia*. 2015. Vol. II. С. 35–59 (статья вошла в: *Балакин А. Ю.* Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 293–313).

[Рец. на:] **Поездка в Южную Россию А. Афанасьева-Чужбинского. Часть I. Очерки Днепра** / [П. А. Кусков] // *Время*. 1861. № 10. Отд. 2. С. 169–188.

Авторство устанавливается на основании текстуального сходства с фельетоном из майского номера журнала «Время» за 1861 г., который, как установил В. А. Туниманов, принадлежит П. А. Кускову (*Туниманов В. А.* Завершение многолетнего труда. С. 205). Ср.: 1) «Проезжая по некоторым местам России с смешанным народонаселением, например, подъезжая к Харьковской губернии, где начинаются малороссийские деревни; едучи по Таврической губернии, где тогда было много татар, и где попадаются немецкие колонии, спрашивал я наших ямщиков о хохлах, о татарах, о немцах, и всегда встречал такие добрые отзывы, столько похвал этим людям, что во всем этом смутно чувствовалось какое-то странное, тоже очень трогательное, маленькое самоуничижение» (С. 169–170); и 2) «Я как теперь смотрю на того ямщика, который, везя меня по Таврической губернии, рассказывал мне, какой славный народ татары, и какой добрый и честный народ немецкие колонисты, те самые колонисты, которые потом говорили мне, что с русскими нельзя без палки, и те самые татары, которые самого меня называли с презреньем собакою» (Вместо фельетона / [П. А. Кусков] // *Время*. 1861. № 5. Отд. «Смесь». С. 8).

[Рец. на:] **История английских университетов В. Игнатовича**. СПб., 1861 г. / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1861. № 11. Отд. 2. С. 1–49.

Подтверждение авторства Владиславлева: 1) *Нечаева В. С.* Незданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских, 1847–1880 г. С. 139, 142; 2) *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». С. 66.

В качестве одного из атрибуционных аргументов можно еще указать на наличие фразы «не в уряд другим».

[Рец. на:] **Жизнь графа Сперанского**. Два тома. Изд. Императорской Публичной библиотеки. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861 г. / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1861. № 12. Отд. 2. С. 119–173.

Из письма М. М. Достоевского Владиславлеву от 25 декабря 1861 г.: «Статья о Сперанском — *превосходна*. И мне и брату она чрезвычайно понравилась, и мы печатаем ее в этой декабрьской книге. Слог был только местами шероховат, но я сгладил» (*Нечаева В. С.* Незданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских, 1847–1880 гг. С. 140)

Ср. также повтор цитаты из Грибоедова («времен очаковских и покоренья Крыма») в этой статье и в статье «Два лагеря теоретиков» (Время. 1862. №2).

[Рец. на:] **Рассказы Н. В. Успенского** [СПб., 1861] / [М. М. Достоевский?] // Время. 1861. №12. Отд. 2. С. 174–183.

Статья вошла в «Полное собрание сочинений» Ф. М. Достоевского (19, 178–186). Сомнения в принадлежности рецензии Ф. М. Достоевскому см.: *Богданов В.* А если это не Достоевский? // Вопросы литературы. 2000. №2. С. 311–316.

1862

Студенческая жизнь в шестнадцатом столетии / [Пер. с нем.] // Время. 1862. №1. Отд. «Смесь». С. 1–27.

= Thomas Platter und Felix Platter. Zwei Autobiographien. Ein Beitrag zur Sittengeschichte de XVI. Jahrhunderts. Basel, 1840.

Густав Вернер и его дом братства в Рейтлингене / [Пер. с нем.] // Время. 1862. №1. Отд. «Смесь». С. 28–36.

Gustav Werner und das Bruderhaus zu Reutlingen mit seinen Zweiganstalten / [Von] B. // Illustrierte Zeitung. Leipzig, 1861. Bd. 37. N 948 (31. Aug.) S. 150–151.

Подробнее о Густаве Вернере см.: *Vida S.* Gustav-Werner-Bibliographie // Blätter für württembergische Kirchengeschichte. 1975. Bd. 75. S. 118–165.

[Рец. на:] **Записки князя Талейрана**. М., 1861 / [М. И. Владиславлев] // Время. 1862. №2. Отд. 2. С. 121–133.

Подтверждение авторства Владиславлева: 1) *Нечаева В. С.* Неизданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских, 1847–1880 г. С. 139, 140; 2) *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 265, прим. 71.

Микроскопические наблюдения / К. Н. [К. И. Немшевич?] // Время. 1862. №2. Отд. 2. С. 134–142.

В 1988 г. В. Д. Рак обнаружил некролог Константина Игнатьевича Немшевича (ум. 1876), в котором между прочим было сказано, что последний принимал деятельное участие в журнале «Время» (*Рак В. Д.* К. И. Немшевич — сотрудник «Эпохи» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 263–266). По мнению В. Д. Рака, это ошибка, поскольку статей Немшевича во «Времени» не обнаружено. На наш взгляд, ошибки быть не может и сведения из некролога могут быть вполне корректны. Так, во «Времени» за 1862 г. была помещена

статья, подписанная инициалами «К. Н.», а также две заметки, автор которых укрылся под криптонимом «Н.», до сих пор не расшифрованы. Не исключено, что автором трех упомянутых статей и является Константин Немшевич. Каким образом Немшевич попал на страницы журнала братьев Достоевских? Вероятнее всего, связующим звеном выступил М. И. Владиславлев, близкий товарищ Немшевича по Санкт-Петербургской духовной академии (*Рак В. Д.* К. И. Немшевич — сотрудник «Эпохи». С. 264). Отец К. И. Немшевича — протоиерей Игнатий Данилович Немшевич (1797–1873) — был наставником Минского духовного училища в 1860-е гг.

Атрибуцию Н. Н. Страхову (ошибочную) см.: 1) *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 265, прим. 72; 2) *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 157–158.

Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) / [М. И. Владиславлев?] // *Время*. 1862. № 2. Отд. 2. С. 143–163.

См. основной текст статьи.

Десятнадцатый номер «Дня» / [А. У. Порецкий?] // *Время*. 1862. № 2. Отд. 2. С. 164–168.

Заметка написана чрезвычайно оперативно — в промежутке между 17 февр. (датой выхода в свет № 19 «Дня») и 26 февр. (ценз. разр. на февр. номер «Времени»). Автором заметки мог быть только тот, кто принадлежал к самому ядру редакции «Время». В феврале 1862 г. Владиславлев, вероятнее всего, все еще находился в Новгороде и, вопреки В. С. Нечаевой (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 265, прим. 73. См. также: *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 158–159), никак не мог быть автором этой заметки. То, что заметка была сдана «срочно в номер», обыкновенно не отмечается в литературе.

Откуда взять сельских учителей? / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1862. № 3. Отд. 1. С. 201–212.

Первичная атрибуция, основанная на гонорарной ведомости: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 265–266, прим. 78. См. также: *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 159. Статья представляет собой скрытый (и до сих пор не распознанный) отклик на полемику в газете «День»: Где взять учителей для сельских школ? / Иван Беляев // *День*. 1861. № 9. 9 дек. С. 4–6; По поводу статьи г. Беляева <...> / Н. М.–в // *День*. 1862. № 14. 13 янв. С. 5–8; Еще по поводу статьи г. Беляева об учителях для сельских школ / Д. Протопопов // *День*. 1862. № 15. 20 янв. С. 10–11.

Дворянство и земство (По поводу журнальных толков) / [Н. Н. Страхов?] // *Время*. 1862. №3. Отд. 2. С. 1–29.

Атрибутируется предположительно на основании гонорара, полученного Страховым за март 1862 г.: «...за мартовскую книгу 154 р. 70 к.» (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 266, прим. 82).

[Рец. на:] **История новой философии Куно-Фишера**. Том I. Перевод Н. Страхова. СПб., 1862 / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1862. №3. Отд. 2. С. 55–64.

Первичная атрибуция, основанная на гонорарной ведомости: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 265–266, прим. 78. См. также: *Перишкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции. С. 160–161.

«Ясная поляна», журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. Январь 1862 / [А. У. Порецкий?] // *Время*. 1862. №3. Отд. 2. С. 65–78.

Гипотетическую атрибуцию А. У. Порецкому см.: «Авторство А. У. Порецкого, предложенное еще Б. В. Томашевским (в изд.: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание художественных произведений. Т. 13. М.; Л., 1930. С. 611–612), теперь может быть точно атрибутировано по указанию самого Порецкого в его статье “Органическое явление: заметки из жизни литературной” (*Гражданин*. 1876. №17), которая, в свою очередь, атрибутируется по содержащимся в ней автобиографическим признаниям» (*Викторович В. А.* Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1994. Вып. 4. С. 86, прим. 36).

[Рец. на:] **Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861** / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1862. №3. Отд. 2. С. 79–88.

Первичная атрибуция, основанная на гонорарной ведомости: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 265–266, прим. 78. См. также основной текст статьи.

[Рец. на:] **Собрание литературных статей Н. И. Пирогова**. Одесса, 1858 г. Собрание литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова. Киев, 1861 г. / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1862. №4. Отд. 2. С. 1–26.

Ср., в частности, следующий самоповтор Владиславлева: 1) «Человек не камень; иногда он не может не поддаться влиянию, напору *задающей среды*, и по слабости человеческой не сделать уступки» (с. 24–25); и 2) «Человек не камень; он всегда восприимчив к впечатлениям, и на этом его свойстве основывается возможность безостановочного прогресса человечества» ([Рецензия на кн.:] *Жизнь графа Сперанского <...>* / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1861. №12. Отд. 2. С. 125).

Ср. также повтор сентенции «Жизнь есть борьба» в статье Владиславлева о Пирогове (Время. 1862. №4) и в его же рецензии на книгу «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола» (Время. 1861. №10).

Ср. также фразу «Вот говорят, что к нам не привилась наука» в статье Владиславлева о Пирогове (Время. 1862. №4) и схожую фразу в статье «Два лагеря теоретиков» («Говорят, что у нас в России не привилась наука...»).

Петровская опека над русским умом. [Рец. на:] Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарского. Т. I. СПб. 1862 / [М.И. Владиславлев] // Время. 1862. №4. Отд. 2. С. 27–49. Ср., в частности: 1) «Вместо обновления русской жизни *общечеловечными* западными началами, обновления, при котором соблюдались бы *самозаконие и самобытность* (курсив мой. — В. С.) народной жизни, он более всего привносил в нашу жизнь западную рутину...» (с. 49); и 2) «Во имя *самобытности и самозакония* (курсив мой. — В. С.) отрицающая возможность скорой, насильной прививки Петром европейского элемента, они готовы допустить внезапную переработку религиозной русской жизни византийским христианством» ([Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861 / [М.И. Владиславлев] // Время. 1862. №3. Отд. 2. С. 83).

Критические вариации на разные темы / [М.И. Владиславлев] // Время. 1862. №5. Отд. 2. С. 45–59.

В качестве одного из атрибуционных аргументов можно указать на наличие фразы «не в уряд другим». Без каких-либо оснований включено в: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Под ред. В.Н. Захарова. Петрозаводск, 2004. Т. 5. С. 280–296.

Плоды ученого педантизма. [Рец. на:] Как бывает и как быть могло бы. Педагогические мысли Федора Кестнера. СПб., 1862 / [М.И. Владиславлев] // Время. 1862. №6. Отд. 2. С. 1–17.

В качестве одного из атрибуционных аргументов можно указать на наличие фразы «не в уряд другим».

Разбойничество в Италии / [Пер. с итал.?] // Время. 1862. №8. Отд. 1. С. 103–122.

Sul Brigantaggio. Note di un Ufiziale italiano // Rivista Contemporanea. Torino, 1862. Vol. 29. N 5 (Maggio). P. 185–208.

Карамзин. [Рец. на:] Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть I. СПб., 1862 / [М.И. Владиславлев] // Время. 1862. №8. Отд. 2. С. 1–34.

Материальное подтверждение авторства Владиславлева: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 267, прим. 97.

Примечателен и следующий самоповтор Владиславлева: 1) «Обществу, восхищавшемуся походами Карлов, придворным блеском Людовигов и потому не видевшему в русской истории ничего занимательного и интересного, Аксаков указывал на глубину и величайшую человечность начал старой русской жизни. И его ратование за русскую историю конечно не пропало даром» ([Рец. на:] Сочинения К. С. Аксакова. Т. I. Москва, 1861 / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1862. № 3. Отд. 2. С. 81), и 2) «Для общества, оторвавшегося от почвы, на западе искавшего себе идеалов, русская история представлялась чем-то чрезвычайно скучным, чем-то варварским, недостойным внимания образованного человека. До такой степени мы преобразовались тогда!» (Карамзин <...> / [М. И. Владиславлев] // *Время*. 1862. № 8. Отд. 2. С. 22). Ср. также: «Написанная чрезвычайно художественно, она (“История государства Российского”. — В. С.) возбудила интерес в обществе, восхищавшемся только походами Карлов и Людовигов» (Там же. С. 33).

Темные углы / А. Ч. [А. С. Чичагова?] // *Время*. 1862. № 9. Отд. 1. С. 293–322.

В росписи П. В. Быкова статья приписана А. С. Чичаговой, о которой ровным счетом ничего не известно (*Эльзон М. Д.* П. В. Быков и журнал «Время». С. 173–174). В редакционном портфеле журнала «Эпоха» находилась рукопись под названием «Прихоть», автором которой был некто Чичагов, однако до печати, как известно, дело не дошло (27, 94, 360).

Два слова о двух статьях. [Рец. на:] «Зимний вечер в бурсе» Н. Помяловского, «Время», май 1862; «Родные картины» Е. Стопакевича, «Современник», май 1862 г. / [М. В. Родевич?] // *Время*. 1862. № 9. Отд. 2. С. 28–41.

Автор — бывший семинарист, которому в продолжение 15 лет удалось побывать в нескольких бурсах, в частности в «В-ской семинарии». Предположительно, это может быть Михаил Васильевич Родевич (1838–1919), выпускник Виленской семинарии. Подробнее о М. В. Родевиче см.: *Киселев Г.* «...В квартире Федора Михайловича Достоевского...» // Неман. 1981. № 11. С. 174–183. Статья Г. В. Киселева не учтена в указателе: *Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004. СПб., 2011.

Заметка по поводу народного здоровья / И. Ч. [Иван Чистосердов?] // *Время*. 1862. № 9. Отд. 2. С. 55–61.

Возможно, автором является Иван Павлович Чистосердов, русский врач, автор ряда статей в «Московской медицинской газете» в 1860-е гг. Подробнее см.: *Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 2. С. 153–154.

Голос за петербургского Дон-Кихота (По поводу статьи г. Театрина) / Ч. Комитетский [Ап. Григорьев?] // *Время*. 1862. № 10. Отд. 2. С. 189–193.

Без каких-либо оснований включено в: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Под ред. В. Н. Захарова. Т. 5. С. 331–335. Косвенный отклик на статью «Г. Театрина» можно отыскать в статье Ап. Григорьева «Наша драматическая труппа» (1863). Ср.: «Опровергните эти грустные тезисы моей невеселой диссертации, о вы, господа Театрины, любители театров и иные псевдонимы...» (*Григорьев А.* Театральная критика. М., 1985. С. 287).

Темные слухи. По поводу «Отзыва из Киева» (Совр. Лет. № 46) / Н. [К. И. Немшевич?] // *Время*. 1862. № 11. Отд. 2. С. 204–212.

См. примечание к статье «Микроскопические наблюдения» (*Время*. 1862. № 2. Отд. 2. С. 134–142) выше.

Наши молодые и старые ученые / Н. [К. И. Немшевич?] // *Время*. 1862. № 12. Отд. 3. С. 149–153.

Автор статьи, как верно заметила В. С. Нечаева, «мог иметь в виду командированного за границу Владиславлера» (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 267, прим. 107). См. также примечание к статье «Микроскопические наблюдения» (*Время*. 1862. № 2. Отд. 2. С. 134–142) выше.

Библиографический список

- Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1: Сочинения исторические.
- Балакин А. Ю.* Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб., 2017.
- Балакин А. Ю.* Еще об авторстве статьи «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год», атрибутируемой Достоевскому // *Slavica Revalensia*. 2015. Vol. II.
- Балакин А. Ю.* Отголосок одного литературного скандала в «Записках из Мертвого дома» // *Pro Memoria: Памяти академика Георгия Михайловича Фриденлендера (1915–1995)*. СПб., 2003.
- Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004. СПб., 2011.
- Беляев И. Д.* Где взять учителей для сельских школ? // *День*. 1861. № 9. 9 дек.
- Богданов В.* А если это не Достоевский? // *Вопросы литературы*. 2000. № 2.
- Введенский А.* Научная деятельность М. И. Владиславлера // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1890. Ч. 269. Июнь. Отд. «Современная летопись».
- Викторович В. А.* Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1994. Вып. 4.
- Викторович В. А.* Уроки одной судьбы // *Литературное обозрение*. 1989. № 3.
- Гербель Н. В.* Русские поэты в биографиях и образцах. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. Полевого. СПб., 1888.
- Григорьев А. А.* Письма / Изд. подг. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999.
- Григорьев А.* Театральная критика. М., 1985.

- Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // *Время*. 1862. №2. Отд. 2.
- «День» И. С. Аксакова. История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2017.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 2004. Т. 5.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. С многочисленными приложениями. Пг., [1918]. Т. 23 (Дополнительный): Забытые и неизвестные страницы / Собрал и коммент. Л. П. Гроссман.
- Евмений Филиппович Аристов (Некролог) // *Известия и учен. зап. Императорского Казанского ун-та*. 1876. № 1: Январь–февраль.
- Егоров Б. Ф.* Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева // *Труды по русской и славянской филологии*. Тарту, 1960. Вып. 3 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 98).
- Елизаветина Г.* Журнальные отклики 1860-х годов на публикацию «Записок» Г. Державина // Г. Державин: История и современность. Казань, 1993.
- Захаров В. Н.* Вопрос об А. С. Хомякове в журнале братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. М., 2007. Т. 1.
- Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский: Очерки творчества. М., 2013.
- Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 2.
- Зыкова Г. В., Найдич Л. Э.* Потехин Николай Антипович // *Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь*. М., 2007. Т. 5.
- Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М.: Худ. лит., 1966.
- Киселев Г.* «...В квартире Федора Михайловича Достоевского...» // *Неман*. 1981. № 11.
- Кунильский Д. А.* Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // *Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та*. 2016. № 1.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1999. Т. 1.
- М-в Н.* По поводу статьи г. Беляева <...> // *День*. 1862. № 14. 13 янв.
- Нечаева В. С.* Неизданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских, 1847–1880 гг. (Из семейных архивов) / [Под ред. В. С. Нечаевой] // *Искусство: Журнал ГАХН*. М., 1927. Кн. 1.
- Нечаева В. С.* Из архива журнала «Время» // Достоевский и его время / Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. Л., 1971.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.
- Першкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: Опыт атрибуции // *Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология*. 2014. № 1.
- Першкина А. Н.* Письма М. М. Достоевского М. И. Владиславлеву // *Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология*. 2011. № 4.
- Письма А. Н. Плещеева [к А. П. Милюкову] / [Публ. Е. И. Кийко] // *Литературный архив*. 1961. Т. 6.
- Протопопов Д.* Еще по поводу статьи г. Беляева об учителях для сельских школ // *День*. 1862. № 15. 20 янв.

- Рак В.Д. К.И. Немшевич — сотрудник «Эпохи» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8.
- Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подг. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб., 2018.
- Тихомиров Б.Н. Книжки, купленные Достоевским в 1862–1863 гг. в книжном магазине А.Ф. Бабунова // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2003. № 18.
- Туниманов В.А. Завершение многолетнего труда // Русская литература. 1976. №2.
- Туниманов В.А. Кусков Платон Александрович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.
- Фетисенко О.Л. Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21.
- Фетисенко О.Л. «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н.С. Соханская) в 1860 г. // Христианское чтение. 2017. № 3.
- Эльзон М.Д. П.В. Быков и журнал «Время» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. Вып. 7.

V. I. Simankov

M. I. VLADISLAVLEV AS THE ALLEGED AUTHOR OF THE ARTICLE “TWO CAMPS OF THEORISTS”

Key words: *Vremia*, *Dva lageria teoretikov* [= Two Camps of Theorists], F.M. Dostoevsky, M.M. Dostoevsky, M.I. Vladislavlev, Nineteenth-Century Russian Journalism, Authorship Issues.

The purpose of the research is to raise doubts about the authorship of *Dva lageria teoretikov*, an anonymous essay originally published in *Vremia* (1862) and traditionally attributed to Fyodor Dostoevsky. Within the present analysis, much of the focus is being placed on Mikhail Vladislavlev (1840–1890). As one of the industrious contributors to the journal, Vladislavlev wrote a series of articles and book reviews. Our analysis shows that there is a number of striking parallels between Vladislavlev's critical contributions and the keynote essay allegedly written by Dostoevsky. The nature of these synchronisms makes it possible to reconsider the authorship of *Dva lageria teoretikov* and re-attribute the article to Mikhail Vladislavlev.

References

- Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenij*. Moscow, 1861. T. 1: Sochineniia istoricheskie.
- Balakin A. Yu. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia*. St. Petersburg, 2017.
- Balakin A. Yu. Eshche ob avtorstve stat'i “Vystavka v Akademii hudozhestv za 1860–61 god”, atributiruemoi Dostoevskomu. *Slavica Revalensia*. 2015. Vol. II.

- Balakin A. Yu. Otgolosok odnogo literaturnogo skandala v "Zapiskah iz Mertvogo doma". *Pro Memoria: Pamiati akademika Georgiia Mihailovicha Fridlendera (1915–1995)*. St. Petersburg, 2003.
- Beliaev I. D. Gde vziat' uchitelej dlia sel'skih shkol? *Den'*. 1861. N 9. 9 dek.
- Belov S. V. F. M. Dostoevskij. *Ukazatel' proizvedenij F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom jazyke, 1844–2004*. St. Petersburg, 2011.
- Bogdanov V. A esli eto ne Dostoevskij? *Voprosy literatury*. 2000. N 2.
- Dva lageria teoretikov (Po povodu "Dnia" i koj-chego drugogo). *Vremia*. 1862. N 2. Otd. 2.
- "Den'" I. S. Aksakova. *Istoriia slavianofil'skoj gazety: Issledovaniia. Materialy. Postatejnaiia rospis'*. St. Petersburg, 2017.
- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.
- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij*. Pod red. V. N. Zaharova. Petrozavodsk, 2004. T. 5.
- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij. S mnogochislennymi prilozheniiami*. Petrograd, [1918]. T. 23 (Dopolnitelnyj): Zabytye i neizvestnye stranitsy. Sobral i komment. L. P. Grossman.
- Egorov B. F. Bibliografiia kritiki i hudozhestvennoi prozy Ap. Grigorieva. *Trudy po russkoj i slavianskoj filologii*. Tartu, 1960. Vyp. 3 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 98).
- Elizavetina G. Zhurnalnye otkliki 1860-h godov na publikatsiiu "Zapisok" G. Derzhavina. *G. Derzhavin: Istoriia i sovremennost'*. Kazan', 1993.
- El'zon M. D. P. V. Bykov i zhurnal "Vremia". *Dostoevskij. Materialy i issledovaniia*. Leningrad, 1987. Vyp. 7.
- Evmenij Filippovich Aristov (Nekrolog). *Izvestiia i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta*. 1876. N 1: Yanvar'–fevral'.
- Fetisenko O. L. Dostoevskij, "peterburgskaja literature" i "russkoe serdce" malorossijanki Kohanovskoj. *Dostoevskij: Materialy i issledovaniia*. St. Petersburg, 2016. T. 21.
- Fetisenko O. L. "Istina — zhivaja sila": Brat'ya Aksakovy i Kohanovskaja (N. S. Sohanskaja) v 1860 g. *Hristianskoe chtenie*. 2017. N 3.
- Gerbel N. V. *Russkie poety v biografiah i obratzah. 3-e izd., ispr. i dop. pod red. P. Polevogo*. St. Petersburg, 1888.
- Grigoriev Ap. *Pis'ma*. Izdanie podgotovili R. Whittaker, B. F. Egorov. Moscow, 1999.
- Grigoriev Ap. *Teatral'naiia kritika*. Moscow, 1985.
- Kirpotin V. Ya. *Dostoevskij v shestidesiatye gody*. Moscow, 1966.
- Kiselev G. "...V kvartire Fedora Mihailovicha Dostoevskogo..." *Neman*. 1981. N 11.
- Kunil'skij D. A. Imia Kohanovskoj v polemike pochvennikov i slavianofilov. *Uchen. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta*. 2016. N 1.
- Letopis' zhizni i tvorcestva F. M. Dostoevskogo. St. Petersburg, 1999. T. 1.
- M-v N. Po povodu stat'i g. Beliaeva <...>. *Den'*. 1862. N 14. 13 Janv.
- Nechaeva V. S. Neizdannye pis'ma F. M. i M. M. Dostoevskih, 1847–1880 g. (Iz semejnyh arhivov) / [Pod red. V. S. Nechaevoj]. *Iskusstvo: Zhurnal GAKhN*. Moscow, 1927. Kn. 1.
- Nechaeva V. S. Iz arhiva zhurnala "Vremia". *Dostoevskij i ego vremia. Pod red. V. G. Bazanova i G. M. Fridlendera*. Leningrad, 1971.

- Nechaeva V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskih "Vremia" 1861–1863*. Moscow, 1972.
- Nechaeva V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskih "Epoha" 1864–1865*. Moscow, 1975.
- Pershkina A. N. Anonimnye teksty v zhurnale "Vremia": Opyt atributsii. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologija*. 2014. N 1.
- Pershkina A. N. Pis'ma M.M. Dostoevskogo M. I. Vladislavlevu. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologija*. 2011. N 4.
- Pis'ma A. N. Pleshcheeva [k A. P. Miliukovu] [Publ. E. I. Kijko]. *Literaturnyj arhiv*. 1961. T. 6.
- Protopopov D. Eshche po povodu stat'i g. Beliaeva ob uchiteliah dlia selskikh shkol. *Den'*. 1862. N 15. 20 Yanv.
- Rak V. D. K. I. Nemshevich — sotrudnik "Epohi". *Dostoevskij: Materialy i issledovaniia*. Leningrad, 1988. T. 8.
- Sem'ja Aksakovyh i N. S. Sohanskaja (Kohanovskaja): Perepiska (1858–1884)*. Sost., vstup. stat'ja, podgot. teksta i komment. O. L. Fetisenko. St. Petersburg, 2018.
- Tihomirov B. N. Knigi, kuplennye Dostoevskim v 1862–1863 gg. v knizhnom magazine A. F. Bazunova. *Dostoevskij i mirovaja kultura: Al'manah*. N 18. St. Petersburg, 2003.
- Tunimanov V. A. Zavershenie mnogoletnego truda. *Russkaia literatura*. 1976. N 2.
- Tunimanov V. A. Kuskov Platon Aleksandrovich. *Russkie pisateli, 1800–1917. Biograficheskij slovar'*. Moscow, 1994. T. 3.
- Vvedenskij A. Nauchaia deiatel'nost' M. I. Vladislavleva. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1890. Ch. 269. Ijun'. Otd. "Sovremennaia letopis'".
- Viktorovich V. A. Literator-nevidimka. Iz tsykla "Sputniki Dostoevskogo". *Litsa: Biograficheskij al'manah*. Moscow; St. Petersburg, 1994. Vyp. 4.
- Viktorovich V. A. Uroki odnoj sud'by. *Literaturnoe obozrenie*. 1989. N 3.
- Zaharov V. N. Vopros ob A. S. Homiakove v zhurnale brat'ev F. M. i M. M. Dostoevskih "Vremia". *A. S. Homiakov — myslitel', poet, publitsist*. Moscow, 2007. T. 1.
- Zaharov V. N. *Imia avtora — Dostoevskij: Ocherki tvorchestva*. Moscow, 2013.
- Zmeiev L. F. *Russkie vrachi-pisateli*. St. Petersburg, 1886. Vyp. 2.
- Zykova G. V., Najdich L. E. Potehin Nikolaj Antipovich. *Russkie pisateli, 1800–1917. Biograficheskij slovar'*. Moscow, 2007. T. 5.

В. М. ДИМИТРИЕВ*

**К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»
(О ТОМ, ПОЧЕМУ БЫЛ ОТБРОШЕН «ЭПИЗОД С АРИШЕЙ»)¹**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», Ариша, текстология, черновые рукописи, мотивировка.

В статье рассматривается, почему Достоевский изымает из окончательного текста романа «Подросток» обширный черновой фрагмент о встрече Аркадия с озябшей девочкой Аришей, помещенный перед сном-воспоминанием героя о пансионе Тушара (вторая часть, девятая глава). Критически прокомментированы существующие на данный момент гипотезы, почему произошло это текстуальное изменение. Исключение эпизода с Аришей объясняется спецификой раскрытия «детской» темы в окончательном тексте, расширением авторских полномочий Аркадия, а также важной для этого фрагмента сменой мотивировки.

В девятой главе второй части романа «Подросток» помещено переломное для сюжета событие: несостоявшееся преступление Аркадия Долгорукого, от которого его в буквальном смысле спасает случайность. Аркадий хочет поджечь дровяной склад в переулке вблизи Конногвардейского бульвара, он «вдруг совсем решился», «ощутил чрезвычайное удовольствие, наслаждение и полез», «но тут вдруг оборвался и навзничь полетел вниз», «стукнулся о землю затылком», потерял сознание, а потом, еще плохо соображая, «пополз в угол ворот» и «очень быстро задремал» (13, 269–270). За этим следует ключевой для развития сюжета сон-воспоминание о пансионе Тушара. Очнувшись, Аркадий видит склонившегося над собой одного из героев своего сна, Ламберта. Однако находится Аркадий в состоянии горячки. Вернувшись в дом к матери после своего полубессознательного пребывания у Ламберта, Аркадий впадает в девятидневное беспмятство, подготовляющее его изменение.

---

* Виктор Михайлович Димитриев, канд. филол. наук, мл. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший преподаватель кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики НИУ ВШЭ — ganthenbein@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18–012–90002 «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф. М. Достоевского: текст как источник и объект интерпретации».

Однако в черновом варианте в первой главке девятой главы помещается довольно обширная вставная история об озябшей девочке Арише, которую Аркадий случайно находит в переулке. Именно это отвлекает его от желания поджечь склад².

«Да, преступление наворачивалось в ту ночь и только случайно не совершилось» (13, 268) — оценивает эти события Аркадий. Эту же запись мы встречаем и в черновой рукописи. Однако в черновой рукописи и в окончательном тексте эта «случайность», помешавшая преступлению, по-разному определена, следовательно, перед нами две различные мотивировки отказа героя от совершения преступления.

Кратко восстановим последовательность эпизодов. Восьмая глава заканчивается тем, что на рулетке Зерщикова Аркадия несправедливо обвиняют в краже денег, и единственный, кто мог бы за него заступиться, князь Сережа, от него отрекается, после чего героя с позором выталкивают на улицу. В начале девятой главы в состоянии начинающегося бреда Аркадий пытается решить, что ему следует делать, когда ясно, что «жить теперь уже совсем нельзя» (13, 267): «уехать в Америку», укрыться в «кидею», «положить голову на рельсы и умереть», или «стать лакеем, собакой, козьявкой, доносчиком, настоящим уже доносчиком, а самому потихоньку приготавливаться и когда-нибудь — все вдруг взорвать на воздух, все уничтожить, всех, и виноватых и невиноватых, и тут вдруг все узнают, что это — тот самый, которого называли вором... а там уж и убить себя» (13, 268–269).

Аркадий решает стать преступником и уже теперь начать с пробы. В переулке вблизи Конногвардейского бульвара он видит склад, который решает поджечь. Аркадий забирается на него, но случайно падает, ушибается, теряет сознание; очнувшись ненадолго, отползает «в угол ворот» и там задремывает. Он слышит колокольный звон, и это начало его сна-воспоминания.

В черновом варианте Аркадий не пытается вскарабкаться на ворота, потому что в углу замечает «какую-то темную массу», «меньше человека, больше собаки» (л. 47), это оказывается девочка Ариша. Далее следует рассказ о том, как Аркадий привел Аришу домой, как он пытался защитить ее от каких-то пьяных людей, неясно кем ей

² НИОР РГБ. Ф. 93.1.1.6/11. Л. 47–49. Далее ссылки на рукопись даются в тексте с указанием листа. Напомню, что сам эпизод был опубликован впервые Л. П. Гроссманом: *Достоевский Ф. М. Неизданные рукописи* / Под ред. Л. П. Гроссмана // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Одесса, 1921. С. 20–24. С небольшими разночтениями он был напечатан также В. Л. Комаровичем: *Рукописные варианты романа «Подросток»* / Под ред. В. Л. Комаровича // Начала. 1922. № 2. С. 221–225. В дальнейшем отрывок был включен в варианты в академическом Полном собрании сочинений (17, 98–100). Рукописный текст мы приводим в современной орфографии, пунктуация остается без изменений, за исключением запятой перед союзом *что* и союзом *как*, а также знаков препинания при одинарном деепричастии или деепричастном обороте. Конъектура приводится в угловых скобках (<>), вычеркнутый текст в квадратных скобках ([ ]), вставленный текст в фигурных скобках ({}).

приходившихся (сама девочка — сирота). Внезапно он решает оставить Аришу, но бежит от нее не куда-нибудь, а в тот самый угол, где ее обнаружил. В этом углу он решает замерзнуть, как могла бы замерзнуть Ариша. Он задремывает, слышит колокольный звон и видит сон-воспоминание о пансионе Тушара.

Черновая рукопись

• Глава 8: Рулетка Зерщикова (Аркадий — «вор»)

• Блуждания в полубреду («положить {голову} и умереть» или «все {вдр<уг>} взорвать {на воз- дух} <...> а там уж и убить себя...» (л. 46))

• Желание «пробы» (поджечь дровяной склад на Конногвардейской бульваре)

• Замечает «какую-то темную массу» в углу, «меньше человека, больше собаки» (л. 47)

• История с Аришей (бегство Аркадия)

• Возвращение на Конногвардейский бульвар («...и я буду сидеть и засну и замерзну» (л. 49))

• Сон-воспоминание о пансионе Тушара

Окончательный текст

• Глава 8: Рулетка Зерщикова (Аркадий — «вор»)

• Блуждания в полубреду («положить голову на рельсы» или «все вдруг взорвать на воз- дух <...> а там уж и убить себя» (13, 268–269))

• Желание «пробы» (поджечь дровяной склад на Конногвардейской бульваре)

• Пытается взобраться на стену — непреднамеренное падение

• Потеря сознания («минуту или две пролежал без сознания» (13, 269))

• Бессознательно «отползает» в угол

• Сон-воспоминание о пансионе Тушара

Ключевые отличия двух эпизодов в том, что в черновом варианте Аркадий забывает о своем желании поджечь склад, потрясенный встречей с Аришей, сострадание к которой усиливается, когда Аркадий узнает, что она сирота (видимо, в этом проявляется экстраполяция его собственной судьбы на ее судьбу). И когда он вспоминает то, что он обозначает, как «мое», он решает оставить девочку, замерзнуть и умереть. Хотя и в состоянии бреда, он выбирает самоубийство, а не преступление. В окончательном тексте его отделяет от преступления один шаг, но спасает его не неожиданная встреча, а, казалось бы, чистая случайность.

Черновая рукопись

Так я рассуждал и — {вдруг} решил. Я ощущал чрезвычайное удовольствие: «Зажечь, зажечь непременно пусть горит!» И весьма может быть, что я бы это и исполнил, но внезапно был отвлечен совсем неожиданной

Окончательный текст

Так я это все рассудил и — вдруг совсем решил. Я ощутил чрезвычайное удовольствие, наслаждение и полез. Я лазить умел отлично: гимнастика была моею специальностью еще в гимназии, но я был в калошах, и дело оказалось

встречей. Присматриваясь, как мне [в]лезть по воротам, я вдруг в правом углу ворот, в глубине выступа заметил какую-то темную массу: что-то лежало или сидело скорчившись, «меньше человека, больше собаки» — мелькнуло во мне. <История с Аришей> Дойдя до тех {глухих ворот [в стене], я запахнулся в шубу и присел [в т] на снег в тот самый угол, в котором сидела девочка: — Что ж, думал я, тут и засну, как Ариша. <...> Что же и я буду сидеть и засну и замерзну [И чего мне, тем лучше.] Все умерло, так и я умру. — И действительно {я} очень скоро задремал, мысли во мне смешались совсем, и я только слышал все возраставший колокольный звон (л. 47–49).

труднее. Однако ж я успел-таки уцепиться рукой за один едва ощущаемый выступ вверху и приподнялся, другую руку замахнул было, чтоб ухватиться уже за верх стены, но тут вдруг оборвался и навзничь полетел вниз. Полагаю, что я стукнулся о землю затылком и, должно быть, минуту или две пролежал без сознания. Очнувшись, я машинально запахнул на себе шубу, вдруг ощутив нестерпимый холод, и, еще плохо сознавая, что делаю, пополз в угол ворот и там присел, съжившись и скорчившись, в углублении между воротами и выступом стены. Мысли мои мешались, и, вероятно, я очень быстро задремал. Как сквозь сон теперь вспоминаю, что вдруг раздался в ушах моих густой, тяжелый колокольный звон, и я с наслаждением стал к нему прислушиваться (13, 269–270).

Почему Достоевскому было важно поменять мотивировку?

Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим существующие в научной литературе гипотезы, объясняющие, почему Достоевский отбросил эпизод с Аришей.

В статье «Генезис романа “Подросток”» (1925) В. Л. Комарович склоняется к тому, что эпизод с Аришей был скорее не отброшен Достоевским, а сокращен и перенесен в другую часть романа. Эпизод был замещен «анекдотом» о подкинутом ребенку Ариночке из 5 главы 1 части (13, 79–81). Однако, заметим в скобках, на момент работы над второй частью первая часть уже была напечатана³, поэтому эпизод во второй части не мог быть отброшен, чтобы быть замещенным эпизодом в первой. Комарович показывает, что колебания Аркадия, которые выражает этот эпизод, наследовали замыслу «Жития великого грешника», в котором также есть эпизод с замерзшей девочкой, которую спасает герой⁴. Здесь же он сокращается автором, поскольку Достоевский желает

³ Пятая глава первой части была опубликована в № 1 «Отечественных записок» за 1875 г., девятая глава второй части — в № 5 «Отечественных записок» за 1875 г.

⁴ Имеется в виду один из эпизодов с Хроменькой из замысла «Жития великого грешника». Л. П. Гроссман считает, что рассказ о встрече Аркадия и Ариши «является новой попыткой разработки» замысла романа «Пьяньские» (*Достоевский Ф. М. Незданные рукописи* / Под ред. Л. П. Гроссмана. С. 6). Г. Я. Галаган проводит параллель между историей с Аришей и фрагментом из «Сна смешного человека», где «герой сталкивается

вывести на первый план Версилова. Этим же продиктованы и другие сокращения в романе, о которых пишет Комарович: «...“история колебаний” “подростка” по возможности сокращается (исчезает начальный период жизнеописания, урезывается эпизод о девочке и т. д.) для того, чтобы уступить место другой истории — “вечной истории” Версилова и Ахмаковой, их “любви-ненависти”»; ранний по замыслу герой (“подросток”, “великий грешник”) отодвигается на задний план новым, исподволь выраставшим героем (Версильовым), заняв по отношению героини (Ахмаковой) место, первоначально предназначенное раннему герою (“великому грешнику”, “подростку”), — Версильов образует теперь основное ядро законченного романа»⁵. Таким образом, главной причиной Комарович считает рудиментарность истории с Аришей, пришедшей из «Жития», по отношению к новой центральной идее романа.

Г. И. Чулков в книге «Как работал Достоевский» (1939) объясняет отсутствие эпизода, в котором повторяется «излюбленный Достоевским мотив “оскорбленного ребенка”» прагматикой композиции: Чулков полагает, что писатель «счел нужным исключить этот эпизод, не желая тормозить событий»⁶. Можно возразить вместе с тем, что торможение в данном эпизоде, вероятно, и замышлялось Достоевским: перед роковым поджиганием склада появляется вставной эпизод, оттягивающий развязку, что в целом является характерным приемом в романе «Подросток»⁷.

А. С. Долинин, готовя в 1965 г. первое полное издание рукописей к «Подростку», комментирует не сам эпизод, а фрагменты в подготовительных материалах⁸, связанные с мотивом озябшей девочки. Судя по рукописям, эта озябшая и найденная Аркадием девочка должна стать своеобразным «убежищем» героя. А ее смерть объяснила бы его решение вступить в заговор против Ахмаковой. Долинин указывает, что история с Аришей должна была быть, видимо, продолжена в итоговом тексте, однако была исключена, он не пытается ответить на вопрос, почему. Долинин также сближает этот эпизод с историей про Ариночку из пятой главы первой части, кроме того, он проводит параллель

на улице с девочкой лет восьми, дрожащей “мелкой дрожью в ознобе” (Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881. С. 20).

⁵ Комарович В. Л. Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль. 1925. Вып. 3. С. 385.

⁶ Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М., 1939. С. 156.

⁷ К примеру, еще в самом начале своих записок Аркадий оттягивает рассказ о двенадцатом сентября, которое считал роковым для себя днем. Прежде чем приступить непосредственно к описанию столь волнующего события, встречи с Ахмаковой, Аркадий с тщательностью повествует о предыстории «героев» своих записок.

⁸ Долинин комментирует следующий фрагмент: «Девочка озябла. Умирает, говорит: “Ничего!” (Кольцо Бисмарка)» (16, 334). См. также: Тихомиров Б. Н. Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 24. СПб., 2008. С. 120–121.

с «Отверженными» Гюго: «Подросток помогает девочке, по имени Ариша, точно так же, как Вальжан Козетте»⁹.

Наконец, в комментариях к академическому изданию Е. И. Кийко объясняет отсутствие эпизода следующими причинами:

1) «Поведение Подростка в сложившейся здесь ситуации противоречило логике его характера» (17, 325). По мнению комментатора, Аркадий не мог так просто бросить девочку непосредственно после охватившей его идеи «благообразия»¹⁰;

Потому, считает комментатор, 2) «переход Подростка от желания помочь ребенку к эгоцентрической сосредоточенности на собственной обиде в отброшенном эпизоде психологически не оправдан» (17, 325);

3) третья причина в том, что эпизод с Аришей был сопровождается подробными бытовыми описаниями, что превращало его в отдельный физиологический очерк и выводило за рамки основного сюжета (17, 326);

4) этот эпизод «в какой-то степени дублировал рассказанную уже Подростком историю о том, как он, живя в Москве, содержал на собственные деньги подброшенную девочку, которую, кстати, тоже звали Ариной» (17, 326).

Названные причины представляются во многом неадекватными роману и по меньшей мере недостаточными.

Во-первых, поведение Аркадия в описываемое время подвластно постоянным и резким переходам из одной крайности в другую. «Мало того, я очень хорошо помню, что я мог в иные минуты вполне сознавать нелепость иного решения и в то же время с полным сознанием тут же приступить к его исполнению» (13, 268).

Во-вторых, психологическая неоправданность перехода Аркадия к эгоцентрической сосредоточенности на себе объясняется тем, что в отброшенном эпизоде собственно нет перехода к себе. Любопытно здесь посмотреть, в каком контексте появляется местоимение «мое» в черновой рукописи. Аркадий восклицает в начале главки: «Все это — город, прохожие, тротуар по которому я бежал все это было как бы не мое. Вот это дворцовая площадь, [к]{в}от {это} — Исаакий {— мерещилось мне}, но теперь мне до них никакого дела, все как-то отчуждилось, {все это} стало вдруг *не мое*. У меня мама, Лиза — ну что же, что мне теперь Лиза и мать? все кончено, все разом кончилось, кроме одного: того что я — вор навечно» (л. 45). Далее, когда уже в доме Ариши Аркадий пытается защитить ее, на него начинает угрожающе надвигаться некто из пьяной оравы. «Я вдруг вспомнил все *мое* и вдруг на себя удивился: Да что же это я, что мне тут! мелькнуло у меня в голове. Затем

⁹ Долинин А. С. Комментарии // Литературное наследство. М., 1965. Т. 77: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. С. 502.

¹⁰ Отметим здесь, что идея «благообразия» приходит к Аркадию только после встречи с Макаром Долгоруким, которая состоялась в третьей части романа, что противоречит аргументации комментатора.

повернулся и поскорее выбежал» (л. 49). «Мое»¹¹, и в обоих случаях слово подчеркнуто автором, имеет отношение не только к личным интересам Аркадия, но и, согласно тексту, к его матери и сестре, и возможно именно эта сложносоставность «моего» толкает его повторить несложившуюся судьбу Ариши, а именно замерзнуть в том самом углу, где ее нашел.

Как же можно объяснить решение Достоевского исключить эпизод?

Во-первых, следует обратить внимание на то, как складывалась судьба других фрагментов, связанных с героями-детьми. В подготовительных материалах к «Подростку» есть известная запись «РОМАН О ДЕТЯХ, ЕДИНСТВЕННО О ДЕТЯХ, И О ГЕРОЕ-РЕБЕНКЕ» (16, 5). Несмотря на то что в конечном счете в романе переплелись несколько заветных идей Достоевского и объединились несколько сюжетов, дети на страницах рукописи продолжали занимать центральное место, притом все они являются действующими лицами основного сюжета. Важное место в подготовительных материалах занимает история сводного брата Подростка, маленького мальчика: за него должен был вступить-ся Аркадий после того, как Версилов, замучив мальчика, бросает его на улице (16, 182). В рукописях получает развитие история ухода героя за маленьким мальчиком (см., например: 16, 96, 97, 100, 110, 123, 127–129 и др.). С историей сводного брата связана и история «мальчика с птичкой». Есть основания полагать, что Достоевский планировал ввести самоубийство «мальчика с птичкой» в основной сюжет романа (16, 30, 64). История «мальчика с птичкой» была связана с историей сводного брата Аркадия¹². В ряду этих же сюжетов появляются замы-

---

¹¹ Б. Н. Тихомиров обращает внимание на то, что сюжетно этот эпизод является вариацией «мотива *обиженной девочки*», которую можно встретить также в романах «Униженные и оскорбленные» и «Преступление и наказание». В том числе конкретно эти три эпизода сближены тем, что происходят они в районе Конногвардейского бульвара, что особым образом выделяет этот локус в Петербурге романов Достоевского. То, что Аркадий вспоминает «мое» и покидает Аришу, создает дополнительную перекличку с поведением Раскольникова, как считает Тихомиров. Раскольников также сперва спасает пьяную девушку, преследуемую каким-то «франтом», а потом, внезапно переменявшись, предлагает городовому оставить ее «франту», «пусть его позабавится» (6, 42). См. об этом: Тихомиров Б. Н. Загадочный квартал в Петербурге Достоевского. К анализу мотива «обиженной девочки» [2001] // Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб., 2012. С. 306–308.

¹² «У Подростка особая квартира. Швейцар в казенном здании. Елейная душа. (Это швейцар отвел похищенного мальчика к НЕМУ.) Мальчик был у большой девочки швейцаровой. Мальчик потом просился к девочке, Подросток водил его. Смерть девочки, потребовавшей мальчика проститься. Подросток подробно и сурово-серьезно описывает, как он устроил это последнее свидание детей. Швейцар через это стал знакомым ЕМУ.

Швейцар — елейная личность, не очень разговорчивый. Подросток уважает и любит его и только с ним вполне откровенен. К швейцару ходит просящий по 20 коп. поручик. Этот поручик рассказывает о лодке в Англии, об камне и проч. У швейцара жена, гуляла. После смерти дочки он ее сжег на плите.

Мальчик, когда в последний раз бежал утопиться, забежал к швейцару, думая найти

слы об «озябшей» девочке, которую находит Подросток¹³. Истории «о детях» переходили одна в другую, дробились и объединялись, и невозможно с безусловной достоверностью восстановить развитие этих сюжетов в подготовительных материалах. Единственное, что связывало все эти истории: они должны были стать частью романного сюжета.

Чрезвычайно симптоматично, что все эти истории впоследствии были уведены Достоевским либо в предысторию романа и эпилог (ребенок Лидии Ахмаковой и выкидыш Лизы), либо в воспоминания Аркадия (история о ребенке-подкидыше Ариночке), либо в умильные истории Макара («мальчик с птичкой»). Собственно, каждая история о ребенке, которая должна была быть включена в окончательный роман, меняет свой статус в целом романе.

Вероятно, что и историю с Аришей Достоевский решает вывести за рамки сюжета, поскольку она нарушает исключительность Аркадия как главного и единственного героя-ребенка в тексте.

С «детской» темой связывается и тема творчества.

Истории, последовательно уводимые за рамки сюжета, Аркадий осмысляет уже как автор романа. Именно в его обработке, к примеру, мы узнаем об истории «мальчика с птичкой», он, старательно сохраняя особенности речи Макара Долгорукого, включает историю о утопившемся ребенке в свою исповедь. «Помещаю один из рассказов, без выбору, единственно потому, что он мне полнее запомнился. Это — одна история об одном купце, и я думаю, что таких историй, в наших городах и городишках, случается тысячами, лишь бы уметь смотреть. Желающие могут обойти рассказ, тем более что я рассказываю его слогом» (13, 313).

Как пишет Арпад Ковач, оригинальность «Подростка» и состоит в том, что Достоевский «на уровне рассказчика-мемуариста расширяет структуру условностей становлением “писателя”, т. е. анализом закономерностей возникновения способности перерабатывать опыт в формы поэтической мысли. Ни один из рассказчиков Достоевского так не озабочен вопросами художественного мастерства, как Аркадий Долгорукий. Показательно, что говорит он об этом, проделав, под влиянием

Подростка. В квартире швейцара ничего не нашел. Странствия. Мальчика собирал Подросток» (16, 94).

¹³ «Озябла. Девочка. <Ип, с. 63> Девочка (озябла). Необходима ему во всем романе как убежище от Версилова, Ламберта, недоверия Лизы, *безучастия* матери. Он к ней удаляется. Девочка умирает перед самым замыслом — решением на Ахмакову, забитая. Эта смерть приводит Подростка в отчаяние» (16, 331); «Хотел заечь, и “озябла”. В квартире прибили. Топиться. Ламберт» (16, 331); «7 апреля. ДЕВОЧКА. Лиза отвергла Подростка, как ему кажется. Все перед ним виноваты, кажется ему, и у него одна эта девочка» (13, 333); «15 апреля. Девочка озябла. Умирает, говорит: “Ничего!” (Кольцо Бисмарка.) Подростку говорит вместо ласки: “На” — и отдает какую-то свою драгоценность, игрушку или что-нибудь» (16, 334).

сюжетных событий, сложный путь прозрения — от идеализации власти денег к возникновению скрываемой им идеи стать художником»¹⁴.

Наконец, два варианта: в черновой рукописи и в окончательном тексте — задают две совершенно разные мотивировки того, почему преступление не состоялось. В черновой рукописи мотивировка обнажена. Встреча с Аришей отвлекает Подростка от «своего», и эта же встреча толкает его в состоянии экзальтации к желанию замерзнуть, как Ариша. В окончательном тексте мотивировки нет, есть чистая случайность: оступился и потерял сознание.

Вероятно, Достоевскому было важно лишить переход к сну-воспоминанию очевидной романной мотивировки. Ему важно было показать внезапное изменение решения героя, которое должен как-то объяснить читатель, но которое не является прямым следствием произошедших событий. Кроме того, именно в такой внезапности актуализируется тема провидения, чудесного спасения, важная именно в этом сюжетном переходе от идеи преступления к сну-раскаению, начинающемуся колокольным звоном. Эпизод с Аришей давал действию Аркадия конкретную мотивировку и лишал Достоевского возможности создать богатую смыслами лауну. Чудо спасительного сна-воспоминания должно быть мотивировано как чудо, именно потому эпизод с Аришей был отброшен. В скобках заметим, что окончательный текст в сравнении с черновиком вообще характеризуется последовательным снятием очевидных мотивировок¹⁵.

Итак, исключение эпизода с Аришей можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, в окончательном тексте Достоевский последовательно уводил все «детские» истории за пределы сюжета.

Во-вторых, Достоевский расширял авторские полномочия Аркадия, доверяя ему выступать автором историй, очевидцем которых он не был.

Наконец, исключение истории с Аришей гарантировало появление важной смысловой лауны: отсутствие непосредственной романной мотивировки делало возможным неожиданный переход от преступления к сну-воспоминанию, проникнутому образами покаяния.

Библиографический список

<Долнин А. С.> Комментарии // Литературное наследство. М., 1965. Т. 77: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи.

¹⁴ Ковач А. Роман Достоевского: Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985. С. 224–225.

¹⁵ В довершение осторожно предположу, что, возможно, эпизод с Аришей навязчиво актуализировал не очень понятную параллель. Аркадий находит в снегу замерзающую Аришу, а Ламберт спустя несколько часов находит в снегу замерзающего Аркадия. Вероятно, такая параллель могла показаться писателю нежелательной.

- Достоевский Ф. М.* Рукописные варианты романа «Подросток» / Под ред. В. Л. Комаровича // Начала. 1922. №2.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Достоевский Ф. М.* Эпизод из «Подростка» / Неизданные рукописи / Под ред. Л. П. Гроссмана // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Одесса, 1921.
- Ковач А.* Роман Достоевского: Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985.
- Комарович В. Л.* Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль. 1925. Вып. 3.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881.
- Тихомиров Б. Н.* Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2008. №24.
- Тихомиров Б. Н.* Загадочный квартал в Петербурге Достоевского. К анализу мотива «обиженной девочки» [2001] // Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб., 2012.
- Чулков Г. И.* Как работал Достоевский. М., 1939.

Dimitriev V. M.

TO THE CREATIVE HISTORY OF THE NOVEL
THE ADOLESCENT BY F. M. DOSTOEVSKY
 (THE REASON WHY THE EPISODE WITH ARISHA
 HAS BEEN REJECTED)

Key words: F. M. Dostoevsky, Arisha, textology, drafts, motivation.

The article deals with reasons why Dostoevsky excludes one episode from the final text of the novel *The Adolescent*. It is a fragment of the first draft about the meeting of Arkady with the frozen girl Arisha. The story placed before the hero's dream of the Tushar boarding school (second part, ninth chapter). The scientific hypotheses of why this textual change had occurred, were critically commented as incorrect or insufficient. The author explains the exclusion of the episode with Arisha by the specifics of the development of the "childish" theme in the final text, the expansion of Arkady's authorial rights, as well as the change of motivation that is important for this fragment.

References

- <Dolinin A. S.> Kommentarii. *Literaturnoye nasledstvo. T. 77. F. M. Dostoyevskiy v rabote nad romanom "Podrostok". Tvorcheskiye rukopisi.* Moscow, 1965.
- Dostoyevskiy F. M. Rukopisnyye varianty romana "Podrostok". Ed. by V. L. Komarovich. *Nachala.* 1922. N 2. P. 217–230.
- Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy:* In 30 vol. Leningrad, 1972–1990.

- Dostoyevskiy F. M. Epizod iz "Podrostka". Neizdannyye rukopisi. Ed. by L. P. Grosman. *Tvorchestvo Dostoyevskogo. 1821–1881–1921*. Odessa, 1921.
- Kovach A. *Roman Dostoyevskogo: Opyt poetiki zhanra*. Budapest, 1985.
- Komarovich V. L. Genezis romana "Podrostok". *Literaturnaya mysl'*. 1925. Vyp. 3. P. 366–386.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoyevskogo 1821–1881*. Vol. 3. 1875–1881. St. Petersburg, 1999.
- Tikhomirov B. N. Akademicheskyy kommentariy: tseli, zadachi, printsipy. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura*. 2008. N 24.
- Tikhomirov B. N. Zagadochnyy kvartal v Peterburge Dostoyevskogo. K analizu motiva "obizhennoy devochki" [2001]. *Tikhomirov B. N. "...YA zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom"*: Stat'i i esse o Dostoyevskom. St. Petersburg, 2012.
- CHulkov G. I. *Kak rabotal Dostoyevskiy*. Moscow, 1939.

ПУБЛИКАЦИИ

К. А. БАРШТ*

ПИСЬМО П. А. КАРЕПИНА К Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1844 г.: ИСПРАВЛЕННЫЙ ТЕКСТ

Ключевые слова: письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г., литературный дебют Ф. М. Достоевского, увольнение со службы, новое прочтение.

Публикуется исправленный текст письма П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г., имеющего определяющее значение в процессе выхода Ф. М. Достоевского с государственной службы с целью посвятить себя профессиональному литературному труду. По сравнению с текстом, опубликованным в собрании писем Достоевского под ред. А. С. Долиннина (1959) и воспроизведенным без изменений в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 т. (1985), исправлено около двух десятков ошибок, в том числе существенно меняющих смысл документа. Публикация снабжена историко-литературным комментарием.

Надворный советник Петр Андреевич Карепин (1796–1850), 21 апреля 1840 г. женившийся на сестре Достоевского Варваре Михайловне (1822–1893), был назначен опекуном Михаила (1820–1864), Федора (1821–1881), Андрея (1825–1897), Веры (1829–1896), Николая (1831–1883) и Александры (1835–1889) Достоевских в декабре 1841 г., после смерти их родителей, Марии Федоровны (27 февраля / 11 марта 1837 г.) и Михаила Андреевича (6/18 июня 1839 г.). История взаимоотношений П. А. Карепина с Ф. М. Достоевским составляет важнейшую часть биографии писателя, включая ряд событий, прямо повлиявших на историю создания романа «Бедные люди» и литературный дебют Достоевского в целом, отразившись затем на уровне автоаллюзий в нескольких произведениях более позднего периода — «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Братьях Карамазовых». Письмо фиксирует кульминационный момент борьбы писателя за возможность творческого самоосуществления в противостоянии с опекуном, который как ответственный наставник братьев и сестер Достоевских видел свою задачу в том, чтобы поддержать волю покойного отца семейства

---

* Константин Абрекович Баршт, д-р филол. наук, профессор, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — konstantin_barsht@pushdom.ru.

и склонить Федора Михайловича к продолжению военной карьеры. В частности, основная претензия Карепина к Достоевскому — «поэтические» мечтания, которыми, по мнению опекуна, была смущена душа юного Достоевского, в этом прочтении дошли до нас как «портические» (28₁, 421).

Историю отношений Достоевского с его опекуном можно проследить по нескольким сохранившимся письмам, личная встреча между ними так и не состоялась. Отношения эти вначале были вполне дружескими, в первые годы опекунства Карепина (1841–1843) Достоевский обращался к нему как к «любезнейшему брату», не жалея слов для пожеланий «благополучной встречи Нового года», а его семейству — «сладостной, светлой гармонии блаженства» (28₁, 82). В годы обучения будущего писателя в Главном инженерном училище (до лета 1843 г.) Карепин безукоризненно выполнял свои опекунские обязанности, в срок снабжая братьев и сестер Достоевских денежными средствами, и почвы для спорных ситуаций не было. Исправную присылку денежных средств от опекуна, а вместе с тем и свою нерадивость в отношении к деньгам Достоевский подтверждал в письме к брату Михаилу: «Хотя Карепин и прислал мне 500, но, следуя прежней системе, которой невозможно не следовать, имея долги в доме, я опять с 200 руб. сереб<ром> долгу» (28₁, 83). Заметим, что на этом этапе их взаимоотношений Достоевский обращался с одинаковой экспрессией братской любви ко всем членам семьи Карепиных: и к своей сестре Варваре, и к ее супругу Петру Андреевичу.

Однако уже в 1843 г., в процитированном выше письме есть намек на трещину в их взаимоотношениях, которая в скором времени приведет к тяжелому конфликту: вместе с благодарностью за присылку 150 рублей, Достоевский сообщает, что ему необходимы дополнительные средства, «требование мое объясняется нуждами, изложенными в прошлом письме моем; причем потщусь просить извинения за несколько неосторожных слов — вырванных из души нуждою и необходимостью» (28₁, 82). О том, что в не дошедшем до нас письме Достоевского к Карепину были некие резкости, можно судить и по написанному в те же дни письме к Варваре Михайловне, где он извиняется перед ней: «Со мною нужно быть строже и злопамятнее — два качества, совершенно противные твоему доброму, любящему сердцу. Желая тебе счастья большего и большего, добренькая сестрица. <...> Каюсь перед тобою! Но ведь ты простишь, я это знаю. Прощай, милая Варенька» (28₁, 82).

Резкое обострение отношений между Достоевским и Карепиным, происшедшее в 1844 г., было связано с намерением начинающего писателя покинуть государственную службу и полностью посвятить свою жизнь литературе. Карепин, чувствуя себя ответственным за судьбу своего шурина, считал своей задачей уберечь подопечного от этого губительного шага, безумного, по его мнению, намерения. О желании

подать в отставку Достоевский сообщил Карепину в письме, написанном в 20-х числах августа 1844 г.: «Спешу уведомить Вас, Петр Андреевич, что по естественному и весьма неприятному ходу дел моих я принужден был подать в отставку. Просьба подана дней 10 тому назад; на нее последовало со стороны начальства соизволение. Высочайшее решение выйдет много что через две недели» (28₁, 92). Под «неприятным ходом дел» понималось отчаянное безденежье; в этом письме Достоевский сравнивает себя с бродячей собакой, предсказывает себе скорую смерть от голода и нужды, а также сетует на «братьев единоутробных», которые «не только своим не поделятся <...>, но даже и то, что по праву бы следовало погибающему, стараются отдалить всеми силами <...>. Всякий за себя, а Бог за всех!» Нарастив саркастический пафос, Достоевский предлагает усовершенствовать эту пословицу, придав ей следующий вид: «Всякий за себя, все против тебя, а Бог за всех» (28₁, 92).

Причина бедственного положения Достоевского заключалась в том, что он, привыкнув жить в кредит, который гасил с помощью присланных Карепиным денег и своего жалованья, оказался в крайне тяжелом положении, когда начальство назначило его «в командировку на крепость», «в Оренбург или Севастополь или даже подальше куда-нибудь»¹. В связи с этим оказались необходимы средства на поездку: создать «запас платья», «жить в дороге», «иметь средства обзавестись кой-чем на месте» (28₁, 92). Правда, здесь стоит заметить, что такого рода командировки достаточно адекватно финансировались из бюджета в рамках строгого регламента Устава по военной службе. Основная проблема заключалась в погашении многочисленных кредитов, «около 1200 руб.», без чего отбытие из Петербурга было равносильно финансовому преступлению со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до уголовного преследования. Не имея возможности добыть деньги, выход из этой ситуации Достоевский находит в увольнении со службы, что позволило бы ему остаться в Петербурге, тем самым избавило бы от необходимости немедленной выплаты огромного долга, «а там хоть в тюрьму тащи» (28₁, 92).

Пытаясь склонить опекуна к добавочной денежной выплате, Достоевский, не жалея красок, живописует свое тяжелое положение: отсутствие одежды, из-за чего в условиях петербургской зимы он скоро «протянет ноги», сопровождаемый репликами окружающих: «туда и дорога!», реальная перспектива голодной смерти, отсутствие жилья, за которое нечем заплатить, и будущие ночевки «под колоннадою Казанского собора» (28₁, 93). Правда, он тут же оговаривается, что имеет право занять *казенную* квартиру, «но это только в крайних случаях, а я еще не дошел до подобной крайности», из этого ясно, что «крайности» на самом деле

---

¹ В качестве одного из возможных направлений командировки им называется Камчатка.

не было. Все это, с одной стороны, литературная разминка для будущей работы над романом «Бедные люди», а с другой — создание нужных условий для правильного восприятия Карепиным ключевой фразы: «Я требовал, просил и умолял три года, чтобы мне выделили из имения следуемую мне после родителя часть. Мне не отвечали, <...> меня унижали, надо мной насмеялись. Я сносил всё терпеливо, делал долги, проживался, терпел стыд и горе, терпел болезни, голод и холод» (28₁, 93). Желая получить в виде денежной суммы часть отцовского наследства, которая поможет выплатить долги, Достоевский указывает на небольшую величину этой суммы, а также решается на новую версию этого требования: «...я отказываюсь от всего участка моего (приносящего до 1000 руб. дохода) за 1000 руб. серебром, из которых половина должна быть выплачена разом, а остальное на сроки» (28₁, 93). Предполагая отрицательный ответ опекуна, который будет трактовать эту просьбу как очередной акт безрассудства, Достоевский угрожает в противном случае «употребить все <...> усилия сбить с рук <...> участок хоть лицу постороннему, что будет довольно плохо для всех» (28₁, 93).

Карепин, разумеется, был неприятно поражен этой логикой: отказ от имения, доходы с которого Достоевский получал на протяжении многих лет, парадоксальным образом мотивируется необходимостью покинуть службу, обеспечивающей вторую часть его доходов. Объяснения подопечного (например: «Причина такого переворота в судьбе моей заключалась в критическом положении моем насчет денег» (28₁, 92)), его не устраивали, порождая справедливое недовольство, а о грядущих доходах от занятий литературой он ничего не знал, а узнав, не очень поверил. Однако в период переписки с опекуном Достоевский уже работал над романом «Бедные люди» и связывал с ним свое будущее; ему было важно срочно оплатить долги, мешающие ему сделать этот решительный шаг к новой жизни. Ответом на августовское послание Достоевского является публикуемое ниже письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г.

Не зная, что это письмо уже в пути, 7 сентября того же года Достоевский снова пишет Карепину, пытаясь смягчить свои требования и добавляя к предыдущему обещание брата Михаила Михайловича поручиться за него в осуществлении сделки: «Будучи твердо уверен, что брат Михайло исполнил то, что я писал ему, нахожу необходимым еще раз беспокоить Вас письмом моим» (28₁, 94). В этом письме Достоевский пытается сгладить резкость своего тона, он рассчитывает на согласие, «не имев сомнения, что ум, благородство и сочувствие всегда сопутствуют каждой мере» его опекуна и зятя (28₁, 95), попутно выражает сожаление по поводу нескольких «вырвавшихся с пера <...> выражений» (28₁, 96), в то же время протестуя против попыток «дирижирования» его «неопытной и заблуждающейся юностью», а также небратского, по его мнению, намерения предать его «самым неприятным гадостям и обстоятельствам, которые только были на свете» (28₁, 95).

Подтверждая, что прошение об отставке уже подано, Достоевский прибегает к тому же аргументу, который далее будет использовать в объяснениях с С. Д. Яновским, вторым главным сомневающимся в целесообразности отставки Достоевского («ославленный офицер начнет весьма дурно свою карьеру» — 28₁, 95)² и воспроизводит мысль, лежащую в основе идеологии романа «Бедные люди», над которым в этот момент шла работа: «Долги, превышающие состояние, простятся богачу. Даже в иных случаях на это обстоятельство везде смотрят с уважением. Бедняку дают щелчка» (28₁, 95). Помимо этих двух оправданий будущей отставки, которые должны убедить Карепина в верности его решения, воспроизводится и третье, психолого-эмоционального плана: «...отставка моя была следствием горячности. Меня мучили долги, с которыми я три года не могу расплатиться. Меня мучила безнадежность расплаты в будущем. И потому я вышел в отставку единственно с целью уплаты долгов известным образом — разделом имения» (28₁, 96). Четвертым подкрепляющим это решение фактором является декларация глубокого уважения к заслугам отца, Михаила Андреевича, своим трудом заработавшего средства для покупки имения: «Что же касается до уважения к родительской памяти, то именно ради сего-то обстоятельства хочу употребить родительское достояние на то, на что бы мой батюшка сам не пожалел его. То есть на спокойство своего сына, на средства для новой дороги и на избавление от названия подлеца» (28₁, 96). По всему видно, как опасался Достоевский негативного мнения о себе со стороны родственников, которые могли неверно истолковать мотивы его поведения. Завершая письмо, он подчеркивает, что давление на него с целью уговорить остаться на службе никому не удастся: «...лучше сгнию в тюрьме, чем вступлю в службу» (28₁, 96). К этой фразе Достоевский делает лукавое прибавление, которое можно считать пятым аргументом, который поможет придать мыслям Карепина на сей счет верное направление: он не вступит в государственную службу «прежде окончания и устройства дел» (28₁, 96), подавая Карепину надежду, что потом, когда-нибудь, он снова вступит на государственную службу. Как указывалось выше, тяжелое положение, в которое попал Достоевский, заключалось в необходимости немедленной уплаты всех долгов перед отбытием в командировку, однако главным было то, что расставание с Петербургом означало для него поставить крест на литературе, но роман «Бедные люди» был к этому времени практически готов.

Публикуемое ниже письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г. с ответом на письмо Достоевского, написанное в 20-х числах августа, видимо, шло в Петербург около двух недель, потому что ответ на него

---

² Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/20 ноября 1882 года / Публ. К. А. Баршта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 365–382.

датирован Достоевским 19 сентября 1844 г. В этом письме Достоевский дает волю своим эмоциям и создает сердитую отповедь, заменяя «любезного брата» на «милостивого государя», а уговоры согласиться с его предложением — желчными репликами: «Письмо Ваше от 5-го сентября, наполненное советами и представлениями, я получил и теперь спешу отвечать Вам. Естественно, что во всяком другом случае я бы начал благодарностию за родственное, дружеское участие и за советы. Но тон письма Вашего, тон, который обманул бы профана, так что он принял бы всё за звонкую монету, этот тон не по мне. Я его понял хорошо и — он же мне оказал услугу, избавив меня от благодарности» (28₁, 96). Из письма Карепина он узнал, что, помимо «подлеца», он еще и морально беспринципный мот, который хочет оставить ни с чем своих младших братьев и сестер: «Вы укоряете меня в жадности к деньгам и в обиде меньших братьев, насчет которых я пользовался доселе большими суммами денег» (28₁, 96). Ответом на этот упрек является сравнение затребованных им 1000 р. с суммой дохода, которую он мог бы получить с участка в ближайшие несколько лет: «разве уж такое огромное требование за выделку моего участка? Кажется, это не мне одному будет полезно» (28₁, 97), тысяча рублей, которые он просит за отказ от наследства — значительно меньше той суммы, которую можно было бы получить за ближайшие годы от эксплуатации крестьян Дарового и Черемошни.

В рассуждениях Достоевского проскальзывает мысль, что в своем отказе от наследства он руководствуется нежеланием участвовать в эксплуатации крестьян Дарового по принципиальным соображениям. Далее им с презрением отвергаются приведенные Карепиным «затруднения опекунского совета, дворянской опеки, гражданской палаты», он полагает, «что эти затруднения не существуют» (28₁, 97). И, наконец, требует прекратить обсуждение вопроса о своей отставке: «...по тем же самым причинам, по которым подаю в отставку, не могу опять поступить на службу» (28₁, 97), протестуя против попыток поправлять его «неосновательность юности» и учить его любви к родителям. Он пишет: «...все это не Ваше дело. И мне странно кажется, что Вы на себя берете такой труд, об котором никто не просил Вас и не давал Вам права. Будьте уверены, что я чту память моих родителей не хуже, в чем Вы Ваших. Позвольте Вам напомнить, что эта материя так тонка, что я бы совсем не жалал, чтоб ею занимались Вы. Притом же, разоряя родительских мужиков, не значит поминать их» (28₁, 97).

Сохраняя в неприкосновенности режим диалога с Карепиным, Достоевский одобряет четвертую страницу его письма, где содержится апологетика поэзии «реальной жизни», имеющей, по мнению Карепина, значительные преимущества перед жизнью выдуманной. Цитатой из Гете Достоевский подкрепляет мысль своего оппонента, и «душевно благодарит» его, одновременно пуская тонкий намек на то, что эта переписка породила в его сознании воспоминания о «Фамусове,

Чичикове и Фальстафе» (28₁, 98), однако все это было сделано в столь невинной формулировке, что Карепин вряд ли догадался, что речь идет именно о нем.

Просьбу Достоевского относительно выплаты 500 р. за отказ от наследства подкрепил затем его брат Михаил Михайлович в своем письме к Карепину от 25 сентября 1844 г.: «Ему предстоит теперь трудное дело — проложить себе дорогу, завоевать имя. Он пожертвовал всем своему таланту, и талант — я знаю, я уверен — его не обманет. Дай бог, чтоб он только не пал, чтоб он только вынес первые удары, а там... кто может знать, что будет впереди? Он хочет во что бы то ни стало продать нам свою часть. Согласитесь сами, что отдает он нам ее за бесценку. Даже совестно покупать у него за эту цену: просит он одновременно 500 рублей серебром и потом по 10 рублей серебром в месяц»³. В следующем письме, от 3 октября 1844 г., Михаил Михайлович сообщает опекуну, что долги брата дошли до 1500 рублей ассигнациями. На самом деле у Достоевского был долг 800 рублей; однако он сознательно указывал завышенную сумму, «зная их привычку присылать 1/3 чего просишь» (28₁, 100). Проект отказа от наследства не мог быть закреплён формально и держался исключительно на честном слове Достоевского и его брата Михаила, который заверял опекуна: «Брат Федор вам готов дать акт, свидетельство или подписку, все, что угодно, что он торжественно отказывается от своей части; я же, с своей стороны, какое угодно вам поручительство»⁴.

Оправдываясь перед братом, который был готов на все ради него, но также беспокоился по поводу его средств к существованию после отставки, 30 сентября 1844 г. Достоевский написал ему: «Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, что я, наконец, никогда не хотел служить долго, след<овательно>, зачем терять хорошие годы? А наконец, главное: меня хотели командировать — ну, скажи, пожалуйста, что бы я стал делать без Петербурга. Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь? Насчет моей жизни не беспокойся. Кусок хлеба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободен» (28₁, 100). Одновременно с этим он тревожится за то, что произойдет, если Карепин немедленно не пришлет денег: «Если свиньи-москвичи промедлят, я пропал. И меня пресерьезно стащут в тюрьму (это ясно). <...> Они мне не доверяют. Они думают, что я их обману. Поручись, душа моя, пожалуйста, за меня» (28₁, 100). В этом же письме он сообщает брату свою великую тайну: «У меня есть надежда. Я кончаю роман в объеме “Eugenie Grandet”. <...> (Я моей работой доволен). Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои» (28₁, 100). Что же

---

³ Лит. наследство. Том 86: Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 365.

⁴ Там же. С. 368.

касается Карепина с его нравоучениями и грубым давлением, то у Достоевского находятся весьма нелицеприятные оценки: «Свинья Карепин глуп как сивый мерин. Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь всё равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобление на Шекспира. Ну к чему тут Шекспир? Я ему такое письмо написал! Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма *chef-d'oeuvre* летристики» (28₁, 100–101). Карепину Достоевский написал следующее: «Странно: за что так больно досталось от Вас Шекспиру. Бедный Шекспир!» (28₁, 98). Свою приверженность «Шекспиру» (миру большой литературы) будущий писатель оправдывает правом свободно распорядиться своей судьбой, считая, что невозможно «остановить законную волю человека», идущего к своей цели (28₁, 98).

Вопрос к Карепину о том, «при чем здесь Шекспир» был, разумеется, лишь риторической фигурой. Достоевский прекрасно знал, почему Карепин сосредоточился на Шекспире, трудное, драматичное вхождение которого в литературу было детально описано в получивших широкую известность произведениях различных жанров, во множестве выходявших в 1820-е — 1840-е гг., когда в России произошел значительный взлет интереса к Шекспиру, ставшего для русского образованного общества символом философствующей литературы и драматургии⁵. Можно также предположить, что в одном из утраченных писем Достоевского к Карепину прозвучала мысль о том, что Шекспир, столкнувшийся с огромными трудностями в начале своего творческого пути, впоследствии стал классиком мировой литературы. Так или иначе, именно Шекспир, по мнению Карепина, преграждал своим авторитетом путь его подопечного к правильной и счастливой жизни, которая ожидала его на военно-инженерной стезе. С другой стороны, имя Шекспира и для Достоевского было путеводной звездой, которая вводила его от рутинного бытового прозябания к литературному творчеству как сфере бытия, тождественной настоящей жизни.

Следы этой полемики о «Шекспире» мы находим затем и в тексте романа «Бедные люди», где Девушкин в роли радетельного опекуна поучает Вареньку, используя риторические фигуры, появившиеся в переписке Карепина с Достоевским: «...роман вздор, и для вздора написан, так, праздным людям читать <... > опытности моей многолетней поверьте. И что там, если они вас заговорят Шекспиром каким-нибудь, что, дескать, видишь ли, в литературе Шекспир есть, — так и Шекспир вздор, всё это сущий вздор, и всё для одного пасквиля сделано!» (1, 70).

---

⁵ Например: [Тик Л.] Праздник в Кенильворте // Атеней. 1828. Ч. 3. Июль. Кн. 1. С. 40–60; Кн. 2. С. 121–146. См. об этом произведении: Левин Ю. Шекспир — герой русской романтической драмы // Шекспировские чтения. 1976. М., 1977. С. 184–194.

Письмо Карепину о «Шекспире» было написано Достоевским 19 сентября 1844 г. в романе «Бедные люди», в письме с близкой датировкой, 23 сентября, Варенька Доброселова рассказывает о визите к ней помещика Быкова, прототипом которого является П. А. Карепин, равно как прототипами Вареньки Доброселовой — жена Карепина и сестра Достоевского Варвара Михайловна. В том же менторском тоне, какой был присущ Карепину, Быков поучает Вареньку, указывая, что «романы губят молодых девушек, что книги только нравственность портят и что он терпеть не может никаких книг; советовал прожить его годы и тогда об людях говорить; “тогда, — прибавил он, — и людей узнаете”» (1, 100). Это придает основательность нашей версии, что письма героев «Бедных людей» создавались Достоевским в тех же числах 1844 г., которыми они обозначены в тексте романа, предположив, что около трети романа было написано в сентябре 1844 г. (16 писем Девушкина и Вареньки). В своем письме от 19 сентября Девушкин сообщает, что нашел работу «у одного сочинителя»⁶, 19 сентября 1844 г. Достоевский написал своему опекуну, извещая его о подаче прошения об отставке и о своем твердом решении стать литератором (28₁, 96–98). 5 сентября 1844 г. было написано публикуемое ниже письмо Карепина с советами и наставлениями, с требованием отказа от намерения покинуть службу; в романе «Бедные люди» в письме от 5 сентября Девушкин формирует нечто вроде философского эссе, утверждая принципиальность своего несогласия с ролью «маленького человека», сосредоточенного на своих «сапогах»⁷. Отметим, что именно с конца сентября 1844 г. документы Достоевского на увольнение со службы проходят по разным ведомствам⁸. Весь сентябрь он не писал брату, по-видимому, напряженно работая над романом. Затем, в письме от 30 сентября, сообщает о завершении «Бедных людей»: «Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь» (28₁, 100).

Создание романа «Бедные люди» было для Достоевского не только экзаменом на звание профессионального писателя, но и важным аналитическим экспериментом, нацеленным на решение вопроса о своей судьбе. В этом произведении Достоевским проводилось, средствами художественной литературы, изучение конкретной жизненной ситуации, в которой писатель оказался в 1844 г.; проверялась правильность идеи его отказа от государственной службы. Вопрос о выборе пути обратился в главную тему произведения, созданием которого Достоевский решал свою судьбу — служащего в «канцелярии» и, одновременно, начинающего литератора. В 1844 г. реальность поставила Достоевского перед выбором: рутинная на радость родным и близким

---

⁶ *Достоевский Ф. М. Бедные люди* / Подг. изд. К. А. Баршт. М., 2015. С. 95 (сер. «Литературные памятники»).

⁷ Там же. С. 84.

⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 8. Д. 470. Л. 328–333.

служебная карьера или рискованный, но творчески перспективный путь в литературе. Макар Девушкин — это пророчество молодого писателя об одной из возможных, крайне нежелательных и, слава Богу, отвергнутых перспектив развития его жизненного пути.

В романе «Бедные люди» сохранились следы этого эксперимента. В семнадцатилетнем возрасте Достоевский не по своей воле стал кондуктором Главного инженерного училища, а Макар Девушкин указывает, что отдан был на службу в семнадцать лет и говорит о своем «тридцатилетнем опыте». Эти тридцать лет службы (наиболее распространенный по разным ведомствам срок выхода на пенсию государственных служащих) погубили жизнь Макара Девушкина, человека с большим литературным талантом, растоптанным многолетним переписыванием бумаг. Следы этой коллизии сохраняются и в других произведениях Достоевского — «Слабом сердце», «Неточке Незвановой». В романе «Униженные и оскорбленные» автобиографический персонаж, начинающий писатель, получает от любящего его старика Ихменева порцию «горьких» и «желчных укоров»: «У Ихменевых я об этом ничего не говорил, они же чуть со мной не поспорились за то, что я живу праздно, то есть не служу и не стараюсь прискаты себе места. Старик горько и даже желчно укорял меня, разумеется из отеческого ко мне участия. Я же просто стыдился сказать им, чем занимаюсь. Ну как, в самом деле, объявить прямо, что не хочу служить, а хочу сочинять романы, а потому до времени их обманывал, говорил, что места мне не дают, а что я ищущу из всех сил» (3, 186). Здесь хорошо видны сомнения и колебания, моральные и материальные проблемы, которые мучили Достоевского в период его вступления в большую литературу при общении с родственниками, сомневающимися в правильности выбранного им жизненного пути.

На завершающем этапе борьбы Достоевского за возможность самостоятельного решения вопроса о личной судьбе он отказывается от эмоциональных выпадов по адресу Карепина и возвращается к августовской тактике уговоров и аргументаций. В 20-х числах октября 1844 г. он пишет опекуну письмо, центральная идея которого — призвать его к акту христианского сострадания и уговорить согласиться с предложением о выплате 500 рублей в обмен на отказ от родительского наследства: «... я остался один без надежды, без помощи, преданный всем бедствиям, всем горестям моего ужасного положения — нищете, нагоде, сраму, стыду и намерениям, на которые бы не решился я в другое время. <...> в ту минуту, как Вы будете читать письмо мое, уже получил отставку (справьтесь в газетах). У меня нет ни платья, ни денег, нет ничего заплачивать кредиторам и не будет квартиры, потому что вряд ли хозяин дома еще будет держать меня на старой» (28, 102). Сравнительно с прежними требованиями новое здесь в том, что он предлагает оформить сделку в виде выдачи заемного письма «на имя одного из членов нашего семейства, если нельзя на имя всех, или даже на Ваше имя, Петр Андреевич», которое не будет выплачено в срок и даст возможность держателю письма обратиться

в свою пользу обозначенные в нем ценности: «Вы будете иметь полное право поступать по законам, и мои доходы уже формально будут обращены в пользу семейства, до самого окончательного раздела» (28₁, 102).

Пытаясь как можно лучше соответствовать вкусам и предпочтениям опекуна, Достоевский оформляет свою просьбу в виде «делового предложения», подчеркивая это в своем обращении к Карепину: «Вы человек деловой, Петр Андреевич, Вы и с нами действуете, как человек деловой, не иначе, и так как Вы человек деловой, то у Вас времени не будет обратить внимание на мои дела, хотя они и миниатюрны, или, может быть, именно оттого, что миниатюрны. Но если эти миниатюрные дела составляют все спасение, все благосостояние, всю надежду человека, то нужно извинить его настойчивость и назойливость» (28₁, 103). Смягчение тона в диалоге с Карепиным в этот период связано с осознанием Достоевским того факта, что со стороны опекуна отсутствует намерение навредить ему, есть лишь попытка наставить его на путь истинный, в том варианте, который был ему понятен и близок, другими словами — правильно выполнить свою работу опекуна. Столкновение Достоевского с Карепиным было по сути конфликтом двух мировоззрений, двух несовместимых жизненных моделей, и Достоевский приобрел тут немалый жизненный опыт, использованный им в романе «Бедные люди», а затем — в «Преступлении и наказании», «Подростке» и «Братьях Карамазовых» и др.

Заметим бесспорную житейскую правоту Карепина, когда он говорит о юридической и моральной невозможности передачи Достоевскому части наследства — это слова, полные житейской мудрости, равно как и советы отдалиться романтике военной службы, посулы скорой и успешной карьеры, а также упреки в том, что Достоевский потратил слишком много денег из тех, которые приносят родительские имения Даровое и Черемошняя в Тульской губернии. Нет сомнений в том, что Достоевского больно ранили упреки в том, что он получил денег больше других братьев и сестер. В своих посланиях к Достоевскому Карепин внушает ему идеи, вполне здравые и полезные для обыкновенного человека. Однако, как и любой другой современник юного Достоевского, он не мог знать, что подопечный его недоросль — будущий классик мировой литературы. Следует отметить интересное и весьма продуктивное сопоставление между литературной поэзией и поэзией реальной жизни, которое проводит Карепин. Нужно отдать ему должное, в этом противопоставлении есть философская глубина, имеющая в себе соответствие с подобными наставлениями отцов церкви, на что Достоевский не мог не обратить внимание. Однако у него к этому моменту уже была вчерне готова версия романа «Бедные люди», и отказаться от своего детища он не мог и не хотел. Гений всегда знает, что он гений, так было и с Достоевским. Огромная заслуга в том, что он состоялся как писатель и был спасен от долговой ямы, принадлежит его брату Михаилу.

Поддерживая брата в его намерении оставить службу и посвятить себя литературе, Михаил Михайлович писал Карепину: «Что ни говорите, любезный брат, а я слепо верю в его необыкновенное дарование и уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя. Правда, я совершенно согласен с Вами, что все это можно бы сделать иначе, не вдруг, осторожнее, рассудительнее. Но и то сказать, все зависит от того, с какой точки зрения станешь смотреть на предмет; с одной стороны, брат может показаться человеком ветреным, нерассудительным... не спору; с другой — человеком с сильною душою и энергическим характером. <...> Вы сердитесь на него, любезный брат, за невежливое письмо его, но, поверьте, он и сам теперь в этом раскаивается. <...> Жаль, что Вы не знаете его лично — Вы переменяли бы свое мнение»⁹.

Это письмо сыграло свою роль, и когда вопрос был благополучно решен, Достоевский начал сожалеть о своих былых «шедеврах летристики». Брату Михаилу в ноябре 1844 он написал: «Нужно заметить тебе, любезный брат, что последнее письмо мое в Москву было немножко слишком желчно, даже грубо. Но я был ввергнут во всевозможные бедствия, я страдал в полном смысле слова, я был без малейшей надежды — немудрено, что физические и нравственные мучения заставили меня писать желчную, резкую правду... Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагоприятным извергом, а зять с сестрою — чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мот, забулдыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример — и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела. Но Бог видит, что у меня такая овечья доброта, что я, кажется, ни сбоку, ни спереди не похож на изверга и на чудовище неблагоприятности. <...> А что я ни делаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоприятный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь. А если не ошибаюсь?.. Итак, бог с ними! Пусть говорят что хотят, пусть подождут. Я пойду по трудной дороге!» (28₁, 104).

Следует иметь в виду, что согласно мнению младшего брата Достоевского Андрея Михайловича, Карепин был «евангельски добрым человеком»: «Служил Петр Андреевич во многих местах и везде получал солидное содержание <...> Во-первых, он служил правителем канцелярии московского военного генерал-губернатора; во-вторых, аудитором при каком-то военном учреждении <...>, в-третьих, он был секретарем в дамском комитете, то есть при дамском попечительном о тюрьмах комитете, где между тогдашними патронессами города играл видную роль, прельщая всех своим чисто парижским французским языком; в-четвертых, он был секретарем в попечительном комитете о просящих

---

⁹ Лит. наследство. Т. 86. С. 369.

милостыню. И в-пятых, главнейшая и самая доходнейшая его служба была частная, а именно, он был главноуправляющим над всеми имениями, кажется, князей Голицыных, и одна канцелярия его, как главноуправляющего, помещалась в его квартире, занимая несколько комнат <...> он был добрейший из добрейших людей <...> он вышел из народа, достигнув всего своим умом»¹⁰. Однако навязывая своему подопечному, живущему мечтой о литературе, неприемлемую для него модель счастливой судьбы (принятой, например, тем же Андреем Михайловичем, дослужившимся до статского советника), он стал врагом Достоевского как философа и писателя, герои произведений которого отказывались от накатанных путей к счастливым социальным нишам, от удачной карьеры и жизненного благополучия. Наставления Карепина, при всей их житейской мудрости, были для будущего писателя прямым воплощением той модели бедности/богатства, которая предполагала неизбежный вывод о преимуществе богатства материального над богатством духовным. Этот факт биографии и важное обстоятельство вхождения Достоевского в литературу, в русле известного феномена криптографической работы к написанию дебютного произведения, романа «Бедные люди».

Итак, в конечном итоге, оправдывая мнение А. М. Достоевского о нем как о «евангельски добром человеке», П. А. Карепин, отказавшись от своих попыток склонить Достоевского к инженерной службе, простив ему все обидные слова, все же выслал 500 рублей серебром. Переживая за брата, М. М. Достоевский написал опекуну благодарственное послание: «Представить себе не можете, любезный брат Петр Андреевич, как я обрадовался, узнав из письма Вашего, что Вы, наконец, порешили с братом Федором. Этой суммой он удовлетворит, по крайней мере, минутным нуждам и проживет целый год — а это много значит в его положении. <...> Из письма Вашего <...> я понял, что деньги на выдачу брату Вы употребили свои собственные. Примите за это мою наиглубочайшую благодарность»¹¹. Инцидент был исчерпан, каждый его участник выполнил свою миссию: П. А. Карепин внял христианскому чувству и доверился «пузырной шекспировской мечте» своего воспитанника, а Ф. М. Достоевский проявил твердость в отстаивании своего права посвятить жизнь литературе.

* * *

Публикуемое ниже письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г. впервые было издано А. С. Долининым: *Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина* (М.; Л.: ГИЗ,

---

¹⁰ *Достоевский А. М. Воспоминания.* СПб., 1992. С. 107, 113–114, 120–121.

¹¹ *Лит. наследство.* Т. 86. С. 369.

Academia, Гослитиздат, 1959. Т. 4. С. 449–450). Этот же текст воспроизведен в Полном собрании сочинений Достоевского (Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 421–422). Оригинал хранится в ИРЛИ: Ф. 56. Оп. 5. № 399.

Текст письма воспроизводится в соответствии с современной грамматической нормой. В числе исправленных ошибок предыдущих публикаций документа — неверные прочтения, пропуски слов, иные неточности в передаче текста (точка вместо восклицательного знака, запятая вместо точки и др.). Среди наиболее существенных поправок публикации А. С. Долинина можно выделить следующие примеры (принятый нами вариант / ошибочное прочтение): желчи / грубости, определено / передано, существовать будет / будет существовать, пренебрегали / пренебрегли, воспользуемся / воспользуемся, попечением / положением, поэтических / портических, неге / неги, пользы общественной и своей / пользы общественной, поверьте / поверите, Лукулловой / Луколловой.

Отсутствующие и необходимые согласно грамматической норме знаки препинания поставлены в угловых скобках; также в угловых скобках воспроизводятся буквы, восполняющие недописанное слово. Слова, подчеркнутые автором письма, передаются подчеркиванием, включая и воспроизведенные петитом буквы (например, «1-я»). Частица «не» с глаголами, деепричастиями и наречиями по умолчанию пишется отдельно («не упоминая», «не было», «не хотелось» и др.). Сохраняется написание устаревших слов, не нарушающих орфографическую норму («чрез» и др.). Точка в середине фразы в сокращенном слове (например, «ассигнац.») сохраняется, также сохраняются графемы, например косая черта «слэш» (например, «4/т<ысяч>»). В случае грубого нарушения норм орфографии ставится знак <sic!>. Сохраняется особенность авторского стиля Карепина, имеющая смысловое значение: укоряя Достоевского за увлеченность «шекспировскими пузырями», в обращении к нему он употребляет строчную букву («вы»), а апеллируя к его чести и служебному долгу как офицера — прописную («Вы»). На более широкое использование прописных букв Карепин переходит в моменты наивысшего накала своей педагогической проповеди («Любезный Брат!», «Царское жалованье» и др.), такого рода прописные буквы, маркирующие систему ценностей Карепина и колеблющийся уровень его уважения к Ф. М. Достоевскому, сохранены в публикации.

* * *

Москва<> 1844 года Сентября 5-го<>

Любезный брат Федор Михайлович!

Посылаю Вам 50 руб<лей> сереб.<ром>¹ — и вместо заносчивости и желчи, коими наполняются ваши письма, прилагаю два исчисления<:> 1-е на серебро за прошедший год<,> 2-е на ассигнац.<ии> текущего года — по теперешнее число; а в заключении вывод<:> сколько

кто из Вас <sic!> получил доходов. Здесь сами увидите, что Вам определено больше других<,> Андрею очень мало, и Николе вовсе ничего². Уважительной причиной могла быть экипировка при выходе из училища, первое обзаведение на первый год³; и дальше нет уже никакого права одному брату пользоваться больше другого<,> не упоминая еще о сестрах.

Достояние родительское⁴ приносит<,> как видно по опыту 3-х лет<,> до 4/т<тысяч> р<ублей> ас.<сигнациями> с чем-нибудь или без чего-нибудь — зависит от урожая и цен на продукт. Из этого нужно уделить на взнос Опек.<унскому> Сов.<ету,> на уплату частного долга Г. Маркусу⁵, которому следует 1/ т<тысяча> р<ублей> капит.<ала,> стало быть<,> каждому из братьев очистится до 700–800⁶, в хороший год до 1000 руб<лей> ас<сигнациями,> вот ваш основной капитал!

Продать следующую Вам часть наследства<,> кроме того прискорбля<,> что сын слишком мало дорожит трудом и заботами родителей и что стоило им ценой жизни<,> сбывать на другой год выхода из школы и сбывать Бог знает для чего? не было возможным<,> потому что Вам едва минуло совершеннолетие. Невозможно и теперь<,> потому что имение состоит в залоге Опек.<унского> Сов.<ета,>⁷ не оплачен еще и частный долг, и что другие сонаследники малолетние. Хотя бы наконец длинным процессом представлений чрез Дворянскую опеку, Гражданскую палату и Сенат⁸ возможно было получить в пользу других участников в наследстве разрешение на выдел Вам части деньгами, то затруднение останется одинаковым: т. е. неостанет Вам выдать деньги вдруг<,> а частями < — > Вы и теперь их получаете в том излишке<,> какой перебираете противу других братьев и который им возвратить обязаны при расчете. Эта причина существовать будет не только нравственным<,> но и официальным препятствием передать в чужие руки.

Не хотелось мне высказывать Вам этой истины<,> потому что вы сами ее довольно понимаете и даже потому<,> что легче предполагать неосновательность в молодости<,> нежели холодный эгоизм и равнодушие к памяти родительской и семейству.

Вы едва почувствовали на плечах эполеты<,> довольно часто в письмах своих упоминали два слова<:> наследство и свои долги; я молчал<,> относя это к фантазии юношеской, твердо зная<,> что опыт, лета<,> поверка отношений общественных и частных лучше Вам истолкуют; но теперь хочу упомянуть<,> что первое слишком миниатюрно: сердиться и сетовать на это нельзя<,> ибо не от нас зависит<,> и много есть на свете людей — и того не имеющих. И по размеру расходов ваших едва ли станет на год⁹; а дальше что? Последние<,> кроме границ юридических<,> имеют еще и нравственные — несколько не сомневаюсь, что вы их пренебрегали <sic!> и не были бы согласны со мной в том, что превзойти размер возможности уплаты есть посягательство на чужую собственность. Не вина наша, что мы родились не миллионерами; но наша вина будет в том<,> если не воспользуемся

средствами<,> от Бога и попечением благотельного начальства предоставленными. Не Вы первый, и много<,> очень много людей, начинающих свое поприще по известным чистым, светлым всегда отрадным правилам труда<,> прилежания и терпения. Со способностями ума<,> коими одарил Вас Господь, с хорошим образованием, которое получили в заведении отличном, — Вам ли оставаться при софизмах поэтических, в отвлеченной лени и неге Шекспировских мечтаний? на что они, что в них вещественного<,> кроме распаленного<,> раздутого<,> распухлого — преувеличенного<,> но пузырярного образа? Тогда как в вещественности Вам указан и открыт путь чести, труда уважительного, пользы общественной и своей<,> не в рабских подражаниях чужому видению<,> но в произведениях собственного ума и знания<,> коими украсили его работою стольких лет.

Если Вам доступен еще совет родства и дружбы<,> то послушайтесь<,> Любезный Брат! Оставьте излишнюю мечтательность и обратитесь к реальному добру, которого<,> Бог весть почему<,> избегаете<,> примитесь за службу с тем убеждением, которому<,> поверьте по опыту, что сколь бы ни велики были наши способности<,> все нужно еще при них некоторое покорство общественному мнению<,> особенно мнению старших; они больше и дольше нашего прожили<,> больше нашего видели и испытали! Не только нет Вам благословения сердечного (если Вы когда-нибудь поставите оное в цену) выходить из службы<,> но даже убеждаю Вас самих искать командировки — чем дальше<,> тем лучше. Вы там поверите жизнь человеческую с различных ее фазов<,> тогда как теперь — знакомы только односторонне со школьной лавки — да книжных мечтаний? Офицеру в военном мундире нельзя останавливаться приготовлениями мягких пуховиков и Лукулловой кухни. Почтовая кибитка<,> бурка и кусок битой говядины<,> приготовленной денщиком<,> всегда найдется за прогоны и Царское жалованье. Зато сколько приятных ощущений при удачном исполнении своего долга; сколько отрады во внимании Начальников, в любви и уважении товарищей<,> а далее награда<,> заслуженная трудом своим<,> путем прямым, благородным: Вот Брат! настоящая поэзия жизни и сердечное желание Вам преданного

П. Карепина.

¹ Сумма 50 руб. серебром — не случайная и явно знакомая: она примерно соответствует жалованью, которое Достоевский получал в чине инженер-подпоручика во время службы в Петербургской инженерной команде вторую половину 1843 г.

² Братья Ф. М. Достоевского: Андрей Михайлович (15.03.1825, Москва — 07.03.1897, Петербург; статский советник, губернский инженер-архитектор в Ярославле), Николай Михайлович (13(25).12.1831, Москва — 18.02(02.03).1883, Петербург; выпускник Инженерно-строительного училища Главного управления путей сообщения и публичных зданий, служил в Ревеле в должности помощника архитектора в Эстляндской строительной и дорожной комиссии).

³ Однокашник Достоевского по училищу свидетельствует: «По окончании Инженерного училища <...> Достоевский получал жалованье и от опекуна, всего пять тысяч

рублей ассигнациями» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 300). Достоевский получил крупную сумму денег от Карепина после успешного прохождения выпускных экзаменов, о чем сообщил А. Е. Ризенкампу 30 июня 1843 г., с которым отметил это событие в ресторане Лерха (*Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 83).

⁴ Имение Даровое в Тульской губернии (260 десятин пахотной земли, покосов и леса, а также деревья из 20 дворов, часть которых принадлежала Достоевским) было куплено в 1831 г. отцом писателя Михаилом Андреевичем. В 1833 г. к нему была прибавлена усадьба Черемошня, в результате чего имение расширилось до 500 десятин земли и 100 душ крепостных крестьян.

⁵ Маркус Федор Антонович (1790-е-?) — ветеран Отечественной войны 1812 г., эконо́м Мариинской больницы, где в качестве штаб-лекаря служил отец писателя, друг семьи Достоевских; участвовал в организации похорон матери писателя Марии Федоровны в 1837 г.

⁶ Справа на полях вопросительный знак.

⁷ Опеку́нство над малолетними сиротами назначалось с ведома и по разрешению Опеку́нского совета, органа императорского московского Воспитательного дома, находящегося в ведении императрицы Марии Федоровны. В соответствии с уставом Опеку́нского совета 1829 г., а также устава для сохранной, вдовьей и ссудной казны 1838 г. из государственных средств осуществлялось кредитование программ финансовой поддержки осиротевших семей и ряда специальных учреждений (Воспитательного дома, Сиротского института и др.).

⁸ Дворянская опека — судебный орган, в функции которого входили назначение опекунов над малолетними сиротами и контроль над осуществлением опеку́нства, рассмотрение финансовых отчетов. Образована на основании закона «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. при верхних земских судах. Опеку́нство в соответствии с законом осуществлялось под надзором уездного предводителя дворянства и заседателей, избираемых на 3 года. Гражданская палата являлась средней судебной инстанцией, учреждена в соответствии с Указом от 9 сентября 1801 г. (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 1800–1801. СПб., 1930. Т. 26. № 20004. С. 775–778); состояла из председателя, советника (оба назначались правительством) и четырех заседателей, по два от дворянства и от купечества. В ее ведение входило рассмотрение дел, поступавших в результате апелляции из судов первой инстанции — окружных судов. Третьим и конечным уровнем судебной иерархии был Сенат, его кассационные департаменты; переход дела из одной инстанции в другую определялся жалобой или просьбой о пересмотре дела заинтересованной стороны процесса.

⁹ Карепин здесь прав, эта черта Ф. М. Достоевского — небрежное обращение с деньгами — пребывала с ним на протяжении всей жизни, начиная с юности. Д. В. Григорович, который в 1844 г. жил с Достоевским на одной квартире, вспоминает: «Матушка посылала мне ежемесячно пятьдесят рублей; Достоевский получал от родных из Москвы почти столько же. По тогдашнему времени, денег этих было бы за глаза для двух молодых людей; но деньги у нас не держались и расходились обыкновенно в первые две недели; остальные две недели часто приходилось продовольствоваться булками и ячменным кофеем, который тут же подле покупали мы в доме Фридерикса» (*Григорович Д. В.* Из «Литературных воспоминаний» // Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 206). С. Д. Яновский, лечивший Достоевского в 1840-е гг., выражал недоумение: «Когда же вспомнишь то, что плату за труд Федор Михайлович получал постоянно хорошую, что жизнь он вел, в особенности когда был холостым, чрезвычайно скромную и без претензий, то невольно задаешься вопросом: куда же он девал деньги?» (*Яновский С. Д.* Воспоминания о Достоевском // Там же. С. 235); А. Е. Врангель подтверждает: «...деньги у Достоевского как-то не держались» (Из «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири» // Там же. С. 359).

Библиографический список

- Врангель А. Е. Из «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992.
- Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, Academia, Гослитиздат, 1959. Т. 4.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Левин Ю. Шекспир — герой русской романтической драмы // Шекспировские чтения. 1976. М., 1977.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1.
- Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973.
- Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/20 ноября 1882 года / Публ. К. А. Баршта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016.
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1930.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- [Тик Л.] Праздник в Кенильворте // Атеней. 1828. Ч. 3. Июль. Кн. 1. С. 40–60; Кн. 2.
- Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.

Barsht K. A.

P. A. KAREPIN'S LETTER TO F. M. DOSTOEVSKY OF SEPTEMBER 5, 1844. AMENDED TEXT

Key words: P. A. Karepin's letter of September 5, 1844, F. M. Dostoevsky's literary debut, dismissal from service, new reading.

The corrected text of the letter by P. A. Karepin (September 5, 1844) which have the defining value in the F. M. Dostoevsky's dismissal from a government service for the purpose to be engaged in professional literary work is published here. In previous publications, in the Collected letters by Dostoevsky, edited by A. S. Dolinin (1959), reprinted at the Complete works of Dostoevsky (1985) were fixed about two dozen errors, including significantly changing the meaning of the text. The publication is provided with historical and literary commentary.

References

- Vrangel' A. E. Iz "Vospominaniy o F. M. Dostoyevskom v Sibiri". *F. M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov. In 2 v. Moscow, 1990. Vol. 1.*

- Dostoyevskiy A. M. *Vospominaniya*. St. Petersburg, 1992.
- Dostoyevskiy F. M. *Pis'ma: In 4 vols., red.: A. S. Dolinin*. Moscow; Leningrad, 1959. V. 4.
- Levin YU. *SHekspir — geroy russkoy romanticheskoy dramy. SHekspirovskiye chteniya*. 1976. Moscow, 1977.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: In 3 vols*. St. Petersburg, 1999. Vol. 1. *Literaturnoye nasledstvo. Vol. 86, F. M. Dostoyevskiy: Novyye materialy i issledovaniya*. Moscow, 1973.
- Pis'mo S. D. YAnovskogo k O. F. Milleru ot 8/20 noyabrya 1882 goda, Publ. K. A. Barshta. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god*. St. Petersburg, 2016.
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*. Vol. XXVI, 1800–1801. St. Petersburg, 1930.
- Semenov-Tyan-SHanskiy P. P. Iz "Memuarov". *F. M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov*. In 2 vols. Moscow, 1990. Vol. 1.
- [Tik L.]. Prazdnik v Kenil'vorte. *Ateney*. 1828. Part III. July, Vol. 1, 2.
- YAnovskiy S. D. Vospominaniya o Dostoyevskom. *F. M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols*. Moscow, 1990. Vol. 1.

С. В. БЕРЕЗКИНА *

**«ТЫ БЕСКОНЕЧНО ДОРОГ МНЕ...»
(ИЗ ПИСЕМ Я. Л. БАБУШКИНА И О. И. ИЛЬИНСКОЙ
К Г. М. ФРИДЛЕНДЕРУ, 1941–1946)**

Ключевые слова: Г. М. Фридендер, исправительно-трудовой лагерь Севжелдорлаг, эпистолярное наследство, Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Публикуются письма Г. М. Фридендеру, открывающие неизвестные страницы ранней биографии ученого, в частности его пребывание в исправительно-трудовом лагере Севжелдорлаг.

Архив академика Г. М. Фридендера (1915–1995), фонд 929, поступивший в Рукописный отдел ИРЛИ в 2014 г., в настоящее время находится в стадии научно-технической обработки. Особую часть его составляют письма военных лет, которые Г. М. Фридендер вывез из поселка Жэшарт Усть-Вымского района Коми АССР, где он, мобилизованный в так называемую «трудовую армию», работал в 1942–1945 гг. Здесь находилась отдельный лагерьный пункт (ОЛП) Севжелдорлага — исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу¹. Жешартская колонна занималась главным образом лесозаготовками (в частности, дров для паровозов и шпал)². О том, что Г. М. Фридендер, как немец согласно документам, прошел через «лесоповал», кратко упоминали отдельные мемуаристы³. В лагере он вел переписку с широким кругом своих друзей, рассыпавшихся по всей территории огромной страны — в действующей армии и в тылу, в блокадном Ленинграде и в эвакуации. Архив, однако, доносит до нас

---

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — s.berezkina@mail.ru.

¹ Об отряде трудмобилизованных немцев в Севжелдорлаге см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381.

² Морозов Н. А. Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми-Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10. Ч. 1. С. 67–69.

³ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 532; Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 437–438; Лотман Л. М. Г. М. Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Там же. С. 449–450.

не только их голоса – мы можем прочитать и письма из лагеря самого Георгия Михайловича, которые сохранила среди семейных бумаг его мать, Анжель Морисовна Фридендер (1886–1956), прожившая всю блокаду в Ленинграде. Переписка военных лет сына с матерью — это большой, около трехсот текстов, комплекс писем и телеграмм, представляющий значительную историко-биографическую ценность. В настоящей же статье мы хотели бы остановиться на нескольких письмах друзей Фридендера, полученных им в лагере (одно из них — почти сразу же после отъезда оттуда, с характеристикой его «послелагерного» настроения). Эти письма — свидетельство тесной дружбы того студенческого кружка, который объединился вокруг него в годы, проведенные в стенах Ленинградского университета (1932–1937). В основе этого студенческого братства была общность интересов широкого мировоззренческого и научно-культурного характера⁴.

Письма Я. Л. Бабушкина и О. И. Ильинской публикуются по автографам с незначительными сокращениями (в первую очередь того, что требует расширенных комментариев). В примечаниях приведены цитаты из писем, хранящихся в архиве Г. М. Фридендера, без конкретизации шифра хранения. Орфография и пунктуация приведены к современной норме.

1

Я. Л. Бабушкин — Г. М. Фридендеру

<15 декабря 1943 г. Ленинградская обл.>

Эх, милый мой друг!.. Конечно, я не прав, что не выполнил твоей просьбы, но и не я виновен в этом¹. Я не стану описывать свои шаги в этом направлении. М<ожет> б<ыть>, они были неумелы, или недостаточно их было много, но то, что я смог придумать сам и по совету, — я сделал. Немного у меня оставалось времени «сидеть на коне», а когда я с него слетел — все возможности улетучились. Теперь я могу только от всего сердца сказать тебе, что ты, именно ты бесконечно дорог мне и по своей роли в моей личной судьбе, и потому, почему ты дорог должен быть всем нам, служившим будущему советской культуры². Я бы желал, чтобы это многое прибавило тебе крепости в жизненных испытаниях, как придает мне упорства мысль о том, что трудности, выпавшие на долю моих друзей, не заставили их измениться или согнуться.

Уже полгода я оторван, по существу, от Ленинграда и топчу разные закоулки нашего фронта рядовым солдатом. В боях мне быть

---

⁴ Яркую характеристику этого дружеского кружка, наряду с воспоминаниями И. М. и Н. Я. Дьяконовых и Л. М. Лотман, см.: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: На крутых поворотах советской истории. Киев, 2001. С. 65–82.

не приходилось пока, силы у меня еще есть, и я спокойно смотрю в будущее. В недалеком времени я стану младшим командиром³. Верю, что все впереди будет лучше, чем то, что прошло.

Из-за плохой связи с городом я не знал ничего о тебе. Письмо, пришедшее недавно от Анж<ель> Мор<исовны>, сбilo меня с толку (оно укрепило слух, что ты можешь в скором времени оказаться там, куда звал и Миша)⁴. Адрес твой (п<очтовый> я<щик>, без указания места), который А<нжель> М<орисовна> дала мне летом, пропал в передрыгах. Поэтому я пишу т<оль>ко сейчас, получив его вновь. В моей судьбе нет ничего исключительного. Несмотря на наличие определенных принципиального характера причин, создавших и углубивших разногласия с руководством вплоть до снятия, я не переоцениваю их значение. Может быть, все бы могло сложиться иначе, не прояви я чрезмерной наивности и безразличия к своей личной судьбе. Верю, что у меня будет еще возможность это исправить, вернее, учесть. Что касается той людской мелкоты, которая в глупости, неразборчивости и зависти спутала меня по рукам и ногам и сбila с последней и настоящей работы, то в ее лице я вижу все ту же столь ненавистную мне и, к сожалению не единственную, деловую никчемность, необразованную беспринципность, неумение распознавать людей по их делам и неумение служить советской власти и народу там, куда они их поставили для руководства. И я укрепляюсь в своей ненависти к этим качествам. Ничего, ничего! Придет время, отрастут рога и у бодливой коровы...

Я горд сознанием того, что в обширной истории страшных лет нашего города не смогут быть обойдены и плоды малой, но моей личной работы, результаты усилий моего сердца, мозга, капли моего пота и здоровья. Оглядываясь на свою жизнь, я вижу не мало дурного и в качествах, и в делах. Но я не загубил и не оставил про себя ни одной реализуемой практически частицы хорошего, которое наживал в своем внутреннем росте. А м<ожет> б<ыть>, только я один и способен оценить, сколь индивидуально труден был путь этого роста. Дорогой Юрка! Еще очень трудно, м<ожет> б<ыть>, но пока нам не перебили ноги, будем думать о дороге вперед. Нам есть на что оглянуться. В стремлении к правде и в деловой принципиальности был у нас не только юношеский порыв и ребячливое презрение к жизненным благам. Там было и подлинное бесстрашие, которое может пригодиться сейчас.

Более полугода я не могу списаться с Лялей⁵. Недавно получил ее первое письмо. <...> Лялька трогательно и с любовью писала о тебе. Я думаю, отсутствие от нее писем — случайность: они придут, м<ожет> б<ыть>, уже пришли.

Будь здоров и крепок, дорогой мой. Успехи наши действительно велики. Мы отпраздновали последний военный Октябрь, придет, нес<омненно>, и новый, мирный. М<ожет> б<ыть>, мы его еще встретим не вместе, но будем думать иначе. Обнимаю и целую тебя. Яша.

¹ Текст письма частично опубликован: *Биневиц Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12. С. 228. Освещение деятельности Я. Л. Бабушкина в годы ленинградской блокады — большая заслуга Е. М. Биневица, неоднократно публиковавшего в различных газетах статьи о нем (о его интересе к этой теме см.: *Берг Р. Л., Биневиц Е. М., Тамарченко А. В.* Переписка из трех углов: Эпистолярный роман. СПб., 2009. С. 54, 97 и след.; полемические заметки об отражении образа Яши Бабушкина в «Блокадной книге» А. М. Адамовича и Д. А. Гранина см.: Там же. С. 91–93); его статья в журнале «Звезда» имела обобщающий характер.

Имя Якова Львовича Бабушкина (1913–1944) увековечено в посвящении ему книги О. Ф. Берггольц «Говорит Ленинград» (1946). В 1941–1943 гг. он был главным редактором литературно-художественного вещания Ленинградского радиокомитета, и его работа была отмечена рядом чрезвычайно важных для блокадного города начинаний (см.: *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 184–186, 206 и след.). «О Яше люди рассказывают легенды, — писал Фридендеру с Карельского фронта И. М. Дьяконов 9 мая 1942 г., — о его организационных способностях, деятельности». Воспоминания о нем сотрудников Дома радио единодушно представляют Яшу Бабушкина как личность удивительно светлую и самоотверженную. С Юрием Фридендером он сблизился в годы учебы сначала в ЛИФЛИ, а затем, после преобразования института, на филологическом факультете ЛГУ. Бабушкин снимал комнату в Тучковом переулке, рядом со Второй линией, где жили Фридендеры. А. М. Фридендер была знакома со всеми друзьями сына, участливо относясь к перипетиям их жизни. Во вторую блокадную зиму Бабушкин сумел устроить ее машинисткой в Радиокомитет, с проживанием там же в общежитии, где были освобождавшие от тяжелых блокадных забот свет и тепло, и обеспечением питания в столовой по «рабочей» карточке. Это было тем более необходимо, что зима 1941–1942 гг. нанесла большой урон здоровью А. М. Фридендер, пережившей смерть мужа и домработницы Марии Георгиевны, давнего друга по сути дела всей семьи. Она видела и последние дни работы Яши в Радиокомитете.

Бабушкин был уволен из Ленинградского радиокомитета 16 апреля 1943 г. Причины его увольнения неясны; в литературе о блокаде, с отсылкой к ряду свидетельств, утвердилось мнение, что он был уволен как еврей (см.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 194–208; *Биневиц Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине. С. 218–229). Конфликтная ситуация в Радиокомитете вокруг Бабушкина, по-видимому, имела эту подоплеку, хотя в откликах друзей и близких, писавших Фридендеру, она не обладала столь явным, вне общественно-культурного контекста того этапа войны, «огрублением». Тема государственного антисемитизма еще не была в ходу, о чем свидетельствуют воспоминания Г. Е. Тамарченко, который с удивлением выслушивал рассказы о нем, вернувшись после демобилизации в Киев в 1946 г. (см.: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства. С. 117, 125–126, 146). В письме к матери от 19 января 1944 г. Фридендер так охарактеризовал публикуемое нами письмо Яши: «Несмотря на неприятности, вызвавшие его уход с радио, настроение у него хорошее, и на прошедшее он смотрит как на неизбежную школу жизни». Между тем, в письме Бабушкин с сожалением писал о проявленных им «чрезмерной наивности и безразличии к своей личной судьбе». Что он имел в виду? Письма того времени писались с оглядкой на военную цензуру, читавшую их, и это зачастую делало их непонятными для адресатов (как и для нас, когда мы читаем военные письма). Возможно, здесь Бабушкин намекал на свое окружение. С той же оглядкой была сделана Яшей и приписка на письмо А. М. Фридендер (а она была его секретаршей) к сыну в начале весны 1943 г.: «Что касается меня, то я достаточно трезвый и взрослый человек, чтобы не питать иллюзий. В этом, как и в том, что меня ничто не остановит в стремлении установить истину, можно быть уверенным». Истину Бабушкин намеревался искать в Москве, что, возможно, предполагал какую-то служебную докладную (донос) на него (следует отметить, что человек, занимающий его пост, был послан в блокадный Ленинград из Москвы). В той же приписке

Бабушкин просил друга быть осторожным в его письмах к матери, адресованных в Дом радио (письма должны отправляться только на ее имя — и ни на кого другого в качестве посредника): «...она должна знать только то, что знает сейчас. И это для нее довольно трудно».

История с увольнением Яши очень волновала и его жену Лялю, О. И. Ильинскую (см. о ней ниже), которая в 1941–1944 гг. жила в эвакуации в Иркутске. Она писала о нем Фридендеру со ссылкой на сообщение Н. И. Виноградова (1898 — после 1951), мужа своей золовки А. С. Стрелиной, преподавателя Ленинградского планового института. В письме Ильинской от 22 июня 1943 г. говорилось: «От Яшки за это время получила только одну телеграмму: “Здоров. Работаю на новой работе”. Даже адреса нет, так что я и написать ему не могу. По невнятным письмам Коли Виноградова можно догадаться, что у Яши были какие-то неприятности в связи с его экспериментаторской деятельностью в радио, и он сам захотел уйти. Но Колька не мастер изъясняться, да и не знает он всего этого толком. <...> От Яши и от Коли я этого узнать не могу. Правда, я просила Кольку узнать у Якова о ее судьбе, но он видит Яшу очень редко». 23 августа 1944 г., уже из Москвы, Ильинская сообщила Фридендеру поразивший ее рассказ ленинградца о муже, к тому времени (в феврале 1944 г.) уже погибшем (ленинградец фигурирует в нем как Вилька — это известное в узком кругу прозвище В. Я. Александрова (1896–1995), биолога и цитолога, лауреата Сталинской премии, хорошего знакомого Ляли с 1930-х гг.): «С Вилькой мы порешили попробовать поднять дело о Яше и его уходе из комитета. Этот уход, как, может быть, тебе неизвестно, связан с травлей, а травля с такими вещами, о которых лучше не поминать. Вильку, как поклонника Шеломы Алейхема <sic> и Лиона Фейхтвангера, это дело интересует не только из дружеских отношений к Яшке, но и принципиально. Может быть, пока еще и можно что-нибудь сделать. От одной мысли, что негодяи, отравившие ему жизнь, отнявшие у него работу, которую он выполнял героически, может быть, даже замаравшие его репутацию, сидят и распоряжаются этим любимым Яшиным делом, приводит меня в состояние ярости и негодования. Да и не об одном Яше идет тут речь. Скоро Вилька поедет в Ленинград и там выяснит все обстоятельства этой грязной истории. Неужели люди, которым Яша отдавал свой хлеб в самые голодные дни, которых он любил так, как никто не любит братьев и сестер, откажутся принять участие в восстановлении его доброго имени? Впрочем, пока еще всё это довольно темно и неясно. Может быть, даже и те разговоры о причинах травли, которые до меня дошли, — сплетни мнительных людей».

Можно считать, что именно в письме Ильинской было найдено слово, которое объясняет обстоятельства увольнения Бабушкина из Радиокomiteта: это была травля, по-видимому, на основе каких-то служебных промахов (а все радиопередачи находились под бдительным идеологическим контролем обкома), причем сопровождалась она «партийной» борьбой, в которой была разыграна «национальная карта». Известно, что обвинения в антисемитизме были крайне опасны в служебном обиходе того времени. Их не прощали, поэтому даже сама борьба с травлей такого рода была обречена на неудачу, поскольку она «очерняла» национальную политику партии и правительства. Я. Л. Бабушкин вполне мог проявить здесь какую-то «наивность».

По-видимому, речь идет о просьбах, связанных с помощью А. М. Фридендер.

² Я. Л. Бабушкин пишет о том воздействии, которое оказал на своих друзей Г. М. Фридендер, участвовавший во второй половине 1930-х гг. в разработке марксистской эстетики, с нацеленностью ее на разгром вульгарной социологии. О том же самом как о важнейшем этапе в формировании своей мировоззренческой позиции пишет О. И. Ильинская в письмах к Г. М. Фридендеру (см. ниже). Г. Е. Тмарченко называл Г. М. Фридендера «главным теоретиком» всего студенческого кружка (*Тмарченко Г. Е. Судьба одного семейства*. С. 67).

³ Я. Л. Бабушкин обучался в военном училище под Кингисеппом и вышел оттуда в звании сержанта.

⁴ Имеются в виду хлопоты по вызволению Г. М. Фридлендера из «трудовой армии», которые предпринимал на протяжении 1942–1945 гг. Михаил Александрович Лифшиц (1905–1983), философ-марксист и теоретик искусства, с которым он был связан тесными дружескими и творческими узами с 1935 г. В 1943 г. Лифшиц служил в политуправлении Наркомата ВМФ.

⁵ Имеется в виду О. И. Ильинская (подробнее см. ниже).

2

О. И. Ильинская — Г. М. Фридлендеру

<12 декабря 1941 г. Иркутск>

Дорогой мой друг, «перерыв», о котором ты пишешь наступил. С 17/XI (молния от Яши) не имею известий из Ленинграда. <...> О Яше и все время я больше беспокоюсь. Ну, следует, нужно надеяться. И я надеюсь. Надеюсь даже и на то, что увижу еще милого, дорогого друга нашего Шуру¹.

<...> Может быть, письма из Ленинграда теперь опять возобновятся. Ты завидуешь моей занятости. Нет, я себе не завидую. 8 верст в день² + бессонная ночь и 6–8 часов говорения — для меня это многовато. Всё же лучше, конечно, чем без работы. Боюсь, что наедет из Москвы какой-нибудь профессор, и вылечу я на свежий воздух. Сами лекции доставляют мне огромное удовольствие. Может быть, это тоже «эгоцентризм» или еще какое-нибудь свинство? Во вторник делала в университете доклад студентам о Сурикове и Репине. Они отнеслись к докладу с энтузиазмом. После доклада остались со мной разговаривать еще часа на два, и мы от живописи переехали к разговорам «за жизнь». Они провожали меня и просили еще докладов. Историки, которые тоже пришли на доклад, на другой день просили у декана, чтобы я у них читала литературу. Все это приятно не только для самолюбия, нет, а главным образом потому, что радостно видеть этих жадных до учения ребят, очень хороших, молодых. И радостно, что я, декадентская мадамочка, могу дать им то, что выстрадала и над чем думала в печальные ночи после папиного исчезновения³. Дружба с вами, папина судьба, <...> первые дни войны. Вот мои душевные университеты. И кое-что, оказывается, накоплено за жизнь. Когда говорю с ними, чувствую себя полной, как закупоренная пивная бочка. Спасибо тебе, родной. Без тебя, без Яши и Шуры, я кормила бы этих ребяток сухой пищей, а они изголодались. Им ужасно хочется объединить свою науку с жизнью общей и своей, а этому их не учат. Я ужасно мало знаю, и если ты «неуч», то я — в квадрате, но, благодаря моим друзьям, я не утратила живого отношения к «науке». А это моим студентам и нужно. Чувствую, что ты воспринимаешь эти разговоры как свинство. «До этого ли теперь сколько-нибудь нормальным людям?» Ох, видно — я «ненормальная». Правда, когда с фронта грустные известия, я не

могу всем этим заниматься, а сейчас как-то снова воскресла жадность к жизни, и верю в лучшее.

Если бы и Шура... Юра, родной мой брат, неужели никогда не увидим мы его? Все время он со мной. Особенно последняя встреча в Москве, и то, как он приходил в Ленинграде, снимая калоши у двери, входил вразвалочку, садился у печки, и начинались чудесные разговоры, от которых в памяти ни слова не осталось, а чувство дружбы, уважения и огромной близости.

А теперь я ночью проснусь, и это же чувство охватывает меня. Столько еще недосказано и недопережито вместе. Какое-то письмо он написал мне в Москве и не послал его за «сентиментальность», как он сказал. Милый, какой он нескладный был в форме, сконфуженный, с добрыми, умными глазами. Но я хочу еще надеяться. Нет, когда кончится война, мы уж не будем разлучаться. Так и поселимся все вместе, хотя бы и в каком-нибудь далеком городе.

<...> Пиши, милый Лапутянин, каждое твое письмо, даже «холодное» — великая радость для меня.

Здесь есть славные люди, особенно старики-профессора. Вообще, все-таки люди, если они не фашисты, хорошая порода. <...>

¹ Ольга Игоревна Ильинская (1911–1986) была сокурсницей Г.М. Фридендера по филологическому факультету ЛГУ. По-видимому, в 1939 г., расставшись со своим первым мужем Г.С. Стрелиным (1905–1992), впоследствии известным радиобиологом, она вышла замуж за Я.Л. Бабушкина. В дружеском кругу молодых филологов Ляля, по воспоминаниям Л.М. Лотман, выделялась не просто красотой, а особым шармом (*Лотман Л.М.* Г.М. Фридендер в моей памяти... С. 449–450). Воспитанная «в окружении поместных дворян», получившая домашнее образование, поскольку «родители не хотели отдавать ее в советскую школу», она была «существом другого круга», в котором «господствовали полуаристократические-полубогемные привычки»; это была «русская женщина с французскими пристрастиями» (*Тамарченко Г.Е.* Судьба одного семейства. С. 59, 60).

Ильинская вполне разделяла марксистские увлечения своих друзей-студентов, и это помогло ей выработать твердый философский стержень для будущей лекционной работы. Свое призвание, которое она начала осознавать, работая в эвакуации в двух иркутских вузах, пединституте и университете, О.И. Ильинская обрела в преподавательской деятельности. Талантливый лектор, прежде всего по зарубежной литературе, она сникала всеобщую горячую любовь студентов ВГИКа, где служила с 1945 г. С ней, в годы пребывания в лагере, у Фридендера была наиболее интенсивная, из всех его друзей, переписка. В январе 1945 г. он сделал ей предложение, но получил отказ. Крайне отрицательно к предложению отнеслась его мать: «Как жена, — писала А.М. Фридендер 14 апреля 1945 г., — Ляля оказалась не на высоте, и в этом отношении я вполне права. Бедный Яша был заброшен ею, также и Ганя (Г.С. Стрелин. — С.Б.) ХОРОШО в свое время. В быту домашнем богема не годится, перед нами живые примеры, тошно смотреть». К этому надо прибавить письменные сожаления О.И. Ильинской об ошибочности «новых» представлений, касавшихся супружеской верности как мешанского пережитка, которые она исповедовала в довоенное время (это, конечно, было известно А.М. Фридендеру). В апреле 1946 г. Ильинская вышла замуж за Б.С. Емельянова (1909–1991), театрального критика и литературоведа, после чего содержательность и интенсивность их переписки пошли на спад. С 1950-х гг. половина ее писем посвящена вопросу выплаты

долгов, поскольку Фридендер постоянно был заимодавцем Ильинской, причем очень терпеливым.

Александр Гаврилович Выгодский (Шура) (1915–1941), также однокурсник Ильинской, в соавторстве с Г. М. Фридендером написал комментарий к сборнику К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве», вышедшему под редакцией М. А. Лифшица (с его же вступительной статьей) двумя изданиями в 1937 и 1938 гг.; многократно издавался за границей; впоследствии был переработан в двухтомник и издан в 1957–1958 гг. Выгодского и Фридендера привлек к работе над комментариями Лифшица, который был недоволен тем изданием сборника, который ему удалось выпустить в 1933 г. при участии А. В. Луначарского и Ф. П. Шиллера. К началу войны Шура Выгодский был сотрудником Ленинградского радиокомитета и имел бронь; ушел на фронт добровольцем в июле 1941 г., был политруком роты, в октябре пропал без вести. Его очень любили друзья: «Шура беспредельно светился какой-то особой деликатностью. Он был чрезвычайно умен, имел свои собственные убеждения по самым острым вопросам современной жизни, но воздерживался от слишком категорических суждений» (*Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства. С. 69).

² Ильинская жила с матерью в пригороде Иркутска.

³ Игорь Владимирович Ильинский (1880–1937), сотрудник, а затем (с 1929 г.) директор Яснополянского дома-музея Л. Н. Толстого, ученый секретарь (с 1932 г.) Государственного литературного музея, многократно (с 1905 г.) подвергался арестам, последний раз арестован 31 августа 1937 г. и приговорен к расстрелу.

3

О. И. Ильинская — Г. М. Фридендеру

<19 августа 1942 г. Иркутск>

Родной мой, получила это письмо на розовой бумажке такое не розовое¹. Эх, Юра, много нам с тобой попадало по голове и по иным частям тела. Такова русская судьба. <Пушкин> вздыхал: «Черт угадал меня родиться...»² И однако же он за любое счастье не согласился бы родиться даже и в раю. Будем и мы, как полагается русским, упрямы и «романтичны». Я знаю тебя и верю в тебя. Если я могу не «обижаться», то ты тем паче. Ты ведь умный, ты мой старшой. Это сибиряку обижаться позволительно, который от брюха живет. Ты думаешь, я не понимаю, как тебе горько, одиноко и страшно? Ты мой брат, и я с тобой все это переживаю, тем более что наши судьбы во многом совпадают. И за тебя мне беспокоино. Но все-таки ни писать, ни думать о том, что ты сомневаешься в значимости и истинности твоего, нашего юношеского «романтического» периода, — позволять себе нельзя. Конечно, во всем этом, особенно до окончания института, было немного Лапуты³, такая отдаленность от эмпирии, высота птичьего полета (и жизнь нас поправила, и Мих<аил> Ал<ександрович> тоже со своей «резиньницей»⁴, — впрочем, его поправка тоже была «с высоты птичьего полета»), но суть остается, и ты имеешь законное право гордиться и той твоей работой об искусстве⁵. Ну, на худой конец, надо вспомнить о том, что тебе было очень немного лет, когда ты в духовном смысле создал Яшку (а это, честное слово, не плохо) и помог вырасти Шуре.

Можешь помянуть и меня, хотя это и не столь большая заслуга — испечь такую меня. Все эти твои друзья, которые стольким тебе обязаны, — доказательство того, насколько реальны и жизненны были твои мысли. Отчего «были»? что изменилось? Ну, вот что я тебе скажу. Мне лично твоя закваска поможет перенести все самое тяжелое и трагическое, если только я останусь жива. Потому что как бы ни затягивалась «предыстория», какие бы поправки ни вносились, будущее человечество будет таким, как мы мечтали. О многом приходится думать сейчас, многое выглядит иначе, чем раньше, но мы не будем падать духом, мой Юра. Это ведь не Каньон⁶. И мы не одни. У нас обязательства перед Шурой и, вероятно, перед Яшей. <...> И перед Волей⁷. И перед тысячами, которые «на земле свое не долюбили»⁸. Твоя судьба, может быть, самая трудная, и что я могу тебе написать из своего Иркутска, где я пока более или менее сыта, где у меня мать, работа и книги? Я не знаю, что стало бы со мной в твоём положении. Я бы, наверное, плакала и жалела бы себя, но считала бы я, что надо выжить, вытерпеть и не падать духом. Считала бы я, что самое страшное — отчаяние и безразличие.

<Приписка С. Г. Ильинской:>⁹

Милый дорогой Юрочка, не знаю, как Вас ободрить. Посылаю Вам все тепло, скопившееся у меня на сердце. Нет такой раны, которая не зарубцевалась бы. Желаю Вам бодрости и здоровья. Главное, сохраните себя, чтобы увидеть наше торжество над проклятыми фашистами. Обнимаю вас и надеюсь, что мы еще проживем вместе в Удельной¹⁰.

Ваша душой С. Ильинская.

¹ Речь идет о письме Фридендера из лагеря, в котором он сообщал Ильинской о своем водворении в трудовой лагерь.

² Из письма Пушкина к жене от 18 мая 1836 г. (в автографе Ильинской описка: Гоголь). Далее Ильинская намекает на его письмо к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. — ср.: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 117–118, 172).

³ В письмах Ильинская называла Фридендера «Принц Лапутянский» (или просто «Принц») и «Лапутянин» — по имени летающего острова Лапута (из третьей части «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта), населенного учеными.

⁴ М. А. Лифшиц оказал огромное воздействие на весь студенческий кружок, в который входил Фридендер. Под «резиньницей» Ильинская подразумевает осмысление им проблем сталинского режима, проявившихся в 1930-х гг. Об отражениях в довоенных работах Лифшица проблематики сталинизма — с отсылкой к высказываниям Маркса о «вульгарной демократии» — см.: *Арсланов В. Г.* Проблема «термидора» 30-х годов и рождение «теории тождеств» // Михаил Александрович Лифшиц: [Сб. ст.]. М., 2010. С. 338–366. А. Д. Майданский, обобщая его высказывания по этому поводу, пишет: «В размышлениях над историей Страны Советов Лифшиц демонстрирует резиньницу почти евангельской глубины. <...> Девизом своего толкования истории революции Лифшиц избрал слова Пушкина “Понять необходимость и простить оной в душе своей” (видоизмененная цитата из записки Пушкина “О народном воспитании” (1826), где эти слова отнесены к родным декабристов. — С. Б.). <...> Он был готов понять и простить

своей матери-революции буквально все, включая кровь, ложь и ужасы сталинизма. Этот путь революции не был ошибкой, уверяет он. Альтернативы, по сути, не было» (*Майданский А. Д.* Консервативная революция: Лифшиц на уроках Гегеля // *Свободная мысль*. 2015. №3. С. 215). Лифшиц утверждал: «Есть глубокое основание, не ошибка какая-нибудь, не просто замысел злодейский чей-нибудь в этом, а тяжкий противоречивый ход истории, сознание отсутствия альтернативы <...> Дальнейший подъем страны мог совершаться только ужасным, иррациональным, варварским путем, в котором переплетались черты великого энтузиазма и темной энергии» (*Лифшиц М. А.* Очерки русской культуры: Из неизданного. М., 1995. С. 234). Ильинская, несомненно, была знакома с письмом Лифшица к Фридлендеру о Пушкине 1938 г. (опубл. 1989), в котором рассматривалась проблема «гуманной резины»: «Чем независимее от наших претензий становится действительность, чем более разум становится ее *естественным* элементом, тем свободнее мы сами внутренне — в философском и художественном смысле» (*Лифшиц М. А.* Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. М., 2009. С. 463).

⁵ См. прим. 1 к письму 2.

⁶ Возможно, Ильинская имеет в виду свои воспоминания о произведшем на нее огромное впечатление путешествии по Кавказу в начале 1930-х гг., когда она видела какой-то из каньонов. Впрочем, здесь может подразумеваться и безжизненность аризонского Большого Каньона.

⁷ Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (1914–1942), сокурсник Фридлендера и Ильинской, переводчик, внук Н. А. Римского-Корсакова. «Большим утешением для всех нас, — писал Тмарченко, — был Воля Римский-Корсаков. Этого высоченного роста ребенка всегда хотелось погладить» (*Тмарченко Г. Е.* История одной семьи. С. 69). В кругу Фридлендера живо обсуждались обстоятельства смерти от истощения в январе 1942 г. «друга Воли», по словам И. М. Дьяконова в письме от 1 апреля 1942 г., «чистого, благородного, милого и наивного человека» «виновата его мать, т<ак> к<ак> она пожалела продать какие-то вещи». Это мнение разделяла и А. М. Фридлендер, сообщившая в 1942 г. сыну, что Ю. Л. Вейсберг-Римская-Корсакова (1878–1942) не смогла пережить смерть Воли.

⁸ Цитата из поэмы В. В. Маяковского «Про это» (1923).

⁹ Софья Григорьевна Ильинская (ум. 1960), санитарный врач, мать Ляли.

¹⁰ Удельная — в то время дачный пригород Ленинграда.

4

О. И. Ильинская — Г. М. Фридлендеру

<17 марта 1946 г. Москва>

Дорогой мой! Я не пришла в восторг от твоего письма, больше того, я уже вторые сутки думаю о тебе с печалью и беспокойством. Мне совсем не нравится твоя «новая жизненная философия». Я понимаю, что такое *настроение* возможно, может быть, даже необходимо после всех перетрясок, которые тебе пришлось перенести. И я, и все мы, усталые, ужасно хотим мира и тучочку комфорта, чтобы отдохнуть сначала, а потом жить. Мир для того, чтобы жить, но не для «домашнего прозябания», как ты пишешь. (Кстати, мне понравилось это слово, которым ты обозвал свой будущий домашний уют. В нем есть горечь и ирония, а значит, и начало преодоления этого чиновничьего идеала, который ты так страстно и логично излагаешь в своем письме.) Я понимаю такое настроение, но я не понимаю и не хочу мириться с тем, что ты возводишь его в ранг жизненной философии.

Яшка сидел в ленинградской блокаде и высидел оттого, что он хотел жить. Он не умер и не слег, а двигался, работал и поддерживал других, оттого что он мечтал о будущей жизни: не о тихом уголке, где я буду готовить ему пищу, а он читать газету, когда вернется со службы. Он мне писал о том, что после войны «добьется журнала, и мы будем вместе работать, вместе писать, вместе думать». Конечно, сама идея журнала была наивной, и Яшка первый посмеялся бы над ней после войны. Но не в этом дело, а в том, что для него «жизнь» означала жизнь в широком мире, со всеми людьми, с трудной, мелочной, часто унижительной даже борьбой. За что?

Да разве их жизнь в блокаде не отвечает на это? Прочти стихи Ольги Берггольц. В них светится по-женски сентиментально отраженный огонь Яшкиной души. Остаться людьми и в других сохранить человечность, которую душил голод, страх смерти, мороз.

Все это звучит абстрактно, поневоле абстрактно в письме. Но ты поймешь со всем недосказанным. Анка¹, когда была в Москве, хорошо сказала: «Чтобы идея не умерла». Мы говорили об «Идиоте» Достоевского и о том, имело ли какой-нибудь смысл мученичество князя Мышкина. Ведь все, кого он «жалел», погибли. И Анка сказала: «Чтобы идея не умерла».

Кто дал тебе смелость думать о себе, о своем будущем, о своей деятельности только за себя и за мать? Разве Яшкина смерть и Шурина смерть не накладывают на тебя никаких обязательств? «Зажить не торопясь, не для истории и даже не для науки, а просто так — ради уюта, симпатичных вещей и самого процесса жизни». Я тоже, может быть, еще больше, чем ты, люблю «клеякие листочки» и глупых птиц, но я лишусь этой любви, если я не буду жить только ради чего-то «более высокого, чем прожиточный минимум». Я не знаю, наука это или история, я знаю, что это люди. Не два или три, не Юра, не ты, не мать, не «семья». Это люди, с которыми я встречалась в иркутских вузах, в кино-институте, в МОПИ², люди, имена которых я забуду, и лица забуду, но они — главное содержание моей жизни, и оттого, что я люблю их, я и люблю «клеякие листочки», леса, горы, море, зверей, весь прекрасный, милый, богатый мир, который изуродован в этих людях.

Если я не буду иметь возможность говорить с ними в аудитории, я буду писать рассказы; если нельзя будет писать рассказы, я буду писать статьи; а если мне совсем нельзя будет жить среди них и для них, если мне станет все равно, чем бы не закончиться, и у меня ничего не останется, кроме «дома», пусть самого уютного, без Марины³, с обеспеченностью, то этот «дом» станет для меня казнью и тюрьмой. Очень по-эренбурговски звучит: «Я ненавижу разговоры о литературе и люблю шашлык»⁴, очень по-западному современно, так изящно-нигилистично. Ты ли это? А я люблю и разговоры о литературе, и шашлык, а пуще всего умных, добрых и гордых людей, которые не продают свою душу за клопное благополучие в теплом углу. И я ненавижу есть свой шашлык в одиночестве.

Может быть, все то, что я пишу, звучит очень инфантильно, очень наивно, но если так, то я предпочитаю наивность изящному скепсису и счастливому умению спокойно наблюдать, как «лик божий» уродуется в человецех. Я знаю, я убеждена, что все эти немудрые аксиомы, под которыми охотно подписался бы любой иркутянин, владеющий своим, своим, своим домом, и изрек бы их как свои заповеди, если бы он не был «тварь бессловесная», а только мычащая, аксиомы, которые ты мне торжественно преподнес, не *твоя жизненная философия*, а только настроение. Но ведь ты-то не тварь мычащая. Ты-то сам должен понимать это и не поддаваться усталости и слабости настолько, чтобы на полном серьезе разыгрывать эту избитую пьеску.

Прости меня, дорогой мой Принц, за мой приподнятый тон и за зывания даже к мертвым. Я давно не видела тебя, и мне страшно. Я не могу позволить даже тебе чернить моего Лапутянина, моего единственного, оставшегося в живых, благородного друга, украсть его у меня и у наших погибших. Нет уж. Изволь жить ради науки, пиши диссертацию, пиши статьи и не рассчитывай на вечную жизнь в Ярославле⁵. А пуще всего, и это, пожалуй, единственная вполне реальная опасность, в которую я верю, не женись сломя голову на какой-нибудь, пусть очень милой, женщине только ради перспективы «дома» и «ребятишек». Не женись, доверяясь приятелям, картинам уюта, которые рисует тебе воображение. Женись только тогда, когда вполне ясно будет, что нет другой, которую ты мог бы любить, и что эту ты любишь и будешь любить и без дома, и без уюта, и без всего остального. Иначе ты устроишь себе пытку, и все твои «листочки» и прелести бытия полетят к дьяволу. <...> Целую тебя. Надо бы тебе приехать.

¹ Анна Владимировна Тмарченко (1915–2015), дочь художника В. В. Эмме (1875–1920), жена Григория Евсеевича Тмарченко (1913–2000); они были однокурсниками Фридендера и в послевоенные годы преподавали русскую литературу в Черновицком пединституте. Вскоре в Черновцах с ними расправились как с «космополитами» (хотя Анка была русской), после чего А. В. Тмарченко работала в Свердловском университете, а затем в Ленинградском институте театра, музыки и кино (ныне Российский государственный институт сценических искусств). Яркий рассказ о своей жене дал Г. Е. Тмарченко в упоминавшейся выше книге «История одного семейства».

² Московский областной педагогический институт (ныне Московский государственный областной университет), в аспирантуре которого Ильинская начала учиться до войны; работа над диссертацией, под руководством М. Д. Эйхенгольца, возобновилась в 1944 г., после ее возвращения из эвакуации. Тогда же началась и преподавательская деятельность Ильинской в пединституте, которому она скоро начала предпочитать ВГИК: «...благожелательство и доверие, — писала Ильинская Фридендеру 12 февраля 1948 г., — создают дружеские отношения между мной и студентами, особенно студентами ГИК'а (кино), которые свободней душевно, живут без скучных тормозов, не так, как печальные мои "педы"».

³ Марина Левицкая, родственница (со стороны отца) Ильинской, с которой они, вернувшись из эвакуации, поселились в Москве в двенадцатиметровой комнате (старую квартиру на Большой Пироговский улице им не вернули, поскольку ее занял «генерал»).

⁴ По-видимому, Ильинская намекает на роман И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1921) — ср.: «...надо напомнить о великом пренебрежении Учителя к роли искусства в современном обществе. Обедая с мистером Кулем, который под влиянием старого бургундского расчувствовался и заявил Хуренито, что больше всего на свете, даже больше долларов, любит красоту, Учитель чистосердечно ему признался: “А я предпочитаю эти свиные котлеты с горошком”» (*Эренбург И.Г. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1990. Т. 1. С. 276–277).

⁵ После демобилизации из «трудовой армии» (ноябрь 1945 г.), Фридлиндеру был запрещен въезд в Ленинград, и он был направлен на работу в Ярославский пединститут; вернулся в Ленинград в конце лета 1946 г. В сентябре Фридлиндер представил в Институт русской литературы к защите диссертацию о Гоголе, которая была большей частью написана им в Жешарте (с февраля 1944 г., когда он был переведен из лагерной казармы на спецпоселение и смог снять отдельную комнату).

Библиографический список

- Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18.
- Лотман Л. М.* Г. М. Фридлиндер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18.
- Морозов Н. А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми-Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10. Ч. 1. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381.
- Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: На крутых поворотах советской истории. Киев, 2001.
- Эренбург И. Г.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 1.

Berezkina S. V.

“YOU ARE INFINITELY DEAR TO ME...”
(FROM THE LETTERS OF YA. L. BABUSHKIN
AND O. I. IL'INSKAYA TO G. M. FRIDLINDER, 1941–1946)

Key words: G. M. Fridlender, correctional labour camp Sevzheldorlag, epistolary legacy, Manuscript department of Pushkin house.

The letters of G. M. Fridlender are published, opening unknown pages of the early biography of the scientist, in particular, his stay in the Sevzheldorlag correctional labor camp.

References

- D'yakonov I. M. *Kniga vospominanii*. St. Petersburg, 1995.
- D'yakonova N. Ya. *Moi vospominaniya. Dostoyevskii. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2007. T. 18.
- Erenburg I. G. *Sobranie sochinenij: V 8 t. M.*, 1990.
- Lotman L. M. G. M. Fridlender v moyey pamyati skvoz' dolgiye gody obshcheniya i sotrudnichestva. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, 2007. T. 18.
- Morozov N. A. Mobilizovannyye gruppy sovetskikh grazhdan na predpriyatiyakh Komi ASSR v 1942–1946 gg. *Pokayaniye: Komi-Respublikanskiy martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressii*. Syktyvkar, 2013. T. 10. Ch. 1.
- Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR. 1923–1960*. Moscow, 1998.
- Tamarchenko G. E. *Sud'ba odnogo semeystva: Na krutykh povorotakh sovetskoy istorii*. Kiyev, 2001.

Н. Н. БОГДАНОВ*

**К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ
«ХРОНИКИ РОДА ДОСТОЕВСКОГО»
(ПО НЕИЗВЕСТНЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. В. Волоцкой, А. В. Луначарский, родословие.

В статье освещаются неизвестные детали работы московского антрополога М. В. Волоцкого над его книгой «Хроника рода Достоевского». В научный оборот вводится отзыв на эту книгу А. В. Луначарского.

В каких сложных условиях создавался труд М. В. Волоцкого «Хроника рода Достоевского», хорошо известно. Столь же тернист был и путь уже подготовленной книги через советскую цензуру. В борьбе за свое детище Михаилу Васильевичу пришлось обращаться за помощью к А. В. Луначарскому. Текст его письма к влиятельному государственному и политическому деятелю — в то время уже лишенному наркомовского кресла, но занимавшему высокий пост председателя Ученого комитета при ЦИК СССР — обнаружен в Российском государственном архиве социально-политической истории в начале 2000-х гг. московским историком Е. В. Пчеловым:

«24 октября 1930 г.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Моя работа “Род Достоевских в характерологическом освещении” находится сейчас в Комакадемии, где имеется возможность ее издания. В ближайшее время должен решиться вопрос о ее судьбе. В этот момент Ваше слово могло бы значить так много, что я обращаюсь к Вам с просьбой еще раз оказать свою помощь в таком трудном и длительном рождении моей работы на свет. Если бы удалось двинуть дело быстрым темпом, то есть еще надежда, что книга выйдет в юбилейном 1931 году. Я надеюсь также, что она выйдет с обещанным Вами предисловием.

Уважающий Вас, М. Волоцкой. Москва, Софийская наб., 10, кв. 8¹».

---

* Николай Николаевич Богданов, психиатр, психолог и культуролог — bognick@mail.ru; bonn62@yandex.ru.

¹ Пчелов Е. Генеалогия и евгеника в России в 1920-е гг. Некоторые архивные материалы // Генеалогический вестник. СПб., 2005. Вып. 22. С. 25.

Илл. 3. Михаил Васильевич Волоцкой в период работы над «Хроникой рода Достоевского». Москва. Ноябрь–декабрь 1928 г. Архив Н. Н. Богданова

Реакция Луначарского на это обращение до последнего времени оставалась неизвестной. Невольно возникало сомнение — а был ли вообще какой-нибудь ответ? И вот, среди протоколов заседаний директора Института литературы и языка, искомый отзыв наконец обнаружился. Судя по всему, он был продиктован секретарю 1 ноября 1930 г.:

«В Комакадемию

Работа г. Волоцкого “Род Достоевских” сделана с огромным трудолюбием и, несомненно, представит собою один из опорных материалов не только для дальнейшей разработки проблемы личности и творчества Достоевского, но и приобретающего большую важность вопроса о законах сочетания биологических и социальных явлений в культуре. Работа, однако, чрезвычайно велика, и вряд ли кому-нибудь под силу в настоящее время опубликовать ее целиком. Я бы предложил, поэтому, выделить часть, касающуюся Достоевского и его семьи в ближайшем смысле. Работу необходимо снабдить предисловием кого-нибудь из марксистов-литературоведов или социологов»².

Более чем обтекаемый отзыв Луначарского рассматривался на заседании специальной комиссии в составе П. М. Керженцева³, М. Н. Бочачера⁴,

² АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 62. Л. 85.

³ Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881–1940) — государственный деятель.

⁴ Бочачер Марк Наумович (1896–1939) — литературный критик.

3/1 24²

Глубокоуважаемый
Андрей Андреевич

Бывшая осенью 1923г. у Вас Кера Страновка Негаева, сообщившая мне, что Вы
думаете так любезно, что увидите меня
и не откажетесь с собранным
мною материалом относительно
рода Достоевских, с целью их про-
верки. Я сознаю, что в моем ма-
териале имеется ряд неточностей
и исправлю, и дам бы Вам очень большо-
дарок, если бы Вы не откажетесь мне
в своей помощи в исправлении мо-
ей работы. В особенности непо-
лок мой материал относительно
но "выражаю" поколения по отно-

Илл. 4. Первая и последняя страницы письма М.В. Волоцкого племяннику писателя Ан. Ан. Достоевскому 3 января 1924 г. Москва. Собрание Института русской литературы. Публикуется впервые

не помню, что бы некоторый
из ваших данных был когда либо
опубликован, но помню, что
сделанные соответствующим ука-
занием которые я обещаю Вам выпол-
нить.

Насколько мне известно в август-
е или сентябре 1923, в Эмигр. газете "Гуль"
была помещена генеалогическая иссле-
дование Достаевских, но к сожалению
я не имел этой газеты в руках и не мог
сравнить Фед материанов с моими.

К сожалению могу послать Вам
примечательные материалы лишь
временно. Будете добры уведомите
меня о покупке таблицы и рукопис-
и, а так же и о сроке на который
они Вам понадобятся.

Уважающий Вас
М. Колоцкий

Москва, Софийская набережная, дом №10
Кварт. 2. Мил. Вас. Колоцкого.

П. Н. Медведева⁵, Али-Назима⁶, А. М. Васютинского⁷ и М. Л. Левина⁸ 2 декабря 1930 г., под конец заседания (отмечено в протоколе) пришли И. Л. Маца⁹ и Ю. В. Соболев¹⁰. Последовавшее решение нетрудно предугадать: «Отказаться от издания книги тов. Волоцкого, т^ак к^ак она не соответствует издательскому плану института»¹¹.

Вряд ли Михаил Васильевич получил официальное уведомление об отказе. Во всяком случае, в его бумагах, находящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 117), какие-либо документы на этот счет отсутствуют. Скорее всего, о принятом решении его информировали устно, через секретариат Луначарского.

«Хроника рода Достоевского: 1506–1933» вышла в свет летом 1934 г. (на титульном листе — 1933 г.) в кооперативном издательстве «Север» с предисловием известного московского психиатра П. М. Зиновьева¹². Она стала последней книгой последнего частного издательства в СССР. Следов участия в ее появлении Луначарского — уже отошедшего в мир иной — совершенно не просматривается.

Библиографический список

Пчелов Е. Генеалогия и евгеника в России в 1920-е гг. Некоторые архивные материалы // Генеалогический вестник. СПб., 2005. Вып. 22.

Bogdanov N. N.

TO THE HISTORY OF THE BOOK *CHRONICS OF DOSTOEVSKY GENEALOGY*

Key words: F. M. Dostoevskij, M. V. Volockoj, A. V. Lunacharskij, genealogy.

The author tells about the unknown fact during work Russian anthropologist Michael Volozkoj about his book *Chronics of Dostoevsky genealogy*.

References

Pchelov S. W. Genealogija i evgenika w Rossii w 1920-e gg. *Genealogicheskij westnik*. St. Petersburg, 2005. T. 22.

⁵ Медведев Павел Николаевич (1891–1938) — теоретик и историк литературы.

⁶ Али Назим (Махмудзаде Алекбер Махмуд оглы, 1906–1941) — литературный критик.

⁷ Васютинский Алексей Макарович (1877–1947) — историк.

⁸ Левин (Левьен) Макс Людвигович (1885–1937) — деятель мирового коммунистического движения, биолог-марксист.

⁹ Маца Иван Людвигович (1893–1974) — историк искусства, художественный критик.

¹⁰ Соболев Юрий Васильевич (1887–1940) — драматург, литературный критик, историк театра.

¹¹ АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 62. Л. 83 (протокол № 7, пп. 3).

¹² Зиновьев Петр Михайлович (1883–1965) — психиатр и патограф.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза Ю. Ф. 105
Аввакум, протопоп 190, 200
Августин (Гуляницкий), еп. 288
Авдеев М. 311
Аверкиев Д. В. 210
Аврамец И. А. 199, 201
Адамович А. М. 361
Аксаков А. Н. 267
Аксаков И. С. 42, 308
Аксаков К. С. 39, 42, 304–307, 309, 320–322
Аксаков С. Т. 305
Аксаковы, братья 42, 315
Александр II, российский император 61, 62, 81, 171, 174, 190
Александров А. А. 90, 96, 97
Александров В. Я. 362
Александров М. А. 59
Алексеев М. П. 153
Али-Назим (Махмудзаде Алекбер Махмуд оглы) 376
Алкивиад 14
Алмазов Б. Н. 92
Алмазов К. Б. 92
Алоэ С. 113
Альтман М. С. 41, 44, 133
Альфред, король 60
Альфред, принц 61, 62, 81
Амвросий Оптинский 88, 90–92, 94
Амвросия (Оберучева) 92
Андреянова И. С. 152, 153, 168
Анненский И. Ф. 47, 89
Анка см. Тамарченко А. В.
Антоний (Вадковский), еп. 98
Антоний (Храповицкий), еп. 95, 99
Антонович М. А. 262, 268, 271
Аптекман О. В. 178
Аренин Эл. 153
Аристов Е. Ф. 313
Аристов Н. Я. 191, 305
Арнольд, г-жа 59
Арнольд Т. 56–62, 65, 68
Арсений, еп. 163, 165
Арсентьева Н. Н. 201
Арсланов В. Г. 366
Артизов А. Н. 219, 220
Архипов Ю. И. 240
Аскольдов С. 106
Ауэрбах Э. 239, 240
Афанасьев-Чужбинский А. 312, 317
Ахматова А. 225
Ахшарумов Д. Д. 123
Ашар А. 314
Ашимбаева Н. Т. 47, 132
Баадер Фр. фон 233, 236, 237
Бабушкин Я. Л. 358–366, 368
Багно В. Е. 112
Бадмаев П. А. 278
Базанов В. Г. 304
Базунов А. Ф. 304, 305
Байрон Дж. Г. 28
Балакин А. Ю. 312, 317
Баласогло А. П. 123
Баранов П. Т. 130, 133–135
Баранов Т. (И.) О. (Барангоф) 134
Барановы-Адлерберги, семья 135
Баренбаум И. Е. 181

- Баршт К. А. 42, 44, 71, 79, 190, 193, 196, 198, 200, 220, 234, 294, 343, 347
- Батюто А. И. 308
- Бахметев П. 304
- Бахтин М. М. 67, 266, 267, 271
- Бачинин В. А. 106
- Бежанидзе Г. В. 92
- Безобразов П. В. 97
- Бекетов А. Н. 169, 181
- Бекетова Е. Г. 181
- Белинский В. Г. 35, 108, 123, 210, 233–235, 238, 265, 299
- Белов С. В. 155, 156, 159, 274, 322
- Белоголовый Н. А. 134, 135
- Белозерская Н. А. 177, 178, 181
- Бельчиков Н. Ф. 153
- Беляев И. 308, 319
- Бем А. Л. 199, 212
- Беме Я. 233, 236, 237
- Бенуа А. Н. 254
- Берг Р. Л. 361
- Берггольц О. Ф. 361, 368
- Березкина С. В. 195, 199
- Бержерак С. де 265, 267
- Беркова К. Н. 269
- Берсенев В. В. 93
- Биневич Е. М. 361
- Бисмарк О. фон. 332, 335
- Битюгова И. А. 210, 212, 234
- Блок А. 194, 201
- Блэкмур Р. 139
- Блюмель Е. Н. 176
- Богданов В. 318
- Богданов Н. Н. 373
- Богданова Е. В. 178
- Богоявленская Н. П. (урожд. Саломон) 92
- Богоявленский, доктор 92
- Боград Г. Л. 189, 190, 192, 196, 200
- Бокова В. М. 92
- Бородин И. П. 171
- Бочаров 47
- Бочачер М. Н. 373
- Браун Дж., фаворит королевы Виктории 81
- Бровкович А. И. 191
- Брокгауз Ф. А. 124
- Брусовани М. И. 254
- Буданова Н. Ф. 27, 34, 64, 70, 110, 127, 189–191, 211, 240
- Булгаков М. А. 111, 115
- Булгаков М. П. 191
- Булгаков С. Н. 108, 112, 237
- Бунге Г. А. 169
- Бунзен Р. В. 177
- Бунин И. А. 219, 220
- Бунины, братья 42
- Бурдина И. 246
- Бурсов Б. 234
- Бутлеров А. М. 169, 181
- Бутурлин П. Д. 96
- Быков П. В. 312, 314–316, 322
- Бытко С. С. 193, 194, 196, 198, 202
- Бэкон Ф. (Веруламский) 265
- Вагнер 65
- Валицкий А. 183
- Валуев П. А. 190
- Валькова О. А. 170
- Васютинский А. М. 376
- Введенский А. И. 303
- Вейнберг П. И. 173
- Вейсберг-Римская-Корсакова Ю. Л. 367
- Веллинг В. 78
- Вернер Г. 318
- Весин П. Л., прот. 275, 276
- Ветловская В. Е. 200
- Визе Л. А. 65, 68
- Виктория, королева Великобритании 61, 62, 81
- Викторович В. А. 47, 58, 59, 191, 315, 320
- Вильберг А. К. 179
- Вилька см. Александров В. Я.
- Виноградов Н. И. 362
- Виттакер Р. 305
- Владиславлев М. И. 303–310, 313, 314, 316–323
- Владиславлева М. М. (урожд. Достоевская) 276
- Вогюе М. 139
- Водовозова Е. Н. 177

- Волгин И. Л. 274
 Волкова А. Ф. 167–171, 175–182, 184
 Волконская Е. Г. 94
 Володин А. И. 173
 Волоцкой М. В. 42, 50, 372–376
 Вольтер Ф. М. А. де 14, 262, 263, 265–271, 287
 Вольф М. О. 65
 Воля см. Римский-Корсаков В. А.
 Врангель А. Е. 47, 355
 Выгодский А. Г. 363–366
 Вяль Е. Н. 152
- Галаган Г. Я. 31, 331
 Гальперина Р. Г. 254
 Ганка В. 124
 Гаскелл Е. 64
 Гаспаров М. Л. 158
 Гассиева В. З. 48
 Ге Н. Н. 110, 253
 Геббельс П. Й. 147
 Гегель Г. В. Ф. 4, 106, 125, 237, 265, 367
 Гейне Г. 265–267
 Гербель Н. В. 311, 312
 Герцен А. И. 32–39, 123, 183, 208, 209
 Герчикова Н. А. 225
 Гершель Дж. 265
 Гете И. В. 41, 344
 Глек Ю. 65
 Гнедич П. П. 254
 Гобино Ж.-А. де 125
 Гоголь Н. В. 123, 199, 201, 233, 235, 236, 314, 366, 370
 Годунов Б., русский царь 60
 Голеновская Е. Н. (в замуж. Трушлевич) 274, 275, 277, 278
 Голеновская-Шевякова А. М. (урожд. Достоевская) 45, 274, 276, 339
 Голеновские, семья 274, 275
 Голеновский Н. И. 276
 Головин А. В. 92
 Головин П. А. 90, 92–94
 Головин В. М. 92
 Головина П. В. см. Саломон П. В.
 Головинны, семья 91
 Голубов К. Е. 200, 201
- Гольшев В. 140
 Гольбейн Г. Младший 245–253, 258, 259
 Гомер 14, 60, 70
 Гонсалес А. А. 4
 Гончаров И. А. 80, 208, 209, 211–216
 Гончарова, нигилистка 178
 Горький А. М. 158
 Градовский А. Д. 28, 37
 Гранвиль Ж.-Б. Ф. К. К. де 78
 Гранин Д. А. 361
 Грановский Т. Н. 297, 299, 300
 Грант А. 265
 Гренвил, лорд 81
 Гречук Н. 153
 Грибоедов А. С. 318
 Григорий Великий, папа римский 257
 Григорович Д. В. 355
 Григорьев Ап. 209, 210, 305, 310, 312–315, 322, 323
 Грильпарцер Ф. 267
 Гриммельсхаузен Х. Я. К. 267
 Гринфельд П. А. 221
 Гришин Д. В. 123
 Гришунин А. Л. 158, 289
 Гроссман Л. П. 44, 57, 246, 266, 308–310, 329, 331
 Грот Я. К. 287
 Грубер В. Л. 176–178
 Гудлет И. Е. 96
 Гунашвили Е. М. 220
 Гюго В. 41, 333
 Гюкс Т. см. Хьюз Т.
- Данилевский Н. Я. 120–128
 Данте А. 89, 90, 94, 96
 Дашков П. Я. 223
 Двойшникова Т. Ф. 194, 197
 Де-Пуле М. Ф. 49, 315
 Дельсаль А. П. 275
 Дельсаль Е. П. (урожд. Шебуева) 275
 Дементьева А. Д. (Ткачева) 130–133
 Державин Г. Р. 238, 316
 Дидро Д. 266
 Диккенс Ч. 79, 240
 Дилакторская О. Г. 189, 195–200, 212
 Дионесов С. М. 178

- Диоген Лаэртский 264
Добролюбов Н. А. 29, 175, 209–212, 216
Долгоруков П. В. 81
Долгорукова Е. М. (Долгорукая) 81
Долинин А. С. 26, 34, 43, 44, 124, 153, 183, 332, 333, 339, 351, 352
Дорофей, свящ. 91
Досс Н. 274
Достоевская А. Г. (урожд. Сниткина) 151–155, 157–160, 168, 182, 224, 249, 250, 276
Достоевская А. М. см. Голеновская-Шевякова А. М.
Достоевская В. М. 276, 339
Достоевская Е. М. 42, 50, 274
Достоевская Л. Ф. 49
Достоевская М. Д. (Исаева, урожд. Констант) 13, 250, 262, 269
Достоевская М. М. см. Владиславлева М. М.
Достоевская М. Ф. 339, 355
Достоевская Э. Ф. 276
Достоевские, братья 46, 47, 308
Достоевский А. А. 42, 274–276, 278, 374
Достоевский А. М. 42, 276, 339, 350, 351, 353, 354
Достоевский М. А. 198, 339, 355
Достоевский М. М. 41–53, 192, 193, 208, 303–305, 307–311, 313–321, 323, 339, 340, 342, 345, 349–351
Достоевский Н. М. 276, 339, 353, 354
Дружинин А. В. 65, 68
Дудкин В. В. 41
Дурылин С. Н. 77
Дьяконов И. М. 358, 359, 361, 367
Дьяконова Н. Я. 358, 359
Дюбарри М. Ж. 259
Евлампович И. И. 11, 16, 22, 199, 201, 256
Евнин Ф. И. 48
Егоров Б. Ф. 305, 313
Екатерина II Великая, российская императрица 194
Елизаветина Г. 316
Елисеев Г. З. 173
Емельянов Б. С. 364
Ермилова Г. Г. 240
Ермолаева Н. Л. 214
Есипов Г. В. 191, 202
Ефрон И. А. 124
Жид А. 104, 139
Житомирская С. В. 151, 152, 154–159
Жуковский В. А. 236, 238
Журавель О. Д. 192, 198, 199
Загуляев М. А. 316
Захаров В. Н. 80, 123, 155, 281, 284–286, 315, 321, 323
Здобнов Д. С. 278
Зедергольм К. К. (о. Климент) 91, 92, 95
Зелов Н. С. 152
Зеньковский В. В. 236, 237
Зильберштейн И. С. 154
Зиновьев П. М. 376
Змеев Л. Ф. 322
Зограб И. (Зохраб) 58, 61
Золотницкий, полковник 173
Золя Э. 175
Зыкова Г. В. 314
Иван IV Грозный, русский царь 164
Иванов Вяч. 112
Иванцов-Платонов А. М. 191
Игнатович В. 307, 309, 317
Ильин Н. П. 264
Ильина А. А. 173
Ильинская О. И. 358–360, 362–370
Ильинская С. Г. 365–367
Ильинский И. В. 363, 365, 369
Исаев П. А. 153
Итенберг Б. С. 173
Итокава К. 3
Ишутин 172
Йованович М. 115
Кайгородов Д. Н. 171
Калатузов В. И. 191
Кальдерон 267

- Кант И. 22, 23, 237
 Карамзин Н. М. 246, 254, 321
 Кареева С. А. 181
 Карепин П. А. 43, 44, 339–355
 Карепина В. М. (урожд. Достоевская)
 43, 339, 340, 347
 Карлейль Т. 73
 Карпачева Т. С. 189, 194, 197
 Карпаччо В. 253
 Карр В. 144
 Карцов Н. П. 156
 Касаткина Т. А. 77, 238, 249
 Катков М. Н. 58, 60, 61, 132, 133
 Кашеварова-Руднева В. А. 178
 Кашина С. А. 153
 Кашины, семья 153
 Кеведо 267
 Кельсиев В. И. 191
 Керженцев П. М. (Лебедев) 373
 Керов В. В. 197
 Керуак Дж. 138, 145
 Кестнер Ф. 309, 321
 Кийко Е. И. 34, 281, 316, 333
 Киреевские, братья 42
 Киреевский И. В. 236, 304, 306
 Кириллов В. Л. 172
 Кирпотин В. Я. 48, 191, 234, 305
 Киселев Г. В. 322
 Климент, свящ. см. Зедергольм К. К.
 Ключевский В. О. 124
 Ковалевский В. И. 176
 Ковач А. 335, 336
 Ковылин И. А. 198
 Коган П. С. 267, 270
 Кожанчиков Д. Е. 307, 309, 310, 316
 Козьмин Б. П. 173
 Коленко А. 172, 174
 Коллар Я. 120, 124, 126, 127
 Комарович В. Л. 42, 43, 329, 331, 332
 Конрад Б. фон 157
 Конт О. 194, 201
 Корба А. П. (Прибылева-Корба) 179, 184
 Коржевский А. 313
 Корнилова А. И. (Корнилова-Мороз)
 179, 180
 Корниловы, сестры 179, 180
 Корсини Е. И. 178, 183
 Корсини Н. И. 178, 183
 Корф М. 309, 310, 317
 Костомаров В. Д. 316
 Костомаров Н. И. 191
 Костычев П. А. 171
 Котельников В. А. 240
 Котельников В. Ф. 174
 Кохановская (Соханская Н. С.) 315
 Кочубей П. А. 168–171, 176, 180
 Кощиенко И. В. 220
 Кравецкий А. Г. 288
 Кравчук И. А. 220
 Краевский А. А. 52
 Крамской И. И. 109
 Крижанич Ю. 124
 Криз М. Р. С. 171
 Криницын А. Б. 241
 Кузьмин Б. П. 131
 Кузьмин Ю. А. 81
 Кулагин Л. И. 152
 Кулешов В. И. 234
 Кулябко-Корецкий Н. Г. 176
 Кунильский Д. А. 315
 Кусков П. А. 311–315, 317
 Куторга С. С. 264, 269
 Кучеров М. Г. 171, 176
 Кюхельбекер В. 113
 Лаврецкий А. 234
 Лавров П. Л. 173
 Лазари А. де 123, 124
 Лайт Д. 139
 Ланской Л. Р. 44, 49
 Ланской П. П. 172, 173, 175, 182
 Лаплас П.-С. 263
 Ларин А. А. 225
 Лассаль Ф. 175
 Лачинов П. А. 171, 174, 175, 177–179
 Лачинова, жена 178
 Лев XIII, папа римский 94
 Левин М. Л. 376
 Левин Ю. 346
 Левицкая М. 368, 369
 Леднев П. И. 191
 Лейбниц Г. 73
 Ленин В. И. 152
 Леонтьев К. Н. 88–95, 108

- Леонтьев П. М. 58
 Леонтьева М. В. 92
 Леонтьева М. Н. 90
 Лермонтов М. Ю. 209
 Лермонтова Ю. В. 169, 177
 Лерхе Г. В. (Лерх) 355
 Лесков Н. С. 189, 270
 Лешерн Герцфельд С. А. фон 179
 Ливанов Ф. В. 191, 202
 Лиль Р. де 167
 Лифшиц М. А. 360, 363, 365–367
 Лихачев Д. С. 156, 158
 Лобач-Жученко М. 78
 Лозинский М. Л. 113
 Ломоносов М. В. 238
 Лопатин В. В. 280
 Лосев А. Ф. 237
 Лосев П. Г. 179
 Лосский Н. О. 240
 Лотман Л. М. 358, 359, 364
 Лотман Ю. М. 246
 Лукиан Самосатский 265
 Лукреция 14
 Лукьянов С. М. 89, 94
 Луначарский А. В. 365, 372, 373, 376
 Лурье С. Е. 122
 Лурье Ф. М. 131
 Львова И. В. 145
 Любимов Н. А. 70, 104, 114
 Ляля см. Ильинская О. И.
- Майданский А. Д. 366, 367
 Майков А. Н. 121, 122, 127, 132, 133, 153, 208, 270
 Майков В. Н. 234, 235
 Майковы, братья 42
 Мазовецкая Э. И. 173, 175, 182
 Макарий Оптинский 88, 91, 92
 Макашин С. 135
 Маккаллерс К. 138, 143–145
 Максимов С. В. 191
 Манн Ю. В. 234
 Марина см. Левицкая М.
 Мария Александровна, великая княжна 61, 62, 81
 Мария Георгиевна, домработница семьи Фридендер 361
- Мария Федоровна, императрица 355
 Марк ибн-аль-Канбар 99
 Маркевич Б. М. 57
 Маркович В. М. 233
 Марковников В. В. 169
 Маркс К. 125, 183, 365, 366
 Маркус Ф. А. 353, 355
 Мартьянов П. К. 196
 Марченко Е. И. 246
 Марченко Н. А. 246
 Масленников Л. С. 194
 Маслов Д. И. 316
 Маца И. Л. 376
 Маяковский В. В. 367
 Медведев П. Н. 376
 Медведский Н. 171
 Мелентьев Ф. И. 152
 Мельников-Печерский П. И. 189, 191, 194, 197, 202
 Менделеев Д. И. 169–171, 180
 Меншуткин Н. А. 169
 Мерсадыкова Т. Е. 221
 Местр Ж. де 98
 Мечников И. И. 177
 Мещерский В. П. 57, 58
 Микеланджело Буонаротти 94
 Миллер О. Ф. 45, 343
 Милль Дж.-С. 125
 Милюков А. П. 64, 312, 316
 Милюков П. 124
 Милютин Д. А. 174
 Милютин Ю. Н. 95
 Минц З. Г. 194, 201
 Михаил Николаевич, великий князь 174
 Михайлов А. В. 240
 Михайлов А. Д. 158
 Михайлов М. Л. 173
 Михайловский Н. К. 31–33
 Миша см. Лифшиц М. А.
 Монферран О. 73
 Мордовченко Н. В. 234
 Морозов Н. А. 358
 Мусабегов Ю. С. 169–171
- Нагорная Н. М. 266
 Назиров Р. Г. 3

- Найдич Л. Э. 314
 Наполеон Бонапарт 16, 213
 Натансон М. А. 172, 176
 Некрасов В. И. 165
 Некрасов Н. А. 32, 33, 192, 233, 234
 Немирович-Данченко Вас. И. 122
 Немшевич И. Д. 319
 Немшевич К. И. 318, 319, 323
 Ненастьяев 195
 Нечаев В. С. 130–132, 172, 300
 Нечаева В. С. 43, 46, 192, 193, 234, 304, 305, 307, 310, 313, 315–321, 323
 Нечаева И. В. 280
 Нечуятов П. Я. 169
 Никанор (А. И. Бровкович), еп. 192
 Никитенко А. В. 174, 175
 Никитин С. А. 127
 Никитин Т. Н. 134
 Николай I, российский император 290
 Николай Александрович, цесаревич 61, 81
 Николаев Н. Н. 131
 Никольская Е. В. см. Саломон Е. В.
 Никольский Б. В. 94
 Никольский Ю. Н. 26
 Никон, патриарх 192
 Нильский И. Ф. 191, 202
 Нодье Ш. 78

 Оболенский Л. Е. 183
 Огарев Н. П. 38
 Одинокое В. Г. 212
 Одоевский В. Ф. 3–14, 16–23
 Оксман Ю. Г. 57
 Омулевский И. В. 182
 Орнатская Т. И. 212
 Основский Н. А. 29, 37
 Островский А. Н. 51
 Оуэн Р. 64

 Павел Прусский, архим. 191, 200
 Павлова С. В. 90
 Палкин А. С. 190
 Пальма Я. младший 257
 Панаев И. И. 311
 Панов М. М. 276
 Пантелеев Л. Ф. 173, 182

 Панюкова Т. В. 275
 Парфений, схимигум. 70
 Патрушева Н. Г. 57, 59
 Паульсон И. И. 181
 Пашутин В. В. 181
 Пекарский П. 321
 Перовская С. Л. 179, 180
 Першкина А. Н. 304, 311, 313, 316, 319, 320
 Песоцкая С. А. 266
 Петерсон Е. А. 177
 Петр I Великий, российский император 30, 36, 127, 164, 287, 308, 321
 Петрашевский М. В. 64, 123
 Пешехонов А. И. 165
 Пимен, свящ. 95
 Пирогов Н. И. 309, 310, 320, 321
 Писарев Д. И. 175, 299
 Писцова А. З. 52
 Пифагор 264
 Платон 108
 Платон (Казанский), еп. 163
 Плетнева А. А. 288
 Плещеев А. Н. 316
 Победоносцев К. П. 61, 70
 Подольская И. И. 47
 Полевой П. 311, 312
 Полунов А. Ю. 70
 Помяловский Н. 322
 Порецкий А. У. 319, 320
 Потехин Н. А. 314
 Потоцкий П. П. 224
 Пошешманская Ц. М. 151–160
 Прибылева-Корба А. П. см. Корба А. П.
 Протопопов Д. 308, 319
 Прохоров Г. В. 153, 154
 Прудон П.-Ж. 32
 Прыжов И. Г. 130
 Птушкина И. Г. 158
 Пустыгина Н. Г. 81
 Пуцыкович В. Ф. 122
 Пушкин А. С. 11, 12, 26–28, 30–32, 36–39, 60, 70, 95, 96, 99, 105, 209, 235, 236, 238, 239, 266, 276, 299, 365–367
 Пушкина Н. Н. (урожд. Гончарова) 366
 Пчелов Е. В. 372

- Пшибыльский Р. 157
 Пыпин А. Н. 191
- Рак В. Д. 318
 Разин А. П. 316
 Рассудов С. В. (Разсудов) 176
 Редсток 98
 Резенер Ф. Ф. 65, 181
 Ренан Э. 97, 108, 283
 Репин И. Е. 363
 Ризенкамф А. Е. 43, 45, 355
 Римский-Корсаков В. А. 366, 367
 Римский-Корсаков Н. А. 367
 Родевич М. В. 322
 Розанов В. В. 4, 103, 108
 Рубашкин А. И. 361
 Руссо Ж.-Ж. 14, 266
- Сабуровы, семья 91
 Савва, митр. 290
 Саломон А. П. 88–99
 Саломон В. А. 94
 Саломон В. П. 92
 Саломон Е. В. (урожд. Никольская) 94
 Саломон Е. П. 92
 Саломон М. А. 94
 Саломон Н. П. см. Богоявленская Н. П.
 Саломон П. 92
 Саломон П. А. 94
 Саломон П. И. 90–92
 Саломон П. В. (урожд. Головнина) 92
 Саломон С. П. 92
 Саломоны, семья 90–94
 Салтыков-Щедрин М. Е. 130, 133–135, 181, 182
 Санд Ж. 235, 240, 267
 Сараскина Л. И. 266
 Сафронова Ю. 81
 Сведенборг Э. 267
 Свифт Дж. 366
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 354, 355
 Сенковский О. И. 265, 287
 Сергиевский А. Е. 172
 Серебренников С. И. 133
 Серно-Соловьевич Н. А. 173, 182
 Сеченов И. М. 181
 Сикорский Н. М. 155
- Смирнов М. Б. 358
 Соболев Л. И. 235
 Соболев Ю. В. 376
 Соколов Н. Н. 171
 Соколова В. Ф. 200
 Соловьев Вл. С. 88–91, 94–99, 108
 Соловьевы, братья 42
 Соломина Н. Н. 246, 283
 Сосновская О. А. 152, 168, 183
 Спенсер Г. 175
 Сперанский М. М. 309, 310, 317, 320
 Спиноза Б. 236
 Станкевич Н. В. 210
 Стасов В. В. 177, 181
 Стасова Н. В. 177, 180, 181
 Стасюлевич М. М. 99
 Степанян К. А. 239
 Стопакевич Е. 322
 Страннолюбский А. Н. 179
 Страхов Н. Н. 34, 35, 47, 49, 88, 90, 95, 120–122, 124, 125, 183, 254, 262–272, 305, 308, 311, 316, 319, 320
 Стрелин Г. С. 364
 Стрелина А. С. 362
 Стэнли А. П. 61, 81, 82
 Субботин Н. И. 191, 202
 Суворин А. С. 49
 Суриков В. И. 363
 Сулова А. П. 47, 153, 183
 Сулова Н. П. 178, 183
 Сухих О. С. 108
 Сэлинджер Дж. 138, 147
 Сэнфорд Дж. 139
 Стейн М. 190
- Талейран-Перигор Ш. М. де 318
 Тамарченко А. В. 361, 368, 369
 Тамарченко Г. Е. 359, 361, 362, 364, 365, 367, 369
 Тарасова Н. А. 77
 Тагищев А. А. 93
 Театрин 322
 Тик Л. 346
 Тимофеева В. В. 128
 Тихомиров Б. Н. 47, 60, 80, 89, 153, 240, 304, 305, 332, 334
 Тихомиров Л. А. 96–98

- Тихон Задонский 60, 91, 92, 164
 Тихонова А. В. 173
 Тициан В. 245, 253–258
 Ткачев П. Н. 131–133
 Тоёфуса Киносита 157
 Толстая М. Н. 92
 Толстая С. А. 88
 Толстой А. П. 91, 92
 Толстой Д. А. 59
 Толстой Л. Н. 41, 80, 92, 95, 189, 211, 320, 365
 Томашевский Б. В. 320
 Тотлебен Э. И. 73
 Траншель А. 57, 59, 78
 Троицкий Н. А. 179
 Трубникова М. В. 181
 Трушлевич А. И. 278
 Туниманов В. А. 192, 212, 266, 267, 304, 311–313, 315, 317
 Тургенев И. С. 26–34, 36–39, 209–211
 Турьян М. А. 4
 Тушинский Г. А. 165
 Тютчев Ф. И. 123
- Уладышева И. В. 220
 Уманов Н. А. 91
 Умнов И. 41, 44
 Успенский Б. А. 246
 Успенский Н. В. 318
 Ухтомский Э. Э. 89, 94
 Уэст Н. 138–143, 145–148
- Фаресов А. И. 169
 Федоров А. В. 47
 Фейхтвангер Л. 362
 Фетисенко О. Л. 90, 91, 315
 Филарет (Дроздов), еп. 290
 Филиппов И. Ф. 191
 Филиппов Т. И. 90, 91, 94, 191
 Фихте И. Г. 4, 22, 23, 237
 Фишер К. 320
 Фламмаринон К. 78
 Флоренский П. А. 237, 238
 Фокин П. Е. 41
 Фонвизина Н. Д. 148, 236
 Фонтенель Б. Б. де 266
 Форд Ф. 63
- Франк С. Л. 108, 236
 Фридерикс, домовладелец 355
 Фридлиндер А. М. 359–362, 364
 Фридлиндер Г. М. 3, 212, 269, 304, 308, 312, 358–370
 Фудель И. И. 90, 95
- Хачатурян Л. В. 225
 Хербст Дж. 139
 Холмс Дж. 138, 145–147
 Хомяков А. С. 124, 236, 304, 306, 313
 Хотинский М. С. 314
 Хьюз Т. 56–69, 71–82
- Цертелев Д. Н. 95
 Цой Л. Н. 189–192, 196, 198, 200, 201
- Чаадаев П. Я. 4, 366
 Чайковский Н. В. 172, 177
 Чельцова Л. К. 280
 Червинские, братья 176
 Червинский П. П. (Чирвинский) 175
 Червяков А. И. 89
 Черкесов А. А. 173
 Чернышевский Н. Г. 29, 107, 173, 175, 210, 267
 Чехов А. П. 93
 Чеховы, братья 42
 Чибиряев С. А. 158
 Чижевский Д. И. 264
 Чистосердов И. П. 322
 Чихалова Ю. М. 220
 Чичагов 322
 Чичагова А. С. 322
 Чулков Г. И. 332
- Шевырев С. П. 233–241
 Шекспир В. 14, 267, 311, 346, 347, 351
 Шелгунов Н. В. 173
 Шелгунова Л. П. 173
 Шеллинг Ф. В. Й. 4, 237
 Шиллер Ф. 14, 41
 Шиллер Ф. П. 365
 Шишкин А. 112
 Шмидт А. Э. 94
 Шелом Алейхем (Шолом-Алейхем (Рабинович С. Н.)) 362

- Шпильгаген Ф. 175
 Шрёдер Ю. Н. 92
 Штакеншнейдер Е. А. 181, 182
 Штур Л. 124
 Шувалов П. А. 170
 Шура см. Выгодский А. Г.
- Щапов А. П. 175, 191
 Щенников Г. К. 60
- Эйхенгольц М. Д. 369
 Элиот Дж. 182
 Эльзон М. Д. 312, 322
 Эмме В. В. 369
 Энгельгардт А. Н. (муж) 167–181, 183
 Энгельгардт А. Н. (жена) 168, 172, 173, 175, 178, 181, 182
 Энгельгардт М. А. 182
 Энгельгардты, семья 167, 173, 174
 Энгельс Ф. 365
 Эренбург И. Г. 370
 Эрман Б. 257
 Эрн В. Ф. 238
 Эткинд А. М. 195
- Юмашева Ю. Ю. 222, 224
 Юрьев М. М. 179
 Юрьевская Е. 81
- Ягих М. 194, 201
 Якубович И. Д. 69, 70, 80, 88
 Якушкин Е. И. 135
 Яновский С. Д. 343, 355
 Яша см. Бабушкин Я. Л.
- Achard A. см. Ашар А.
 Adinolfi I. 107
 Andreach J. R. 141
 Armytage W. H. G. 57
 Arnold Th. см. Арнольд Т.
 Badii R. 103, 108
 Bettiole P. 107
 Blackmur R. см. Блэкмур Р.
 Bogi P. C. 104
 Capaldo M. 112
 Caramore G. 103
 Carlyle Th. см. Карлейль Т.
 Carr V. см. Карр В.
 Colombo G. 103
 Conrad B. von см. Конрад Б. фон
 Cornish F. W. 62
 Creese M. R. S. см. Криз М. Р. С.
 Dällenbach L. 104
 Dutton R. 78
 Fabbri E. 103, 108
 Fellowes B. 61
 Ferall Ch. 63
 Furst L. 147
 Gerigk H. J. 147
 Gide A. 139
 Goisis G. 107
 Grainville J.-B. F. X. C. de см. Гранвиль Ж.-Б. Ф. К. К де
 Holbein см. Голбейн Г. младший
 Holmes J. C. см. Холмс Д.
 Hughes Th. 57, 60, 63
 Imbach J. 103
 Jackson A. 63
 Kerouac J. см. Керуак Д.
 Kollár J. 126, 127
 Landow G. P. 72
 Lanne J.-C. 111
 Lermontova I. см. Лермонтова Ю.
 Light J. 139
 Longford E. 81
 Lowe D. 115
 Mack E. C. 57
 McCullers C. см. Маккаллере К.
 Nicolson 81
 Norman E. R. 63
 Northrop F. 64
 Pareyson L. 103
 Placido B. 103
 Platter F. 318
 Platter Th. 318
 Przybylski R. см. Пшибыльский Р.
 Rammelmeyer A. 266
 Reid R. 139
 Saisset É. 64
 Salinger J. D. см. Сэлинджер Дж.
 Salmon L. 105
 Salvestroni S. 113
 Sanders A. 60
 Stanley A. P. см. Стэнли А. П.

Steila D. 104
Tufari P. 103
Victoria, queen см. Виктория, королева
Великобритании
Vida S. 318
Vogue E.-M. de см. Вогюе М.
Volcova A. см. Волкова А. Ф.
Voltair см. Вольтер
Walsh H. 77
Weidenfeld 81
Weinstein M. 111
Werner G. см. Вернер Г.
West N. см. Уэст Н.
Zagrebelsky G. 103
Ziber-Shomova N. 171
Zohrab I. см. Зограб И. (Зохраб)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

И. И. Евлампиев (<i>Санкт-Петербург</i>) Ф. М. Достоевский и мистическая философия В. Ф. Одоевского	3
Н. Ф. Буданова (<i>Санкт-Петербург</i>) Оправдание Рудина: у истоков Пушкинской речи Ф. М. Достоевского (К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева)	26
В. А. Викторovich (<i>Коломна</i>) «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина	41
И. Зограб (<i>Веллингтон, Новая Зеландия</i>) Роман Томаса Хьюза «Школьная жизнь Тома Брауна» в творчестве Ф. М. Достоевского 1870-х гг. (Перевод с итальянского О. Б. Лебедевой)	56
О. Л. Фетисенко (<i>Санкт-Петербург</i>) Александр Петрович Саломон (1853–1908) — возможный собеседник Ф. М. Достоевского	88
Р. Джулиани (<i>Рим, Италия</i>). «Великий инквизитор»: текст и контекст	103
А. В. Отливанчик (<i>Петрозаводск</i>) Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам	120
Т. Н. Никитин (<i>Тверь</i>) О прототипах персонажей романа «Бесы»	130
И. В. Львова (<i>Петрозаводск</i>) Натаниэл Уэст и интерпретация темы «Христа Достоевского» в американской литературе XX в.	138

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. С. Андрианова (<i>Петрозаводск</i>) «И что за несчастная судьба нашего “Дневника”!»: Из истории публикации дневника А. Г. Достоевской	151
Т. Н. Никитин (<i>Тверь</i>) Богородский монастырь в романе «Бесы»	162
И. А. Кравчук (<i>Санкт-Петербург</i>) О чем сможет рассказать «Стенограмма Волковой»?	167
С. С. Бытко (<i>Нижегород</i>) О «Хозяйке» и профессиональной терминологии (к теме «Достоевский и старообрядчество»)	189
Т. Б. Трофимова-Шифф (<i>Санкт-Петербург</i>) «...И заставили его писать записки...» (к теме «Ф. М. Достоевский и И. А. Гончаров»)	208

И. В. Кошкинко (<i>Санкт-Петербург</i>) Цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского: от методологии к практике (на примере Рукописного отдела Пушкинского Дома)	218
Н. В. Цветкова (<i>Псков</i>) Христианская эстетика С. П. Шевырева и Ф. М. Достоевский	233
И. И. Евлампиев (<i>Санкт-Петербург</i>), И. Ю. Матвеева (<i>Санкт-Петербург</i>) Образ мертвого Христа в романе «Идиот» и его живописные источники	245
А. В. Тоичкина (<i>Санкт-Петербург</i>) Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг.	262
Н. Н. Богданов (<i>Москва</i>), О. А. Максимов (<i>Санкт-Петербург</i>) Неизвестный факт биографии Ф. М. Достоевского: крестины в Матфеевской церкви Санкт-Петербурга летом 1860 г.	274

ТЕКСТОЛОГИЯ. ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

С. В. Березкина (<i>Санкт-Петербург</i>) Взаимосвязь собственного и нарицательного в теонимии: к проблеме прописных и строчных букв в академических изданиях русских классиков.	280
К. А. Баршт (<i>Санкт-Петербург</i>) Подготовительные материалы к роману Ф. М. Достоевского «Бесы»: уточнения и новые прочтения.	293
В. И. Симанков (<i>Провиденс, США</i>) М. И. Владиславлев как возможный автор статьи «Два лагеря теоретиков»	303
В. М. Дмитриев (<i>Санкт-Петербург</i>) К творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Подросток» (о том, почему был отброшен «эпизод с Аришей»).	328

ПУБЛИКАЦИИ

К. А. Баршт (<i>Санкт-Петербург</i>) Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст	339
С. В. Березкина (<i>Санкт-Петербург</i>) «Ты бесконечно дорог мне...» (из писем Я. Л. Бабушкина и О. И. Ильинской к Г. М. Фридендеру, 1941–1946)	358
Н. Н. Богданов (<i>Москва</i>) К истории создания «Хроники рода Достоевского» (по неизвестным архивным материалам)	372
Именной указатель	377

Научное издание

ДОСТОЕВСКИЙ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. 22

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Выпускающий редактор *Е. Ф. Качанова*
Редактор *В. В. Филичева*
Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 24,5
Тираж 500 экз. Заказ № 0000

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86